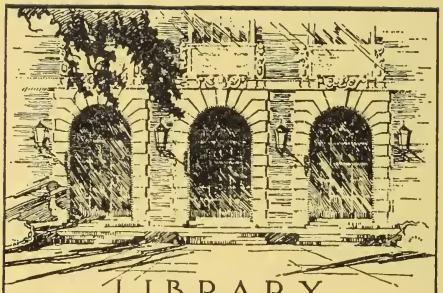

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
OT
Set 3
v. 98
no. 10

BOOKSTACKS

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/otechestvennyia1871unse_0

III 20. д

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1871

№ 10 ОКТЯБРЬ

THE LIBRARY OF THE
SEP 18 1969
UNIVERSITY OF ILLINOIS

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СТРАН.

I. — НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ. Записки клубиста, изданныя **Н. Некрасова** 265
II. — СВѢТСКІЕ ЛЮДИ. Повѣсть. Гл. I—VIII. **А. Чернолѣсова** 285
III. — МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ. Очерки быта кантонистовъ. Гл. XII.—XIV. (*Окончаніе*). **В. Никитина.** 407
IV. — ВЪ ЕВРОПѢ. Стих. **Алексѣя Жемчужникова.** 441
V. — ОЧЕРКИ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА. 1825—1860. Н. А. Полевой. В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники. Гл. XI и XII. **А. Скабичевскаго** 443
VI. — САМОДОВОЛЬНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ. **М. М.** 485
VII. — НАБЛЮДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ЛѢНТЯЯ. **П. Глѣба Успенскаго** 505
VIII. — НЕПРЕОДОЛИМЫЯ СИЛЫ. Романъ **Германа Гримма**. (Переводъ съ нѣмецкаго. Приложеніе). Стр. 417—464.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. — ДАРВИНИЗМЪ И ОПЕРЕТКИ ОФФЕНБАХА. **Н. Михайловскаго.** 227
X. — НОВЫЯ КНИГИ. Замѣтки въ поѣздку во Францію, Италію, Бельгію и Голландію. *Н. И. Тарасенко-Отрешкова.* — Эмма. *Байдаковскаго.* — Представители власти въ Россіи послѣ Петра I-го. *В. Андреева.* — Общеобразовательный очеркъ русской исторіи. *В. Андреева.* 256
XI. — ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА 267
XII. — НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА. Пересмотръ податной системы вообще, и пересмотръ на земскихъ собраніяхъ проекта коммисіи для пересмотра системы податей и сборовъ. — Усиленная дѣятельность земскихъ собраній, изъ которыхъ иныя, впрочемъ, не состоялись вовсе „за неприбытіемъ гласныхъ“. — Сходство между предстоящей

(См. страницу 3-ю).

057
ОТ
1871
но.10

III 20.д.

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ.

(А. Н. Ер—ву).

I.

Нынче скроменъ нашъ клубъ именитой,
Рѣдки въ немъ и не громки пиры.
Гдѣ ты, время ухи знаменитой?
Гдѣ ты, время безумной игры?
Все прошло! Элементъ старо-барской
Вытѣсняется быстро: въ швейцарской
Ужь лакеи не спятъ по стѣнамъ;
Измѣнились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизмѣнны, на зло временамъ.
Да Крыловъ роковымъ перемѣнамъ
Не подвергся (во время оно
Старый дѣдушка былъ у насъ членомъ,
Бюстъ его завели мы давно)...

Прежде всякая новость отсюда
Разносилась въ другіе кружки,
Мы не знали, что̀ думать, покуда
Не заявятъ тузы-старики,
Ка̀къ смотрѣть на такое-то дѣло,
На такую-то мѣру; ключомъ
Самобытная жизнь здѣсь кипѣла,
Клубъ снабжалъ всю Россію умомъ...

Не у насъ ли впервые раздался
Слухъ (то было въ тридцатыхъ годахъ

Что въ совѣтѣ вопросъ обсуждался:
Есть ли польза въ желѣзныхъ путяхъ?
— Что-жь, признали? до новостей лакомъ,
Я спросилъ у туза-старика:
„Остается покрытая лакомъ
Резолюція въ тайнѣ пока...“

Крѣпко въ душу запавшее слово
Также здѣсь услыхалъ я впервой:
„Привезли изъ Москвы Полевова...“
Возвращаясь въ тотъ вечеръ домой,
Думалъ я невеселыя думы
И за трудъ неохотно я сѣлъ.
Тучи на небѣ были угрюмы,
Вѣтеръ что-то насмѣшливо пѣлъ.
Напѣвалъ онъ тогда, безъ сомнѣнья:
„Не такія еще поощренья
Встрѣтишь ты на пути роковомъ“,—
Но не понялъ я пѣсенки спросту,
У Цѣпнаго безсмертнаго мосту
Мнѣ ее пояснили потомъ...

Получивъ роковую повѣстку,
Сбрилъ усы и пошелъ я туда,
Снявъ съ сѣдой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Генералъ прочиталъ мнѣ бумагу...
Я въ отвѣтъ заикнулся сказать:
— Еслибъ даже имѣлъ я отвагу
Столько дерзкихъ вещей написать,
То цензура...—„Къ чему оправданья?
Императоръ помиловалъ васъ,
Но смотрите!!.. Какого вы званья?“
— Дворянинъ. — „Пробѣгалъ я сейчасъ
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вамъ ваше дворянство?..
Завираетесь вы, господа!
За опасное дѣло беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, Богъ васъ прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не въ силахъ васъ буду спасти...“

. . . . . .

А война? До царя не скорѣе
Доходили извѣстья о ней;
Гдѣ уронъ отзывался сильнѣе?
Кто побѣду справлялъ веселѣй?
Прискакавшаго прямо изъ боя
Здѣсь не разъ мы видали героя
Въ дни, какъ буря кипѣла въ Крыму.
Помню, какъ мы внимали ему:
Мы къ разсказчику густо тѣснились
И героевъ войны имена
Въ нашу память глубоко ложились,
Впрочемъ, намъ измѣнила она!
Замѣчательно странное свойство
Въ насъ суровый нашъ климатъ развилъ —
Забываемъ явившихъ геройство,
Помнимъ тѣхъ, кто себя посрамилъ:
Кто нагрѣлъ свои гнусныя руки
У солдатъ убавляя паекъ,
Кто, внимая предсмертныя муки,
Пряталъ русскую корпію въ прокъ
И потомъ продавалъ англичанамъ,—
Всѣхъ и мелкихъ, и крупныхъ воровъ,
Отдыхающихъ съ полнымъ карманомъ,
Не забудемъ во вѣки вѣковъ!

Всѣ, кѣмъ славилась наша столица,
Здѣсь бывали: куда ни взгляни
Именитыя, важныя лица.
Здѣсь, я помню, въ парадные дни
Страненъ былъ среди знати высокой
Человѣкъ безъ звѣзды на груди.
Гость-помѣщикъ изъ глуши далекой
Только ротъ разѣвай да гляди:
Здѣсь посланники всѣхъ государей,
Здѣсь банкиры съ тугимъ кошелькомъ,
Цвѣтъ и соль министерствъ, канцелярій,
Откупные тузы,—и притомъ
Симметрія разсчитана строго:
Много здѣсь и померкнувшихъ звѣздъ,
Говоря прозаичнѣе: много
Генераловъ, лишившихся мѣстъ...

Зажигалися сотнями свѣчи,
Накрывалися пышно столы,

Говорились парадныя рѣчи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пили
Здѣсь за благо отечества пили,
Здѣсь бывали интимны они...

Есть и ныньче парадные дни,
Но пропала ихъ важность и сила.
Время клубнаго царства прошло,
Жизнь теченье свое измѣнила,
Какъ рѣка измѣняетъ русло...

II.

Очень жаль, что тогдашнихъ обѣдовъ
Не могу я достойно воспѣть,
Тутъ бы нуженъ второй Грибоѣдовъ...
Впрочемъ, Муза! не будемъ робѣть!
Начинаю.

— Москва. День субботній.
(Петербургъ не лишенъ ѣдоковъ,
Но въ Москвѣ грандіознѣй, животнѣй
Этотъ типъ). Среди полныхъ столовъ
Вотъ рядкомъ старики объѣдалы,
Въ пятеромъ имъ четыреста лѣтъ,
Видъ ихъ важенъ, чины ихъ не малы,
Толщиною же равныхъ имъ нѣтъ.
Раздражаясь изъ каждой бездѣлки,
Порицаютъ неловкость слуги,
И отъ жадности вмѣсто тарелки
На салфетку валятъ пироги;
Шевелясь какъ осеннія мухи,
Льютъ, роняютъ, безпамятны, глухи;
Взоръ ихъ медленъ, безцвѣтенъ и тупъ,
Скушавъ супъ, старичокъ засыпаетъ
И проснувшись слугу вопрошаетъ:
„Человѣкъ! подавалъ ты мнѣ супъ“?..
Впрочемъ, честь ихъ чужда укоризны:
Добывали мѣста для родни
И въ сенатѣ на пользу отчизны
Подавали свой голосъ они.
Жаль, ужь ихъ потеряла Россія
И оплакалъ москвичъ отъ души:

Подкосила ихъ „ликантропія“,
Ихъ заѣли подкожныя вши...

— Петербургъ. Вотъ питухъ престарѣлой,
Я такъ живо припомнилъ его!
Окруженъ батареею цѣлой
Разныхъ винъ, онъ не пьетъ ничего.
Пить любилъ онъ; я думаю, море
Выпилъ въ долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о, горе!..)
Старый грѣшникъ играетъ въ вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, къ свѣчѣ подносить
И разъ двадцать вино дорогое
Изъ стакана въ стаканъ перелить.
Перельетъ—и воды подмѣшаетъ,
Поглядитъ—и опять перельетъ,
Кто послушаетъ, какъ онъ вздыхаетъ
Тотъ мученія старца пойметъ.
„Выпить, что ли?“—Опаснѣе яда
Вамъ вино! закричалъ ему врачъ...
„Ну, не буду! не буду, палачъ!“
Это сцена изъ Дантова „Ада“...

Рядомъ юноша стройной, красивой,
Схожій въ профиль съ великимъ Петромъ,
Наблюдаетъ съ усмѣшкой лѣнивой
За сосѣдомъ своимъ чудакомъ.
Этотъ юноша самъ возбуждаетъ
Много мыслей: онъ такъ еще младъ,
Что въ пріемахъ большимъ подражаетъ:
Приправляетъ кайеномъ салатъ,
Портеръ пьетъ, объѣдается мясомъ;
Наливая съ эффектомъ вино,
Замѣчаетъ искуственнымъ басомъ
Отчего перегрѣто оно?

Очень милъ этотъ юноша свѣжій!
Мѣтокъ на слово, въ дѣлѣ удалъ,
Онъ ужь былъ на охотѣ медвѣжей
И медвѣдь ему ребра помялъ,
Но Сережа осилилъ медвѣдя,
Кстати тутъ онъ узналъ и друзей:

Убѣжали и Миша и Ѳедя,
Не бѣжалъ только егерь—Корней.
Это въ немъ скептицимъ породило:
„Люди—свиньи!“ Сережа рѣшилъ
И по своему мѣтко и мило
Всѣхъ знакомыхъ своихъ окрестилъ.

Знаменитъ этотъ юноша русской:
Отчеканено имя его
На подаркахъ всей труппы французской!
(Говорятъ, милліонъ у него).
Признакъ русской широкой природы—
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщаетъ онъ въ юные годы
Удальствомъ въ рукопашномъ бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей въ смятенье трактиръ,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Онъ своей молодежи кумиръ,
Съ нимъ хорошее общество дружно
И онъ счастливъ, доволенъ собой,
Полагая, что больше не нужно
Ничего человѣку. Другъ мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму „Монго“ изучить
(Эту шалость поэта-улана)
Чтобъ разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухорски править,
Мчась на бѣшеной тройкѣ стремглавъ,
Двадцать тысячъ на карту поставить
И глазкомъ не моргнуть проигравъ—
Есть иное величіе въ мірѣ
И не торный ведетъ къ нему путь,
Человѣку прекраснѣй и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутиннымъ путемъ,
И недремлющій духъ безпокойства
Разрѣшится однимъ кутежемъ;
Если съ жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будетъ виной:

Ты другаго не зналъ идеала,
Не провидѣлъ ты цѣли иной!.

Впрочемъ, быть генералъ-адъютантомъ,
Украшенья носить на груди
Съ мѐньшимъ знаніемъ, съ мѐньшимъ талантомъ
Можно... Свѣтелъ твой путь впереди!
Не одно, цѣлыхъ три состоянья
На своемъ ты вѣку проживешь:
Какъ не хватитъ отцовъ достоянья,
Ты жену съ милліономъ возьмешь;
А потомъ ты повысишься чиномъ—
Подоспѣетъ казенный окладъ,
По такимъ-то разумнымъ причинамъ
Твоему я бездѣйствію радъ!

Жаль одно: на пустыя приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои—точно скоты.
Ты, чей образъ въ порывѣ желанья
Ловитъ женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупнаго лобзанья,
Ты бѣжишь за продажной красой!
Ты у старцевъ, чьи икры на ватѣ,
У кого разжиженье въ крови,
Отбиваешь съ оркестромъ кровати!
Ты—не знаешь блаженства любви?...

Очень милы балетныя феи,
Но не стоятъ хорошихъ цвѣтовъ,
Украшать скаковые трофеи
Годны только твоихъ кучеровъ.
Тѣ же деньги и то же здоровье
Могъ бы ты поумнѣе убить,
Не хочу я впадать въ пустословье
И о честномъ трудѣ говорить.
Не лѣнивъ человѣкъ современной,
Но на что расточается трудъ?
Чѣмъ работать для цѣли презрѣнной
Лучше пусть эти баловни пьютъ...
. . . . . .

Зналъ я юношу: въ немъ сочетались
Дарованье, ученость и умъ,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сдѣлало шумъ.
Но, къ несчастію, былъ онъ помѣшанъ
На комфортѣ—столичный недугъ, —
Каждый часъ его жизни былъ взвѣшенъ,
Вѣчно было ему недосугъ:
Чтобъ приставить кушетку къ камину,
Чтобъ друзей угощать за столомъ,
Онъ по мѣсяцу сгорбивши спину
Изнывалъ за постылымъ трудомъ.
Знаю самъ, говорилъ онъ частенько,
Что на лучшее дѣло гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потомъ и серьезно займусь.
Суетился, спѣшилъ, торопился,
Въ день по нѣскольку лекцій читалъ;
Секретарствовалъ гдѣ-то, учился
Въ то же время; статейки писалъ...
Такъ трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дѣлъ,
Ничего онъ не сдѣлалъ изрядно,
Да и самъ-то пожить не успѣлъ,
Не потѣшилъ ни Бога, ни чорта,
Не увлекся ничѣмъ никогда,
И безсмысленной жертвой комфорта
Палъ—подъ игомъ пустого труда!

Зналъ я мужа: командой пожарной
И больницею онъ заправлялъ,
Къ дыму, къ пламени въ банѣ угарной
Онъ нарочно солдатъ пріучалъ.
Вѣчно ревностный, вѣчно не спящій,
Столько дѣлалъ фальшивыхъ тревогъ,
Что случится пожаръ настоящій —
Смотришь, лошади, люди безъ ногъ!
„Смирно! кутай башку въ одѣяло!“
Въ лазаретѣ кричатъ фельдшера:
Настежь форточки—ждутъ генерала,—
Вся больница въ тревогѣ съ утра.
Генералъ на минуту пріѣдетъ,
Смотришь: къ вечеру въ этотъ денекъ

Десять новыхъ горячечныхъ бредитъ,
А иной и умретъ подъ шумокъ...

Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
Поселился паническій страхъ,
Что погубитъ насъ Западъ зловредной.
Блѣдный, худенькій, въ синихъ очкахъ,
Онъ недавно еще попадался
Въ книжныхъ лавкахъ, въ кофейныхъ домахъ,
На журналы, на книги бросался,
Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ:
Поясненья, замѣтки, запросы
Составлялъ трудолюбецъ-старикъ,
Онъ на вывѣски даже доносы
Сочинялъ, если не было книгъ.
Всѣ его инстинктивно дичились,
Былъ онъ грязенъ, жилъ въ крайней нуждѣ,
И зловѣщіе слухи носились
Объ его безкорыстномъ трудѣ.

Взволновался Парижъ безпокойный,
Наступили февральскіе дни,
Самъ ты знаешь, читатель достойный,
Какъ у насъ отразились они.
Подоспѣло удобное время
И въ коммисію мрачный доносъ
На погибшее блудное племя
Въ три пріема донощикъ принесъ.
И вѣщалъ онъ властямъ предержащимъ:
„Многолѣтній сей трудъ разсмотри
И мечемъ правосудья разящимъ
Буесловія гидру сотри!..“
Судъ отказомъ его не обидѣлъ,
Но старикъ уже слишкомъ навралъ:
Демагога въ Булгаринѣ видѣлъ,
Робеспьеромъ Сенковскаго звалъ,
Возвратили!.. Въ тоскѣ безъисходной
Старецъ скорбныя очи смѣжилъ
И Линяевъ, сатирикъ холодной,
Эпитафію старцу сложилъ:

„Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру
„Мужъ злокачественъ, подлъ и плѣшивъ,

„И оставилъ въ наслѣдіе міру
„Образцовыхъ доносовъ архивъ“.

Такъ погибъ безполезно, безслѣдно
Трудъ почтенный, неправда-ли, жаль?

„Иногда и лѣниться не вредно“,
Такова этихъ притчей мораль...

III.

Время въ клубъ воротиться, къ обѣду...
Нѣтъ, ужь поздно! Обѣдъ при концѣ,
Слишкомъ мы протянули бесѣду
О Сережѣ, лихомъ молодцѣ.
Стариковъ полусонная стая
Съ мѣстъ своихъ тяжело поднялась,
Животами другъ друга толкая,
До дивановъ кой-какъ доплелась.
Закуривъ дорогія сигары,
Неиграющій людъ на кружки
Раздѣлился; пошли тары-бары...
(Козыряютъ давно игроки).

Нынче множество темъ для витійства,
Утромъ только газеты взгляни —
Интересныя кражи, убійства,
Но газеты молчали въ тѣ дни.
Никакихъ „современныхъ вопросовъ“,
Слуховъ, толковъ, живыхъ новостей,
Исключенье одно: для доносовъ
Допускалось. Доносщикъ Авдей
Представлялся исчадіемъ ада
Въ добродушныя тѣ времена,
Вообще же, въ стѣнахъ Петрограда
По газетамъ, была тишина.
Въ остальной необъятной Россіи
И подавно! Своимъ чередомъ
Шли дожди, бунтовали стихіи,
А народъ... мы не знали о немъ.
Правда, дикія, смутныя вѣсти
Долетали до насъ иногда

О мужицкой расправѣ, о мести,
Но не вѣрилось какъ-то тогда
Мрачнымъ слухамъ. Покой нарушался
Только голодомъ, моромъ, войной,
Да случайно въ просакъ попадался
Колоссальный ворище порой —
Тутъ молва создавала поэмы,
Оживало все общество вдругъ...
А затѣмъ, обиходныя темы
Сокращали нашъ мирный досугъ.

Двѣ бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественныхъ дѣлъ,
О борзыхъ, о лореткахъ Сережа
Говорить безподобно умѣлъ:
Берты, Мины и прочія... дуры
Въ живописномъ разсказѣ его
Соблазнительнѣй самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Онъ дразнилъ петербургскихъ актеровъ
И жеманныхъ французскихъ актрисъ.
Темой самыхъ живыхъ разговоровъ
Были скачки, парадъ, бенефисъ.
Въ офицерскомъ кругу говорили
О тугомъ производствѣ своемъ
И о томъ, чьи полки побѣдили
На маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ:
— Вѣрно явится завтра въ приказѣ
Благодарность войскамъ, господа:
Самъ фельдмаршалъ воскликнулъ въ экстазѣ:
„Подавайте Европу сюда!...“
Тутъ же шли безконечные споры
О дуэли въ такомъ-то полку
Изъ-за Клары, Армансъ, или Лоры.
А межъ тѣмъ гдѣ-нибудь въ уголку
Звуки странно-настроенной лиры
Костя Бурцовъ („поэтъ не для дамъ“,
Онъ же членъ „Комитета Земфиры“) [1]
Сообщалъ потихоньку друзьямъ.

---

[1] Такъ въ шутку называлъ себя въ тѣ времена кружокъ «золотой молодежи», сдѣлавшій своею спеціальностію ухаживанье за свѣтскими красавицами и театральными феями.

Безобидныя, мирныя темы!
Не озлятъ, не поссорятъ они...
Интересами личными всѣ мы
Занимались больше въ тѣ дни.
Впрочемъ, были у насъ руссофилы
(Тѣ, что видѣли въ нѣмцахъ враговъ),
Наѣзжали къ намъ славянофилы,
Свѣтскій типъ ихъ тогда былъ таковъ:
Въ Петербургѣ шампанское съ квасомъ
Попивали изъ древнихъ ковшей,
А въ Москвѣ восхваляли съ экстазомъ
До-Петровскій порядокъ вещей,
Но живя за границей, владѣли
Очень плохо роднымъ языкомъ
И понятья они неимѣли
О славянскомъ призваньи своемъ.
Я однажды смѣялся до коликъ,
Слыша, какъ князь NN говорилъ:
— „Я, душа моя, славянофилъ“
— А религія ваша? — „Католикъ“.

Не задѣты ничѣмъ за живое,
Всякій споръ мы бросали легко,
Вотъ за картами, — дѣло другое! —
Волновались мы тутъ глубоко.
Чу! какой-то игрокъ крутонравной,
Проклиная несчастье, гремитъ,
Чу! нашъ другъ, путешественникъ славной,
Монотонно и дерзко ворчитъ:
Духъ какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается въ немъ;
Человѣкъ онъ весьма деликатной
Съ добрымъ сердцемъ, съ развитымъ умомъ,
Несомнѣннымъ талантомъ владѣя
Онъ прославился книгой своей,
Онъ изъ Африки негра-лакея
Вывезъ (очень хорошій лакей,
Впрочемъ смысла въ подобныхъ затѣяхъ
Я не вижу: по волѣ судебъ
Петербургъ недостатка въ лакеяхъ
Никогда не имѣлъ)... Но свирѣпъ
Онъ въ игрѣ, какъ гіена: осадокъ
Отъ сибирскихъ лихихъ непогодъ,

Отъ египетскихъ злыхъ лихорадокъ
И отъ всякихъ житейскихъ невзгодъ
Онъ бросаетъ въ лицо партенера
Такъ язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Какъ бы жертвѣ его ни везло...

Генералъ съ поврежденной рукою
Также здѣсь на лицо; до сихъ поръ
Отъ него еще дышетъ войною,
Пахнетъ дымомъ Ѳедюхиныхъ горъ.
Въ немъ героя война отличила,
Но игрокъ навсегда пострадалъ:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродитъ сѣдой генералъ!

Въ тѣснотѣ, доходящей до давки,
Весь въ перстняхъ, подрумяненъ, завитъ,
Принимающій всякія ставки
За столомъ миліонщикъ сидитъ:
Тутъ идутъ смертоносныя схватки,
Отъ надменныхъ игорныхъ тузовъ
До копѣечныхъ трехъ игроковъ
(Называемыхъ: *терцъ отъ девятки*)
Всѣ участвуютъ въ этомъ бою,
Горячась и волнуясь не мало...
(Тутъ и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуну, бывало)...
При счастливой игрѣ не хорошъ,
Жаденъ, дерзокъ богачъ-старичишка,
Придирается, споритъ за грошъ,
Радъ удачѣ своей какъ мальчишка,
Но за то при несчастьи онъ милъ!
Онъ бывало насъ много смѣшилъ...
При несчастьи вздыхалъ онъ нервически,
Потиралъ раскраснѣвшійся носъ
И пѣвалъ про себя иронически:
„Веселись, храбрый Россъ!..“

Бой оконченъ, старикъ удаляется,
Взявъ добычи порядочный пукъ...
За три комнаты слышно: стукъ! стукъ!
То не каменный гость приближается...

Стукъ! стукъ! стукъ! равномѣрно стучитъ
Словно ступа, нога деревянная:
Входитъ старой, сѣдой инвалидъ,
Тоже личность престранная...

. . . . . .

Муза! ты отступаешь отъ плана!
Общій очеркъ затѣяли мы,
Такъ не тронь же, мой другъ, ни Ивана,
Ни Луки, ни Ѳомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатлѣнье—и мирно
Удались, не задѣвъ единицъ!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типическихъ лицъ, —
Но приспѣвшія дружно реформы
Дали обществу новыя формы...

Клубъ оставивъ пока въ сторонѣ,
Мы ко всей обратимся странѣ...

IV.

Благодатное время надеждъ!
Да! прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало.
Но шумя и куда-то спѣша
И какъ будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разумѣть надо: Русь городская)
Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхаетъ,
И, не вѣря себѣ самому,
Богатырскую мощь ощущаетъ,
Ты казалась сильна, молода,
Къ Правдѣ, къ Свѣту, къ Свободѣ стремилась,
Въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда,
Какъ блудница, ты громко винилась,
И казалось намъ въ первые дни:
Повториться не могутъ они...

Приводя наше прошлое въ ясность,
Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!

Между тѣмъ какъ народъ неразвитый
Ѣлъ кору и молчалъ, *какъ убитый*,
Мы сердечно болѣли о немъ,
Мы взывали: „даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянемъ!
Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!“
Походя на толпу сумасшедшихъ,
На самихъ себя вьющихъ бичи,
Сознаваться въ недугахъ прошедшихъ
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую мѣру...
Крылось что-то неладное тутъ,
Но не вдругъ потеряли мы вѣру...
Призывая на дѣло, на трудъ,
Понялъ горькую истину сразу
Только юноша-геній тогда,
Произнесшій безсмертную фразу:
„Въ настоящее время, когда...“

Дѣло двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготѣ
Обнаружились дикія страсти
И послышались рѣчи—не тѣ:
„Это ядъ, ужъ давно отравлявшій
„Наше общество, силу забралъ“!
Восклицалъ, словно съ неба упавшій,
Суясь всюду, сморчокъ-генералъ
(Какъ цвѣты, что въ ночи распускаются,
Эти люди въ чинахъ повышаются
Въ строгой тайнѣ,—и въ жизни потомъ
Съ непонятнымъ апломбомъ являются
Въ роковомъ ореолѣ своемъ).
„Со временъ Петрашевскаго строго
„За развитьемъ его я слѣдилъ,
Я намѣтилъ поборниковъ много,
„Но... напрасно я трудъ погубилъ!
„Горе! горе! Имѣю сынишку,
„Тяжкой службой, безсоннымъ трудомъ
„Пріобрѣлъ я себѣ деревнишку...
„Чтожь... пойду я теперь нагишомъ?..

„Любо вамъ рисоваться, мальчишки!
„А со мной-то что̀ сдѣлали вы?...“

Еслибъ только такіе людишки
Порицали реформу.... увы!
Радикалы вчерашніе тоже
Восклицали: „что будетъ?.. о, Боже!.“
Уступать не хотѣли земли...
(Впрочемъ,—надо замѣтить,—не много,
Разбирая прошедшее строго,
Мы бы явныхъ протестовъ начли:
По обычаю мудрыхъ холоповъ,
Мы держалися больше подкоповъ
Или рабски за временемъ шли)...

Нѣкто слывшій по службѣ за генія
Генералъ Фердинандъ фонъ-деръ-Шпехтъ
(Объ отводѣ лѣсовъ для сѣченія
Подававшій обширный проэктъ),
Намъ предсказывалъ бунты народные
(„Что, не правъ я?..“ потомъ онъ кричалъ).
— Все они! все мальчишки негодные!
Негодующій хоръ повторялъ.

Та вражда къ молодымъ поколѣньямъ
Здѣсь начальные корни взяла,
Что впослѣдствіи дикимъ явленьемъ
Въ нашу жизнь такъ глубоко вошла.
Учрежденнымъ тогда комитетамъ
Потерявшіе умъ старики
Посылали, сердясь не по лѣтамъ,
Брань такую: „мальчишки! щенки!..“
(Тамъ дѣйствительно люди засѣли
Съ среднимъ чиномъ, безъ лентъ и безъ звѣздъ,
А иные тузы полетѣли
Въ тоже время съ насиженныхъ мѣстъ).
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной былъ готовъ,
За усмѣшку, за рѣзкое слово
Безбородыхъ, безусыхъ бойцовъ;
Ихъ ошибки встрѣчались шипѣньемъ,
Ихъ несчастье — скаканьемъ и пѣньемъ:
„Ну! теперь-то припрутъ молодцовъ!

Лѣзутъ на стѣну, корчатъ Катоновъ,
Посѣваютъ идеи Прудоновъ,
А пугни — присмирѣетъ любой,
Станетъ пѣть превосходство неволи...“

Правда, правда! народъ молодой
Бралъ подъ часъ непосильныя роли.
Но молчать бы вамъ лучше, глупцы,
Да рѣшеньемъ вопроса заняться:
Таковы ли бываютъ отцы,
Отъ которыхъ герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Непріятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянскій вопросъ
И порядокъ нарушился древній,
Стали „плохо писать изъ деревни“.
— Не съиграть ли въ картишки? „На что-съ?“
Отвѣчалъ вопрошаемый грубо:
„Своротили вы, сударь, съ-ума!...“
Члены мирно дремавшаго клуба
Раздѣлились; пошла кутерьма:
Крѣпостникъ, находя незаконной,
Откровенно реформу бранилъ,
А въ отвѣтъ якобинецъ салонной
Говорилъ, говорилъ, говорилъ...

Самъ себѣ съ наслажденьемъ внимая,
Формируя парламентскій слогъ,
Всѣмъ недугамъ родимаго края
Подводилъ онъ жестокой итогъ;
Человѣкомъ идей прогрессивныхъ
Не безъ цѣли стараясь прослыть,
Убѣждалъ старикашекъ наивныхъ
Встрепенуться и Русь полюбить!
Все отдать для отчизны священной,
Умереть, если такъ суждено!..
Ты не пой, соловей современной!
Эту пѣсню мы знаемъ давно!
Осуждаешь ты старое смѣло,
Недоволенъ и новымъ слегка,

Ты способенъ и доброе дѣло
Между фразами сдѣлать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,
Но получишь ты ключъ камергерской
И уста имъ на вѣки запрешь!
Пуще тѣхъ „гуртовыхъ“ генераловъ,
Надъ которыми нынѣ остришь,
Станешь ты нажимать либераловъ,
Съ ними всякую связь прекратишь, —
Этимъ ты стариковъ успокоишь
И помогутъ тебѣ старики,
Ловко ты свое зданіе строишь,
Мастерски разставляешь силки!..

Словомъ, мирные дни миновали,
Много выбыло членовъ тогда,
А иные ходить перестали,
Остальныхъ раздѣляла вражда.
Хоръ согласный — сталъ дикъ и нестроенъ,
Ни игры, ни богатыхъ пировъ, —
Лишь одинъ оставался спокоенъ
Это дѣдушка мѣдный Крыловъ:
Не бездушнымъ глядѣлъ истуканомъ,
Онъ лукавымъ сатиромъ глядѣлъ,
Игрокамъ, бюрократамъ, дворянамъ
Онъ, казалось, насмѣшливо пѣлъ:

„Полно вамъ—благо сами вы цѣлы —
О надѣлахъ своихъ толковать,
Смерть придетъ—уравняетъ надѣлы!
Если вамъ мудрено уравнять...

„Полно вамъ враждовать межъ собою
За чины, за мѣста, за кресты —
Смерть придетъ—и отниметъ безъ бою
И чины, и мѣста, и кресты!..

„Пусть васъ минусъ въ игрѣ не смущаетъ,
Игроки! пусть не радуетъ плюсъ,

Смерть придетъ—всѣ итоги сравняетъ:
Будетъ, будетъ у каждаго *плюсъ*!..

Земледѣльцы-дворяне стѣсненные,
Откупные тузы разоренные,
Игроки, прогорѣвшіе въ прахъ,—
Генералъ, проигравшій сраженіе,
Адмиралъ, потерпѣвшій крушеніе —
Находили ли вы утѣшеніе
Въ этихъ краткихъ и мудрыхъ словахъ?..

Послѣсловіе.

Съ плечъ упало тяжелое бремя,
Написалъ я четыре главы.
„Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы?“
Замѣчаетъ читатель, живущій
Гдѣ-нибудь въ захолустной дали:
„Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы съ бо̀льшей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачѣмъ же вчерашнее блюдо
Вмѣсто свѣжаго ставить на столъ?
Чѣмъ въ прошедшемъ упорно копаться,
Не гораздо ли лучше касаться
Новыхъ язвъ, народившихся золъ?“

Для людей, въ захолустьи живущихъ,
Мы дѣйствительно странны, смѣшны,
Но, читатель! въ вопросахъ текущихъ
Права голоса мы лишены,
Прикасаться къ нимъ робко, несмѣло,
Значитъ, пуще запутывать ихъ,
Шить на мертвыхъ нетрудное дѣло,
Намъ желательно шить на живыхъ.
Устарѣлое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,

Государь мой! и тронули мы
(Да и то съ подобающимъ тактомъ)...
Погоди, если мы поживемъ,
Давъ назадъ отодвинуться фактамъ,
И впередъ мы разсказъ поведемъ,—
Характерныхъ вещей не забудемъ
И всегда по возможности будемъ
Вѣрны истинѣ — *заднимъ числомъ*...

Н. Я.

СВѢТСКІЕ ЛЮДИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Старинные знакомые и неожиданная встрѣча.

Это было въ началѣ зимы 1867-го года. Молодой снѣгъ только что улегся пушистымъ одѣяломъ по булыжнымъ мостовымъ Петербурга. Я говорю о булыжныхъ мостовыхъ, такъ-какъ улицы, снабженныя деревянною мостовою, были тщательно расчищаемы, по распоряженію дѣятельнаго начальства. Цѣлая армія дворниковъ, вооруженная деревянными лопатами и метлами, съ утра до ночи боролась противъ установленія саннаго пути, и повидимому достигала своей цѣли, къ немалому недоумѣнію извощиковъ, рѣшительно незнавшихъ, въ какихъ экипажахъ имъ слѣдовало возить своихъ сѣдоковъ.

Часовъ въ 10-ть вечера, еще задолго передъ концомъ представленія, показался на большомъ подъѣздѣ Маріинскаго театра красивый мужчина лѣтъ тридцати-пяти. Изъ-подъ распахнувшейся шинели выглядывалъ адъютантскій мундиръ съ полковничьями эполетами, украшенный различными иностранными орденами.

Адъютантъ подозвалъ движеніемъ руки стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ жандарма.

— Позови-ка мнѣ, братецъ, моего кучера Мирона, — Миловецкаго, произнесъ онъ неторопливо, не удостоивъ даже взглядомъ подоспѣвшаго жандарма. Въ ожиданіи экипажа, онъ не спѣша вынулъ изъ кармана изящный серебряный портсигаръ, досталъ папироску и акуратно расправивъ ее, сталъ закуривать. Послѣ первой затяжки, которую онъ вдохнулъ съ особливымъ наслажденіемъ, онъ движеніемъ плечъ поправилъ соскользнув-

шую шинель и закутавшись въ нее, сталъ разсѣянно посматривать по сторонамъ.

— А! Миловецкій! и вы тоже не высидѣли до конца? послышался возлѣ него голосъ штатскаго франта въ шубѣ на распашку и крошечной мерлушечей шапочкѣ, надѣтой на бекрень. Онъ держалъ свою шляпу въ рукахъ, граціозно покачивался на ходу, говорилъ на растяжку и нѣсколько въ носъ.

Услыхавъ свою фамилію, адъютантъ величаво поклонился по направленію. Впрочемъ, узнавъ своего собесѣдника, онъ слегка кивнулъ головой и протянулъ ему руку, насколько это можно было, не выпуская изъ нее отворота шинели.

— Эта проклятая Рогнѣда просто чортъ знаетъ что̀ такое! продолжалъ молодой человѣкъ, укладывая свою шляпу въ видѣ нагрудника между широко вырѣзаннымъ жилетомъ. И охота, право, этой дирекціи ставить всякую доморощенную дребедень! Вѣдь есть же порядочныя оперы, ну хоть Травіата, Троваторе,—нѣтъ таки, непремѣнно надо угостить публику какимъ-нибудь Сѣровымъ! Онъ сказалъ это обиженнымъ тономъ, точно считалъ неудачный выборъ оперы за личное оскорбленіе, нанесенное ему дирекціею.

Миловецкій неопредѣленно улыбнулся и еще неопредѣленнѣе возразилъ:

— Какъ же, а національная-то опера?... По его тону трудно было догадаться, серьёзно ли онъ говоритъ, или шутитъ.

— Quelle blague! какая тутъ національная опера? воскликнулъ молодой человѣкъ.—Pour faire un civet prenez un lièvre—а какіе же у насъ голоса? Ну, сами скажите, какіе у насъ голоса? приставалъ онъ, закуривая папироску.

— Да вѣдь я въ сущности пріѣхалъ сюда по дѣлу, уклончиво отвѣтилъ Миловецкій:—мнѣ непремѣнно надо было переговорить съ Ѳедоромъ Аркадьевичемъ; я зналъ, что могу застать его въ театрѣ. — Это сказано было какъ будто вскользь, но тѣмъ не менѣе съ нѣкоторою таинственностью, которая объяснялась тѣмъ, что Ѳедоръ Аркадьевичъ былъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ.

— А! ну, это другое дѣло! возразилъ молодой человѣкъ.— Что же касается до меня, то я пріѣхалъ сюда чтобы посмотрѣть, не найду ли кого-нибудь изъ знакомыхъ, mais il n'y a jamais un chat dans ce sacré théatre. Ну, хоть сегодня. Вѣдь зала биткомъ набита, а можете ли вы мнѣ назвать хоть одного порядочнаго человѣка?

— Ну, изъ мужчинъ-то еще кое-кто есть, снисходительно отозвался Миловецкій.

— Mais les femmes, mon cher, les femmes! Вѣдь все это генеральское общество [1], даже нѣтъ ни одной порядочной кокотки! И все это слушаетъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто дѣло дѣлаетъ. Они всѣ такъ и таютъ, блаженствуютъ, упиваются этой музыкой! Просто противно!

Миловецкій опять-таки неопредѣленно усмѣхнулся.

— Вы куда ѣдете? не подвезти ли васъ куда-нибудь? спросилъ онъ, завидѣвъ свою карету, подъѣзжавшую къ подъѣзду.

— Нѣтъ, merci. У меня здѣсь свои дрожки стоятъ. Вы къ графинѣ Вязиной будете? On danse chez elle ce soir.

— Непремѣнно. Я даже теперь прямо къ ней ѣду.

— Mais, mon cher, vous allez allumer les lampes?.. Кто же прежде 12-ти часовъ ѣздитъ на балы?

— Это такъ, но мнѣ надо повидаться съ кузиной передъ баломъ, сказалъ Миловецкій, садясь въ карету. — Къ Вѣрѣ Николавнѣ! приказалъ онъ кучеру, опуская окно кареты и дружелюбно махнувъ рукою молодому человѣку.

Карета быстро понеслась по указанному направленію. Минутъ черезъ десять, она остановилась на Фурштадтской, у небольшаго одноэтажнаго дома. Подъѣздъ былъ обтянутъ холщевою палаткою. Сквозь опущенныя шторы оконъ сквозило яркое освѣщеніе комнатъ. Присутствіе двухъ городовыхъ у подъѣзда явно указывало на приготовленіе къ многолюдному собранію.

— Что, графиня еще не вышла? спросилъ Миловецкій, снимая шинель въ швейцарской.

— Кажется, что еще не вышли, отвѣчалъ швейцаръ, вопросительно взглянувъ на одного изъ напудренныхъ лакеевъ, стоявшихъ на первой площадкѣ широкой лѣстницы, устланной синимъ бархатнымъ ковромъ.

— Все равно, я подожду.

Миловецкій сталъ медленно подыматься по лѣстницѣ. Дойдя до первой площадки, онъ остановился передъ огромнымъ зеркаломъ въ богатой рѣзной рамѣ изъ бѣлаго дерева. Вынувъ изъ кармана складной гребешокъ, онъ привелъ въ порядокъ свои бѣлокурые волосы и бакенбарды. Затѣмъ расправилъ въ петличкѣ георгіевскую ленточку, тщательно запрятавъ подъ отворотъ солдатскій крестъ, полученный имъ на Кавказѣ, слегка передвинулъ аксельбанты, и наконецъ доставъ тонкій надушеный платокъ, отрывисто высморкнулся и продолжалъ подыматься по лѣстницѣ, утирая свои длинные, повислые усы.

---

[1] Представители великосвѣтской молодежи называютъ генеральскимъ обществомъ всѣхъ лицъ, невходящихъ въ составъ извѣстнаго кружка. Они произносятъ эпитетъ «генеральское» съ особеннымъ удареніемъ.

Пройдя черезъ нѣсколько богато убранныхъ комнатъ, Миловецкій очутился въ небольшомъ будуарѣ, замыкавшемъ собою рядъ пріемныхъ покоевъ. Въ этомъ будуарѣ каждая вещь, до послѣдней бездѣлушки, носила на себѣ печать роскоши и безукоризненнаго изящнаго вкуса. Вся комната была обтянута темно-фіолетовымъ атласомъ. Мёбель чернаго дерева съ бронзовыми украшеніями какъ нельзя лучше согласовалась съ скромнымъ цвѣтомъ обоевъ. Надъ большимъ мраморнымъ каминомъ возвышалось великолѣпное зеркало венеціанской работы, въ которомъ отражалось подобное же, висѣвшее на противоположной стѣнѣ. Возлѣ камина, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояла покойная кушетка Подушка въ батистовой наволочкѣ и турецкая шаль, прикрывавшая подножье кушетки, свидѣтельствовали о томъ, что это было обыкновенное мѣсто хозяйки дома. Позади или, вѣрнѣе сказать, о бокъ этой кушетки стоялъ продолговатый столъ, уставленный портретами, разными цѣнными бездѣлушками и новѣйшими книгами, по преимуществу французскими и англійскими романами. Съ другой стороны, столъ упирался въ кучу высокихъ растеній, занимавшихъ весь уголъ комнаты. Тутъ, посреди зелени, стоялъ мольбертъ съ прекрасною грёзовскою головкою. По стѣнѣ, во всю ея вышину, были разставлены, шахматною доскою, фарфоровыя группы на рѣзныхъ подставкахъ. Низкій стеганный диванъ, два три шкафчика съ мозаичными дверцами и письменный столъ, поставленный наискось отъ окна, довершали убранство будуара.

Войдя въ эту комнату, Миловецкій вторично охорошился передъ зеркаломъ, подошелъ нагнувшись къ столу, разсѣянно взглянулъ на портреты, и пересмотрѣвъ заголовки книгъ, досталъ одну изъ нихъ, показавшуюся ему интереснѣе прочихъ. Въ ожиданіи хозяйки, онъ принялся перелистывать эту книгу, облокотясь на мраморную доску камина.

Вѣра Николаевна недолго заставила себя ждать. Дверь изъ будуара въ уборную отворилась, и на порогѣ ея показалась графиня Вязина въ полномъ бальномъ облаченіи.

— Здравствуйте, Дмитрій, сказала она, остановясь въ дверяхъ и застегивая браслетъ на обнаженной рукѣ. — Что̀ это вы какъ рано пріѣхали? Впрочемъ, я очень рада, — я должна вамъ дать различныя наставленія насчетъ того, что̀ вы знаете. Да ну же, Александра, скорѣй! нетерпѣливо прибавила она, посмотрѣвъ назадъ черезъ плечо.

— Сейчасъ, сейчасъ, вѣдь нельзя же; хуже будетъ, если бантъ на кушакѣ отвалится, послышался сзади графини ворчливый голосъ ея горничной. — Ну, теперь извольте идти—готово-съ.

Графиня окончательно расправила платье граціознымъ движеніемъ обѣихъ рукъ, и вошла въ будуаръ. Вслѣдъ за нею вошла и ея горничная, небольшая женщина, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ большими безпокойными глазами и маленькимъ съёжившимся лицомъ. Она одной рукой на ходу проворно втыкала въ лифъ своего платья оставшіяся у нея лишнія булавки, а въ другой держала вѣеръ, платокъ и перчатки Вѣры Николаевны.

— Куда прикажете положить? спросила она тѣмъ же сварливымъ голосомъ.

Графиня молча указала на маленькій столикъ возлѣ кушетки и протянула руку Миловецкому.

— Что̀ вы такъ на меня смотрите? спросила она, когда Миловецкій, поцѣловавъ ея прекрасную, хотя немного большую руку, отступилъ на шагъ и сталъ осматривать ее съ ногъ до головы.

— Любуюсь, Вѣра Николавна, любуюсь... Вѣдь я васъ въ первый разъ со смерти вашего мужа вижу въ такомъ блестящемъ нарядѣ. Вы въ теченіе этого года неимовѣрно похорошѣли. Недавняя важность и сановитость Миловецкаго значительно стушевались, пока онъ смотрѣлъ на свою кузину. Онъ вкрадчиво улыбался и, какъ говорится, строилъ глазки.

— Полноте, Дмитрій, что за вздоръ! возразила графиня, усмѣхнувшись и выказавъ при этомъ рядъ маленькихъ блестящихъ зубовъ: — въ мои-ли года хорошѣютъ? Вы лучше приберегите свои комплименты для нашей провинціалки. Не хотите ли чаю? прибавила она, расположившись на кушеткѣ и указавъ ему рукой на низкое кресло возлѣ камина.

Миловецкій имѣлъ полное право восхищаться своею кузиною.

Графиня Вязина — женщина лѣтъ тридцати, въ полномъ разгарѣ своей странной, даже нѣсколько дикой красоты. Черты ея лица, хотя и неправильныя, съ разу врѣзываются въ память. Густые черные волосы въ нѣкоторомъ безпорядкѣ падаютъ на низкій прямой лобъ. Брови тонкія, прямыя, и почти сросшіяся. Изъ-подъ нихъ блестятъ большіе глаза, зрачки которыхъ одарены способностію то съёживаться въ едва примѣтную точку, то расплываться до того, что весь глазъ кажется чернымъ. Носъ маленькій, вдающійся, слегка вздернутый съ тонкими, подвижными ноздрями. Большой ротъ съ влажными, полными губами, одаренъ пріятною улыбкою. Наконецъ небольшой, но твердо очертанный подбородокъ, выступаетъ немного впередъ, придавая всему лицу выраженіе энергіи и самостоятельности.

Хотя Вѣра Николаевна не высока ростомъ, но безукоризненная пропорціональность ея стана заставляетъ ее казаться выше, чѣмъ она есть. Движенія ея быстры и нетерпѣливы, но въ

нихъ нѣтъ ничего угловатаго. Когда она ходитъ, то ступаетъ быстро, но такъ мягко, какъ будто плыветъ. Гибкость ея безукоризненно-круглой тальи и едва примѣтное колыханіе длиннаго шлейфа придаютъ еще болѣе вѣрности этому сравненію. Голосъ ея, нѣсколько глухой контральто, и рѣчь ея звучитъ ровно, тихо, безъ возгласовъ. Она часто улыбается, но рѣдко смѣется, и то почти безъ звука.

— Позвольте вамъ объяснить причину моего ранняго посѣщенія, сказалъ Миловецкій, когда Вѣра Николаевна усѣлась и отдала приказаніе касательно чаю.

— Что это? Вы какъ будто извиняетесь? Я очень рада васъ видѣть, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо дать вамъ инструкціи насчетъ нашей провинціалки.

— Насчетъ которой? Маменьки или дочки?

— И той и другой. Я вамъ писала, что приготовлю вамъ сюрпризъ, и сдержала слово: дочка только что вернулась изъ-за границы, вмѣстѣ съ своей теткою, какой-то генеральшей Любанской или Любановской, что-то въ этомъ родѣ. Я ихъ позвала къ себѣ на балъ, то-есть по крайней-мѣрѣ m-me Маркову съ дочерью, и сегодня же васъ представлю. Маменьку зовутъ Натальей Петровной, а Сашу, то-есть дочь—Александрой Николавной.

— Ну, а генеральши Любанской не будетъ для пополненія звѣринца? подшутилъ Миловецкій.

— Перестаньте вздоръ говорить! Съ этимъ дѣломъ шутить нечего. Состояніе огромное!... Саша—единственная дочь Марковой, отца у нея нѣтъ...

— Какъ? и никогда не было? опять съострилъ Миловецкій.

— Вы не хотите меня выслушать? спросила графиня.—Какъ вамъ угодно, вѣдь я для васъ хлопочу — мнѣ все равно. Она взяла со стола длинную перчатку съ несмѣтнымъ количествомъ пуговицъ и стала натягивать ее на руку.

— Ну, нѣтъ, не буду, простите меня, Вѣра Николавна! Ну право же, не буду... я пошутилъ.

— Я только хотѣла предупредить васъ, что мать и дочь нисколько другъ на друга не похожи...

— Лицомъ?

— Ни лицомъ, ни обращеніемъ. Сашу вы видѣли, то-есть по крайней-мѣрѣ ея карточку—она просто прелесть...

— На сколько можно судить по карточкѣ, она дѣйствительно, кажется, недурна собой и великолѣпно сложена.

— Ну, да. Вы будете имѣть случай сегодня сами убѣдиться похожъ ли ея портретъ или нѣтъ. Но главное дѣло, помните

что на сколько мать жеманна, тщеславна, хвастлива и тривіальна...

— Хорошо же вы отдѣлываете вашу бывшую подругу, усмѣхнулся Миловецкій.

— Ну, какая же она мнѣ подруга? Я вышла изъ Смольнаго цѣлыми пятью годами позже ея, и мы съ ней больше не встрѣчались вплоть до прошлаго лѣта. Да и тутъ, признаться, я бы не стала поощрять нѣжныхъ изліяній Натальи Петровны, еслибы не имѣла въ виду... именно васъ.

Миловецкій наклонился въ знакъ благодарности и собирался-было что-то сказать, но Вѣра Николаевна сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ не прерывалъ ее.

— Вы теперь знаете характеристику матери. Помните, что Саша составляетъ полнѣйшій контрастъ съ нею. Она скромна, застѣнчива, отлично воспитана и, сколько я могла замѣтить, имѣетъ серьёзныя наклонности. Въ ней необыкновенная выдержка для восьмнадцатилѣтней дѣвушки... понимаете?...

— Понимаю, понимаю. Мать — чистокровная провинціалка, а дочка... годится хоть куда. Даже въ наше общество.

— Даже въ наше общество, повторила Вѣра Николаевна съ неуловимою насмѣшкою. — Имѣйте все это въ виду, и такъ и ведите свою атаку.

— Непремѣнно. Благодарю васъ за наставленія. Ну, а теперь позвольте мнѣ коснуться до другаго, не менѣе серьёзнаго дѣла, сказалъ Миловецкій конфиденціальнымъ тономъ, придвинувъ свое кресло ближе къ графинѣ. — Я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что на дняхъ откроется вакансія въ С...ѣ.

— А кто тамъ губернаторомъ?

— Иволговъ, знаете Иволговъ, который романсы распѣвалъ и стишки писалъ. Ну, разумѣется, гдѣ же ему справиться съ губерніею? онъ тамъ такую кашу наварилъ, что...

— Что вамъ желательно ее расхлебать? перебила его графиня съ насмѣшливою улыбкою.

— Зачѣмъ же расхлёбывать кашу! Напротивъ, я надѣюсь привести дѣла въ такой порядокъ, что и каши никакой не будетъ.

— А! понимаю! Вы будете служить противоядіемъ?

— Признаюсь, мнѣ бы этого весьма хотѣлось, отвѣчалъ Миловецкій, скромно улыбаясь. — Я сегодня ѣздилъ въ театръ собственно для того, чтобы повидаться съ Ѳедоромъ Аркадьевичемъ. Мнѣ вѣдь по службѣ довольно часто приходится быть съ нимъ въ сношеніяхъ, разумѣется, я могъ бы отправиться прямо къ нему на домъ, но я не хотѣлъ придавать офиціальности

своему визиту, а этакъ, знаете, въ театрѣ, какъ будто нечаянно...

— Да, да... ну, и что же? спросила Вѣра Николаевна, принимаясь застегивать перчатку.

— Ну, разумѣется, мы коснулись вопроса о безпорядкахъ, возникшихъ въ С—ой губерніи. При этомъ случаѣ я высказалъ Ѳедору Аркадьевичу свой взглядъ на этотъ предметъ... ну, и провелъ нѣсколько довольно оригинальныхъ идей насчетъ администраціи вообще!...

Вѣра Николаевна на одно мгновеніе взглянула на Миловецкаго, который въ эту минуту весьма картинно рисовался. Едва примѣтная улыбка заиграла у ней на губахъ. Впрочемъ, Миловецкій былъ такъ занятъ разыгрываемою имъ ролью, что и не замѣтилъ взгляда графини.

— И что же? Ѳедоръ Аркадьевичъ усвоилъ себѣ ваши идеи?.. спросила она натуральнымъ тономъ.

— Не могу вамъ скрыть, что сначала его немного поразила новизна этихъ мыслей... Вѣдь что̀ ни говорите, Ѳедоръ Аркадьевичъ, хотя и развитой человѣкъ, а все-таки какъ-то невольно, безсознательно, придерживается старой рутинѣ — не такъ-ли?

— Конечно! подтвердила графиня. — Застегните-ка мнѣ эти двѣ послѣднія пуговицы, прибавила она, протягивая ему руку.

— А поцѣловать можно? спросилъ Миловецкій.

— Можно, можно, только застегивайте скорѣе и разсказывайте, не то, того и гляди, намъ помѣшаютъ.

— И такъ-съ, вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ Миловецкій, наклоняясь надъ рукой графини и весьма деликатно стягивая края перчатки. — Вы вѣроятно Ѳедора Аркадьевича гдѣ-нибудь на дняхъ увидите?

— Я его сегодня звала, сказала Вѣра Николаевна.

— Ну, и прекрасно! Отлично! Значитъ, если онъ къ вамъ сегодня будетъ... Готово-съ! сказалъ онъ вскользь, застегнувъ послѣднюю пуговицу и поцѣловавъ руку выше перчатки:—стало быть, окажите мнѣ дружескую услугу, поговорите съ нимъ обо мнѣ. Вы знаете, какой онъ поклонникъ прекраснаго пола.

— Хорошо. Съ удовольствіемъ, только въ какомъ смыслѣ — то-есть хотите-ли, чтобы я восхваляла ваши административныя способности вообще, или чтобы я прямо попросила для васъ открывающуюся вакансію? Въ голосѣ Вѣрѣ Николаевны не слышалось ни малѣйшей тѣни ироніи.

— Это рѣшительно какъ вамъ угодно... Я совершенно полагаюсь на вашъ тактъ... и, смѣю надѣяться, на ваше дружеское расположеніе ко мнѣ.

— Хорошо. Какъ только я увижу Ѳедора Аркадьевича, я ему непремѣнно скажу, обѣщалась графиня. — Кстати же, мнѣ надо поговорить съ нимъ еще и о другомъ дѣлѣ.

— Ужь нѣтъ-ли какого-нибудь конкурента на мое мѣсто? съ комическимъ испугомъ спросилъ Миловецкій.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, улыбнулась графиня съ тонкой насмѣшкой: — тутъ дѣло идетъ не о губернаторствѣ, а просто объ аудіенціи.

— А! произнесъ Миловецкій такимъ покровительственнымъ и небрежнымъ тономъ, что вся мысль его выказалась въ одномъ этомъ восклицаніи.

— Вовсе не а—а! передразнила его Вѣра Николаевна.— Колосовичъ—замѣчательно способный человѣкъ. Онъ только что вернулся изъ-за границы, гдѣ изучалъ организацію народныхъ школъ, и теперь желаетъ найдти себѣ поддержку въ Ѳедорѣ Аркадьевичѣ.

— Колосовичъ? Бывшій прокуроръ? повторилъ Миловецкій, будто припоминая это имя. — Откуда вы его знаете?

— Мы съ нимъ давнишніе знакомые; впрочемъ, мы уже года два какъ не видались.

— Вотъ какъ!... Я этого не зналъ, протяжно произнесъ Миловецкій. — И неужели вы намѣреваетесь поддерживать съ нимъ знакомство? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Вотъ странно! Да отчего же нѣтъ? Онъ сегодня утромъ зашелъ ко мнѣ на минуту и я позвала его на балъ...

— Несмотря на его неблаговидную исторію?

— Какая это такая „неблаговидная исторія“? сухо спросила Вѣра Николаевна.

— Развѣ вы не слыхали? Въ О... Г-нъ Колосовичъ перессорился со всѣми властями и возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе!

— Знаю. Онъ отстаивалъ свои права, мнѣ это извѣстно, спокойно возразила Вѣра Николаевна.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ вѣроятно также извѣстно, что господина Колосовича просили подать въ отставку, продолжалъ Миловецкій, принявъ внушительный видъ строгого судьи.

— И это знаю. Такъ что-жь?

— Ничего-съ, холодно сказалъ Миловецкій, пожимая плечами:— я только хотѣлъ предупредить васъ, что г-нъ Колосовичъ человѣкъ не совсѣмъ благонадежный, утопистъ, реформаторъ, и вообще, что этотъ господинъ на весьма дурномъ счету.

— Этотъ господинъ, нѣсколько раздражительно возразила Вѣра Николаевна: — человѣкъ несомнѣннаго ума, и этого для меня

достаточно, чтобы я находила удовольствіе съ нимъ видѣться. Впрочемъ, я понимаю, что будущій администраторъ, какъ вы, можетъ опасаться подобныхъ знакомствъ, и поэтому обѣщаюсь не знакомить васъ съ Колосовичемъ, если онъ сюда будетъ.

— Какъ горячо вы за него заступаетесь, улыбнулся Миловецкій.—Вы этакъ какъ разъ попадете въ передовыя женщины. Что же касается до моего знакомства съ Колосовичемъ, то вы не стѣсняйтесь — мы съ нимъ, къ несчастію, уже знакомы.

— Право?

— Да. Онъ былъ какъ-то проѣздомъ въ Петербургѣ, года два тому назадъ; мнѣ привелось провести съ нимъ вечеръ...

— И ваши консервативныя понятія были глубоко возмущены его либерализмомъ? спросила графиня съ усмѣшкою.

— Позвольте, однако, Вѣра Николавна, внушительно возразилъ Миловецкій: — согласитесь, что когда подобныя мнѣнія идутъ въ разрѣзъ съ правительствомъ...

Миловецкій приготовился-было пустить въ ходъ краснорѣчіе, когда два удара звонка извѣстили о прибытіи первыхъ гостей.

— Придется вамъ отложить ваши доводы до другаго раза, сказала Вѣра Николаевна, вставая и направляясь къ гостиной.

Изъ гостиной видно было, какъ черезъ залу проходили двѣ дамы: одна—молодая, стройная, другая—пухленькая, вертлявая, и приземистая. Толстенькая дама на ходу оправляла платье молодой, и что-то ей оживленно говорила.

— Ну, храбрый воинъ, готовьтесь къ сраженію, сказала графиня, не поворачивая головы. — Это онѣ — наши провинціалки.

Наружность Натальи Петровны Марковой была далеко непривлекательна. Пухлое лицо съ оплывшими глазами и лоснящимися щеками; рыжевато—желтые волоса, немилосердно взбитые на лбу и на вискахъ; узкая, круглая и жирная спина и такія же плечи съ красными пятнами, какъ бы слѣдами крапивной лихорадки или недавно поставленныхъ горчишниковъ. Прибавьте къ этому намеки на двойной подбородокъ и бородавку съ усиками возлѣ переносія — вотъ и весь портретъ Натальи Петровны. Въ движеніяхъ ея необыкновенная суетливость, жеманство и несомнѣнныя стремленія молодиться.

Глядя на нее, нельзя было не удивиться, что молодая дѣвушка, стоявшая возлѣ нея, была ея дочь. Ее нельзя было назвать красавицей, но въ ней поражала замѣчательная гармонія линій и мягкость контуровъ. Въ статуѣ это назвали бы отчетливостью отдѣлки. Отличительная черта ея заключалась въ замѣчательно-красивой формѣ маленькой головки. Еще другая оригинальность состояла въ цвѣтѣ ея роскошныхъ волосъ. Волнистыя

пряди были зачесаны слегка назадъ, окаймляя лобъ пятью острыми мысками, и когда свѣтъ ударялъ на нихъ, то они принимали темно-золотистый, или, скорѣе, рыжеватый оттѣнокъ, такой, какой мы видимъ на нѣкоторыхъ картинахъ Тиціана. Ослѣпительная бѣлизна ея округленныхъ, нѣсколько покатыхъ, плечъ еще рѣзче выставляла эту странность на видъ. Веселая, почти дѣтская, улыбка и свѣтлый, довѣрчивый взглядъ придавали необыкновенную прелесть выраженію всего лица. Но для того, чтобы уловить это выраженіе, надо было, чтобы молодая дѣвушка нѣсколько свыклась съ своимъ собесѣдникомъ, такъ-какъ непреодолимая застѣнчивость заставляла ее опускать глаза и поминутно вызывала краску на ея лицѣ. За то, когда она рѣшалась поднять свои большіе каріе глаза, то въ нихъ можно было прочитать всю ея душу.

Миловецкій никакъ не ожидалъ увидать такой симпатичной личности въ оригиналѣ фотографіи, которую ему показала Вѣра Николаевна. Онъ не спускалъ глазъ съ Саши, пока графиня здоровалась съ Натальею Петровною.

— Извините, ma chère, что мы рано пріѣхали, говорила Наталья Петровна, сладко улыбаясь и придавъ всему туловищу какое-то быстрое, волнообразное движеніе:—но Саша все ко мнѣ приставала: поѣдемъ, да поѣдемъ—ну, вотъ мы первыми и пріѣхали. Что̀ я тебѣ говорила? обратилась она къ дочери.

Саша въ извиненіе улыбнулась и покраснѣла.

— Что за рано! скоро половина двѣнадцатаго, возразила графиня:—но вы не повѣрите, какъ поздно здѣсь стали съѣзжаться. Съ каждымъ годомъ все позже и позже.

— Знаю, знаю! съ одушевленіемъ воскликнула Наталья Петровна. — Я вѣдь это Сашѣ и говорила... нѣсколько разъ говорила, да она ничего слушать не хотѣла.

Очевидно, что Наталья Петровна настаивала на этомъ обстоятельствѣ для того только, чтобы блестящій адъютантъ не могъ заподозрить ее въ незнаніи петербургскихъ обычаевъ. Она уже успѣла раза два взглянуть на Миловецкаго и при этомъ пріятно осклабилась.

— Тѣмъ лучше! Значитъ, я Сашу должна еще разъ поцаловать, чтобы поблагодарить за весьма лестное для меня нетерпѣніе. Впрочемъ, прибавила графиня, цалуя молодую дѣвушку:—не одно желаніе меня видѣть побудило васъ торопиться пріѣхать. Сколько мнѣ помнится, это первый вашъ балъ? Не такъ ли? спросила она Сашу, чтобы вывести ее изъ молчанія.

— Въ Петербургѣ первый, но за границей я уже была на двухъ балахъ, отвѣчала Саша, опять конфузясь.

Она говорила негромко и слегка картавила.

— Гдѣ же вы танцовали? спросила графиня, желая продлить разговоръ и взглянула на Миловецкаго, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела на него молодая дѣвушка.

— Въ Ницѣ она была на балу у княгини Латуръ д'Овернь, а въ Парижѣ танцовала въ Тюильри, поспѣшила отвѣтить Наталья Петровна.—Повѣрите ли, ma chère, императоръ былъ въ такомъ восхищеніи отъ нея, что два раза подходилъ къ ней и ужь такіе комплименты ей говорилъ... Право!

Саша окончательно растерялась. Дѣтское личико ея даже приняло какое-то испуганное выраженіе.

— Полноте, Наталья Петровна, посмотрите, какъ вы ее конфузите, укоризненно замѣтила графиня, протягивая Сашѣ руку.— Пойдемте, душенька, сядемте. Вы мнѣ разскажете про ваше путешествіе за границу. Вѣдь я васъ еще не видала съ тѣхъ поръ, какъ вы вернулись.

Дамы направились къ большому круглому столу, уставленному чайнымъ приборомъ.

— Наталья Петровна, позвольте вамъ представить моего родственника, Дмитрія Алексѣича Миловецкаго, сказала графиня, садясь къ самовару. — Саша, рекомендую вамъ—отличный танцоръ.

Дмитрій Алексѣевичъ коротко щелкнулъ шпорами и наклонился съ подобающимъ достоинствомъ.

— Очень пріятно познакомиться, восторженно отозвалась Наталья Петровна, приводя опять свою шею и пухлыя плечи въ волнообразное движеніе.—Очень пріятно. Отецъ мой, генералъ-лейтенантъ Дубровскій, вы, вѣроятно, про него слыхали? онъ былъ однимъ изъ кавказскихъ героевъ... очень зналъ Петра Петровича Миловецкаго. Не родственникъ ли онъ вамъ?

— Да-съ. Это братъ моего отца.

— Неужели! удивилась Наталья Петровна съ сіяющимъ лицомъ, и даже всплеснула руками. — Ахъ, какъ пріятно! Саша вообрази себѣ, Петръ Петровичъ Миловецкій—родной дядя полковника!

Миловецкій опять звякнулъ шпорами и слегка поклонился.

— Надѣюсь, что въ память этого стариннаго знакомства, и и меня не будете считать чужимъ, сказалъ онъ.

— О, разумѣется! Я надѣюсь, что вы будете насъ навѣщать. Я пріѣхала сюда на весь сезонъ и буду принимать.

Говоря это, она приняла отчасти торжественный, отчасти небрежный видъ.

— Утромъ я бываю дома по средамъ, а вечеромъ пріемо

пока еще не назначила — большая зала моя еще не готова! Съ этими обойщиками, право, нѣтъ никакого слада. Ну, вообразите себѣ, ma chère, продолжала Наталья Петровна, обращаясь къ графинѣ: — я говорю Лизере: „берите съ меня что̀ хотите, только отдѣлайте мою квартиру къ концу мѣсяца". И что же? До сихъ поръ не могу добиться зеркаловъ въ залу, знаете, бѣлую залу, возлѣ красной гостиной? Ну, посудите сами, на что это похоже?

Наталья Петровна, вѣроятно, еще много бы разсказала, еслибъ разговоръ не былъ прерванъ пріѣздомъ новыхъ гостей. Гостиная графини скоро наполнилась самымъ блестящимъ обществомъ. Прекрасный оркестръ Лядова заигралъ вальсъ. Балъ начался. Первый кадриль прошелъ довольно вяло, потому что обыкновенный распорядитель танцевъ, именно тотъ штатскій франтъ, съ которымъ говорилъ Миловецкій на подъѣздѣ Маріинскаго театра, не счелъ приличнымъ пріѣхать прежде полуночи. Кадриль уже кончалась, когда г. Гулявцевъ вошелъ въ залу медленно, не торопясь, граціозно покачиваясь со стороны на сторону, и спокойно натягивая свои блѣдно-лиловыя перчатки. Онъ подошелъ къ хозяйкѣ дома, которая встрѣтила его любезнымъ упрекомъ, что онъ такъ поздно явился. Онъ поправилъ свой туго-накрахмаленный воротничокъ, размашистымъ движеніемъ руки выдвинулъ впередъ рукавъ рубашки и окинувъ залу самоувѣреннымъ взглядомъ, сказалъ:

— Je vais vous mettre ça en train dans un tour de main, madame la comtesse.

Бросивъ складную шляпу на первый попавшійся стулъ, онъ подошелъ къ танцующимъ съ улыбкою, которая ясно говорила: „ну-ка, теперь посмотрите, что̀ будетъ, какъ я возьмусь за дѣло". Затѣмъ, онъ съ увѣренностью скомандовалъ какую-то фигуру, потомъ grand-rond, chaine, самъ вмѣшался въ нее, на ходу поздоровался со всѣми дамами, и, наконецъ, торжественно окончилъ кадриль командою—„saluez vos dames".

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда Вѣра Николаевна, вообще небольшая охотница до танцевъ, пошла въ свой будуаръ, опираясь на руку Ѳедора Аркадьевича. Великій сановникъ — коренастый мужчина, лѣтъ пятидесяти-пяти, плѣшивый, съ сильною просѣдью въ черныхъ, подъ гребенку обстриженныхъ, волосахъ и черными, какъ смоль, сверкающими глазами, молодцовато наклонялся къ своей дамѣ.

— И такъ, вы мнѣ обѣщаете не глядѣть Юпитеромъ, когда къ вамъ явится мой протеже? продолжала графиня начатый разговоръ.

— А вы думаете, что я способенъ напускать на себя олимпійскій видъ? спросилъ Ѳедоръ Аркадьевичъ, самодовольно пріосанившись.

— Подчасъ бываетъ... Да, притомъ, какъ устоять противъ искушенія... *огорошить* просителя?

И графиня сама разсмѣялась тривіальности употребленнаго ею выраженія.

— Вѣдь у васъ же, хорошенькихъ женщинъ, позволяется *огорошить* новичка, который скромно вымаливаетъ улыбку...

Сановникъ опустился на кресло возлѣ графини и, лукаво улыбаясь, поглаживалъ свой гладко-выбритый подбородокъ.

— Въ этомъ-то и состоитъ его вина — въ чрезмѣрной скромности. А такъ-какъ вы сравнили себя съ хорошенькой женщиной, то я берусь указать Колосовичу вѣрнѣйшій способъ не потерпѣть отъ васъ пораженія.

— О! да съ такимъ совѣтчикомъ онъ, пожалуй, разобьетъ меня въ пухъ и прахъ, любезно отвѣчалъ сановникъ.

— Надѣюсь. Что же касается Миловецкаго, то, право, подумайте о немъ. Онъ человѣкъ практичный, хладнокровный, неспособный увлекаться.

— Какъ! даже подлѣ своей очаровательной кузины? спросилъ сановникъ, строя маленькіе глазки.

— Ну, нѣтъ. Онъ въ этомъ отношеніи придерживается новѣйшей школы... но именно только въ этомъ отношеніи. Во всѣхъ прочихъ, онъ ярый консерваторъ.

— Такими благонамѣренными людьми слѣдуетъ дорожить, одобрительно отозвался сановникъ: —уже оттого только, что они не мѣшаютъ нашему поколѣнію.

— Не мѣшаютъ? на какомъ поприщѣ — административномъ или сердечномъ?

Появленіе въ будуарѣ раскраснѣвшейся Натальи Петровны помѣшало Ѳедору Аркадьевичу высказать любезности, которыя вертѣлись у него на языкѣ. Онъ, по привычкѣ, окинулъ пытливымъ взоромъ вошедшую даму, но тотчасъ опустилъ глаза и посмотрѣлъ на часы, чтобы скрыть кислую мину, появившуюся у него на лицѣ.

— Какъ я, однако, у васъ засидѣлся! скоро часъ, замѣтилъ онъ и протянулъ руку Вѣрѣ Николаевнѣ въ знакъ прощанія.

— Что? обожглись? вполголоса спросила графиня, удерживаясь отъ смѣха. — Не смѣю васъ удерживать, зная, сколько у васъ занятій, громко прибавила она.—Не забывайте же меня.

— Дѣйствительно, я заваленъ работою, но, чтобы навѣстить васъ, всегда найдется время.

Онъ хотѣлъ-было поцаловать руку графини, но замѣтивъ, что она въ перчаткѣ, остановился, и вопросительно взглянулъ на Вѣру Николаевну.

— Что? снять для васъ перчатку? Побаловать? кокетливо спросила она.

— Побалуйте, графиня, я заслужу.

— Смотрите же, не забудьте своего обѣщанія. Берите; теперь можете цаловать.

Графиня протянула ему свою обнаженную бѣлую и душистую руку. Онъ съ чувствомъ особеннаго наслажденія поцаловалъ ее въ ладонь, и окончательно распростившись, вышелъ изъ комнаты побѣдоноснымъ шагомъ.

— Кто этотъ господинъ со звѣздами, ma chère? спросила Наталья Петровна, сидѣвшая на диванѣ въ глубинѣ комнаты, усердно обмахиваясь вѣеромъ.

Она томно прищурилась и указала лорнетомъ на удалявшагося сановника. Вѣра Николаевна назвала его. Услыхавъ его имя и званіе, Наталья Петровна приняла офиціальный видъ, и даже пріостановила движеніе вѣера.

— Ахъ, какое у него умное лицо! Сейчасъ видно, что онъ сановникъ!

— А знаете, о комъ мы съ нимъ говорили, когда вы вошли? небрежно спросила Вѣра Николаевна. — О Миловецкомъ. Ѳедоръ Аркадьевичъ очень высокаго мнѣнія о немъ и предсказываетъ ему блестящую карьеру.

— Охотно вѣрю. Признаюсь, ma chère, m-r Миловецкій мнѣ необыкновенно нравится! Въ немъ много солиднаго—прекрасный молодой человѣкъ. Наталья Петровна одобрительно кивнула головой и прищурила глаза.

— Не слишкомъ-то называйте его „молодымъ человѣкомъ", возразила Вѣра Николаевна: — того и гляди, его губернаторомъ назначатъ.

— Неужели!... протяжно удивилась Наталья Петровна, приподнявъ красныя опухоли надъ глазами и о чемъ-то задумалась.

Цѣль графини была достигнута. Поэтому Вѣра Николаевна перемѣнила тему разговора, не удаляясь, впрочемъ, отъ основной мысли. Она стала выхвалять Сашу.

Во время этого панегирика, отъ котораго Наталья Петровна попеременно то жеманно скромничала, то умильно таяла, въ дверяхъ гостиной показался мужчина, высокій ростомъ, худощавый, нѣсколько сутуловатый, съ рѣзко очертаннымъ лицомъ. Небольшіе впалые глаза зорко глядѣли изъ-подъ темныхъ, нѣсколько нависшихъ, бровей. Смѣлый очеркъ профиля напоминалъ

собою изображеніе старинныхъ греческихъ медалей. Отсутствіе усовъ и бороды выказывали красивый ротъ съ тонкими, сжатыми губами. Небольшіе бакенбарды окаймляли это правильное, хотя немного скулистое лицо.

Увидавъ Вѣру Николаевну, молодой человѣкъ — ему на видъ было лѣтъ 30 — быстро подошелъ къ ней. Она, съ своей стороны, узнавъ своего посѣтителя, слегка покраснѣла, и съ радостнымъ восклицаніемъ пошла къ нему на встрѣчу.

— Ну, не стыдно ли вамъ, Алексѣй Михайлычъ? сказала она, протягивая руку. — Посмотрите, который часъ! Я уже думала, что вы совсѣмъ не будете.

— Виноватъ, простите, извинился молодой человѣкъ, ласково улыбаясь, причемъ лицо его приняло добродушное выраженіе. —Впрочемъ, Вѣра Николавна, я васъ предупредилъ, что у меня сегодня должно быть засѣданіе. Вы знаете, какимъ я дѣломъ занятъ?

Онъ говорилъ просто, и рѣчь его имѣла ту особенность, что относилась исключительно къ лицу, съ которымъ онъ говорилъ. Очевидно, онъ нисколько не рисовался и не заботился о впечатлѣніи, которое онъ могъ произвести на постороннихъ.

— Да, да, знаю, и даже могу вамъ сказать, что Ѳедоръ Аркадьичъ предупрежденъ, весело сказала Вѣра Николаевна, направляясь опять къ дивану, гдѣ сидѣла Наталья Петровна, съ любопытствомъ осматривавшая черезъ лорнетъ вошедшаго гостя.

— Я должна васъ представить мадамъ Марковой, продолжала графиня.—Наталья Петровна, m-r Колосовичъ — старинный мой знакомый и хорошій пріятель.

Колосовичъ, услыхавъ имя г-жи Марковой, на мгновеніе пріостановилъ уже начатый имъ поклонъ и съ несомнѣнными признаками удивленія взглянулъ изподлобья на Наталью Петровну. Довершивъ поклонъ, онъ придвинулъ себѣ стулъ и опять-таки съ любопытствомъ сталъ вглядываться въ лицо г-жи Марковой, которая, съ свойственною ей болтливостью, уже успѣла закидать его любезностями.

Удивленіе Колосовича не ускользнуло отъ Вѣры Николаевны. Она посмотрѣла на него вопросительно и, повидимому, ожидала объясненія.

— Я много слышалъ про васъ отъ вашей сестры, г-жи Любанской, и отъ вашей дочери, Александры Николавны, сказалъ Колосовичъ, когда Наталья Петровна остановилась, чтобы перевести духъ.

— Какъ? Неужели? Гдѣ же вы съ ними познакомились? воскликнула она съ удивленіемъ и опять засуетилась, не дожидаясь

отвѣта.—Вѣроятно, заграницей?... Какъ же это Саша мнѣ ничего не сказала? Впрочемъ, она только-что третьягодня вернулась прямо изъ Парижа, она не успѣла мнѣ еще всего хорошенько поразсказать. Она тамъ была на придворномъ балу, ну, и, разумѣется, молодая дѣвушка, не привыкшая еще къ свѣту— все это ее поражаетъ, прельщаетъ, кажется новымъ; а вы гдѣ ее видѣли? вдругъ спросила Наталья Петровна, вспомнивъ, что Колосовичъ еще не удовлетворилъ ея любопытства.

— Сначала въ Швейцаріи, а потомъ въ Ницѣ, спокойно отвѣтилъ онъ, улыбаясь болтовнѣ г-жѣ Марковой и переглянувшись съ Вѣрою Николаевною.

— О! значитъ, вы съ нею хорошіе знакомые! Очень пріятно! Саша, вѣроятно, будетъ очень рада васъ видѣть: она здѣсь на балу... и такъ танцуетъ, ma chère, съ живостью обратилась она къ Вѣрѣ Николаевнѣ: — что, право, устанешь, только глядя на нее. Ну, да надобно также отдать справедливость этому молодому человѣку, какъ это вы его назвали... ахъ, да! Гулявцеву — онъ великолѣпно дирижируетъ танцами! Я непремѣнно попрошу его дирижировать у меня на балахъ. Только когда-то моя квартира будетъ отдѣлана? Охъ, ужь мнѣ этотъ Лизерэ! закончила она свою рѣчь, погрозясь кому-то вѣеромъ.

Изъ залы доносились оживленные звуки послѣдней фигуры кадриля. Черезъ нѣсколько секундъ музыка прекратилась и послышался громкій гулъ голосовъ. Нѣсколько паръ быстро вошли въ комнату, гдѣ сидѣла Вѣра Николаевна, и расположились возлѣ нея, весело болтая и шутя.

Колосовичъ, при входѣ дамъ, поспѣшно всталъ. Легкая краска пробѣжала по его лицу. Онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ посмотрѣлъ на входившихъ гостей и, убѣдившись, что никого изъ нихъ не знаетъ, незамѣтно отступилъ къ двери: мимо его прошла молодая княгиня Глинская, придерживая одной рукой свое изорванное платье. Она направилась прямо къ Вѣрѣ Николаевнѣ съ вопросомъ: какъ ей пройти въ уборную. Колосовичъ посторонился, чтобы пропустить княгиню и проскользнулъ въ гостиную. Здѣсь онъ опять кого-то сталъ искать глазами, и не найдя, прошелъ далѣе. Зала была совершенно пуста. Въ ней было настежъ раскрыто одно изъ оконъ. Значительная часть гостей толпилась въ смежной гостиной вокругъ длиннаго стола, на которомъ роскошно сервированъ былъ чай и различные прохладительные напитки. Колосовичъ быстро прошелъ черезъ залу и остановился у двери. Онъ тревожнымъ взглядомъ окинулъ комнату. Вдругъ глаза его радостно блестнули и неподвижно вперились въ противоположный уголъ комнаты. Тамъ, спиною

къ нему, стояла Александра Николаевна, пересмѣиваясь съ двумя молодыми дѣвушками. Долго Колосовичъ не рѣшался подойти, какъ бы не желая прервать ощущенія, испытываемаго имъ при видѣ этой прелестной головки. Наконецъ, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Въ ту же самую минуту Александра Николаевна безсознательно повернула голову, и взгляды ихъ встрѣтились. Молодая дѣвушка такъ и обомлѣла. Она даже притаила дыханіе. Потомъ хорошенькое личико ея зардѣлось яркимъ румянцемъ и озарилось улыбкою наивной, дѣтской радости. Она быстро повернулась и, увлекаясь первымъ впечатлѣніемъ, пошла на встрѣчу Колосовичу. Они встрѣтились на срединѣ комнаты, протянули другъ другу руку, и чуть-чуть было не заговорили оба вмѣстѣ. Однако, Александра Николаевна совладала съ своимъ нетерпѣніемъ и выждала привѣтствіе Колосовича.

— Вотъ неожиданное счастіе, сказалъ онъ, не выпуская ея руки. — Вы вернулись раньше, чѣмъ предполагали? Какъ это вы мнѣ не дали знать объ этомъ? Помните нашу прогулку въ Булонскомъ лѣсу? Но гдѣ же ваша тетушка?

Вопросы его сыпались одинъ за другимъ, безъ всякой связи. Малѣйшая подробность, относящаяся до Саши, интересовала его. Ему хотѣлось обо всемъ разспросить ее разомъ. И Саша его понимала. Она свѣтло глядѣла ему прямо въ глаза и счастливая улыбка не сходила съ ея полураскрытыхъ губъ. Только лицо ея пылало еще болѣе прежняго; даже маленькое, твердо обрисованное ушко загорѣлось яркимъ румянцемъ.

— Намъ соскучилось въ Парижѣ, отвѣтила она просто, безъ замѣшательства: — тетушка не имѣла никакихъ причинъ оставаться тамъ, она и согласилась на мою просьбу вернуться въ Петербургъ раньше назначеннаго срока, тѣмъ болѣе, что мама намъ писала, что она уже здѣсь, и насъ ожидаетъ.

Колосовичъ слушалъ ее съ поглощающимъ вниманіемъ. Но онъ нестолько внималъ самому смыслу словъ, сколько прислушивался звуку знакомаго, милаго голоса. Даже легкая картавость Саши приводила его въ восторгъ.

— Послушайте, однако, сказалъ онъ, окинувъ комнату глазами: — дайте мнѣ руку и пройдемтесь по комнатамъ, мнѣ бы хотѣлось съ вами поговорить, а оставаясь на мѣстѣ, мы находимся подъ перекрестнымъ огнемъ всѣхъ этихъ любопытныхъ взглядовъ. Посмотрите хоть вотъ на этого адъютанта: онъ такъ и пожираетъ васъ глазами.

Саша дала руку Колосовичу и разсѣянно взглянула по указанному направленію. Миловецкій стоялъ прислонившись къ

стѣнѣ. Онъ дѣйствительно не спускалъ глазъ съ Александры Николаевны, задумчиво поглаживая свои повислые усы.

— Такъ вы, значитъ, меня не совсѣмъ забыли? сказалъ Колосовичъ вполголоса, пробираясь сквозь толпу.

— Какъ? вы думаете? спросила Саша, поднимая къ нему свое смѣющееся, счастливое личико.

— Милая! дорогая! тихо прошепталъ онъ, притянувъ ея руку къ себѣ.—Ваша матушка, однако, еще ничего не знаетъ? Я ей сейчасъ представился, но судя по тому, что̀ она мнѣ сказала, вы даже не произнесли моего имени.

Саша потупилась.

— Я еще не успѣла, нерѣшительно отвѣтила она.

— Но вы помните, однако, что̀ между нами было условлено? Вы должны были немного подговить вашу матушку, чтобы мое предложеніе не вышло бы слишкомъ неожиданно... Или вы, можетъ быть, предвидите какія нибудь препятствія съ ея стороны? спросилъ онъ ее съ безпокойствомъ.

— О, нѣтъ! Какія же могутъ быть препятствія! Только, право, я еще не успѣла...

— То-есть какъ это не успѣли? повторилъ Колосовичъ, подводя ее къ маленькому дивану въ гостиной возлѣ изящной тумбочки, на которой стоялъ тяжелый канделябръ.—Садитесь сюда, а я возлѣ васъ буду стоять, такимъ образомъ мы будемъ въ сторонкѣ, — авось намъ дадутъ поговорить. Милая моя! прибавилъ онъ, когда Саша усѣлась. Онъ придалъ своему голосу такое ласкающее, любящее выраженіе, что у Саши навернулись слезы на глазахъ.

— Ну-съ, объясните же мнѣ, отчего вы не предупредили вашу матушку о совершенномъ вами злодѣяніи? пошутилъ Колосовичъ, играя вѣеромъ Александры Николаевны. — Или, можетъ быть, вамъ совѣстно стало признаться, что вы оторвали человѣка отъ занятій и заставили вернуться въ Россію прежде, нежели онъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать?

— Дѣйствительно! Отчего вы не поѣхали въ Англію?

— Не вытерпѣлъ, просто не вытерпѣлъ! Мнѣ захотѣлось съѣздить въ Москву, чтобы какъ можно скорѣе привести свои дѣла въ ясность. Теперь все кончено — имѣньице мое небольшое, какъ я вамъ уже говорилъ, — но все какъ нельзя болѣе въ порядкѣ: жить чѣмъ есть — значитъ, за мной задержки не будетъ. Теперь остается только ждать вашего рѣшенія: когда вы позволите мнѣ явиться къ вашей матушкѣ?...

Саша опустила глаза и нервно теребила платокъ.

— Когда хотите; только я, право, не знаю, какъ я скажу

мама... Вѣдь я уже вамъ говорила, Алексѣй Михайловичъ, что хотя я мама люблю отъ всей души, но я все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что у меня не стало отца. Я съ дѣтства привыкла видѣть въ немъ друга... Я не привыкла раскрывать свою душу передъ мама... Внимательный взглядъ Саши остановился на Колосовичѣ, какъ бы прося у него совѣта.

Колосовичъ задумчиво покачалъ головой.

— Не знаю, не знаю, тихо сказалъ онъ, облокотясь на тумбочку и наклоняясь ближе къ Сашѣ. — Вѣдь не могу же я въ самомъ дѣлѣ явиться къ Натальѣ Петровнѣ, и съ разу, безъ предувѣдомленія, просить вашей руки. Развѣ попросить вашу тётушку помочь намъ въ этомъ дѣлѣ?

— Къ несчастію, тетя теперь нездорова... но, впрочемъ, это не можетъ помѣшать ей видѣться съ мама. Вѣроятно мама поѣдетъ навѣстить свою сестру — только я не знаю, какъ бы это устроить...

— То-есть, что̀ же именно?

— Да вѣдь тетя также ничего не знаетъ, запинаясь отвѣтила Саша: — т.-е. она, можетъ быть, и догадывается, что я... что вы... Ахъ, Алексѣй Михайловичъ, перестаньте улыбаться; вы очень хорошо понимаете, что̀ я хочу сказать! И она, вся вспыхнувъ, смотрѣла на него хмурясь и улыбаясь въ одно время.

Оркестръ заигралъ вальсъ.

— Пойдемте танцовать, предложилъ онъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами въ послѣдній разъ вальсировалъ, я не танцовалъ.

Саша оперлась на его руку. Они проложили себѣ путь сквозь тѣсно сдвинутый кружокъ зрителей, праздно скучившихся у двери. Колосовичъ видѣлъ въ вальсѣ нѣчто болѣе, чѣмъ простую гимнастику подъ тактъ музыки. Ему хотѣлось въ эту минуту обнять Сашу, почувствовать прикосновеніе ея гибкаго стана, увлечь ее въ быстромъ движеніи, отъ котораго у нея бы захватило дыханіе и забилось сердце. Крѣпко обнявъ ея талію, вдыхая въ себя запахъ ея волосъ, онъ, плавно и быстро скользя, закружился по залѣ. Послѣ двухъ круговъ, онъ круто остановился, поддержавъ свою даму на правой рукѣ. Саша взглянула на него какъ дитя, которое пробуждается отъ сна, съ улыбкою на устахъ.

— А теперь — прощайте, сказалъ Алексѣй Михайловичъ, рѣшительно. — Мнѣ съ вами нельзя болѣе оставаться, не обративъ на васъ всеобщаго вниманія.

— Да, вы правы, съ сожалѣніемъ отвѣтила Саша: — но я васъ завтра увижу?

— Непремѣнно. Я явлюсь къ вашей матушкѣ. Когда ее можно застать? — Часовъ...

— Часа въ 4 она обыкновенно бываетъ дома. Впрочемъ, вѣрно обѣщать не могу.

— Хорошо. Въ половинѣ пятаго я буду у васъ. Прощайте. Онъ крѣпко пожалъ ей руку и направился къ выходной двери.

Не прошелъ онъ и двухъ шаговъ, какъ долженъ былъ остановиться передъ дамой, преграждавшей ему путь. Онъ разсѣянно взглянулъ на нее, и такъ глубоко погрузился въ свои мечты, что не сразу узналъ ее. Передъ нимъ стояла Вѣра Николаевна и пристально глядѣла на него.

— Ахъ, графиня, извините — я васъ не видалъ... извинялся онъ.

— Графиня? удивилась она, не спуская глазъ. — Не видали? Послушайте, вы ее давно знаете? вдругъ спросила она вполголоса, опираясь на руку Колосовича и уводя его изъ залы.

— Кого это? съ нѣкоторымъ смущеніемъ спросилъ онъ, избѣгая взгляда Вѣры Николаевны.

— Сашу? отрывисто сказала графиня.

Колосовичъ на секунду задумался. Ему не хотѣлось разстроить того сладостнаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился, отвѣчая на разспросы, которые Вѣра Николаевна очевидно считала себя въ правѣ ему дѣлать. Поэтому онъ сдѣлалъ нѣкоторое усиліе надъ собою и рѣшился смѣло встрѣтить взглядъ графини.

— Александру Николавну? переспросилъ онъ съ удивленіемъ: — всего какихъ нибудь пять, шесть мѣсяцевъ, но мы съ ней большіе пріятели.

Это было сказано совершенно натуральнымъ, беззаботнымъ тономъ.

— И только?

— Разумѣется. Что̀-же вы думали?

— Нѣтъ, такъ ничего. Приходите ко мнѣ завтра вечеромъ часовъ въ десять не позже... Мнѣ надо вамъ передать мой разговоръ съ Ѳедоромъ Аркальичемъ. Утромъ вы меня не застанете.

— Слушаю-съ, и благодарю васъ, что не забыли моей просьбы.

— И такъ,—помните—я васъ ожидаю.

— Непремѣнно, въ десять часовъ я буду у васъ.

Онъ почтительно поклонился и, поцѣловавъ руку у графини, направился къ лѣстницѣ.

Вѣра Николаевна задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ, потомъ едва примѣтно пожала плечами и самоувѣренная улыбка заиграла на ея устахъ.

Она вернулась въ залу и прямо подошла къ Сашѣ.

II.

Няня стараго покроя.

Мы видѣли Наталью Петровну, пріятно улыбающуюся, дѣтски и невинно смѣющуюся, вертляво подергивающую своими пухлыми, красными плечами. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключить, чтобы она постоянно оставалась вѣрною этой роли—беззаботной, нѣсколько молодящейся женщины. Это была именно только роль, праздничная форма, въ которую она облекалась и покидала вмѣстѣ съ бальнымъ нарядомъ. Бывало, Наталья Петровна, сходя съ лѣстницы какого нибудь театра или фешенебельнаго дома, сладко улыбалась, томно поглядывала по сторонамъ, расточала частые и восторженные кивки головой и нерѣдко воздушные поцалуи рукой. Но какъ только она сходила съ подъѣзда, привѣтливость улыбки, томность взгляда, восторженность движеній—все это исчезало въ одно мгновеніе ока. Оплывшее лицо ея растягивалось и принимало свое нормальное выраженіе: надутое, нахальное, сварливое. Подсаживающій ее въ карету лакей, обыкновенно первый испытывалъ всю рѣзкость и неожиданность такой перемѣны.

— Да ну-же! Держи хорошенько! Какой ты пентюхъ, право. И посадить-то въ карету не умѣешь, а туда же въ выѣздные лѣзешь! говорила она, грузно упираясь на руку лакея и толкая его локтемъ.

Особенно побаивались Натальи Петровны утромъ, или, вѣрнѣе сказать, въ полдень, обыкновенный часъ вставанья генеральши! Ночное ложе, состоящее изъ жаркихъ пуховиковъ, тяжелые сны — послѣдствіе дурнаго пищеваренія, боль и ломота во всѣхъ членахъ, вызванныя черезчуръ усерднымъ перетягиваніемъ корсета и ботинокъ, — до нѣкоторой степени объясняли болѣзненную раздражительность ея превосходительства. Впрочемъ, надо отдать справедливость Натальѣ Петровнѣ: зная за собою этотъ недостатокъ, она впродолженіе двухъ, трехъ часовъ послѣ своего вставанія, ни съ кѣмъ не видалась, исключая своей горничной, и хранила суровое молчаніе, изъ котораго могли вывести ее развѣ крайняя необходимость, въ родѣ слишкомъ холодной воды или недостаточно накрахмаленной юбки.

На другой день послѣ описаннаго нами бала, Саша ожидала появленія своей матушки, сидя у окна богато убранной гостиной, въ одномъ изъ красивыхъ домовъ Дворцовой набережной.

Она прилежно срисовывала видъ крѣпости, пользуясь послѣдними лучами рано заходящаго солнца. При яркомъ отраженіи искрившагося пушистаго снѣга, покрывавшаго Неву, Саша казалась еще свѣжѣе и миловиднѣе, чѣмъ при вечернемъ освѣщеніи. Роскошные волосы ея, собранные въ густую косу, низко лежали на затылкѣ и переливались золотистымъ, рыжеватымъ оттѣнкомъ. Особенно выигрывали при дневномъ свѣтѣ нѣжность и прозрачность ея кожи. Тонкія голубыя жилки сквозили не только на вискахъ, но даже на подбородкѣ и вдоль нижней челюсти.

Саша усидчиво работала, изрѣдка поглядывая на крѣпость: трудъ ея уже подвигался къ концу, когда она опять подняла глаза на оригиналъ, чтобы исправить какую-то ошибку, вкравшуюся въ рисунокъ. Она посмотрѣла на огненное отраженіе заходящаго солнца въ золоченый шпиль крѣпости — и задумалась. Приложивъ карандашъ къ полуоткрытымъ губамъ, она слегка царапала его кончикъ своими маленькими ровными зубами, потомъ вздохнула и съ новымъ рвеніемъ принялась доканчивать видъ крѣпости съ ея длиннымъ шпилемъ и темными амбразурами казематовъ. Она до того увлеклась работою, или, вѣрнѣе своими мыслями, что не слыхала, какъ отворилась дверь въ гостиную, и вошла, осторожно притворивъ опять за собою дверь, маленькая, сморщенная старушка въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ и въ коричневомъ шерстяномъ платкѣ, перехваченномъ булавкою у самаго горла. Это была Ѳекла Ильинична.

Ѳекла Ильинична уже болѣе тридцати лѣтъ находилась въ домѣ Марковыхъ. Она была вывезена Натальей Петровной изъ ея родоваго имѣнія и сначала служила у ней горничной, потомъ сдѣлалась нянею Саши, выростила ее какъ родную дочь, и наконецъ теперь состояла при своихъ господахъ въ качествѣ экономки или довѣреннаго лица. Года Ѳеклы Ильиничны оставались для всѣхъ непроницаемою тайною. Хотя она и увѣряла, что ей пошелъ седьмой десятокъ, но въ этомъ позволено было усомниться, судя по ея необыкновенной бодрости. По лицу ея также трудно было опредѣлить ея лѣта. Оно было морщинисто, съ впалыми щеками, длиннымъ утинымъ носомъ, нерѣдко замараннымъ табакомъ, и подслѣповатыми сѣренькими глазками, исполненными добродушія. Сѣдые, жиденькіе волосы, съ широкой лысиной вдоль пробора, постоянно прикрывались полупрозрачнымъ чепцомъ, сквозь который виднѣлась тощая косичка, свернутая кренделемъ и придерживаемая несоразмѣрно большимъ роговымъ гребнемъ. У Ѳеклы Ильиничны были свои слабости. Она была очень словоохотлива. Подчасъ любила она

также и скромно поворчать, при чемъ непремѣнно употребляла, какъ бы въ успокоеніе своей совѣсти, выраженія въ родѣ „прости Господи“, или „Богъ имъ судья“. Въ экстренныхъ случаяхъ она даже прибѣгала къ восклицанію: „согрѣшила я, окаянная!“, но это случалось чрезвычайно рѣдко а именно, когда, увлеченная своимъ негодованіемъ, она рѣшалась осудить какой-нибудь поступокъ обидными или даже бранными словами. Что же касается до своей бывшей питомицы, то она въ ней души не чаяла. Это была какая-то восторженная, ревнивая любовь. Она не только не допускала недружелюбнаго замѣчанія или злословія про Александру Николаевну, но устраняла даже возможность всякаго сравненія ея съ какой-нибудь другой дѣвицею.

Войдя въ гостиную, Ѳекла Ильинична остановилась у двери и сложивъ предварительно руки поверхъ болтавшихся концовъ своего длиннаго платка, отвѣсила низкій поклонъ по направленію, гдѣ сидѣла Саша.

— Здравствуйте, матушка Александра Николавна, сказала она, немного спустя, и видя что Саша ее и не замѣчаетъ.

— Ахъ, няня! душенька! здравствуй! воскликнула Саша, быстро поднявъ голову и ласково улыбнулась. Ѳекла Ильинична приблизилась къ Александрѣ Николаевнѣ и сдѣлала видъ, будто хочетъ подойти къ ручкѣ. Саша поспѣшно отдернула руку. Обнявъ свою старую няню, она поцаловала ее въ щеку. Эта сцена повторялась каждый день при здорованіи или прощаніи, несмотря на убѣдительный протестъ со стороны Саши. Но Ѳекла Ильинична любила старые порядки и строго придерживалась ихъ.

— Что, мама скоро выйдетъ? спросила Саша, слегка потягиваясь послѣ усидчивой работы.

— Должно быть что скоро: они ужь съ полчаса никакъ чай изволили откушать.

— Ну, что новенькаго скажешь? спросила опять Саша, откинувшись на спинку стула и упираясь обѣими руками въ столъ.

— Что вы, матушка, на стульчикѣ-то качаетесь... какъ же это можно! строго воскликнула Ѳекла Ильинична.—Ну, вдругъ у васъ ручка-то сорвется..! далеко ли до бѣды!

Саша весело разсмѣялась и сдѣлала видъ, будто падаетъ, чтобы вспугнуть старую няню. Потомъ она быстро вскочила и крѣпко поцаловала ее.

— Ахъ ты, старушка моя, всего-то ты боишься, всего пугаешься! Ну, на, смотри! Вѣдь выросла я, съ тѣхъ поръ, какъ ты меня не видала? не правда-ли? сказала она, выпрямляя во весь ростъ свою стройную гибкую фигуру.

— У-у! да еще какъ! удивилась Ѳекла Ильинична, покачивая головой, точно сѣтуя на какую-либо бѣду. — На цѣлыхъ два пальца выросли, право!... И какая же вы у меня красавица стали!.. нѣмцы-то такихъ и во снѣ чай не видали!

— Конечно, не видали! меня тетя тамъ за деньги показывала, подшутила Саша.

— Ладно! ладно! смѣйтесь, а я дѣло говорю! съ убѣжденіемъ возразила Ѳекла Ильинична. — Небось отъ жениховъ, какъ отъ комаровъ, отбоя не было... И старушка лукаво улыбнулась, подмигнувъ глазомъ.

Саша вдругъ сконфузилась.

— Полно, няня, что за вздоръ! Мало-ли за границей такихъ, какъ я. А сколькихъ я встрѣтила, которыя въ тысячу разъ лучше меня! черные волоса, черные глаза... а у меня волоса рыжіе... вѣдь такъ? Рыжіе? смѣясь спросила Саша.

— Ну, ужь про это я знаю, сказала Ѳекла Ильинична, съ достоинствомъ поправивъ свой коричневый платокъ.—Ужь про это я знаю, рыжіе ли у васъ волоса или нѣтъ! А женихи безпремѣнно были! Это вѣрно! съ убѣжденіемъ прибавила старушка.

— Развѣ тетя тебѣ сказала?

— Софья-то Петровна? Ничего не говорили... А что? спросила Ѳекла Ильинична, усиленно моргая глазами, что̀ всегда служило у ней признакомъ процесса умственнаго соображенія.— А вотъ и проговорились! воскликнула она, немного спустя. — Значитъ, моя правда... женихи-то были! Да какъ же имъ и не быть... Вѣдь ты, голубушка моя, посмотри-ка на себя въ зеркальце... краля... просто краля...

— Посмотри-ка, няня, узнаешь ли что̀ я нарисовала? перебила ее Саша, тяготясь этимъ разговоромъ. Она взяла со стола рисунокъ и подала Ѳеклѣ Ильиничнѣ.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ, сказала Ѳекла Ильинична, кладя рисунокъ обратно на столъ и поспѣшно шаря у себя въ карманѣ.—Вотъ, дайте, я только табачку немного понюхаю, а не то, что-то въ глазахъ затуманилось. Она достала табакерку и футляръ съ очками. Втянувъ въ два пріема щепотку табаку, при чемъ слѣды его остались на кончикѣ желтаго утинаго носа ея, она торопливо вынула изъ футляра очки съ сине-зеленоватыми стеклами, въ широкой серебряной оправѣ, и съ нѣкоторымъ трудомъ надѣла ихъ, цѣпляясь за жиденькіе волоса.

— Да ты узнаешь ли этотъ видъ?

— Да что вы это, матушка, меня совсѣмъ дурой-то считаете? обидчиво возразила Ѳекла Ильинична: — крѣпости-то мнѣ не узнать—не ослѣпла же я, слава Богу!...

Саша была въ восторгѣ. Она взяла ужь карандашъ въ руки, и собиралась указать имъ кой-какія подробности рисунка, которыя вѣроятно ускользнули отъ вниманія Ѳеклы Ильиничны.

— Это что̀ за безпорядокъ? Зачѣмъ этотъ столъ стоитъ у окна? послышался недовольный голосъ Натальи Петровны.

— Ахъ! здравствуйте, мама! воскликнула Саша, подбѣгая къ своей матери и цалуя у ней руку.—Я не слыхала, какъ вы вошли. Что, вы не слишкомъ устали отъ вчерашняго бала?

— Нѣтъ, ничего, отдохнула, довольно снисходительно отвѣчала Наталья Петровна на привѣтствіе дочери. Утренняя гроза уже успѣла сойти съ ея лоснящагося лица и на немъ остались лишь маленькія запоздалыя тучки... и значительное количество пудры. — Только зачѣмъ столъ стоитъ не на мѣстѣ? повторила она, обращаясь къ Ѳеклѣ Ильиничнѣ, которая при входѣ ея тотчасъ положила рисунокъ на мѣсто, и молча поклонилась, выжидая приказаній Натальи Петровны.

— Это я, мама. Я здѣсь рисовала, пояснила Саша.

— Зачѣмъ же, милая моя, въ гостиной? Въ гостиной не слѣдуетъ рисовать, тихо, но внушительно говорила Наталья Петровна.—Ну, если вдругъ кто-нибудь пріѣдетъ... Какой же это порядокъ! Бумага, карандаши... бѣлый хлѣбъ, и посмотри, какъ ты насорила!... Ѳекла, вели-ка тутъ подмести да поставить все на мѣсто, и спроси, готова ли карета?

— Вы ѣдете, мама? Такъ поздно? спросила Саша, съ безпокойствомъ взглянувъ на часы. Она помнила обѣщаніе Колосовича быть въ половинѣ пятаго. Сдѣлавъ этотъ вопросъ, Саша почувствовала, что сильно краснѣетъ, и чтобы скрыть свое смущеніе, стала прибирать на столѣ.

— Что за поздно! четырехъ часовъ еще нѣтъ!... мнѣ надо въ два, три мѣста съѣздить, да кстати и къ сестрѣ заѣхать, отвѣчала Наталья Петровна, зѣвнувъ и подходя къ столу, гдѣ копошилась ея дочь.—Софи пишетъ, что она нездорова, что съ ней опять тамъ случилось... Покажи-ка рисунокъ, прибавила она, протягивая руку.

Саша робко подала свое произведеніе.

— Недурно, немножко небрежно сдѣлано, но впрочемъ недурно, равнодушно сказала Наталья Петровна, отдавая ей рисунокъ.—А все-таки, ma chère, пожалуйста помни: въ гостиной никогда у меня не сори. На то есть своя комната. Рисуй себѣ тамъ сколько душѣ угодно.

— Хорошо, мама. Я вѣдь не знала, извините меня, смиренно отвѣтила Саша. — А что, вы меня съ собой возьмете? вдругъ спросила она, сообразивъ, что если она выѣдетъ вмѣстѣ съ ма-

терью, то ей, можетъ быть, удастся поторопить ее и вернуться домой къ назначенному часу: — мнѣ бы очень хотѣлось тетю повидать!

— Мало на нее насмотрѣлась за границей? Слава Богу, восемь мѣсяцевъ гуляла, кисло возразила Наталья Петровна.

— Да вѣдь тетя больна.

— Ну, ужь и больна! Знаю я эти болѣзни сестры. Чуть у ней носъ зачешется, тотчасъ за докторомъ посылаетъ. — Да и чего ты суетишься, прибавила она послѣ минутнаго раздумья:— вѣдь рѣшено было, что ты поѣдешь къ Софи сегодня вечеромъ,— чего же тебѣ еще?

Саша не возражала. Она только слегка вздохнула и ушла къ себѣ въ комнату отнести рисунокъ и карандаши. Это была высокая и узкая комната, въ одно окно, выходящее на набережную. Простенькая желѣзная кровать съ бѣлыми кисейными занавѣсами, незатѣйливый туалетный столъ, обтянутый кисеею на розовомъ каленкорѣ, комодъ и крошечный письменный столикъ, придавали этой комнатѣ видъ простоты и даже бѣдности, которая шла въ разрѣзъ съ роскошнымъ убранствомъ гостиной, въ которой Саша позволила себѣ рисовать, къ неудовольствію Натальи Петровны. При всей этой простотѣ, комнатка Александры Николаевны носила на себѣ какой-то отпечатокъ уютности и веселости, которой не было въ гостиной. На окнѣ стояла жардиньерка съ различными растеніями, и между прочимъ съ пахучими левкоями въ полномъ цвѣту. Надъ ними висѣла выбѣленная проволочная клѣтка съ синими балкончиками и навѣсомъ. Въ клѣткѣ, весело чирикая, попрыгивала канарейка. Войдя къ себѣ въ комнату, Саша ласково взглянула на свою птичку.

— Пи-и!—передразнила она чириканье, которымъ привѣтствовала ее канарейка. — Что тебѣ?... Сахару? — Да? Ну, сейчасъ, сейчасъ, — подожди!

Она достала со стола кусочекъ сахару, и пододвинувъ стулъ къ окошку, проворно вскочила на него.

— Саша, я ѣду, опять послышался за дверью голосъ Натальи Петровны.

— Что вы говорите? спросила Саша, не разслыхавъ ея словъ.

— Не стану я надрывать себѣ горло, чтобы кричать на весь домъ, отозвалась Наталья Петровна рѣзкимъ фальцетомъ.—Угодно тебѣ слышать, что̀ я говорю, такъ можешь сюда придти.

Саша проворно соскочила со стула, и побѣжала къ матери. Наталья Петровна стояла передъ зеркаломъ, расправляя бантъ своей шляпы.

— Виновата, мама, я не разслыхала, я кормила князька,

извинилась Саша, помогая Натальѣ Петровнѣ въ ея работѣ, и обтягивая на ней толстую турецкую шаль.

— Нашла чѣмъ заниматься! Въ восемьнадцать лѣтъ съ какимъ-то снигиремъ возится! проворчала Наталья Петровна. — Я говорила тебѣ, что я вѣроятно раньше шести часовъ не вернусь. Если Вѣра Вязина сюда будетъ, такъ ты ее прими и скажи, что сегодня перемѣнили спектакль: даютъ „Les Diables Noirs“ вмѣсто „Fernande“. Она, можетъ быть, захочетъ пріѣхать ко мнѣ въ ложу. Смотри же, не забудь. Я велю, чтобы тебѣ доложили, когда она будетъ, такъ ты не прозѣвай. Я сама заѣду къ Вѣрѣ, но врядъ ли ее застану. Обтяни-ка мнѣ немного платье спереди, оно что-то топырится, прибавила Наталья Петровна, замѣтивъ эту неисправность въ своемъ нарядѣ.

Оставшись одна, Саша, въ грустномъ раздумьѣ, подошла къ окну. Неожиданное рѣшеніе Натальи Петровны разстраивало ея планы. Она знала, что ей нельзя было принять Колосовича въ отсутствіе матери.

„И вѣдь какое несчастіе“, подумала она: „всѣ эти дни мама была дома послѣ 4-хъ часовъ, и вдругъ сегодня, именно сегодня, вздумала выѣхать!“... Она разсѣянно смотрѣла прямо передъ собой. Солнце уже сѣло. Сумерки окутали мрачную ограду крѣпости клубами сѣраго, холоднаго тумана. Только снѣжная скатерть, разостланная по Невѣ, и желтая колокольня надъ шпилемъ, бѣлѣли еще среди быстро набѣгающей ночи. Саша грустно вздохнула, и отошла отъ окна. Она посмотрѣла на часы, смутно надѣясь еще, что, можетъ быть, ея мать вернется раньше назначеннаго Колосовичу времени. Чтобы сократить ожиданіе, она подошла къ фортепіано, зажгла свѣчи и стала разбирать вновь присланную ей музыку изъ нотнаго магазина.

Ровно въ половинѣ пятаго послышался звонокъ въ передней. Саша вздрогнула. Она перестала играть, остановясь среди такта. Лѣвая рука ея осталась на клавишахъ, правую же она поспѣшно приложила къ губѣ. Неясный говоръ доносился до нея. Она узнала голосъ Колосовича. Вдругъ она вскочила съ своего мѣста и опрометью побѣжала черезъ свою комнату и нѣсколько другихъ покоевъ, въ комнату старой няни. Ѳекла Ильинична сидѣла за небольшимъ столомъ, покрытымъ небѣленой скатертью и освѣщеннымъ небольшою керосиновою лампою съ зеленымъ колпакомъ. Старушка бодро и прямо сидѣла на плетеномъ стулѣ и вязяла чулокъ, спустивъ на носъ свои серебрянные очки.

— Няня! няня! сказала Саша, едва переводя дыханіе отъ быстраго движенія.

— Что вы, матушка! Что съ вами? съ испугомъ спросила

Ѳекла Ильинична, вскочивъ со стула и бросая свое вязаніе на столъ.

— Няня, душка, пожалуйста, не откажи! воскликнула Саша, все еще задыхаясь: — выдь къ нему въ переднюю и скажи, что мама уѣхала, чтобы онъ на меня не сердился, потому что никакъ нельзя было задержать... а чтобы онъ непремѣнно пошелъ сегодня вечеромъ навѣстить тетушку, да поторопись, душенька, не то онъ уйдетъ. Саша обняла старушку, поцаловала ее налету и тащила къ двери.

— Да что вы, матушка! Христосъ съ вами! возразила Ѳекла Ильинична, съ совершеннымъ недоумѣніемъ глядя на Сашу черезъ очки, которыя она, въ своемъ замѣшательствѣ, не успѣла снять.

— Душка, няня, дорогая, безцѣнная! приставала Саша умоляющимъ голосомъ, не выпуская рукъ Ѳеклы Ильиничны:—иди скорѣй и скажи, чтобы непремѣнно шелъ къ тетѣ часовъ въ десять, не раньше... она послѣ обѣда отдыхаетъ... да иди же — а то онъ уйдетъ.

— Да про кого же вы это, матушка, изволите говорить? съ досадою спросила Ѳекла Ильинична.

— Ахъ, няня, я тебѣ все потомъ разскажу, только ради Бога иди скорѣй — вѣдь онъ, право, уйдетъ... Саша готова была расплакаться.

— Ну, ну, сейчасъ, голубушка, сейчасъ! поспѣшила ее успокоить Ѳекла Ильинична взволнованнымъ голосомъ.

Саша побѣжала-было за нею, но потомъ вдругъ остановилась среди комнаты и потупилась. Она робко опустила глаза и перебирала пальцами, какъ провинившійся ребенокъ. Ей стало невыносимо совѣстно, что она назначила свиданіе Колосовичу, хотя она смотрѣла на него, какъ на своего жениха. Постоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, она вернулась въ комнату няни, и подойдя къ столу, стала спиной къ двери. Обѣими руками удерживала она біеніе своего сердца.

Нѣсколько минутъ ожиданія показались ей нескончаемыми. Наконецъ послышались шаги Ѳеклы Ильиничны и короткій кашель ея. Саша схватила чулокъ и поспѣшно принялась вязать, низко нагибая свое раскраснѣвшееся личико надъ работой.

— Ну, что, няня?

— Да что? Извѣстно, ничего, отвѣчала Ѳекла Ильинична, не поднимая глазъ.

— Видѣла его?... Сказала?

— А то какъ же? Вѣдь я, чай, за этимъ только и ходила.

— Что же, онъ очень сердился, что мама дома не было? про-

должала Саша, надѣясь наконецъ вывести Ѳеклу Ильиничну изъ несвойственной ей молчаливости.

— Что же ему было сердиться?... Али не вольны Наталья Петровна выѣхать когда имъ угодно?

Саша поняла, что старая няня за что-то на нее дуется. Она не знала хорошенько, за что именно, но догадалась, что безъ особенной ласки ничего отъ нее не узнаешь.

— Да ну же, няня, разскажи пожалуйста! жалобно сказала она. Она стала на колѣни противъ старушки, положила обѣ руки къ ней на колѣни и умильно взглянула ей въ лицо.

— А вы зачѣмъ отъ меня скрываете? строго спросила Ѳекла Ильинична, опуская немного голову, чтобы взглянуть на Сашу черезъ очки. — Я у васъ давича спрашивала, были ли у васъ женихи... а вы ни гу-гу, и руками и ногами отмахивались... Какіе у меня, молъ, женихи... Что̀ же... воля ваша, продолжала она обиженнымъ тономъ:—не хотите говорить—такъ не надо... Я васъ не принуждаю... только нехорошо, барышня,—право, нехорошо... за что̀ старуху обижать?

— Да я, няня, намѣревалась тебѣ все разсказать, только какъ-то не пришлось...

— Ну, ужь, Богъ вамъ судья! сдалась, наконецъ, Ѳекла Ильинична:—ну, слушайте! продолжала она конфиденціальнымъ тономъ, любовно наклонившись къ Сашѣ.—Да что̀ же вы на колѣняхъ-то стоите—устанете... вы бы сѣли!

Она сдѣлала движеніе, чтобы поднять Сашу.

— Нѣтъ, нѣтъ, няня, мнѣ и такъ хорошо.

Саша присѣла на полъ и облокотилась на колѣни Ѳеклы Ильиничны.

— Ну, хорошо. Вотъ я вышла къ нимъ въ переднюю. Они стоятъ-себѣ и разспрашиваютъ у Мирона, что̀ и какъ. Стоятъ они этакъ въ шляпѣ, закутамшись въ шубу, и такой изъ себя видный мужчина!!.. Ну, я вышла и поклонилась: здравствуйте, молъ, батюшка! Я, молъ, говорю, бывшая няня Александры Николавны. „Очень радъ, говоритъ, съ вами познакомиться... Какъ ваша барышня?... Здорова ли?... Не устала ли послѣ бала?“ Онъ-то, значитъ, былъ вчера на балѣ... а вы, небось, про это ничего не сказали... опять упрекнула она.

— Не успѣла, мнѣ помѣшали... повторила Саша. — Ну, и что̀ же?

— Ну, я и говорю: ничего, молъ,—слава богу, здоровы, почивали хорошо и велѣли, молъ, кланяться...

— Ахъ, няня! зачѣмъ же ты это сказала? воскликнула Саша краснѣя.

— Да какъ же? Вѣдь вы сами строго-нà-строго наказывали не забыть. „Поклонись, молъ, и скажи, чтобы тетушку навѣстилъ“, я такъ и сказала: кланяться велѣли, и приказали сказать, что Софья Петровна-де не такъ здоровы, то не поѣдете ли вы, батюшка, ихъ навѣстить, ужо, вечеркомъ, часу въ десятомъ?

Саша опустила глаза и принялась теребить бахраму на платкѣ няни. Ей было очень неловко.

— И чтò же онъ? Ничего? тихо спросила она.

— Онъ сначала, этакъ, маленько призадумался и почесалъ себѣ голову. „Вечеромъ?“ говоритъ. — Да, молъ, вечеркомъ. — „Эхъ, досадно!.. вечеромъ-то мнѣ никакъ нельзя...“

Саша съ безпокойствомъ взглянула на няню.

— „Скажите, пожалуйста, Александрѣ Николавнѣ, что я, молъ, явлюсь къ Софьѣ Петровнѣ завтра вечеромъ, а что сегодня мнѣ рѣшительно нельзя...“

Саша немного опечалилась отвѣтомъ Колосовича. Она надула губки и усердно продолжала заплетать косички изъ бахрамы нянина платка.

— А! да какія вы, право! воскликнула Ѳекла Ильинична, выдергивая у нея изъ рукъ конецъ своего платка:—все вамъ надо что-нибудь да теребить!

— Такъ, значитъ, сегодня нельзя?! въ раздумьѣ переспросила Саша.

— Полно вамъ, барышня, сокрушаться-то, укоризненно сказала Ѳекла Ильинична.—И чтò за нетерпѣніе такое? Стыдились бы, право! Да еще добро бы, еслибы онъ былъ вашимъ нареченнымъ... а то молодой человѣкъ — самъ по себѣ... И я-то, дура, прости Господи, въ торопяхъ-то не сразу смекнула...

Старушка входила въ ворчливое настроеніе духа, но Саша не дала ей расходиться. Она обвила ей шею обѣими руками.

— Ты знаешь?.. Алексѣй Михайловичъ мой женихъ, таинственно шепнула она ей на ухо, и уткнула свое пылающее лицо въ ея плечо.—Мама еще ничего не знаетъ... я боюсь ей сказать.

— Отчего же, матушка? кротко, но серьёзно возразила Ѳекла Ильинична:—стыда тутъ никакого нѣтъ,—если онъ добрый человѣкъ, такъ и съ Богомъ... а скрывать этакое дѣло отъ маменьки не слѣдъ... Безпремѣнно надо сказать... Кому же знать коли не родной матери?

Старушка пріосанилась и приняла какой-то торжественный, видъ съ той минуты, какъ узнала, что ея бывшая питомица — невѣста.

— Конечно! Я и сама понимаю, возразила Саша: — но мама Алексѣя Михайловича совсѣмъ не знаетъ, вѣдь я съ нимъ заграницей познакомилась... И ужь какъ онъ меня любитъ! продолжала Саша, принимаясь опять теребить бахраму на платкѣ няни.—Повѣришь ли, нарочно пріѣхалъ изъ Женевы въ Ниццу только чтобъ съ нами повидаться!

— Такъ, такъ, одобрительно покачала головой Ѳекла Ильинична:—ну, а какимъ же дѣломъ онъ занимается, то-есть, примѣромъ сказать, гдѣ они служатъ?

— Ну, ужь этого я не знаю. Кажется, онъ теперь нигдѣ не служитъ.

— То-есть, какъ же это, матушка, нигдѣ?

— Что̀ же это тебя такъ удивляетъ? Будто всякій непремѣнно долженъ служить! Можно быть полезнымъ своему отечеству и не состоя на службѣ!

Саша, очевидно, повторила фразу, слышанную ею отъ Колосовича.

— Ну, ужь это, матушка моя, пустяки, коротко отрѣзала Ѳекла Ильинична. — Какая тутъ польза, коли человѣкъ не хочетъ служить своему царю?

Колосовичъ немного упалъ въ мнѣніи старушки.

— А жаль! прибавила она, немного помолчавъ:—онъ, кажется, человѣкъ хорошій... ну, да онъ, можетъ быть, еще надумается.

III.

Благія намѣренія и порывъ страсти.

Алексѣй Михайловичъ Колосовичъ, человѣкъ мыслящій, предпріимчивый, но, увы, далеко не практичный. Его даже можно до нѣкоторой степени назвать поэтомъ. Онъ воображаетъ себѣ, что для того, чтобы провести или осуществить какую нибудь мысль, достаточно, чтобы эта мысль была основана на здравомъ смыслѣ, и чтобы она всѣмъ и каждому колола глаза своею неопровержимостью. Часто приходилось Алексѣю Михайловичу платиться за это невинное заблужденіе, но съ свойственною поэтамъ стойкостью убѣжденій получаемые имъ уроки не приносили никакой пользы.

Окончивъ свое воспитаніе въ лицеѣ, молодой Колосовичъ нѣкоторое время колебался на счетъ выбора карьеры. Отецъ его уговаривалъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Алексѣй Михайловичъ не имѣлъ еще никакого ясно-опредѣленнаго

призванія къ тому или другому роду службы, но уже въ то время помышлялъ о томъ, чтобы быть *полезнымъ* своему отечеству. Ему смутно сдавалось, что министерство иностранныхъ дѣлъ не представляетъ довольно широкаго поприща къ постоянной дѣятельности. Но отецъ его, нѣкогда самъ подвизавшійся на дипломатическомъ поприщѣ, горячо доказывалъ, что уже одинъ славянскій вопросъ стоитъ того, чтобы посвятить ему всѣ свои способности — и Алексѣй Михайловичъ, увлеченный краснорѣчивыми доводами своего батюшки, опредѣлился сверхштатнымъ чиновникомъ въ азіятскій департаментъ. На первыхъ же порахъ, онъ вызвалъ ироническія улыбки со стороны своихъ сослуживцевъ, тѣмъ, что попросилъ ключъ отъ архива и съ жаднымъ вниманіемъ сталъ перечитывать всѣ донесенія консуловъ на Востокѣ и дипломатическую корреспонденцію за послѣдніе десять, двѣнадцать лѣтъ. „Къ чему ты въ этомъ хламѣ роешься?“ спрашивали у него недоумѣвающіе товарищи.

— Да вѣдь надобно же мнѣ составить себѣ понятіе о тенденціяхъ нашего правительства, съ убѣжденіемъ отвѣчалъ Колосовичъ.

— Это къ чему? „Какъ къ чему?... чтобы не наврать всякой чепухи, когда мнѣ поручатъ написать какую-нибудь бумагу по этому предмету“.—Вотъ тебѣ нà! Ты никакъ воображаешь, что тебя такъ сейчасъ и заставятъ сочинять бумаги? „А то какъ же?“—А вотъ увидишь. И дѣйствительно, Колосовичъ вскорѣ убѣдился, что черезъ его руки проходили лишь одни черновыя отношенія, подлежащія перепискѣ на бѣлò. Онъ однако ревностно исполнялъ свою писарскую работу, утѣшая себя мыслью, что еще недостаточно подготовленъ для того, чтобы заняться болѣе серьёзнымъ дѣломъ. Но вотъ прошелъ годъ, два, три — Колосовичу дали штатное мѣсто, положили довольно значительный окладъ, и все-таки работа его ограничивалась чисто-механическимъ трудомъ, и притомъ же въ такихъ скудныхъ размѣрахъ, что онъ часто не зналъ, какъ убить время, опредѣленное ежедневно на департаментскую службу. Онъ попытался-было обратить вниманіе начальства на излишество рукъ и на несоразмѣрность окладовъ въ отношеніи пользы, приносимой несмѣтнымъ количествомъ чиновниковъ. Начальство только пожало плечами и сослалось на заведенный порядокъ. Колосовичъ прослылъ за чудака, и продолжалъ жаждать какой-нибудь самостоятельной дѣятельности, которая позволила бы ему употребить въ дѣло свои способности и пріобрѣтенныя имъ познанія. Онъ опять сталъ приставать къ начальству, чтобы ему поручили работу посерьёзнѣе. Началь-

ство, проникнувшись словами Талейрана и Калькаса въ „Прекрасной Еленѣ“, отвѣчало ему съ свойственною улыбкою: „pas trop de zèle“! и подумало про себя: „trop de fleurs, trop de fleurs“. Въ одинъ прекрасный день ему предложили отправиться вице-консуломъ въ Іокагаму. Это было отличное средство удовлетворить его желанію и вмѣстѣ избавиться отъ назойливаго чиновника. Колосовичъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Онъ понялъ, что ему слѣдовало выбрать болѣе широкое поле. Онъ надѣялся найти это поприще въ судебныхъ учрежденіяхъ. Отказавшись отъ Іокагамы, Алексѣй Михайловичъ перешелъ въ министерство юстиціи и вскорѣ былъ назначенъ товарищемъ прокурора въ О. Здѣсь онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ стряхнулъ съ себя оцѣпененіе, которому подвергались его умственныя способности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Колосовичъ однако скоро привыкъ опять къ усидчивому труду. Онъ работалъ по 10 и 12 часовъ въ сутки, не разгибая спины. Но тутъ возникло обстоятельство, котораго онъ никакъ не предвидѣлъ. По мѣрѣ того, какъ онъ втягивался въ свои новыя занятія, онъ проникался все болѣе и болѣе значеніемъ судебныхъ учрежденій и неприкосновенностью ихъ правъ. Онъ прослылъ за человѣка несговорчиваго и крутого. Возникъ наконецъ такой случай, который поставилъ его въ прямое столкновеніе съ мѣстнымъ представителемъ администраціи... Дѣло само по себѣ было довольно пустое. Мѣстный администраторъ, человѣкъ военный, привыкшій къ строгой дисциплинѣ, *потребовалъ* составленія обвинительнаго акта по поводу такого вопроса, который вовсе до него не касался. Колосовичъ увидалъ въ этомъ требованіи посягновеніе на независимость судебныхъ установленій и наотрѣзъ отказался отъ исполненія его. Администраторъ пришелъ въ немалое недоумѣніе, когда ему доложили объ этомъ неожиданномъ отказѣ. Отдавая свое приказаніе на счетъ составленія обвинительнаго акта, администраторъ дѣйствовалъ по убѣжденіямъ своей совѣсти и полагалъ, что всякій благонамѣренный человѣкъ долженъ вполнѣ раздѣлять это убѣжденіе, или же слѣпо преклоняться передъ волею высшего начальства. Администраторъ велѣлъ пригласить къ себѣ прокурора: онъ заранѣе успокоилъ взволнованные умы своихъ приближенныхъ, обѣщавъ имъ „урезонить этого молодого человѣка“, но „молодой человѣкъ“ явился, почтительно выслушалъ доводы его превосходительства, и такъ же почтительно остался при своемъ мнѣніи, что обвинительнаго акта составлять не слѣдуетъ.

Дѣло еще, можетъ быть, какъ-нибудь уладилось бы, еслибы администраторъ, увлеченный порывомъ негодованія, не прибѣг-

нулъ къ нѣсколько рѣзкимъ выраженіямъ. „Послушайте, молодой человѣкъ! воскликнулъ онъ, покручивая себѣ усъ, и стараясь впрочемъ по возможности умѣрить свой голосъ: — вы, кажется, забываете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло! Знайте, что я систематическаго противодѣйствія *не потерплю*". Онъ отчеканилъ эти слова по слогамъ, подчеркивая ихъ взмахами указательнаго пальца. „Я до сихъ поръ старался склонить васъ убѣдительными доводами къ принятію мѣръ, которыя я считаю необходимыми въ виду благосостоянія ввѣреннаго мнѣ края. Теперь, милостивый государь — администраторъ гордо выпрямился — я попрошу васъ безпрекословно исполнить мои приказанія, слышите — мои приказанія! Въ противномъ случаѣ, — администраторъ не то что запнулся, а только перевелъ духъ, и увлеченный наплывомъ негодованія продолжалъ: — я буду вынужденъ просить васъ подать въ отставку, если вамъ не угодно подвергнуться формальному отрѣшенію отъ занимаемой вами должности. Я васъ больше не задерживаю." Сановникъ наклоненіемъ головы положилъ конецъ аудіенціи. Колосовичъ не придавалъ особеннаго значенія угрозѣ мѣстнаго администратора, зная, что отрѣшеніе отъ судебной должности не было въ предѣлахъ его власти, а потому спокойно продолжалъ трудиться на избранномъ поприщѣ, какъ вдругъ получилъ отъ своего непосредственнаго начальства письменное внушеніе, содержаніе котораго не позволяло ему далѣе сомнѣваться на счетъ судьбы, которая его ожидала, если онъ добровольно не подастъ въ отставку. Колосовичу пришлось преклониться передъ этимъ ударомъ. Но что̀ сокрушило его окончательно, это то, что общественное мнѣніе единогласно возстало противъ него, какъ противъ человѣка опаснаго. Озлобленный сознаніемъ своего безсилія, Алексѣй Михайловичъ удалился въ свое родовое помѣстье, куда его кстати же вызывала еще другая побудительная причина, а именно разстроенное положеніе, въ которомъ находилось это имѣніе послѣ смерти отца. Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, Колосовичъ всецѣло предался своимъ дѣламъ. Подъ вліяніемъ этихъ занятій его взволнованныя чувства понемногу успокоились. Онъ сталъ гораздо хладнокровнѣе относиться къ потерпѣнной имъ неудачѣ и не отчаявался, современемъ, снова выступить на судебномъ поприщѣ. Выжидая этого момента, Алексѣй Михайловичъ сталъ искать въ окружавшей его средѣ какой-нибудь умственной пищи, которая могла бы занять его нестерпимо-длинные досуги. Онъ устроилъ у себя сельскую школу. Принялся онъ за это дѣло болѣе изъ эгоистической цѣли, чѣмъ изъ филантропическаго стремленія принести пользу своему ближнему. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ ближе знакомился съ нимъ, онъ все болѣе и бо-

лѣе къ нему пристращался. Задуманная имъ отъ нечего-дѣлать сельская школа сдѣлалась исходною точкою новаго рода мыслей, принимавшихъ все болѣе широкіе размѣры. Пылкому воображенію Колосовича грезилась уже цѣлая реформа народнаго воспитанія. Мучимый лихорадочною дѣятельностью, которая разгоралась въ немъ какъ только какой-нибудь предметъ задѣвалъ его за живое, Алексѣй Михайловичъ рѣшился отправиться за границу, для того чтобы пополнить практическими наблюденіями теоретическія свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ книгъ.

Въ Германіи онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ прусскія учрежденія. Затѣмъ онъ намѣревался объѣздить Швейцарію, потомъ Францію и Англію. Но въ Швейцаріи, какъ мы уже видѣли, онъ познакомился съ Александрой Николаевною Марковою, и это знакомство нѣсколько измѣнило его первоначальныя предположенія. Онъ не думалъ отказываться отъ задуманнаго имъ дѣла, но оно незамѣтнымъ образомъ какъ-то отодвинулось на второй планъ. Составленныя имъ записки о прусскихъ учрежденіяхъ отличались отчетливымъ разборомъ всѣхъ ихъ достоинствъ и недостатковъ. Далѣе, записки о швейцарскихъ учрежденіяхъ представляли одни только статистическія данныя, съ краткими замѣтками на поляхъ. Наконецъ записки о французской системѣ народнаго образованія уже были скомканы въ нѣсколькихъ страницахъ, изъ которыхъ трудно было себѣ составить ясное понятіе объ общемъ строѣ этихъ учрежденій.

Еще передъ отъѣздомъ за границу, Алексѣй Михайловичъ сошелся въ Петербургѣ съ нѣсколькими пріятелями, которымъ онъ изложилъ цѣль своего путешествія. Мысль его принята была съ восторгомъ. Его возвращенія ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, что на другой же день послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Колосовичъ долженъ былъ согласиться на неотступныя просьбы своихъ пріятелей и передать имъ результаты своего путешествія. Это было въ день бала Вѣры Николаевны. Алексѣй Михайловичъ краснорѣчиво высказалъ свое мнѣніе на счетъ удобопримѣнимости иностранныхъ порядковъ къ нашему народному быту, и закончилъ засѣданіе обѣщаніемъ въ скоромъ времени представить подробный проектъ общества для развитія и поощренія народнаго образованія въ Россіи. Неожиданная встрѣча съ Александрою Николаевною у графини Вязиной отвлекла его на время отъ предположенныхъ занятій. Какъ онъ ни заинтересованъ былъ вопросомъ народнаго образованія, но вопросъ о согласіи г-жи Марковой на его бракъ съ Сашею лежалъ несравненно ближе къ сердцу. На другой день послѣ бала, Колосовичъ отправился въ условленный часъ къ Натальѣ Петровнѣ. Но, какъ мы уже видѣли,

онъ не засталъ ее дома. Правда, что порученіе, переданное Ѳеклою Ильиничною, доказало ему, что Саша не меньше его жаждала свиданія, но онъ долженъ былъ отказаться отъ предлагаемаго ему случая свидѣться у г-жи Любарской. Онъ помнилъ обѣщаніе, данное имъ Вѣрѣ Николаевнѣ, и имѣлъ свои причины не нарушать его. Онъ даже съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидалъ часа, назначеннаго ему графинею.

Прежде чѣмъ приступить къ повѣствованію послѣдовавшихъ за симъ событій, необходимо сказать нѣсколько словъ о дѣтствѣ Вѣры Николаевны.

Графиня Вѣра Николаевна Вязина, въ дѣвицахъ Пещерина, была дочь отставнаго генерала, слывшаго промежъ своихъ сослуживцевъ за человѣка съ неуживчивымъ характеромъ и непомѣрнымъ честолюбіемъ. Онъ обладалъ значительнымъ богатствомъ, но отличался не менѣе значительною скупостью. Дѣйствительно, генералъ Пещеринъ вполнѣ заслуживалъ эту славу. Со дня своего производства онъ только и мечталъ о достиженіи трехъ цѣлей: блистательной карьеры, выгодной женитьбы, и высокаго свѣтскаго положенія. Служба везла ему съ грѣхомъ пополамъ. Свѣтское положеніе было бы недурно, еслибы онъ самъ не портилъ его мелочною обидчивостью. Что же наконецъ касается до женитьбы, то онъ и въ этомъ отношеніи только до нѣкоторой степени выполнилъ предначертанный планъ. Онъ женился на очень богатой дѣвицѣ, но безъ всякихъ родственныхъ связей. Даже отставка его была вызвана причинами, вполнѣ согласующимися съ заслуженной имъ характеристикою. Генерала обошли слѣдующей ему звѣздою— онъ, какъ говорится, полѣзъ на стѣны, окончательно перессорился съ начальствомъ, и глубоко уязвленный подалъ въ отставку и удалился въ одно изъ своихъ богатыхъ помѣстій. Но и здѣсь ему не посчастливилось. Жена его умерла вскорѣ послѣ переселенія ихъ въ деревню. Смерть ея раздражительно подѣйствовала на генерала. Хотя онъ и женился не по любви, а по разсчету, однако онъ успѣлъ оцѣнить ея тихій и кроткій нравъ. Вліяніе ея, хотя совершенно безсознательное съ ея стороны, было въ высшей степени примирительное и успокоительное. Только по смерти покойницы, понялъ онъ вполнѣ благотворное значеніе, которое она имѣла въ его жизни. Онъ сталъ угрюмѣе, раздражительнѣе, желчнѣе чѣмъ когда-либо. Только что свыкнувшіеся съ нимъ сосѣди вновь отшатнулись отъ него. Его забаллотировали на дворянскихъ выборахъ, на которыхъ онъ надѣялся попасть въ губернскіе предводители. Онъ умеръ отъ воспаленія печени, оставивъ по себѣ недобрую память, огромное

состояніе и единственную восьмилѣтнюю дочь. Ближайшая родственница Вѣрочки была двоюродная сестра ея отца, небогатая помѣщица, жившая въ какомъ-то безъуѣздномъ городкѣ и кичившаяся своимъ родствомъ съ генераломъ Пещеринымъ. Узнавъ о смерти своего двоюроднаго братца, эта почтенная дама съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняла на себя скучную обязанность опекать маленькую племянницу. Сострадательная родственница бросила свой убогій домикъ и спѣшила доказать горячее участіе, принимаемое ею въ бѣдной сироткѣ, переселившись въ богатое помѣстье племянницы. Когда прошло лѣто и наступила зима, добрая тетушка, въ виду блага своей питомицы, переселилась съ нею въ Петербургъ и занялась ея воспитаніемъ, т.-е. при первой возможности отдала ее въ Смольный институтъ.

Вѣрочка прилежно училась въ институтѣ, два раза въ годъ ѣздила на балаганы въ царскихъ каретахъ, ѣла конфекты, изрѣдко привозимыя ей тетушкою въ пріемные дни,—и наконецъ черезъ 7 лѣтъ вышла изъ Смольнаго примѣрною воспитанницею, т.-е. говорила на трехъ языкахъ, которые она, впрочемъ, знала и до поступленія своего въ институтъ, знала четыре правила ариѳметики, кое-что изъ исторіи и географіи и бойко стучала на фортепіано. Когда она въ первый разъ переступила порогъ роскошнаго дома, занимаемаго ея тетушкою, то была ослѣплена великолѣпіемъ убранства комнатъ. Покойный отецъ ея, вслѣдствіе своей примѣрной разсчетливости, не пріучалъ ее къ роскоши. Войдя къ своей тетушкѣ, она еле-еле смѣла ступить на мягкіе ковры, въ которыхъ нога ея такъ и утопала. Съ первой же минуты она возымѣла глубокое уваженіе къ внушительной фигурѣ толстаго, нахмуреннаго, гладко выбритаго дворецкаго, осанка котораго поразила ее чувствомъ собственнаго достоинства. Когда же она увидѣла, что ея тетушка обращается съ этимъ почтеннымъ господиномъ, какъ съ простымъ смертнымъ, и подчасъ даже крупно побраниваетъ его, — то стала уважать и бояться свою родственницу чуть ли не болѣе самой директрисы Смольнаго института.

Мало по малу, Вѣра стала свыкаться съ своимъ новымъ образомъ жизни. Къ нимъ въ домъ ѣздило много гостей, по большей части молодежь и нѣсколько пріятельницъ ея тетушки. Когда она перестала дичиться мужчинъ, то замѣтила, что чаще всѣхъ посѣщаетъ ихъ нѣкто графъ Вязинъ, мужчина лѣтъ 50-ти, съ маленькой лысиной на головѣ и весьма вкрадчивой улыбкою на толстыхъ сладострастныхъ губахъ. Тетушка всегда отзывалась о немъ, какъ о достойнѣйшемъ человѣкѣ, заслуживающемъ вся-

каго уваженія. Дѣйствительно, онъ пользовался въ свѣтѣ весьма солиднымъ положеніемъ, равно по занимаемой имъ должности, какъ и по родственнымъ связямъ. Въ одинъ прекрасный день, почтенная тетушка, распорядительница роскошнаго дома, въ которомъ жила Вѣрочка, предложила своей племянницѣ получить совершенно такой же домъ, съ такою же блестящею обстановкою и такимъ же внушительнымъ дворецкимъ. Для достиженія этой цѣли, стоило только изъявить согласіе на предложеніе графа Вязина, который дѣлалъ честь дѣвицѣ Пещериной просить ея руки. Девятнадцатилѣтняя дѣвица Пещерина недолго колебалась, и черезъ шесть недѣль сдѣлалась женою пятидесятилѣтняго звѣздоносца.

Что̀ послѣдовало за этимъ бракомъ, не трудно угадать. Не прошло трехъ, четырехъ лѣтъ, какъ Вѣра Николаевна уже вполнѣ ознакомилась съ окружавшей ея средою. Она стала отдавать себѣ ясный отчетъ не только въ своихъ собственныхъ поступкахъ, но и въ поступкахъ окружавшихъ ее лицъ. Она поняла, что почтенная тетушка, которая между прочимъ успѣла уже переселиться въ селеніе праведныхъ, жила не на свои, а на ея деньги. Она поняла также, что лысый и сладкорѣчивый графъ Вязинъ, ея мужъ, былъ ничтоженъ, какъ прокутившійся бонвиванъ. Она поняла недостаточность полученнаго ею образованія и съ жадностію принялась за чтеніе всякихъ хорошихъ и нехорошихъ книгъ. Свѣтлый умъ ея легко усвоивалъ все читаемое, и молодая графиня стала развиваться не по днямъ, а по часамъ. Но среди этого развитія, Вѣра Николаевна замѣтила, что она начинаетъ уже отживать свою первую молодость, и что она еще не познала одного изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ природы — поэзіи любви. Всѣ зародыши ея страстной натуры, подавленные на время институтскимъ воспитаніемъ и холодною обстановкою, окружавшею ее со дня замужества, вдругъ пустили могучіе ростки. Однажды, это было лѣтъ семь со дня, какъ она стала называться графинею Вязиною, она попросила у мужа отчетъ въ управленіи ея имѣніями, и не досчитавшись весьма значительныхъ суммъ, преспокойно отняла отъ него свои довѣренности. Графъ, обиженный такимъ недовѣріемъ, позволилъ себѣ какую-то заносчивую выходку, нисколько несообразную съ его вкрадчивою улыбкою. Тогда Вѣра Николаевна, спокойно, но твердо объявила, что хотя и не требуетъ положительнаго развода, однако желаетъ, чтобы съ этого дня между ею и мужемъ установились весьма далекія отношенія, соблюдая впрочемъ всю строгость свѣтскихъ приличій. Супруги продолжали жить вмѣстѣ, но каждый занималъ свою половину,

велъ совершенно независимую жизнь, и только развѣ въ пріемные дни, графъ Вязинъ появлялся въ гостиной жены, съ той же лысиной на лбу, той же вкрадчивой улыбкою на нѣкогда сладострастныхъ, а теперь уже обрюзглыхъ губахъ, плѣняя всѣхъ и каждаго своимъ любезнымъ обращеніемъ. Такого рода отношенія между ними продолжались до смерти графа, скончавшагося за годъ передъ началомъ этого разсказа.

Вѣра Николаевна, въ ожиданіи обѣщаннаго ей посѣщенія Колосовича, была въ тревожномъ состояніи съ самаго утра. Разспросы, сдѣланные ею наканунѣ вечеромъ, убѣдили ее въ томъ, что Саша находилась подъ обаяніемъ Алексѣя Михайловича. Но изъ этого еще не слѣдовало, чтобы Колосовичъ любилъ Александру Николаевну. Степень взаимности съ его стороны именно и составляла предметъ размышленій Вѣры Николаевны. День прошелъ въ занятіяхъ, которыя временно отвлекли ея вниманіе отъ тревожившаго ее вопроса; но за то вечеромъ, по мѣрѣ того, какъ приближался часъ свиданія съ Колосовичемъ, Вѣра Николаевна снова почувствовала волненіе, которое она напрасно старалась побороть. Она съ безпокойствомъ ходила взадъ и впередъ по своему кабинету. Лицо носило явные слѣды усталости, темныя тѣни легли вокругъ глазъ, придавая имъ лихорадочный блескъ. Вѣра Николаевна нервически покусывала себѣ губы, безцѣльно слѣдя глазами за рисунками ковра. Утомившись наконецъ продолжительнымъ хожденіемъ, она остановилась передъ каминомъ. Легкій ознобъ передернулъ ея плеча. Она плотнѣе закуталась въ соболью душегрѣйку, накинутую на ея плечи, и поставивъ одну ногу на бронзовую рѣшетку камина, стала пристально вглядываться въ синій огонекъ, прыгавшій надъ раскаленнымъ угольемъ. Вдругъ она о чемъ-то вспомнила, и наклонясь къ стѣнѣ, придавила пуговицу электрическаго звонка; потомъ, въ ожиданіи прихода лакея, снова закуталась въ свою шубейку, скрестивши руки у самаго горла, и попрежнему стала смотрѣть въ огонь. Когда вошелъ лакей, Вѣра Николаевна отдала слѣдующее приказаніе:

— Ко мнѣ будетъ господинъ Колосовичъ. Кромѣ его, никого не принимать.

Простоявъ еще нѣсколько времени въ глубокой задумчивости, Вѣра Николаевна нетерпѣливо тряхнула головой. Она выпрямилась и даже слегка потянулась, и потомъ посмотрѣла на себя въ зеркало. Сначала брови ея насупились съ выраженіемъ неудовольствія; но по мѣрѣ того, какъ она вглядывалась въ черты своего лица, это выраженіе постепенно изглаживалось, и наконецъ замѣнилось самонадѣянною улыбкою. „Что

за вздоръ! развѣ она женщина?... она ребенокъ!" сказала Вѣра Николаевна почти вслухъ, пожимая плечами, и подошла къ кушеткѣ. Усаживаясь на нее, она однимъ движеніемъ руки придала своему длинному бархатному платью надлежащее положеніе. Тяжелыя складки его необыкновенно живописно улеглись на коврѣ. Вѣра Николаевна владѣла въ высшей степени искусствомъ управляться со складками своего одѣянія и вообще придавала немалое значеніе изящности окружавшей ее обстановки. Такъ и теперь. Въ ожиданіи Колосовича, она позаботилась о томъ, чтобы тотчасъ при входѣ его въ кабинетъ, его поразила картина, въ которой не было бы ни малѣйшей шероховатости. Эта картина была тѣмъ привлекательнѣе, что въ ней не чувствовалось никакой подготовки. Не было ничего неестественнаго въ полулежачемъ положеніи Вѣры Николаевны, не было ничего изысканнаго въ небрежности, съ которою она держала книгу въ рукахъ. А между тѣмъ графиня, не смотрясь въ зеркало, могла бы съ точностью передать изображеніе всей своей фигуры. Высокая лампа съ опрокинутымъ къ верху фарфоровымъ колпакомъ освѣщала эту артистическую обстановку мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ.

Около десяти часовъ вошелъ лакей и доложилъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ. Вѣра Николаевна молча наклонила голову, не прерывая своего чтенія. Она не прервала его, даже когда послышались шаги Колосовича въ сосѣдней комнатѣ. Но только что онъ переступилъ порогъ кабинета, графиня опустила книгу на колѣни и съ привѣтливою улыбкою протянула руку гостю.

— Вотъ это мило, что вы не забыли своего обѣщанія.

— Неужели вы могли думать, что я его забуду? возразилъ Алексѣй Михайловичъ, цалуя ея руку.

— Все бываетъ! Случается, что и старыхъ друзей забываютъ, улыбнулась ему графиня въ отвѣтъ. — Ну, поставьте же куда-нибудь вашу шляпу и не будьте такимъ церемоннымъ, прибавила она радушнымъ тономъ. Она прослѣдила глазами Колосовича, пока онъ поставилъ свою шляпу, и придвинулъ себѣ кресло. Пытливый взглядъ ея старался уловить малѣйшій оттѣнокъ въ его обращеніи.

— Напрасно вы такъ думаете, натурально сказалъ Алексѣй Михайловичъ, ласково улыбаясь въ отвѣтъ.—Во всякомъ случаѣ, я вамъ, кажется, ничѣмъ не подалъ повода этого говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ только пошутила, поспѣшила отвѣтить Вѣра Николаевна, снова протягивая ему руку.—Я васъ слишкомъ хорошо знаю, чтобы усомниться въ вашей дружбѣ, прибавила она, серьёзно и слегка упирая на послѣднее слово.—

Но скажите, однако, неужели вамъ не стыдно, что въ теченіе двухъ лѣтъ—вѣдь скоро, кажется, уже будетъ два года, что... она слегка запнулась.

Колосовичъ сдѣлалъ легкое движеніе на креслѣ и отвелъ глаза въ сторону.

— Да, мы уже года два не видались, отвѣчалъ онъ, стараясь сказать это какъ можно естественнѣе.

— Ну, и не совѣстно ли вамъ, что вы мнѣ ни разу не писали? продолжала графиня, отъ которой не ускользнуло замѣшательство Колосовича.—Будто вы не знали, какое живое участіе я принимаю въ интересующемъ васъ вопросѣ? Какъ же вамъ было не подѣлиться со мной вашими заграничными впечатлѣніями!

Вѣра Николаевна съ намѣреніемъ придала такой оборотъ своей рѣчи, что Колосовичъ не могъ заподозрить ее въ желаніи воскрешать болѣе нѣжныя воспоминанія.

— Вы знаете, какой я всегда былъ неохотникъ до писемъ, извинился Колосовичъ.

— Знаю, съ усмѣшкой возразила Вѣра Николаевна:—и тѣмъ болѣе цѣню исключеніе, которое вы нѣкогда для меня сдѣлали... Впрочемъ, къ чему васъ укорять! Я надѣюсь, что теперь мы будемъ часто видѣться. Ваши дѣла, вѣроятно, задержатъ васъ въ Петербургѣ на всю зиму?

Колосовичъ явился на зовъ Вѣры Николаевны съ твердымъ намѣреніемъ объявить ей о предложеніи, сдѣланномъ имъ Александрѣ Николаевнѣ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать этого признанія сразу, но намѣревался подготовить къ нему графиню.

— Не знаю, сказалъ онъ, хватаясь за представившійся случай и задумчиво наклонивъ голову: — не знаю! Могутъ возникнуть непредвидѣнныя обстоятельства, которыя на время заставятъ меня уѣхать изъ Петербурга.

— Какія же это обстоятельства? спросила графиня, устремивъ на него проницательный взоръ. Она чувствовала, что касается жгучаго вопроса. Сердце у ней забилось скорѣй, но ни одна черта ея лица не дрогнула.

Алексѣй Михайловичъ слегка кашлянулъ и замялся. Онъ не думалъ, что ему будетъ такъ трудно сдѣлать свое признаніе.

— Мало ли какія бываютъ обстоятельства, нерѣшительно повторилъ онъ, чтобы выгадать немного времени.

— Напримѣръ?

— Все будетъ зависѣть отъ успѣха моего предпріятія, сказалъ онъ, не совладавъ съ возрастающимъ смущеніемъ и рѣшаясь отложить объясненіе до болѣе удобнаго случая. — Я вамъ

уже говорилъ, что занимаюсь теперь составленіемъ проекта народныхъ школъ. Удастся ли мнѣ этотъ проектъ или нѣтъ—не знаю. Во всякомъ случаѣ, я буду хлопотать о томъ, чтобы мнѣ дозволили привести его въ исполненіе въ одномъ или двухъ уѣздахъ, и позвольте мнѣ заранѣе заручиться вашимъ содѣйствіемъ для осуществленія моей мысли.

Едва примѣтная улыбка скользнула по губамъ Вѣры Николаевны. Смущеніе Колосовича доказало ей, что какое бы впечатлѣніе ни произвела на него Александра Николаевна, онъ еще не совсѣмъ разстался съ воспоминаніями прошедшаго.

— Вы знаете, что я всегда готова оказать вамъ услугу, отвѣчала графиня:—только прежде, чѣмъ ходатайствовать за ваше дѣло, позвольте мнѣ узнать, въ чемъ оно состоитъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу разсказать вамъ его во всѣхъ подробностяхъ, такъ-какъ я не приступилъ еще къ окончательной разработкѣ моего проекта; но если хотите, я изложу вамъ общія начала, на которыхъ я основываю свое предпріятіе.

Колосовичъ принялся излагать главныя основы своего проекта. Вѣра Николаевна внимательно его слушала. Наконецъ, она протянула руку къ звонку и позвонила. Колосовичъ, замѣтивъ ея движеніе, вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Продолжайте, продолжайте, я васъ слушаю, сказала Вѣра Николаевна:—я только хочу велѣть подать чаю.

— Да что продолжать! возразилъ Колосовичъ:—я и безъ того безсовѣстнымъ образомъ злоупотребилъ вашимъ терпѣніемъ.

— Ахъ, Алексѣй Михайловичъ! съ жаромъ упрекнула его Вѣра Николаевна.— Неужели вы не видите, съ какимъ вниманіемъ я васъ слушаю!

Чай былъ внесенъ на деревянномъ подносѣ, служившемъ въ то же время столомъ. Вѣра Николаевна сказала вошедшему слугѣ, чтобы къ ней въ кабинетъ болѣе не входили, пока она сама не позвонитъ.

— Вы слышали, какое я отдала приказаніе? прибавила она, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу:—смѣйте послѣ этого говорить, что я не хочу васъ слушать. Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, прибавила она послѣ минутнаго раздумья:—вы не повѣрите, какое наслажденіе мнѣ доставляетъ потолковать о чемъ-нибудь дѣльномъ. Давно мы такъ съ вами не бесѣдовали!

Воспоминанія о прошедшемъ хлынули на нее теплою волною. Глаза ея подернулись легкою влагою. Щеки слегка разгорѣлись. Голосъ ея звучалъ мягко и ласково. Она не смотрѣла на Колосовича, а глядѣла куда-то вдаль. Тѣнь безпокойства пробѣжала по лицу Алексѣя Михайловича. Говоря о своихъ замы-

слахъ и надеждахъ, онъ увлекся ими на столько, что на время забылъ главную цѣль своего посѣщенія. Онъ искоса взглянулъ на Вѣру Николаевну.

Между тѣмъ, графиня принялась разливать чай и съ разсѣянною улыбкою сказала Колосовичу:

— Знаете, что? Слушая васъ, я невольно вспоминаю про Верна. Читали вы его сказки? Интересно, завлекательно, совершенно правдоподобно, а между тѣмъ—неправда.

— Гдѣ же вы видите ложь въ моемъ разсказѣ? обидчиво спросилъ Колосовичъ.

— Да хоть бы въ краеугольномъ камнѣ всего вашего зданія. Въ источникахъ капитала... Кромѣ того...

— Нѣтъ-съ, позвольте, Вѣра Николавна, я вамъ сейчасъ докажу!..

— Пожалуйста, ничего не доказывайте, перебила его графиня. — Повторяю вамъ, я васъ слушаю съ истиннымъ наслажденіемъ, но позвольте же и мнѣ высказать свое мнѣніе.

— То-то и есть, любезная Вѣра Николавна, что мнѣ бы хотѣлось убѣдить васъ въ томъ, что мой проектъ удобоисполнимъ, если только я не встрѣчу преднамѣреннаго недоброжелательства людей, къ которымъ я намѣренъ обратиться. Я изложилъ вамъ свою мысль поверхностно, но повѣрьте...

— Какой же вы упрямый! игриво воскликнула Вѣра Николаевна:—говорятъ вамъ, что я прочту вашъ проектъ отъ доски до доски, а теперь продолжайте.

— Знаете, Вѣра Николавна, весело прервалъ Колосовичъ:— я точно лекцію читаю...

Колосовичъ кончилъ; Вѣра Николаевна задумалась.

— Я недостаточно свѣдуща въ этомъ вопросѣ, сказала она: — чтобы рѣшить, хороши ли предлагаемыя вами мѣры. Сколько мнѣ кажется, онѣ не совсѣмъ удобопримѣнимы. Впрочемъ, поспѣшила она прибавить:—я васъ нисколько не отговариваю подать вашъ проектъ. Напротивъ, займитесь имъ и представьте его на обсужденіе Ѳедора Аркадьевича. По крайней мѣрѣ, это заставитъ его призадуматься о возможности выйти изъ устарѣлой колеи...

— Гмъ! на долго ли онъ призадумается? усмѣхнулся Колосовичъ.—Положимъ, онъ и призадумается, а мой проектъ положитъ подъ сукно.

— Какой же вы нетерпѣливый и честолюбивый! воскликнула Вѣра Николаевна.

— Нисколько! горячо оправдался Колосовичъ.—Я только желаю, чтобъ цѣль была достигнута.

— Тогда я вамъ совѣтовала бы, вмѣсто того, чтобы обра-

щаться къ Ѳедору Аркадьевичу, помѣстить свой проектъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Ваша статья непремѣнно обратитъ на себя вниманіе, и вызоветъ критику, изъ которой вы, можетъ быть, почерпнете какія-нибудь новыя мысли. Умъ хорошъ, а два лучше. Торопиться подавать необстрѣленный проектъ — незачѣмъ.

— Что вы за милая женщина! и какія у васъ удачныя выраженія! съ жаромъ воскликнулъ Колосовичъ, цѣлуя руку у Вѣры Николаевны.—Необстрѣленный проектъ! Да! славную вы мнѣ подали мысль. Какъ это я самъ объ этомъ до сихъ поръ не подумалъ?

— Я вамъ уже сказала: умъ хорошъ, а два лучше, отвѣтила Вѣра Николаевна, слегка покраснѣвъ отъ неожиданнаго движенія Колосовича. — Я всегда сочувствовала вашему образу мыслей, и въ этомъ случаѣ принимаю вашу заботу къ сердцу не менѣе горячо, чѣмъ вы сами.

Алексѣй Михайловичъ крѣпко пожалъ ей руку, и призадумался. Вѣра Николаевна отвѣчала на это пожатіе едва примѣтнымъ движеніемъ пальцевъ, но щеки ея загорѣлись и глаза сверкнули. Она придвинулась еще ближе къ Колосовичу, какъ бы слѣдуя притягательной силѣ.

— Да, сказала она сдержаннымъ голосомъ, напоминавшимъ затишье передъ грозою:—займитесь серьёзно этимъ дѣломъ. Оно не можетъ не возбудить сочувствія. Мысль широкая и благородная. Не упускайте ея; уцѣпитесь за нее всѣми силами вашей пылкой и восторженной натуры...

Алексѣй Михайловичъ съ радостнымъ удивленіемъ поднялъ на нее глаза. Ему не вѣрилось, что онъ слышитъ изъ устъ Вѣры Николаевны то, что̀ ему неоднократно грезилось, когда, увлеченный воображеніемъ, онъ мечталъ о благѣ Россіи, о пользѣ, которую онъ жаждалъ принести своему отечеству.

— Не жалѣйте своихъ силъ, продолжала Вѣра Николаевна, впиваясь жгучимъ взглядомъ въ его глаза. — Такіе люди, какъ вы, не должны оставаться въ бездѣйствіи... Боже мой! Боже мой! вдругъ воскликнула она, судорожно всплеснувъ руками:— зачѣмъ я васъ тогда не послушалась!

Слезы навернулись у ней на глазахъ. Она опустила голову на грудь, и приложивъ платокъ къ прикушенной губѣ, силилась удержать подступавшія къ горлу рыданія.

Колосовичъ смутился. Онъ быстро наклонился къ ней и схватилъ ее за руку.

— Вѣра Николавна, что̀ съ вами? говорилъ онъ, силясь

отнять ея руку отъ лица:—зачѣмъ вы такъ волнуетесь?.. Вѣра... милая моя! успокойся! прошепталъ онъ безсознательно.

Вѣра, услыхавъ эти ласковые звуки, вскинула на Колосовича свои чудные глаза, наполненные слезами. Она на мгновеніе притаила трепетное дыханіе, потомъ порывистымъ движеніемъ прижалась къ его груди.

— Прости меня! воскликнула она прерывающимся голосомъ:— прости меня... я знаю, что я виновата... Я должна была исполнить твою волю и покинуть своего мужа, послѣдовать за тобой, раздѣлить твое уединеніе... но я не совладала въ то время съ своимъ малодушіемъ... я побоялась молвы свѣта, и ты меня жестоко наказалъ... Прости меня, Alexis!

— Вѣра, ради Бога, опомнись...

Онъ всталъ съ кресла, стараясь отстранить отъ себя Вѣру Николаевну. Но она не слушала его. Кипучая страсть потокомъ разлилась по всему ея существу.

— Прости меня, твердила она:—скажи, что ты меня любишь, любишь по прежнему.

Вѣра схватила его голову обѣими руками и покрывала огненными поцалуями его глаза, губы и щеки. Задыхающимся голосомъ нашептывала она слова любви. Черезъ минуту голосъ ея осѣкся, она закрыла глаза и въ изнеможеніи опустила голову на плечо Колосовича.

Алексѣй Михайловичъ мало по малу вышелъ изъ оцѣпененія, въ которое повергла его неожиданная развязка его разговора. Онъ старался опомниться. Съ недоумѣніемъ, даже съ нѣкоторымъ испугомъ глядѣлъ онъ на эту стройную женщину, припавшую къ его груди и внезапно замолкнувшую среди бѣшенаго порыва любви. Невольно стиснулъ онъ свои объятія, чтобы поддержать Вѣру. Сердце билось у него въ груди короткими, сухими ударами. Среди наступившаго молчанія, ему казалось, что онъ слышитъ эти удары. Въ каминѣ съ легкимъ шумомъ обрушилась часть прогорѣвшаго угля. Колосовичъ невольно моргнулъ и быстро взглянулъ на огонь, потомъ безсознательно перевелъ глаза на часы, стоявшіе надъ каминомъ. Стрѣлки указывали шесть часовъ. „Неужели шесть часовъ утра?“ невольно подумалъ онъ, напрягая свое вниманіе, но тотчасъ же замѣтилъ, что часы остановились. Онъ снова посмотрѣлъ на Вѣру. Тихо, осторожно приподнялъ онъ ее и сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію къ кушеткѣ. Вѣра не сопротивлялась. Гибкое тѣло ея повиновалось каждому движенію Колосовича.

— Вѣра Николавна, произнесъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ, усадивъ ее снова на кушетку.

Вѣра томно взглянула на него, улыбнулась какъ бы сквозь сонъ, и потомъ, снова закрывъ глаза, опустила голову на подушку.

— Вѣра Николавна, повторилъ Колосовичъ, немного тише, но уже болѣе твердымъ голосомъ:—вы не знаете... я вамъ не сказалъ еще...

Онъ снова растерялся, не зная, какъ продолжать.

Вѣра Николаевна быстро открыла глаза. Зрачки ея непомѣрно расширились. Она пристально посмотрѣла на Колосовича, и по мѣрѣ того, какъ глядѣла, медленно приподнималась на кушеткѣ.

Колосовичъ не вынесъ этого взгляда. Онъ опустилъ голову и невольно отступилъ на шагъ.

Вѣра вздрогнула. Смертельная блѣдность покрыла ея лицо. Губы ея посинѣли и зашевелились, какъ бы стараясь произнести какія-то слова. Она на мгновеніе замерла на мѣстѣ. Потомъ руки ея безжизненно опустились. Вѣра выпрямилась, съ усиліемъ глотнула, и не спуская глазъ съ Колосовича, тихо, словно скользя, подошла къ нему. Онъ снова отступилъ отъ нея.

— Вы женитесь на Сашѣ? процѣдила она сквозь стиснутыя губы. Голоса ея нельзя было узнать. Это было какое-то шипѣніе, въ которомъ однако слова ясно отдѣлялись одно отъ другого.—Это, что ли, вы мнѣ хотѣли сказать?

Колосовичъ молчалъ. Онъ нервически сжималъ руки и попрежнему избѣгалъ взоръ графини.

— Да отвѣчайте-жь наконецъ, когда васъ спрашиваютъ! крикнула Вѣра Николаевна, топнувъ ногою.—Чего вы боитесь? Или вы, можетъ быть, думаете, что я васъ стану ревновать къ этой дѣвчонкѣ...

Голосъ ея металлически звучалъ и раздавался на всю комнату. Она схватила Колосовича за руку. Тонкіе, бѣлые пальцы ея цѣпко обвились вокругъ его кисти.

— Говорите жь: да или нѣтъ? повелительно спросила она.

Колосовичъ угрюмо взглянулъ ей въ лицо и коротко сказалъ:

— Да.

Вѣра Николаевна не съ разу поняла смыслъ этого отвѣта. Она чего-то еще ждала, чего-то надѣялась. Однако она опустила руку Колосовича; на ней виднѣлись побѣлѣвшіе слѣды ея пальцевъ.

— Да? беззвучно повторила она.

Колосовичъ, уже вполнѣ овладѣвшій собою, тихимъ но твердымъ голосомъ повторилъ свой отвѣтъ.

— Хорошо, сказала Вѣра Николаевна, повидимому совершен-

но хладнокровно. Она медленно наклонила голову, какъ бы въ знакъ одобренія, за то, что получила ясный, категорическій отвѣтъ. — Мнѣ это только и нужно было знать.

Снова наступила минута молчанія. Колосовичу хотѣлось оправдаться, или, вѣрнѣе сказать, объяснить Вѣрѣ Николаевнѣ, почему онъ не извѣстилъ ее раньше о своемъ намѣреніи жениться на Сашѣ. Но взглянувъ на дерзкое, вызывающее выраженіе лицо графини, онъ почувствовалъ накипавшую въ немъ злобу. Чтобы не поддаться этому чувству, онъ прикусилъ себѣ губу, и нагнувшись поднялъ свою шляпу съ пола. Вѣра Николаевна стояла неподвижно, безсознательно слѣдя глазами за его движеніями.

— И такъ, вамъ угодно было пошутить со мной? наконецъ спросила она негромкимъ, ровнымъ голосомъ. — Вы выслушали меня до конца, и потомъ преспокойно объявили, что намѣреваетесь жениться? Что-жь! женитесь, Алексѣй Михайловичъ, женитесь! Все лицо ея какъ-то странно улыбалось. Даже возлѣ глазъ показались маленькія морщинки.

Колосовичъ рѣшился положить конецъ этой томительной сценѣ.

— Графиня, сказалъ онъ серьёзнымъ, почтительнымъ голосомъ:—я передъ вами глубоко виноватъ, я васъ оскорбилъ. Но клянусь вамъ честью, что оскорбленіе было невольное съ моей стороны. Я пришелъ къ вамъ съ твердымъ намѣреніемъ тотчасъ же извѣстить васъ о принятомъ мною рѣшеніи; но сначала у меня какъ-то не хватило на это духа, а потомъ я завлекся разговоромъ... Словомъ, я чувствую свою вину и на колѣняхъ прошу у васъ прощенія.

Онъ дѣйствительно преклонилъ колѣна, покорно нагнувъ голову. Вѣра Николаевна выпрямилась. Верхняя губа ея судорожно задрожала отъ презрительной улыбки.

— Конечно, послѣ того, что̀ случилось, продолжалъ Колосовичъ, медленно поднимаясь:—мнѣ не суждено больше съ вами видѣться, но я никогда не забуду счастливаго времени, воспоминанія котораго имѣли такія грустныя послѣдствія! Простите меня, мнѣ не слѣдовало бы касаться этого предмета, но я слишкомъ глубоко васъ уважаю, чтобы разстаться подъ бременемъ несправедливаго обвиненія. Повторяю вамъ, я оскорбилъ васъ невольно̀. Протяните же мнѣ руку въ знакъ прощенія, скажите хоть одно слово... Въ голосѣ Колосовича слышалось сильное волненіе. Отъ торопливой его рѣчи, отъ тревожнаго выраженія лица, отъ всей его осанки такъ и вѣяло искренностью и задушевностью. Онъ подошелъ къ Вѣрѣ Николаевнѣ съ простер-

тыми руками, но взглянувъ на ея лицо, въ которомъ выражалось одно безжизненное, мраморное спокойствіе, остановился и поникъ головой.

— Не думалъ я, чтобы мы такъ съ вами разстались, тихо проговорилъ онъ.—Прощайте. Одно могу вамъ сказать: гдѣ бы вы ни были, что̀ бы съ вами ни случилось, я всегда готовъ буду доказать вамъ свою искреннюю, глубокую привязанность...

Вѣра Николаевна долго смотрѣла ему въ слѣдъ, не трогаясь съ мѣста. Когда умолкъ звукъ его шаговъ, она опустила глаза, но все-таки не перемѣнила положенія. Губы ея были сжаты, брови нахмурены, лицо страшно блѣдно. Наконецъ она подняла голову, расправила рукой давившій ее воротничокъ, и оглянулась кругомъ съ тупымъ вниманіемъ. На коврѣ, возлѣ кушетки, лежала ея соболья шубка. Вѣра Николаевна подняла ее, накинула на плечи, и взглянувъ на себя въ зеркало, нѣсколько разъ провела рукой по волосамъ. Потомъ она подошла къ письменному столу, неторопливо усѣлась передъ нимъ, и стала выбирать листъ вензельной бумаги съ подходящимъ къ ней конвертомъ. Засвѣтивъ свѣчку, она немного задумалась, устремивъ пристальный взглядъ на пламя, и тотчасъ же принялась писать четкою, твердою рукою:

„Любезный Дмитрій“.

„Вы мнѣ обѣщались показать англійскій катокъ въ полномъ его блескѣ. Завтра, кажется, празднуется его открытіе. Если не будетъ трескучаго мороза, то пріѣзжайте ко мнѣ часа въ три. Кстати, мы заѣдемъ и къ Марковымъ; вѣдь вы не забыли, что онѣ принимаютъ по средамъ?“

Записка была написана пофранцузски и кончалась словами: „Mille amitiés“, за которыми слѣдовала размашистая подпись графини.

Вѣра Николаевна перечитала записку, аккуратно сложила ее и вложила въ конвертъ. Затѣмъ она встала, потушила свѣчу и направилась съ запискою въ рукахъ къ своему обычному мѣсту, возлѣ котораго помѣщался звонокъ. Движенія ея были такъ же плавны и мягки, какъ всегда. Подойдя къ камину, она посмотрѣла на часы, недовѣрчиво прищурила глаза и повѣрила ихъ съ своими часиками, висѣвшими на богатой брошкѣ у самаго подбородка. Было половина втораго. Вѣра Николаевна позвонила.

— Уберите чай, сказала она ровнымъ голосомъ вошедшему слугѣ.—Распорядитесь, чтобъ эту записку завтра утромъ снесли къ Дмитрію Алексѣевичу, и велите спросить отвѣта.

Она отдала записку и удалилась къ себѣ въ спальню.

IV.

Пріемный день у г-жи Марковой.

Есть такая игра у маленькихъ дѣвочекъ, которая называется „jouer à la Madame“. Садятся онѣ въ кружокъ, одна изъ нихъ принимаетъ на себя обязанности хозяйки дома, и начинается комедія. Дѣвочки разговариваютъ, сплетничаютъ, хозяйка дома угощаетъ своихъ гостей, освѣдомляется о здоровьѣ дѣтей своей посѣтительницы, и при этомъ дѣвочки корчатъ мины, стараясь подражать взрослымъ.

Нельзя было не вспомнить про эту игру, увидавъ Наталью Петровну, у себя, дома, въ пріемный ея день. Наталья Петровна очень любила эти дни, и какъ ни мало была знакома съ петербургскимъ обществомъ, однако къ ней, по средамъ, всегда приходило человѣкъ шесть, семь, передъ которыми она старалась разыгрывать роль „великосвѣтской барыни“. И эта забава тѣшила ее не по лѣтамъ.

Понятія г-жи Марковой о настоящемъ типѣ „великосвѣтской львицы“ далеко еще не установились. Всѣ они поперемѣнно казались ей самыми лучшими. Вслѣдствіе этого, она старалась соединить въ себѣ всѣ эти типы вмѣстѣ. Пухленькая особа ея испытывала, по средамъ, цѣлый рядъ самыхъ неестественныхъ преобразованій. То она напускала на себя величавый и серьёзный видъ, то увлекательно-дѣтски смѣялась, то прикидывалась разочарованною и равнодушною ко всему, то принимала преувеличенное участіе въ самой обыденной сплетнѣ. Кромѣ того, на эти темы разыгрывались еще различныя непредвидѣнныя варіаціи. Иногда Наталья Петровна поощряла себя къ своей наклонности — къ злословію. Горе тому, который попадался ей въ эти минуты на зубокъ. Не удовлетворивъ своей наклонности, Наталья Петровна вдругъ, безъ всякой видимой причины, напускала на себя смиренный стихъ. Тогда она сердобольно улыбалась и укоризненно покачивала головой при малѣйшей шуткѣ, отпускаемой въ ея присутствіи насчетъ ближняго. Даже религіозныя убѣжденія ея, не говоря уже о политическихъ мнѣніяхъ, если у ней таковыя были, подвергались различнымъ видоизмѣненіямъ, смотря по обороту, который принималъ разговоръ. Наталья Петровна была воспитана въ самыхъ набожныхъ правилахъ, а между тѣмъ нерѣдко прикидывалась вольнодумкою и небрежно отзывалась о постахъ, о нѣко-

торыхъ церковныхъ обрядахъ и о предразсудкахъ вообще, что̀ не мѣшало ей тщательно соблюдать всѣ посты, креститься и отплевываться при встрѣчѣ съ духовнымъ лицомъ, цаловать руку у священника, и замаливать свои грѣхи, кладя каждый вечеръ земные поклоны.

И такъ, Наталья Петровна готовилась къ своему пріемному дню. Она вышла въ гостиную раньше обыкновеннаго и была въ отличномъ расположеніи духа. Услыхавъ голосъ Саши, которая что-то напѣвала у себя въ комнатѣ, Наталья Петровна вошла къ своей дочари.

— Здравствуй, Сашокъ, ласково поздоровалась она.

Саша, занимавшаяся у окна какимъ-то рукодѣльемъ, встала и поцаловала руку у Натальи Петровны.

— Ты, я вижу, опять за работой? спросила она, цалуя Сашу въ лобъ. — Хорошо, хорошо... ты у меня умница, никогда праздною не сидишь... Это я люблю, похвалила она, пригладивъ ея волосы съ видомъ нѣжной заботливости. — Что же это, Саша, неужели ты еще не одѣлась? вдругъ спросила она, окинувъ глазами ея простенькое шерстяное платье.

— Какъ не одѣлась? улыбаясь спросила Саша. — Одѣлась.

— Да какъ же это, милая моя? Ты, вѣроятно, забыла, что сегодня среда... Развѣ этакъ можно принимать гостей?...

Саша съ недоумѣніемъ посмотрѣла на свое платье.

— Кажется, платье хорошенькое, нерѣшительно сказала она.

— Еще бы не хорошенькое, когда m-me Andrieux его шила... но все-таки въ шерстяномъ платьѣ не годится... Спроси-ка свое синее шелковое платье, знаешь — bleu de roi, съ чернымъ кружевомъ и отворотами...

— Ахъ, мама̀, къ чему это?

— Ну, милая моя, пожалуйста не разсуждэй, довольно сухо возразила Наталья Петровна.—Мнѣ кажется, я лучше тебя должна знать, во что тебѣ слѣдуетъ одѣваться! Пойди-ка переодѣнься скорѣй, да приходи въ гостиную.

Саша, покорно вздохнувъ, пошла исполнить приказаніе своей матери, а Наталья Петровна вернулась въ гостиную. Остановясь среди комнаты, она наклонила голову нѣсколько на бокъ, поднесла лорнетъ къ своимъ прищуреннымъ глазкамъ и стала всматриваться, все ли стоитъ на мѣстѣ. Прежде всего, ее непріятно поразилъ черезчуръ симметрическій порядокъ креселъ и стульевъ, установленныхъ полукругомъ возлѣ кушетки, заказанной на подобіе кушетки графини. Наталья Петровна тотчасъ же исправила эту ошибку, передвинувъ колѣномъ два, три стула, и отступая назадъ, чтобы издали присмотрѣть-

ся къ эфекту. Потомъ, она на удачу заложила бумажкой какую-то политическую брошюру и небрежно бросила ее на столъ, на видномъ мѣстѣ. Окончивъ эти приготовленія, Наталья Петровна усѣлась на своемъ мѣстѣ съ видомъ великаго наслажденія. Ей казалось, что аристократичнѣе ея гостиной ничего быть не можетъ. Въ ожиданіи возвращенія своей дочери, она принялась пробѣгать столбцы „Journal de St-Petersbourg".

Саша недолго заставила себя ожидать. На этотъ разъ нарядъ ея вполнѣ удовлетворилъ Наталью Петровну.

— Ну вотъ, это другое дѣло! сказала она, одобрительно кивая головой:—ты говоришь, что это платье слишкомъ нарядно, чтобы дома сидѣть! Посмотрѣла бы ты вчера на M-me Напталь-Арно. Ахъ, кстати! вдругъ воскликнула Наталья Петровна, не докончивъ фразы: — ты знаешь, на что сестра рѣшилась? ѣдетъ ли она, или нѣтъ?

— Не знаю. Тетя вчера вечеромъ говорила, что все будетъ зависѣть отъ телеграммы, которой она ожидаетъ.

— Да неужели мужъ ея такъ плохъ?

— Тетя говорила, что доктора опасаются прилива крови къ головѣ, а если это, сохрани Богъ, случится, то можетъ произойти воспаленіе мозга.

— Ну, да,—и что жь?..

— Въ такомъ случаѣ, тетя сегодня же отправляется въ Вильну, несмотря на то, что она сама не совсѣмъ здорова.

— Скажите пожалуйста! покачала головой Наталья Петровна, понюхавъ постоянно находившійся при ней флаконъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Она ужасно боялась всякихъ недуговъ, и стоило только заговорить въ ея присутствіи о какой-нибудь болѣзни, даже нисколько не заразительной, чтобы она тотчасъ прибѣгала къ предохранительному средству своего флакона. — И какъ это такъ неожиданно случилось! Возьми-ка журналъ, прочитай мнѣ иностранныя кореспонденціи!

Саша принялась за чтеніе. Черезъ нѣсколько времени она была прервана появленіемъ лакея.

— Что̀ такое? спросила Наталья Петровна.

— Отъ Софьи Петровны—записка-съ, отвѣчалъ лакей, подавая ей записку на маленькомъ серебряномъ подносѣ.

— Ахъ, какъ я рада! воскликнула Саша:—вѣрно тетя насъ извѣщаетъ, каковъ Владиміръ Семеновичъ.

Наталья Петровна протянула-было руку къ подносу, но вдругъ остановилась и съ сдержаннымъ негодованіемъ уставилась на лакея.

— Что̀ я тебѣ говорила? спросила она, и въ ожиданіи отвѣта наклонила голову на сторону, плотно стиснувъ губы.

Лакей съ недоумѣніемъ поглядѣлъ сперва на подносъ, потомъ на Наталью Петровну и ничего не отвѣчалъ.

— Я у тебя спрашиваю, настаивала Наталья Петровна, повышая голосъ.

Лакей продолжалъ молчать.

— Глухъ ты, что ли? прикрикнула она. — Я у тебя спрашиваю: что̀ я тебѣ говорила? А?

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ оторопѣвшій лакей, и взглянулъ на Сашу, какъ бы прося у ней помощи. Саша, зная напередъ, что ея вмѣшательство ни къ чему не поведетъ, опустила глаза и съ притворнымъ вниманіемъ погрузилась въ чтеніе газеты.

— Не могу знать-съ, продолжала между прочимъ Наталья Петровна, передразнивая лакея и корча какую-то гримасу, которая вѣроятно должна была изобразить недоумѣвающее выраженіе, блуждавшее на лицѣ его: — не могу знать! повторила она съ возрастающимъ негодованіемъ, и потомъ громко фыркнула. — Тридцать разъ говорила я тебѣ, чтобы ты никогда не смѣлъ подавать мнѣ записки безъ перчатокъ!

— Да вѣдь я её... того... на подносѣ-съ, извинялся лакей.

— Не о подносѣ тебѣ говорятъ, а о перчаткахъ! рѣзко перебила Наталья Петровна: — понимаешь? о перчаткахъ! Вашему брату, что говори что нѣтъ, — все равно. Приказываешь, повторяешь, наконецъ изъ силъ выбьешься — просто мочи нѣтъ!...

Саша не вытерпѣла. Она опустила газету на колѣни и спросила пофранцузски, про что̀ писала Софья Петровна.

— А ты, милая моя, не перебивай меня, когда я дѣло говорю, круто возразила Наталья Петровна и снова принялась допекать несчастнаго лакея, который съ тупымъ равнодушіемъ продолжалъ держать передъ собой подносъ съ нетронутой запиской. Наталья Петровна, перейдя постепенно отъ внушительнаго тона къ самымъ рѣзкимъ нотамъ своего голоса, наконецъ успокоилась. Она даже раскраснѣлась отъ сдѣланнаго ею напряженія. Схвативъ записку съ какимъ-то порывистымъ негодованіемъ, она оттолкнула отъ себя подносъ и заключила свое нравоученіе слѣдующими словами:

— Ну, смотри же, помни, что̀ я тебѣ сказала. Теперь ступай и зажги-ка здѣсь курилку, да и въ передней чтобъ горѣла курилка, слышишь? И духи-то прошу разбавить водой... Вѣдь вамъ барское-то добро ни почемъ... знаю я васъ, дармоѣдовъ.

Саша послѣ полученнаго ею замѣчанія встала и отошла къ

фортепіано. Она едва слышно перебирала пальцами по клавишамъ.

— Полно тебѣ, милая моя, бренчать, терпѣть я не могу этихъ импровизацій, сказала Наталья Петровна раздражительнымъ голосомъ. — Тридцать разъ я тебѣ говорила: хочешь играть — такъ играй хорошенько, а нѣтъ, такъ незачѣмъ и садиться къ фортепіано. Нà вотъ тебѣ, читай, прибавила она, передавая ей записку сестры. — Видно, мужу-то хуже.

— Бѣдная тетушка! говорила Саша, прочитывая письмо: — она еще не успѣла отдохнуть съ дороги, и вдругъ опять приходится ѣхать!

— Нашла о комъ жалѣть! насмѣшливо возразила Наталья Петровна: — ты бы лучше о Владимірѣ Семеновичѣ пожалѣла... Вѣдь *онъ* при смерти, а не сестра; съ Софи-то ничего не сдѣлается, если она промнетъ немного свои старыя кости...

— Разумѣется, я и о Владимірѣ Семеновичѣ жалѣю, хотя я его очень мало знаю, но бѣдная тетушка... Мама! вы мнѣ позволите поѣхать проститься съ тетей?

— Когда это, милая моя? ужь не теперь ли ты вздумала ѣхать?

— Да, мнѣ хотѣлось бы...

— Да ты съума сошла! воскликнула Наталья Петровна: — сейчасъ ѣхать!.. когда я жду гостей... Я, право, удивляюсь твоей безразсудности!...

— Вы могли бы извиниться за меня... сказать, почему меня дома нѣтъ... настаивала Саша.

— Совершенно лишнее, безапеляціонно рѣшила Наталья Петровна: — и къ тому же, прошу тебя не разсказывать про болѣзнь Владиміра Семеновича. Завтра балъ у княгини Глинской; она насъ звала, и я непремѣнно хочу, чтобы ты къ ней ѣхала. Всѣ говорятъ, что этотъ балъ будетъ великолѣпенъ: княгиня извѣстна тщательнымъ выборомъ своихъ приглашеній... Притомъ же, нечего Владиміра Семеновича заживо хоронить. Изъ записки сестры еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мужъ ея былъ дѣйствительно въ безнадежномъ положеніи. Софи всегда преувеличиваетъ, это ея страсть...

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ двухъ молодыхъ офицеровъ. Нѣжный пушокъ едва пробивался на ихъ дѣтскихъ лицахъ. Позвякивая шпорами, придерживая рукою палаши, они довольно быстро подошли къ Натальѣ Петровнѣ и молча поклонились, точно явились по наряду или исполняли служебный долгъ. Хотя они очень недавно стали выѣзжать въ свѣтъ, однако уже получили прозвище. Ихъ звали двумя Аяксами.

Съ посѣтителями такого рода Наталья Петровна обыкновенно принимала величавый и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительственный видъ. Въ отвѣтъ на почтительный поклонъ офицериковъ, она снисходительно улыбнулась и даже удостоила протянуть имъ два пальца.

— Ну, что, messieurs, спросила она, указавъ на стулья:— вы собираетесь съ силами къ завтрашнему балу?

— Говорятъ, балъ у княгини Глинской будетъ очень блистательный, уклончиво отвѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей, переглянувшись сначала съ товарищемъ.

— Да, у ней балы бываютъ миленькіе, небрежно отозвалась Наталья Петровна, хотя она еще ни разу не бывала у княгини.—Вы, разумѣется, званы? прибавила она вскользь.

— Н-нѣтъ-съ. Мы княгинѣ еще не были представлены, сконфуженно отвѣтилъ тотъ же молодой человѣкъ и притомъ весь покраснѣлъ.

Товарищъ его, повидимому, робкій, ничего не говорилъ съ той минуты, какъ вошелъ въ гостиную, и только широко улыбался.

— Помилуйте... какъ же можно? укоризненно, даже строго спросила Наталья Петровна: — не знать княгини Глинской, да это все равно, что...

— Мы не имѣли еще случая представиться, Княгиня такъ рѣдко выѣзжаетъ въ свѣтъ, извинился болѣе смѣлый Аяксъ, снова взглянувъ на товарища.

Робкій Аяксъ испустилъ одобрительный звукъ — не то сдержанный смѣхъ, не то перхота въ горлѣ.

— Это правда. Княгиня не всюду ѣздитъ, однако, она, кажется, третьягодня была у Вѣры Вязиной, сказала Наталья Петровна. Надо замѣтить, что хотя Наталья Петровна никогда графиню въ глаза по имени не называла, однако, заочно, не иначе говорила о ней, какъ о „Вѣрѣ Вязиной". Впрочемъ, утѣшьтесь, messieurs, я вскорѣ намѣреваюсь дать балъ, и тогда сама представлю васъ книгинѣ. А-а! здравствуйте, monsieur Гулявцевъ, обратилась она съ любезною улыбкою къ вновь вошедшему гостю, и протянула ему, не два пальца, а всю руку.— Что̀, вы очень устали послѣ вашихъ блистательныхъ подвиговъ у Вѣры Вязиной? Вы мою дочь знаете? Саша! m-r Гулявцевъ, представила она на всякій случай.

Въ обращеніи Натальи Петровны произошло уже легкое видоизмѣненіе. Она не совсѣмъ еще покидала величавость, съ которой встрѣтила двухъ Аяксовъ, но значительно смягчила свой покровительственный тонъ.

— Какъ же-съ! осклабился Гулявцевъ въ отвѣтъ на ея вопросъ.—J'ai eu l'honneur de faire valser mademoiselle. Mademoiselle valse à ravir. C'est rare par le temps qui court...

Это было сказано съ увѣренностью знатока и съ граціознымъ взмахомъ руки, отъ котораго выдвинулась впередъ манжетка ослѣпительной бѣлизны. Саша слегка улыбнулась, въ благодарность за выданный ей аттестатъ.

— Когда вы вошли, мы говорили... Господа, вы знакомы между собой? какъ-будто спохватилась Наталья Петровна. Она имѣла страсть къ представленіямъ, воображая себѣ, что усвоила всѣ тонкости, какъ кого съ кѣмъ знакомить, что̀, по ея мнѣнію, составляло одну изъ великихъ свѣтскихъ премудростей: — князь Бабаевъ-Растрѣльскій, графъ Колети, m-r Гулявцевъ, прибавила она, откинувъ немного голову назадъ и слегка прищуривая глаза, между тѣмъ, какъ едва примѣтнымъ движеніемъ кисти руки указывала лорнетомъ на называемыя ею лица. — Когда вы вошли, повторила она: — мы говорили о завтрашнемъ балѣ. Надѣюсь, что вы опять будете дирижировать!

— Helas! oui, madame, вздохнулъ Гулявцевъ, пожимая плечами.

— Отчего же — helas? У васъ должна быть такая сноровка, что вы не можете этимъ затрудняться.

— Да, но знаете, ça devient très fatiguant à la longue.

— Полноте, какъ вамъ не стыдно... въ ваши года! засмѣялась Наталья Петровна.

Она пускала въ ходъ новую метаморфозу игривости.

— Нѣтъ, право! Вы не повѣрите—c'est un métier de galérien. Я и то ужь избѣгаю встрѣчъ съ хозяйками дома за два, за три дня передъ баломъ. Je les évite comme le feu. И все-таки это ни къ чему не ведетъ. Que voulez vous? C'est la fatalité.

— Ну, ужь, m-r Гулявцевъ, отъ меня-то вы не уйдете, возразила Наталья Петровна, шаловливо грозя ему своимъ лорнетомъ.—Я намѣреваюсь скоро дать балъ, и не отстану отъ васъ, пока вы не обѣщаетесь дирижировать у меня.

— Помилосердуйте!.. воскликнулъ Гулявцевъ съ комическимъ ужасомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь мнѣ-то вы не откажете, приставала Наталья Петровна все съ тою же дѣтски-игривою улыбкою.

— Да помилуйте, отчего же непремѣнно *я* долженъ дирижировать? ломался Гулявцевъ, втайнѣ ликующій, что не могли обойтись ни на одномъ балѣ безъ его помощи.—Je suis sûr que le comte dirige en perfection, прибавилъ онъ, указывая на робкаго Аякса.

Офицерикъ, который съ неизмѣнною широкою улыбкою прислушивался къ разговору, сильно сконфузился и засмѣялся гортаннымъ смѣхомъ. Болѣе смѣлый Аяксъ выручилъ товарища изъ бѣды.

— Колети не можетъ дирижировать. Увѣряю васъ, что не можетъ! У него такой громкій голосъ, что онъ не можетъ съ нимъ совладать.

Всѣ засмѣялись этому заступничеству.

— Нѣтъ-съ, право, увѣряю васъ, продолжалъ князь Бабаевъ, весьма польщенный этимъ смѣхомъ:—когда Колети командуетъ на ученіи, то его за версту слышно. Знаете, онъ разъ за ужиномъ вздумалъ показать намъ свой голосъ—такъ, повѣрите ли, когда онъ скомандовалъ: поэскадронно, налѣво...

Бабаевъ вошелъ въ такой азартъ, разсказывая свой анекдотъ, что вскочилъ со стула, слегка согнулъ колѣни, показывая видъ, будто сидитъ верхомъ на лошади, и на послѣднемъ словѣ протяжно произнесенной имъ команды, поднялъ руку надъ головой и кому-то погрозилъ указательнымъ пальцемъ. Совершивъ эту пантомиму, онъ снова сѣлъ и продолжалъ разсказъ, который состоялъ въ томъ, что изъ противоположнаго дома прислали спросить — не рѣжутъ ли кого-нибудь. Окончивъ анекдотъ, Бабаевъ самъ же первый ему разсмѣялся, а герой разсказа продолжалъ улыбаться во весь ротъ, изрѣдка издавая неопредѣленные гортанные звуки.

Наталья Петровна, замѣтивъ, что разсказъ Бабаева непомѣрно затягивается, придала своей улыбкѣ томное выраженіе и разсѣянно покачивала головой. Воспользовавшись удобною минутою, она мелькомъ взглянула на Гулявцева, пожимая плечами, въ видѣ нѣмаго протеста съ ея стороны.

Подъ самый конецъ разсказа, вошла въ гостиную Вѣра Николаевна въ сопровожденіи Миловецкаго.

Наталья Петровна такъ обрадовалась неожиданному посѣщенію графини, что не съумѣла сохранить подобающаго достоинства. Тонкая улыбка ея замѣнилась сіяющимъ выраженіемъ, когда она торопливо пошла на встрѣчу своимъ дорогимъ гостямъ.

— Вотъ это такъ любезно! воскликнула она, пожимая имъ руки, и съ радости не позаботилась даже придать какую-нибудь неестественную интонацію своему голосу.

Два Аякса поспѣшно встали, выжидая взгляда графини, чтобы ей поклониться. Гулявцевъ также всталъ и отсторонивъ свое кресло, чтобы дать дорогу Вѣрѣ Николаевнѣ, красиво изогнулъ станъ, осторожно проводя рукой по волосамъ.

Поздоровавшись съ Натальей Петровной и поцаловавъ Сашу, графиня, плавно выступая, врѣзалась въ кружокъ. На проходѣ она протянула руку Гулявцеву и слегка кивнула головой юнымъ воинамъ. Наталья Петровна, съ тайной завистью и невольнымъ умиленіемъ, слѣдила за движеніями графини. Все выходило у нея такъ естественно, такъ свободно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ изящно.

— Какъ вы видите, я вамъ привезла Дмитрія Алексѣича, сказала Вѣра Николаевна, усаживаясь въ кресло:—надѣюсь, что вы съумѣете оцѣнить эту заслугу по достоинству. Вѣдь вы не знаете, какой онъ занятой человѣкъ?

Въ этой шуткѣ слышалась легкая иронія, именно на столько, чтобы заставить улыбнуться слушателей и не обидѣть Миловецкаго.

— Какъ же, какъ же! Вполнѣ оцѣняю... Государственный дѣятель! восторженно засмѣялась Наталья Петровна, стараясь поддѣлаться подъ тонъ графини, но сейчасъ же осѣклась.

Черезчуръ фамильярный смѣхъ ея возбудилъ неудовольствіе Миловецкаго. Онъ холодно взглянулъ на нее, приподнявъ слегка брови.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, поспѣшила она поправиться:—я вамъ искренно благодарна за то, что вы не забыли моего пріемнаго дня.

Она почувствовала, какъ краснѣетъ отъ сдѣланной ею неловкости, и уваженіе ея къ Миловецкому значительно возрасло.

— Помилуйте, я почелъ долгомъ... спокойно отвѣтилъ Миловецкій, и звякнулъ шпорами сидя на мѣстѣ.

— Ну, что, Саша, обратилась графиня къ сидѣвшей возлѣ нея Александрѣ Николаевнѣ: — позаботились ли вы о своемъ нарядѣ для завтрашняго бала? О! да вы и сегодня какъ принарядились! прибавила она, приподнимая Сашину руку, чтобы лучше всмотрѣться въ ея платье. — Куда это вы собираетесь? спросила она.

Саша съ нѣмымъ укоромъ взглянула на мать.

— Это она уже заранѣе одѣлась къ обѣду: мы сегодня не дома обѣдаемъ, поспѣшила отвѣтить Наталья Петровна, прибѣгнувъ къ этой выдумкѣ, чтобы объяснить неумѣстную нарядность своей дочери. — А какъ жаль, ma chère, что вы не были вчера въ Михайловскомъ театрѣ, продолжала она съ преувеличеннымъ сожалѣніемъ въ голосѣ.—Какъ m-me Naptal была хороша, просто чудо!

— Да, говорятъ, эта роль ей вполнѣ удалась, равнодушно отвѣтила Вѣра Николаевна, приглаживая рукой свою муфту. —

Дмитрій, не забудьте мнѣ достать ложу въ первый разъ, какъ будутъ давать „Les diables noirs“. Я непремѣнно хочу видѣть эту пьесу.

— Отчего же вы вчера не пріѣхали? настаивала Наталья Петровна.

— Такъ. Нельзя было, спокойно отвѣтила Вѣра Николаевна, и лѣниво провела рукой по глазу.—У меня собралось нѣсколько человѣкъ—ахъ, да! между прочимъ, былъ и вашъ пріятель, внезапно оживилась графиня, обращаясь къ Сашѣ.

Саша очень сконфузилась.

— Какъ, мой пріятель? про кого вы говорите? встревоженно спросила она, краснѣя до ушей.

— Боже мой, какая вы конфузливая! улыбнулась графиня, проводя кончикомъ своей муфты по ея щекѣ. — Что за милое созданіе ваша Саша! обратилась она къ Натальѣ Петровнѣ. — C'est si frai! Si innocent! прибавила она вполголоса. — Ну-съ, а пріятель-то — ну, ну, хорошо... не буду, только, право, не понимаю, чему тутъ конфузиться. Я сама въ восторгѣ отъ него!

— Да про кого вы, въ самомъ дѣлѣ, говорите? спросила Наталья Петровна.

— Какъ, про кого? Про Колосовича. Какъ онъ хорошо и дѣльно говоритъ, я его вчера слушала, слушала... точно интересную книгу читаешь. Вы его знаете? обратилась она къ Гулявцеву, который отъ нечего дѣлать перекидывался остроумными замѣчаніями съ Бабаевымъ.

— Pardon, comtesse, вы меня спрашивали?

— Да, я спрашивала, знаете ли вы Колосовича; онъ у меня былъ на балу, высокій такой, черноволосый.

— Ахъ, да! ce beau ténébreux! Il me fait l'effet d'un poseur.

— Напрасно! Онъ нисколько не рисуется, и вдобавокъ очень умный человѣкъ, продолжала графиня:—впрочемъ, вотъ и Дмитрій Алексѣичъ его терпѣть не можетъ. Никакъ я этого не понимаю.

— Извините, Вѣра Николавна, возразилъ Миловецкій съ презрительною усмѣшкою: — никогда я вамъ не говорилъ, что г-на Колосовича терпѣть не могу; я его почти совсѣмъ не знаю, то-есть, по крайней мѣрѣ, лично.

— Однако, мы съ вами изъ-за него чуть-чуть не поссорились, замѣтила Вѣра Николаевна, какъ бы приводя неопровержимое доказательство. — То-есть, такой онъ консерваторъ, что просто мочи нѣтъ! шутливо обратилась она къ Натальѣ Петровнѣ и махнула рукой.

Миловецкій только пожалъ плечами, а со стороны офицериковъ послышался сдержанный и почтительный смѣхъ.

— А развѣ этотъ господинъ Колосовичъ либералъ? съ любопытствомъ спросила Наталья Петровна. — Вѣдь это, не правда ли, тотъ самый господинъ, котораго вы мнѣ представили въ вашемъ будуарѣ? Онъ еще такъ поздно пріѣхалъ—и Сашу зналъ за границей—тотъ самый?

— Да, именно этотъ. Онъ недавно вернулся изъ-за границы съ запасомъ новыхъ и интересныхъ мыслей, и еслибы вы знали, какъ хорошо онъ ихъ излагаетъ — просто заслушаться можно. Вѣра Николаевна произнесла эти похвалы такимъ искреннимъ тономъ, что Саша съ невольною благодарностью взглянула на нее и радостно улыбнулась.

— За что же его Дмитрій Алексѣичъ такъ не жалуетъ? удивилась Наталья Петровна, обращаясь съ своимъ вопросомъ скорѣе къ самому Миловецкому, чѣмъ къ графинѣ.

— Я ужь имѣлъ честь вамъ сказать, что я г-на Колосовича почти не знаю, сухо отвѣтилъ Миловецкій:—поэтому, я его жаловать или нежаловать не могу.

— А я имѣла уже честь сказать, съ нѣкоторою запальчивостью передразнила его Вѣра Николаевна:—что когда людей не знаютъ, то про нихъ не злословятъ.

— C'est ça. On garde la médisance pour ses amis! подтвердилъ Гулявцевъ и размашистымъ движеніемъ руки выдвинулъ впередъ свою манжетку.

Онъ обыкновенно прибѣгалъ къ этому жесту, когда оставался особенно доволенъ удачнымъ оборотомъ сказанной имъ фразы или острымъ словцомъ.

— Это тѣмъ невеликодушнѣе съ вашей стороны, что вы напередъ увѣрены, что Колосовичъ не станетъ платить вамъ тою же монетою, продолжала Вѣра Николаевна.

Миловецкій, неудостоившій Гулявцева даже взглядомъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе, съ несвойственнымъ ему оживленіемъ обратился къ графинѣ.

— Позвольте, ma cousine, вы говорите мнѣ непріятности, ничѣмъ мною не вызванныя, обидчиво замѣтилъ онъ. — Повѣрьте, что еслибы я зналъ, что вы принимаете такое горячее участіе въ господинѣ Колосовичѣ... еслибы я только могъ подозрѣвать...

Миловецкій преднамѣренно запнулся и двусмысленная улыбка заиграла на его губахъ.

— Что̀ вы сказали? медленно спросила Вѣра Николаевна, устремивъ глаза на Миловецкаго и напрягая свое зрѣніе, какъ будто вглядывалась въ темноту.

Миловецкій весьма дорожилъ своими отношеніями съ графинею. Наединѣ съ нею, онъ бы и не подумалъ оскорбиться замѣчаніемъ Вѣры Николаевны. Но ему показалось обиднымъ, что она обходилась съ нимъ такъ безцеремонно въ присутствіи постороннихъ, въ особенности въ присутствіи юныхъ воиновъ, которыхъ онъ справедливо считалъ подчиненными себѣ въ іерархическомъ отношеніи.

— Я бы не посмѣлъ высказать свое мнѣніе про Колосовича, еслибы думалъ, что вы имъ такъ живо интересуетесь, повторилъ Миловецкій, значительно смягчая свой тонъ.

Вѣра Николаевна продолжала на него глядѣть невыносимо пристально. Лицо ея не выражало ни гнѣва, ни удовольствія. Оно было убійственно холодно. Миловецкій смутился и нервически провелъ рукой по длиннымъ усамъ.

— Dmitri, mon cher, vous êtes inepte, je suis fachée de devoir vous le dire, сказала, наконецъ, графиня вполголоса, и, пожавъ плечомъ, отвернулась отъ него.

Соболѣзнующая улыбка придала еще бо̀льшую язвительность ея словамъ.

Присутствующіе съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за малѣйшей подробностью этой сцены. У Гулявцева даже разгорѣлись глаза отъ удовольствія. Онъ одобрительно улыбался, проводя пальцемъ между воротникомъ рубашки и шеею. Аяксы съ недоумѣніемъ хлопали глазами и думали, не приличнѣе ли имъ будетъ уйти. Въ Сашѣ возгорѣлось чувство безпредѣльной благодарности къ Вѣрѣ Николаевнѣ и отъявленной непріязни къ Миловецкому. Что же касается Натальи Петровны, она съ смущеніемъ посматривала то на Миловецкаго, то на Вѣру Николаевну, не зная, какъ положить конецъ возникшему между ними столкновенію. Не смѣя вмѣшаться въ ихъ разговоръ, она попеременно удивлялась то храбрости Миловецкаго, то величавому спокойствію графини. Она наблюдала и училась. Самый же предметъ спора пока совершенно вышелъ у ней изъ головы.

Миловецкій, услыхавъ замѣчаніе Вѣры Николаевны, весь вспыхнулъ.

„Каково же это слушать... въ присутствіи какихъ-то корнетовъ“, подумалъ онъ, между тѣмъ, какъ бѣдные Аяксы только и искали предлога. чтобы уйти. „Надо себя показать“, рѣшилъ онъ, выразительно крякнувъ.

— Вѣдь вотъ вы какая нелогичная! сказалъ онъ, собравшись съ духомъ, и самъ удивился своей смѣлости, а Наталья Петровна даже заморгала глазами отъ испуга.—Вы проповѣдуете свободу мнѣній, а только-что кто-нибудь позволитъ себѣ противорѣчить

вамъ, вы говорите ему непріятности. Ну, какое вамъ, въ сущности, дѣло до того, хорошо ли я расположенъ къ Колосовичу или нѣтъ?

— Рѣшительно никакого, отвѣтила графиня небрежнымъ тономъ: — впрочемъ, я думаю, и Алексѣю Михайлычу это должно быть все равно; какъ вы полагаете?

— Я не говорю, чтобы мое мнѣніе...

— Тѣмъ болѣе, что это дѣло личной антипатіи, рѣшительно ни на чемъ не основанной, перебила его Вѣра Николаевна.

— Ну, ужь это, извините, мое дѣло, вспылилъ Миловецкій, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія насмѣшками графини.

Гулявцевъ подумалъ про себя:

„Каково расходился полковникъ! вотъ потѣха!“ и пріятно улыбнулся.

Наталья Петровна не на шутку перепугалась, видя, что перестрѣлка между Миловецкимъ и графинею принимаетъ серьёзный оборотъ. Она сдѣлала примирительное движеніе руками.

— Да бросьте вы, ради Бога, этого господина Колосовича... не все ли равно...! воскликнула она.

— Нѣтъ, извините, любезная Наталья Петровна, настойчиво прервала ее графиня. — Вовсе не все равно. Еслибы рѣчь шла о человѣкѣ, хорошо извѣстномъ петербургскому обществу, то личная антипатія г-на Миловецкаго не могла бы принести ему ни пользы, ни вреда. Но здѣсь идетъ рѣчь о лицѣ совершенно незнакомомъ, или, по крайней мѣрѣ, мало извѣстномъ въ Петербургѣ, и поэтому я считаю таинственные намеки Дмитрія Алексѣича не только неумѣстными, но даже... какъ бы это сказать... неделикатными. Они могутъ набросить неблагопріятную тѣнь на репутацію г-на Колосовича.

При этихъ словахъ, Саша, тревожно мѣнявшаяся въ лицѣ и неподнимавшая глазъ съ самаго начала разговора, невольно взглянула на Вѣру Николаевну. Этотъ ясный и свѣтлый взглядъ былъ исполненъ душевной благодарности.

— Au fond, c'est vrai; qu'est ce que ce m-r Kolossovitch? спросилъ Гулявцевъ.— Никто его не знаетъ?

— Вы ошибаетесь, графиня его знаетъ, язвительно замѣтилъ Миловецкій.—Что же касается до неделикатности моихъ намековъ, продолжалъ онъ съ достоинствомъ, обращаясь къ Вѣрѣ Николаевнѣ: — я вовсе не имѣлъ виду набросить тѣнь на его репутацію, какъ вы изволили выразиться; я просто заявилъ, что г-нъ Колосовичъ мнѣ не нравится, и что я не желаю съ нимъ знаться.

— О! этотъ приговоръ его сокрушитъ! но я васъ вполнѣ по-

нимаю: вы боитесь, какъ бы подобное знакомство не повредило вашей карьерѣ? съ усмѣшкою спросила графиня, касаясь самаго больнаго мѣста Миловецкаго.

— Согласитесь, однако, графиня, что я никому не обязанъ отдавать отчета въ своихъ знакомствахъ! воскликнулъ Миловецкій, до того раздосадованный насмѣшливымъ тономъ Вѣры Николаевны, что, во избѣжаніе открытой ссоры, почелъ лучшимъ удалиться.

Онъ поспѣшно всталъ, оттолкнувъ за собой кресло.

Офицерики только этого и ждали, чтобы вырваться на свободу. Имъ предстояло еще объѣхать три или четыре дома, принимавшіе также по средамъ. Робкій Аяксъ подтолкнулъ локтемъ своего товарища и Бабаевъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы проститься съ хозяйкою дома, когда Гулявцевъ, жалѣвшій о миролюбивомъ окончаніи перестрѣлки, сказалъ съ явнымъ намѣреніемъ поддержать разговоръ:

— Bon—me voilà fixé. Я запишу въ своемъ agenda: Колосовичъ—à éviter.

— Ничего этимъ не проиграете, не утерпѣлъ замѣтить Миловецкій, протягивая руку Натальѣ Петровнѣ. — Вѣра Николавна, если вы намѣреваетесь еще за-свѣтло пріѣхать на катокъ, такъ не лишнее было бы собраться, обратился онъ къ графинѣ, стараясь изгладить всякую тѣнь непріязни въ своемъ голосѣ.

— Поѣдемте, нехотя согласилась она:—только не могу вамъ скрыть, что вы меня раздосадовали и что я заранѣе готовлюсь все хулить. Злой вы человѣкъ — больше ничего. Вотъ m-r Гулявцевъ уже собирается отмѣтить Колосовича, какъ человѣка опаснаго... Этакъ, пожалуй, и Наталья Петровна откажетъ ему отъ своего дома.

— А что вы, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ совѣтуете? серьёзно спросила Наталья Петровна. — Принимать его или нѣтъ? Онъ, кажется, вчера приходилъ, да не засталъ дома. И какъ это онъ съ Сашей познакомился, право, не понимаю! Впрочемъ, эта Софи вѣчно вѣтреничаетъ... Пора бы ей, кажется, выучиться распознавать людей! Такъ какъ же? обратилась она къ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Мой совѣтъ—принимать, рѣшительно отвѣтила графиня.— Вѣдь вы въ губернаторши не мѣтите? прибавила она, не показывая, впрочемъ, вида, что это было сказано на счетъ Миловецкаго.

Наталья Петровна разсмѣялась.

— А мой совѣтъ, сказалъ Миловецкій, котораго подстрекнуло

замѣчаніе графини:—не сближаться съ нимъ, если вы не хотите вводить въ вашу гостиную элемента разнороднаго съ тѣми, которые мы привыкли обыкновенно встрѣчать у людей нашего круга.

Натальѣ Петровнѣ очень польстили послѣднія слова Миловецкаго.

— Ну, конечно, въ *нашемъ* кругу... проговорила она.

— Г-нъ Колосовичъ, продолжалъ Миловецкій: — не слыветъ ни либераломъ, какъ думаетъ Вѣра Николаевна, ни положительно неблагонамѣреннымъ человѣкомъ. Въ О — онъ долженъ былъ подать въ отставку. Въ административныхъ сферахъ вообще онъ находится на самомъ дурномъ счету; это просто какой-то авантюристъ, искатель приключеній, и непризнанный реформаторъ. Когда я видѣлъ его года два тому назадъ, онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими рѣзкими выходками противъ правительства.

— L'opposition érigée en système, пояснилъ Гулявцевъ, взмахнувъ рукой.—Comme qui dirait l'extrême gauche.

— Итакъ, вы изволите видѣть, что я „набрасываю тѣнь" лишь на политическій характеръ Колосовича, не касаясь его нравственности, хотя и въ этомъ отношеніи...

Миловецкій перевелъ духъ.

— Сверхъ того, я считаю его соціалистомъ, прибавилъ онъ, таинственно понизивъ голосъ. — А вы сами знаете, какъ шатко зданіе, которое не зиждется на прочныхъ основахъ здравыхъ политическихъ убѣжденій! заключилъ онъ свою рѣчь.

— Ну, ужь это, и вычурно сказано, и рѣшительно ничего не значитъ, возразила Вѣра Николаевна.

Тонкій наблюдатель могъ бы подмѣтить въ ея голосѣ слѣдующій оттѣнокъ: хотя она продолжала еще защищать Колосовича, но только какъ-будто въ успокоеніе своей совѣсти.

— Наталья Петровна меня понимаетъ, съ тонкою улыбкою сказалъ Миловецкій.—Не правда ли?

— О, разумѣется! Разумѣется! поспѣшила согласиться Наталья Петровна.—Напротивъ, вы такъ ясно и умно очертили всю личность этого господина Колосовича, что я... О! я вамъ очень, очень благодарна, что вы предупредили меня... Мнѣ и самой казалось, что онъ не совсѣмъ надежный человѣкъ, но меня смутило то, что я его встрѣтила у Вѣры Николаевны...

— C'est un passeport, окончилъ ея фразу Гулявцевъ.

— Я отъ своихъ пріятелей никогда не отказываюсь, отвѣтила Вѣра Николаевна. — Колосовича я давно знаю. Онъ умный и пріятный собесѣдникъ, а до политическихъ его убѣжденій мнѣ

нѣтъ никакого дѣла. Мое свѣтское положеніе дозволяетъ мнѣ безнаказанно отступать отъ нѣкоторыхъ правилъ.

— Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякій могъ пользоваться тою же самою безнаказанностью, замѣтилъ Миловецкій, взглянувъ на хозяйку дома.

— Еще бы! съ увѣренностью подтвердила Наталья Петровна.—Нѣтъ, я вамъ очень и очень благодарна, повторила она, протягивая руку Миловецкому.

— Что же это, Саша! не отстояли мы своего пріятеля? спросила Вѣра Николаевна съ очаровательною улыбкою.— Я, съ своей стороны, сказала все, что̀ могла — теперь ваша очередь.

— Полноте, ma chère, что это вы?!... всполошилась Наталья Петровна. — Не слушай ее, Саша, Вѣра Николавна только пошутила... Развѣ у молодой дѣвушки могутъ быть пріятели?

— У васъ только могутъ быть поклонники, замѣтилъ Гулявцевъ, изящно раскланиваясь.

— Такъ какъ же? Вы обѣщаетесь дирижировать на моемъ балѣ? спросила его Наталья Петровна.—Ma chère! употребите хоть вы свое вліяніе на него...

— Вы, кажется, могли убѣдиться, что моего вліянія сегодня не признаютъ, возразила графиня:—по крайней мѣрѣ, Дмитрій Алексѣичъ рѣшительно его не признаетъ.

Она сказала это какимъ-то угнетеннымъ тономъ, который плохо согласовался съ обычною увѣренностью ея обращенія.

— Ну, да это еще какъ-нибудь уладится! продолжала Наталья Петровна. — Я на васъ возлагаю всѣ мои надежды, повторила она Гулявцеву, отвѣчая на его прощальный поклонъ. — Полковникъ, надѣюсь, что и вы не откажете удѣлить мнѣ часокъ изъ вашего времени. Я заранѣе приглашаю васъ къ себѣ на балъ... и васъ также, господа, прибавила она, снисходительно кивнувъ головой по направленію къ офицерикамъ.

Аяксы прищелкнули шпорами и отвѣсили короткій поклонъ.

— Позвольте попросить васъ на второй кадриль, сказалъ Бабаевъ, обращаясь къ Сашѣ.

— Позвольте-съ на третій, грянулъ вслѣдъ за нимъ робкій Аяксъ громовымъ голосомъ, и тотчасъ же сконфуженно засмѣялся, краснѣя отъ усилія, котораго ему стоило побѣдить свою робость.

— Ça s'appelle s'y prendre d'avance, усмѣхнулся Гулявцевъ.

— Ну, прощайте, не то мы, въ самомъ дѣлѣ, опоздаемъ на катокъ, сказала Вѣра Николаевна, пожимая руку Натальѣ Пе-

тровнѣ.—Прощайте, душенька, обратилась она къ Сашѣ, наклоняясь къ ней, чтобы ее поцаловать.

Саша довѣрчиво отвѣчала на эту ласку. Она подставила свою щеку, и не могла удержаться, чтобы не пожать весьма выразительно руку графини въ знакъ сердечной благодарности за ея заступничество.

— Да, да, моя красавица, я никогда не дамъ въ обиду своихъ друзей, вполголоса сказала Вѣра Николаевна, ласково ущипнувъ Сашу за подбородокъ.—Навѣщайте меня почаще... мы съ вами поболтаемъ, прибавила она вслухъ, слегка упирая на послѣднее слово, какъ бы желая дать почувствовать Сашѣ, какого именно предмета коснется ихъ разговоръ.

Саша, вѣроятно, поняла намекъ графини, потому что слегка поблѣднѣвшее личико ея снова зардѣлось яркой краской.

Наталья Петровна нехотя разсталась съ своими гостями у дверей гостиной: приличія не позволяли ей провожать ихъ далѣе. Возвращаясь на свое мѣсто, она самодовольно взглянула на себя въ зеркало, поправила на вискахъ свои рѣдкіе, взъерошенные волосы, и радостно перевела духъ. Она была въ полной мѣрѣ довольна своимъ утромъ.

Между тѣмъ, Вѣра Николаевна, поддерживаемая услужливыми офицерами, садилась въ свою красивую коляску, поставленную на рессорныя полозья.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ Бабаевъ, ловко пристегивая медвѣжью полость.

Вѣра Николаевна вопросительно взглянула на Миловецкаго, усѣвшагося возлѣ нея.

— Да вѣдь вамъ угодно было посмотрѣть на англійскій катокъ? отвѣчалъ Миловецкій, который не прочь былъ показаться многолюдному собранію въ обществѣ графини, всѣми признанной львицы.

— Не холодно ли? возразила Вѣра Николаевна, ежась и кутаясь въ свою шубу.

— Помилуйте, что за холодно! Посмотрите, какъ я сижу, настаивалъ Миловецкій, у котораго шинель дѣйствительно была на распашку.

— Мало ли что! Нѣтъ, холодно! Домой! рѣшительно прибавила графиня, обращаясь къ кучеру.

Рослые кони, почувствовавъ легкое прикосновеніе бича—упряжь была англійская — слегка взвились на дыбы и дружной рысью помчались по направленію Фурштадтской. Вѣра Николаевна, пріютившись въ углу коляски, держала свою муфту передъ лицомъ,

чтобы предохранить его отъ рѣзкости воздуха, разсѣкаемаго быстрой ѣздой.

— Какая я, право, недогадливая! сказала Вѣра Николаевна, спустя нѣсколько времени.

— Какъ такъ? спросилъ Миловецкій, недоумѣвая.

— Да какъ же это я сразу не поняла... que vous vouliez couler votre rival! Вотъ что̀ значитъ разговаривать съ Гулявцевымъ, сейчасъ же французскія фразы на умъ идутъ! замѣтила она вскользь.

— Помилуйте, какой же онъ мнѣ соперникъ! возразилъ Миловецкій, не отказываясь, впрочемъ, отъ приписаннаго ему намѣренія.

— Разумѣется, гдѣ же ему съ вами тягаться, отвѣтила Вѣра Николаевна совершенно серьёзно. — Однако, вспомните, у меня на балу вы сами обратили мое вниманіе на продолжительность разговора Колосовича съ Сашей.

— Вы меня не поняли, Вѣра Николавна, или, лучше сказать, я не такъ выразился. Я хотѣлъ сказать, что тутъ не можетъ быть рѣчи о соперничествѣ. Мои дѣла съ *вашей* невѣстой не подвинулись ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ вы насъ познакомили.

— Вольно же вамъ время терять! Если вы не приметесь поусерднѣе за дѣло, то у васъ эту невѣсту непремѣнно отобьютъ. Охотниковъ найдется очень много. Она вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно мила.

— Недурна-съ! снисходительно отозвался Миловецкій.

— И, кромѣ того, богата. Я навѣрное знаю, что за ней дадутъ двадцать-пять тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

Миловецкій скорчилъ недовольную мину.

— Только-то? спросилъ онъ.

— А вамъ этого мало? Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете, я вамъ ее не навязываю.

— Нѣтъ, отчего же? Я не прочь — устройте мнѣ это дѣло, я буду очень благодаренъ.

— Что же мнѣ устроивать? Я васъ представила; постарайтесь теперь вскружить голову дѣвочкѣ. Съ своей стороны, все, что̀ я могу обѣщать — это то, что я не стану восхвалять передъ ней Колосовича, котораго вы, кажется, весьма-таки побаиваетесь...

— Что вы! Изъ чего вы это заключили?

— Полноте, Дмитрій, со мной комедію играть, нетерпѣливо перебила графиня: — вѣдь я не дитя, чтобы меня можно было такъ легко обмануть.

— Впрочемъ, вы не безъ основанія ему ревнуете. Старайтесь уронить Колосовича въ ея мнѣніи — только не такими рѣзкими выходками, какъ сегодня. Вы этимъ робкую молодую дѣвушку только запугаете, да къ тому же и меня ставите въ неловкое положеніе. Я считаю Алексѣя Михайлыча очень пріятнымъ человѣкомъ, мы съ нимъ старинные пріятели, и я, какъ вы знаете, никогда не позволю въ моемъ присутствіи открыто обижать моихъ друзей — слышите, въ „моемъ присутствіи", но я не мѣшаю вамъ подкапываться подъ Колосовича въ мнѣніи Марковыхъ изподтишка. Это ваше дѣло.

Коляска подъѣхала къ дому графини. Миловецкій поблагодарилъ Вѣру Николаевну за добрые совѣты и, высадивъ ее у подъѣзда, отправился куда-то съ визитомъ по сосѣдству.

V.

Пасмурно.

Нелегко было Колосовичу на душѣ, когда онъ разстался съ Вѣрою Николаевною. Онъ нѣкогда любилъ эту женщину, и любилъ ее со всѣми ея недостатками. Онъ восхищался воспріимчивостью ея натуры, яснымъ взглядомъ на вещи, ея восторженностью и порывами страсти. Любовь его дошла до того, что онъ однажды предложилъ графинѣ бросить мужа и послѣдовать за нимъ въ добровольное изгнаніе, которое онъ наложилъ на себя вслѣдствіе непріятнаго столкновенія, происшедшаго между нимъ и представителемъ администраціи въ городѣ. Этому романическому предложенію не мало способствовали исключительныя обстоятельства, въ которыя былъ поставленъ Алексѣй Михайловичъ. Съ одной стороны, ничѣмъ необъяснимое негодованіе противъ него общественнаго мнѣнія, съ другой стороны — горячее сочувствіе, найденное имъ въ прекрасной молодой женщинѣ, отдавшейся ему, какъ онъ думалъ, всей своей душою. Въ лихорадочномъ бреду, онъ написалъ ей то странное письмо, о которомъ упомянула графиня, въ послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Колосовичемъ. Среди самыхъ пылкихъ изліяній любви, онъ умолялъ ее соединиться съ нимъ навѣки. Вѣра Николаевна, неоправившаяся еще въ то время отъ болѣзни была слишкомъ слаба, чтобы отвѣчать ему письменно. Да и врядъ ли она бы на это рѣшилась, еслибы даже и была въ состояніи писать. Она придерживалась благоразумнаго правила, по возможности никогда не связывать себя письменными

обѣщаніями. Когда она оправилась на столько, чтобы назначить свиданіе Колосовичу, то онъ, въ порывѣ восторга, вызванномъ миновавшею опасностью, подтвердилъ сдѣланное имъ предложеніе. Онъ какъ бы забылъ о существованіи стараго графа, и когда Вѣра Николаевна полу-шутя напомнила ему объ немъ, то онъ умолялъ ее развестись съ мужемъ, ссылаясь на многочисленные примѣры подобнаго рода, случившіеся въ послѣднее время въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Видно было, что онъ обдумалъ свое смѣлое предложеніе, и заранѣе приготовился на возраженія, которыя оно могло вызвать со стороны графини. Однако, подобнаго рода развязка вовсе не входила въ предположенія Вѣры Николаевны. Она слишкомъ дорожила своимъ свѣтскимъ положеніемъ и своимъ титуломъ, чтобы промѣнять ихъ на уединенную жизнь въ деревнѣ. Не малаго труда ей стоило убѣдить Колосовича въ несбыточности его мечты, не оскорбляя его самолюбія. Съ замѣчательнымъ искусствомъ вела она эти переговоры, результатомъ которыхъ было то, что, по выздоровленіи Вѣры Николаевны, она разсталась съ Колосовичемъ въ отличныхъ отношеніяхъ, съ обоюдною надеждою вскорѣ свидѣться, но рѣшительно несвязанная никакими обѣщаніями. Алексѣй Михайловичъ, съ своей стороны, хранилъ восторженную память о прошедшемъ, мысленно благодарилъ за него Вѣру Николаевну и считалъ себя совершенно свободнымъ человѣкомъ. Прошло нѣсколько времени; прошелъ первый годъ его любви. Отрезвленная память представила ему факты въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Онъ понялъ причину ея отказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ и всю безразсудность своего предложенія. Чувство благодарности къ практичной, умной и прелестной женщинѣ возрасло въ немъ болѣе прежняго, но за то идеальная любовь окончательно исчезла. Вѣсть о смерти графа Вязина застигла Алексѣя Михайловича за границею. Онъ не только не подумалъ о возможности возобновить свое предложеніе, но втайнѣ порадовался обстоятельствамъ, которыя удалили его изъ Россіи. Правда, что въ то время онъ уже познакомился съ Александрою Николаевною. Вернувшись въ Петербургъ, онъ, по старой памяти, тотчасъ же отправился къ Вѣрѣ Николаевнѣ. Встрѣча ихъ была радушная, естественная, совершенно дружелюбная. Алексѣй Михайловичъ твердо рѣшился при первомъ же свиданіи съ графинею объявить ей о своемъ намѣреніи жениться на Александрѣ Николаевнѣ. Но цѣлый рядъ безпрестанно смѣнявшихся гостей,—онъ попалъ къ графинѣ въ ея пріемный день,—заставилъ его отложить свое объясненіе до болѣе удобнаго случая. Затѣмъ послѣдовалъ балъ, на которомъ

онъ такъ неожиданно встрѣтился съ Александрою Николаевною, и, наконецъ, бурная сцена, окончившаяся такимъ непредвидѣннымъ образомъ для Колосовича. Скверно было у него на душѣ. Его мучило сознаніе, что Вѣра Николаевна все еще продолжаетъ любить его, между тѣмъ какъ въ немъ не оставалось и тѣни прежней любви. Горячая дружба и благодарность за прошедшее замѣнили порывы юношеской страсти. Онъ понялъ, какъ глубоко должно было уязвить Вѣру Николаевну происшедшее между ними недоразумѣніе. Онъ вздумалъ-было написать ей письмо, но съ первыхъ же строкъ почувствовалъ всю трудность этой задачи. Письмо выходило либо слишкомъ сухо и оффиціально, либо черезчуръ нѣжно и вовсе несообразно съ результатомъ, къ которому онъ стремился, то-есть къ возстановленію между нимъ и Вѣрою дружескихъ, но только дружескихъ отношеній. Измаравъ нѣсколько листовъ бумаги, Колосовичъ долженъ былъ отказаться, по крайней мѣрѣ на время, отъ своей попытки. Такъ прошло все утро. Ему хотѣлось успокоить взволнованное настроеніе своего ума мирною бесѣдою съ Александрой Николаевною, но вспомнивъ, что въ этотъ день Наталья Петровна принимала у себя гостей, онъ устрашился многолюднаго собранія и скрѣпя сердце дождался вечера. Вечеромъ ему назначено было свиданіе у Софьи Петровны, свиданіе, которое было тѣмъ важнѣе для него, что ему предстояло открыться доброй тетушкѣ и просить ея содѣйствія. Не безъ волненія позвонилъ онъ у двери г-жи Любанской. Никто не отозвался на его звонокъ. Онъ позвонилъ второй разъ, сильнѣе,—точно также безуспѣшно. Наконецъ, на третій звонокъ послышалось за дверью шлепанье туфель и невнятное ворчаніе мужскаго голоса. Послѣ довольно продолжительной возни съ замкомъ, и нетерпѣливаго подергиванія двери, одна половинка ея внезапно отворилась и удивленному Колосовичу представилась осовѣлая фигура пьянаго лакея.

— Кого надо? спросилъ лакей, слегка пошатываясь, несмотря на то, что одной рукой упирался въ закрытую половинку двери, а другой держался за ручку замка. Передняя освѣщалась оплывшимъ огаркомъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

— Гдѣ здѣсь живетъ генеральша Любанская? спросилъ Колосовичъ, полагая, что ошибся нумеромъ квартиры.

— Генеральша Любанская? переспросилъ лакей, утирая себѣ ротъ всей ладонью.—Софья Петровна?

— Да, да, Софья Петровна, нетерпѣливо сказалъ Колосовичъ.

Лакей тупо поглядѣлъ на него, почавкалъ губами и, отплюнувшись въ сторону, неторопливо отвѣчалъ:

— Софья Петровна здѣсь живутъ-съ. Только ихъ дома нѣтъ.

— Да вѣдь она, кажется, не совсѣмъ здорова? спросилъ Колосовичъ, теряясь въ догадкахъ, что̀ бы это значило.

— Нѣту дома, лаконически повторилъ лакей, собираясь затворить за собой дверь.

— Тьфу ты чортъ! воскликнулъ Колосовичъ: — да объяснись ты толкомъ. Давно ли Софья Петровна уѣхала?

Лакей не ожидалъ такого стремительнаго натиска. Онъ окончательно закрылъ глаза; лицо его вытянулось, какъ будто его кто обидѣлъ, а голова откинулась назадъ.

— Говорятъ, уѣхали, на машину, ну! на машину! произнесъ онъ съ разстановкой и безсильно махнулъ рукой.

— На машину? на какую машину? приставалъ Колосовичъ.

Лакей грустно покачалъ головой, и видя всю безнадежность отдѣлаться отъ своего мучителя, громко икнулъ.

— На какую? На варшавскую!.. на вар—шавскую!

— Не случилось ли какого-нибудь несчастія? спросилъ Колосовичъ:—не получила ли генеральша какихъ-нибудь дурныхъ извѣстій? Письмо? онъ старался помочь ему своими разспросами.

— Депешу получили-съ отъ барина...

Трудно бы надѣяться получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія при настоящемъ положеніи слуги. Колосовичъ поблагодарилъ его и пошелъ къ себѣ, весьма разстроенный внезапнымъ отъѣздомъ г-жи Любанской. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого отъѣзда было замедленіе въ объясненіи съ Натальей Петровной. Кромѣ того, ему приходилось ждать до слѣдующаго дня, чтобы увидаться съ Сашею, такъ-какъ онъ не считалъ себя вправѣ пойти къ Марковымъ вечеромъ, безъ особеннаго приглашенія. Вернувшись къ себѣ, онъ старался заняться своимъ проектомъ о народномъ образованіи, но работа ему не скоро далась въ руки. Ему стоило большихъ усилій, чтобы отвлечь свое вниманіе отъ двухъ поглощавшихъ его вопросовъ: непредвидѣнная ссора съ Вѣрою Николаевною, и еще менѣе предвидѣнный отъѣздъ Софьи Петровны. Только на слѣдующее утро удалось ему сосредоточить всѣ свои способности. Работа закипѣла; онъ даже не замѣтилъ, какъ прошло все утро. Въ пятомъ часу онъ отправился къ Марковымъ.

Наталья Петровна и дочь ея были дома, судя по словамъ лакея, открывшаго ему дверь. Колосовичъ велѣлъ о себѣ доложить. Онъ заранѣе радовался тому, что увидитъ Сашу, у которой собирался обстоятельно разспросить причины отъѣзда г-жи Любанской, и готовился пустить въ ходъ всю свою любезность въ отношеніи Натальи Петровны, чтобы ее сразу обворожить.

Лакей вернулся съ извѣстіемъ, что „генеральша извиняется — не такъ здоровы и никакъ не могутъ принять". Какъ ни простъ былъ отвѣтъ, онъ однако озадачилъ Колосовича. Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ заставить повторить его два раза, прежде чѣмъ примириться съ мыслью, что ему и въ этотъ день не суждено видѣться съ Сашею. Настаивать на томъ, чтобы его приняли, показалось ему неудобнымъ, но онъ мысленно рѣшилъ, что вернется на слѣдующій день.

Разговоръ, столь живо заинтересовавшій общество, находившееся у Натальи Петровны въ ея пріемный день, произвелъ глубокое впечатлѣніе на Александру Николаевну. Она на столько знала свою мать, чтобы вполнѣ оцѣнить вліяніе, которое могли имѣть въ ея глазахъ слова Миловецкаго насчетъ Колосовича. Менѣе, чѣмъ когда-либо она чувствовала въ себѣ рѣшимость признаться Натальѣ Петровнѣ въ своей любви къ Алексѣю Михайловичу. Внезапный отъѣздъ Софьи Петровны лишалъ ее надежды и на посредничество со стороны тетушки. Ей пришло было на умъ дать знать Колосовичу о непредвидѣнномъ рѣшеніи г-жи Любанской, и просить его пойти переговорить съ ней передъ ея отъѣздомъ. Но она тотчасъ же отказалась отъ этого плана. Ее возмущала мысль утруждать Софью Петровну постороннимъ вопросомъ, въ такую минуту, когда у нея была своя собственная забота. Саша была настолько деликатна, что, провожая свою тетушку на станцію желѣзной дороги, не произнесла даже имени Колосовича.

Отъ Натальи Петровны не ускользнуло тревожное настроеніе духа дочери, но она приписывала его сожалѣнію, вызванному отъѣздомъ Софьи Петровны. Вообще, несклонная къ мягкосердечію и къ нѣжнымъ изліяніямъ, Наталья Петровна нашла излишнимъ допрашивать Сашу на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что она сама отговорилась отъ проводовъ сестры, подъ предлогомъ головной боли.

— Ну, что, матушка моя Александра Николавна, проводили вы тетушку-то? спросила Ѳекла Ильинична свою питомицу, когда Саша вернулась съ желѣзной дороги и сѣла за свой одинокій обѣдъ. Наталья Петровна не сочла удобнымъ ожидать ея возвращенія, и откушавъ въ обычный часъ, изволила прилечь отдохнуть, чтобы собраться съ силами къ предстоящему балу.

— Да, няня, проводила. Бѣдная тетя, она насилу ходитъ. Я не знаю, какъ у ней хватитъ силъ, чтобы доѣхать до Москвы. Да что-жь ты стоишь, няня? Садись.

— Ничего, голубушка моя, и постоять могу, ноги-то не отвалятся, молодцовато отвѣтила Ѳекла Ильинична, слегка поклонившись и подперевъ лицо одной рукой, что у ней обозначало намѣреніе вступить въ длинный разговоръ.

— Няня, прошу сейчасъ садиться, не то я обѣдать не стану! рѣшительно возразила Саша, дѣлая движеніе, чтобы встать и придвинуть стулъ Ѳеклѣ Ильиничнѣ.

— Ну, хорошо, хорошо... торопливо сказала старушка, быстро схватившись за стулъ, къ которому тянулась Саша. — Экъ вѣдь прыткая какая! право! ворчала Ѳекла Ильинична, усаживаясь въ небольшомъ разстояніи отъ Саши. — Что же сунцу-то мало изволили покушать? спросила она, видя, что Саша отодвинула отъ себя полную тарелку. — Али нехорошъ?

— Нѣтъ, такъ. Мнѣ что-то ѣсть не хочется.

— Ну, ужь, меня, старуху, не проведете. У васъ что-то да кроется; вы про что-то да горюете!

— Да какъ же, няня, мнѣ не горевать! Эта бѣдная тетя только что пріѣхала, не успѣла еще порядочно отдохнуть съ дороги, и вдругъ... Саша запнулась, чувствуя, что у ней лицо разгорается.

Ѳекла Ильинична снова взглянула на нее и снова покачала головой. Потомъ достала табакерку и неторопливо вдохнула щепотку табаку. Когда слуга, подававшій обѣдъ, удалился изъ столовой, старушка рѣшительно сложила руки на колѣняхъ поверхъ своего неизмѣннаго коричневаго платка и энергично тряхнула головой.

— Нѣтъ, не то! коротко объявила она.

Саша молча продолжала ѣсть, или вѣрнѣе сказать, дѣлала только видъ, будто ѣстъ.

— Не то! повторила Ѳекла Ильинична: — оно, положимъ, и правда, что вамъ Софью-то Петровну очень жаль, а все же не объ этомъ вы тужите. Вотъ, видите, даже и котлетку не доѣли, прибавила она, укоризненно указывая на тарелку.

Саша разсѣянно улыбнулась.

— Какая ты, няня, недовѣрчивая, сказала она.

Появленіе слуги съ слѣдующимъ блюдомъ помѣшало Ѳеклѣ Ильиничнѣ возражать; но какъ только она осталась наединѣ съ Сашей, тотчасъ спросила, понизивъ голосъ:

— *Вашъ*-то сегодня приходилъ, или нѣтъ?

Саша опустила голову, чтобы скрыть свое смущеніе, и сдѣлала знакъ отрицанія.

— А-а, удивилась Ильинична. — Что же онъ?

— Не знаю. — Впрочемъ, онъ и не обѣщалъ быть, тихо отвѣ-

чала Саша, превозмогая свою робость.—Онъ долженъ былъ прійти къ тетѣ, да тетя уѣхала. Она глубоко вздохнула.

— Такъ, такъ, протяжно подтвердила Ильинична.

— Ну, что же, матушка, прибавила она повеселѣвшимъ голосомъ:—сокрушаться-то тутъ нечему. Я думала, богъ-вѣсть что... право!... А это что... это ничего.

Саша снова вздохнула.

— Ну, полно, голубушка, полно вздыхать-то, утѣшала ее старушка, наклонившись къ ней и заглядывая ей въ лицо. — Богъ милостивъ, еще не одинъ разъ увидитесь!... Что же понапрасну Бога-то гнѣвить — сокрушаться изъ-за пустяковъ!... Ну, а мамашѣ-то про него сказали? спросила она.

Саша уныло покачала головой.

— А-а! это нехорошо! укоризненно отозвалась няня, и съ достоинствомъ выпрямилась на стулѣ. — Вѣдь я вамъ говорила, что, какъ только выйдетъ такой случай,—первая вещь, слѣдуетъ сейчасъ же маменькѣ во всемъ повиниться — что, вотъ, молъ, маменька, такъ и такъ, — приглянулся!

— Ахъ, няня! тебѣ легко говорить!... я не смѣю и заикнуться объ Алексеѣ Михайловичѣ... особенно теперь!...

— Что же такъ, матушка? Отчего же вы теперь-то не смѣете... я что-то въ толкъ не возьму... развѣ онъ что̀ напроказничалъ, вашъ молодецъ-то?

Саша невольно улыбнулась.

— Ну, вотъ такъ-то лучше! пробормотала старушка, обрадованная этой улыбкою.

— Видишь ли что, няня, сказала Саша, окончивши обѣдъ и пододвинувъ свой стулъ ближе къ Ильиничнѣ:—мы съ Алексѣемъ Михайловичемъ долго про это говорили. Онъ меня также бранилъ за то, что я еще ничего не сказала мамѣ, ну и рѣшилъ, что надо попросить тетю замолвить за насъ словечко.

— Такъ вотъ, отчего вы Софью-то Петровну такъ жалѣете.

— Ахъ, нѣтъ, няня, право не отъ этого. Но ты понимаешь, отчего я сама ничего не говорила. Я все на нее надѣялась.

Ѳекла Ильинична задумчиво покачала головой.

— Какъ же теперь быть? разсуждала она вслухъ.—Софья-то Петровна, можетъ статься, не скоро назадъ вернутся... опять же не повиниться мамашѣ также нельзя... Какъ же быть? Развѣ ужь мнѣ, старухѣ, на свою душу грѣхъ-то взять?

— То-есть какъ же это? спросила Саша, облокотясь на столъ и подперевъ лицо обѣими руками.

— Да такъ вотъ, взять да все и разсказать Натальѣ Петровнѣ: что вотъ, молъ, матушка Наталья Петровна — простите

старую дуру, — здѣсь Ильинична сочла нужнымъ низко поклониться, чтобы придать болѣе наглядности своему разсказу—не усмотрѣла! — не съумѣла устеречь свою барышню отъ соблазну, — а что онъ хорошій человѣкъ, и почтительный и ласковый, ну и красивый такой — это вѣрно... Ильинична, войдя въ свою роль посредницы, придавала своему голосу всѣ подобающія интонаціи.

— Нѣтъ, няня, это не годится! грустно возразила Саша, опустивъ голову и принимаясь въ раздумьѣ чертить ногтемъ узоры по скатерти: — этимъ дѣло еще хуже испортишь.

— А что такъ? Развѣ мамаша-то его не жалуетъ—какъ его тамъ? Алексѣя Михайловича, што-ль?

— Да какъ тебѣ сказать? Она его въ первый разъ только у Вѣры Николавны на балу и увидала — и сначала, онъ ей, кажется, очень понравился... отвѣчала Саша, постепенно оживляясь: — я думала, что все пойдетъ отлично! Тетя замолвитъ слово, — я во всемъ сознаюсь, самъ Алексѣй Михайловичъ придетъ сюда... И вдругъ сегодня... вообрази себѣ... пріѣзжаетъ этотъ противный адъютантъ, и сталъ нападать на Алексѣя Михайловича: что онъ и либералъ, и вольнодумецъ, и неблагонадежный человѣкъ!! Слава Богу, Вѣра Николавна не совсѣмъ дала его въ обиду, а все-таки ты знаешь, мама какая?

— Не надо, не надо, матушка, торопливо вмѣшалась Ильинична, вообразивъ себѣ по тону Саши, что она собирается за что-то порицать свою мать.—Не яичку курицу учить... Ужь коли Наталья Петровна такъ рѣшили...

— Ну, вотъ ее и напугали.—Неужели вы станете принимать къ себѣ въ домъ такого опаснаго человѣка? — Подумайте, что̀ скажутъ въ нашемъ кругу, если узнаютъ, что къ вамъ ѣздятъ такіе люди—*такіе* люди... Это про Алексѣя Михайловича-то!— И все этотъ мерзкій Миловецкій! — Я его *ненавижу!* вспылила Саша и такъ судорожно сжала свою маленькую ручку, что тонкая кожа ея побѣлѣла на составахъ.

— Что вы, что вы! Голубушка моя! воскликнула старушка, взявъ ея кулачокъ въ свои дрожащія морщинистыя руки и насильно разгибая его. — Христосъ съ вамъ! такъ не годится гнѣваться. Я васъ впервой такой вижу! право! Да и слова-то какія употребляете; просто — ужасы.

— Да какъ же мнѣ не сердиться? возразила Саша, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ: — какъ подумаешь, еслибы не этотъ противный человѣкъ, такъ все бы устроилось какъ нельзя лучше. Очень нужно было ему соваться съ своими непрошенными совѣтами...

— Ну, полноте, барышня, перестаньте, усовѣщевала ея Ѳекла

Ильинична, соболѣзнуя ей и въ то же время не одобряя неожиданнаго порыва негодованія. Богъ дастъ, все уладится, а этакъ гнѣваться не годится... Вотъ посмотрите, какъ вамъ сегодня весело будетъ, на балу-то, прибавила она немного погодя, видя что Саша все еще не сдается на ея увѣщеванія.—Аксинья говорила, что мамаша приказала приготовить зеленое платьице, что съ розовыми лентами... Посмотрите, какой кралей будете глядѣть... Да ну же, красавица моя, полно хмуриться... улыбнись-ка своей старухѣ...

Саша не устояла противъ этихъ ласкъ. Она поцѣловала Ильиничну и немного успокоилась, но озабоченное выраженіе не покидало еще ея лица.

— Ахъ, няня, не до бала мнѣ! Право, вздохнула она. — Я просила мама позволить мнѣ дома остаться, да она не соглашается. Алексѣя Михайловича на балу не будетъ, такъ какое же мнѣ веселье?

— Э—эхъ!—это вамъ такъ только кажется, возразила Ѳекла Ильинична.—А какъ пріѣдете, посмотрите, какъ весело будетъ. Вотъ помяните мое слово! А теперь, голубушка моя, пойдите-ка да прилягте немного!

Она любовно пригладила головку своей питомицы, и слегка перекачиваясь съ боку на бокъ, бодро предшествовала Сашѣ въ ея комнату. Тамъ она проворно зажгла свѣчу, поставила ее на ночной столикъ возлѣ постели и помогла Сашѣ снять съ себя верхнее платье.

— Что-жь, пеньуаръ-то надѣнете, али кофточку? спросила она.—Кофточку бы лучше! рѣшила она, не дожидаясь отвѣта... Теплѣе будетъ... а то вонъ какъ ёжитесь. Саша дѣйствительно ёжилась, обхваченная сравнительно холодною температурою ея комнаты. Приподнявъ свои обнаженныя плечики, она старалась прикрыть ихъ скрещенными руками.

— Да куда же она запропастилась? суетилась старушка, не находя кофточки, которую она искала:—окаянная какая... прости Господи... Надо быть, Аксинья ее унесла въ дѣвичью. Вы бы пока хоть платочекъ бы на плечики-то накинули—неравно простудитесь... Да что же это, право, ослѣпла я, что ли... А! ну, слава Богу—нашла... радостно воскликнула она, торопливо вытаскивая темную байковую кофточку изъ-подъ платья, которымъ она была прикрыта. — Ну-ка, ну-ка скорѣй, закутайтесь-ка потеплѣе да прилягте. У, ты моя голубка, какъ прозябла, замѣтила она, увидавъ, что Сашу слегка знобило.

Саша легла. Она пересмѣивалась съ нянею, между тѣмъ, какъ

Ѳекла Ильинична, ходя на цыпочкахъ, будто боясь кого разбудить, хлопотала возлѣ нея, стараясь все половчѣе устроить.

— Да будетъ же, няня, сказала наконецъ Саша. — Точно ты меня на ночь укладываешь! я и спать-то не хочу, такъ только немного полежу. Она протянула руки къ старушкѣ, чтобы обнять ее и поблагодарить.

— А Богъ дастъ и заснете маленько. Ну, Христосъ съ вами. А ужь вы меня, старуху, уважьте безпремѣнно, завтра же все мамашѣ разскажите!

— Хорошо, няня, скажу, обѣщалась Саша, слегка вздохнувъ.

— Ну, вотъ и прекрасно!... успокоилась Ильинична.—Ужь вы у меня такая умница... какъ обѣщали, такъ ужь непремѣнно скажете... Ну, прощайте, матушка, не хочу мѣшать вамъ... авось уснете! И она осторожно вышла изъ комнаты, потихоньку притворивъ за собою дверь.

Балъ у княгини Глинской вполнѣ удался. Наталья Петровна была въ такомъ восторгѣ отъ него, что съ наслажденіемъ припоминала малѣйшія подробности этого вечера.

— Замѣтила ли ты, спрашивала она у Саши, сидѣвшей неподалеку отъ нея и работавшей за англійскимъ шитьемъ: — замѣтила ли ты, съ какимъ достоинствомъ княгиня приняла итальянскаго принца? Вѣдь даромъ, что онъ принцъ крови, а какъ благодарилъ княгиню за то, что она его пригласила на балъ. Точно княгиня сдѣлала ему честь, а не онъ, удостоивъ ее своимъ пріѣздомъ...

— Что же? Это доказываетъ, что принцъ получилъ отличное воспитаніе, отвѣтила Саша.

— Ну, разумѣется, поспѣшно согласилась Наталья Петровна. — Я только говорю, какую надобно снаровку имѣть, чтобы съ тактомъ отвѣчать на подобныя любезности. Ну, а ужь княгиня — просто чудо что̀ такое... и улыбалась-то она какъ будто дѣлаетъ принцу снисхожденіе... Tout-à-fait grande dame. Это была высшая похвала въ устахъ Натальи Петровны: произнося ее, она даже пріосанилась.

— Что же касается до принца, продолжала она, испытывая видимое наслажденіе произносить имена и титулы столь блестящихъ личностей: — онъ, говорятъ, очарователенъ! Кстати, ты знаешь, къ нему прикомандированъ Миловецкій? Онъ вчера очень долго со мной разговаривалъ.

— Кто? принцъ? какъ будто невинно ошиблась Саша. Она уже давно тяготилась этимъ разговоромъ.

— Нѣтъ, Миловецкій! Гдѣ же принцу съ перваго же бала со

всѣми знакомиться?.. Впрочемъ, вѣроятно, онъ мнѣ представится при первомъ удобномъ случаѣ, съ притворною небрежностью замѣтила Наталья Петровна: — вѣдь онъ съ тобой вчера танцовалъ?

— Какъ же; мы раза два съ нимъ вальсировали, спокойно отвѣтила Саша.

— Вальсировали! воскликнула Наталья Петровна, всплеснувъ руками и привставъ на кушеткѣ. — И ты мнѣ этого не говоришь? да какъ же это я проглядѣла... когда? По какому случаю... во время мазурки или раньше?

Саша удовлетворила любопытству Натальи Петровны, слегка улыбаясь участію, возбужденному ея извѣстіями.

— А! ну, вотъ видишь ли, я тебѣ всегда говорила, что слѣдуетъ дорожить расположеніемъ господина Миловецкаго, замѣтила она, немного успокоившись. — Выходитъ, что и принцато тебѣ представилъ...

— Да что же тутъ, мама, такого удивительнаго? Не мнѣ же одной онъ представился, а почти всѣмъ танцующимъ дамамъ.

— Я и не говорю, ma chère, чтобы тутъ было чему удивляться, кисло возразила Наталья Петровна: — а все же лучше, чтобы иностранный принцъ видѣлъ, что ты танцуешь мазурку съ прикомандированнымъ къ его особѣ адъютантомъ, а не съ какимъ-нибудь неоперившимся офицерикомъ. Вѣра Вязина говоритъ, que cela pose dans le monde, и она совершенно права.

Саша ничего не отвѣтила и надула губки.

— Да вообще, я нахожу, что гораздо приличнѣе молодой дѣвушкѣ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ такими положительными и солидными людьми, какъ Миловецкій, чѣмъ съ разными Бабаевыми, или еще того хуже съ какими-нибудь Колосовичами.

Сашу слегка перекосило отъ этого замѣчанія. Она вся вспыхнула и уткнулась въ свою работу.

— Посмотри, какой этотъ господинъ Миловецкій образованный, умный, серьёзный... продолжала Наталья Петровна, не замѣчая смущенія Саши, или не придавая ему настоящаго значенія. — Посмотри, какимъ онъ уваженіемъ пользуется въ свѣтѣ, несмотря на то, что ему вѣроятно не болѣе тридцати лѣтъ. И карьера какая его ожидаетъ! Словомъ, очень онъ мнѣ нравится!

Если Наталья Петровна надѣялась найти сочувствіе въ дочери, то ожиданія ея не сбылись. Саша продолжала работать понуривъ голову, и только порывистое движеніе руки съ иголкой свидѣтельствовало о томъ, что она слышала похвальное слово, произнесенное ея матерью въ честь г-на Миловецкаго. Наталья Петровна съ явнымъ неудовольствіемъ покосилась на Сашу; од-

нако она старалась, чтобы это чувство не проявилось въ ея голосѣ, когда она спросила съ притворнымъ равнодушіемъ:

— Что, онъ очень съ тобой любезничалъ во время мазурки? Я въ другой комнатѣ сидѣла за ералашемъ, такъ что не видала.

— Кто это? Миловецкій? отвѣчала Саша нехотя. — Я не замѣтила, чтобы онъ особенно любезничалъ.

— Однако же, надѣюсь, вы разговаривали?

— Да, онъ много говорилъ.

— Гмъ! О чемъ же? спросила Наталья Петровна, убѣждаясь все болѣе и болѣе, что Александра Николаевна не раздѣляла ея симпатіи къ Миловецкому,

— Какъ вамъ сказать,—ни о чемъ въ особенности, онъ только всѣхъ на смѣхъ поднималъ.

— А что же? Это иногда можетъ быть очень забавно.. Я увѣрена, что Миловецкій очень остро шутитъ...

— Ну, ужь нѣтъ! не могу сказать. Такъ глупо и пошло, что просто изъ рукъ вонъ, отвѣтила Саша съ такимъ одушевленіемъ, что даже прервала свою работу. Она рада была, что ей представился случай хоть отчасти высказать свое мнѣніе о Миловецкомъ.

— Полно, милая моя, что̀ это такое? съ достоинствомъ возразила Наталья Петровна. — Я тебѣ тридцать разъ говорила, что терпѣть не могу, чтобы ты такъ рѣзко выражалась. Молодая дѣвушка вообще не должна позволять себѣ произносить рѣзкихъ сужденій.

— Вѣдь вы сами же, мама, у меня спросили, какого я мнѣнія о Миловецкомъ.

— Вопервыхъ, „о господинѣ Миловецкомъ", а не просто о „Миловецкомъ", внушительно замѣтила Наталья Петровна, приходившая въ придирчивое настроеніе духа. — Что это за манера для благовоспитанной дѣвицы называть мужчинъ просто по фамиліи... Терпѣть я этого не могу... А вовторыхъ, я вовсе не думала спрашивать твоего *мнѣнія* о полковникѣ. Я одобряю его знакомство съ нами — значитъ, я уже составила себѣ мнѣніе объ немъ, а этого должно быть для тебя совершенно достаточно.

Саша прикусила себѣ губу и снова принялась за работу. Наталья Петровна съ раздражительностью доказывала своей дочери всѣ выгоды, сопряженныя съ блистательнымъ свѣтскимъ положеніемъ. Ея ораторскіе подвиги были прерваны появленіемъ лакея, который доложилъ о посѣщеніи Алексѣя Михайловича Колосовича.

— Кто? крикливо воскликнула Наталья Петровна, отлично разслышавъ фамилію, но не довѣряя своимъ ушамъ. Лакей снова

повторилъ имя Колосовича. Саша вся зардѣлась и продолжала работать усерднѣе прежняго.

— Вотъ присталъ человѣкъ! недружелюбно замѣтила Наталья Петровна, приподнявъ въ знакъ изумленія красноватыя опухоли, замѣнявшія ей брови. — Вѣдь ужь онъ вчера приходилъ, да слава-Богу не засталъ меня дома... Чего же ему еще отъ меня нужно? Скажи, что я извиняюсь и не могу принять, рѣзко объявила она лакею, дожидавшемуся ея отвѣта.

— Ахъ, мама, съ смущеніемъ заступилась Саша, тревожно взглянувъ на мать: — не отказывайте... можетъ быть у Алексѣя Михайловича есть до васъ какое-нибудь дѣло. Лицо ея горѣло какъ огонь.

— Что ты, милая моя! какія у меня съ г. Колосовичемъ могутъ быть дѣла? Скажи, что извиняюсь, повторила она лакею, сдѣлавъ величавый жестъ рукою, въ которой держала лорнетку.

Лакей вышелъ. Саша не прекословила, будучи напередъ увѣрена, что это ни къ чему не поведетъ. Она даже не слишкомъ огорчилась отказомъ Натальи Петровны, зная, что при настоящемъ настроеніи ея духа врядъ ли удалось бы Колосовичу произвести на нее хорошее впечатлѣніе. Поэтому не безъ волненія взглянула она на лакея, вернувшагося въ гостиную съ маленькимъ подносомъ въ рукахъ: на подносѣ лежала визитная карточка.

— Ну, это еще что? спросила Наталья Петровна.

— Приказали передать и просить отвѣта, сказалъ лакей, подавая ей визитную карточку.

Несмотря на неожиданность этого сообщенія, Наталья Петровна не забыла взглянуть на руки лакея, чтобы убѣдиться, исполнились ли ея приказанія на счетъ перчатокъ. Потомъ она взяла карточку, и поднесла ее къ прищуреннымъ глазамъ, чтобы прочитать, что̀ было на ней написано.

— Нѣтъ, ужь это... произнесла она съ видомъ полнѣйшаго изумленія, безсильно опуская руки: — ужь это просто... Она даже не нашла словъ, чтобы выразить свое негодованіе.

— Что̀ такое, мама? трепетно спросила Саша.

— Да какъ же, милая моя... Вѣдь это записка отъ этого Колосовича... и вѣдь какая дерзость, какое нахальство, какая назойливость!

— Что̀ же онъ сдѣлалъ?

— Помилуй! Я ему велю отказывать, а онъ вдругъ пишетъ, она снова поднесла карточку ближе къ глазамъ: — „убѣдительно прошу васъ принять меня, мнѣ необходимо нужно васъ видѣть“. Что же это? Послѣ этого я не буду вольна у себя

въ домѣ принимать или не принимать. Это изъ рукъ вонъ! заключила она, съ негодованіемъ бросивъ карточку на столъ.

— Я вамъ говорила, мама, вѣрно у него есть дѣло до васъ...

— Да какія же у меня могутъ быть дѣла съ этимъ человѣкомъ? чуть не вскрикнула Наталья Петровна рѣзкимъ фальцетомъ. — Я, слава Богу, не принадлежу ни къ какому соціалистическому обществу, прибавила она, презрительно фыркнувъ.

— Мама, ради Бога, не такъ громко, всполошилсь Саша, вскочивъ со стула и подбѣжавъ къ своей матери чтобы успокоить ее: — вѣдь онъ можетъ васъ услыхать.

— Такъ пусть себѣ слушаетъ, продолжала Наталья Петровна, понизивъ однако голосъ. — Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы люди навязывали свое знакомство. Скажи, что я нездорова, и не могу принять, обратилась она къ лакею.

— Назначьте ему по крайней мѣрѣ время, когда онъ можетъ придти, сказала Саша, забывая свою робость.

Наталья Петровна не нашлась даже, что̀ отвѣчать на это внезапное заступничество дочери. Она только изумленно взглянула на нее съ полураскрытымъ ртомъ. Саша смѣшалась, а лакей все еще ожидалъ приказанія Натальи Петровны.

— Тутъ что-нибудь да кроется, наконецъ проговорила она, изъясняясь на французскомъ нарѣчіи. — Ты знала, что онъ сегодня будетъ? Въ голосѣ ея слышалось смущеніе.

— Да... нѣтъ, но ради Бога не заставляйте же его такъ долго ждать, торопливо отвѣчала Саша, на томъ же діалектѣ. — Я вамъ сейчасъ объясню... прибавила она невольно.

— Хорошо, негромко произнесла Наталья Петровна, силясь побороть свое волненіе. — Скажи господину Колосовичу, что сегодня я не могу его принять, но прошу навѣдаться завтра или послѣзавтра—можетъ быть, мнѣ лучше будетъ. Отдавъ это приказаніе, она повернулась къ Сашѣ всѣмъ туловищемъ и уставилась на нее своими маленькими безцвѣтными глазами. Губы ея были плотно сжаты. Два красныя пятна выступили на оплывшихъ щекахъ.

— Ну-съ, я ожидаю! сказала она съ преувеличеннымъ спокойствіемъ.

Выказанная Сашею за нѣсколько минутъ передъ этимъ энергія поглотила всѣ ея силы. Долго боролась она съ волнующими ее чувствами. Губы ея задрожали; слезы отдѣлились отъ рѣсницъ и покатились по пылающимъ щекамъ; она судорожно свела руки и стала нервически дергать себѣ пальцы. Наталья Петровна, никогда еще невидавшая свою дочь въ такомъ волненіи, сдѣлала испуганное движеніе впередъ.

— Саша, другъ мой, что̀ съ тобой? спросила она вполголоса. Саша, услыхавъ этотъ вопросъ, приняла его за изъявленіе материнской нѣжности, и стремительно бросилась къ ней на шею.

— Я его люблю! вырвалось у ней изъ переполненной груди. Она зарыдала, припавъ лицомъ къ плечу Натальи Петровны.

Эти слова ошеломили Наталью Петровну. Она невольно отшатнулась назадъ, какъ будто почувствовала обжогъ.

— Что̀ такое? безсознательно спросила она, и не получивъ отвѣта, смотрѣла съ какимъ-то тупымъ недоумѣніемъ на дочь, стоявшую возлѣ нея на колѣняхъ и продолжавшую судорожно плакать. Мало по малу, Наталья Петровна стала оправляться отъ неожиданнаго удара. Лицо ея приняло опять строгое и сосредоточенное выраженіе.

— Сядь, Саша, и успокойся, сказала она, указывая на табуретъ возлѣ кушетки. Саша молча повиновалась.

— Надѣюсь, что ты объяснишь мнѣ смыслъ твоего страннаго поведенія, продолжала Наталья Петровна. — Ты произнесла такія слова, которыя нетолько непонятны для меня, но значеніе которыхъ ты, вѣроятно, сама хорошо не понимаешь.

Саша тихимъ, неровнымъ голосомъ, не подымая глазъ, принялась разсказывать главнѣйшіе эпизоды своего знакомства съ Колосовичемъ. Но она уже поняла, что ея мать не только не сочувствуетъ ей, но положительно враждебно относится ко всему тому, что̀ она сочла необходимымъ разсказать. И въ самомъ дѣлѣ, частыя пожиманія плечъ, надменныя фырканья, неопредѣленныя восклицанія, свидѣтельствовали о негодованіи, возбуждаемомъ въ Натальѣ Петровнѣ повѣствованіемъ ея дочери.

— Прекрасно! произнесла она нараспѣвъ, когда Саша замолкла. — Прекрасно! Вотъ и урокъ, чтобы я впредь не пускала свою дочь за границу со всякой взбалмошной дурой. Но, позволь узнать, благо ты такъ прекрасно разсказываешь, какое ты заключеніе желаешь вывести изъ твоего занимательнаго разсказа?

Саша только слегка повела бровями и прикусила себѣ губу, а Наталья Петровна, въ ожиданіи отвѣта, насмѣшливо поглядывала на нее и принялась опять за граціозное раскачиваніе лорнета.

— Нѣтъ, ты пожалуйста не стѣсняйся, продолжала она, иронически ободряя свою дочь. — Выведи свои заключенія: ну, ты ѣздила заграницу съ выжившей изъ ума старухой, которая, къ несчастію, приходится тебѣ родною теткою; ну, познакомилась тамъ съ какимъ-то псевдо-Герценомъ, выгнаннымъ изъ службы и скитающимся по свѣту въ надеждѣ гдѣ-нибудь и какъ-ни-

будь пріютиться; ну, потомъ этотъ честный рыцарь, пользуясь бдительнымъ надзоромъ твоей почтенной тётушки, преслѣдуетъ тебя изъ города въ городъ, дѣлаетъ тебѣ признаніе въ любви, назначаетъ тебѣ свиданіе... ну, да наконецъ-то что̀ же? Эти послѣднія слова Наталья Петровна произнесла съ сильнымъ раздраженіемъ въ голосѣ, потрясая руками.

— Мама, зачѣмъ вы говорите такія вещи? тревожно возразила Саша. — Чѣмъ же бѣдная тётя виновата?... Когда же Алексѣя Михайловича выгнали изъ службы?... и какой же онъ Герценъ?... Я, право, не знаю, за что вы такъ сердитесь... Слезы опять потекли по ея щекамъ. — Алексѣй Михайловичъ вѣдь ужь три раза приходилъ къ вамъ, надѣясь съ вами объясниться.

— Да я вотъ именно и спрашиваю, насчетъ чего онъ хочетъ объясниться? воскликнула Наталья Петровна.

— Какъ же, мама, вы не хотите понять, нерѣшительно отвѣчала Саша, опуская глаза: — онъ намѣревается... просить... моей руки... сдѣлать предложеніе... едва слышно добавила она.

— А-а! торжественно произнесла Наталья Петровна, входя въ такой азартъ, что даже подбоченилась фертомъ, и выдвинула локти впередъ.—Наконецъ-то ты рѣшилась высказаться! Такъ ты думаешь, что между мною и моей безумной сестрой нѣтъ никакой разницы? Такъ ты воображаешь себѣ, что и я буду снисходительно смотрѣть, или даже, чего добраго, покровительствовать твоимъ шашнямъ съ какимъ-то бездомной прощалыгой, который, пронюхавъ о моемъ состояніи — состояніе-то пока еще мое, слышишь?—рыскалъ за тобой по всей Европѣ? Что же ты, наконецъ, меня окончательно за идіотку принимаешь? Да какъ ты смѣешь меня такими нелѣпостями безпокоить? вдругъ воскликнула Наталья Петровна, вскакивая съ своего мѣста и наступая на Сашу, которая тоже встала и въ нѣмомъ испугѣ преклонила голову передъ разразившейся грозой.—Какъ же ты смѣешь, негодная дѣвчонка, свою мать на смѣхъ подымать? Чтобы я, которая ничего не жалѣла для твоего воспитанія, я, которая рѣшилась переселиться въ Петербургъ собственно для того только, чтобы вывозить тебя въ свѣтъ и лучше пристроить, чтобы *я* согласилась выдать тебя за какого-то неизвѣстнаго человѣка, искателя приключеній и богатыхъ невѣстъ, котораго всѣ чуждаются, у котораго нѣтъ ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ, ни даже порядочнаго имени... Колосовичъ! кто такой Колосовичъ? Какое у него родство?... какія связи?...

— Мама, вы слышали, какого мнѣнія Вѣра Николаевна объ Алексѣѣ Михайловичѣ, смиренно возразила Саша.

— Вѣра Николавна женщина замужняя, даже вдова... она

можетъ дѣлать что̀ ей угодно, и никому не обязана отдавать отчета въ своемъ поведеніи! воскликнула Наталья Петровна, увлекаясь своимъ негодованіемъ. — Но тебѣ я не позволю сумасбродничать, понимаешь? Прошу эту дурь изъ головы выбить—слышишь? Чтобы и слѣда отъ нея не оставалось!

— Мама, выслушайте меня!

— Молчать! и чтобы ты никогда не смѣла заикаться объ этомъ вздорѣ. Скажите пожалуйста!... я эту дѣвчонку нарочно изъ провинціи перевезла, чтобы взять себѣ въ зятья какого-нибудь Колосовича!

— Мама... но ради Бога, дайте мнѣ выказать вамъ... снова начала Саша.

— Молчи, молчи, и молчи, перебила ее Наталья Петровна, переставая окончательно владѣть собой:—не смѣй говорить, не смѣй ничего говорить... пойди вонъ отсюда, пойди въ свою комнату, я тебя видѣть не могу... пойди вонъ, вонъ, вонъ! Она побагровѣла и затопала ногами, задыхаясь отъ гнѣва.

Саша съ испугомъ схватила ее за руки.

— Пойди вонъ, говорятъ тебѣ, пойди вонъ! кричала Наталья Петровна, порывисто выдергивая у ней руку. — Пойди въ свою комнату и не показывайся на глаза, пока я тебя не позову... Тяжело пыхтя, и обмахиваясь платкомъ, подошла она къ кушеткѣ, на которую и опустилась съ притворнымъ изнеможеніемъ. Саша, поддерживая ее, стала возлѣ нея на колѣни.

— Милая моя, я прошу тебя меня оставить... дай мнѣ успокоиться, нѣсколько мягче, но тѣмъ не менѣе весьма настойчиво повторила Наталья Петровна. Саша покорно встала, и тихо пошла, заглушая платкомъ свои рыданія.

— И дверь за собой затвори, сказала ей въ слѣдъ Наталья Петровна: — изъ твоей комнаты всегда такимъ холодомъ несетъ, какъ изъ погреба.

Едва Саша успѣла притворить за собой дверь, какъ другая дверь легонько скрыпнула, и полоса свѣта легла по темной комнатѣ. Саша невольно вскинула глаза по направленію, откуда шелъ этотъ свѣтъ, и увидала въ дверяхъ Ѳеклу Ильиничну.

— Родимая моя, голубка ты моя безцѣнная! произнесла она взволнованнымъ шопотомъ, раскрывая Сашѣ свои объятія. Волненіе Ильиничны слышалось не въ одномъ голосѣ. Оно высказывалось и въ ускоренномъ ея дыханіи, и въ сильномъ дрожаніи руки, которою она гладила головку, прильнувшую къ ея плечу.

— За что тебя обидѣли... за что тебя измучили, смиренница ты моя безотвѣтная? Вѣдь я, почитай, съ полчаса какъ стою за

дверью и все думаю: когда-то Богъ дастъ она уймется... а она все пуще да пуще кричитъ... и всему-то я-то сама виновата! Не послушайся я тебя, да повинись я ей сама, такъ на мнѣ бы и обозвалось все ея сердце.

Саша отъ этихъ ласкъ еще больше расплакалась. Она боязливо жалась къ старушкѣ, и поминутно вздрагивала отъ учащенныхъ рыданій.

— Ну, ну, ну, перестань, грудку себѣ надорвешь... перестань, моя родная! успокоивала ее Ильинична, не замѣчая того, что у ней у самой слезы такъ и капали. — Присядь-ка, моя пташечка, вотъ хоть на постельку-то присядь-ка, а я сейчасъ зажгу — огоньку зажгу... о-о-охъ ты моя горемычная!

Щурясь и заслоняя рукой пламя, старушка перенесла свѣчу въ отдаленный уголъ комнаты и поспѣшно вернулась къ постели. Саша сидѣла въ томъ же положеніи, въ которомъ она ее оставила. Она перестала всхлипывать, и только по временамъ тяжело и прерывисто вздыхала. Старушка усѣлась возлѣ нея, и обвивъ ее одной рукой, притянула къ себѣ. Сашина головка снова улеглась на плечѣ старой няни, и Ѳекла Ильинична принялась поглаживать ее и баюкать, какъ баюкала ее въ дѣтствѣ.

VI.

Попытка на дипломацію.

На слѣдующій день, Вѣра Николаевна собиралась одѣваться къ обѣду, когда ей доложили о Натальѣ Петровнѣ Марковой.

— Что̀ ей еще нужно? съ неудовольствіемъ пробормотала графиня. — Скажи, что извиняюсь—одѣваюсь, не могу принять, прибавила она вслухъ далеко непривѣтливымъ тономъ.

Лакей вернулся черезъ нѣсколько минутъ, и почтительно остановился посреди кабинета.

— Ваше сіятельство, генеральша велѣла доложить, что имъ непремѣнно надо васъ видѣть, и просятъ принять ихъ.

Вѣра Николаевна съ удивленіемъ взглянула на него, потомъ повела плечами и закрывъ ящикъ своего письменнаго стола, изъ котораго она что-то доставала, сказала: „Проси“.

— Извините меня, любезная Вѣра Николавна, что я настояла на томъ, чтобы вы меня приняли, заговорила Наталья Петровна, торопливо входя въ комнату:—но мнѣ крайняя необходимость васъ видѣть...

— Помилуйте, я всегда рада васъ видѣть, отвѣчала графиня, подводя ее къ креслу и любезно улыбаясь:—только я ѣду сегодня вечеромъ въ театръ, и потому хотѣла одѣться немного раньше.... впрочемъ, это рѣшительно ничего не значитъ.

— Напротивъ, я очень хорошо знаю, какъ непріятно, когда кто нибудь не кстати помѣшаетъ, но я васъ долго задерживать не стану. Вотъ въ чемъ дѣло.

Наталья Петровна, заранѣе уже приготовившая свою рѣчь, слегка откашлянулась, и сказала съ большою торжественностью:

— Я не знаю, помните ли вы годы, проведенные нами вмѣстѣ въ институтѣ! Что касается до меня, то я сохранила объ этомъ времени самую живую память. Наталья Петровна снова кашлянула. Она заранѣе разсчитывала на эфектъ, который произведетъ ея вступленіе, и ожидала отвѣта Вѣры Николаевны. Графиня принужденно улыбнулась и промолвила сквозь зубы: „о, конечно!“

— Въ силу этихъ воспоминаній, я смѣю надѣяться, что вы примете нѣкоторое участіе въ нашемъ семействѣ, и что вы до нѣкоторой степени готовы раздѣлить съ своей бывшей подругой ея радости, равно какъ и ея горе...

Наталья Петровна остановилась, она тяжело вздохнула и поднесла платокъ къ глазамъ, хотя на нихъ не появилось ни малѣйшей слезинки.

— Неужели васъ постигло горе? спросила графиня не столько изъ участія, сколько изъ желанія, чтобы Наталья Петровна скорѣе приступила къ сути дѣла.

— Да, горе, положительное горе, мрачно произнесла Наталья Петровна:—и причиною его человѣкъ, хорошо вамъ извѣстный: Алексѣй Михайловичъ Колосовичъ.

Какъ ни владѣла собой Вѣра Николаевна, но неожиданное сообщеніе Натальи Петровны застигло ее врасплохъ. Не отдавая себѣ еще отчета, почему Алексѣй Михайловичъ могъ быть причиною горя г-жи Марковой, графиня почувствовала, что краснѣетъ.

— Неужели? почти насмѣшливо спросила она, и небрежно откинулась на спинку кушетки.—Чѣмъ же онъ могъ васъ такъ огорчить?

Наталья Петровна не спроста пріѣхала совѣтоваться съ Вѣрою Николаевною на счетъ того, что узнала отъ Саши наканунѣ. Она долго обдумывала свое рѣшеніе и наконецъ пришла къ заключенію, что это будетъ съ высшей степени искусно и дипломатично. Вопервыхъ, она уже успѣла замѣтить, что ея дочь понравилась Миловецкому, и что Вѣра Николаевна

покровительствуетъ его замысламъ. Сама же Наталья Петровна захлебывалась отъ удовольствія при одной мысли, что этотъ блистательный адъютантъ можетъ современемъ сдѣлаться ея зятемъ. Вовторыхъ, горячее участіе, высказанное неоднократно въ ея присутствіи Вѣрою Николаевною къ Колосовичу, показалось Натальѣ Петровнѣ немного подозрительнымъ. „Хотя и невѣроятно“, думала она: „чтобы женщина, пользующаяся такимъ высокимъ свѣтскимъ положеніемъ, связалась бы съ какимъ-нибудь Колосовичемъ, однако не мѣшаетъ на всякій случай предупредить ее. Если, сверхъ всѣхъ ожиданій, между ними существовала, и существуетъ какая-нибуь связь, то я могу разсчитывать на содѣйствіе графини, чтобы отдѣлаться отъ непрошеннаго жениха, и вмѣстѣ съ тѣмъ подстрекну этимъ Миловецкаго“. Такъ разсуждала Наталья Петровна, и въ этомъ смыслѣ приготовила свой разсказъ. Поэтому, отвѣчая на послѣдній вопросъ Вѣры Николаевны, она разсчитывала ее озадачить внезапностью извѣстія.

— Вообразите! Г-нъ Колосовичъ сдѣлалъ предложеніе моей дочери... и мнѣ грозитъ опасность, что онъ не сегодня, такъ завтра придетъ просить руки Саши!

— Ну, такъ что же? Отлично! Поздравляю васъ, спокойно произнесла графиня.

Наталья Петровна никакъ не ожидала подобнаго отвѣта. „Какъ же это?“ думала она: „значитъ, я ошиблась, что она покровительствуетъ Миловецкому... значитъ, она не ревнуетъ Колосовича... Ну, да этого, впрочемъ, и не слѣдовало ожидать... Но какъ же это насчетъ Миловецкаго-то?“...

Графиня слѣдила за процессомъ мышленія Натальи Петровны какъ по открытой книгѣ. Она невольно усмѣхнулась успѣху, съ которымъ она морочила институтскую подругу.

— Что же? Вы какъ будто недовольны? спросила она наконецъ, чтобы вывести ее изъ остолбененія.

— Да помилуйте, ma chère, вы развѣ не поняли меня? Хотя вы и благоволите къ господину Колосовичу, однако не можете не согласиться, что онъ представляетъ далеко не блистательную партію. Онъ и не богатъ, и не пользуется особенно хорошей репутаціей—ну, а моя дочь, вы сами знаете, не изъ дюжинныхъ невѣстъ...

— Во всемъ вполнѣ съ вами согласна, только позвольте мнѣ протестовать противъ дурной репутаціи, которую вы приписываете Колосовичу.

— Знаю, знаю, вы его всегда защищаете, но послушайте Миловецкаго,—вотъ человѣкъ, котораго я вполнѣ уважаю!..

— Очень естественно, что Колосовичъ не можетъ нравиться ни Миловецкому, ни вообще правительственнымъ лицамъ. Положимъ, онъ слыветъ либераломъ, вольнодумцемъ — что̀ же изъ этого? Что ему закрыта дорога въ администрацію, и больше ничего. Это еще не безчестье, для человѣка, что у него навсегда отнята надежда, какъ говорится, „выйдти въ люди". Вѣра Николаевна очень хорошо знала, съ кѣмъ она говоритъ. Каждое слово ея защиты разжигало еще больше негодованіе Натальи Петровны противъ Колосовича.

— Ахъ, Вѣра Николавна! воскликнула она съ сердцемъ. — Полноте, пожалуйста, выхвалять мнѣ этого человѣка. Еслибы я могла предвидѣть, что вы такъ отнесетесь къ этому вопросу, то и не пріѣхала бы съ вами совѣтоваться!

— А вы хотите со мной посовѣтоваться? Насчетъ чего?

— Какъ насчетъ чего? Да насчетъ того, какъ мнѣ избавиться отъ непріятнаго объясненія съ этимъ г-мъ Колосовичемъ, потому что, вы понимаете, что пока я жива, я никогда не дамъ своего согласія на этотъ бракъ. Никогда, никогда и никогда!

— Да развѣ дѣло уже такъ далеко зашло, что вы вправѣ ожидать сопротивленія вашей дочери? спросила графиня съ непритворнымъ участіемъ.

Этотъ вопросъ дѣйствительно былъ для нея животрепещущимъ.

Наталья Петровна разсказала ей вчерашній разговоръ свой съ Сашею. Вѣра Николаевна внимательно слушала, взвѣшивая каждое слово, каждый оттѣнокъ, и выслушавъ разсказъ глубоко призадумалась.

— Послушайте, Наталья Петровна, сказала она, встрепенувшись:—все это гораздо серьёзнѣе, чѣмъ я полагала. Это вовсе не дѣло минутнаго увлеченія ни съ той, ни съ другой стороны Вамъ представится гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ вы думаете, чтобы идти наперекоръ твердой воли Колосовича, да и, наконецъ, любви вашей дочери.

— Помилуйте, что̀ вы говорите! какая тутъ любовь? Развѣ Саша понимаетъ, что̀ такое любовь? Она должна знать одно: повиновеніе своей матери. Что же касается до *воли* г-на Колосовича... вы, просто, шутите! Какое мнѣ дѣло до этой воли?

— Въ такомъ случаѣ, если дѣло такъ просто, зачѣмъ же вамъ мои совѣты; я васъ не понимаю.

— Ахъ, Боже мой, какъ же вы не понимаете!..

Наталья Петровна запнулась. Замѣчаніе Вѣры Николаевны было неопровержимо. Надо было скрасить настоящія причины, побудившія Наталью Петровну къ ея объясненію.

— Вы легко можете себѣ представить, что меня нисколько не затруднило бы идти на проломъ. Объявила, что не хочу — и дѣло съ концомъ. Но, вопервыхъ, я хотѣла бы избѣжать непріятнаго столкновенія съ Колосовичемъ.

— Что касается до этого, то вамъ, кажется, очень легко будетъ его не принимать, если вы уже на то рѣшились.

— Да, но я могу съ нимъ встрѣтиться; наконецъ, Саша тоже можетъ съ нимъ встрѣтиться.

— Но, въ такомъ случаѣ, она вамъ, вѣроятно, признается въ этой встрѣчѣ—не такъ ли?

Вѣра Николаевна пытливо взглянула на Наталью Петровну, желая узнать, на сколько мать увѣрена въ откровенности своей дочери.

— Ну, разумѣется, подтвердила Наталья Петровна, избѣгая взора графини. Отъ Вѣры Николаевны не ускользнуло это, повидимому, ничтожное обстоятельство.

— Значитъ, вы всегда будете въ состояніи предупредить нечаянную развязку, сказала графиня и подумала: „ничего ты, милая моя, не въ состояніи предупредить! У тебя подъ носомъ могутъ увезти твою дочь, и ты ничего не увидишь“.

— Что это вы, ma chère, говорите? Какая тутъ можетъ быть нечаянная развязка? съ негодованіемъ возразила Наталья Петровна.—Нѣтъ, этого я не боюсь.

— Такъ чего же вы, наконецъ, отъ меня хотите? не совсѣмъ любезно спросила Вѣра Николаевна.

— Вопервыхъ, я вамъ уже сказала: я желала бы избѣгнуть неожиданной встрѣчи съ Колосовичемъ.

— То-есть, другими словами, вы меня просите не принимать къ себѣ Алексѣя Михайлыча?

— Да, если это не составитъ для васъ слишкомъ большаго пожертвованія, лукаво прибавила Наталья Петровна.

— Напротивъ. Это будетъ для меня большимъ лишеніемъ — очень большимъ; вы знаете, что я Алексѣя Михайлыча высоко цѣню... но въ виду вашихъ опасеній, я могу обѣщать вамъ, что *вы* его у меня не встрѣтите.

— Благодарю васъ, Вѣра Николавна, сказала Наталья Петровна, удивляясь натуральному и серьёзному тону графини: — душевно благодарю. Но это не все.

— А? Что же еще?

— Вы часто видитесь съ Сашею—такъ я боюсь... или нѣтъ, не то, я думаю... то-есть... я хотѣла просить васъ...

— Да что̀ же такое? говорите, не стѣсняйтесь.

— Вы всегда такъ благосклонно отзываетесь о Колосовичѣ,

что я просила бы васъ совсѣмъ не говорить о немъ съ моей дочерью... то-есть, вы понимаете, что̀ я хочу сказать? Саша питаетъ къ вамъ такое довѣріе, что еслибы вы стали восхвалять ей Колосовича, то мнѣ стоило бы большаго труда разубѣдить ее.

Насмѣшливая улыбка заиграла на губахъ Вѣры Николаевны.

— Все, что̀ я вамъ могу обѣщать, любезная Наталья Петровна, это не уговаривать вашу дочь принять предложеніе Алексѣя Михайлыча.

Графиня какъ-будто невзначай взглянула на часы.

— Виновата, я васъ задерживаю, извинилась Наталья Петровна: — но, позвольте еще одно слово—одно только слово, но отвѣтьте мнѣ, какъ бывшая моя подруга, положа руку на сердце: еслибы у васъ была дочь, выдали ли бы вы ее замужъ за Колосовича?

Вѣра Николаевна пристально посмотрѣла на нее. Она чувствовала, что отъ ея отвѣта зависитъ вся судьба Саши и Колосовича.

— Я? Нѣтъ! отчетливо сказала она, не спуская глазъ съ Натальи Петровны.

— Ну, вотъ, благодарю васъ! Мнѣ только этого и нужно было; простите великодушно, что такъ долго васъ задержала.

Она съ увлеченіемъ поцаловала Вѣру Николаевну, чмокнувъ ее нѣсколько разъ въ щоку, и поспѣшно удалилась.

Графиня, презрительно усмѣхнувшись, посмотрѣла ей вслѣдъ, и пошла одѣваться къ обѣду. Въ уборной встрѣтила Вѣру Николаевну ея горничная съ кислымъ и недовольнымъ выраженіемъ лица, потому что она давно дожидалась.

— Ну, давай скорѣе! сказала Вѣра Николаевна, поспѣшно разстегивая платье.—Который часъ?

— Да вы изволили приказывать, чтобы къ половинѣ шестаго было бы готово одѣваться, такъ должно быть и есть половина шестаго, довольно дерзко отвѣтила Александра Кузьминична, которая постоянно пробовала грубить, хотя ей за это всякій разъ доставалось.

— Я у тебя спросила, который часъ, повторила Вѣра Николаевна, не возвышая голоса.

— Не могу знать-съ, отрѣзала горничная за спиной у графини, и рванула какой-то крючокъ.

— Такъ поди и посмотри, еще тише сказала Вѣра Николаевна: — и помни, что если ты будешь на мнѣ крючки рвать, такъ я тебя въ тотъ же день разсчитаю—понимаешь?

Хотя Вѣра Николаевна не возвышала голоса, но горничная

знала, что съ ней шутить не слѣдуетъ. Она дорожила своимъ мѣстомъ, и если поддавалась иногда искушенію рѣзко отвѣтить, то это только потому, что рѣшительно не могла совладать съ своимъ ворчливымъ нравомъ. Что же касается до Вѣры Николаевны, то она, съ своей стороны, переносила многое отъ Александры Кузьминичны, чего бы не перенесла отъ другой горничной. На то были разныя причины. Не говоря уже о томъ, что Александра Кузьминична была превосходная швея, и вообще отличная мастерица своего дѣла, она обладала несомнѣннымъ качествомъ — она умѣла хранить тайну. Въ теченіе пяти или шести лѣтъ, что она находилась въ услуженіи у графини, ей многое что̀ пришлось видѣть и слышать, и никто не могъ похвастать, что когда-либо заставилъ ее проболтаться. Наконецъ, она была на столько смѣтлива, что, въ случаѣ надобности, можно было поручить ей какое-нибудь дѣло, не опасаясь, чтобы она его испортила.

Сдѣлавъ замѣчаніе горничной, Вѣра Николаевна тотчасъ же забыла о причинѣ, вызвавшей ея неудовольствіе. Продолжая одѣваться, она припоминала почти слово въ слово свой разговоръ съ Натальей Петровною. Сообщенное ей извѣстіе не было новостью для нея. Даже явное недоброжелательство Натальи Петровны противъ Колосовича не занимало ее въ настоящую минуту. Это было дѣло ея рукъ, она сама его подготовила. Все ея вниманіе было устремлено на переданный ей разговоръ между Сашей и ея матерью. Вѣра Николаевна составила себѣ изъ него весьма вѣрное и отчетливое понятіе о степени любви Саши къ Колосовичу. Съ свойственною ей проницательностью она угадала, что въ отношеніяхъ Саши съ Натальею Петровною не было ничего задушевнаго. Первое признаніе было сдѣлано, но нельзя было предполагать, чтобы за нимъ послѣдовалъ рядъ откровенныхъ разговоровъ. Съ другой стороны, нельзя было также думать, чтобы Колосовичъ послѣ первой же неудачи пришелъ въ уныніе и отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Скорѣе слѣдовало предположить, что онъ постарается найти средство для сближенія съ Сашею. Въ чемъ именно будутъ состоять его попытки,—это составляло задачу, надъ которой работалъ безпокойный умъ Вѣры Николаевны. Быстро обдумавъ всѣ способы, ведущіе къ цѣли, она составила себѣ планъ, который тотчасъ же и привела въ исполненіе.

— Александра, ты у Марковыхъ бывала въ домѣ? спросила она, смотря на отраженіе своей горничной въ зеркалѣ, передъ которымъ одѣвалась.

— Какъ не бывать! сердито отвѣчала Александра Кузьминична.—Ежеминутно таскаешься, то тò снеси, то сё.

— Кого ты тамъ знаешь?

— Кого я знаю? Всѣхъ знаю. Горничную знаю, Аксинью знаю, повара знаю, Ѳеклу Ильиничну...

— Чью горничную? Самой Марковой, или барышнину?

— Обѣихъ знаю. Потрудитесь-ка поднять локоть: бантъ надо расправить.

Горничной, видимо, надоѣли разспросы графини.

— Барышнина горничная которая? Аксинья?

— Аксинья.

— Хорошая она дѣвушка?

— Почемъ я знаю? Въ чужую душу не влѣзешь! Модница такая... Косынку какую подать, синюю или ту—съ мантильи?

— Съ кружевомъ. И ты говоришь, что эта Аксинья молодая?

— Не говорила я, что она молода, а сказала, что она модница, сухо возразила Александра.

—Ну, а эта, Ѳекла Ильинична, которую ты упомянула, чтò эта за птица?

— Какая она птица? обидѣлась горничная. — Она старая женщина, и всѣ ее въ домѣ уважаютъ. Вотъ ужь двадцатый годъ пошелъ, что она въ домѣ живетъ.

— Двадцать лѣтъ? повторяла графиня въ раздумьѣ.—Чѣмъ же она тамъ состоитъ?

— Ничѣмъ не состоитъ. Была сначала на побѣгушкахъ, потомъ въ нянюшки попала, а теперь на покоѣ себѣ живетъ. Не вѣкъ же маяться.

— Нянюшкой у Александры Николавны? пояснила графиня.—Значитъ, барышня ее очень любитъ?

Александра Кузьминична не сочла долгомъ отвѣчать.

— Браслеты надѣнете? спросила она.

Вѣра Николаевна молча кивнула головой, потомъ повернулась лицомъ къ своей горничной.

— Слушай, Александра, сказала она, смотря ей въ глаза: — я желаю, чтобы ты сблизилась съ этой Ѳеклой Ильиничной — понимаешь?

— Какъ не понять! Вамъ требуется что-нибудь разузнать, полунахально отвѣтила горничная.— Не впервые! прибавила она, пожавъ плечомъ.—Только Ильинична не таковская: она своихъ не выдастъ.

— Съ ума ты сошла! воскликнула Вѣра Николаевна, невольно улыбаясь сметливости своей горничной.—Стану я просить, чтобы господъ выдавали!

Александра Кузьминична также скривила ротъ, въ видѣ улыбки, но эта гримаса явно говорила:—„Знаемъ мы васъ!“

— Нѣтъ, видишь ли, въ чемъ дѣло. Колосовичъ сватается за Александру Николавну.

— Алексѣй Михайлычъ? воскликнула горничная съ неподдѣльнымъ удивленіемъ, которое доказывало, что ей до нѣкоторой степени были извѣстны отношенія графини къ Колосовичу.

— Разумѣется, какой же другой? раздражительно возразила Вѣра Николаевна. — Наталья Петровна не соглашается, а Александра Николавна, кажется, не прочь...

— Извѣстное дѣло, женихъ, замѣтила Александра Кузьминична повеселѣвшимъ голосомъ.

Хотя она сама умѣла не проговариваться, но она была большая охотница до всякихъ сплетень.

— Вотъ я и желаю знать, что̀ тамъ произойдетъ!

— Да вѣдь Алексѣй-то Михайлычъ, кажется, теперь въ Петербургѣ, не безъ намѣренія замѣтила горничная тономъ, который вовсе не шелъ къ язвительному выраженію ея лица.

Вѣра Николаевна слегка нахмурила брови.

— Да. Но я не хочу сама его разспрашивать. Такъ ты, пожалуйста, постарайся разузнать. Ахъ, кстати, я хотѣла тебѣ сказать, вспомнила графиня, взявшись за ручку двери въ кабинетъ:—ты знаешь мое черное моаровое платье? Ты можешь его взять себѣ.

И, не ожидая изъявленія благодарности, она вышла изъ уборной.

VII.

Практичность „Дрозда“ и непрактичность Колосовича.

Промежъ друзей Колосовича, такъ живо интересовавшихся образовательною реформою, горячѣе всѣхъ принималъ этотъ вопросъ къ сердцу нѣкто Семенъ Лукьяновичъ Болотовъ.

Болотовъ воспитывался въ лицеѣ, куда онъ поступилъ годомъ позже Колосовича. Съ перваго же дня вступленія, товарищи, неизвѣстно почему, прозвали его „дроздомъ“ и сильно не полюбили, подъ предлогомъ, что у него была „пахальная рожа“. Это обвиненіе было совершенно ложное. Наружность молодого Болотова была далеко не привлекательная, но выраженіе его продолговатаго, болѣзненно-блѣднаго лица, съ острымъ носомъ и впалыми щеками, отличалось только сосредоточен-

ностью и обдуманностью не по лѣтамъ, а отнюдь не дерзостью или нахальствомъ. Напротивъ, небольшіе сѣрые глаза его, съ красноватыми вѣками, высказывали скорѣе робкую и запуганную натуру, съ теплымъ, любящимъ сердцемъ. Только большая взъерошенная голова, съ стоящими вихрами на темени, и угловатость движеній чрезмѣрно длинныхъ оконечностей, могли до нѣкоторой степени оправдать антипатію, возбужденную имъ при появленіи его въ классѣ. Злоупотребляя его терпѣливостію, товарищи приставали къ нему самымъ назойливымъ образомъ. Въ одно прекрасное утро они зашли за предѣлы того, что̀ могла снести даже миролюбивая натура Болотова. Гнѣвъ его, какъ это обыкновенно бываетъ у сдержанныхъ характеровъ, когда они случайно выходятъ изъ своего флегматическаго состоянія, разразился совершенно неожиданно и походилъ на какое-то бѣшенство. Съ пѣною у рта, бросился онъ на ближайшаго товарища, въ одно мгновеніе ока сшибъ его съ ногъ и принялся безпощадно душить его своими большими угловатыми руками. Прочіе товарищи до того оторопѣли отъ этого непредвидѣннаго припадка ярости, что сначала не знали, на что рѣшиться; но послѣ первой минуты недоумѣнія вскорѣ опомнились, и соединенными силами накинулись на бѣднаго Болотова. Ему бы плохо пришлось отъ этого нападенія, еслибы къ нему не подоспѣлъ на помощь одинъ изъ воспитанниковъ старшаго класса, случайно присутствовавшій при завязкѣ этой исторіи. Это былъ Колосовичъ. Возмущенный несправедливостью товарищей противъ Болотова, онъ вступился за него сначала словами, а когда это не подѣйствовало, то очертя голову, бросился въ самую середину свалки, расточая мощные удары во всѣ стороны. Ему удалось высвободить Болотова. Съ этого дня онъ взялъ его подъ свое покровительство. Загнанный мальчикъ, непривыкшій къ изъявленіямъ сочувствія, страстно привязался къ Колосовичу. Съ увлеченіемъ, свойственнымъ лишь очень ранней молодости, онъ воздвигъ Колосовича на какой-то пьедесталъ, и чуть не молился на него. Это продолжалось до самаго выпуска. Тяжело было Болотову разставаться съ своимъ другомъ, но онъ слишкомъ горячо любилъ его, чтобы не радоваться наступленію эпохи, которая, по его мнѣнію, должна была быть очень знаменательною для Колосовича. Онъ былъ убѣжденъ, что Колосовичъ чѣмъ-нибудь да прославится. Сначала, друзья были въ перепискѣ, но мало по малу эта переписка прекратилась. Колосовичъ и Болотовъ потеряли другъ друга изъ виду, и снова свидѣлись только при проѣздѣ Алексѣя Михайловича черезъ Петербургъ передъ путешествіемъ за границу. Болотовъ ни-

сколько не измѣнился въ своихъ чувствахъ къ Колосовичу. Онъ все попрежнему считалъ его необыкновеннымъ человѣкомъ и удивлялся только тому, что его имя еще не сдѣлалось извѣстнымъ. Алексѣй Михайловичъ разсказалъ ему свою дѣятельность въ теченіе того времени, когда они не видались. Онъ сдѣлалъ это просто, нисколько не рисуясь, и уваженіе Болотова къ Алексѣю Михайловичу возросло еще болѣе, когда Колосовичъ изложилъ ему цѣль предпринимаемаго имъ путешествія за границу. Болотовъ, жаждавшій не менѣе Колосовича полезной дѣятельности, съ восторгомъ уцѣпился за мысль развитія народнаго образованія и вызвался помогать ему. Алексѣй Михайловичъ обѣщался дать ему знать, какъ только понадобится его помощь. Но день проходилъ за днемъ, и Болотовъ не получалъ никакого извѣщенія. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ Колосовичу, надѣясь подстрекнуть его рвеніе. Это было нѣсколько дней послѣ конфиденціальнаго сообщенія, сдѣланнаго Натальей Петровною графинѣ Вязиной.

Болотовъ засталъ Колосовича за письменнымъ столомъ. Онъ былъ до того погруженъ въ свое занятіе, что очнулся только тогда, когда Болотовъ, положивъ ему руку на плечо, нагнулся къ столу, чтобы заглянуть въ его работу.

— Ну, что, братъ, какъ подвигается дѣло?... Ты, я вижу, прилежно занимаешься, проговорилъ онъ, и вдругъ сконфузился, замѣтивъ поспѣшность, съ которою Колосовичъ прикрылъ листомъ протечной бумаги то, что̀ онъ писалъ.

— Ахъ, извини пожалуйста; я думалъ, что ты за твоимъ проектомъ работаешь.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Колосовичъ, пожимая руку своему бывшему товарищу.

— Но дѣло-то все-таки подвигается? снова полюбопытствовалъ Болотовъ.

— Гм! Мало.

— Что же такъ? Я все надѣялся, что ты за мной пришлешь... Да что это, Колосовичъ, ты какъ будто не въ своей тарелкѣ?

— Ни чуть, встрепенулся Колосовичъ:—изъ чего это ты заключаешь? Ты вѣрно думаешь, что я нашимъ проектомъ совсѣмъ не занимался? Очень ошибаешься. Меня только смущаетъ недостатокъ свѣдѣній, которыя имѣются о существующихъ уже у насъ школахъ. Вотъ ты обѣщался позаботиться объ этомъ, а ничего, или почти ничего не сдѣлалъ.

— Помилуй, другъ мой, чѣмъ же я-то виноватъ? Ты самъ знаешь, какъ эти свѣдѣнія у насъ трудно достаются! Они разбросаны по такой огромной массѣ провинціальныхъ вѣдомостей

и столичныхъ корреспонденцій, что при одномъ видѣ этого хаоса журналовъ волоса дыбомъ становятся. Ужь я роюсь, роюсь въ нихъ—спина даже заболѣла.

— Не проще ли было бы обращаться къ журналу министерства народнаго просвѣщенія? Вѣдь онъ на то и издается, чтобы можно было слѣдить за ходомъ нашего народнаго образованія?

— Ты думаешь? насмѣшливо спросилъ Болотовъ.—Да знаешь ли, откуда этотъ журналъ почерпаетъ бо́льшую часть своихъ свѣдѣній?—изъ тѣхъ же мѣстныхъ вѣдомостей и корреспонденцій; значитъ, ближе къ цѣли—обратиться къ самымъ источникамъ, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что у меня не проскользнетъ то, что̀ редакція оффиціальнаго журнала найдетъ излишнимъ печатать по своимъ частнымъ соображеніямъ. Но подумай, какой это трудъ!

— Да, да, задумчиво подтвердилъ Колосовичъ, постукивая пальцами по столу: — слѣдовало бы... слѣдовало бы... заняться этимъ вопросомъ посерьёзнѣе, то-есть сдѣлать ясную и отчетливую картину состоянія народныхъ школъ въ настоящую минуту, изложивъ постепенный ходъ развитія народнаго образованія въ Россіи. Онъ произносилъ эти слова, какъ давно заученный урокъ.

Болотовъ опять вопросительно взглянулъ на него.

— Что это, Колосовичъ, я тебя совсѣмъ не узнаю. Ты заговорилъ общими мѣстами; я не этого ожидалъ отъ тебя.

— Какія же это общія мѣста? раздражительно возразилъ Алексѣй Михайловичъ, превозмогая свою задумчивость.—Я указываю на необходимость имѣть подробныя, основательныя, не сбивчивыя свѣдѣнія о нашихъ народныхъ школахъ,—развѣ это пустыя слова? Прежде чѣмъ приступить къ леченію болѣзни, необходимо ознакомиться съ малѣйшими симптомами ея, привести ихъ въ строгій порядокъ, вникнуть въ причины, вызывающія то или другое явленіе, и тогда только можно надѣяться достигнуть какого-нибудь дѣльнаго результата.

— Ты скажешь, что и это не общее мѣсто? спросилъ Болотовъ, пожимая плечами.

— Это истина, которая была высказана Иппократомъ за 400 лѣтъ до Р. Х. Тѣмъ не менѣе, она примѣнима къ настоящему случаю. Отчего въ Пруссіи, въ Саксоніи, въ Швейцаріи, въ особенности же въ Америкѣ, народное образованіе идетъ такъ успѣшно впередъ? Оттого, что статистическія свѣдѣнія по этой отрасли доведены до математической точности.

— Позволь, позволь, съ этимъ я никакъ не согласенъ. При-

писывать высокій уровень народнаго образованія въ Америкѣ—исключительно статистикѣ... да это сущая нелѣпость!...

— Ты, какъ я вижу, не отучился отъ своей дурной привычки ругаться, вмѣсто того чтобы спорить. Еслибы ты вникъ въ мои слова, ты не приписывалъ бы мнѣ этой „нелѣпости". Я говорилъ не о высотѣ уровня народнаго образованія, а о повсемѣстномъ его распространеніи.

— И съ этимъ также не согласенъ, горячился Болотовъ, нелюбившій сознаваться въ своихъ промахахъ.—Повсемѣстное распространеніе школъ въ Америкѣ происходитъ отъ сознанія, развитаго въ каждомъ гражданинѣ, что образованіе даетъ ему надежды на блестящую будущность. Въ этомъ благодатномъ краѣ всякое поприще доступно для свободнаго гражданина—а тамъ всѣ свободные граждане—даже негры, благодаря войнѣ 1865-го года. Въ доказательство приведу тебѣ въ примѣръ двухъ негровъ, которые возсѣдали въ сенатѣ съ 1867-го года.

— Приведи ихъ, милый мой, приведи ихъ даже, если можешь, въ Петербургъ, съострилъ Колосовичъ.—Насколько я слѣдилъ за общественнымъ мнѣніемъ по американскимъ газетамъ, ты этимъ исполнишь задушевное желаніе прочихъ американскихъ сенаторовъ, которые, изъ опасенія подвергнуться нареканію въ непослѣдовательности, не смѣютъ явно высказать своего неудовольствія противъ своихъ чернокожихъ сослуживцевъ—но тайно посылаютъ ихъ къ чорту на кулички..... Это въ ихъ понятіяхъ почти то же, что Петербургъ. Впрочемъ, мы удалились отъ вопроса. Я говорилъ о значеніи вѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній въ дѣлѣ народнаго образованія. Посмотри, вотъ въ Англіи.!...

— Да ты вѣдь до Англіи-то и не доѣхалъ! возразилъ Болотовъ, находившійся въ придирчивомъ настроеніи духа, оттого что смутно сознавалъ, что вопросъ, къ которому онъ такъ горячо отнесся, былъ гораздо далѣе до своего существованія, чѣмъ онъ полагалъ.

— Положимъ, и не доѣхалъ, но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что въ Англіи до новѣйшихъ временъ не обращалось особаго вниманія на народное образованіе. Побудительнымъ толчкомъ по этому направленію послужила зависть, возбужденная въ Англіи быстрымъ процвѣтаніемъ юной Америки. Стали доискиваться причинъ этому неимовѣрному развитію отторгнувшейся колоніи, и пришли къ убѣжденію, что главною, если не единственною причиною служитъ индивидуальное развитіе каждаго гражданина, взятаго въ отдѣльности. Для провѣрки этого мнѣнія приступили къ подробному изслѣдованію состоянія народныхъ школъ въ

Англіи, на подобіе того, что̀ уже давно было сдѣлано въ Америкѣ. Статистическія свѣдѣнія за 1867-й годъ показали, что въ Англіи и Уэльзѣ изъ пяти мильоновъ дѣтей отъ 5 до 15-тилѣтняго возраста только два съ чѣмъ-то мильона посѣщали школы, остальные же не получили никакого образованія.

— Что-же? Пропорція хорошая: почти половина на половину. Когда-то мы дойдемъ до этого?

— Разумѣется, для перваго начала и этой пропорціи было бы совершенно достаточно. Однако въ Англіи она уже признана неудовлетворительною. Въ большихъ фабричныхъ центрахъ, какъ напримѣръ въ Манчестерѣ, жалуются на то, что $^1/_3$ малолѣтнихъ рабочихъ не получила школьнаго образованія. А откуда такая взыскательность? Изъ сравненія статистическихъ данныхъ. Англичане видятъ, что въ какомъ-нибудь американскомъ городѣ, хоть напримѣръ въ Лоелѣ [1] (Lowell), который можетъ сравниться съ Манчестеромъ по своей фабричной дѣятельности, промежь рабочаго населенія врядъ-ли найдется хоть одинъ неграмотный человѣкъ. Лоель существуетъ всего съ 1813-го года. Шестьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь процвѣтаетъ одинъ изъ значительнѣйшихъ фабричныхъ городовъ Сѣверной Америки, буквально не было ни одного дома. Такое неимовѣрно-быстрое процвѣтаніе нельзя не приписать всеобщей развитости.

— Скорѣе-же слѣдуетъ приписать его всѣмъ извѣстной предпріимчивости американцевъ, возразилъ Болотовъ.

— Да развѣ предпріимчивость можетъ существовать при закоснѣломъ невѣжествѣ? съ жаромъ воскликнулъ Колосовичъ.— Возьми ты, напримѣръ, хоть этого мальчишку—вонъ который проходитъ по улицѣ и оретъ себѣ во все горло: „спички хорошъ"—почемъ ты знаешь, способенъ-ли онъ на предпріимчивость или нѣтъ? Умственныя его способности до того заглохли, что онъ и не любопытствуетъ узнать, что̀ съ нимъ станетъ, когда онъ выростетъ изъ лѣтъ разноситъ спички по городу. А возьми ты того же мальчика, обучи его грамотѣ, да первоначальнымъ правиламъ ариѳметики,—онъ уже не станетъ довольствоваться розничною продажею спичекъ: онъ будетъ стараться какъ-нибудь попасть въ конторщики въ мелочную лавочку. Это уже первое проявленіе предпріимчивости. Подвернись ему какая-нибудь хорошая книга, или просто дойди до него слухъ, что нѣкто Савва Исааковичъ Пестиковъ, извѣстный капиталистъ, также на-

---

[1] Фабричный городъ въ Соединенныхъ Штатахъ на границѣ Массачусетса и Нью-Гемпшейра, на рѣкѣ Меримакъ, въ 40 англійскихъ миляхъ отъ Бостона.

чалъ съ того, что продавалъ спички и тридцати-пяти лѣтъ сдѣлался милліонеромъ,—онъ, пожалуй, призадумается и начнетъ вникать въ причины, и мало по малу, конечно не разомъ, дойдетъ до смѣлаго вопроса: „отчего-же бы и мнѣ не сдѣлаться Пестиковымъ?“ Вотъ тебѣ и весь процессъ предпріимчивости. Основою ей все-таки служитъ народное образованіе, а основою народнаго образованія служатъ точныя статистическія свѣдѣнія. Что и требовалось доказать! заключилъ онъ, откидываясь на спинку кресла.

— Ну, слава тебѣ Господи! воскликнулъ Болотовъ. — Теперь я тебя узнаю! Ты, по крайней мѣрѣ, говоришь какъ живой человѣкъ.

Колосовичъ нахмурилъ брови.

— Ты знаешь, Болотовъ, какъ близко къ сердцу я принимаю все, что̀ касается до этого вопроса.

— Натурально. Оттого меня и безпокоило твое апатичное состояніе. Сколько я тебя знаю, ты по пустякамъ не станешь хандрить. А ты, очевидно, хандрилъ, когда я пришелъ. Въ этомъ ты не станешь отпираться.

Колосовичъ не отвѣчалъ.

— Слушай, Колосовичъ, продолжалъ Болотовъ, положивъ ему руку на колѣно: — я не напрашиваюсь на твою откровенность; но ты знаешь, что если я могу въ чемъ-нибудь тебѣ помочь, то располагай мною.

— Спасибо, братъ, отвѣчалъ Колосовичъ, пожавъ его руку. — Я въ твоей дружбу нисколько не сомнѣваюсь... но врядъ ли ты способенъ помочь мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Почемъ знать. Ужь хоть то, что ты выскажешь свое горе человѣку, который приметъ его къ сердцу—и это облегченіе!

Колосовичъ немного призадумался.

— Ты правъ! сказалъ онъ наконецъ съ рѣшимостью. — Слушай. Ты Марковыхъ знаешь?

Болотовъ отрицательно покачалъ головой. Тогда Алексѣй Михайловичъ разсказалъ ему въ краткихъ словахъ всю исторію своего знакомства до той минуты, какъ Наталья Петровна отказалась принять его, несмотря на настойчивость, съ которою онъ просилъ свиданія. Въ своемъ разсказѣ онъ, разумѣется, не произнесъ даже имени Вѣры Николаевны.

— Что же, ты къ нимъ послѣ этого вернулся? спросилъ Болотовъ.

— Разумѣется, на слѣдующій же день. Ты понимаешь, что человѣку не до свѣтскихъ приличій, когда дѣло идетъ о счастіи всей его жизни.

— Конечно. — И что же?

— Ея дома не было. И вѣдь въ самомъ дѣлѣ, дома не было, а не то, чтобы предлогъ какой-нибудь. Я потомъ у дворника спрашивалъ, — дѣйствительно выѣхала.

— Что же, мнѣ кажется, это должно было тебя ободрить. По крайней мѣрѣ ты убѣдился, что тебѣ не преднамѣренно отказываютъ.

— Ну, не скажу. Видно болѣзнь-то ея очень скоро прошла, если она на другой же день могла выѣхать.

— Ахъ, Колосовичъ, какой же ты странный! Неужели же ты не допускаешь, что г-жа Маркова могла страдать сильнѣйшею мигренью въ день, когда ты ее навѣстилъ,—или даже еще проще: ей крѣпко не хотѣлось никого принимать, она и отказала тебѣ подъ благовиднымъ предлогомъ... Ты, право, черезчуръ взыскателенъ.

— Ты забываешь, что я настаивалъ на необходимости съ нею переговорить о важномъ дѣлѣ, просилъ назначить мнѣ свиданіе?! Нѣтъ, повѣрь мнѣ, мои предчувствія меня не обманываютъ. Тутъ вышло что-то очень неладное. Вѣроятно Александра Николавна объяснилась съ своею матерью. Да наконецъ, сама Наталья Петровна, видя настойчивость, съ которою я добивался свиданія съ нею, должна была догадаться, въ чемъ дѣло. Повѣрь, что если она послѣ этого продолжаетъ избѣгать меня, — это не къ добру!

— Ну, гдѣ же ты видишь, чтобы она тебя избѣгала? старался его успокоить Болотовъ. — Вѣдь могло же случиться, что г-жѣ Марковой въ самомъ дѣлѣ представилась необходимость выѣхать, когда ты вернулся во второй разъ.

— Это такъ. Но какъ же ты объяснишь ея отказъ на слѣдующій день? Я пошелъ къ ней въ два часа. Мнѣ отвѣчали, что генеральша еще почиваетъ. Я вернулся въ три, и мнѣ говорятъ, что ея уже дома нѣтъ. Это ужь, кажется, ясно?

— Какъ же ты не спросилъ про дочь? Въ такомъ случаѣ, кажется, слѣдовало бы объясниться съ молодою дѣвушкою.

— Я такъ и хотѣлъ сдѣлать, но, видно, были уже отданы приказанія на этотъ счетъ. Лакей клялся и божился, что Александра Николавна выѣхала вмѣстѣ съ матушкой.

— А ты бы ему рубль въ зубы, онъ бы другую пѣсню запѣлъ.

— Гмъ!... Нѣтъ, съ легкою запинкою возразилъ Колосовичъ.— Этого я не хотѣлъ. Я люблю и глубоко уважаю Александру Николавну. Я хочу открыто и явно просить ея руки, поэтому и не желаю прибѣгать къ негласнымъ мѣрамъ.

— Ахъ, милый мой, съ досадой возразилъ Болотовъ:—ты все такой же! Осѣдлаешь какую-нибудь мысль, положимъ, и дѣльную, и хочешь идти на проломъ! Вспомни пословицу: не мытьемъ, такъ катаньемъ. Вѣдь ты самъ же говоришь, что г-жа Маркова не возбудила въ тебѣ особенной симпатіи, что она поразила тебя своею торжественностью, претензіями, тривіальностью — такъ чего же тебѣ съ нею церемониться!

— Нельзя. Она все-таки же мать Александры Николавны, рѣшилъ Колосовичъ.—Впрочемъ, я еще не унываю. Если мнѣ не удастся объясниться съ ней словесно, то я могу сдѣлать это письменно. Признаться, я вообще предпочитаю словесныя объясненія, хотя они и не всегда удаются, замѣтилъ онъ, вспомнивъ про свое объясненіе съ Вѣрою Николавною: — но тутъ ужь нечего дѣлать. Когда ты вошелъ ко мнѣ, я именно Натальѣ Петровнѣ и писалъ.

— То-то, ты казался такимъ сконфуженнымъ... Извини, пожалуйста. Я вѣдь думалъ, что ты нашимъ проектомъ занятъ.

— Полно тебѣ извиняться. Теперь ты все знаешь. Да вотъ, прочитай это письмо, и скажи свое мнѣніе, сказалъ Колосовичъ, передавая ему бумагу.

Болотовъ сталъ читать письмо про себя, пока Колосовичъ задумчиво прохаживался по комнатѣ.

— Ну, что̀? спросилъ Алексѣй Михайловичъ, останавливаясь передъ Болотовымъ.

— На сколько я узналъ г-жу Маркову изъ твоего разсказа, она этого письма не пойметъ.

— Однакоже, оно не покитайски написано.

— То-то и есть, что порусски, съ увѣренностью возразилъ Болотовъ. — Это одно! Провинціальныя барыни, въ родѣ г-жи Марковой, предпочитаютъ изъясняться пофранцузски. Онѣ считаютъ это болѣе comme il faut.

— Ну, нѣтъ; въ этой барынѣ, по крайней мѣрѣ, хоть то хорошо, что она безъ нужды не коверкаетъ французскаго языка, замѣтилъ Колосовичъ.

— Положимъ. Я на этомъ пунктѣ не настаиваю. Это было сказано только для того, чтобы ты понялъ, въ какомъ свѣтѣ я себѣ представляю эту Наталью Петровну. Но главный недостатокъ твоего письма состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ просто, слишкомъ задушевно, слишкомъ скромно въ отношеніи къ самому тебѣ. Къ чему, напримѣръ, вотъ хоть эта фраза: „Я знаю, что я не представляю ни одного изъ условій, требуемыхъ отъ такъ-называемыхъ блистательныхъ жениховъ и т. д.“, къ чему это

— Да развѣ это несправедливо? Развѣ я подхожу подъ названіе блистательнаго жениха?

— Это другой вопросъ. Но съ такой женщиной, какъ г-жа Маркова, опять-таки повторяю тебѣ, что я ее сужу по твоему описанію, твоя неумѣстная скромность не поможетъ. Допустимъ на минуту, что твои предположенія справедливы, и что Наталья Петровна, зная причину, по которой ты добиваешься свиданія съ ней, преднамѣренно избѣгаетъ тебя. Неужели же ты полагаешь, что это письмо, въ которомъ ты просишь руки ея дочери, напирая на скромность твоего свѣтскаго положенія, поколеблетъ ея недоброжелательство?

— Такъ, по твоему, что̀ же я долженъ написать?

— Вопервыхъ, по моему, вовсе не слѣдовало бы писать; я бы сначала постарался развѣдать, что̀ и какъ, а потомъ повелъ бы искусную контръ-мину: дарилъ бы людей, имѣлъ бы свиданіе съ дѣвицей, или, по крайней мѣрѣ, хоть бы переписывался непосредственно съ нею, а не съ ея мамашей.

— Нѣтъ. Я уже сказалъ тебѣ, что я этого не сдѣлаю, рѣшительно отвѣтилъ Алексѣй Михайловичъ.

— Ну, это твое дѣло, возразилъ Болотовъ, пожимая плечами.— Только ужь если ты хочешь побѣдить предубѣжденіе г-жи Марковой, такъ ты заговори на языкѣ, удобопонятномъ для нея; скажи, напримѣръ: что, хотя ты не имѣешь княжескаго титула, но что, тѣмъ не менѣе, твой родъ происходитъ отъ Рюриковичей, въ чемъ свидѣтельствуетъ княжеская корона въ твоемъ гербѣ. Скажи, что у тебя надежды на блистательную карьеру, скажи, однимъ словомъ, все то, что̀ тебѣ угодно, только не взывай къ сердцу и здравому смыслу Натальи Петровны. У этихъ Наталій Петровенъ нѣтъ ни того, ни другого.

— Нѣтъ, это мнѣ не по сердцу, да я бы даже и не съумѣлъ написать такой чепухи, еслибы и захотѣлъ. Помилуй, я пишу письмо, отъ котораго, можетъ быть, зависитъ вся моя судьба... и вдругъ стану...

— Ахъ, братъ! Непрактичный ты человѣкъ! Съ волками жить—поволчьи выть.

— Да чѣмъ же, право, это письмо нехорошо? въ раздумьи спросилъ Колосовичъ. — Кажется, и горячо, и почтительно, и ясно...

— Я тебѣ свое мнѣніе уже сказалъ, отвѣчалъ Болотовъ, вставая и готовясь уйти:—навязывать своихъ совѣтовъ я не стану, но повѣрь безпристрастному и практичному человѣку. Если ты хочешь письмомъ достигнуть хорошаго результата, то замѣни скромность самонадѣянностью и увѣренностью въ себѣ.

У насъ, къ несчастью, цѣнятъ не по заслугамъ, а по словамъ. Dixi.. Засимъ, любезный Колосовичъ, я долженъ идти. Я теперь вполнѣ понимаю, что тебѣ, въ настоящее время, не до нашего предпріятія. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ работать за двоихъ. Пойду искать волонтера, чтобы помочь мнѣ въ выборѣ подлежащихъ статей изъ губернскихъ вѣдомостей. У меня вся квартира ими набита. Прощай.

Оставшись одинъ, Колосовичъ внимательно обсудилъ все, что̀ ему сказалъ Болотовъ; перечиталъ еще разъ свое письмо, и кончилъ тѣмъ, что послалъ его Натальѣ Петровнѣ, не перемѣнивъ ни одного слова. Алексѣй Михайловичъ вообще не любилъ отказываться отъ своихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе въ вопросѣ, столь близко до него касающемся.

VIII.

Западня.

Съ того вечера, какъ Ѳекла Ильинична, сидя на постели въ темной комнатѣ Саши, баюкала ее какъ ребенка, между молодой дѣвушкой и старой няней установились отношенія еще задушевнѣе прежняго. У нихъ было общее горе: онѣ вмѣстѣ поплакали. Правда, что Ѳекла Ильинична слишкомъ строго придерживалась старинныхъ правилъ, чтобы осмѣлиться послѣ первой вспышки негодованія явно порицать крутую выходку Натальи Петровны противъ своей дочери: но за то сколько ласки и нѣмаго состраданія было въ ея обращеніи съ Сашею! Съ какою нѣжною заботливостью старалась она успокоить порывы горя молодой дѣвушки, перваго сильнаго горя, которое она испытала на своемъ вѣку! А между тѣмъ, никто не помнилъ, чтобы Ѳекла Ильинична, въ своей молодости, сама когда-либо страдала этимъ недугомъ, называемымъ любовью. Но сердце у нея было горячее, любящее, и она инстинктивно предугадывала то, что̀ могло развлечь Сашу отъ ея заботы. Не проходило дня, чтобы она чѣмъ нибудь не намекнула на Колосовича, хотя тщательно избѣгала произносить его имя, изъ опасенія, какъ бы Наталья Петровна не услыхала и не прогнѣвалась на нее. За то, когда Ильинична сидѣла у себя одна въ комнатѣ, вся ея бодрость, все ея напускное веселье, мигомъ исчезали. Она угрюмо принималась за свое вязанье, и съ лихорадочною поспѣшностью выдергивая спицу за спицею, по цѣлымъ часамъ не сводила глазъ съ работы, все придумывая какое-нибудь средство, чтобы

помочь горю своей любимицы. Она слишкомъ хорошо знала Наталью Петровну, чтобы попытаться умилостивить ее, тѣмъ болѣе, что Наталья Петровна, послѣ перваго пыла своего гнѣва, обходилась съ своею дочерью какъ-будто между ними ничего не происходило. Правда, у нея безпрестанно прорывались всякіе намеки на „охотниковъ до богатыхъ невѣстъ", на „шаромыжниковъ", на „непонятыхъ рыцарей свободы"; но эти намеки не сопровождались колкостями въ отношеніи самой Саши. Напротивъ, Наталья Петровна стала гораздо ласковѣе къ ней. Она какъ будто заискивала ея расположеніе, часто съ ней разговаривала и только изрѣдка, и то какъ будто мимоходомъ, упоминала о значеніи, которое можетъ имѣть свѣтское положеніе мужа въ супружеской жизни. Впрочемъ, про Миловецкаго она рѣдко говорила, и даже не упрекнула свою дочь за то, что она ушла къ себѣ въ комнату, когда нѣсколько дней послѣ бала княгини Глинской, блистательный адъютантъ пришелъ навѣстить Наталью Петровну.

Жизнь Марковыхъ стала понемногу входить въ свою обыкновенную колею, когда въ одно утро Саша разучивала какую-то пьесу на фортепіано, поджидая появленія своей матери въ гостиной. Появился лакей у двери и вопросительно заглянулъ въ комнату.

— Письмо? отъ кого? сама не зная почему, съ волненіемъ спросила Саша, и взглянувъ на надпись, тотчасъ вся вспыхнула. Она узнала почеркъ Колосовича.

— Хорошо, проговорила она, отдавая письмо лакею:—передай его Варварѣ и вели его подать Натальѣ Петровнѣ, какъ только она позвонитъ.

По удаленіи лакея, Саша попробовала снова приняться за игру, но это ей не удалось. Ноты такъ и прыгали у ней передъ глазами. Она быстро встала и побѣжала къ Ѳеклѣ Ильиничнѣ.

— Няня, онъ прислалъ письмо! объявила она таинственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганнымъ голосомъ.

— Кому это, матушка, письмо-то? Вамъ, што ли? спросила Ильинична, опустивъ работу на колѣни и глядя черезъ свои большіе серебряные очки.

— Н-ѣтъ! съ досадой воскликнула Саша.—Не мнѣ! мама!

— А-а! Наталья-то Петровна, должно быть, еще не встали? спросила Ильинична.

— Не знаю. Ты бы спросила. Я не хочу идти сама, а то мама сейчасъ догадается.

— Что же, матушка, это можно. Отчего не спросить, охотно

согласилась няня, обрадованная, что можетъ чѣмъ-нибудь услужить Сашѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Ѳекла Ильинична вернулась съ извѣстіемъ, что Наталья Петровна сейчасъ спросила себѣ кофе и что ей подали письмо.

— Ну, что-то будетъ, проговорила Саша, со страхомъ.

— Ничего, матушка, не извольте напрасно безпокоиться... все хорошо выйдетъ, вотъ помяните мое слово, ободряла ее няня.— Я вамъ и на картахъ давича гадала, и все, знаете, такъ хорошо выходило, право! И письмо тутъ было — тузъ бубновый, а рядомъ девятка трефъ лежитъ—ну, значитъ, полная удача!

Саша съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ стала ожидать появленія Натальи Петровны, которая, какъ нарочно, въ этотъ день, очень запоздала за своимъ туалетомъ. Она вышла около четырехъ часовъ уже совсѣмъ одѣтая, чтобы выѣхать. Саша тревожно взглянула на нее.

— Что это, мама, неужели вы уже ѣдете? спросила она, здороваясь съ нею.

— Да, милая моя, я должна выѣхать. Я обѣщалась Вѣрѣ Вязиной заѣхать за ней, чтобы вмѣстѣ отдать визитъ княгинѣ Глинской.

Саша ожидала увидать признаки неудовольствія, или даже, можетъ быть, возобновленіе гнѣва, а вмѣсто того получила снисходительный и ласковый отвѣтъ. Это ее озадачило, тѣмъ болѣе, что въ ласковомъ тонѣ матери слышалось что-то притворное. Саша покорилась необходимости: надо было выждать случая, чтобы развѣдать, въ чемъ состояло посланіе Алексѣя Михайловича, и какое оно произвело впечатлѣніе. Время до обѣда длилось до безконечности. Наконецъ, Наталья Петровна вернулась. Она прошла прямо къ себѣ въ комнату, заперлась въ ней на ключъ и приказала подавать кушать получасомъ позже обыкновеннаго. Къ столу она вышла съ какимъ-то сосредоточеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующимъ видомъ, какъ будто успѣшно довершила важное дѣло.

— Что вы, мама, застали княгиню Глинскую? спросила Саша, не зная какъ подступиться къ вопросу о письмѣ.

— Мы къ ней совсѣмъ и не ѣздили. Вѣра вдругъ почему-то раздумала.

— И вы такъ нигдѣ, кромѣ у Вѣры Николавны, не были?

— Нигдѣ. Я все время у Вѣры сидѣла. У насъ шелъ презанимательный разговоръ, прибавила Наталья Петровна, двусмысленно улыбаясь.

— Право? Про что же?

Но Наталья Петровна, не проронила ни одного слова къ разъясненію любопытнаго вопроса. Наконецъ Саша не вытерпѣла, и когда вставали изъ-за стола, спросила:

— Мама... вы сегодня получили письмо? Отъ кого оно было? Саша чуть-чуть не остановилась посреди своего вопроса,—до того она сконфузилась.

Наталья Петровна, шедшая впереди дочери въ гостиную, обернулась, какъ будто ее кто-нибудь ужалилъ.

— А ты почему знаешь, что я получила письмо? рѣзко спросила она.

— Я видѣла его прежде, чѣмъ вамъ его подали.

— Это безпорядокъ! Этого не должно быть. Совершенно лишнее, чтобы весь домъ видѣлъ мои письма, прежде чѣмъ я ихъ получаю! затараторила Наталья Петровна. Она намѣревалась тотчасъ же разразиться грозой противъ провинившагося лакея, но подумавъ немного, отложила выговоръ до другого раза. Ей предстояло объясненіе болѣе серьёзное. Съ величавымъ и холоднымъ достоинствомъ опустилась она на свою кушетку, и сказала:

— Благо ты видѣла письмо, я полагаю, что ты вѣроятно также знаешь, отъ кого оно. Не думаю, чтобы ты не знала его почерка.

Саша смутилась и молча опустила голову.

— Да, продолжала Наталья Петровна: — онъ осмѣлился писать мнѣ. Я не полагала, чтобы его нахальство могло дойти до этого! Господинъ Колосовичъ сдѣлалъ вамъ честь просить вашей руки! объявила она съ невыразимымъ презрѣніемъ въ тонѣ. Саша вся затрепетала. Она взглянула-было на свою мать, но тотчасъ же опустила глаза, увидавъ насмѣшливое выраженіе ея лица. — Да, да, нечего смотрѣть-то! Вотъ до чего насъ довелъ бдительный надзоръ твоей почтенной тетушки. Впрочемъ, я и ей написала. Не поздоровится ей отъ моего письма!

— Развѣ вы Алексѣю Михайлычу отвѣчали? робко спросила Саша.

— Разумѣется. На такое письмо было бы невѣжливо не отвѣчать, отвѣтила Наталья Петровна тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Что̀ же вы ему сказали? еще тише спросила Саша. Слезы подступали у ней къ горлу.

— А то, милостивая государыня, крикнула вдругъ Наталья Петровна, давно уже крѣпившаяся: — что онъ второй разъ не сунется! Я ему высказала, какого я мнѣнія насчетъ искателей

приключеній и богатыхъ невѣстъ; я ему сказала, что я думаю про всякихъ авантюристовъ, которыхъ увольняютъ отъ службы за вольнодумство и неспособность, и которые потомъ скитаются изъ угла въ уголъ, проповѣдуя какія-то новыя теоріи и новыя начала! Я ему все высказала, все! А для того, чтобы отбить у него всякую охоту на дальнѣйшія попытки,—тутъ Наталья Петровна самодовольно усмѣхнулась, какъ будто гордилась искусствомъ своей продѣлки: — я намекнула, что уже имѣю для тебя кого-то въ виду...

Саша слушала разсказъ своей матери съ глубокимъ сокрушеніемъ. Но при послѣднихъ словахъ Натальи Петровны, она вдругъ вздрогнула и выпрямилась.

— Вы ему сказали, что я несвободна?

— Ахъ, милая моя, какъ ты не хочешъ понять...

— Напротивъ, я очень хорошо понимаю. Вы его обманули, безсовѣстно обманули, давъ ему понять, что я его не люблю... а я этого не потерплю!

Наталья Петровна до того изумилась, что не нашлась даже что̀ отвѣтить.

— Нѣтъ, не потерплю! Знайте же, мама, я люблю Алексѣя Михайловича и что̀ бы вы со мной ни сдѣлали, я клянусь передъ Богомъ, что никогда ни за кого другого замужъ не выйду!

Саша совершенно преобразилась: робкая, застѣнчивая дѣвушка исчезла, уступивъ мѣсто рѣшительной женщинѣ, отстаивающей свои права. Сначала, подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства, она говорила громче обыкновеннаго, голосъ ея дрожалъ, она задыхалась; но произнося свою клятву, она какъ будто успокоилась. Видно было, что она вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ значеніи своихъ словъ.

Наталья Петровна была изъ тѣхъ натуръ, которыя, сами не умѣя владѣть собою, чувствуютъ невольное уваженіе къ спокойному, но твердому проявленію воли. Она была заносчива до крайности, но почувствовавъ отпоръ, умѣла сдерживать порывы своего негодованія. То же самое произошло и теперь. Въ первую минуту гнѣва, возбужденнаго въ ней неожиданнымъ упорствомъ дочери, она чуть не задохнулась. Она тщетно искала подобающихъ выраженій, чтобы казнить ими Сашу. Она произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ, глядя на нее съ растеряннымъ выраженіемъ лица, и потомъ вдругъ замолкла.

— Послушай, Саша, сказала она немного спустя, и съ трудомъ переводя дыханіе: — подумала ли ты о значеніи произнесенной тобою клятвы?

— Да, мама, я вполнѣ понимаю то, что̀ сказала!

— Однако, какъ же это... ты знаешь, что я тебѣ своего благословенія не дамъ; ты знаешь, что состояніе *мое*, что я изъ него не дамъ ни гроша, если ты выйдешь замужъ противъ моей воли; а у господина Колосовича, какъ онъ, впрочемъ, и самъ признается, нѣтъ ни копейки за душой...

— Мама, вы меня не поняли, поспѣшила возразить Саша. — я никогда не думала и не подумаю выйти замужъ безъ вашего благословенія: я только говорю, что пока мое сердце принадлежитъ... ему, я не могу выйти замужъ за другого.

Увидавъ, что сопротивленіе, которое она встрѣтила въ своей дочери, не шло такъ далеко, какъ она предполагала, Наталья Петровна немного ободрилась.

— Еще бы! Посмотрѣла бы я, какъ бы ты вышла замужъ противъ моей воли! воскликнула она съ самоувѣренностью.— Про это рѣчи не можетъ быть. Но разсуди, пожалуйста, что̀ ты выиграешь своимъ упрямствомъ? Ты пропустишь случай пристроиться, пріобрѣсти прекрасное положеніе въ свѣтѣ, наконецъ выѣздъ ко двору, — и изъ-за чего? изъ-за ребяческой восторженности, изъ-за мнимой привязанности къ какому-то негодяю.

— Мама, я вамъ сказала:—я Алексѣя Михайловича люблю! съ достоинствомъ перебила ее Саша.

Наталья Петровна крякнула, будто поперхнулась.

— Люблю! люблю! повторяла она, сдерживая свой гнѣвъ на сколько могла. — Заладила одно слово, и воображаетъ себѣ, что попала въ героини какого-нибудь романа! Да подумала ли ты, стоитъ ли онъ этой любви? разсудила ли ты, что̀ именно онъ въ тебѣ любитъ—тебя или состояніе, которое онъ надѣется за тобою взять?

— Вы напрасно оскорбляете Алексѣя Михайловича! Повѣрьте, что если я ему отдала свое сердце, то это потому, что я увѣрена въ немъ...

— Ну, разумѣется!... ты вѣдь мудрецъ!... Скажите пожалуйста: *„я увѣрена въ немъ“*! передразнила Наталья Петровна свою дочь.—Спроси-ка у него, мало-ли кого онъ на своемъ вѣку увѣрялъ въ безкорыстной любви?

— Еслибы это было, то онъ сказалъ бы мнѣ, съ убѣжденіемъ отвѣчала Саша.

— Да, какъ-же! Ты глупа, и больше ничего!.... да еще вдобавокъ упряма, дерзка, непочтительна..... Наталья Петровна вдругъ вскипятилась.... Да, да! непочтительна къ своей матери, дерзкая дѣвчонка! повторила она громче прежняго.—Какъ ты смѣешь мнѣ о такихъ пустякахъ говорить?! Вбила себѣ въ

голову, что любитъ чортъ-знаетъ кого, и воображаетъ, что она какая-то Дездемона... Нѣтъ, мать моя, видно, ты меня еще мало знаешь! Выбью я у тебя эту дурь изъ головы!... Выучу я тебя влюбляться во всякаго встрѣчнаго-поперечнаго!... А если этотъ негодяй вздумаетъ еще, послѣ моего письма, навязывать мнѣ свою личность, такъ я его велю выгнать изъ дома лакеями. Понимаешь? А теперь ступай къ себѣ, и постарайся образумиться.

Перебирая въ своемъ умѣ разговоръ съ Натальей Петровною, Саша обратила особенное вниманіе на письмо, которое было написано въ отвѣтъ Колосовичу. Ее тревожила мысль, что Алексѣй Михайловичъ можетъ подумать что слова, сказанныя на ея счетъ, получили его одобреніе. Сгоряча, она хотѣла сама писать къ нему, чтобы оправдаться. Но, вопервыхъ, она не знала его адреса, а вовторыхъ она успокоилась мыслью, что на сколько она сама вѣрила любви Колосовича, на столько вѣроятно и онъ былъ увѣренъ въ ея привязанности, слѣдовательно не нужно было никакихъ оправданій съ ея стороны. За то желаніе передать ему разговоръ съ матерью, спросить его совѣта,—однимъ словомъ, желаніе видать Алексѣя Михайловича стало мучить ее неотступно. Она смутно надѣялась встрѣтиться съ нимъ на какомъ-нибудь балу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрывала отъ себя всю шаткость этой надежды, зная, какой Колосовичъ не охотникъ до свѣтскихъ увеселеній. Надо было положиться исключительно на случай, или же предупредить Алексѣя Михайловича, что она желаетъ съ нимъ объясниться. Не будучи въ состояніи сама рѣшить этого вопроса, Саша пошла посовѣтоваться съ своимъ старымъ другомъ, Ѳеклою Ильиничною.

Хотя Ѳекла Ильинична была вообще не очень догадливаго ума, но въ отношеніи къ Саши пользовалась особенною прозорливостью, которая заставляла ее угадывать состояніе ея души по одному взгляду. Поэтому Александра Николаевна не успѣла войти въ комнату, какъ старушка уже спросила у ней съ теплымъ участіемъ:

— Ну что, голубушка моя, видно узнала что нибудь про письмецо?

Саша разсказала ей все, но когда она выразила желаніе какъ-нибудь предупредить Колосовича о томъ, что хотѣла бы имѣть съ нимъ свиданіе, то старушка рѣшительно возстала противъ этого.

— Нѣтъ ужь, матушка моя, Александра Николавна—это не дѣло!.... возразила она такимъ тономъ, какъ будто Саша ее обидѣла.—Признаться сказать, я этого отъ васъ и не ожидала!

Тамъ права-ли Наталья Петровна, или нѣтъ—въ томъ Богъ ей судья, а только свиданія назначать молодымъ кавалерамъ нехорошо.

— Ну, хорошо, няня, не буду, только ты мнѣ посовѣтуй что̀ дѣлать, согласилась Саша.

Ѳекла Ильинична призадумалась. Видно было, что она напрягала всѣ свои умственныя способности, чтобы придумать какой-нибудь исходъ, который могъ бы удовлетворить Сашу, не оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ материнскаго авторитета.

— А знаете что? нерѣшительно сказала она.—Вы бы, матушка моя, съ графиней посовѣтовались.

— Съ Вѣрою Николавною? удивилась Саша.—Къ чему?

— Да вотъ видите, какъ Наталья Петровна ихъ уважаютъ, такъ я думаю, ужь не попросить ли вамъ графиню, чтобы она словечко за васъ замолвила.

— Ахъ, нѣтъ, няня, какъ же это возможно! Я никогда не рѣшусь сказать Вѣрѣ Николавнѣ, что я... что я хотѣла бы видѣться съ Алексѣемъ Михайловичемъ.

— Зачѣмъ ей говорить, что вы съ нимъ видѣться желаете? этого говорить не слѣдуетъ. А вы скажите только, что такъ и такъ, молъ, добрый человѣкъ за меня сватается, а маменька не позволяетъ; такъ не будетъ ли вашей милости замолвить словечко...

Саша покачала головой.

— Нѣтъ, я никогда не рѣшусь признаться ей въ своей любви, повторила она.—Пойдутъ разспросы, допросы: когда я его узнала, да гдѣ, да что̀ онъ мнѣ говорилъ.

— Ахъ ты простота сердечная! ласково усмѣхнулась Ѳекла Ильинична.—Да неужели же вы думаете, что Наталья Петровна имъ уже не разсказали все какъ есть? Безпремѣнно все сказала, и про письмо сказала. Да! А вы думаете, что маменька-то, такъ просто къ нимъ ѣздила? Ахъ вы, голубка моя! мало, видно, на свѣтѣ пожили, что порядокъ не знаете!

— Ты думаешь, что Вѣра Николавна все знаетъ? задумчиво спросила Саша.

Въ концѣ концовъ, Саша не отвергала совѣта. Она сознавала, что въ немъ была своя доля правды и практичности, и съ упругостью, свойственною молодымъ натурамъ, отъ унынія овладѣвшаго ею за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вдругъ перешла къ самымъ радостнымъ надеждамъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Наталья Петровна очень удивилась, увидавъ не только спокойное, но даже почти веселое выраженіе лица своей дочери. Зная впечатлительность Саши, она

думала найти ее убитую горемъ, и вмѣсто того встрѣтила ласковую улыбку и видимое желаніе изгладить дурное впечатлѣніе, которое могло оставить ея неожиданная выходка по поводу письма Колосовича. Наталья Петровна сначала недовѣрчиво отнеслась къ этой перемѣнѣ, но такъ-какъ Саша не умѣла лукавить, то она же сама дала ключъ къ разгадкѣ настроенія своего духа, попросивъ позволеніе поѣхать навѣстить Вѣру Николаевну. Наталья Петровна тотчасъ смекнула, съ какою цѣлью Саша рѣшилась на это посѣщеніе, но такъ-какъ съ ея стороны были уже приняты мѣры, чтобы графиня не употребила своего вліянія въ пользу Колосовича, то она охотно согласилась, даже одобрила намѣреніе своей дочери.

На другое утро, съ тревожнымъ сердцемъ, исполненнымъ попеременно то свѣтлыми надеждами, то непреодолимою робостью, Александра Николаевна собралась ѣхать къ графинѣ Вязиной. Ее сопровождала Ѳекла Ильинична, которая по этому случаю принарядилась. Она надѣла черное саржевое платье, шелковый степенный капоръ и рыжую лисью шубу, покрытую также порыжѣвшимъ чернымъ полуатласомъ, изъ-подъ которой выглядывалъ ея неизмѣнный коричневый платокъ. Ей такъ рѣдко случалось выходить изъ дому иначе какъ въ церковь, что она считала предстоящій визитъ необыкновеннымъ происшествіемъ.

Графиня не выходила еще изъ своей уборной, когда ей доложили объ Александрѣ Николаевнѣ. Раннее это посѣщеніе ее немного удивило, но она тотчасъ догадалась, что оно вѣроятно было сдѣлано съ какой-нибудь особенною цѣлью, и потому охотно отдала приказаніе просить Александру Николаевну прямо къ себѣ въ уборную.

— Здравствуйте, красавица моя! Какая счастливая мысль пришла вамъ навѣстить меня? привѣтливо сказала графиня, цалуя Сашу въ обѣ щеки. — Боже мой! что за розы!... замѣтила она, любуясь ея румянцемъ. Послѣ этого нечего и спрашивать, здоровы-ли вы?

— Это такъ, съ морозу-съ у нихъ щеки-то разгорѣлись, объяснила Ѳекла Ильинична, вошедшая вмѣстѣ съ Сашею.

— Ахъ, милая моя, здравствуйте! любезно улыбнулась ей Вѣра Николаевна. — Я съ радости, что увидала вашу милую барышню, съ вами такъ и не поздоровалась. Александра, продолжала она, обращаясь къ своей горничной:—вотъ тебѣ гостья: займись ею какъ слѣдуетъ, напой ее чаемъ, а мы пока съ Сашей вдоволь наболтаемся. Я вѣдь васъ, душенька, цѣлыхъ тысячу лѣтъ не видала.

Простое обращеніе графини, ея привѣтливая, веселая улыбка,

ея ласкающій взглядъ ободрили Сашу и совершенно обворожили Ѳеклу Ильиничну. Одна только Александра Кузьминична какъ-то косо взглянула на Вѣру Николаевну и плотнѣе прежняго сжала свои безцвѣтныя губы.

— Мама здорова? спросила графиня, продолжая одѣваться. — Вѣрно въ попыхахъ? Готовится съ сегодняшнему балу?

— Да, мама говорила, что на балахъ дворянскаго собранія надо быть еще наряднѣе, чѣмъ на прочихъ.

— Конечно. Да оно и очень естественно. Въ дворянскомъ собраніи, всякій кто заплатитъ 5 рублей, можетъ пріѣхать на балъ. Вслѣдствіе этого набирается много всякаго народа, которому иначе никогда бы не представилось случая увидать нашъ кружокъ въ полномъ его блескѣ. Ну, разумѣется, не хочется осрамиться. Я по этому случаю надѣну новинку отъ Ворта. Только что получила изъ Парижа. Jaune-maïs, отороченный бѣлымъ crêpe lisse; вторая юбка изъ фай vert d'eau,—и все отдѣлано вѣтвями розовой акаціи—знаете, „des grappes tombantes", вотъ увидите. Просто чудо!—А вы что надѣнете?

Саша описала ей свой нарядъ, и увлеченная болтовнею хозяйки, такъ разговорилась, что чуть не потеряла изъ виду цѣль своего посѣщенія. Она сняла мѣховую шапочку и темную кофточку, развязала шелковую косынку, и усѣвшись на креслѣ, возлѣ туалетнаго стола графини, весело болтала и искренно любовалась красотою Вѣры Николаевны.

— Ну, теперь я готова! сказала графиня, взглянувъ на себя въ зеркало.

Лучъ самодовольствія сверкнулъ въ ея глазахъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, была очень хороша въ это утро. Черное бархатное платье плотно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободно обтягивало ея гибкій станъ, и, начиная съ таліи, падало тяжелыми, изящными складками. Тонкую шею ея обхватывалъ воротничокъ изъ венеціанскаго кружева, такого же узора, какъ и кружева, которыя виднѣлись изъ-подъ рукавовъ, а легкій кисейный бантъ, обшитый тѣмъ же кружевомъ, придерживался большою жемчужиною, оправленною въ кольцо изъ крупныхъ бриллiантовъ.

— Какъ хорошо! невольно замѣтила Саша.

— Просто, возразила графиня.—Ну, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ, намъ подадутъ чаю, и мы согрѣемся возлѣ камина. Вѣдь я увѣрена, что вамъ холодно?

Саша почувствовала, что настала минута объясненія. Она опять оробѣла. Усѣлись возлѣ камина, подали чай, и, наконецъ Саша рѣшилась приступить къ вопросу.

— Вѣра Николавна, сказала она, застѣнчиво опуская глаза и обливаясь яркимъ румянцемъ.

— Что, моя милая?

— У меня есть до васъ большая просьба.

Вѣра Николаевна мелькомъ взглянула на нее и, по одному уже смущенію, догадалась о комъ будетъ рѣчь. Злая, ядовитая улыбка скользнула по ея губамъ, но тотчасъ же смѣнилась самымъ радушнымъ и открытымъ выраженіемъ лица.

— Говорите, красавица моя. Вы знаете, какъ я васъ люблю; значитъ, все, что̀ отъ меня зависитъ, будетъ сдѣлано.

Саша не знала, какъ начать признаніе.

— Бьюсь объ закладъ, что дѣло идетъ о какой-нибудь зазнобушкѣ! весело воскликнула Вѣра Николаевна, видя, что застѣнчивость Саши не позволяетъ ей прямо приступить къ дѣлу.

Саша молча кивнула головой, и взглядомъ поблагодарила графиню за то, что она вывела ее изъ затрудненія.

— Ну, такъ что-жь? въ чемъ дѣло? Да вы, душенька, не робѣйте. Вѣдь вы знаете, что я васъ не выдамъ. Такъ будьте-жь откровенны со мной. И мнѣ также когда-то было девятнадцать лѣтъ, поэтому я понимаю, какая иногда бываетъ непреодолимая потребность открыть всю свою душу передъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ. А вѣдь вы меня считаете своимъ другомъ — правда?

Переполненная душа Саши не устояла противъ этихъ ласковыхъ рѣчей, внушавшихъ ей полное довѣріе. Она порывисто бросилась на шею Вѣры Николаевны.

— Благодарю васъ, отъ души благодарю! Еслибы вы знали, какъ мнѣ нужна была ваша ласка, чтобы ободрить меня... да, я вамъ разскажу... Вы меня простите, что я этакъ несвязно говорю... но, знаете, я все боялась вамъ признаться... Ну, слушайте.

Вѣра Николаевна съ живымъ участіемъ смотрѣла на Сашу, ласково поглаживая ея ручку, которую она держала въ своихъ рукахъ.

— Вы помните, въ день вашего бала, вы подошли ко̀ мнѣ подъ конецъ вечера, и спросили, съ кѣмъ я такъ долго говорила?

— Да, помню. Вы говорили съ Колосовичемъ, отвѣчала графиня такимъ тономъ, какъ-будто не понимаетъ, къ чему ведетъ это вступленіе.

— Вы у меня спрашивали, давно ли я его знаю, и гдѣ я съ нимъ встрѣтилась...

— Помню. Все помню, сказала графиня тѣмъ же тономъ. — Но, позвольте. Мы, кажется, удаляемся отъ предмета. Вы вѣдь хотѣли мнѣ сдѣлать какое-то признаніе. Къ чему же мы Колосовича-то сюда впутали?

— Я про него и хотѣла вамъ сказать... смущенно отвѣтила Саша и, понизивъ голосъ, она тихо прибавила: — Алексѣй Михайлычъ просилъ моей руки...

Вѣра Николаевна на минуту какъ будто остолбенѣла. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Сашу, потомъ нагнулась къ ней и еще пристальнѣе заглянула ей въ лицо.

— Алексѣй Михайлычъ просилъ вашей руки? спросила она съ видомъ величайшаго изумленія.

— Да... Что̀ же васъ въ этомъ такъ удивляетъ? смущенно отвѣтила Саша.

— О! это безбожно! это ужасно! Такой гнусный обманъ!... проговорила графиня, всплеснувъ руками.

Саша растерянно смотрѣла на нее, рѣшительно ничего не понимая.

— Вѣра Николавна... объяснитесь..: что̀ это значитъ... что̀ вы хотите этимъ сказать? спросила она.

— Нѣтъ! Это не можетъ быть! Когда онъ вамъ сдѣлалъ предложеніе?

— Мнѣ лично онъ говорилъ объ этомъ три мѣсяца тому назидъ, пока мы были еще за границей. Но вчера онъ писалъ объ этомъ мама.

Саша, подъ вліяніемъ необъяснимаго для нея волненія графини, забыла свою робость.

Вѣра Николаевна посмотрѣла на нее съ соболѣзнующимъ видомъ, медленно покачивая головой.

— Вѣра Николавна... ради Бога... объяснитесь! съ испугомъ воскликнула Саша, схвативъ ее за руки. — Не томите меня... что̀ такое случилось?

— Бѣдная моя Саша! тихо проговорила графиня, притягивая ее къ себѣ и цалуя въ лобъ. — Онъ васъ обманулъ!... онъ васъ не любитъ! О, какая низость!

— Кто меня обманулъ? Алексѣй Михайлычъ? переспросила Саша.

Вѣра Николаевна съ сокрушеннымъ видомъ сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Это ложь... этого не можетъ быть! воскликнула Саша. — Чтобы Алексѣй Михайлычъ *меня*, или кого бы то ни было обманулъ... чтобы онъ былъ способенъ сдѣлать низость... Никогда! Саша съ сердцемъ отдернула свою руку.

— И такъ вы его любите? спросила графиня.

— Да, люблю, отчетливо и смѣло сказала Саша, не спуская глазъ съ своей собесѣдницы, которая съ жаднымъ вниманіемъ ожидала ея отвѣта.—Я его люблю и никогда не повѣрю, чтобы Алексѣй Михайлычъ былъ способенъ на дурной поступокъ.

— Невинное мое дитя! кротко возразила Вѣра Николаевна:— вы еще не знаете, на что способенъ человѣкъ самолюбивый, оскорбленный въ своихъ чувствахъ, человѣкъ энергичный, у котораго ускользнула изъ рукъ давно взлелѣянная мечта...

— Послушайте, Вѣра Николавна, если вы меня хотя немного любите, тревожно заговорила Саша, теряя свою самоувѣренность: — то умоляю васъ, не мучьте меня намеками. Я на столько тверда духомъ, что могу выслушать даже горькую истину и, во всякомъ случаѣ, предпочитаю ее недоумѣнію.

— Я ничего другаго не могу вамъ сказать, какъ забудьте Алексѣя Михайлыча... Онъ недостоинъ вашей любви!

— Боже мой! Да вы сами еще недавно выхваляли его... вы сами говорили...

— Дитя мое, я и теперь не отнимаю у Алексѣя Михайлыча тѣхъ достоинствъ, въ которыхъ отказать ему нельзя, но никогда не питала большаго довѣрія къ искренности его чувствъ, а то, что̀ вы мнѣ сейчасъ про него сказали, окончательно разрушило всѣ мои сомнѣнія на этотъ счетъ.

— Но отчего же? отчего? Вы все не договариваете... это просто пытка!

— Вы меня ставите въ весьма затруднительное положеніе... Есть вопросы, про которые какъ-то странно говорить съ молодой дѣвушкой... кромѣ того... здѣсь замѣшана одна личность...

Графиня заикнулась и какъ-будто призадумалась.

— Послушайте, Саша! воскликнула она съ внезапною рѣшимостью:—могу ли я разсчитывать на вашу скромность? Даете ли вы мнѣ честное слово, что вы никому не скажете того, что̀ я вамъ скажу?

— Обѣщаюсь. Вотъ вамъ моя рука.

— Помните-жь, *никому*... даже вашей матери. Честное слово? спросила она, пытливо смотря на Сашу.

— Будьте покойны..! я вамъ даю честное слово, увѣренно повторила Саша.

— Такъ слушайте: не прошло еще недѣли, какъ Колосовичъ объяснялся въ любви другой женщинѣ.

Саша даже не моргнула. Недовѣрчивая улыбка появилась на ея губахъ, и она только отрицательно кивнула головой.

— Вы ошибаетесь, Вѣра Николавна, васъ вовлекли въ обманъ. Этого не можетъ быть, спокойно сказала она.

Вѣра Николаевна сверкнула глазами. Оно не ожидала встрѣтить такой стойкости въ молодой дѣвушкѣ.

— Я вамъ говорю, что я *увѣрена* въ томъ, что̀ я вамъ сказала, повторила она немного раздражительно.

— И вы... эту женщину знаете?

— Знаю.

— Кто же она?

Вѣра Николаевна немного замялась. Она на мгновеніе опустила глаза и судорожно шевельнула бровями, потомъ рѣшительно взглянула на Сашу и глухимъ голосомъ произнесла одно слово:

— Я.

Саша не сразу поняла этотъ короткій отвѣтъ.

— Вы?... вы?... прошептала она, блѣдная.

Лицо ея выражало нестерпимую боль. Сердце щемило въ груди, она обѣими руками придерживала его біеніе. Вѣра Николаевна, какъ бы подъ бременемъ изнеможенія, опустила голову на грудь и съ намѣреніемъ не прерывала томительнаго молчанія.

— Но, можетъ быть... вы ошиблись... можетъ быть... вы не такъ поняли?... съ усиліемъ проговорила Саша.

Вѣра Николаевна насмѣшливо улыбнулась.

— Въ такихъ вещахъ не ошибаются, сказала она съ оттѣнкомъ презрѣнія.

Ея самолюбіе было задѣто за живое. Ее раздражала мысль: „какъ можетъ эта дѣвчонка, глядя на меня, помышлять о возможности ошибки?“

— Какъ? онъ вамъ говорилъ, что онъ васъ любитъ? тому назадъ недѣлю?... Значитъ, на другой день послѣ бала? то-есть послѣ объясненія, которое мы съ нимъ имѣли здѣсь у васъ въ домѣ?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть!

Вѣра Николаевна медленно подняла на нее свои сѣрые, зловѣщіе глаза, брови ея нахмурились. Ядовитая улыбка затрепетала на губахъ.

— Что же вы думаете? Что я *лгу*? тихо спросила она.

— Ахъ, нѣтъ! Извините меня... ради Бога!... Я сама не знаю, что̀ говорю... Но, какъ же это... на другой день послѣ того, что... Когда это было? вдругъ спросила Саша, схватываясь за голову, съ выраженіемъ страшнаго испуга.—Утромъ... или вечеромъ—говорите?

Она вспомнила, что Колосовичъ въ этотъ день отказался пойти къ Софьѣ Петровнѣ подъ предлогомъ, что не можетъ располагать своимъ вечеромъ.

— Вечеромъ, спокойно отвѣтила Вѣра Николаевна.—Да, мнѣ помнится даже, что я была у васъ на слѣдующій день, и сказала, что у меня наканунѣ былъ Колосовичъ.

— Да; но вы сказали также, что у васъ было нѣсколько человѣкъ гостей, возразила Саша, цѣпляясь за послѣднюю надежду.

— Въ началѣ вечера... но потомъ всѣ разошлись и остался одинъ Колосовичъ.

— Это ужасно! простонала Саша.

Она никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, что человѣкъ, котораго она уважала болѣе всѣхъ на свѣтѣ, могъ до такой степени злоупотребить ея довѣріемъ.

— Зачѣмъ же онъ просилъ моей руки, если онъ меня не любитъ? проговорила она разбитымъ голосомъ, безсознательно разсуждая вслухъ.

Она невольно задалась этимъ вопросомъ и стала напрягать свои мысли къ рѣшенію его.

— И вы говорите, что онъ просилъ вашей руки? сказала она вслухъ.

Вѣра Николаевна внимательно слѣдила за ходомъ этихъ мыслей на лицѣ молодой дѣвушки. Она видѣла, съ какимъ упорствомъ Саша боролась противъ явныхъ уликъ, приведенныхъ ею противъ Колосовича. Она замѣтила съ чувствомъ самодовольства, что сравненіе, приведенное Сашею между ею и самой собою, окончательно отняло послѣднюю надежду у довѣрчивой и скромной дѣвушки. Но при всемъ томъ, она не ожидала вопроса, который ей предложила Александра Николаевна. Новая мысль блеснула въ ея находчивой головѣ.

— Да, Колосовичъ опять возобновилъ мнѣ свое предложеніе, отвѣтила она, упирая на слово: *возобновилъ*.

— Какъ возобновилъ! съ отчаяніемъ воскликнула Саша. Каждая минута приносила ей новый ударъ, новое открытіе, новое горе. — Развѣ онъ уже и прежде просилъ вашей руки?

— Вы забываете, что я Алексѣя Михайлыча гораздо раньше васъ знала.

— Да, но когда же онъ вамъ сдѣлалъ свое первое предложеніе? нетерпѣливо спросила Саша.

— Съ полгода тому назадъ.

— Да вѣдь онъ въ это время находился за границею!... Онъ тогда пріѣзжалъ къ Ниццу... припомнила Саша.

— Именно. Онъ мнѣ оттуда написалъ письмо.

— Онъ къ вамъ писалъ? невнятно спросила Саша. Мысли ея путались. Она ощущала разрывающую боль въ головѣ.—Есть у васъ это письмо? воскликнула она съ какимъ-то ожесточеніемъ.

— Да. Я его сохранила.

— Покажите его, коротко сказала Саша.

Вѣра Николаевна какъ будто колебалась. Она съ притворнымъ участіемъ взяла Сашу за руку.

— Покажите письмо. Я хочу его видѣть, повторила Саша, не обращая вниманіе на ея ласки.

Вѣра Николаевна развела руками и преклонила голову.

— Вы этого хотите? Извольте! Вѣра Николаевна направилась къ письменному столу. Саша сначала безсознательно слѣдила глазами за ея движеніями, потомъ опустила голову и такъ же безсознательно уставилась въ какую-то неопредѣленную точку.

Между тѣмъ графиня отомкнула одинъ изъ ящиковъ стола. Поверхъ нѣсколькихъ другихъ бумагъ, лежало письмо Колосовича, которое она искала. Вѣра Николаевна мелькомъ взглянула на Сашу, и убѣдившись, что та на нее не смотритъ, проворно спрятала письмо подъ душегрѣйку, накинутую на ея плечи. Потомъ она продолжала рыться въ ящикѣ, и выложила даже нѣсколько бумагъ на столъ.

— Нѣтъ, здѣсь его нѣтъ, замѣтила она вполголоса:—должно быть, я его заперла въ свою шкатулку, въ уборной... Подождите меня, я сейчасъ его принесу, обратилась она къ Сашѣ.

Войдя въ уборную, она плотно притворила за собою дверь, и на всякій случай, безъ шума задвинула внутреннюю задвижку. Затѣмъ она поспѣшно развернула письмо и быстро пробѣжала его глазами. Убѣдившись, что въ немъ не было ничего такого, что̀ могло бы слишкомъ явно противорѣчить ея показаніямъ, она посмотрѣла на число, выставленное на заголовкѣ письма. Оно было написано два года тому назадъ. Вѣра Николаевна взяла съ уборнаго стола ножницы и осторожно отрѣзавъ полоску бумаги во всю ширину листа, письмо положила въ конвертъ и вернулась въ кабинетъ.

— Послушайте, Саша, серьёзно сказала графиня: — одно только можетъ меня извинить — это участіе, которое я принимаю въ вашемъ горѣ... Дайте мнѣ еще разъ слово, что вы никогда, никому не скажете, что я вамъ показывала это письмо.

— Обѣщаюсь вамъ... глухо отвѣтила Саша, протягивая руку, чтобы взять письмо.

Она прочитала:

„Безцѣнная моя Вѣра!“

„Сердце мое изныло отъ разлуки. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя больше не вижу, все какъ будто померкло вокругъ меня“. Саша прервала свое чтеніе, чтобы взглянуть на Вѣру Николаевну. Воззваніе въ началѣ письма, мѣстоименіе „ты“, употребленное на первой же строкѣ, наконецъ, самый смыслъ этихъ страстныхъ словъ, показались ей какимъ-то бредомъ. „Только теперь узналъ я, какъ пламенно, какъ страстно я тебя люблю! Въ минуту возможности лишиться тебя навсегда, я понялъ, что

безъ тебя жизнь — смерть! Я на колѣняхъ благодарю Бога, когда я узналъ, что ты внѣ опасности...".

— Вы были больны? спросила Саша не своимъ голосомъ.

— Да, но не такъ опасно, какъ онъ думалъ, спокойно отвѣтила Вѣра Николаевна.—Бѣдный, какъ онъ тогда безпокоился обо мнѣ, прибавила она вполголоса и снова задумалась. Саша продолжала читать письмо.

„Но оставимъ это. Къ чему вспоминать минувшее горе? Подумаемъ о будущемъ, подумаемъ о радостяхъ, которыя оно намъ сулитъ, о томъ, какъ бы приковать къ себѣ счастье навсегда. Вѣра! я долго не рѣшался писать къ тебѣ. Ты, можетъ быть, еще слишкомъ слаба, чтобы читать эти строки... Но я знаю, что ты меня любишь — и ты меня поймешь..."

— Итакъ, вы любите его? снова спросила Саша, но уже болѣе тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

— *Любила*, поправила Вѣра Николаевна.

„Мое предложеніе поразитъ тебя, но не думай, чтобы я не понималъ его значенія, или не предусмотрѣлъ всѣхъ трудностей, съ которыми оно сопряжено... я все обдумалъ, я все разсудилъ, и, положа руку на сердце, говорю тебѣ: Вѣра! будь моею женою!...".

Саша слабо вскрикнула, у ней помутилось въ глазахъ... письмо выпало изъ рукъ... и она, слегка покачнувшись, припала къ спинкѣ кресла, на которомъ сидѣла.

Вѣра Николаевна, услыхавъ ея возгласъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взглянула на Сашу, но когда увидѣла, что Саша лишилась чувствъ, сіяющее выраженіе разлилось по ея лицу. Она гордо выпрямилась и съ насмѣшливою улыбкою глядѣла на беззащитное, довѣрчивое существо, которое она такъ безпощадно терзала. Насладившись нѣсколько мгновеній этимъ зрѣлищемъ, Вѣра Николаевна тихо встала, подняла съ полу письмо, и съ презрѣніемъ посмотрѣла на него еще разъ. Она судорожно скомкала его въ рукѣ, потомъ порывистымъ движеніемъ бросила его въ огонь, и съ какимъ-то окаменѣлымъ выраженіемъ лица слѣдила, пока оно горѣло. Только тогда очнулась она отъ раздумья, которое ею овладѣло, когда бѣдная дѣвушка, вернувшись къ сознанію, глубоко вздохнула и бросила вокругъ себя вопросительный взглядъ.

— Ну, что, дорогая моя, лучше ли вамъ? заботливо спросила графиня, наклонясь къ ней. Она любовно провела рукой по блѣдному лбу Саши и пощупала у нея пульсъ. — Ну, слава богу, прошло. А напугали-таки вы меня порядкомъ, прибавила она повеселѣвшимъ голосомъ.—Я ужь собиралась за докторомъ

посылать... да все какъ-то не рѣшалась... Я боялась придать огласку этой непріятной исторіи... а вѣдь вы, вѣроятно, сами не пожелаете, чтобы объ этомъ кто-либо зналъ.

— Разумѣется, согласилась Саша.—Я вамъ очень, очень благодарна за ваше вниманіе.. Да вообще я не знаю, какъ васъ благодарить за выказанную вами дружбу. Эти слова вырвались у Саши съ трудомъ. Но мало по малу она стала оправляться отъ своего изнеможенія; только въ это короткое время, она какъ-то осунулась, какъ будто постарѣла нѣсколькими годами. — Надѣюсь, что и впредь ничто не помѣшаетъ намъ остаться друзьями.

— Да что̀ же могло бы намъ помѣшать, я-бы хотѣла знать...

— Я къ тому это говорю, чтобы вы были увѣрены, что никогда не захочу быть помѣхою его... и вашего счастія...

— Что съ вами? про что вы говорите? съ непритворнымъ испугомъ спросила Вѣра Николаевна. Она думала, что Саша не въ своемъ умѣ.

— Послѣ того, что̀ я слышала... послѣ того, что̀ я видѣла, я не могу сомнѣваться, что онъ васъ любитъ.

— Перестаньте! какъ вамъ не стыдно! съ негодованіемъ воскликнула Вѣра Николаевна.—Я догадываюсь, что̀ вы хотите сказать, и повторяю: какъ вамъ не стыдно предполагать, что я соглашусь на его предложеніе. Если я тогда ему отказала... то, конечно, ужь не приму его предложенія теперь, узнавъ какъ онъ поступилъ съ вами!

— Ахъ нѣтъ, Вѣра Николавна,—ради Бога, не порицайте его такъ строго, поспѣшно вступилась Саша.—Онъ поступилъ необдуманно, легко, даже дурно... но повѣрьте, что тутъ не было преднамѣренности... Это письмо онъ написалъ прежде, чѣмъ просилъ моей руки... ну, а второе предложеніе онъ вамъ сдѣлалъ въ минуту увлеченія... Онъ васъ и прежде любилъ... неудивительно, что увидавъ васъ послѣ долгой разлуки... онъ забылъ...

Вѣра Николаевна глядѣла на нее съ изумленіемъ. Она понимала всякаго рода чувства, за исключеніемъ прощенія обиды.

— Только одного я не понимаю, продолжала Саша:—отчего вы не приняли его перваго предложенія... Неужели вы тогда не умѣли его еще цѣнить?...

— Милая моя, довольно рѣзко отвѣтила Вѣра Николаевна:— я вамъ уже сказала, я всегда любила Алексѣя Михайлыча какъ друга; впрочемъ, не станемъ распространяться. Есть вещи, которыхъ вы не можете, да и не должны понимать.

— Однако... начала Саша.

— Однако, шаловливо передразнила ее Вѣра Николаевна, указывая на часы:—однако уже пятый часъ, и съ минуты на минуту можетъ кто нибудь ко мнѣ пріѣхать, и застать васъ врасплохъ, да и мама станетъ безпокоиться... Собирайтесь, моя красавица, и убирайтесь поскорѣе вонъ... Вы видите, какая я гостепріимная... гоню васъ отъ себя изъ дому!

— Да, вы правы. Я не знала, что такъ поздно, покорно отвѣчала Саша, и пошла въ уборную надѣвать свою шляпу. Вѣра Николаевна послѣдовала за ней, и позвонивъ, приказала предупредить Ѳеклу Ильиничну.

— Ну, нянюшка, сказала она ей:—вотъ вамъ ваша барышня. Наболтались мы съ ней досыта. Вы, я думаю, соскучились тамъ съ моей Александрой!... Надѣюсь, что васъ напоили чаемъ?

Ѳекла Ильинична поблагодарила графиню за ея вниманіе, помогая Сашѣ надѣть въ рукава теплую кофточку.

— Да что-же вы, матушка, кофточку-то криво какъ застегнули? спросила она. Саша разсѣянно взглянула на нее, и утвердительно кивнувъ головой, сказала „да“ на угадъ.

— Что да? возразила Ильинична ворчливымъ тономъ.—Я говорю: кофточку вы криво застегнули... а вы говорите: да... Что это, право...

— О, да какая вы, нянюшка, строгая! улыбаясь замѣтила Вѣра Николаевна, и потомъ, цалуясь съ Сашей на прощанье, шепнула ей на ухо пофранцузски: observez-vous, mon enfant; ne vous laissez pas aller. Ѳекла Ильинична слегка нахмурилась: она не любила, чтобы при ней шептались.

Впрочемъ, старая няня была въ восторгѣ отъ своего визита. Все время дороги разсказывала она про внимательное обхожденіе съ нею Александры Кузминичны и восхваляла графиню на всѣ лады.

— Только, вотъ зачѣмъ она съ вами на ушко говорила... вотъ это только нехорошо—а про остальное... что и говорить!... Да что вы, красотка моя, какъ будто пригорюнились?... спохватилась она, замѣтивъ болѣзненный и разстроенный видъ Саши.—Или васъ чѣмъ нибудь тамъ огорчили?... спросила она съ возрастающимъ безпокойствіемъ.

Саша отрицательно покачала головой, едва удерживая слезы.

— Э... да и вправду что-то да случилось... встревожилась старушка:—а я-то съ разу и не замѣтила... Матушка моя, родимая, что̀ съ вами тамъ приключилось?...

— Такъ, няня—ничего, у меня голова разболѣлась...

— Да, голова! недовѣрчиво возразила Ильинична.—Такъ я и повѣрю! будто я не вижу. Нѣтъ, не голова. Да что-же это, ма-

тушка Александра Николавна, вы на меня за что нибудь гнѣваться изволите, что-ли?—или можетъ быть графиня не велѣли сказывать... То-то онѣ съ вами шептались.

— Няня, милая моя, отвѣтила Саша разбитымъ голосомъ:— ради Бога не спрашивай меня теперь, я потомъ тебѣ все разскажу... А теперь не заставляй меня говорить, не то я непремѣнно расплачусь... а ты знаешь, мнѣ надо еще съ мама отобѣдать...

— Ну, ну, хорошо, матушка, не буду, голубушка, не буду... Вы бы окошечко спустили... морозцемъ бы освѣжило... Не буду, касатка моя... Ахъ-ты Господи, Господи! глубоко вздохнула она, сторонясь въ свой уголъ кареты — и до самаго дома уже не разжимала рта.

А. Чернолѣсовъ.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЕ.

ОЧЕРКИ БЫТА КАНТОНИСТОВЪ.

(Окончаніе).

XII.

Преступленія, судъ и расправа.

Смотръ кончился, и будничная жизнь, со всей своею монотонностію, снова вступила въ свои права. Пріѣздъ инспектора возбуждалъ въ кантонистахъ надежду, что ревизоръ, быть можетъ, вникнетъ въ ихъ положеніе и хоть въ чемъ-нибудь измѣнитъ его къ лучшему. Теперь оказывалось, что никакихъ улучшеній не предвидится, и тѣмъ тяжелѣе стало на душѣ кантонистовъ. Носились слухи, будто учитель Сибиряковъ ходилъ къ инспектору съ жалобой, но зоркое начальство не допустило его къ нему; стало быть, можно было разсчитывать, что невзгоды еще усилятся...

Учителей, «людей, занимавшихся воспитаніемъ юношества,— людей, которыхъ должно содержать въ благоприличномъ уваженіи» [1], воспрещалось подвергать тѣлесному наказанію. Несмотря на то, ихъ всегда и за все наказывали безъ малѣйшаго стѣсненія; они, забитые, пріученные къ дранью, сносили его, какъ нѣчто должное, неизбѣжное, много лѣтъ сряду. Но вотъ среди учителей появился нѣкто Сибиряковъ, человѣкъ молодой, развитой и съ пылкимъ характеромъ. Будучи хорошимъ учителемъ, онъ, какъ нарочно, никуда не годился по фронту, а такъ-какъ фронтъ составлялъ наиважнѣйшую часть кантонистской науки, то и не проходило ученья, чтобы онъ не подвергся послѣ него побоямъ, униженіямъ и оскорбле-

---

[1] Такъ гласило циркулярное предписаніе по заведеніямъ департамента военныхъ поселеній, отъ 9-го октября 1818 года.

ніямъ. Долго терпѣлъ онъ и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, пошелъ жаловаться инспектору, у квартиры котораго его задержали. Это его не остановило. Онъ склонилъ учителей на общую жалобу, которую написалъ, прочиталъ имъ и отправилъ въ Петербургъ. Нѣкоторое время спустя, по казармамъ разнеслось, будто бы Сибиряковъ укралъ у кого-то изъ учителей часы; его за это арестовали и тотчасъ же предали суду. Вѣсть эта просто ошеломила все заведеніе: въ честности Сибирякова никто не сомнѣвался, и большинство говорило, что ему, за его намѣреніе жаловаться, съ умысломъ подкинули часы, чтобы имѣть право придраться къ нему. Пока тянулось судбище, наѣхалъ ревизоръ, другой ужь генералъ, прошелъ по казармамъ, потребовалъ къ себѣ всѣхъ учителей. Учителя выстроились въ длинную шеренгу и получили приказаніе входить въ слѣдующую комнату по одному.

— Сколько лѣтъ въ службѣ? ласково спросилъ ревизоръ перваго, Орлова.

— Двадцать-первый годъ пошелъ, ваше прев-ство.

— И имѣешь нашивки?

— Двѣ-съ, да кромѣ того, представленъ къ производству въ чиновники [1].

— Такъ скажи же мнѣ, братецъ, по совѣсти: сѣкъ тебя начальникъ тогда-то и тогда?

— Виноватъ-съ, ваше прев-ство, наказали два раза, сорвалось у него съ языка.

— За что именно?

— За неисправности по капральству, которымъ я управляю.

— Въ чемъ неисправность заключалась?

— Съ планокъ кроватей пыль не была стерта, начальникъ это замѣтилъ и изволилъ наказать-съ...

— А другой какой былъ твой проступокъ?

— Не... не... пом... не припомню-съ, въ расплохъ...

— Важнѣе перваго, или нѣтъ?

— Въ этомъ же родѣ-съ...

— И шибко посѣкли?

— Ударовъ тридцать угодно было дать.

— Поди теперь въ смежную комнату, да тамъ не кашляй, не стучи и не прохаживайся.

Орловъ вышелъ по указанію, сталъ у стѣны и задумался.

---

[1] Когда получили приказъ о производствѣ его, то начальникъ, придержавъ его у себя, сперва выдралъ его, а потомъ объявилъ ему чрезъ день, такъ что наказалъ его ужь въ качествѣ чиновника.

— Припомни-ка, братецъ, дѣйствительно ли начальникъ наказалъ тебя недавно два раза, за что̀ именно и по скольку ударовъ? спрашивалъ, между тѣмъ, ревизоръ второго.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, меня не наказывали.

— Не лги: я достовѣрно знаю, что наказывали.

— Виноватъ-съ, ваше прев-ство, запамятовалъ: точно, два раза отодрали.

— За какіе проступки?

— Разъ за то-съ, что у кантониста были на ногахъ черныя портянки, а другой разъ за то, что у двухъ дурно были починены брюки. Брюки чинятъ себѣ кантонисты сами-съ.

— А по скольку ударовъ получилъ?

— Въ первый разъ... въ первый разъ... во... во... восемь, а во второй разъ четырнадцать, ваше прев-ство-съ.

— А сколько тебѣ отроду лѣтъ?

— Сорокъ-пять лѣтъ, ваше прев-ство.

— Пошолъ вонъ туда, да не разговаривай.

Къ ревизору вошелъ слѣдующій.

— Правда ли, братецъ, что начальство васъ, учителей, наказываетъ тѣлесно?

— Правда, ваше прев-ство.

— И тебя сѣкли?

— Точно такъ, ваше прев-ство. Самъ начальникъ меня два раза наказывалъ: первый разъ пятидесятью ударами за то, что у нѣкоторыхъ кантонистовъ моего капральства были дурно починены брюки. Но наказанія эти я получилъ сообразно моей винѣ и безъ всякихъ жестокостей.

— Гм!.. произнесъ ревизоръ.—Значитъ, не претендуешь?

— Точно такъ-съ, ваше прев-ство, по благоусмотрѣнію-съ изволили выдрать.

— И то хорошо; ступай. Слѣдующій!

Итакъ далѣе; затѣмъ, ввели Сибирякова.

— Ну, а что̀ скажешь ты о вашемъ житьѣ-бытьѣ въ заведеніи?

— Вамъ угодно знать? Извольте, твердо заговорилъ Сибиряковъ.—И меня, и всѣхъ учителей наказывали и продолжаютъ жестоко наказывать, несмотря на то, что, на основаніи закона, мы избавлены отъ тѣлеснаго наказанія. Намъ достается за грязныя кантонистскія портянки, за пыль подъ кроватями, за ошибки по фронту, за неисправности капральствъ, которыми мы управляемъ, за недосмотръ, за рваную одежду, за шалости и чесотку кантонистовъ, за ихъ больные глаза. Насъ и кантонистовъ кормятъ скверно, мундиры и куртки мы носимъ рва-

ные; чинимъ все это сами и кто чѣмъ можетъ; матеріаловъ для починокъ не даютъ никакихъ, а требуютъ, чтобы все это было въ лучшемъ видѣ. Вечера проводимъ мы при мерцаньи однихъ тусклыхъ ночниковъ; о казенныхъ свѣчахъ знаемъ только по наслышкѣ. Отъ варварскаго обращенія кантонисты рѣшаются на крайности: топятся въ рѣкѣ и въ отхожихъ мѣстахъ, рѣжутся.

— Да правду ли ты все это говоришь? переспросилъ ревизоръ. — Есть же въ заведеніи хоть что-нибудь да хорошее?

— Все, что̀ я сказалъ вамъ—сущая правда. Хорошаго здѣсь ровно ничего нѣтъ. Вы близко незнакомы съ нашей жизнью, и, можетъ быть, не повѣрите мнѣ. Тутъ нужно мѣсяца два пожить, чтобы ознакомиться съ дѣломъ.

— А не слыхалъ ли ты, кто писалъ отъ имени учителей доносъ на жестокое съ ними обращеніе? Мнѣ бы это хотѣлось узнать, для дальнѣйшихъ соображеній.

— Самъ я писалъ эту жалобу.

— Ты-ы? И лицо ревизора просіяло.—А были у тебя сообщники?

— Я писалъ съ согласія всѣхъ учителей вообще, и особенно тѣхъ, которые въ нынѣшнемъ году наказаны тѣлесно. Я писалъ не доносъ, а, повторяю, жалобу.

— Всѣхъ учителей сюда! кричалъ ревизоръ. Робкою, трусливою поступью вошли учителя.—Кто изъ васъ участвовалъ въ составленіи, или переписываніи вотъ этого доноса? молвилъ ревизоръ, показывая бумагу.

Всѣ молчали.

— Выходи же, кто участвовалъ, не то вызову по фамиліямъ: я вѣдь всѣхъ знаю. Ничто не шелохнулось.

— Такъ изъ васъ никто не участвовалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство, никто, единогласно отвѣчали учителя.

У Сибирякова въ глазахъ потемнѣло, дыханіе захватило отъ этого отвѣта. Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Слышишь, братецъ, что̀ они говорятъ? обратился къ нему ревизоръ.

— Вы ничего не знаете? вмѣшался Сибиряковъ, вспыхнувъ.— Развѣ не вы приставали ко мнѣ написать жалобу? Развѣ не вы, прочитавши черновую, одобрили и просили меня скорѣй послать ее? Наконецъ, не ты-ли, Стрекаловъ, перебѣлилъ мою черновую?

— Нѣтъ, я о доносѣ ничего знать не знаю, отвѣтилъ Стрекаловъ.

Все смолкло. Учителя старались и дышать-то по возможности тише.

— Ну, а хорошо ли начальство обращается съ вами? спросилъ ревизоръ.—Говорите откровенно.

— Хорошо-съ, очень хорошо, ваше прев-ство.

— И никакихъ вамъ жестокостей никто не причинялъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше прев-ство; мы всѣмъ довольны.

Учителей распустили [1]. Сибирякова отправили подъ арестъ, а ревизоръ пошелъ допрашивать кантонистовъ 4-й роты, заподозрѣнныхъ въ участіи въ заговорѣ противъ начальства.

Кантонисты 4-й роты были особенно вооружены противъ начальства и потому не упускали случая надѣлать ему непріятностей.

— Здорово, ребята! привѣтствовалъ роту ревизоръ. Рота отвѣчала молчаніемъ. Ревизоръ растерялся. У начальника чортики въ глазахъ запрыгали.

— Здорово, ребята, повторилъ ревизоръ, оправившись. Никто и не пикнулъ. Въ это время раздался трескъ оплеухи. Ревизоръ взглянулъ въ ту сторону, откуда слышался трескъ, и медленно повернулъ глаза къ ротѣ.

— Да что же вы, ребята, молчите? началъ онъ. — Недовольны, что ли, чѣмъ, такъ говорите прямо.

— Недовольны, всѣмъ недовольны, всею нашею жизнью недовольны!

— Кто недоволенъ—шагъ впередъ.

Вся рота шагнула впередъ. Ревизоръ нахмурился.

— Въ чемъ-же ваша претензія? спросилъ онъ.

— Всѣмъ говорить нельзя: вамъ насъ не разслышать, отозвался кто-то изъ перваго взвода.—Мы выбрали изъ себя троихъ, они вамъ все скажутъ. Прикажите впередъ нашему начальству выдти отсюда, подхватилъ второй взводъ.

— Господа офицеры и унтеръ-офицеры—въ другую роту маршъ! молвилъ ревизоръ взволнованнымъ голосомъ. Начальство ушло.

— Выборные впередъ! продолжалъ ревизоръ. Три кантониста выступили съ разныхъ сторонъ. Звали ихъ: одного Михаилъ Бахманъ, другаго Николай Мараевъ, а третьяго Василій Васильевъ. Всѣ они были стройные, рослые, красивые юноши, имѣли лѣтъ по 18 на видъ. Ревизоръ смѣрилъ ихъ

---

[1] Суть описаннаго и отвѣты учителей приведены здѣсь изъ достовѣрныхъ источниковъ — подлиннаго по этому предмету дѣлу, отысканнаго нами впослѣдствіи въ одномъ изъ архивовъ военнаго министерства.

*

долгимъ, испытующимъ взглядомъ. Въ комнатѣ слышалось, какъ жужжали мухи.—Чѣмъ же васъ обижаютъ? спросилъ онъ перваго.

— Чѣмъ насъ обижаютъ? со вздохомъ повторилъ Бахманъ, покраснѣвъ. — При васъ сейчасъ кантонисту задней шеренги разбили въ кровь губы, а вы и видите, и не видите. Неужто вы затѣмъ сюда присланы, чтобы въ вашихъ глазахъ лилась наша кровь? Неужто-жъ и въ васъ, также, какъ въ нашихъ начальникахъ, нѣтъ къ намъ ни капли жалости? Бахманъ остановился и, уставившись своими большими, выразительными глазами въ ревизора, казалось, замеръ.

— И ты, мальчишка негодный, смѣешь такъ дерзко говорить? Арестовать его!

— Не дадимъ, не дадимъ его арестовать, крикнула рота.— Арестовать, такъ и насъ всѣхъ арестуйте: онъ говорилъ за всю роту; всякій изъ насъ то же самое сказалъ бы вамъ.

Ревизоръ задумался.

— Что жь арестуйте, я ареста не боюсь: заодно ужь мнѣ пропадать, продолжалъ ободренный Бахманъ.—Отъ насъ вонъ и на почтѣ писемъ не принимаютъ: все боятся жалобъ. Но вѣдь у многихъ изъ насъ есть въ городѣ отцы, матери, родственники и отъ всѣхъ ихъ почта не убережется... Долго ли, коротко ли, а наши стоны услышатся же! Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы, что бы мы, какъ прежде, кричали: «всѣмъ довольны»,—но мы дальше не можемъ молчать и, ежели наша правда глаза колетъ, то этому вина не наша, а тѣхъ, кто довелъ до этого.....

— Замолчи, пащёнокъ эдакій! закричалъ ревизоръ, топнувъ ногою.—Какой маленькій, и какой злой! это большой грѣхъ. Говори ты, въ чемъ ваша претензія, обратился онъ, понижая голосъ, къ слѣдующему выборному.

— Я ваше прев-ство, осмѣливаюсь доложить вамъ вотъ что: мы всѣ обижаемся, зачѣмъ приневоливаютъ еврейчиковъ креститься. Узнаетъ, напримѣръ, начальникъ, что завтра прибудетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ раза два-три въ годъ человѣкъ по 100, по 200), и ужь заранѣе шлетъ унтеръ-офицеровъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ близко никого изъ здѣшнихъ евреевъ-солдатъ. Приведутъ ихъ въ казармы, загонятъ въ холодную комнату, безъ кроватей, безъ тюфяковъ; все, что у нихъ найдется при себѣ изъ съѣстнаго — отнимутъ и запрутъ ихъ подъ замокъ. И валяются они на голомъ полу, стучатъ отъ холода зубами да плачутъ цѣлыя сутки. На утро прійдетъ къ нимъ начальникъ, за

нимъ принесутъ туда нѣсколько чашекъ щей, каши, каравая три хлѣба и десятки пучковъ розогъ. «Что это за люди?» крикнетъ онъ, будто самъ не знаетъ. «Жиды», отвѣтитъ ему фельдфебель. «Какъ жиды?» закричитъ онъ во все горло: «откуда они взялись? Ножей, топоровъ сюда, всѣхъ перерѣжу, изрублю въ мелкіе кусочки: жидовъ мнѣ не надо; въ огонь, въ воду всѣхъ ихъ разомъ побросаю; жиды продали Христа, прокляты Богомъ; туда имъ и дорога!» Тѣ, извѣстно, перепугаются, а ему только того и надо. «Эй ты, поди сюда!» зоветъ онъ къ себѣ того изъ еврейчиковъ, кто всѣхъ трусливѣй выглядитъ. «Кто ты?»—«Еврей». «А?.. Еврей, ну хорошо: я люблю евреевъ, потому самъ былъ евреемъ, крестился такимъ же маленькимъ, какъ ты, и вотъ теперь сталъ полковникъ. Эй вы, евреи! видите на мнѣ какіе эполеты? Изъ чистаго золота. Креститесь, и вы будете полковниками и тоже будете носить золотые эполеты. Желаешь креститься—а»? Тотъ молчитъ. «Выбирай любое: или говори «желаю» и иди вонъ въ уголъ обѣдать, или, если не хочешь—раздѣвайся. Все долой съ ногъ до головы; запорю!» Что выбирать? голодъ, извѣстно, не свой братъ, розги—страхъ,—ну и отвѣчаетъ «желаю» и идетъ ѣсть. А кого ни страхъ, ни голодъ не беретъ, тѣхъ чрезъ три четвертаго дерутъ, морятъ голодомъ, въ гробъ, можно сказать, вгоняютъ. А крещеные нерѣдко мѣсяца по два-по три послѣ крещенія не знаютъ, какъ ихъ и зовутъ-то порусски, а молитвы выучатъ развѣ-развѣ чрезъ годъ. Бывало, на повѣркѣ капралъ выкликаетъ: «Иванъ Петровъ», а еврейчикъ молчитъ. «Ты, жидовская твоя морда, что не откликаешься!» закричитъ капралъ и дастъ ему въ зубы. Тотъ съежится отъ боли, да и стоитъ, точно истуканъ. «Шмуйло Хайловичъ?» повторитъ капралъ. «Я», отзовется еврейчикъ. «Да Хайловичъ ты пожидовски, а порусски-то какъ? Ты вѣдь ужь крещеный, русскій», толкуетъ ему капралъ. Иной, непонятливый, не одну сотню розогъ получитъ, пока заучитъ русское свое имя.

— Ну, а ты что̀ скажешь? спросилъ ревизоръ третьяго.

— Да осмѣлюсь доложить... началъ Васильевъ:—житья намъ совсѣмъ нѣтъ: холодаемъ, голодаемъ, терпимъ всякія тиранства рѣшительно ни за что, ни про что... Кто начальству денегъ не даетъ, кто у него спроситъ свои, присланныя изъ деревни, изъ дома, того за это бьютъ, дерутъ, да и плакать не велятъ.

Васильевъ что-то вспомнилъ и не вытерпѣлъ—заплакалъ.

— *Особенныхъ* какихъ нибудь претензій нѣтъ у васъ?

— Нѣтъ-съ, еще особенныхъ никакихъ нѣтъ, крикнули одни.—

Да и этихъ довольно! подхватили другіе.—Вы эти-то разберите по правдѣ, по закону, продолжали третьи.—Будьте нашимъ отцомъ, покровителемъ; вѣкъ не забудемъ, кричали четвертые.—Нашему начальству не извольте сказывать о нашей жалобѣ!

— Будьте, ребята, спокойны: все, что̀ могу, я для васъ сдѣлаю. А вы трое идите въ свое мѣсто, да впередъ никогда не будьте ни зачинщиками, ни доказчиками: тѣмъ и другимъ всегда попадетъ первый кнутъ.

Далѣе прочитавъ и ротѣ наставленіе, какъ себя вести, ревизоръ ушелъ, въ сопровожденіи начальства.

Начальникъ, въ свою очередь, углубился въ сочиненіе отвѣтовъ на множество заданныхъ ему вопросовъ, и совершенно забылъ на время и роту бунтовщиковъ, и выборныхъ. Отвѣты его были, по истинѣ, замѣчательны. Такъ на вопросъ: почему онъ наказалъ тѣлесно двухъ учителей, имѣвшихъ по двѣ нашивки, онъ отвѣтилъ: «учителя съ нашивками, во вниманіе долговременной и безпорочной ихъ службы, точно были имъ подвергнуты легкому наказанію, за проступки, незаслужившіе донести о лишеніи ихъ нашивокъ». По какому случаю онъ наказалъ учителя 60 ударами за запачканный кантъ, онъ отозвался: «Учитель наказанъ 60 лозонами во вниманіе молодости лѣтъ и дабы не дать ему повода къ подобному поступку». На вопросъ: почему, вопреки распоряженію 1818 г., онъ вообще наказывалъ учителей, начальникъ отозвался такъ: «имѣя въ виду распоряженіе 1833 г., которымъ дозволялось наказывать учителей тѣлесно, не выходя изъ предѣловъ власти, онъ руководствовался имъ, а не распоряженіемъ 1818 г., воспрещавшимъ ихъ наказывать; измѣнить же это правило (т.-е. не наказывать) онъ не считалъ себя вправѣ». Кромѣ того, ему частнымъ образомъ извѣстно, что его знакомый, командиръ образцоваго полка, на сдѣланный имъ гораздо позже того вопросъ: можно ли наказывать учителей тѣлесно, получилъ отъ департамента военныхъ поселеній утвердительный отвѣтъ.

Прошло дня два. Въ воскресенье по казармамъ объявили, что ревизоръ уѣхалъ. Кантонисты пообѣдали. За роспускомъ многихъ со двора и за уходомъ: однихъ — на базаръ, другихъ — за магазины, на лицо въ 4-й ротѣ осталось немного кантонистовъ. По случаю праздника они играли въ жгуты, въ чехарду, въ костяжки, въ камешки.

Въ это время, на одной изъ кроватей задней линіи задумчиво сидѣли знакомые читателю кантонисты: Бахманъ, Мараевъ и Васильевъ — депутаты, объяснявшіеся съ ревизоромъ.

— Во всемъ-то намъ, братцы, не везетъ, говорилъ Бахманъ, вздохнувъ. — Теперь мы окончательно пропали. Такъ я думаю.

— Еще бы не пропасть! подхватилъ Васильевъ.—Учителишки-то, вонъ, струсили, — ну, и Сибиряковъ погибнетъ.

— Ну ихъ, учителей! Самимъ грозитъ бѣда; не дальше, какъ завтра, объ эту пору, намъ, пожалуй, придется ужь лежать въ лазаретѣ... изсѣченными.

— Бѣжимъ, братцы! вполголоса молвилъ Мараевъ.

— Идетъ, дрожащимъ голосомъ отозвался Васильевъ.

— Ну, а ты, Миша?

— Я?.. и я... покончу... подтвердилъ Бахманъ, махнувъ рукою.

— Такъ идемъ собираться въ путь-дорогу, настаивалъ Мараевъ.—Какъ только стемнѣетъ, чтобъ нашего и духу больше здѣсь не пахло.

— Собираться, такъ собираться, повторилъ Бахманъ. — Не красна и жизнь-то, жалѣть не о чемъ. Кончить лучше сразу, да и баста.

Друзья разошлись въ разныя стороны.

Ночью, когда всѣ уже спали, произошло необыкновенное происшествіе: одинъ изъ кантонистовъ второй роты увидалъ чорта.

— Караулъ, чортъ, чортъ, караулъ! заревѣлъ онъ благимъ матомъ.—Караулъ! чортъ, чортъ, караулъ! подхватили прочіе часовые.—Караулъ! повторилось эхомъ въ отдаленныхъ комнатахъ.

Кантонисты повскакали съ кроватей. Поднялся шумъ, гамъ, все столпилось у входа въ ретирадное мѣсто, откуда раздавался крикъ.

— Благо попался, надо поймать его, этого чорта, кричали кантонисты:—всѣ бока ему переломать.

— Это онъ наши сапоги по ночамъ носитъ; къ утру весь глянецъ пропадаетъ!

— А гогочетъ-то въ трубѣ, а свищетъ-то въ окнахъ, все вѣдь, братцы, онъ же, этотъ самый чортъ!

— Тащите, братцы, скорѣе образъ сюда!

— Лучше, братцы, въ бутылку его заманить, да пробкою и закупорить; пусть его тамъ издохнетъ. Несите бутылку-то.

— А поди-ка поставь её, коль храберъ, авось на мѣстѣ же задушитъ. Боекъ больно, такъ покажи свою удаль.

— Что за крикъ! Кто тамъ? допытывались переполошившіеся унтера и фельдфебель.

— Чортъ стоитъ въ ретирадѣ, кантониста душитъ, давитъ, колетъ, голосили со всѣхъ сторонъ.

— Унтеръ-офицеры одѣться въ форму! скомандовалъ фельдфебель.—Зайцевъ, бѣги за дежурнымъ офицеромъ. Живо!

Явился дежурный офицеръ и, протирая сонные глаза, спросилъ, что̀ случилось.

— Чортъ, ваше бродье, душитъ въ ретирадѣ кантонистовъ, отвѣчалъ наобумъ фельдфебель, тоже еще неочнувшійся порядкомъ.—Что̀ прикажете дѣлать?

— Какой тамъ чортъ! Сами вы всѣ черти, дьяволы. Никогда спокою не дадите, проклятые! Огней сюда! Унтеръ-офицеры впередъ! Тесаки на̀-голо!

— Слушать команду! Унтеръ-офицеры перекрестились:—тесаки на перевѣсъ, напри дверь и дружно, сразу отворить. Разъ, два-три! Унтера принатужились и, однимъ напоромъ растворивъ настежь дверь, влетѣли, до половины, въ ретирадное мѣсто, но тотчасъ же отскочили обратно къ двери и въ замѣшательствѣ погасили почти всѣ огни. Самъ дежурный попятился, въ виду такихъ критическихъ обстоятельствъ.

— Ну, что? спросилъ онъ неровнымъ голосомъ, отойдя подальше отъ дверей.

— Стоитъ, какъ есть стоитъ надъ самою дырою, отвѣчали унтера, двигаясь еще больше назадъ.

— Да кто стоитъ?

— Извѣстно кто: чортъ, ваше бродье.

Всѣ остолбенѣли. На окнѣ ретираднаго мѣста стоялъ ночникъ и огонекъ свѣтильни чуть-чуть теплился; на томъ мѣстѣ потолка, гдѣ должно было висѣть ночнику, дѣйствительно что-то стояло.

— Унтеръ-офицеры, тесаки на руку и впередъ маршъ! командовалъ офицеръ. Но ни чортъ, ни унтера не трогались съ мѣста.

— Что же? ослушаться?.. Всѣхъ передеру, разжалую, сквозь строй прогоню! Бери его приступомъ, хватай!

— Позвольте мнѣ, ваше бродье, войти туда, молвилъ коренастый, здоровый кантонистъ, лѣтъ двадцати-двухъ. Онъ находился въ умывальнѣ, для уборки, и частенько вынашивалъ на дворъ по ночамъ ушаты съ нечистотами.—Я никакихъ чертей не боюсь, продолжалъ онъ: — потому привыкъ по ночамъ шататься, да и черти, что люди—разные бываютъ: и смирные, и озорники.

— Сдѣлай милость, иди, ласково заговорилъ дежурный:—

ступай, любезный, да смотри, осторожнѣй, не ровенъ часъ... сохрани Богъ, схватитъ.

— Не безпокойтесь, ваше бродье. Пропустите-ка, ребята! Онъ взялъ свѣчку и вошелъ въ ретирадное мѣсто, оставивъ позади себя настежь растворенную дверь. У зрителей захватило дыханіе.

— Да это, ваше бродье, не чортъ, а кантонистъ, громко заговорилъ Ивановъ, остановившись предъ воображаемымъ чортомъ.

— Кантонистъ?.. Неужто кантонистъ? тревожно спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну да, кантонистъ, повторилъ Ивановъ, заглядывая вверхъ.—Михайло Бахманъ! Я его коротко зналъ.

— Да что же онъ?

— А повѣсился.

— Да изъ-за чего?

— Знать жизнь-то больно, ваше бродье, красна. Прикажете стащить его съ петли-то?

— Нѣтъ, не трогай. Посмотри хорошенько, онъ ли еще это, а ежели онъ, то на чемъ повѣсился и не живъ ли еще?

— Онъ-то онъ, ваше бродье. Ивановъ повертѣлъ висѣвшаго Бахмана кругомъ и потомъ щелкнулъ его пальцами по носу.—А повѣсился онъ на полотенцѣ и оно ужь порвалось: тяжелъ больно. Нарочно, шельмецъ, испортилъ новое полотенце, а оно вѣдь казенное, за него каптенармусъ житья не дастъ. Подай, дескать, въ сдачу.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности случившагося, дежурный заперъ дверь на замокъ, поставилъ часоваго и ушелъ. Фельдфебель, унтера и кантонисты тоже разошлись. Утромъ тѣло Бахмана сняли съ петли, унесли въ часовню лазарета, а сутки чрезъ трое завернули трупъ съ ногъ до головы въ холстъ и, положивъ въ наскоро сколоченный ящикъ, взвалили этотъ «гробъ» на телѣгу. Кучеръ со сторожемъ свезли его за околицу и закопали въ болотѣ, на кладбищѣ самоубійцъ. Тѣмъ и кончилась жизнь этого несчастнаго юноши.

На четвертый день послѣ погребенія Бахмана, Мараева и Васильева исключили изъ списковъ, какъ безъ вѣсти пропавшихъ, распространивъ по заведенію слухъ, будто они утонули, о чемъ начальство заключило по найденной на берегу рѣки ихъ одеждѣ.

Вскорѣ послѣ трагической смерти Бахмана, заведеніе внезапно было взволновано печальными новостями: Сибирякову вышло рѣшеніе. Его разжаловали въ рядовые, наказали 150-ю

ударами розогъ и сослали въ гарнизонъ. Начальнику дали выговоръ за безпорядки по заведенію. А еще недѣли двѣ спустя, въ казармы привели Мараева, закованнаго въ кандалы. Убѣжавъ изъ заведенія, онъ хоть и успѣлъ перебраться, вмѣстѣ съ Васильевымъ, въ сосѣднюю губернію, но, отыскивая тамъ безопасное убѣжище, они забрели въ какой-то городишко, гдѣ и остались ночевать. Мараевъ пошелъ на базарѣ купить провизіи и заспорилъ съ торговкою. Торговка крикнула сотскаго, который стащилъ его въ полицію. Тамъ его начали допрашивать: чей, да откуда, но онъ упорно молчалъ цѣлыхъ трое сутокъ. Этимъ онъ давалъ Васильеву знать, чтобъ скрылся. Потомъ признался и былъ отправленъ по этапу въ заведеніе. Здѣсь его засадили на гауптвахту и предали суду. Главное начальство рѣшило наказать его 100 ударами розогъ. Ночь предъ наказаніемъ Мараевъ провелъ въ самыхъ мучительныхъ страданіяхъ. Утромъ долго, горячо молился, а когда пришелъ за нимъ конвой, онъ молча простился со своими сожителями по гауптвахтѣ, шепнулъ одному изъ нихъ что-то на ухо и смѣло, рѣшительно отправился за полученіемъ опредѣленнаго наказанія, за побѣгъ.

Передъ выстроеннымъ на плацу фронтомъ кантонистовъ нетерпѣливо ожидалъ Мараева, какъ коршунъ добычу, Курятниковъ. Около него стояли барабанщики и лежало пучковъ 100 розогъ, вымоченныхъ въ горячей соленой водѣ.

Очутившись на лобномъ мѣстѣ, Мараевъ оглянулся кругомъ и позеленѣлъ отъ страха.

— Раздѣнься-ка, каналья ты эдакая, молвилъ начальникъ:— все, все долой. Я вотъ тебѣ покажу, какъ бѣгать.

— Ваше высокородіе, помилуйте, сжальтесь надо мной! взмолился-было Мараевъ.

— Спущу прежде шкуру съ шеи до пятъ, а потомъ, пожалуй, и помилую. Раздѣвайся же!

— Такъ прочтите, ваше высокородье, хоть вотъ эту записку впередъ, а тамъ... Мараевъ вынулъ изъ-за обшлага шинели крѣпко свернутую бумажку, въ которой ровно ничего не было писано и, придвигаясь къ начальнику, подалъ ее ему.

Начальникъ взялъ въ руки бумажку и внимательно началъ ее раскручивать. Въ это самое время Мараевъ схватился обѣими руками за его эполеты, съ быстротою молніи сорвалъ, одинъ совершенно прочь, а другой на половину, ударилъ вырваннымъ эполетомъ начальника по щекѣ и потомъ началъ комкать, мять эполетъ, въ какомъ-то дикомъ изступленіи. Посту-

покъ Мараева точно громомъ поразилъ весь фронтъ. Начальствующіе остолбенѣли, а подначальные чуть не запрыгали [1].

— Отнять эполетъ и взять его! отчаянно заревѣлъ Курятниковъ, опомнившись. И офицеры, и фельдфебель бросились на Мараева и хоть съ большимъ трудомъ, но отняли у него измятый эполетъ, а самого повалили на полъ.

— Раздѣть его до нага, растянуть на скамейкѣ и начать въ пересыпк-ку-у!... неистово ревѣлъ начальникъ, надѣвая эполетъ.

Одежда Мараева моментально превратилась въ клочки, а самъ онъ очутился на скамейкѣ; на головѣ и на ногахъ его сидѣли солдаты, а два барабанщика ужь рвали розгами живое мясо изъ его тѣла.

Затѣмъ началось вторичное судьбище, вслѣдствіе котораго послѣдовало новое рѣшеніе: «Мараева, какъ неимѣвшаго въ день содѣянія преступленія совершенныхъ лѣтъ (ему было 16 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ отроду), на основаніи 107 и 937 ст. I кн. 5-й части свода военныхъ законовъ, не наказывая тѣлесно, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на *восемь* лѣтъ». Мараева привели въ канцелярію и безъ всякой уже торжественности одному прочитали рѣшеніе. Въ тотъ же часъ отправили его въ губернское правленіе, а оттуда въ острогъ. Выходя изъ канцеляріи, Мараевъ,—уже страшная, неузнаваемая тѣнь прежняго красиваго, здороваго юноши,—прощаясь съ окружавшими его товарищами, занимавшимися въ канцеляріи (въ числѣ ихъ былъ и авторъ очерковъ), искренно радовался своему избавленію отъ кантонистской жизни. По своему простодушію, онъ не допускалъ даже и мысли, чтобы жизнь въ каторжной работѣ могла быть хуже житья въ заведеніи кантонистовъ.

Послѣдній актъ трагедіи, въ которой были главными дѣйствующими лицами трое юношей, разыгрался нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ канцелярію заведенія привели однажды, подъ конвоемъ, высокаго, здороваго мужчину, лѣтъ 23-хъ на видъ, въ арестантской одеждѣ, въ кандалахъ, съ длинными русыми волосами и такого же цвѣта бородою. То былъ Василій Васильевъ. Сзади конвоя стояла молодая женщина, довольно красивой наружности, держа за руку хорошенькаго мальчика лѣтъ шести. Женщина была жена, а мальчикъ—сынъ Васильева. Широкое, му-

---

[1] Между кантонистами и даже солдатами тогдашняго времени твердо вѣрили въ неизвѣстно откуда занесенный слухъ, будто офицеръ, съ котораго сорвутъ эполеты, тѣмъ самымъ лишается офицерскаго званія.

скулистое лицо Васильева болѣзненно передергивалось, а большіе голубые глаза его лихорадочно блуждали, переходя съ одного предмета на другой. Исторія странствія Васильева по бѣлу свѣту и рокового возвращенія въ заведеніе была довольно коротка. Пробравшись верстъ за 400 отъ мѣста расположенія заведенія, онъ досталъ какимъ-то путемъ чужой паспортъ; зашибъ, затѣмъ, трудомъ да бережливостью, копейку, отошелъ еще нѣсколько отъ большого тракта, и поселился въ маленькомъ городишкѣ. Тамъ, онъ занялся кое-какою торговлею, и, наконецъ, женился. Черезъ годъ у него родился сынъ. Тихо, мирно прожилъ онъ такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ. Повременамъ онъ впадалъ въ грусть, скучалъ по матери, по сестрѣ и въ такихъ случаяхъ прибѣгалъ къ выпивкѣ. Разъ, будучи навеселѣ, выболталъ онъ неосторожно тестю свою кручину, а тотъ, поссорившись съ нимъ изъ-за чего-то, въ пылу гнѣва, выдалъ его полиціи. Полиція сперва высосала изъ него, въ короткое время, всѣ его средства, а потомъ засадила самаго въ острогъ, затѣяла переписку, по милости которой онъ и очутился въ канцеляріи. Жена его отправилась за нимъ вмѣстѣ съ сыномъ.

— Такъ ты, братецъ, такъ-таки и не хочешь сознаться, что ты кантонистъ Василій Васильевъ? спрашивалъ его въ канцеляріи уже новый начальникъ.—Вѣдь есть улики. Станешь запираться, тебѣ же хуже будетъ.

— Нѣтъ, я не кантонистъ, а мѣщанинъ, это видно изъ моего паспорта, грубо отвѣчалъ арестантъ, потупивъ голову. — Меня стращать нечего: я никакихъ уликъ не боюсь.

— Выдь-ка, матушка, сюда и погляди, не онъ ли твой братъ? продолжалъ начальникъ, повернувъ голову къ боковой двери. Изъ двери вышла блѣдная, изнуренная молодая женщина. Взглянувъ на арестанта, она пошатнулась, остановилась, шагнула еще впередъ, опять остановилась, и зарыдавъ, оперлась на столъ.

— Ну, что, матушка, онъ что ли твой братъ, или нѣтъ? спросилъ начальникъ. — Скажи по совѣсти, и разомъ покончимъ эту комедію.

— Онъ, батюшка, онъ, мой братъ Вася, сквозь слезы заговорила монашенка: — Вася, голубчикъ, вѣдь это ты, ты, мой сердешный! добавила она и бросилась-было къ нему на шею.

— Убирайся прочь отъ меня! озлобленно крикнулъ арестантъ и оттолкнулъ отъ себя монашенку.—Кой тутъ чортъ: братъ! Ишь побраталась...

Но монашенька не унималась, рыданіямъ и причитаніямъ ея

не было конца. Несмотря на упорное отрицаніе со стороны Васильева, начальникъ вынесъ изъ этой сцены убѣжденіе въ его виновности. Судьба его была рѣшена.

Васильева прогнали сквозь строй и сослали въ арестантскія роты за шестилѣтнее нахожденіе въ бѣгахъ, за поддѣлку паспорта и упорное запирательство. Сына его взяли въ кантонисты, какъ человѣка, рожденнаго отъ кантониста, а жена, чаявшая освободить мужа, видѣвши экзекуцію надъ нимъ и лишившись не только его, но и сына, сошла съ ума и кончила жизнь самоубійствомъ.

Здѣсь кстати, вопервыхъ, замѣтимъ, что давилось, топилось и бѣгало очень много кантонистовъ, а вовторыхъ, разскажемъ другой случай. Въ заведеніе однажды привели сѣдаго старика, лѣтъ 50-ти, когда-то, въ молодости, отлынявшаго отъ поступленія въ кантонисты. У старика были не только сыновья, но и внуки. Судили его, судили, и, наконецъ, во вниманіе къ чистосердечному его сознанію, старости и неспособности къ боевой службѣ, рѣшили: не наказывая его тѣлесно, опредѣлить въ кашевары на солдатскій 25-тилѣтній срокъ. Такимъ образомъ, онъ могъ разсчитывать на отставку не ранѣе, какъ на восьмидесятомъ году жизни.

Старикъ былъ словоохотливъ и нерѣдко разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ.

— Прожилъ я, говорилъ онъ, въ бѣгахъ вѣкъ свой, не крадучись, а побожески, да по милости общаго благодѣтеля — добраго барина. Жилъ-былъ неподалеку отселева этотъ баринъ, знатный, богатый и большой охотникъ до правды, до воли и до войны. Гдѣ, какъ и почему онъ пристрастился къ эвдакимъ дѣламъ, откуда и когда явился въ помѣстье—ничего я этого не знаю. Помѣстье его было большущее: тянулось на цѣлый уѣздъ, а самъ онъ жилъ въ громадномъ селѣ. Село стояло надъ широкой, бурливой рѣкой и попасть въ него можно было не иначе, какъ переѣхавши рѣку на барскомъ паромѣ. На ночь паромъ причаливался къ берегу села и держался до утра на привязи. У села и по селу ходили ночью, по наряду, караульщики. Самое село было окружено каменною стѣною, точно крѣпостью. Внутри села тянулся, на версту, одинъ каменный домъ одноэтажный со всякими службами. Баринъ всѣхъ принималъ, кому худо на свѣтѣ жилось: кто удиралъ отъ дурнаго помѣщика, кто отъ солдатства, или кантонистства, а кто изъ острога,—всѣ шли къ нему. Всякій такой человѣкъ являлся къ нему лично, разсказывалъ ему по совѣсти: откуда, какъ и для-че убѣжалъ, полу-

чалъ отъ него наставленье какъ держаться, живучи у него, и уходилъ съ провожатымъ въ контору. Тамъ его записывали въ число дворни, отводили комнату въ барскомъ же домѣ, давали одежду, обувь, бѣлье и все такое прочее. Съ мѣсяцъ бѣглый отдыхалъ, знакомился со всѣми; а тамъ его посылали на работу, по его силамъ и понятіямъ глядя. Такъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ, выбиралъ себѣ дѣло, какое тебѣ по праву. Холостыхъ баринъ любилъ женить, дѣвокъ замужъ выдавать, и тѣмъ и другимъ давалъ отъ себя приданое, строилъ избы, переводилъ ихъ въ другія свои имѣнія, пересаживалъ на оброкъ, а оброкъ бралъ самый пустяшный. У мужиковъ самъ крестилъ дѣтей, помогалъ имъ деньгами, обходился со всѣми ласково, дружественно, точно съ ровней. Любилъ онъ всего больше смѣльчаковъ, расторопныхъ, да стрѣлковъ; съ такими людьми онъ объѣзжалъ верхами, на лошадяхъ, свои помѣстья и охотился по лѣсамъ дремучимъ. Всѣ его знали. Не было примѣра, чтобъ онъ кого-нибудь изъ бѣглыхъ выдалъ, не глядя ни на какія угрозы, ни на какія жалобы господъ. Начальства онъ рѣшительно никакого не боялся. Пріѣдетъ, бывало, становой, либо исправникъ отыскивать какого-нибудь бѣглаго; явится къ нему. Онъ его выслушаетъ, велитъ напоить-накормить, дать на дорогу за трудъ: становому—25 руб., исправнику — 50 руб. и проводить его за ворота. Тѣ, знавши его нравъ, угостившись на славу, брали деньги, уѣзжали во свояси, да и докладывали кому тамъ надо, что, молъ, такого-то нѣтъ. Ну, а ежели, да наѣдетъ бойкій какой чиновникъ и не ублаготворится барскимъ положеньемъ, его, по барскому наказу, отдирали розгами и вывозили за рѣку, подъ карауломъ. Насылали, случалось, иногда, и войско, но и оно ворочалось назадъ ни съ чѣмъ: баринъ скорехонько, бывало, вооружитъ своихъ смѣльчаковъ винтовками, уберетъ паромъ, всѣ лодки, и шабашъ. Постоитъ, постоитъ это войско за рѣкой, али у села, да и вернется во свояси съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришло. Такимъ-то вотъ манеромъ баринъ и наводилъ страхъ на всѣхъ властей много лѣтъ сряду, пока его не стало, а съ этимъ случаемъ и наша сила вдругъ лопнула и всѣ мы сгибли. Отлучился разъ баринъ потихоньку въ Москву. Начальство это пронюхало, схватило его въ дорогѣ, да и упрятало куда-то далеко, а къ намъ бацъ войско, застигло всѣхъ въ расплохъ и пошла тутъ такая перепалка, что и небу было жарко. Около мѣсяца перебирали насъ по косточкамъ. Кто успѣлъ — убѣжалъ, кто струхнулъ — утопился въ рѣкѣ, а кто сплоховалъ — тотъ

попался. Въ числѣ бѣглыхъ кантонистовъ очутился и я. Попалъ я къ барину такимъ родомъ: заслышавъ, что меня требуютъ въ кантонисты, я убегъ изъ дома, явился къ барину, разсказалъ ему свое горе и остался у него жить. Мнѣ было въ ту пору ровно 18 лѣтъ. И вотъ цѣлый вѣкъ выжилъ благополучно, не думалъ, не гадалъ, а таперь, на старости лѣтъ, попался; да мало того самъ попался, такъ и все добро мое, нажитое кровавымъ потомъ, сгинуло: въ суматохѣ все до тла раскрали.

XIII.

Житье въ деревнѣ, любовь и ея развязка.

Прошла половина лѣта и кантонисты уже собрались въ деревню, куда ихъ, въ эту пору, ежегодно выводили на отдыхъ.

Однажды утромъ, въ іюлѣ, кантонисты всего заведенія стояли на плацу. Передъ фронтомъ прохаживался начальникъ, желавшій обратиться къ своимъ питомцамъ съ напутственною рѣчью.

— Въ деревнѣ жить смирно, говорилъ онъ: — хозяевъ вашихъ уважать! Помогайте имъ, чѣмъ можете, и они станутъ хорошо васъ кормить, прощать провіантъ; а коли будете озорничать, и они потребуютъ паёкъ — такъ я васъ!

Съ такимъ напутствіемъ кантонисты отправились, поротно, въ дорогу, пѣшкомъ, верстъ за сто или за двѣсти отъ города.

Житью въ деревнѣ кантонисты всегда радовались, его ждали съ свойственнымъ дѣтямъ нетерпѣніемъ. Но съ прибытіемъ въ деревню, ихъ радость значительно уменьшалась: тамъ также надо было вставать въ пять и шесть часовъ утра и ходить ежедневно на фронтовое ученье въ капральство и на ротный дворъ. Разстояніе между деревнями, гдѣ жили кантонисты (человѣкъ 10, 15 и до 30 въ каждой деревнѣ), и центрами ученій, простиралось отъ 5 до 15 верстъ, а такая ходьба отягощала кантонистовъ тѣмъ болѣе, что ни проливной дождь, ни грязь не освобождали отъ явки къ 7 часамъ на ученье. Кто опаздывалъ или вовсе не являлся,—тотъ получалъ за это всегда изрядную порпцу. Взрослыхъ, кромѣ того, безпрерывно разсылали по деревнямъ съ казенными и частными порученіями. Они же обязывались собирать и приводить на ученье малолѣтнихъ и присматривать за ними дома, и имъ же доставалось за шалости и оплошность послѣднихъ. Но всего тяжелѣе для

кантонистовъ бывали въ деревняхъ тѣлесные смотры, которые производились два-три раза въ недѣлю, въ видахъ предотвращенія заразы отъ мужиковъ, у которыхъ они жили. Поднимется, бывало, рѣзкій, холодный вѣтеръ, пойдетъ крупный, частый дождь, а въ сараѣ, съ огромными щелями въ стѣнахъ, съ развалившеюся крышею, стоитъ капральство, раздѣтое до нага. Правящій, или ротный командиръ ходятъ по фронту, осматриваютъ, ощупываютъ и разглядываютъ порознь каждый суставчикъ. Какъ дождь ни мочитъ, какъ ни бросаетъ отъ холода въ дрожь — не смѣй ни вздрогнуть, ни глазомъ моргнуть. Фронтъ, по словамъ начальства, было мѣсто священное, и потому за невольную дрожь, какъ за оскорбленіе этой святыни, неминуемо наказывали. Кромѣ того, кантонистамъ, во время стоянки въ деревняхъ, воспрещалось пѣть пѣсни на улицахъ, ходить разстегнувшись, участвовать въ дѣтскихъ играхъ, уходить дальше гумна безъ спросу.

Крестьяне той мѣстности, гдѣ квартировали кантонисты, были преимущественно старообрядцы различныхъ толковъ, а потому враждебно встрѣчали кантонистовъ, непринадлежащихъ къ ихъ сектамъ. Съ своей стороны кантонисты, слѣдуя наставленію начальника: уважать хозяевъ, и боясь вооружать послѣднихъ противъ себя, изыскивали всевозможные способы сближенія съ своими хозяевами и безсовѣстно обманывали ихъ.

Особенно отличался хитростью кантонистъ Бобковъ. Бывало, войдетъ въ назначенную ему для житья избу, поклонится.

— Здравствуйте, люди божьи, говоритъ. — Я къ вамъ квартировать назначенъ, такъ не обижайте жь меня, смиреннаго раба божія: я и то въ кипяткѣ киплю, да и родомъ изъ вашего согласія.

— Здравствуй, коль не шутишь, недовѣрчиво отвѣчаетъ старуха, нашептывая молитву и перебирая въ рукахъ чотки. — А какимъ ты крестомъ молишься, ежели нашего согласія?

— Благословеннымъ, бабушка, благословеннымъ молюсь, вотъ какъ видишь, а то какимъ же мнѣ инымъ крестомъ молиться?

— Ну, а какъ евта вещь прозывается? продолжаетъ она, показывая ему чотки.

— Лестовка, бабушка. Покойная моя матушка, царствіе ей небесное, завсегда такъ молилась и меня тому жь учила, — да вотъ въ службѣ-то этой я, почитай, все перезабылъ. Да и не мудрено: по нашему-то вонъ и молиться запрещаютъ...

— Коли, голубчикъ, велятъ? Они, вѣдь, еретики, да смутьяны рода человѣческаго; такъ гдѣ жь имъ думать о спасеніи, да о царствіи небесномъ!

Звать-то тебя какъ?

— Александромъ, бабушка, и кличутъ Бобковымъ. У меня, бабушка, со вчерашняго вечера еще и крохи во рту не было. Ѣсть больно хочется. Не дашь ли чего перекусить?

— Наслышаны мы, голубчикъ Александра, про вашу-то службу вдоволь: знай сквернословь, да пой сатанинскія пѣсни, а въ брюхѣ-то пущай себѣ урчитъ. Скидывай свою муницію, склади ее вонъ въ задъ, на лавку, умой, у рукомойника, руки-тѣ, помолись, да и садись за столъ. А я тѣмъ временемъ сберу тебѣ обѣдъ: съ голодухи-то, поди, не до балясовъ.

— Истинно такъ, бабушка. Вотъ поѣмъ, такъ и языкъ будетъ легче ворочаться.

Бобковъ раздѣвается, моется, молится постарообрядчески и начинаетъ обѣдать; а старуха то и дѣло подливаетъ и подкладываетъ ему вкуснаго съѣстнаго, какъ единовѣрцу. Отобѣдавъ, онъ садится возлѣ старухи, внимательно слушаетъ ея поученія, поддакивая ей, самъ разсказываетъ всевозможныя небылицы о претерпѣнныхъ будто бы имъ страданіяхъ «за правую вѣру», и къ вечеру становится совершенно своимъ человѣкомъ въ избѣ.

Не успѣла семья вернуться съ поля, какъ старуха ужь оповѣстила ее о мнимомъ единовѣрцѣ.

— А ты, малый, не врешь, будто ты нашего согласія? строго спрашиваетъ Бобкова старикъ, глава семьи.

— Чистая это, дѣдушка, правда!

— Ну, и табачища поганаго не куришь и не нюхаешь?

— Что ты, дѣдушка, что ты, Господь съ тобой! Это зельемъ-то дьявольскимъ, чтобъ я осквернялъ себя — сохрани и помилуй меня Боже. Ни-ни!

— Коли такъ, садись съ нами ужинать.

Тѣмъ спросы о вѣрѣ и кончались. И Бобковъ съ перваго же дня обѣдаетъ, ужинаетъ вмѣстѣ со всѣми, старуха креститъ его на сонъ грядущій; ночью, когда онъ разбросается во снѣ, она окутываетъ его; нашептываетъ надъ нимъ, сгоняетъ съ него мухъ; стираетъ его казенное бѣлье, нашиваетъ ему собственнаго, даетъ холста на портянки; изъ всякаго лакомаго кушанья старается удѣлить ему лучшую часть, словомъ—лелѣетъ и бережетъ его, какъ роднаго. Всѣ остальные члены семьи также любятъ его; а онъ за все это отплачиваетъ имъ посильною работою по хозяйству, смиреніемъ, точнымъ исполненіемъ хозяйскихъ обычаевъ, да слушаетъ по воскресеньямъ, часъ-другой, какъ старикъ читаетъ, по складамъ, семейству древнее благочестіе. Проходитъ мѣсяцъ.

— Не видала ли, бабушка, гдѣ моей шинели? спросилъ однажды Бобковъ, сбираясь утромъ на ученье.

— Шинели?.. Ахъ ты, Лексаша, Лексаша! И не грѣхъ тебѣ насъ обманывать-то? Не грѣхъ тебѣ смѣнять праву вѣру на зелье, на погань?!. На томъ свѣтѣ вѣдь за каленымъ желѣзомъ станутъ ротъ-то тебѣ выжигать!..

— Да гдѣ, я тебя спрашиваю, шинель-то? Вѣдь опоздаю на ученье: меня за это выдерутъ!

— Шинель-то? Да я въ огородъ выбросила твою паскудную шинель-то: она вся вонъ провоняла поганью — табачищемъ. Не держать же въ избѣ евдакую мерзость: грѣхъ, большой грѣхъ. Неужто ты, Лексаша, и вправду жрешь это зелье-то?

Но Бобкову вовсе не до отвѣтовъ: онъ бросился въ огородъ, съ трудомъ отыскалъ шинель, надѣлъ ее и побѣжалъ на ученье; а вернувшись, засталъ старуху въ страшной суматохѣ: она мыла кипяткомъ всѣ вещи, за которыя онъ когда-либо брался руками, всѣ лавки, на которыхъ онъ сиживалъ, выжигала калеными каменьями всю глиняную и жестяную посуду, изъ которой онъ когда-либо ѣдалъ. На спросъ, что̀ все это значитъ, старуха принялась его укорять богоотступничествомъ, ворчала и отплевывалась отъ него, какъ отъ нечистой силы; онъ божился, увѣрялъ ее, что не куритъ, пахло же отъ шинели табакомъ оттого, что правящій, сидя на ней въ сараѣ, курилъ трубку. Желая задобрить старуху, Бобковъ разсказалъ, какъ за то, что онъ опоздалъ, чрезъ нее, на ученье, онъ получилъ 15 комлей, въ удостовѣреніе чего показалъ даже синіе рубцы на тѣлѣ. Однако старуха ничему не повѣрила, никакихъ оправданій и слушать не хотѣла. Вечеромъ разбирательство повторилось, но перевѣсъ остался все-таки на сторонѣ старухи. Вслѣдствіе такого рѣшенія Бобкову пришлось искупить свой мнимый грѣхъ всеобщимъ къ нему охлажденіемъ. Бѣлье, впрочемъ, мыли ему исправно, кормили, правда, порядочно, но только отдѣльно отъ хозяевъ и изъ особой посуды, которую завели собственно для него и которую ставили даже въ сторонѣ отъ той, изъ которой ѣли хозяева. Всякій его шагъ, всякое его движеніе вызывали укоры и ворчанье со стороны хозяевъ. Такъ Бобковъ и дожилъ остальной срокъ своего квартированія въ деревнѣ.

Другимъ кантонистамъ жилось хуже.

— У меня, Иванъ Ивановичъ, очень плоха квартира, жаловался правящему кантонистъ *съ сильною протекціею*, послѣ недѣльнаго жительства въ деревнѣ.—Всего и живутъ-то ста-

рикъ, да старуха, оба презлющіе. Старикъ—старовѣрскій попъ. Какъ пришелъ я первый разъ, такъ и въ избу даже не пустилъ, а отвелъ мнѣ уголъ въ хлѣву и я живу вмѣстѣ съ теленкомъ. Кормятъ прескверно: одну и ту же жиденькую, постную похлебку съ хлѣбомъ ѣмъ кажинный день. Тебѣ, говоритъ хозяинъ, казна только это и отпускаетъ; ну, и лопай какъ знаешь, а жалѣть тебя нечего, потому ты не нашей вѣры. Перейди, говоритъ, въ нашу вѣру, хорошо буду кормить: да еще и денегъ стану давать. Перемѣните мнѣ, пожалуйста, квартиру, не то я напишу...

— Зачѣмъ писать? Писать незачѣмъ: дѣло поправимое, отвѣчалъ правящій.—Эй, Бочковъ! перейди-ка ты, сегодня же, жить вмѣстѣ съ Филиповымъ на его квартиру. Тамъ ты ни чуть не прогадаешь: его хозяева богаты, возьмись за нихъ только, и будешь какъ сыръ въ маслѣ кататься. Тебѣ же не привыкать-стать учить этихъ сиволдаевъ. Ни въ чемъ не стѣсняйся: я за все отвѣчаю.

— Слушаю-съ, Иванъ Ивановичъ, отозвался Бочковъ, кантонистъ лѣтъ двадцати, отчаянный буянъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ Бочковъ явился на новую квартиру.

— Тебѣ чего надо? спросилъ хозяинъ—старикъ, загораживая Бочкову входъ въ дверь.

— Пусти напередъ въ избу, а тамъ и потолкуемъ.

— Да чего тебѣ надоть-то? Ежели «штыкову работу»—ёнъ въ задней; туда дорога со двора, а не здѣсь.

— Пусти, тебѣ говорятъ, не то такъ садану, что черти изъ глазъ посыплются.

— Ой-ли! Не пужай по пустому, не изъ трусливыхъ, а сколь ни харахорься,—въ избу не пущу.

— Не пустишь? — Такъ вотъ же тебѣ, старый хрычъ, ежели добромъ не унимаешься!.. Бочковъ такъ сильно толкнулъ старика въ грудь, что онъ свалился на близь стоявшую лавку. Бочковъ вошелъ въ избу, оглядѣлъ ее, крикнулъ Филипова, очистилъ, съ помощью товарища, лавку въ переднемъ углу и началъ вколачивать гвозди въ стѣну, недалеко отъ образовъ.

— Ты, штыковая работа, не трошь, мотри, стѣну-то, заговорилъ очнувшійся старикъ, бросаясь на Бочкова:—не пущу вѣшать пòгань подъ иконы. Вонъ ей гдѣ мѣсто-то! И старикъ бросилъ куртку къ порогу.

— Уймись, старый дьяволъ, пока я тебѣ всѣ ребра не пе-

реломалъ! Куртка вещь царская, а не пòгань. Самъ ты пòгань! Да не токмà ты, а и вѣра твоя пòгань.

— Охъ ты дьявольское твое навожденіе, охъ ты кислая муниція, охъ ты... заревѣлъ старикъ.—Зарѣжу, вотъ те Христосъ зарѣжу за святую, за нашу вѣру. Онъ бросился на Бочкова съ ножомъ.

— Рѣжь, рѣжь, безстрашно отвѣчалъ Бочковъ, выставляя впередъ обѣ руки.

— Караулъ! рѣжутъ, караулъ! закричалъ Филиповъ и бросился на улицу, продолжая кричать.

Старикъ опомнился и испугался. Бочковъ, пользуясь его замѣшательствомъ, мгновенно вышибъ изъ его руки ножъ, схватилъ его за грудь, повалилъ на полъ, притиснулъ и сѣлъ на него верхомъ. Между тѣмъ на крикъ Филипова выбѣжали изъ сосѣднихъ избъ три кантониста и, узнавъ въ чемъ дѣло, пришли на помощь Бочкову. Увидавъ его невредимымъ, они тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ заголосить по очереди: «связать его, тащить его къ правящему!» Старикъ лежалъ точно убитый.

— Живота, али смерти? потѣшался Бочковъ, тиская старика колѣномъ въ грудь.

— Отпусти, служба, пра отпусти, заворчалъ старикъ, предвидя бѣду.

— А будешь кормить хорошо?

— Буду, пра буду; ослобони же!

— И въ хлѣвъ гнать не станешь? И бàхвалиться не будешь?

— Не буду, пра не буду; ослобони же!

— Ну, хорошо, прощаю, только съ уговоромъ: сейчасъ всѣмъ отличный ужинъ; да чтобъ и говядина, и сметана, и ситникъ, и творогъ, все чтобъ было!

По прошествіи нѣкотораго времени, старикъ, мало по малу, стать опять входить въ прежнюю роль: то худо кормитъ, то плохо услуживаетъ, то споритъ съ постояльцами, а то и ругнетъ ихъ. Терпѣлъ, терпѣлъ нашъ Бочковъ, да подговорилъ нѣсколько человѣкъ товарищей, привелъ ихъ къ себѣ въ квартиру, усадилъ кругомъ обѣденнаго стола, подъ образами, и велѣлъ имъ чистить пуговицы, насыпаннымъ на самомъ столѣ тертымъ кирпичемъ, а самъ зашагалъ взадъ и впередъ по избѣ, въ шапкѣ, насвистывая какую-то пѣсню. Старика сперва не было,—но войдя въ избу онъ возмутился.

— Перестань, служба, свистать, да и шапку-то сними: ту-

тотка, чай, не хлѣвъ, а изба, иконы висятъ! строго началъ онъ.

— Да развѣ такія иконы бываютъ? насмѣшливо спрашиваетъ Бочковъ, продолжая ходить въ шапкѣ:—на нихъ и лика-то никакого не видать: какія же это иконы? По нашему, по православному, такія доски сожигаютъ, а пепелъ отъ нихъ высыпаютъ въ рѣку; а ты, съ дуру, называешь ихѣ иконами! Какія это иконы?

Пошла ругань. Старикъ доказывалъ превосходство своей вѣры и сталъ издѣваться надъ господствующей религіей.

— Такъ ты надъ Богомъ смѣешься! воскликнулъ Бочковъ.— Слышите, ребята, что̀ онъ говоритъ?

— Слышимъ, слышимъ, подтверждаютъ товарищи.

— Будьте-жь свидѣтелями. А ты, старая карга, пойдемъ къ начальству, пойдемъ, колдунъ ты эдакій! Бочковъ схватилъ старика за воротъ и потащилъ-было его изъ избы, но тотъ упирался, не шелъ и еще пуще ругался.

— Помогите, братцы, стащить его къ ротному.

По приводѣ туда, доложили правящему, а тотъ Тараканову. Въ избу ввели старика. Онъ былъ блѣднѣе полотна, глаза его дико блуждали, руки тряслись.

— Связать его! крикнулъ Таракановъ.—Какъ ты смѣлъ притѣснять кантонистовъ? продолжалъ онъ, когда старику связали руки назадъ. — Какъ ты, спрашиваю я, смѣлъ совращать въ свою ересь ихъ, царскихъ воспитанниковъ, рѣзать Бочкова, надругаться надъ святынею, а?

Старикъ молчалъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Запереть его въ амбаръ, приставить къ дверямъ часовыхъ и ждать моего приказанья, заключилъ Таракановъ.

Приказаніе тотчасъ исполнилось.

Крестьяне, узнавъ, по возвращеніи съ поля, о несчастіи ихъ попа, тотчасъ послали депутацію хлопотать за него. Но Таракановъ встрѣтилъ ее еще сильнѣйшею рѣчью и поклялся, что черезъ день непремѣнно разстрѣляетъ старика. Весь слѣдующій день продолжалась по деревнѣ суматоха, и уже поздно вечеромъ Таракановъ едва согласился выпустить старика, взявъ съ мужиковъ клятву, что они будутъ и беречь и холить, какъ зѣницу ока, кантонистовъ, этихъ, какъ онъ назвалъ ихъ, царскихъ воспитанниковъ. Затѣмъ онъ далъ правящему *два*, и Бочкову [1] *одинъ червонецъ*, со всѣми ласково распрощался, да и уѣхалъ во свояси. А по деревнѣ разнесся слухъ, будто за

[1] Кантонистъ, названный Бочковымъ—офицеромъ на Кавказѣ.

освобожденіе старика онъ содралъ съ крестьянскаго общества 30 червонцевъ.

Въ селѣ былъ базарный день. На площади стояло множество возовъ со всякою всячиною.

— Батюшка, баринъ, смилуйся: вели отдать мою тушу, взмолился мужичокъ, кланяясь въ ноги Ѳедоренкѣ.

— Толкомъ говори, чего просишь, и не хнычь! крикнулъ Федоренко, притопнувъ ногою.

— Твои, баринъ, кантонисты стащили съ моего воза тушу. Вели ее мнѣ отдать.

— Кто стащилъ? Когда стащилъ, да и какую такую тушу?

— Самый большой кантонистъ стащилъ говяжью тушу, быковую, значитъ, ляжку, да и убегъ сюда, въ твою фатеру. Вели отдать—вѣкъ не забуду.

— Эй, вѣстовые!

Въ дверь вошли разомъ три кантониста, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Хавровъ, сухопарый, высокій юноша, лѣтъ 18-ти, отъявленный воръ и отчаянный смѣльчакъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вотъ ёнъ, баринъ, ёнъ самый и стащилъ тушу-то, заговорилъ мужичокъ, указывая на Хаврова.—Не попусти, баринъ, въ обиду. Я человѣкъ бѣдный, торгую съ хлѣба на квасъ.

— Ты, Андреевъ, притащи мнѣ сюда десятскаго, да чтобъ принесъ съ собою кандалы; а ты, Ананьевъ, запри ворота на замокъ и стань часовымъ у калитки, чтобъ никто не вошелъ и не вышелъ.

Кантонисты со всѣхъ ногъ бросились исполнять приказаніе. Оставшіеся въ избѣ Ѳедоренко, правящій, Хавровъ и мужичокъ молчали.

Вскорѣ явился десятскій. Помолившись на образа, онъ сталъ у двери.

— Говори, мужикъ, въ чемъ твоя претензія? грозно началъ Ѳедоренко.

— Да я, батюшка-баринъ, ни на кого не жалюсь, а пришелъ къ твоей милости на счетъ туши-то, заговорилъ мужичокъ, видимо струсивъ. — Вонъ ёнъ самый ее укралъ, да къ тебѣ на фатеру и уволокъ: весь народъ эвто видѣлъ, да не успѣли яво догнать. Я, пра, не жалюсь.

— Укралъ ты, Хавровъ, у него тушу?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородье.

— Не знаешь, кто укралъ?

— Не могу знать-съ... Я сегодня и на улицу совсѣмъ не выходилъ.

— Слышишь, бородачъ ты этакой?

— Слышать-то слышу, только ёнъ, баринъ, обманываетъ!

— И ты еще смѣешь говоритъ: онъ укралъ и унесъ сюда? Вѣдь это значитъ не только онъ, но и я, по твоимъ словамъ, воръ? Я, капитанъ? Мы, царскіе слуги—воры?.. Кандалы сюда!.. заковать его!

Но десятскій топтался на одномъ мѣстѣ!

— Чего-жь ты ждешь? Заковывай!

— Да осмѣлюсь доложить тоже на счетъ... Десятскій запнулся.

— На счетъ чего? Говори! Говори прямо, а не юли.

— Да я на счетъ того, ваше благородье, ежели не изволите осерчать за правду, кантонисты ваши и то маху не даютъ. Гдѣ что̀ плохо лежитъ, тамъ у нихъ ужь и брюхо болитъ: безпремѣнно утянутъ. Да не токма што изъ стоющаго, — а и хлѣбъ, яйца, пироги все таскаютъ. У насъ, на селѣ распорядокъ, вишь ты, такой есть: всѣ зажиточные хрестьяне въ сумеркахъ сносятъ къ жилью бѣднѣющихъ, алибо хворыхъ хрестьянъ всякое съѣдомое, да положимши на подоконникъ избы, постучатъ въ оконцо, молвятъ: «примите, хозяева, потайную милостыню», да и убѣгаютъ домой, штобъ, значитъ, не видали кто принесъ. И покуда бѣдняга, аль хворый выходитъ за милостынею-то, кантонисты тѣмъ временемъ ужь стянули ее, да и дали тягу.

— Ты, Карповъ, это знаешь? спрашивалъ Ѳедоренко правящаго.

— Обвинять всѣхъ огуломъ тоже нельзя. Ты бы прежде поймалъ кого-нибудь и представилъ мнѣ, а то «не пойманъ — не воръ».

— Оно, ваше благородье, точно «не пойманъ—не воръ», да гдѣ-жь ихъ поймать-то? Схватитъ иной вонъ цѣлый пирогъ, али каравай хлѣба, да и улепетываетъ съ нимъ стрѣлой, будто птица...

— А ежели такъ, не смѣй и жаловаться.

— Да я, ваше благородье, и не жалуюсь, а такъ бытто къ слову молвилъ, а все прочее ничего, въ ладахъ живемъ.

— То-то же! У меня смотри: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Ну, а ты, бородачъ, навѣрное знаешь, что вотъ онъ, Хавровъ, укралъ у тебя тушу?

— Коли, батюшка, не вѣрно. Енъ, какъ есть, енъ самый укралъ...

— Такъ идемъ искать, идемъ! Ѳедоренко схватилъ мужика за плечо, потащилъ его на дворъ, обошелъ съ нимъ конюшню, хлѣвъ, поглядѣлъ въ телегахъ, въ яслахъ, нигдѣ, разумѣется, ничего не нашелъ, и вернулся въ избу.

— Теперь надѣть ему кандалы! заревѣлъ Ѳедоренко. — Я тебѣ покажу, какъ обзывать насъ, царскихъ слугъ, ворами!

Десятскій зазвенѣлъ кандалами, мужикъ взвылъ на весь домъ и упалъ въ ноги Ѳедоренко.

— Признайся, лучше, вѣдь обознался?

— Може, батюшка, и обознался. А сдается... Отпусти, будь милостивъ... У меня товаръ вонъ безъ призору.

Подошелъ конецъ августа. Кантонисты пріуныли: въ голову каждаго лѣзла неотвязная мысль о скоромъ возвращеніи въ казармы. Большинству взрослыхъ кантонистовъ предстояло, кромѣ того, горькое разставанье съ молодою хозяйкою, или съ хозяйскою дочерью. Въ это время ночами можно было безпрестанно наталкиваться на любовныя пары и за огороднымъ плетнемъ, и за гумномъ, и на сѣновалѣ, и даже въ сѣняхъ избы. Вездѣ слышались клятвы, звучали поцалуи, лились слезы, волновалась кровь; обтирались глаза и рукавомъ шинели, и засаленнымъ фартукомъ. При этомъ вздыхатели не забывали выманивать у своихъ возлюбленныхъ холста, нитокъ, а буде можно, то и денегъ.

Въ день выхода кантонистовъ изъ деревень мужчины на полевыя работы не выходили: одни — изъ желанія честью проводить «мальчугу», другіе,—чтобъ не дать ему возможности обокрасть избу, а третьи,—чтобъ жена, либо дочь не удрала со «штыковою работою».

Собраны капральства на ротный дворъ стройными рядами; за ними тянулись по двѣ, по три подводы съ казеннымъ, подареннымъ и даже украденнымъ имуществомъ; позади подводъ шли толпами мужики, а за ними женщины и дѣвушки. У околицы деревни мужики поворачивали назадъ, куда гнали и женское населеніе, и ласковою рѣчью, и свистомъ хворостины, и волоченьемъ за косу. Затѣмъ, помаявшись денечекъ, другой, беззащитная женщина снова принималась за серпъ и молоченье, и все, бывало, пойдетъ своимъ чередомъ... Нерѣдко, впрочемъ, случалось, что деревенскія женщины трагически заключали любовь свою къ кантонистамъ.

Рота Живодерова стояла фронтомъ, готовая пуститься въ путь. Вдругъ подбѣгаетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка— брюнетка, лѣтъ 17. Она бросилась ему въ ноги, и съ плачемъ завопила: «батюшка, голубчикъ баринъ, не погуби!... Отдай мнѣ Алешу! Я умру безъ него!... Сжалься, касатикъ, надъ сиротой!»

— Да ты откуда и какъ сюда, красавица, попала?

— Изъ села Горокъ, баринъ... 30 верстъ отселева. Убѣжала изъ дому; цѣлую ночь, точно шальная, бѣжала сюда! Отпусти, касатикъ!...

— Да ты, дура, не хнычь, а толкомъ скажи: какого тебѣ

Алешу надо? У меня въ ротѣ Алешей до двадцати найдется; который же изъ нихъ твой? Прозывается-то онъ какъ?

— Алеша... Алеша... Хорь... Хорьковъ, прозывается. Вонъ онъ и стоитъ-то неподалеку... эво... эво... Дѣвушка бросилась-было къ фронту.

— Держи ее, держи здѣсь! крикнулъ Живодеровъ.

Фельдфебель догналъ, схватилъ ее обѣими руками и вернулъ назадъ.

— Тебѣ, дура, къ фронту подходить нельзя: къ фронту, какъ и въ алтарь, бабъ не пускаютъ, внушалъ ей Живодеровъ. — Все порядкомъ разберу.

— Разбери, баринъ; разбери, касатикъ!

— Не хнычь! Алексѣй Харьковъ, пойди сюда!

Изъ передней шеренги отдѣлился томно-блѣдный, красивый юноша, лѣтъ 19-ти. Тихою, боязливою поступью подошелъ онъ къ Живодерову, вытянулся въ струнку и потупился.

— Алеша, желанный ты мой, на тебѣ лица нѣту-ти! вскрикнула дѣвушка, отчаянно рванулась изъ рукъ фельдфебеля, и повиснувъ на шеѣ Харькова, принялась его цѣловать. Но Харьковъ стоялъ неподвижно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчалъ на ея ласки.

— Это еще что за нѣжности! гаркнулъ Живодеровъ: —держи ее, шельму, хорошенько! А то, на-ко, выдумала обниматься!..

Фельдфебель схватилъ дѣвушку въ охабку и стиснулъ ее въ своихъ мощныхъ рукахъ. Та тихо-тихо зарыдала.

— Разскажи-ка, Харьковъ, какъ ты съ ней связался? да помни, не лгать: запорю!

Харьковъ взглянулъ на дѣвушку, вздохнулъ, разинулъ-было ротъ, чтобъ начать свою исповѣдь, но поперхнулся; крупныя слезы покатились изъ его глазъ.

— Ха, ха, ха! во все горло захохоталъ Живодеровъ.—Вотъ комедія-то! Ну, пускай она реветъ, бабѣ заплакать все равно, что плюнуть; а ты-то что разрюмился? Отвѣчай, что̀ тебя спрашиваютъ. Ну же!

— Я... виноватъ, ваше благородье... виноватъ... она... мы... я люблю ее! Простите... Слезы душили Харькова и онъ снова остановился.

— Не погуби, баринъ, моего Алешу: онъ неповиненъ, какъ есть неповиненъ, вмѣшалась дѣвушка. — Я сама тебѣ все разскажу безъ утайки.

— Цыцъ! закричалъ Живодеровъ, топнувъ ногою.—Пока цѣла, молчи лучше; не то отдеру и тебя. А ты, Харьковъ, вытри глаза и отвѣчай!

— Какъ размѣстили насъ по квартирамъ, я попалъ къ нимъ, началъ Харьковъ дребезжащимъ голосомъ. — Сперва я видѣлъ одну ихъ стряпуху. Потомъ, я встрѣтился разъ съ Дашею въ сѣняхъ, поздоровался, поговорилъ кое о чемъ, и ушелъ въ свое мѣсто. Въ тотъ же вечеръ стряпуха велѣла мнѣ перебраться изъ чулана, гдѣ я прежде жилъ, въ переднюю избу, и тогда же начала меня кормить хорошо и сбивать перейти въ ихнюю вѣру; говорила, будто Даша, хозяйка, велѣла ей уговорить меня. Смѣючись, я разъ и сказалъ ей: «погоди немного, поприсмотрюсь прежде къ вашей вѣрѣ, а тамъ, можетъ, и перейду». А какая-такая ихняя вѣра, я и не зналъ даже. Даша и съ самаго начала ко мнѣ была ласкова, а съ тѣхъ поръ, какъ стряпуха передала ей, будто я хочу въ ихъ вѣру перейти, она сдѣлалась еще лучше. Только вотъ однажды, ночью, приходитъ она ко мнѣ-съ... «Ты, говоритъ, меня не прогонишь?». Изба, говорю, не моя, а твоя, какъ же я могу тебя прогнать изъ твоей же избы? Ну-съ, только сѣла она это ко мнѣ на лавку, а у меня, ваше благородье, голова кругомъ пошла, руки и ноги затряслись, словно въ лихорадкѣ. Вотъ, ваше благородье, все... Простите, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣчно Бога молить!

— И все это правда?

— Сущая, баринъ, правда, подхватываетъ дѣвушка.—Только одно онъ не досказалъ... Даша, заплакавъ, указала на свой животъ.

— Какъ? отъ кантониста забеременѣла? Ха, ха!.. ха!.. ха!.. Ай-да Харьковъ! И не дождавшись отвѣта отъ растерявшагося Харькова, Живодеровъ перешелъ съ вопросомъ къ Дашѣ:

— Такъ чего-жь тебѣ еще, красавица, отъ него надо?

— Да вели, баринъ, повѣнчать насъ. Отецъ дастъ тебѣ денегъ... у него много. Онъ ни тебѣ, ни намъ съ Алешей ничего не пожалѣетъ...

— Что-о?.. Повѣнчать васъ?.. Это кантониста-то повѣнчать? Ха, ха, ха! Нѣтъ, красавица, кантонисты не женятся! Да и что съ тобой толковать много... розогъ сюда!

— Она, ваше благородіе, не кантонистъ; ее драть вамъ не позволено, смѣло вступился Харьковъ, сверкая глазами.—За это вамъ самимъ достаться можетъ.

— Такъ это меня-то драть? Нѣтъ, баринъ: ежели хоть пальцемъ тронешь, я тебѣ глаза всѣ выцарапаю.

— Что-о-о? заревѣлъ Живодеровъ.—Унтеръ-офицеры! растянуть обоихъ живо!

— Ваше благородье, не трогайте дѣвушку, заговорилъ фельдфебель:—она и на себя-то не похожа, словно полоумная,

да и опасно... не ровенъ часъ... оставьте ее въ покоѣ, сдѣлайте милость!

— У меня часы всѣ равны: вздую, такъ закается бѣгать изъ дома за любовникомъ. Харькова растянуть, а эту халду подержать рядомъ съ нимъ на вѣсу, чтобы брюхо не раздавить. Ему полсотни, а ей двадцать-пять горячихъ—живо! живо!..

Приказаніе исполнилось. Во время наказанія, Живодеровъ потиралъ руки отъ удовольствія, приговаривая: «та-та-та!.. любили кататься, любите и саночки возить; та-та-та!..»

— Теперь вотъ поцѣлуйтесь, смѣясь сказалъ онъ:—поцѣлуйтесь же, вы вѣдь ужь больше не увидитесь.

Но Харьковъ и Даша стояли точно приговоренные къ смерти. Боль, стыдъ и глубокое оскорбленіе помрачали ихъ разсудки.

— Ну же, поцѣлуйтесь на прощанье, продолжалъ Живодеровъ, свелъ обоихъ лицо съ лицомъ и добавилъ:—вотъ такъ сладко чмокнулись: ха, ха... и развелъ ихъ въ разныя стороны.

— Десятскаго сюда!

Явился десятскій, стоявшій все время за фронтомъ. Онъ, какъ сельская полиція, обязывался присутствовать при выступленіи кантонистовъ.

— Возьми вотъ эту дѣвку и отведи ее въ село Горки къ отцу, приказывалъ ему Живодеровъ.—Да скажи ему, что она хотѣла убѣжать за любовникомъ-кантонистомъ въ городъ и я её за это и за грубость выдралъ.

Когда Дашу привели обратно домой, все село узнало о ея побѣгѣ и, какъ водится на Руси, на нее посыпались отовсюду насмѣшки, обиды физическія и нравственныя. Это ее окончательно доняло и, запасшись деньжонками и одежою, она вновь сбѣжала ужь въ городъ, гдѣ ее встрѣтило новое горе: Харьковъ, по прибытіи въ казармы, залегъ въ лазаретъ и свидѣться съ нимъ ей долгонько не удавалось. Наконецъ, онъ выздоровѣлъ, узналъ объ ней отъ товарищей, поколебался нѣсколько, идти ли на свиданье съ ней, или нѣтъ; «идти» взяло, разумѣется, верхъ, и онъ отправился.

Горькое это было свиданіе и тяжела показалась обоимъ любовь, за которую начальство сѣчетъ. Много было пролито слезъ, много надеждъ высказано. И вдругъ...

— Васъ-то, голубчиковъ, намъ и надо, вдругъ раздалось надъ самыми ушами Харькова и Даши.

И два здоровенныхъ унтера вцѣпились въ нихъ своими лапищами, потащили обоихъ въ казармы и къ вечеру они уже

очутились: Харьковъ — вновь изсѣченный—въ лазаретѣ, а Даша — въ полиціи.

Пока вытребовали съ родины Даши, чрезъ уѣздную полицію, точныя о ней свѣдѣнія, она успѣла родить сына, содержалась въ полиціи; а сидя тамъ со всякимъ человѣческимъ отребьемъ, она вынесла не мало горя. По выходѣ же оттуда, ее встрѣтила нужда, и вотъ она поступила въ число гулящихъ, и затѣмъ года три сряду слыла по городу самою лучезарною звѣздою открытаго разврата. Наконецъ, попалась въ какомъ-то уголовномъ преступленіи, была наказана плетьми и сослана въ Сибирь на поселеніе.

Харьковъ умеръ отъ чахотки въ лазаретѣ, спустя мѣсяца три послѣ рокового свиданія.

XIV.

Выпускъ изъ заведенія и возмездіе за воспитаніе.

Со времени возвращенія кантонистовъ изъ деревни, прошло уже недѣли двѣ. На дворѣ стояло сѣренькое сентябрьское утро. Все заведеніе выстроилось на плацу поротно. Начальникъ обошелъ фронтъ, вызвалъ изъ него впередъ и отдѣлилъ въ сторону человѣкъ 300, назначенныхъ къ выпуску на службу; потомъ тщательно пересортировалъ роты по новому, перерровнялъ ихъ ранжиръ и распустилъ въ казармы.

Въ заведеніи поднялась необыкновенная суматоха: кантонисты оживились и радовались! Да и было отчего: одни, человѣкъ 60, хорошо выдержавшихъ ничтожный классный экзаменъ, восторгались предстоящимъ имъ писарскимъ званіемъ и почестями; другіе, человѣкъ 50, посредственныхъ знаній, назначенные въ фельдшерскіе ученики, также мечтали о перспективѣ фельдшера, съ мягкими, вкусными булками, съ чудесными жаркими и другими лакомыми казенными порціями, такъ часто раздражавшими ихъ нервы во время лежанія въ лазаретѣ; третьи, человѣкъ 50, предназначенные въ цейхдинеры, цейхштрейберы (артиллерійскіе и инженерные надзиратели), тоже радовались своимъ будущимъ мѣстамъ, хотя никто изъ нихъ положительно не понималъ, что̀ такое цейхдинеръ, или цейхштрейберъ; наконецъ, четвертые, человѣкъ 100, черезчуръ ужь рослые и старые лѣтами, готовились: красивые, ловкіе — въ саперы и піонеры, а карявые и искалеченные — въ мастеровыя команды, въ гарнизонъ. Волновались также и тѣ, которымъ

суждено было еще долго оставаться въ заведеніи. И на нихъ дѣйствовала торжественность событія.

Прошло нѣсколько дней. Выпускныхъ обмундировали въ новыя куртки и шинели безъ погоновъ, съ суконными пуговицами, точно рекрутовъ, выдали имъ по двѣ пары бѣлья и новыхъ, неношенныхъ сапоговъ, какихъ иному ни разу не приводилось надѣвать въ теченіе 10-тилѣтняго своего пребыванія въ заведеніи. Начальникъ осмотрѣлъ ихъ одежду и спросилъ: «не имѣетъ ли кто претензіи?» Они отвѣчали отрицательно. Партію передали партіонному офицеру, обыкновенно гарнизонному прапорщику.

— У кого были въ заведеніи деньги, присланныя въ письмахъ родныхъ, а также слѣдующія за крещеніе [1], — шагъ впередъ! произнесъ партіонный. Человѣкъ 60 выступило. Онъ перекликнулъ ихъ по списку и объявилъ, сколько у каждаго принятаго для храненія до мѣста будущей службы, капитала.

— У каждаго изъ васъ, помните, еще вычтено по рублю изъ этихъ денегъ, добавилъ партіонный.

— А за что̀ вычтено? раздался вопросъ.

— Какъ за что̀? За розги, которыми васъ сѣкли. Вѣдь ваше начальство, небось, тоже деньги платитъ за розги.

— Насъ же драли, да и мы же еще плати за это? возразили нѣсколько голосовъ.

Съ того же дня выпускныхъ помѣстили особо, въ самомъ отдаленномъ и пустомъ флигелѣ казармъ, и дали имъ недѣльный отдыхъ на сборы въ дорогу. Съ кантонистами заведенія имъ ужь не дозволялось сходиться; даже пищу приносили имъ въ ихъ помѣщеніе. Выпускные очутились вдругъ подъ начальствомъ одного человѣка — партіоннаго, да и тотъ обѣщался смотрѣть на все сквозь пальцы. Положеніе завидное, и для кантонистовъ небывалое... Поэтому они въ тотъ же день отправились цѣлыми толпами по городу, по базару, по лавкамъ, и ужь не только то крали, что̀ плохо лежало, но даже изъ рукъ, изъ рта у торговокъ вырывали съѣдобное, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ—расхватывали и выручку.

Между кантонистами существовалъ издавна обычай, чтобы выпускные ежегодно *расплачивались* на прощанье съ начальствомъ за свое воспитаніе. Другими словами, было принято задавать начальству трепку. Обычай этотъ исполнялся ненарушимо. Выпускные, возвратясь вечеромъ домой, составили изъ сре-

[1] Мальчикамъ изъ евреевъ за принятіе православія давалось «*въ награду*» за это по 25 р. ассигнаціями на основаніи 1387 ст. IX т. зак. о состояніяхъ.

ды себя нѣсколько летучихъ отрядовъ, человѣкъ по 20, и, возведя храбрѣйшихъ въ атаманы, неслышными шагами отправились въ походъ; попрятались въ глухихъ улицахъ, за заборами, на казарменномъ дворѣ за бочками, и даже подъ лѣстницами въ казарменныхъ корридорахъ. Всѣ были вооружены, кто двумя камнями, кто рваною простынею, длинною палкою, нѣсколькими пучками розогъ, кто скрученнымъ изъ полотенецъ жгутомъ, а кто и смоленою веревкою. Притаившись въ засадѣ, они ждали извѣстную начальственную особу, которая, какъ было имъ извѣстно, должна была пройти здѣсь. Лишь только особа поровнялась съ условнымъ мѣстомъ, слѣдившіе за нею свистнули, самые сильные выскочили изъ засады и сшибли ее съ ногъ. Другіе замкнули особѣ ротъ и крикнули: «поймали звѣря!» Тогда весь отрядъ сбѣжался, схватилъ звѣря кто за что̀ успѣлъ, оттащилъ его подальше отъ дороги и пошло побоище. Устанутъ одни—ихъ смѣняютъ другіе, другихъ—третьи. Наконецъ, измучившись, отрядъ отправилъ особу съ завязанною головою, и разлетѣлся въ разныя стороны.

Избіеніе начальственныхъ особъ носило между кантонистами названіе *лупсовки*. Лупсовка была *простая*, когда колотили зря, какъ попало, и *законная*. Законною лупсовкою называлось вотъ что: кто, напримѣръ, любилъ бить кантонистовъ кулакомъ, того самого колотили 15—20 кулаковъ сразу; кто дралъ лежачихъ, заставляя другихъ садиться наказываемому на голову и на ноги — тотъ подвергался такой же процедурѣ; кто предпочиталъ въ пересыпку — того самого *лупсовали* въ пересыпку, а кому нравилось драть на вѣсу—того самого драли на вѣсу. На вѣсу, впрочемъ, драли вообще всѣхъ заклятыхъ враговъ: это отступленіе дѣлалось потому, что на вѣсу больнѣе. Различія, или снисхожденія никогда и ни въ пользу кого не допускалось: ротный ли командиръ попался, фельдфебель ли, учитель ли, или даже простой унтеръ — это для выпускныхъ было совершенно все равно. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, выпускнымъ удавалось въ одинъ и тотъ же вечеръ *отлупсовать* нѣсколько *звѣрей* въ разныхъ пустынныхъ мѣстностяхъ города.

Начальство твердо помнило выпускныхъ и въ это время держало ухо востро; но, тѣмъ не менѣе, при упорной настойчивости выпускныхъ и при очень темныхъ вечерахъ, они ежегодно *лупсовали* властей на славу!.. Только самого начальника никогда выпускнымъ не удавалось поймать: онъ всегда ѣздилъ вечерами въ каретахъ и на такихъ лошадяхъ, которыхъ нельзя было остановить, не подвергаясь быть раздавленнымъ на мѣ-

стѣ. Но спокойнымъ и онъ не оставался: въ его квартирѣ выбивали каменьями стекла, срывали звонки, въ дверяхъ накладывали всякой гадости и подбрасывали всевозможные пасквили, а разъ даже ухитрились какъ-то окатить его сверху на лѣстницѣ помоями.

За исключеніемъ десятка палочныхъ и кулачныхъ возмездій, полученныхъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей нѣкоторыми мелкими властями, на долю нашихъ выпускныхъ выпалъ жребій поймать Живодерова, до котораго добивались нѣсколько лѣтъ сряду. На этотъ разъ, до 15 отборныхъ силачей и смѣльчаковъ четыре ночи сряду напрасно повсюду розыскивали его. Но вотъ они узнали въ пятый вечеръ, что онъ въ гостяхъ у знакомаго, въ самомъ безлюдномъ захолустьѣ города, куда дорога лежала чрезъ длинный и глубокій оврагъ. Ни мало не думая, они отправились туда и засѣли за заборомъ, рѣшившись во что бы то ни стало поймать его, благо попался въ такомъ удобномъ мѣстѣ.

Уже пропѣли первые пѣтухи, когда, наконецъ, послышались чьи-то тяжелые шаги, а затѣмъ и знакомый имъ голосъ Живодерова, говорившаго что-то себѣ подъ носъ. Покачиваясь съ боку на бокъ, шелъ онъ по улицѣ. Отрядъ далъ ему углубиться въ оврагъ; потомъ сразу нагналъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ и остановилъ его.

— Это что̀ такое? грозно спросилъ Живодеровъ. — Что̀ вы за народъ?

— Мы-то? Люди, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Что-жь вамъ надо?

— Тебя, самого тебя намъ надо, заговорилъ атаманъ.—Позвольте, ваше бродье, выдрать васъ?

— Что-о-о? ахъ вы, сволочь проклятая! Да я васъ... въ порошокъ сотру!..

Живодеровъ сталъ въ оборонительное положеніе.

— Лучше, ваше бродье, не ершитесь по пустому. Станете кричать—гораздо больнѣе отлупсуемъ. Ложись лучше по доброй волѣ.

— Прочь, негодяи! Караулъ! Помогите, спасите...

— Тебя просятъ честью, а ты еще орешь? Замкнуть ему ротъ, да подержать покрѣпче, а я тѣмъ временемъ самъ сдеру съ него его штанищи. Ну-ка!..

Сказано—сдѣлано. Штаны Живодерова превратились въ мелкіе клочья.

— Ребята, вали его и садись, кто на голову, кто на ноги, да въ пересыпку валяй, валяй его, друзья!

Притиснутый къ землѣ, Живодеровъ, съ замкнутымъ ртомъ, и кричать уже не могъ. Началось лупсованье.

— Это тебѣ за то, чтобъ не пилъ кантонистской крови, приговаривалъ атаманъ:—это тебѣ за то — не дери сыновей; это тебѣ за то—не издѣвайся надъ женой, не тирань свою дочь, раскрасавицу-барышню; а вотъ это тебѣ за всѣхъ ихъ, да и за насъ, православныхъ! Крѣпче! та-та, та-та. Любишь кататься—люби и саночки возить!.. Крѣпче! та-та, та-та!.. Крѣпче!.. Довольно!

Живодеровъ едва былъ въ силахъ стонать.

— Ну-съ! теперь мы, баринъ, съ тобой, кажется, квиты. Будешь живъ и объ насъ вспомни, а пока спокойной ночи. А вы, молодцы, по щучьему велѣнью, по моему прошенью, уничтожься, пропади!

И отрядъ исчезъ во мракѣ ночи.

Наканунѣ своего выступленія, выпускные разгласили по всему заведенію о чудеснѣйшей *лупсовкѣ*, заданной ими заболѣвшему послѣ того Живодерову, и кантонистамъ было до того пріятно узнать это, что подробности лупсовки переходили изъ устъ въ уста нѣсколько лѣтъ сряду.

Насталъ, наконецъ, и день выступленія выпускныхъ въ походъ. Веселые, счастливые, прощались они съ товарищами, цаловались, давали слово переписываться. Но тяжела была разлука для тѣхъ, которымъ суждено было остаться въ заведеніи, и горячо завидовали они своимъ счастливымъ товарищамъ.

Совершенно счастливыми пустились выпускные въ путь, шли и оглядывались назадъ, на казармы, плевали на нихъ, грозили кулакомъ и посылали всевозможныя проклятія какъ заведенскому воспитанію, такъ и людямъ, руководившимъ этимъ воспитаніемъ.

Въ числѣ выпускныхъ, пройдя всѣ вышеописанныя мытарства заведенія, шли уже на службу и знакомые читателю кантонисты—Василій Ивановъ и Иванъ Степановъ. Первый шелъ въ писаря — въ полкъ, а послѣдній — подъ ружье, въ саперы.

В. Никитинъ.

ВЪ ЕВРОПѢ.

Посмотришь: всѣ нѣмцы въ лавровыхъ вѣнкахъ,
Во Франціи - миръ и порядокъ;
А въ сердце все будто бы крадется страхъ,
И духъ современный мнѣ гадокъ.

Кулачное право господствуетъ вновь;
И, словно нѣтъ дѣла на свѣтѣ,
Намъ жизнь ни почемъ, и пролитая кровь
Намъ видится въ розовомъ цвѣтѣ.

Того и гляди, что еще будетъ взрывъ,
И воины, злы безъ границы,
Могильные всюду кресты водрузивъ,
Крестами украсятъ петлицы.

Боюсь я, что мы, опорожнивъ свой лобъ
Отъ всѣхъ невоенныхъ вопросовъ,
Чрезъ годъ не поймемъ, что̀ за звѣрь—филантропъ,
И спросимъ, что̀ значитъ—философъ?

Тѣмъ больше, что въ наши мудреные дни
Забрали весь умъ дипломаты,
И нужны для міра съ перомъ—лишь они,
Да съ новымъ оружьемъ солдаты.

Два дѣла въ ходу: отрывать у людей
Отъ туловищъ руки и ноги,
Да, будто во имя высокихъ идей,
Свершать безъ зазора подлоги.

Когда же подносятъ съ любезностью въ даръ
Свободу, реформы, науку,—

Я, словно какъ въ циркѣ, все жду, что фигляръ
Предъ публикой выкинетъ штуку.

Всѣ рѣчи болѣзненно рѣжутъ мой слухъ,
Всѣ мысли—темны иль нечисты...
На мирную пальму, на доблестный духъ
Мнѣ кажутъ вотще оптимисты.

Видъ символа мира имъ сладокъ и милъ,—
По мнѣ—это чуть ли не розга;
Гдѣ крѣпость имъ чудится нравственныхъ силъ,
Тамъ мнѣ—размягченіе мозга...

Алексѣй Жемчужниковъ.

ОЧЕРКИ

УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

1825—1860.

Н. А. Полевой, В. Ѳ. Одоевскій, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. А. Добролюбовъ и ихъ сподвижники.[1]

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вліяніе на Бѣлинскаго переѣзда въ Петербургъ. — Начало въ Бѣлинскомъ переходнаго процесса. — Свидѣтельство объ этомъ Тургенева. — Новый взглядъ на романтизмъ. — Статья о Лермонтовѣ. — Рефлексіи и отрицаніе рутинной морали. — Примиреніе съ французскою литературою и увлеченіе романами Жоржъ-Зандъ.—Новые взгляды философскіе и эстетическіе.—Оцѣнка Пушкина и Ап. Майкова.

Столкновеніе Бѣлинскаго съ Герценомъ, пріѣздъ въ Петербургъ и начало сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ»,— эти три событія, случившіяся почти одновременно, въ 1839 году, послужили, какъ уже мы говорили объ этомъ въ 7-й главѣ, толчками, возбудившими въ Бѣлинскомъ умственный и нравственный переломъ.

Не говоря о томъ вліяніи, какое необходимо производитъ появленіе новыхъ, разномыслящихъ людей на членовъ замкнутаго кружка, увлекшагося какою-нибудь узенькою, одностороннею доктриною, немалое освѣжающее и отрезвляющее дѣйствіе оказываетъ въ этомъ случаѣ всякое удаленіе отъ кружка въ видѣ путешествія, переселенія въ другой городъ, перемѣны занятій. Мы видѣли, что даже представитель кружка, Станке-

---

[1] См. «Отеч. Зап.» 1871 г., №№ 1, 2 и 3-й. Двѣ главы (8 и 9-ю), предшествующія нынѣ печатаемымъ, редакція надѣется напечатать впослѣдствіи.

*

вичъ, сдѣлался уже не тотъ, что̀ былъ въ Москвѣ, съ переселеніемъ заграницу: его начало тяготить то самое углубленіе въ отвлеченныя сферы гегелевской философіи, въ которомъ онъ прежде видѣлъ высокую задачу жизни. То же самое случилось и съ Бѣлинскимъ по переѣздѣ его въ Петербургъ.

«Хотя москвичъ вообще оригинальнѣе и какъ будто самобытнѣе петербуржца, однако тѣмъ не менѣе онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить,— говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ «Москва и Петербургъ» (см. Соч. Бѣл. Т. 12, стр. 229).—Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце насчетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, — тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку... Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство; сначала, кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастіе глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ»...

Но было бы ошибочно думать, чтобы прежнія теоріи и фантазіи Бѣлинскаго спали съ него дѣйствительно съ легкостью осеннихъ листьевъ и чтобы переворотъ совершился въ немъ съ быстротою балетныхъ превращеній. Напротивъ того, цѣлые годы тянулось переходное состояніе въ умственномъ мірѣ Бѣлинскаго; въ эти годы Бѣлинскій переживалъ тотъ же самый періодъ рефлексій и сомнѣній, какой въ то время переживали всѣ его современники, начиная съ Герцена и кончая Грановскимъ. Всѣ эти рефлексія и сомнѣнія, всѣ эти блужданія въ потемкахъ различныхъ противорѣчій — были столь же и мучительны для Бѣлинскаго, какъ и всѣмъ его современникамъ. Вотъ что̀ свидѣтельствуетъ объ этомъ г. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ:

«Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ (1843 г.), его сно-

ва начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже пофранцузски читалъ съ большимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что̀ могло бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души... И такъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили, лишали его сна, нищи, неотступно грызли и жгли его, онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотите ѣсть!»

Это переходное состояніе отражается и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, эпохи сотрудничества его въ «Отечественныхъ Запискахъ». Перебирая статьи его этой эпохи, одна за другою, вы встрѣтите, какъ постепенно Бѣлинскій переходитъ изъ праваго лагеря гегеліанцевъ въ лѣвый и дѣлается наконецъ фейербахистомъ; отрѣшаясь отъ идеализма, все болѣе становится на реальную почву, наконецъ изъ поклонника чистаго искусства превращается въ проповѣдника искусства для жизни.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1839 году, Бѣлинскій въ теченіе перваго года все еще носился со своими московскими идеями. Первымъ дѣломъ онъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ свои знаменитыя статьи, написанныя имъ еще въ Москвѣ и выражающія апогей его московскихъ увлеченій: «Очерки Бородинскаго сраженія» и «Менцель, критикъ Гёте». Затѣмъ въ 1840 году была напечатана имъ критическая статья, посвященная разбору «Горя отъ ума» Грибоѣдова рядомъ съ «Ревизоромъ» Гоголя. Мы разсматривали эту статью въ 7-й главѣ и видѣли въ ней преобладаніе идей московскаго періода: комедія Гоголя въ этой статьѣ превозносится, какъ идеалъ комедіи, вслѣдствіе своей объективности, а «Горе отъ ума» выключается изъ разряда художественныхъ произведеній за преобладаніе въ ней сатиры.

Но уже и въ этой статьѣ, несмотря на преобладаніе въ ней все еще московскихъ теорій, вы видите вѣяніе новаго духа. Вы замѣчаете, что Бѣлинскій гораздо глубже усвоилъ гегелевскую философію и пришелъ къ болѣе правильному пониманію ея. Онъ уже не считаетъ все дѣйствительное разумнымъ и не проповѣдуетъ примиреніе съ мрачными сторонами жизни въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Напротивъ того, дѣйствительнымъ онъ признаетъ только разумное въ жизни, все же остальное относитъ къ категоріи призрачнаго. «Дѣйствительность, говоритъ онъ (см. Соч. Б., т. 3, стр. 364), есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, неразумное, эгоистическое—есть призрачность». Сообразно этимъ двумъ категоріямъ онъ дѣлитъ и поэзію на положительную—поэзію разумной дѣйствительности, и отрицательную—поэзію неразумной призрачности.

Но особенно замѣчательна эта статья тѣмъ, что въ ней Бѣлинскій впервые рѣшился признать романтизмъ явленіемъ вполнѣ отжившимъ и неимѣющимъ никакого значенія въ современной жизни. Онъ провелъ на отношеніе романтизма къ классицизму взглядъ, основанный вполнѣ на гегелевской философіи. По его мнѣнію, древній классицизмъ и средневѣковой романтизмъ суть двѣ противоположности, тезъ и антитезъ. Въ одной крайности, именно въ классицизмѣ, Бѣлинскій видитъ преобладаніе формы надъ идеею чувственной красоты, надъ духомъ; въ романтизмѣ — наоборотъ: преобладаніе духа надъ формою. Искать идеала поэзіи въ одной изъ этихъ крайностей, по мнѣнію Бѣлинскаго, крайне нелѣпо, такъ-какъ прогрессъ заключается не въ установленіи той или другой крайности, а въ примиреніи ихъ, синтезѣ. «Наше новѣйшее искусство, говоритъ

онъ (см. Соч. Б., т. 1, стр. 3, 49), начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что «мы не греки и не римляне», и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ же его назвать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдственно и въ различіи отъ того и другаго, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ втораго, изслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы».

Мы не будемъ распространяться объ искусственности подобнаго метафизическаго взгляда на исторію искусства,—взгляда, который господствовалъ въ 40-е годы. Если вы вооружитесь подобнымъ взглядомъ на развитіе искусства, то конечно вы должны будете безпрестанно становиться въ тупикъ при анализѣ различныхъ произведеній древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ: такъ, напримѣръ, на какомъ основаніи вы отвергнете преобладаніе внутренняго содержанія, идеи въ такихъ произведеніяхъ древности, какъ Прометей Эсхила, комедіи Аристофана, сатиры Ювенала, а съ другой стороны Divina comedia Данте, несмотря на то, что появившись въ самой глубинѣ среднихъ вѣковъ, представляетъ вовсе не преобладаніе идеи, содержанія надъ формою, а напротивъ того, вы видите въ ней представленіе сверхчувственныхъ вещей, до такой степени чувственное и пластичное, что читая комедію, вы забываете о духовности этихъ вещей. Но для насъ взглядъ Бѣлинскаго важенъ не по отношенію къ его вѣрности, а по значенію въ свое время. — Статья Бѣлинскаго, проведшая подобный взглядъ, и напечатанная въ 1840 году, представляется какъ бы сигнальнымъ выстрѣломъ, возвѣстившимъ переходъ отъ 30-хъ годовъ къ 40-мъ. — Этотъ выстрѣлъ возвѣстилъ, что близокъ конецъ царству романтизма, что романтизмъ утратилъ свое значеніе передоваго знамени вѣка. Правда, тотъ же самый взглядъ провелъ еще ранѣе Бѣлинскаго Н. Надеждинъ въ своей диссертаціи о романтизмѣ. Но Надеждинъ не могъ имѣть такого вліянія, какъ по своей уклончивости, непрямотѣ, вилянію хвостикомъ передъ классицизмомъ, такъ и потому, что въ 20-е годы взглядъ, высказанный Надеждинымъ, былъ слишкомъ преждевременъ. Правда, что Бѣлинскій, возвѣстившій конецъ романтизма, тѣмъ не менѣе оставался

до могилы во многихъ отношеніяхъ истымъ романтикомъ, подобно многимъ его современикамъ, но это показываетъ только, что умственные перевороты совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а имѣютъ свой неизбѣжный процессъ, который можно предвидѣть, можно сознавать, но перешагнуть черезъ который такъ же невозможно, какъ сразу отростить бороду или вырости на вершокъ. Статья Бѣлинскаго въ этомъ отношеніи возвѣстила не конецъ романтизма, а начало выхода изъ него, наступленіе эпохи броженія и борьбы идей, характеризующихъ собою 40-е годы. Послѣ статьи Бѣлинскаго крики противъ романтизма начинаютъ раздаваться въ литературѣ чаще, рѣшительнѣе и громче, и въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, романтизмъ сдѣлался браннымъ прозвищемъ для всего отсталаго и отжившаго.

И надо отдать справедливость Бѣлинскому, что въ синтезѣ классицизма и романтизма, который онъ проповѣдывалъ, онъ предвидѣлъ именно то, къ чему стремилось человѣчество въ его время. Въ той же статьѣ о «Горе отъ ума» вы читаете слѣдующія многознаменательныя строки (см. С. Б., т. 3, стр. 355, 357):

«Мечтательность въ XIX вѣкѣ также смѣшна, пошла и приторна, какъ и сантиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное... Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ ѳиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаетъ изящную форму, просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній отворяетъ тайнственныя врата священнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіею мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни»...

Въ томъ же году, въ статьѣ по поводу сочиненій Марлинскаго, Бѣлинскій еще болѣе развилъ эту идею о поэзіи дѣйствительности, жизни. «Истинно-художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя — говоритъ онъ (Соч. Б., т. 3, стр. 458 и 459) — своею истиною, естественностью, вѣрностью, дѣйствительностью, до того, что, читая его, вы безсознательно,

но глубоко убѣждены, что все разсказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе не могло. Когда вы его окончите, изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами, какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями—съ лицемъ, съ голосомъ, съ поступью, со своимъ образомъ мышленія; они на всегда и неизгладимо впечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое піэсы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности... Въ искусствѣ, все невѣрное дѣйствительности есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т.-е. всякая выдуманная какимъ-нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность есть ложь и клевета на истину...».

Подобныя идеи, сдѣлавшіяся въ настоящее время азбучными истинами, были великими открытіями для русской публики въ то время, какъ писалъ эти строки Бѣлинскій. Публика эта продолжала еще въ то время зачитываться Марлинскимъ; на Гоголя смотрѣли, какъ на комическаго балагура или грязнаго пасквилянта, и въ поэзіи видѣли не болѣе, какъ праздный вымыселъ, сказку. Понятно, что прежде чѣмъ дойти до идеи полезнаго искусства, совершенно послѣдовательно было со стороны Бѣлинскаго установить истинный взглядъ на искусство вообще, какое бы ни было, чистое или полезное, убѣдить публику, что истинное искусство высоко не вымысломъ, а правдою, вѣрнымъ воспроизведеніемъ жизни. Изъ этой же идеи самъ собою слѣдовалъ прямой выводъ, что искусство, цѣнное правдою жизни, этимъ уже самымъ есть искусство полезное; если ставить искусство, воспроизводящее дѣйствительность, выше искусства вымысла, отрѣшеннаго отъ жизни, то во имя чего же другаго, какъ не во имя насущной, жизненной полезности подобнаго искусства. Мы увидимъ вскорѣ, что Бѣлинскій незамедлилъ прійти къ подобному выводу.

Въ томъ же 1840 году была помѣщена въ Отечественныхъ Запискахъ статья Бѣлинскаго о «Героѣ нашего времени» Лермантова. Статья эта замѣчательна прежде всего тѣмъ, что Бѣлинскій рѣшился наконецъ заговорить о Лермантовѣ, не пугаясь его субъективности; это былъ въ своемъ родѣ прогрессъ для него и большой шагъ отъ московскихъ теорій. Съ другой стороны статья замѣчательна тѣмъ, что она посвящаетъ васъ въ ту внутреннюю борьбу, которую началъ переживать Бѣлинскій съ своего пріѣзда въ Петербургъ.—Анализъ знаменитаго романа Лермантова, проведенный въ статьѣ, отличается именно тѣмъ, что это не историческій анализъ, не общественно-физіологическій, не эстетическій наконецъ,—а чисто-субъективный, отражающій внутренній міръ критика. Оставляя въ сторонѣ вліяніе Байрона на Лермантова и общественную среду, создавшую Печорина, и къ которой онъ исключительно принадлежитъ, Бѣлинскій приравниваетъ героя романа Лермантова къ своему вѣку вообще и къ самому себѣ въ частности; онъ видитъ въ немъ олицетвореніе того духа сомнѣній и рефлексій, который терзалъ въ это время всѣхъ мыслящихъ современниковъ Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и его.

«Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и думъ,—говоритъ Бѣлинскій о Печоринѣ, подразумѣвая въ этихъ словахъ свой вѣкъ и самаго себя:—сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это—переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрою», и «ипохондріею», и «мнительностью», и «сомнѣньемъ», и другими словами, далеко невыражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи, человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ, и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только за-

родится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ, — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ, рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно-окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ... Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать въ такое время, когда не думаетъ никто, и вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ.

«Но это состояніе сколько ужасно, столь же и необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта.—Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть—мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости»...

Эта характеристика вѣка живо напоминаетъ намъ подобныя же характеристики, которыми начинаются статьи Герцена «Диллетанты-романтики и «По поводу одной драмы». Въ разбираемой нами статьѣ Бѣлинскаго можно найти и другое сходство съ рефлективными статьями Герцена; именно въ статьѣ Бѣлинскаго вы видите такое же ироническое отношеніе къ установленнымъ правиламъ ходячей, рутинной морали, какое мы видимъ въ «Капризахъ и раздумьяхъ»... Подобное отношеніе представляется однимъ изъ неизмѣнныхъ симптомовъ, сопровождавшихъ рефлективный періодъ 40-хъ годовъ. Образцомъ ироніи, съ которой Бѣлинскій обращается къ пошлымъ моралистамъ, могутъ служить слѣдующія строки, встрѣчаемыя нами въ статьѣ (см. С. Б., т. 3, стр. 601):

«Какой странный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому, что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! Эгоистъ злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!».. хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете, за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки,—въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе,—но за ту смѣлую свободу, за ту жолчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что̀ ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе и низость, и развратъ: но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И за то, ваше инквизиторское ауто-да-фé готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами, и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстію... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ нег-

лиже, въ своихъ засаленыхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество отвергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти—бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни странны они,—острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не падагра, не ревматизмъ и геморой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастіе въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самаго себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью,—пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!»...

Во всемъ этомъ, если хотите, много романтическаго и даже риторическаго. Типъ Печорина былъ разобранъ впослѣдствіи на иныхъ основаніяхъ, болѣе реальныхъ и объективныхъ, и въ глазахъ публики всталъ на одну доску съ Обломовымъ. Но вы не забудьте, что когда Бѣлинскій впервые разбиралъ Печорина, этихъ новыхъ и реальныхъ основаній еще не существовало; повсюду господствовала одна только рутинная, пошлая мораль. Въ это время сочувственное отношеніе ко всему, выходящему такъ или иначе изъ предѣловъ этой морали, было въ высшей степени полезно въ томъ отношеніи, что подкапывалось подъ гнилую, отжившую мораль и расшатывало ея господство. Еслибы въ то время могъ появиться критикъ, который взглянулъ бы на Печорина глазами Добролюбова или Писарева, его анализъ былъ бы не понятъ современниками Бѣлинскаго, недоразвившимися до реальныхъ основаній этого анализа, и послужилъ бы только орудіемъ въ нападкахъ на Печорина различныхъ святошъ и лицемѣровъ того времени. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ,

что преждевременные проблески идей будущаго вѣка бываютъ обыкновенно въ той же вѣрѣ вредны для прогресса, какъ и упорство старыхъ идей. Пока передовая мысль вѣка не совершила своего дѣла, нападки на нее, хотя бы и съ точки зрѣнія будущихъ и самыхъ зрѣлыхъ поколѣній, каждый разъ ставятъ полемизатора въ лагерь обскурантовъ, и дѣлаютъ его ревностнымъ ихъ помощникомъ. Мы уже видѣли одинъ разительный примѣръ подобнаго явленія: такъ Надеждинъ со своими идеями сороковыхъ годовъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлался-было союзникомъ приверженцевъ ложно-классическихъ тенденцій.

Впродолженіе 1841 и 42 годовъ, Бѣлинскій писалъ свои статьи все еще подъ преобладающимъ вліяніемъ московскихъ теорій, хотя и значительно поколебленныхъ уже новымъ движеніемъ его мысли. Такъ онъ отрѣшается мало по малу отъ своего французоѣдства и начинаетъ ставить французскую литературу рядомъ съ нѣмецкой, какъ ея антитезъ, имѣющій свое значеніе. «Для нѣмца—говоритъ онъ—наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для француза, наука и искусство—средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. Вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такою всеобщностью, такою извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны»... Въ Англіи онъ видитъ примиреніе этихъ двухъ крайностей. Въ то же время въ рецензіи на романъ Жоржъ-Занда «Бернаръ-Мопра» (1841 г.), Бѣлинскій впервые является горячимъ поклонникомъ этой писательницы, которая въ послѣдующій періодъ его жизни сдѣлалась для него столь же любимымъ поэтомъ, какими были Гёте и Гофманъ въ лѣта его юности. «Это не г. де-Бальзакъ—восклицаетъ въ восторгѣ Бѣлинскій,—съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько же похожи на истинныхъ, сколько самъ г. де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или геніальнаго человѣка. У Жоржъ-Занда нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привиллегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи; для нея существуетъ только человѣкъ,—и она находитъ человѣка во

всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ,—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Занда, и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ-Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено ли послѣ этого, что г-жа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою, невѣжественною толпою, какъ писательница безнравственная! Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; за то, когда сведутъ въ раннюю могилу,—то непремѣно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остервенѣлой ненависти.. Вѣдь и Шиллеръ, при жизни своей, слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ»...

Какая очевидная разница и въ идеяхъ и, въ симпатіяхъ, и въ тонѣ между Бѣлинскимъ 1839 года и 41-го! Тотъ ли это Бѣлинскій, который смотрѣлъ на произведенія Шиллера какъ на уродливые ублюдки, смѣсь краснорѣчія и, поэзіи, въ женскомъ вопросѣ видалъ одни бредни сенъ - симонистовъ, а Жоржъ-Зандъ самъ считалъ, подобно невѣжественной толпѣ, писательницею безнравственною.

Въ 1843 году Бѣлинскій окончательно переходитъ въ лѣвый лагерь гегеліанцевъ, такъ что послѣдніе слѣды московскихъ увлеченій исчезаютъ. Гегелевскую діалектику онъ начинаетъ употреблять уже не въ видѣ одного усматриванія въ жизни различныхъ противорѣчій и искусственнаго сведенія ихъ въ примиряющіе синтезы, а съ цѣлію проповѣди вѣчнаго и неусыпнаго прогресса. «До постиженія идеи—говоритъ Бѣлинскій въ обозрѣніи литературы за 1842 (см. С. Б., т. 7, стр. 56) — мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія: слѣдовательно, идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета, для того, чтобъ намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго, эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется какъ фактъ—какъ пред-

метъ, или какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактѣ имѣетъ свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій—послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее идеи своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ нисшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое—животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія, и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложные послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для обществъ, и для человѣчества»...

Сознаніе этого закона заставляетъ Бѣлинскаго свѣтло смотрѣть на будущее, не обращая вниманія на всѣ ужасы настоящаго. Такъ въ своей статьѣ о сочиненіяхъ Баратынскаго (см. С. Б., т. 6, стр. 311) онъ смѣется надъ людьми, «которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ—заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества».... «Здѣсь очевидно демонъ губитъ ихъ на фактѣ—говоритъ Бѣлинскій о этихъ людяхъ,—за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобы уступить мѣсто новому и живому. Еслибъ вмѣсто того, чтобъ испугаться демона, они испытали его—онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіанъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдою надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами.... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще»...

Этотъ законъ прогресса Бѣлинскій примѣняетъ и къ искусству. Если развивается въ мірѣ все сущее, то и искусство въ свою очередь подлежитъ развитію, и къ тому же развитіе его, по мнѣнію Бѣлинскаго, всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. «Въ эпоху младенчества и юношества наро-

довъ, искусство всегда болѣе или менѣе—выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости—философскихъ понятій». Кромѣ этого Бѣлинскій признаетъ на развитіе и характеръ искусства вліяніе природы, мѣстности, страны, климата, наконецъ политическихъ обстоятельствъ. Всѣ эти соображенія приводятъ Бѣлинскаго къ слѣдующему выводу:

«Изъ этого видно—говоритъ онъ,—какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительные судіи изящнаго, которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное, и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніямъ. Но это значитъ смотрѣть на «вѣчное» и «безусловное», какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишенныя всякой жизненности: ибо «вѣчное» выражается во времени, «безусловное» ограничивается формою проявленія, «безконечное» дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ». «Байронъ, Шиллеръ и Гёте—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ (См. Соч. Б , т. 6, стр. 208)—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ піэсъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей.... Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля не достойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не

войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ.... Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія, отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что̀ вошло, глубоко запало въ душу, то само собою проявится во внѣ»...

Сообразно съ этими новыми воззрѣніями Бѣлинскаго на искусство измѣнилась и оцѣнка его поэтическихъ произведеній. Онъ началъ смотрѣть на нихъ не съ одной только эстетической точки зрѣнія, началъ искать въ нихъ не одного только соотвѣтствія идеи и формы, а между прочимъ обращать вниманіе и на то, на сколько произведеніе выражаетъ духъ современности и удовлетворяетъ интересамъ общества. Такъ напримѣръ, взглядъ его на Пушкина совершенно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой онъ высказывалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Въ рядѣ статей, посвященныхъ разбору стихотвореній Пушкина, онъ ставитъ на видъ историческое значеніе Пушкина, какъ поэта, отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость, но въ то же время смотритъ, какъ на большой недостатокъ Пушкина, на его стремленіе къ чистому искусству и отрѣшеніе отъ современности, и вслѣдствіе этого отрицаетъ значеніе Пушкина для 40-хъ годовъ. «Какъ бы то ни было — говоритъ Бѣлинскій (См. Соч. Б., т. 8, стр. 398)—но по своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и бо̀льшую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возникаетъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго»... Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія тѣмъ не менѣе были причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный

восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, піэсы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина)....

Рядомъ съ этимъ новымъ взглядомъ Бѣлинскаго на Пушкина мы можемъ поставить приговоръ его относительно таланта Ап. Майкова,—приговоръ, показывающій наглядно его требованія отъ современной поэзіи и нелишенный нѣкотораго пророческаго предвидѣнія. Бѣлинскій встрѣтилъ появленіе Ап. Майкова на литературномъ поприщѣ съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всѣ молодыя дарованія. Но превознеся антологическія произведенія Майкова, поставивши ихъ даже выше подобныхъ же произведеній Пушкина, Бѣлинскій вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ опасеніе, чтобы Майковъ не ограничился одними антологіями. «Но жаль было бы—говоритъ онъ въ «Обозрѣніи Русской Литературы за 1842 г.» (См. Соч. Б., т. 7, стр. 32) — еслибы только на этомъ остановился г. Майковъ. Антологическія стихотворенія, какъ-бы ни были хороши—не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Ихъ можно сравнить съ ножкою Психеи, рукою Венеры, головою Фавна, превосходно высѣченными изъ мрамора. Конечно, превосходно сдѣланная ножка, ручка, грудь, или головка, каждая изъ этихъ деталей можетъ служить доказательствомъ необыкновенныхъ скульптурныхъ дарованій, чувства пластики, изученія древняго искусства, но еще не составляетъ скульптуры, какъ искусства, и превосходно сдѣлать ножку, ручку, грудь, или головку далеко не то, что создать цѣлую статую. Сверхъ того исключительная преданность древнему міру (и притомъ далеко не вполнѣ понятому), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну. И такъ, мы желали бы, чтобъ г. Майковъ или предавался основательному и обширному изученію древности и передавалъ на русскій

языкъ, своимъ дивнымъ стихомъ, вѣчныя, неумирающія созданія эллинскаго искусства, или обрѣлъ въ тайникѣ духа своего тѣ сердечныя, задушевныя вдохновенія, на которыя радостно и привѣтливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторить здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Майкова, что почти всѣ его не антологическія стихотворенія пока не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Двѣ струи въ движеніи мысли сороковыхъ годовъ: струя зрѣлаго и молодаго поколѣнія.—Причины преобладанія отрицанія въ зрѣлыхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ.—Отрицательный характеръ сочиненій Бѣлинскаго 1843 года и недостатокъ опредѣленныхъ взглядовъ на положительность, натуральную школу и женскій вопросъ.—Направленіе молодежи сороковыхъ годовъ.—Первые проблески реальной мысли.—В. Н. Майковъ и его эстетическая теорія.—Критика метафизической эстетики.

Мы уже сказали въ предыдущей главѣ, что окончательный переходъ Бѣлинскаго въ лагерь лѣвыхъ гегеліанцевъ совершился въ 1843 году. Годъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ въ ходѣ развитія нашей мысли. Къ этому году успѣлъ и Герценъ обратиться въ фейербахиста; въ этомъ году Грановскій началъ читать публичныя лекціи; съ этого года «Отечественныя Записки» окончательно дѣлаются органомъ передовой партіи западниковъ, группирующихся въ тѣсный союзъ вокругъ Герцена, Бѣлинскаго и Грановскаго. Этотъ годъ можетъ считаться рубежомъ въ переходномъ процессѣ нашей мысли: до него мы видимъ все еще преобладаніе метафизики и мистицизма, послѣ него мысль начинаетъ съ большею и большею смѣлостью стремиться на почву реализма. До него передовые люди находились подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи; послѣ него начинаетъ преобладать вліяніе политическаго и соціальнаго движенія, господствовавшаго въ то время во Франціи.

При этомъ новомъ движеніи нашей мысли надо тщательно различать двѣ струи, которыя особенно рѣзко выступаютъ къ концу сороковыхъ годовъ—струю зрѣлаго и молодаго поколѣнія. Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, Гоголь и др. называются обыкновенно людьми сороковыхъ годовъ, потому только, что

въ эти годы совершилось главное развитіе ихъ дѣятельности. Но въ то же время они уже не были въ сороковые годы тѣмъ, что̀ обыкновенно называется у насъ молодымъ поколѣніемъ. Это было молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Изъ тридцатыхъ годовъ вынесли они свои преданія; тридцатые годы воспитали ихъ и направили. Въ сороковые же годы они были уже людьми зрѣлыми и во многихъ отношеніяхъ установившимися. Это не мѣшало имъ переживать переходный процессъ развитія сороковыхъ годовъ. Но мы видѣли, какъ трудно давался имъ этотъ процессъ. И это очень понятно: въ 30 и 35 лѣтъ переходные процессы мысли не могутъ уже совершаться съ такою быстротою, какъ въ 20 и 25 лѣтъ; мозгъ человѣка такъ привыкаетъ мыслить въ извѣстномъ направленіи и системѣ, что словно окостенѣваетъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроился въ молодые годы. Вотъ почему даже на самыхъ даровитыхъ и сильныхъ умахъ людей сороковыхъ годовъ, наиболѣе освободившихся отъ метафизическихъ принциповъ, нѣтъ, нѣтъ, да и отзывались тридцатые годы. Вся сила и слабость ихъ пропаганды вполнѣ обусловливается тѣмъ моментомъ въ переходномъ процессѣ развитія, когда мысль едва только сбрасываетъ иго отжившихъ принциповъ. Такая мысль всегда бываетъ болѣе критическая, отрицательная, чѣмъ положительная. Новаго еще нѣтъ; оно только что строится, предвидится и смутно мелькаетъ передъ сознаніемъ въ блѣдныхъ и туманныхъ очеркахъ, между тѣмъ все старое и пережитое такъ еще свѣжо въ памяти, такъ глубоко врѣзалось у всѣхъ въ нравы и привычки, такъ наболѣло на сердцахъ всѣхъ и каждаго, что мысль невольно обращается ко всему этому, она чувствуетъ свою силу, мощь въ отрицаніи этого стараго, она находитъ въ этомъ отрицаніи невыразимое сладострастіе; но въ то же время, когда ей приходится давать отчетъ, во имя чего же она отрицаетъ, тутъ окрывается передъ вами вся ея немощность и бѣдность: за неимѣніемъ ничего новаго, она ограничивается общими, неопредѣленными фразами, темными гаданіями, или же по привычкѣ вертится въ очарованномъ кругу того же стараго міросозерцанія, ограничиваясь только тѣмъ, что называетъ бѣлымъ то, что̀ съ точки зрѣнія стараго міросозерцанія считалось чернымъ, и наоборотъ, хотя въ сущности и черное, и бѣлое стараго міросозерцанія одинаково подлежитъ скептицизму. Бѣлинскій съ поразительною глубиною опредѣлилъ свой вѣкъ въ этомъ отношеніи, сказавши о Печоринѣ, что онъ готовъ для всего

новаго, но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни.

Эти слова Бѣлинскаго о Печоринѣ вполнѣ примѣнительны къ нему самому. Въ самомъ дѣлѣ, самыя сильныя, патетическія и наиболѣе вліятельныя статьи или отдѣльныя мѣста изъ статей Бѣлинскаго послѣ 1843 года, суть именно тѣ, въ которыхъ онъ отрицаетъ отжившіе принципы, формы и явленія жизни, окружавшей его; но если вы захотите отдать себѣ отчетъ, что̀ же онъ ставитъ вмѣсто всего этого, сколько ни перечитывайте статьи Бѣлинскаго,—вы не въ состояніи будете составить хоть сколько-нибудь опредѣлительныхъ представленій о его положительныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, и придете только къ тому заключенію, что онъ держится въ какомъ-то очарованномъ кругу. Такъ напримѣръ, при каждомъ удобномъ случаѣ Бѣлинскій нападаетъ на романтизмъ. Въ романтизмѣ онъ преслѣдуетъ фантастичность, мечтательность, стремленіе жить мимо жизни.

«Разладъ съ дѣйствительностью—говоритъ онъ о романтикахъ (см. С. Б., т. 10, стр. 269)—болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее; развѣ это не такая же, или даже еще не бо̀льшая уродливость? Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза:—«надо дѣлать!» А между тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все останется романтикомъ»...

Все это совершенно справедливо... но справедливо только въ отрицательномъ смыслѣ, въ приложеніи къ романтикамъ. Затѣмъ является немедленно неотвязный вопросъ: какъ же нужно жить и что̀ же дѣлать, чтобы не быть романтикомъ и не быть въ то же время въ ряду пошлой толпы, которая живетъ не мысля?—На это отвѣчаетъ вамъ Бѣлинскій слѣдующею отвлеченною, философскою формою:

«Человѣкъ долженъ сознавать жизнь, и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни—тѣмъ и отличается человѣкъ отъ животныхъ безсловесныхъ; но основою жизни долженъ быть инстинктъ, непосредственное чувство. Безъ нихъ жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье;

такъ же какъ безъ мыслительности, непосредственоое существованіе есть животное состояніе»...

Все это очень красиво, какъ правильно-построенная, логическая формула, но формула слишкомъ общая, чтобы служить отвѣтомъ на вопросъ. По своей отвлеченности она ничѣмъ не отличается отъ азбучныхъ аксіомъ,—въ родѣ праздность есть мать всѣхъ пороковъ, наука отворяетъ врата въ царство разума и пр., которыя, оставаясь вполнѣ истинными и непреложными аксіомами, тѣмъ не менѣе представляются какими-то засушеными остовами мысли, поражающими васъ своею мертвенностью и ничего не говорящими вашему уму.

Но когда изъ этихъ отвлеченныхъ аксіомъ Бѣлинскому приходилось спускаться въ міръ живой дѣйствительности и анализировать факты жизни, тогда оказывалось, что онъ ничего не былъ въ состояніи противопоставить романтизму, какъ тотъ же слѣпой, практическій эмпиризмъ пошлой толпы.

Въ 1847 году появился на литературное поприще г. Гончаровъ со своею «Обыкновенною исторіей». Бѣлинскій оцѣнилъ весьма вѣрно вновь появившійся талантъ, объявивши, что Гончаровъ поэтъ, художникъ и больше ничего, мыслитель же изъ него плохой, что Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить же, судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателемъ.

Но въ чемъ выражается слабость мысли Гончарова, этого Бѣлинскій не могъ уяснить себѣ ясно и опредѣленно.—Недостатокъ мыслительности Гончарова заключается именно въ томъ, что отнесшись отрицательно къ романтизму и осмѣявъ его въ лицѣ Александра Адуева, Гончаровъ въ то же время, въ противовѣсъ этому отжившему типу, поставилъ, какъ идеалъ положительности, типъ еще болѣе отжившій. Если романтизмъ имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи нашего развитія, то именно то, что онъ первый напалъ на эмпиризмъ пошлой толпы. Романтики стоятъ вовсе не рядомъ съ Фамусовыми и Молчалиными, а неизмѣримо впереди нихъ. Но что̀ такое дядюшка Петръ Ивановичъ Адуевъ, какъ не тотъ же Фамусовъ, идеализированный Гончаровымъ, какъ типъ современной положительности. Ставить въ противовѣсъ мечтательности — эмпиризмъ, въ противовѣсъ романтика — Фамусова, это значитъ идти не впередъ, а назадъ, становиться на точку зрѣнія беззавѣтной пошлости филистерства, не помышляющаго ни о

чемъ болѣе, какъ о нарощеніи брюшка и капитальца и считающаго все остальное праздною мечтательностью.

Между тѣмъ Бѣлинскій слѣпо слѣдуетъ за Гончаровымъ. Осыпавъ всевозможными насмѣшками Александра Адуева, онъ въ то же время совершенно доволенъ дядюшкой. «Петръ Ивановичъ — говоритъ онъ — по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому, что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презиралъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понималъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобы было больше»...

Что Гончаровъ выставилъ идеаломъ положительности отъѣвшагося филистера, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что Бѣлинскій могъ увлечься этимъ господиномъ, это можетъ представляться съ перваго взгляда рѣшительно непонятнымъ, если вы не примете въ соображеніе, что Бѣлинскій просто на просто увлекся до такой степени отрицаніемъ романтизма, что ему было рѣшительно все равно, чѣмъ не бить ненавистный ему романтизмъ, и далѣе этого отрицанія онъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета.

Но если Бѣлинскій оказывается согласнымъ съ Гончаровымъ въ главныхъ мотивахъ романа, то почему, спросите вы, онъ считаетъ Гончарова плохимъ мыслителемъ? Бѣлинскій даетъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своемъ разборѣ «Обыкновенной исторіи», но разъ не попавши въ цѣль, не уловивши сущности недостатковъ романа, Бѣлинскій остается на ложномъ пути и во всѣхъ своихъ выводахъ. По его мнѣнію, недостатокъ мыслительности Гончарова заключается въ томъ, что онъ не выдержалъ характера Ал. Адуева, зачѣмъ онъ заставилъ его отрезвѣть и склониться на дорогу дядюшки; романтикъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ до сѣдыхъ волосъ оставаться романтикомъ, и Гончаровъ поступилъ бы справедливѣе, еслибы обратилъ Александра Ивановича въ славянофила. «Тутъ

Адуевъ—говоритъ Бѣлинскій—остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и богъ-знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла «славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію» и пр.

Основная ошибка во всемъ этомъ сужденіи о развязкѣ «Обыкновенной исторіи» заключается въ томъ, что Бѣлинскій почему-то романтизмъ считаетъ не преходящею фазою развитія, съ которой человѣкъ можетъ двигаться назадъ и впередъ, а какою-то врожденною болѣзнью, какъ-будто извѣстный процентъ народонаселенія родится въ видѣ романтиковъ, и ужь разъ кому на долю выпало это несчастіе, тотъ такъ и остается на всю жизнь до гробовой доски романтикомъ. Между тѣмъ въ вѣкъ Бѣлинскаго превращеніе романтиковъ въ филистеры было явленіемъ весьма заурядвымъ, особенно если взять во вниманіе, что при всеобщемъ стремленіи къ положительности даже такіе передовые и глубокіе мыслители, какъ Бѣлинскій, не могли себѣ представить иной положительности, какъ въ видѣ Петра Ивановича Адуева. Такимъ образомъ, Гончаровъ совершенно справедливъ въ развязкѣ романа. Для подобной развязки онъ вовсе не нуждался даже быть особенно глубокимъ мыслителемъ: ему нужно было только вооружиться хорошимъ художественнымъ чутьемъ, чтобы перенесть въ свое произведеніе всецѣло фактъ, который, безъ сомнѣнія, примелькался въ глазахъ его въ обыденной жизни. Но какъ же это Бѣлинскій не понялъ всей естественности развязки романа и почему захотѣлось ему непремѣнно, чтобы Адуевъ до конца жизни оставался романтикомъ? И опять-таки, по нашему мнѣнію, это произошло отъ увлеченія отрицаніемъ. Осмѣявши романтиковъ, Бѣлинскій не могъ не прихватить по дорогѣ и славянофиловъ. Вообще, въ его полемикѣ всегда были гдѣ романтики, тамъ непремѣнно и славянофилы и наоборотъ, а между тѣмъ г. Гончаровъ о славянофилахъ, какъ нарочно, не говоритъ въ своемъ романѣ ни полсловечка. У Бѣлинскаго и мелькнула въ головѣ соблазнительная идейка, какъ бы хорошо обратить Адуева въ заключеніе въ славянофилы, и зачѣмъ это Гончаровъ опустилъ это изъ виду... Вслѣдствіе этого онъ и призналъ въ Гончаровѣ слабаго

мыслителя и, при этомъ, исходя изъ ложнаго основанія, нечаянно высказалъ правду.

Рядомъ съ пропагандою положительности мы видимъ въ Бѣлинскомъ проповѣдника искусства дѣйствительности, правды, почитателя Гоголя и защитника натуральной школы. Эта школа, ведя свое начало отъ Гоголя, на первыхъ шагахъ далеко опередила своего основателя. Она заимствовала отъ него одну только внѣшнюю форму; между тѣмъ духъ, господствовавшій въ ней, идеи, лежавшія въ ея произведеніяхъ, не имѣли ничего общаго съ мистическими, средневѣковыми тенденціями Гоголя. По своему внутреннему содержанію натуральная школа была отголоскомъ того соціальнаго движенія, которое въ то время господствовало во Франціи. Защита раба отъ произвола господина, женщины отъ родоваго ига, осмѣяніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствія честности, гуманности и гражданскаго чувства—вотъ мотивы натуральной школы.

Вслѣдствіе этого, натуральная школа по самому существу своему была поэзіею тенденціозною. Писатели, принадлежавшіе къ этой школѣ, изображали жизнь не ради одной чистой художественности, а съ цѣлью анализа этой жизни, выраженія своихъ общественныхъ симпатій и антипатій. Этотъ анализъ былъ часто весьма не глубокій, узкій и поверхностный, завися отъ степени развитія большинства писателей того времени; нерѣдко писатели опускали совершенно изъ виду всякій анализъ и увлекались художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности безъ всякой цѣли, совершенно въ духѣ чистаго искусства; но, во всякомъ случаѣ, общее направленіе натуральной школы было все-таки тенденціозное, аналитическое и отрицательное по преимуществу. Въ концѣ сороковыхъ годовъ школа эта окончательно утвердилась въ нашей литературѣ. Въ это время на ней подвизались уже Искандеръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Н. Некрасовъ, И. Панаевъ и пр.

Бѣлинскій глубоко понималъ значеніе и сущность этой новой школы. Съ энтузіазмомъ встрѣчалъ онъ каждый начинающій талантъ, идущій по этому направленію. Онъ не упускалъ случая, чтобы не распространиться по поводу значенія въ его времени натуральной школы, и значенія не одного только художественнаго, но преимущественно общественнаго, гражданскаго. При этомъ онъ постоянно ратовалъ противъ чистаго искусства и доказывалъ, что служеніе общественнымъ интересамъ не только не унижаетъ искусства, но, напротивъ того, возвышаетъ его, расширяетъ сферу его содержанія. Но всѣ эти ра-

тованія и доказательства были хороши только до той поры, пока Бѣлинскій оставался въ сферѣ общихъ философскихъ положеній, но едва спускался онъ къ анализу и оцѣнкѣ различныхъ литературныхъ произведеній своего времени, онъ снова сбивался на старую эстетику и путался въ неисходныхъ противорѣчіяхъ, стремясь къ новому, а судя все-таки по старому.

Такъ, напримѣръ, въ 1847 году начали печататься въ «Современникѣ» «Записки охотника» — г. Тургенева. Первые разсказы этого сборника были помѣщены въ самомъ концѣ книги, въ отдѣлѣ смѣси. Но при всемъ томъ публика обратила вниманіе на эти разсказы и оцѣнила ихъ съ перваго же появленія лучше многихъ повѣстей и романовъ, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ того же журнала. Въ обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ мы читаемъ слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго о «Запискахъ охотника» Тургенева:

«Наконецъ, въ первой книгѣ «Современника» за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ «Хорь и Калиныч». Успѣхъ въ публикѣ этого небольшаго разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы и повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно — творить, но изъ готоваго даннаго, дѣйствительнаго матеріала. Это не простое списыванье съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину; и для этого необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо, или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ дѣйствительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобъ они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Тургеневъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едва-ли бы удалось

создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности. Онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и такимъ образомъ, догадкою и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разспросы мало объясняютъ».

Прочитавши это опредѣленіе таланта Тургенева, вы сразу запутываетесь въ лабиринтѣ поразительныхъ противорѣчій. Съ одной стороны казалось бы, что по теоріи Бѣлинскаго, у Тургенева есть всѣ данныя для истиннаго художественнаго таланта, такъ-какъ онъ не просто списываетъ съ натуры, а «переработываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину...». Казалось бы, что подъ такое опредѣленіе, по теоріи же Бѣлинскаго, подходитъ не одинъ только родъ поэзіи, и притомъ какой-то самый низшій родъ, а поэзіи вообще? Не самъ же ли Бѣлинскій такъ часто проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ, что поэтъ не можетъ творить изъ себя, выдумывать дѣйствительность, что онъ только преображаетъ то, что̀ видѣлъ и слышалъ, въ свои поэтическіе образы? И вдругъ оказывается, что Тургеневъ, который дѣлаетъ, по словамъ Бѣлинскаго, именно это самое, не имѣетъ таланта чистаго творчества, и потому не имѣетъ, что не можетъ создать характера, «подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности», потому что «онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности...». Такимъ образомъ и оказывается въ концѣ концовъ, что истинное творчество есть вовсе не преображеніе дѣйствительности въ поэтическіе образы, а все тотъ же метафизическій даръ поэта создавать свой собственный міръ; слѣдовательно и всѣ произведенія натуральной школы, главное достоинство которыхъ въ томъ именно и заключалось, что они твердо держались почвы дѣйствительности, слѣдуетъ отнести не къ истинно-художественнымъ произведеніямъ, а къ тому же низшему роду поэзіи, какъ и «Записки охотника» Тургенева. А между тѣмъ, тотъ же Бѣлинскій постоянно восхвалялъ натуральную школу именно за то, что она держится на почвѣ дѣйствительности.

Это подведеніе подъ метафизическій принципъ произведеній натуральной школы, совершенно не подходящихъ подъ этотъ

принципъ, и было причиною, что Бѣлинскій не имѣлъ никакого истиннаго критеріума для опредѣленія относительнаго достоинства этихъ произведеній.

Такъ, напримѣръ, и Григоровича, и Тургенева онъ ставилъ совершенно рядомъ съ Далемъ, чуждымъ поэтическаго творчества, съ точки зрѣнія какого угодно принципа, метафизическаго или реальнаго. И очень понятно послѣ всего сказаннаго, почему Даль въ глазахъ Бѣлинскаго долженъ былъ стоять на одной доскѣ съ Тургеневымъ: Тургеневъ точно такъ же не творилъ своего особеннаго міра, какъ и Даль, а такъ-какъ Григоровичъ творилъ своихъ особенныхъ крестьянъ, не похожихъ на дѣйствительныхъ, и слѣдовательно совершенно подходилъ подъ метафизическій принципъ Бѣлинскаго, то Бѣлинскій и не замедлилъ признать его истиннымъ художникомъ. Только первые его опыты онъ сравниваетъ съ очерками Даля. «Но его два послѣдніе опыта: «Деревня» и въ особенности «Антонъ Горемыка»—замѣчаетъ Бѣлинскій—идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. «Антонъ Горемыка» больше, чѣмъ повѣсть; это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ—мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Это повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, *на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго...*»

Мы знаемъ въ настоящее время, на сколько Григоровичъ оправдалъ эти ожиданія Бѣлинскаго; мы знаемъ, какъ отнеслась къ его произведеніямъ новая, реальная критика, и видимъ, наконецъ, что въ то время, какъ произведенія Григоровича давно всѣ забыты, несмотря даже на то, что авторъ ихъ еще живъ, «Записки же охотника» и до сихъ поръ читаются всѣми и каждымъ съ наслажденіемъ, и именно вслѣдствіе своей художественности, такъ-какъ общественные интересы, проводимые въ нихъ, принадлежатъ уже къ исторіи.

Дальше вышеупомянутаго метафизическаго принципа Бѣлинскій не пошелъ. Это былъ предѣлъ его развитія или, лучше сказать, его привычки, пріобрѣтенной имъ долгими годами увлеченія метафизическими идеями. Онъ привыкъ думать, что

главная цѣль критики заключается въ опредѣленіи, на сколько поэтъ обладаетъ даромъ чистаго творчества, создающаго свой особенный міръ просвѣтленной дѣйствительности — и съ этой точки зрѣнія до конца своего литературнаго поприща, занимался подведеніемъ поэтовъ подъ искусственно-составленную метафизиками іерархію, во главѣ которой царилъ геній, затѣмъ слѣдовалъ геніальный талантъ и, наконецъ, просто талантъ, граничащій съ бездарностью. Мы увидимъ ниже, съ какимъ успѣхомъ молодая мысль разбила эту поэтическую табель о рангахъ Бѣлинскаго.

Мы уже видѣли выше, что Бѣлинскій уже въ 1841 г. сдѣлался поклонникомъ Жоржъ-Занда и приверженцемъ женскаго вопроса. Послѣ того онъ неоднократно возвращался къ этому вопросу и каждый разъ его рѣчи въ защиту угнетенной женщины были преисполнены искренней, задушевной теплоты и глубокаго сознанія ненормальности положенія женщины въ обществѣ. Но и здѣсь опять-таки главная сила пропаганды Бѣлинскаго заключалась въ отрицаніи. Все то, что̀ говорилъ Бѣлинскій о торговлѣ невѣстами, объ исключительномъ посвященіи жизни женщины кухнѣ и дѣтской, о положеніи женщины въ гостиной, о женщинахъ-писательницахъ—все это дышетъ поразительно глубокою правдою и мѣткостью, все это не потеряетъ значеніе неоспоримой, хотя и грустной истины, пока не измѣнится положеніе женщинъ. Анализъ Татьяны и Ольги при разборѣ «Евгенія Онѣгина» надолго еще останется лучшимъ изъ всего, что̀ писано у насъ о положеніи женщины въ Россіи.

Но если вы опять-таки захотите отдать себѣ отчетъ, во имя чего же отрицалъ Бѣлинскій современное положеніе женщины, какой лучшій идеалъ этого положенія носился въ его воображеніи и какихъ требовалъ онъ измѣненій въ бытѣ женщинъ— вы опять-таки не въ состояніи будете, перечитывая статьи Бѣлинскаго, составить объ этомъ ясное понятіе.

Сначала вамъ можетъ показаться, что Бѣлинскій требовалъ полнаго равенства женщинъ и мужчинъ и допущеніе женщинъ ко всѣмъ занятіямъ, исполняемымъ нынѣ одними мужчинами.

«Мы охотно соглашаемся — говоритъ онъ (см. С. Б., т. 7, стр. 146) — въ томъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы женщина только на одно то и родилась, чтобы любить; напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина подъ преимущественнымъ прообладаніемъ характера любви и чувства *создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ*

поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина, подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и характера. А между тѣмъ, общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути *во всѣ другія сферы человѣческаго существованія*. Гаремы только фактически принадлежатъ Востоку: въ идеѣ они принадлежатъ и просвѣщенной Европѣ, и всему міру».

Такъ писалъ Бѣлинскій въ 1843 году по поводу сочиненій Зенаиды Р—вой. Въ слѣдующемъ году, въ 1844, въ одной изъ статей о сочиненіяхъ Пушкина онъ посвятилъ еще нѣсколько строкъ положенію женщины, но изъ этихъ строкъ оказывается, что подъ сферами и поприщами, въ которыя должна быть допущена женщина наравнѣ съ мужчиною, Бѣлинскій подразумѣваетъ вовсе не тѣ или другія реальныя сферы дѣятельности, а философское раздѣленіе жизни на двѣ сферы: частную и общую,—разумѣя подъ частной семейные интересы, а подъ общею—интересы общечеловѣческіе. Такимъ образомъ и выходитъ, по теоріи Бѣлинскаго, что до сихъ поръ женщина жила въ одной семейной сферѣ, а отнынѣ должна быть посвящена и въ общечеловѣческую, но все-таки не иначе, какъ въ виду своего спеціальнаго, предназначеннаго природою призванія—быть хорошею женою и матерью.

«Но, скажутъ намъ: женщина—мать, а назначеніе матери свято и высоко—она воспитательница дѣтей своихъ. Прекрасно!—говоритъ Бѣлинскій по этому поводу (см. Соч. Б., т. 8, стр. 172).—Но вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать, выняньчивать (первое можетъ сдѣлать корова или коза, а второе—нянька), но и дать направленіе сердцу и уму,—а для этого развѣ не нужно, со стороны матери, характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ? Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ міръ общаго долженъ быть столько-же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и она, какъ и онъ, прежде всего—человѣкъ, а потомъ уже любовница, жена, мать, хозяйка и проч.». И здѣсь мы видимъ тотъ же очарованный кругъ, въ которомъ вертится Бѣлинскій. Онъ отрицаетъ положеніе женщины, какъ самки, а самъ все-таки продолжаетъ смотрѣть на женщину, какъ на самку преимущественно, и скромныя желанія его не простираются далѣе того, чтобы эта самка интересовалась науками, искусствами, общественными вопросами для того, чтобы могла исполнять свои обязанности самки сознательно и разумно, не только выкармливала бы своихъ дѣтей, но и воспитывала бы

ихъ, такъ-какъ она не простая самка, а самка-человѣкъ. Если мы рядомъ съ этими взглядами Бѣлинскаго на женщину вспомнимъ, какія мнѣнія высказывали о томъ же предметѣ Грановскій, Герценъ, или хотя бы и Гончаровъ (въ своемъ романѣ «Обрывъ»), то для насъ станетъ ясенъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго люди сороковыхъ годовъ въ женскомъ вопросѣ не пошли. Этотъ предѣлъ обусловливается вполнѣ метафизическою системою ихъ міровоззрѣнія. Вмѣсто того, чтобы анализировать различіе женщинъ отъ мужчинъ,—въ его историческомъ теченіи, какъ явленіе измѣняющееся, преходящее, они брали современное имъ различіе, какъ нѣчто субстанціальное, т.-е. неизмѣнное, предуставленное природою, подводили его подъ тезы и антитезы и различныя философскія категоріи, и выходила изъ этого удивительная мѣшанина консервативнаго взгляда съ прогрессивными: смотря на современное имъ различіе женщинъ отъ мужчинъ, какъ на нѣчто предуставленное природою, неизмѣнное, они въ то же время проповѣдывали измѣненіе въ положеніи женщинъ, но такое измѣненіе, чтобы оно все-таки не выходило за предѣлы предуставленной неизмѣнности.

Намъ остается разсмотрѣть общественныя убѣжденія Бѣлинскаго. Но это мы оставимъ на слѣдующую главу, такъ-какъ роковой предѣлъ Бѣлинскаго въ этой сферѣ болѣе всего выясняется въ его столкновеніи съ первыми проблесками въ концѣ сороковыхъ годовъ новой и реальной мысли.

Эти проблески новой и реальной мысли принадлежали молодому поколѣнію сороковыхъ годовъ, и составляли ту другую струю въ движеніи въ сороковые годы, о которой мы упомянули въ началѣ этой главы.

Молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ училось подъ сильнымъ вліяніемъ стараго. Оно начинало съ тѣхъ же метафизическихъ принциповъ, но гораздо скорѣе своихъ учителей переживало переходный процессъ и рѣшительнѣе свергало съ себя отжившія системы. Достигать этого ему было тѣмъ легче, чѣмъ энергичнѣе, свѣжѣе была молодая мысль, и чѣмъ меньше было въ ней старыхъ привычекъ. При этомъ многіе изъ лучшихъ молодыхъ людей сороковыхъ годовъ не ограничивались однимъ отрицаніемъ, и шли далѣе; мысль ихъ начинала работать въ новомъ, чисто-реальномъ направленіи, безъ малѣйшихъ уже метафизическихъ отзывовъ, и это вступленіе на реальный путь совершалось тѣмъ быстрѣе, что обновленная мысль находила готовый и богатый матеріалъ на Западѣ, и ей оставалось только

усвоивать и перерабатывать его сообразно потребностямъ русской жизни.

Такимъ образомъ къ концу сороковыхъ годовъ составилось нѣсколько новыхъ и молодыхъ кружковъ, которые не довольствовались уже одними отвлеченно-философскими и эстетическими вопросами. Вниманіе ихъ было жадно приковано къ той драмѣ, которая разъигрывалась въ то время въ Европѣ. Не ограничиваясь одними поверхностными разсужденіями о мотивахъ этой драмы, они глубоко изучали соціальные вопросы того времени, прочитывая цѣлые томы политико-экономическихъ и соціологическихъ трактатовъ. Но не менѣе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ занимали ихъ и всѣ прочія отрасли человѣческихъ знаній. Это новое движеніе не замедлило отразиться и въ литературѣ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ начали появляться въ петербургскихъ журналахъ политико-экономическіе этюды, естественно-научныя обозрѣнія, новыя эстетическія теоріи, и въ то же время была впервые проповѣдана русской публикѣ позитивная философія Конта—мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, съ какимъ блистательнымъ талантомъ.

Между прочимъ въ 1846 году, когда Бѣлинскій, со всѣми своими друзьями, удалился въ обновленный Современникъ, въ покинутыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» появился новый молодой критикъ — Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Онъ былъ младшимъ братомъ извѣстнаго поэта Ап. Майкова, учился въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1842 году. Слѣдовательно, онъ былъ еще мальчикомъ, когда Бѣлинскій началъ свою литературную дѣятельность, и выступилъ на литературное поприще, когда Бѣлинскій кончилъ уже его. Впрочемъ, В. Майковъ кончилъ свое поприще еще раньше Бѣлинскаго, едва начавши его. Лѣтомъ въ 1847 году онъ утонулъ, купаясь въ прудѣ въ одной изъ окрестностей Петербурга. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько статей въ Отечественныхъ Запискахъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны статьи о стихотвореніяхъ Кольцова (От. Зап. 1846 г., т. 49), и о романахъ Вальтеръ-Скотта (От. Зап. 1847 г. т. 51). Мы обратимъ вниманіе на статью его о Кольцовѣ, такъ-какъ въ статьѣ этой наиболѣе полно выражаются воззрѣнія В. Майкова, и притомъ она послужила полемическимъ столкновеніемъ съ новымъ критикомъ со стороны Бѣлинскаго.

Такъ-какъ мы имѣемъ дѣло съ критикомъ, то мы начнемъ съ изложенія эстетическихъ воззрѣній В. Майкова. Онъ начинаетъ свою статью о Кольцовѣ прямо съ того, что нападаетъ

на самую слабую сторону критики Бѣлинскаго, на отсутствіе систематической и послѣдовательной теоретической подкладки подъ его литературными симпатіями и антипатіями. Онъ отдаетъ полную справедливость этой критикѣ. «Она оказала, говоритъ онъ, русской литературѣ разнообразныя заслуги. Главное, она служила до сихъ поръ энергическимъ выраженіемъ симпатіи къ новой школѣ искусства»...

«Но, говоритъ онъ далѣе, выражать симпатію и анализирорать ее—двѣ вещи разныя и по сущности, и по результатамъ. Само собою разумѣется, что ваша страсть укрѣпляется, если узнаетъ себя въ выраженіи страсти другого, но укрѣпляется она безсознательно, безотчечно: кто выразилъ ее сильнѣе, чѣмъ бы вы сами могли выразить, тотъ еще не оправдалъ, не осмыслилъ ее въ глазахъ людей съ совершенно-иными потребностями и даже въ собственныхъ вашихъ глазахъ. Справедливо и то, что *сильное* выраженіе всякой мысли и всякаго чувства озадачиваетъ людей, неимѣющихъ возможности противопоставить ему такого же обнаруженія своей мысли и своего чувства, особенно если первое имѣетъ на своей сторонѣ большинство и моду. Но разсчитывать на такой успѣхъ своей рѣчи все равно, что полагаться на силу легкихъ и на крѣпость груди. Мы даже готовы жалѣть о томъ, чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ. Что̀ будетъ съ этою мыслью? Пускай бы каждый понималъ ее по своему, обрѣзывалъ или раздувалъ по своему разумѣнію, прицѣплялъ къ такимъ идеямъ, какихъ и не подозрѣвалъ творецъ ея,—однимъ словомъ, пускай бы каждый претворялъ ее такъ органически, чтобы не оставалось отъ нея и тѣни того смысла, какой онъ хотѣлъ ей дать. Въ этомъ больше хорошаго, чѣмъ дурнаго: бросая такимъ образомъ свою мысль въ круговоротъ всѣхъ идей, вращающихся въ обществѣ, вы подмазываете колеса этой машинѣ, давая ей пищу, работу, и тѣмъ самымъ поддерживаете ея движеніе. Но горе вамъ, если слово ваше разъигрываетъ въ публикѣ роль людской новинки, если оно, неоправданное собственными вашими доказательствами, пріобрѣтетъ въ публикѣ силу авторитета! Выразить свое мнѣніе публично и не подкрѣпить его доводами, которые самъ находишь убѣдительными, уже значитъ выразить свое неуваженіе къ свободѣ мнѣнія и претензію на диктаторство. Но за это-то рано или поздно всегда и приходится поплатиться горькимъ чувствомъ разочарованія. Прежде всего увидитъ диктаторъ, что идеи его не сливаются съ другими идеями его публики и находятся съ ними въ самой нелогической противоположности: доказать одну истину нельзя безъ того, чтобъ не

доказать и цѣлаго ряда истинъ, изъ которыхъ она взята, или, лучше сказать, объясненіе частнаго предполагаетъ объясненіе общаго. Чтобъ доказать, напримѣръ, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, надо доказать, что дидактика не поэзія, а чтобъ успѣть въ этомъ, надо объяснить сущность того и другаго, и т. д. Представимъ же себѣ, что намъ навязано безъ всякихъ доказательствъ нѣсколько мыслей, которыя мы имѣли слабость принять на слово,—случай, болѣе чѣмъ не исключительный. Намъ неизвѣстно ихъ основаніе, слѣдовательно, неизвѣстны и тѣ истины, которыя находятся съ ними въ связи — или какъ понятія однородныя, или какъ предшествующія посылки силлогизмовъ. Что̀ изъ этого должно выйти? То, что мы не будемъ имѣть никакого понятія о вопросѣ, рѣшенномъ нашимъ диктаторомъ, а будемъ только опасаться проговориться по этому поводу въ чемъ нибудь такомъ, что̀ противорѣчитъ его приговору. Въ то же время мы не перестанемъ рѣшать по старому всѣ тѣ вопросы, которыхъ онъ не коснулся, но которые объяснились бы намъ сами собою, какъ однородные съ рѣшеннымъ, или какъ обусловливающіе его, еслибъ только онъ, диктаторъ, снизошелъ на доказательное изложеніе своей идеи. Больно, должно быть, ему видѣть въ цѣломъ обществѣ такіе тощіе плоды своего слова, особенно если онъ не только не добивался диктатуры, но даже, какъ часто бываетъ, отвергалъ благороднымъ сердцемъ всякій помыселъ и завоеваніе умовъ силой своего личнаго вліянія. Еще больнѣе должно быть ему встрѣчать на каждомъ шагу безобразныя доктрины, развитыя изъ его же мыслей, его же поклонниками—а все потому, что мысли эти оставлены имъ самимъ безъ развитія».

«Довольно, говоритъ В. Майковъ въ заключеніе, если изъ всего сказаннаго убѣдятся читатели, что теперь только что пришла пора толковать о законахъ изящнаго, и что приняться за этотъ трудъ нельзя иначе, какъ правильнымъ вчинаніемъ иска на такія эстетическія ученія, которыя считаются опровергнутыми.»

Далѣе затѣмъ В. Майковъ приступаетъ къ разбору нѣсколькихъ стихотвореній Кольцова, выставляя на видъ тѣ сѣтованья, то негодованіе и ужасъ, какіе должны возбудить эти стихотворенія въ людяхъ отжившихъ эстетическихъ ученій, именно романтикахъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ В. Майковъ, какъ не негодовать господамъ романтикамъ на бѣднаго Кольцова, когда вмѣсто того, чтобъ гнушаться такими вещами, каковы, напримѣръ, физическій трудъ, любовь къ полезной работѣ, деньги, выручаемыя по-

томъ и терпѣніемъ, онъ совершенно преданъ земледѣльческому промыслу, совершенно сочувствуетъ пахарю, заботливо и любовно входитъ въ его тяжкія нужды, радуется его *прозаической* радости при видѣ урожая, слѣдуетъ за нимъ на пашнѣ» и пр. «Чтобъ сочувствовать такимъ стихамъ, чтобъ проникнуться ихъ основной идеей, чтобъ понимать сладость труда, исполняемаго съ любовью, нѣжность человѣка къ животному, раздѣляющему съ нимъ тягость работы, неравнодушіе его даже къ механическимъ орудіямъ промысла, и наконецъ, вдохновительность мысли о плодахъ труда, о какихъ нибудь *скопахъ тяжелыхъ*, — для всего этого надо быть самому человѣкомъ трудящимся съ любовью, съ терпѣніемъ и безъ презрѣнія къ заработку. Можно ли же требовать этихъ условій отъ романтика, отъ человѣка, гнушающагося всякимъ трудомъ, всякими матеріальными выгодами (послѣднее разумѣется только въ стихахъ)?»

Далѣе затѣмъ естественно слѣдуетъ вопросъ, чѣмъ же оправдывается допущеніе въ область поэзіи изображеніе простаго крестьянскаго быта съ его практическими интересами рядомъ съ различными, такъ-называемыми, «поэтическими» сторонами жизни? Почему романтики, исключающіе изъ поэзіи изображеніе обыденной жизни, не правы, и чѣмъ объясняется симпатія новаго времени къ натуральной школѣ?

«Кто-жь правъ—Кольцовъ или романтики? говоритъ В. Майковъ: здѣсь частный вопросъ долженъ перейти въ общій: спрашивается, въ чемъ сущность поэтическаго и непоэтическаго содержанія,—ни болѣе, ни менѣе».

Для рѣшенія этого вопроса В. Майковъ и излагаетъ новую эстетическую теорію, которая должна оправдать существованіе натуральной школы и поэзіи Кольцова не голословно, не диктаторски, а на основаніи общихъ законовъ искусства.

Теорію свою В. Майковъ выводитъ изъ слѣдующаго закона нашего психическаго міра: «каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себѣ все единственно по сравненіи съ самимъ собою».

«Съ перваго взгляда—говоритъ В. Майковъ—кажется, что мы болѣе всего сочувствуемъ тому, что̀ отъ насъ отдаленно, что̀ намъ ново, чуждо, однимъ словомъ *занимательно*. По крайней мѣрѣ, все отдаленное, новое, чуждое влечетъ насъ къ себѣ съ неотразимымъ могуществомъ, между тѣмъ какъ все близкое, все старое, все *свое* съ каждой минутой теряетъ для насъ всю прелесть... Но если всмотрѣться въ этотъ фактъ поглубже, нельзя не увидѣть, что причина его заключается въ способности и склонности человѣка объяснять все по сравненію съ самимъ собою и въ происходящей оттуда страсти усвоивать

своею мыслію все, что̀ встрѣчаетъ онъ посторонняго, непохожаго на него самаго. Эта сила усвоенія, при встрѣчѣ съ предметомъ новымъ, оказывающимъ ей энергическое сопротивленіе, напрягается со всею данною ей мощью, до тѣхъ поръ, пока не покоритъ себѣ познаваемаго, или, лучше сказать, усвоиваемаго предмета. Такъ напримѣръ, описаніе быта дикарей Тихаго Океана *занимательнѣе* для европейцевъ самой лучшей статистики какого угодно просвѣщеннаго государства стараго свѣта. Почему? Потому, что жизнь образованныхъ народовъ намъ уже извѣстна, мы ее уже усвоили себѣ, сравнили съ собственною жизнью и успокоились. Напротивъ, дикіе народы представляются намъ чѣмъ-то совершенно непохожимъ на насъ, и потому-то нами овладѣваетъ тревожное желаніе усвоить себѣ этотъ предметъ, сравнить его съ тѣмъ, что̀ знаемъ мы о самихъ себѣ. И мы успокоиваемъ свою любознательность, унимаемъ свою тревогу только тогда, когда наконецъ и въ дикихъ народахъ узнаемъ людей, т.-е. существа, подобныя намъ по натурѣ, хотя и совершенно различныя отъ насъ по развитію...»

«Таково свойство занимательности: предметъ занимателенъ, любопытенъ для насъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравнили его съ собственною природой. Но это-то и доказываетъ, что влеченіе наше ко всему новому, непонятному, обманчиво: еслибъ мы дѣйствительно стремились къ нему, а не къ чему нибудь другому, то мы и успокоивались бы въ немъ. Напротивъ, оно насъ мучитъ и манитъ вдаль, и это мученіе продолжается до тѣхъ поръ, пока непонятное не сдѣлается понятнымъ, чужое—своимъ, постороннее—тождественнымъ съ нами. И такъ, истинное стремленіе наше въ томъ, чтобъ во всемъ найти самихъ себя. Изъ этого слѣдуетъ, что занимательность и симпатичностъ предмета—два свойства совершенно различныя: насъ занимаетъ то, что̀ кажется намъ новымъ, неизвѣстнымъ, непонятнымъ; сочувствовать же можемъ мы только тому, въ чемъ мы уже дали себѣ отчетъ и въ чемъ нашли самихъ себя. Поэтому каждый предметъ, доступный нашему познанію, необходимо раздѣляется нами на двѣ половины: къ первой относимъ мы все то, что̀ нисколько не напоминаетъ намъ о собственной нашей природѣ — это сторона любопытная, подстрекающая одну любознательность; ко второй — все то, что̀ въ немъ есть общаго съ нами, человѣкомъ — это сторона *симпатическая*, возбуждающая въ насъ *любовь*, сердечное кровное сочувствіе. Количественное различіе впечатлѣній, произведенныхъ на насъ тою и другою, заключается въ томъ, что лю-

бопытное владѣетъ нами только въ силу своей новости и дѣлается безразличнымъ тотчасъ же по усвоеніи, между тѣмъ, какъ симпатическое (назовите его какъ угодно) вѣчно будетъ имѣть для насъ интересъ, если только мы сами не теряемъ способности чувствовать и сочувствовать».

Далѣе Майковъ объясняетъ, почему мы любуемся какому-нибудь ландшафту. «Отчего можетъ нравиться намъ ландшафтъ — говоритъ онъ — вовсе не поражающій красотою линій изображаемой мѣстности? Какое-нибудь плоское захолустье, двѣ-три кривыя березки, да сѣренькія тучи на горизонтѣ, напоминающемъ своими колерами цвѣтъ синяго молока, — что̀ въ нихъ такого, что̀ могло бы приковать къ себѣ наше вниманіе, заставить насъ прочувствовать и полюбить картину? Не отворачиваемся ли мы на самомъ дѣлѣ отъ этой голой плоскости и отъ этихъ хворыхъ березокъ? Не ворчимъ ли мы на эти грязныя тучки по десяти разъ въ часъ? Такъ; но это-то и влечетъ насъ къ картинѣ; во всѣхъ ея печальныхъ подробностяхъ человѣкъ находитъ частичку самого себя, — узнаетъ плоскость, которая ему такъ надоѣла въ дѣйствительности, узнаетъ березки, которыя всегда казались жалкими усиліями бѣдной, но все-таки заботливой природы — скрасить безотрадную гладь поляны; узнаетъ дождевыя тучки, отъ которыхъ онъ куталъ обвѣянное вѣтромъ лицо свое въ высокій воротникъ пальто, когда возвращался изъ департамента на дачу — и эта странная встрѣча съ самимъ собою проливаетъ для него неизъяснимую прелесть на какой-нибудь ландшафтъ петербургскаго художника, потому что онъ не можетъ не любить самого себя, не интересоваться и не любоваться собою, какъ бы ни былъ плохъ для другихъ... Ужь такъ онъ устроенъ, что всюду онъ себя отыщетъ и обрадуется находкѣ и полюбитъ ее. Положимъ даже, что на ландшафтѣ изображена не наша блѣдная сѣверная природа, а какія-нибудь окрестности Неаполя. Пусть посмотритъ на нихъ петербургскій автохтонъ, который никогда не видалъ природы роскошнѣе парголовской: что-жь? это не помѣшаетъ ему симпатизировать и синему небу, и кремнистымъ холмамъ, которые одѣты ползучимъ плющемъ и цѣпкимъ виноградомъ съ баснословно-огромными кистями голубыхъ и лиловыхъ ягодъ, покрытыхъ матовою влагою, — и темнокожему лѣнтяю, валяющемуся на солнцѣ въ ожиданіи карлина, который удастся вымозжить ему у англичанина, когда этотъ прямолинейный и никогда не улыбающійся туристъ пройдетъ мимо его въ сопровожденіи плута чичероне, съ цѣлью получить нѣсколько живыхъ тварей въ *Собачьемъ гротѣ*. Разумѣется, для этого надобно имѣть нѣ-

сколько искоръ воображенія; но дѣло въ томъ, что воображеніе явится къ услугамъ нашего автохтона не для чего иного, какъ для того, чтобъ перенести подъ неаполитанское небо собственную его особу, чтобъ самого его пожарить на сорока градусахъ тепла, чтобъ понѣжить его языкъ, привыкшій къ впечатлѣніямъ товара милютиныхъ лавокъ, невыразимо-нѣжнымъ и гастрономически-сложнымъ вкусомъ южнаго винограда. Иначе—что̀ ему въ картинѣ неаполитанской природы? Легкость и незамѣтная правильность линій не объясняютъ вопроса; остается неразгаданною прелесть густой синевы неба, роскошной растительности, изнѣженности людей и животныхъ, развивающихся подъ вліяніемъ мѣстности. Пожалуй, можно дать другой видъ объясненію, но сущность его останется все та же. Можно сказать, что мы вообще симпатизируемъ природѣ, хотя бы она и не напоминала намъ человѣка. Такъ, напримѣръ, дѣвственный лѣсъ, незнакомый съ топоромъ, непроходимая пустыня, въ которую никогда не пускался ни одинъ отважный искатель приключеній, жерло вулкана, отъ котораго удалялись люди—развѣ изображенія такихъ предметовъ не могутъ произвести впечатлѣнія на душу зрителя? Конечно, могутъ; но всмотритесь внимательнѣе, и рѣшите, даютъ ли и они возможность человѣку уйдти отъ самого себя, плѣниться чѣмъ-нибудь такимъ, въ чемъ нѣтъ ничего ему родственнаго, соприсущаго? Нѣтъ, мы всюду сами съ собою; ибо, вмѣстѣ съ природой, мы составляемъ одно цѣлое, гармоническое произведеніе одной животворной силы; какъ часть этого цѣлаго, имѣющая свой частный организмъ, мы можемъ забывать о своемъ съ нимъ единствѣ, можемъ не замѣчать его, увлекаясь тяготѣніемъ собственнаго частнаго (индивидуальнаго) содержанія, но не можемъ не чувствовать его непосредственно, *безсознательно*. Пусть каждый изъ читателей повѣритъ эти слова собственными впечатлѣніями. Кто можетъ анализировать свои ощущенія,—разумѣется, не во время самого образованія ихъ въ душѣ, а съ помощію воспоминанія и размышленія,—тотъ, навѣрное, согласится съ нами, что природа производитъ на насъ разомъ два впечатлѣнія — и пріятное, и горькое, — и что источникъ этой двойственности заключается въ нашемъ родствѣ, или, лучше сказать, въ существенномъ тождествѣ съ нею. Предаваясь простому, непосредственному созерцанію ея нерукотворной жизни, мы невольно настраиваемся на одинъ ладъ съ ея гармоніей, сливаемся съ ея жизнію, какъ часть съ цѣлымъ, и чувство этого сліянія невыразимо сладко: чувствуешь, что безсознательно попалъ въ колею своихъ настоящихъ, непреклонныхъ законовъ,

чувствуешь, что находишься въ своей сферѣ, или, лучше сказать, чувствуешь, что возвращаешься въ свою сферу. Въ то же время, этотъ внезапный приливъ гармоніи, этотъ быстрый переходъ отъ нашей обыкновенной, искусственной жизни къ бытію нормальному, естественному, сообразному съ нашею сущностью, дѣйствуетъ на насъ и болѣзненно, рождаетъ грусть, слѣдствіе сравненія того и другого порядка вещей. Тяжело созерцаніе этой гармоніи при свѣжести воспоминанія о хаосѣ, изъ котораго вырвался на время; многіе не въ силахъ перенести ея впечатлѣнія безъ боли, точно также, какъ человѣкъ, изуродованный болѣзнію, не въ силахъ смотрѣть безъ грустнаго сожалѣнія о самомъ себѣ на розовыя лица, цвѣтущія жизнію и здоровьемъ...

«Теперь, соображая все сказанное, спрашиваемъ: что̀ плѣняетъ насъ въ дѣйствительности и искусствѣ? Отвѣтъ будетъ такой: во всемъ мы плѣняемся собою. *И такъ, нѣтъ на свѣтѣ предмета неизящнаго, неплѣнительнаго, если только художникъ, изображающій его, можетъ отдѣлять безразличное отъ симпатическаго и не смѣшивать симпатическаго съ занимательнымъ* [1]. Этимъ объясняется ложность не только неестественности, но и всякой эксцентричности содержанія изящнаго произведенія. Изобразить несущественную жизнь и людей несуществующихъ — значитъ стремиться къ тому, чтобъ изображеніе не возбудило въ людяхъ никакой симпатіи, чтобъ они не поняли его, не могли объяснить себѣ, по сравненію, изображеннаго съ собственной ихъ жизнью и собственной ихъ натурой. Равнымъ образомъ, изображеніе существъ и явленій, выступающихъ изъ круга обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ событій, тогда только можетъ служить содержаніемъ изящному произведенію, когда художникъ умѣетъ представить ихъ, какъ результаты причинъ самыхъ понятныхъ и обыкновенныхъ; иначе, они останутся любопытными загадками, а любопытному, какъ уже сказано, никто не можетъ сочувствовать. Другими словами: эксцентрическое явленіе тогда только дѣлается изящнымъ или симпатическимъ, когда художникъ съумѣетъ угадать и выразить его понятную, обыкновенную сторону. Принципы эти заключаютъ въ себѣ осужденіе классицизма и романтизма. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ они оправдывали все, что̀ современная литература выдаетъ намъ за натуральность и неизысканность?»

Далѣе слѣдуетъ оборотная сторона медали. Майковъ обра-

---

[1] Курсивъ въ подлинникѣ.

щается къ дагеротипистамъ и копистамъ живой дѣйствительности, и старается, въ свою очередь, и ихъ опровергнуть на основаніи своихъ принциповъ. Эстетики старой школы возставали на безцѣльное списыванье съ дѣйствительности обыкновенно во имя того, что цѣль искусства не одно только подражаніе природѣ, а выраженіе идей въ формѣ. Майковъ отвергаетъ этотъ метафизическій принципъ. По его мнѣнію, подъ него можно подвести все, что̀ угодно. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію самихъ же метафизиковъ, весь міръ есть не что иное, какъ выраженіе идеи въ формѣ, затѣмъ и каждую человѣческую дѣятельность можно подвести подъ эту же формулу. Чтобы разграничить искусство отъ прочихъ сферъ дѣятельности человѣка, метафизики къ слову форма прибавляютъ художественная. «Но такъ-какъ—говоритъ Майковъ — этотъ эпитетъ и остается эпитетомъ, свидѣтельствующимъ только о темномъ предчувствіи *какого-то* отличія художественной дѣйствительности отъ дѣйствительности простой, непосредственной, то вопросъ и возвращается въ самого себя. Мы полагаемъ, что до тѣхъ поръ и останется онъ сфинксовой загадкой, пока эстетика будетъ ограничиваться толкованіемъ о различіи формъ художественной и дѣйствительной... Художественныя формы всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности, такъ, какъ это было до сихъ поръ, и не выдумать ничего лучшаго цѣлому легіону прометеевъ - эстетиковъ даже при помощи такого же легіона риѳмоплетовъ и сказочниковъ...».

«Другое дѣло—продолжаетъ Майковъ — писать и спорить о *художественной идеѣ*. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ подумать: здѣсь опытъ, факты наводятъ на существованіе различія... Голая мысль ученаго и живая мысль художника—двѣ силы существенно различныя...»

Оставивъ въ сторонѣ анализъ различныхъ фактовъ художественной дѣятельности, къ которой Майковъ приступаетъ далѣе, мы замѣтимъ только, что различіе мысли художественной отъ ученой заключается уже всецѣло въ самыхъ основныхъ принципахъ теоріи Майкова. Разграничивъ познаваніе предметовъ на занимательное и симпатическое, этимъ самымъ уже Майковъ положилъ и основаніе различія науки отъ искусства. Все то, что̀ для насъ только занимательно, все это входитъ въ область науки, а съ другой стороны все симпатическое, все, въ чемъ мы находимъ хотя частичку самихъ себя, все, что напоминаетъ намъ о насъ,—все это входитъ въ область поэзіи именно своею этою симпатическою стороною. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ о сущности поэтическаго творчества: «Художественная

мысль—говоритъ Майковъ—зарождается въ формѣ любви или негодованія, и *тайна творчества—въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны*. Иными словами, *художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)*».

Само собою разумѣется, что послѣ такого опредѣленія поэзіи нечего и говорить о безцѣльномъ списываніи съ дѣйствительности. Такое списываніе могло бы быть оправдано скорѣе съ точки зрѣнія метафизики. На ея положеніе о томъ, что поэзія есть выраженіе идеи въ формѣ, копіистъ дѣйствительности могъ бы смѣло возразить, что списывая дѣйствительность такъ, какъ она есть, онъ нисколько не отступаетъ отъ этого требованія: если дѣйствительность сама по себѣ есть уже выраженіе идеи въ формахъ, то и въ простыхъ снимкахъ она останется тѣмъ же самымъ, т.-е. и снимки эти будутъ выражать идею въ формѣ... Но совершенно иначе представляется дѣло съ точки зрѣнія теоріи, развитой Майковымъ: по этой теоріи безцѣльное списыванье дѣйствительности безъ возведенія ея въ сферы человѣческихъ интересовъ, совершенно выпадаетъ изъ области поэзіи и дѣлается безсмыслицею, если только такое списыванье не служитъ для какихъ-нибудь ученыхъ цѣлей.

Вотъ первая положительная, эстетическая теорія, съ которою выступила молодая мысль, освободившаяся отъ метафизическихъ принциповъ. Надо ли прибавлять, что эта теорія стоитъ уже на реальной почвѣ. Она намѣчена только общими чертами, требуетъ разработки, уясненій и подтвержденій фактами художественной дѣятельности и физіологическихъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, тайна вліянія на насъ красотъ природы значительно уяснилась въ нашихъ глазахъ послѣ В. Майкова, и мы уже не будемъ говорить, что природа дѣйствуетъ на насъ, потому что мы безсознательно чувствуемъ свое единство съ нею и сравниваемъ ея гармонію съ хаосомъ нашей жизни. Но подобныя мысли, высказанныя Майковымъ, выходятъ не изъ ложности основной теоріи, а отъ безсилія объяснить тѣ или другіе факты нашей психической жизни, безсилія, зависящаго отъ недостатка физіологическихъ и психическихъ изысканій, которыя могли бы пролить свѣтъ на эти факты. Эти промахи не мѣшаютъ теоріи оставаться самой по себѣ истинною и всѣ позднѣйшія открытія не только не опровергаютъ, а только больше подтверждаютъ и уясняютъ ее.

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ воззрѣнія Майкова на другіе предметы, при чемъ обратимъ особенное вниманіе на

тѣ воззрѣнія, на которыя наиболѣе напалъ Бѣлинскій. Теперь же, въ заключеніе этой главы, считаемъ нелишнимъ, чтобы познакомить читателей нашихъ вполнѣ съ развитіемъ новыхъ эстетическихъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ, привести еще небольшую выдержку изъ одной критической статьи, напечатанной въ 53-мъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 годъ. Эта критическая статья посвящена разбору перевода В. Модестова курса эстетики Гегеля. Статья, надо замѣтить, написана чрезвычайно тяжелымъ языкомъ; не говоря уже о массѣ философскихъ терминовъ, испещряющихъ статью, самый слогъ отличается крайнею темнотою и сбивчивостью изложенія. Во многихъ мѣстахъ вы не разберете даже, говоритъ ли авторъ отъ себя или онъ приводитъ слова какого-либо нѣмецкаго эстетика, гдѣ онъ кончаетъ цитату и гдѣ начинаетъ свои собственныя сужденія. Авторъ старается опровергнуть метафизическую эстетику, но самъ во многихъ мѣстахъ своей статьи путается въ метафизическихъ тонкостяхъ. Но въ то же время вы часто натыкаетесь, какъ на оазисы въ степи, на рядъ мыслей, поражающихъ васъ своею реальностью, свѣжестью и глубиною. Такъ, напримѣръ, вотъ что̀ читаете вы на одной изъ страницъ критики:

«Точка зрѣнія умозрительной эстетики по преимуществу практическая: искусство существуетъ только потому, что въ природѣ нѣтъ истинно-прекраснаго. Капитолійская и Медичейская Венеры должны бытя идеалами женской красоты; ландшафтная живопись должна очистить ландшафтъ отъ всего случайнаго. Между тѣмъ, искусство далеко не превосходитъ природу; вездѣ уступаетъ оно ей въ свѣжести и полнотѣ жизни. Въ этомъ-то смыслѣ говоритъ Гёте, что всѣ формы искусства имѣютъ въ себѣ нѣчто ложное, даже самыя вѣрныя, самыя прочувствованныя. Пусть спроситъ себя каждый, не обращались ли невольно его глаза въ трибунѣ во Флоренціи отъ Венеры Медичейской на живыя, одушевленныя формы прекрасныхъ женщинъ, разсматривавшихъ статую, на ихъ прелестно-застѣнчивую улыбку; или, если это кажется слишкомъ грѣшнымъ для нѣкоторыхъ набожныхъ душъ, спрашиваю, не лучше ли во сто разъ, не гармоничнѣе ли всякой прекраснѣйшей картины отзывается въ нашей душѣ Неаполитанскій заливъ въ своей очаровательной дѣйствительности? Но цѣль искусства и не заключается совсѣмъ въ такомъ неровномъ соперничествѣ. *Оно есть языкъ, ничто болѣе, какъ языкъ, чувственное выраженіе нашихъ чувственныхъ мыслей, ощущеній и созерцаній* [1]. И только по

[1] Курсивъ въ подлинникѣ.

той причинѣ, что это индивидуально-чувственное содержаніе не можетъ быть выражено никакимъ другимъ способомъ, какъ въ этихъ чувственныхъ формахъ природы и жизни, только потому и говоритъ ими искусство».

Такимъ образомъ, уже въ 1847 году были высказаны тѣ идеи о преимуществѣ дѣйствительности передъ образами искусства,—идеи, которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, высказанныя въ болѣе систематичномъ, полномъ, ясномъ изложеніи съ увлекательнымъ талантомъ,—возбудили порядочную бурю въ наукѣ и литературѣ. Въ 1847 же году мысли эти остались почти незамѣченными. Я полагаю, что рѣдко кто и прочелъ статью, въ которой онѣ изложены. Но надо полагать, онѣ глубоко запали въ душу одного даровитаго студента, бывшаго въ то время на 2-мъ курсѣ филологическаго факультета с.-петербургскаго университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ самый студентъ, къ ужасу устарѣлыхъ метафизиковъ и приверженцевъ чистаго искусства, предложилъ эти самыя мысли на соисканіе степени магистра.

А. Скабичевскій.

САМОДОВОЛЬНАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ.

I.

Ограниченные люди, во всякомъ обществѣ, представляютъ явленіе на столько обыкновенное, что формализироваться по ихъ поводу нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Это заурядные слуги потребностей насущной минуты, это представители того большинства, которое равносильно пустому мѣсту до тѣхъ поръ, пока случайность не сдѣлаетъ изъ него послушнаго орудія для достиженія той или другой цѣли. Ихъ назначеніе — сводить концы съ концами, памятовать, что дважды-два равняется четыремъ, и вести свои дѣла въ достаточномъ порядкѣ, чтобы къ концу извѣстнаго хозяйственнаго срока не оставаться въ долгу ни передъ мелочной лавкой, ни передъ булочной. Опытъ и рутина доставляютъ имъ извѣстный фондъ банальныхъ истинъ, которыя не даютъ заблудиться на торной дорогѣ, и съ помощью которыхъ они могутъ выказывать даже нѣкоторую сообразительность, какъ, напримѣръ, заранѣе опредѣлять хозяйственный бюджетъ слѣдующаго мѣсяца, усматривать явныя опасности, предпочитать болѣе выгодныя занятія менѣе выгоднымъ, и т. д. Сфера домашняго очага—вотъ настоящая сфера, вполнѣ доступная ихъ пониманію. Тутъ они являются господами своихъ дѣйствій и совершенно самостоятельными рѣшителями въ вопросахъ пользы или вреда, приличія или неприличія. Въ другихъ, болѣе сложныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, ихъ самостоятельность умаляется очень замѣтнымъ образомъ. Конечно, и здѣсь они могутъ приносить извѣстную долю пользы, но уже не въ качествѣ руководителей, а только въ качествѣ подручныхъ работниковъ, и притомъ исключительно лишь въ такихъ вопросахъ, которые относятся до ближайшихъ практическихъ примѣненій и устройства подробностей. Самая обширная умственная концепція расчленяется на

множество частностей, которыя, по своему сходству съ частностями, обставляющими простую человѣческую обыденность, совершенно подъ силу ограниченности. Нѣтъ сомнѣнія, что монографисты, археологи, библіоманы, счетчики и т. п., созидая томы матеріаловъ и цифръ, очень часто не знаютъ, къ какимъ окончательнымъ выводамъ можетъ привести ихъ трудъ, тѣмъ не менѣе этотъ трудъ можетъ быть не только полезнымъ, но даже давать поводъ для исправленія общей концепціи. Схоластикъ Вагнеръ, поставленный рядомъ съ Фаустомъ, конечно, представляетъ типъ человѣка вполнѣ ограниченнаго, но и для него возможна подходящая сфера дѣятельности, и именно та сфера, въ которой требуется пониманіе нѣкоторыхъ несложныхъ истинъ, сопровождаемое кропотливостью, усидчивостью и вѣрностью разсчетовъ. Иногда, ограниченные люди, преслѣдуя микроскопическія подробности, встрѣчаются съ такими данными, которыя могутъ служить отправнымъ пунктомъ для цѣлыхъ построеній, и хотя это не мѣшаетъ имъ оставаться попрежнему ограниченными (ибо сами по себѣ они даже и изъ крупнаго факта никакого общаго вывода сдѣлать не въ состояніи), но тѣ, которые воспользуются ихъ случайными открытіями, конечно, не останутся неблагодарными, и оцѣнятъ ихъ трудъ по степени его добросовѣстности.

Поэтому, при нормальномъ установѣ общественной жизни, то-есть тогда, когда общество не изнемогаетъ подъ игомъ паническихъ страховъ, а напротивъ того, въ непрерывномъ развитіи жизни и обставляющихъ ее учрежденій видитъ единственную разумную цѣль своего существованія, ограниченные люди никогда не пользуются блестящимъ положеніемъ, но за то обладаютъ положеніемъ прочнымъ и даже почтеннымъ. Составленіе таблицъ, придумываніе графъ, формъ, собраніе свѣдѣній, постановка подробностей и относящихся до нихъ вопросовъ, производство мелкихъ эпизодическихъ изслѣдованій—все это предоставляется имъ тѣмъ съ большей охотой, что такого рода дробная и кропотливая работа, будучи вполнѣ неизбѣжною, въ то же время можетъ отвлечь отъ работы руководящей, и слѣдовательно ее нужно отдать такому человѣку, который, не имѣя въ головѣ своей ничего руководящаго, обладалъ бы надежною поясницею и неудержимымъ рвеніемъ къ раскапыванію подробностей. И ежели этотъ человѣкъ не глупъ (а ограниченность и глупость далеко не одно и то же), ежели онъ добросовѣстенъ, не разсѣянъ и притомъ работаетъ подъ извѣстнымъ контролемъ, то онъ дѣйствительно можетъ оказать заслуги неоцѣненныя. При помощи собранныхъ имъ матеріаловъ, оплодотворится

руководящій трудъ, а истина, мало доступная большинству въ своей отвлеченной формѣ, сдѣлается для него ясною и вразумительною. Такъ, напримѣръ, артельное начало, если оно заявлено только какъ отвлеченная мысль, можетъ остаться не понятою и даже причинить глупый испугъ, тогда какъ то же артельное начало, вооруженное разсчетами, непремѣнно представится выгоднымъ. Безсознательная демонстрація чужихъ идей —вотъ въ чемъ сущность труда ограниченнаго человѣка, и ежели видимъ, что такого рода трудъ хорошо оплачивается, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ни несправедливаго.

Путаница, вносимая ограниченными людьми въ жизнь, начинается собственно съ той минуты, когда ограниченность заявляетъ претензію на господствующую роль въ обществѣ, когда она сознаетъ себя мудростью. Тогда, дѣйствительно, исчезаетъ та спасительная подчиненность общей руководящей идеѣ, которая клала на дѣятельность ограниченнаго человѣка печать полезности, и происходитъ та вредная перестановка частнаго на мѣсто общаго, которая служитъ источникомъ безконечныхъ замѣшательствъ и недоразумѣній. Простая житейская исправность возводится въ руководящій принципъ, а скромная и узкая обыденность ищетъ для себя примѣненій въ высшихъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Понятія и взгляды перепутываются до того, что общество непримѣтно приходитъ къ глухой стѣнѣ, и не только не тяготится этимъ положеніемъ, но даже считаетъ его вѣнцомъ всѣхъ совершенныхъ имъ прежде усилій.

Всякому читателю, безъ сомнѣнія, случалось имѣть дѣло съ такими людьми, которыхъ ограниченность ясна съ перваго взгляда, но которые въ то же время поражаютъ своимъ самодовольствомъ и самоувѣренностью. Изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ это самый надоѣдливый и нестерпимый. Просто ограниченный человѣкъ хранитъ свою ограниченность про себя; онъ не совершаетъ ничего яркаго, или особенно плодотворнаго, но за то ничего не смѣшиваетъ, ничего не запутываетъ. Совсѣмъ другое дѣло—ограниченность самодовольная, сознавшая себя мудростью. Она отличается тѣмъ, что не терпитъ замкнутости, и, насильственно врываясь въ сферы ей недоступныя, стремится распространить свои крилѣ всюду, гдѣ слышится живое дыханіе. Это своего рода зараза, чума. Низменные идеалы, которые она себѣ выработала, или, лучше сказать, которые получила въ наслѣдство вмѣстѣ съ прочею рухлядью прошлаго, перестаютъ быть *ея* идеалами, а становятся образцомъ для идеаловъ общечеловѣческихъ; правильность веденія счетовъ перестаетъ быть обыкновенною, необращающею на себя вни-

манія подробностью, но становится священнодѣйствіемъ, на которомъ сосредоточиваются всѣ стремленія и цѣли жизни. Азбучность выступаетъ на первый планъ; глупыя мысли, дурацкія рѣчи сочатся отовсюду. «Я заплатилъ за мѣсяцъ прислугѣ, я ни копейки не долженъ въ мелочную лавку—я счастливъ. Отчего же *моему* счастью не быть образцомъ счастья общечеловѣческаго? отчего тѣмъ законамъ, которыми *я* руководствуюсь въ моемъ обыденномъ хозяйствѣ, не служить руководящею нитью и въ міровой жизни?» Такъ вопрошаетъ себя ограниченный человѣкъ, и, не находя въ своей ограниченности разрѣшенія на вопросъ, самодовольно убѣждается, что проходящіе передъ его глазами запутанности и затрудненія суть не что иное, какъ напускное марево, какъ созданіе разгоряченной фантазіи людей, которые не умѣютъ свести концы съ концами, и что вотъ онъ, человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ искусство своевременно расплачиваться съ домашней прислугой—онъ-то и есть истинный мудрецъ и узорѣшитель.

Что такого рода выводъ вполнѣ произволенъ, что онъ несостоятеленъ, неожиданъ и даже глупъ—это ясно съ перваго взгляда; но все-таки ясно лишь для ума, привыкшаго анализировать и разсуждать. Большинство же приходитъ къ уясненію себѣ этой произвольности чрезвычайно туго, и вотъ почему мы видимъ, что, запасшись подобными выводами, люди могутъ не только почерпать въ нихъ личную безпредѣльную самоувѣренность, но и отуманивать ими массы людей. Какъ ни загадочнымъ кажется успѣхъ ограниченныхъ людей, тѣмъ не менѣе это фактъ, противъ реальности котораго безполезно даже возражать. Личности подобнаго закала пользуются и авторитетомъ, и почетомъ, и даже славою. Всякой попыткѣ прорваться въ область сознательности они кричатъ навстрѣчу: довольно!—и попытка стушевывается безъ возраженій. Поэтому, пренебрегать ими, смотрѣть на нихъ исключительно какъ на общественную мебель, наравнѣ съ людьми просто ограниченными — невозможно, потому что они самолюбивы, заражены страстью къ прозелитизму и дѣятельны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы постараемся на первый разъ объяснить здѣсь: вопервыхъ, въ чемъ собственно заключается произвольность выводовъ, подобныхъ указаннымъ выше; вовторыхъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и въ какой средѣ такіе выводы получаютъ право гражданственности, и втретьихъ, наконецъ, къ чему можетъ придти общество, усматривающее высшій жизненный идеалъ въ ограниченности желаній и стремленій. Затѣмъ, въ послѣдующихъ статьяхъ мы постараемся сдѣ-

лать изъ этихъ общихъ положеній нѣкоторые практическіе выводы.

Что каждый имѣетъ право предъявлять свое собственное, лично ему принадлежащее воззрѣніе на счастіе, и согласно съ этимъ воззрѣніемъ устраивать свою жизнь—это истина, которую, конечно, никто не станетъ оспоривать. Личное счастіе можетъ быть усматриваемо и въ обладаніи нѣкоторыми матеріальными удобствами, понятіе о которыхъ слагается подъ вліяніемъ условій воспитанія и общественнаго положенія, и въ достиженіи цѣлей, которыя, по ограниченности своихъ размѣровъ, никого не занимаютъ, кромѣ лица, непосредственно ими заинтересованнаго, и даже въ простомъ соблюденіи привычекъ. Здѣсь все зависитъ отъ бо̀льшей или мѐньшей ширины міросозерцанія, а такъ-какъ область міросозерцанія недоступна регламентаціи, то даже самыя пошлыя желанія и стремленія могутъ заявлять о законности своего права на существованіе. «Я счастливъ, потому что на мнѣ отлично сидятъ панталоны»; «я счастливъ, потому что принятъ въ такихъ-то домахъ»; «я счастливъ, потому что у меня карета и пара лошадей» — все это своего рода идеалы, и хотя въ нихъ нѣтъ ничего особенно умнаго, но въ то же время и незаконнаго ничего нѣтъ. Къ обладателямъ подобныхъ идеаловъ невозможно питать симпатіи, и даже самое общеніе съ ними можно находить безполезнымъ и скучнымъ, но до тѣхъ поръ, пока симпатіи и общеніе необязательны, то даже невольное чувство изумленія, обыкновенно возбуждаемое ограниченностью, не имѣетъ права переходить за границы, полагаемыя гуманностью и снисходительностью.

Въ обязательности весь вопросъ, и какъ только вопросъ этотъ рѣшается въ пользу личныхъ идеаловъ и въ ущербъ идеаламъ общимъ, такъ тотчасъ же отношенія къ жизни и ея явленіямъ становятся натянутыми, запутанными и неясными. А этой-то именно обязательности и добивается ограниченность, переносящая свое самодовольство изъ сферы домашняго очага въ сферу высшихъ человѣческихъ интересовъ.

Первое и главное основаніе, на которое въ этомъ случаѣ опирается ограниченность, заключается въ конкретности фактовъ, служащихъ для нея отправнымъ пунктомъ. «Я счастливъ, потому что не спорю съ небесами»; «я счастливъ, потому что не дѣлаю набѣговъ въ область неизвѣстнаго»; «я доволенъ, потому что страданіе и бѣдность, какъ общій вопросъ, не смущаютъ меня» — вотъ факты, которые можно сейчасъ же повѣрить, и противъ конкретности которыхъ трудно что-нибудь воз-

разить. Дѣйствительно, вы видите человѣка, который несомнѣнно и съ небесами не споритъ, и въ то же время несомнѣно счастливъ, и ежели не идти дальше подобныхъ непосредственныхъ сближеній, то конкретность такого факта можетъ поразить. Такъ вотъ какъ легко дается счастье-то! думаетъ человѣкъ, взирая на румяную и раскормленную ограниченность, и до того соблазняется этою легкостью, что даже не договариваетъ: «стоитъ только быть ограниченнымъ человѣкомъ!» А это недомолвка важная, приводящая къ цѣлому ряду запутанностей и лжей.

Въ чемъ, однако, тутъ ошибка? Да въ томъ именно, что конкретность фактовъ, подобныхъ упомянутымъ выше, присуща только имъ самимъ и ни для какихъ обобщеній повода не даетъ. Не только конкретность фактовъ, имѣющихъ чисто-личный характеръ, но даже и такихъ, какъ, напримѣръ, «Крестецкій уѣздъ счастливъ, потому что въ немъ существуетъ банкъ», или «городъ Скопинъ счастливъ, потому что въ немъ имѣется дѣятельный городской голова Рыковъ»—все-таки не даетъ основанія сказать: такъ пусть же весь міръ будетъ счастливъ, какъ Крестецкій уѣздъ, или какъ городъ Скопинъ! Это будетъ принужденіе, насильство со взломомъ — преступленіе, предусмотрѣнное и строго наказываемое закономъ. Единственное обобщеніе, которое можно допустить по поводу подобныхъ конкретностей — это слѣдующее: каждый человѣкъ, а также каждый градъ, каждая весь имѣютъ право быть счастливыми посвоему. Идти далѣе по пути обобщеній уже значитъ прибѣгать къ подтасовкѣ фактовъ и выводовъ, значитъ легкомысленно или преднамѣренно закрывать глаза на ту пропасть, которая лежитъ между явленіями совершенно разныхъ порядковъ. «Стоитъ только быть ограниченнымъ» — вотъ очень полезная въ этомъ случаѣ поправка, и всякій, вдумавшись въ нее, согласится, что могутъ быть даже такіе виды счастія, которыхъ осуществленіе доступно только подъ условіемъ полнаго порабощенія духовной стороны человѣка въ пользу стороны животненной. Спрашивается, можно ли присвоивать и этимъ видамъ личнаго счастія характеръ общеобязательный?

А между тѣмъ, отсутствіе такого рода поправки ведетъ къ весьма важному смѣшенію, а именно къ отожествленію сферы домашняго обихода съ сферою міровой жизни, и даже не просто къ отожествленію, но и къ явному подчиненію послѣдней первой. Почему идеалы общечеловѣческіе выше идеаловъ личныхъ и даже идеаловъ, напримѣръ, Крестецкаго уѣзда? А потому просто, что первые составляютъ крайнее звѣно въ послѣдовательной цѣпи идеаловъ, освѣщающихъ пути человѣческаго

развитія; потому что они представляютъ содержащее, а личные идеалы только содержимое, потому, наконецъ, что съ осуществленіемъ идеаловъ общечеловѣческихъ, сами собою осуществятся идеалы скопинскіе, харьковскіе и раненбургскіе, а не наоборотъ. Если жизни даны широкія основанія, то подробности улаживаются вполнѣ естественно сами собой, и притомъ не въ разбродъ, а согласно съ самыми основаніями жизни. Напротивъ, ежели у жизни нѣтъ прочныхъ и широкихъ основаній, то одна подробность неизбѣжно будетъ идти въ разрѣзъ другой, и никакія частныя старанія тутъ ничего не помогутъ. Поэтому, тѣ, которые прежде всего обращаютъ вниманіе на подробности, въ надеждѣ впослѣдствіи приладить къ нимъ жизнь, уподобляются архитектору, который, не сдѣлавъ плана зданію, лѣпитъ на удачу кирпичъ къ кирпичу. Эти люди мыслятъ, такъ сказать, не съ того конца, съ котораго мыслить надлежитъ. Нѣтъ слова, что иногда самыя условія общественности таковы, что благопріятствуютъ подробностямъ и враждебны общимъ идеямъ; но не слѣдуетъ забывать, что по этой-то именно причинѣ такія условія и называются печальными, но никакъ не образцовыми. Пусть заботится городъ Казань объ устройствѣ у себя пожарной части, я, конечно, ничего противъ этого не имѣю; но ежели онъ будетъ меня нудить и требовать, чтобы я смотрѣлъ на его похвальныя усилія, какъ на спасеніе отъ всѣхъ недуговъ — я возропщу, и, какъ кажется, возропщу не безъ основанія.

Ничего этого самодовольная ограниченность не понимаетъ, да и не можетъ понимать, вопервыхъ, потому, что конкретность ея низменныхъ идеаловъ застилаетъ ей глаза, а вовторыхъ, потому, что она, по самому свойству своему, неспособна различать размѣры развивающихся передъ нею явленій. Она игнорируетъ процессъ усложненія явленій, она не всматривается въ относительную бѣдность или богатство составныхъ стихій явленій, и слѣдовательно очень естественно умозаключаетъ, что всѣ они безразличны. Вотъ почему она такъ легко допускаетъ самыя уродливыя и незаконныя обобщенія; вотъ почему она становится втупикъ при видѣ самыхъ естественныхъ проявленій прогрессирующей жизни, если они не подходятъ подъ мѣрку простой житейской исправности; вотъ почему, наконецъ, всѣ ея выводы до того произвольны и неожиданны, что, слушая ихъ, сдается, что они выработались не въ человѣческомъ мозгу, а случайно свалились откуда-то съ колокольни.

Тѣмъ не менѣе, какъ скоро человѣкъ однажды пришелъ въ убѣжденію, что онъ мудрецъ, онъ не только нелегко разстается

съ этимъ убѣжденіемъ, но, напротивъ того, сгараетъ нетерпѣніемъ какъ можно глубже и дальше пропагандировать основанія своей мудрости. Какъ и всякій другой мудрецъ, онъ не хочетъ таить свою мудрость для одного себя, а хочетъ привить ее приснымъ и неприснымъ, знакомымъ и незнакомымъ, всему міру. Отсюда, та безконечно-раздражающая и назойливая проповѣдь самодовольной ограниченности, которая раздается тѣмъ слышнѣе, что ей даже нѣтъ надобности скрывать себя. Да и къ чему скрываться, если пошлость уже перестала сознавать себя пошлостью, и ежели внѣшнія условія не только не поставляютъ ей въ этомъ случаѣ препятствій, но даже положительнымъ образомъ споспѣшествуютъ и благопріятствуютъ.

Во всѣхъ видахъ эта проповѣдь несносна, во всѣхъ проявленіяхъ—вредна. И тогда, когда она не выходитъ изъ предѣловъ выраженія простого личнаго самодовольства (пропаганда собственнымъ примѣромъ), и тогда, когда, выйдя изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, она не пренебрегаетъ даже насиліемъ, чтобы накрыть своимъ сѣрымъ покровомъ весь міръ (пропаганда воинствующая). Въ первомъ случаѣ, раздражаетъ безконечная удовлетворенность, повидимому, даже неподозрѣвающая возможности иного міросозерцанія, кромѣ низменнаго; во второмъ—смущаетъ неразборчивость въ выборѣ путей и средствъ, и та беззавѣтная наглость, которая не можетъ найти себѣ границъ, именно вслѣдствіе того, что въ основаніи ея лежитъ добытое эмпирическимъ путемъ убѣжденіе въ конкретности пропагандируемыхъ истинъ. Въ первомъ случаѣ, ограниченность говоритъ: взгляни на меня — и убѣдись; во второмъ — она ту же рѣчь сопровождаетъ тычкомъ. А такъ-какъ и тамъ и тутъ передъ глазами мечется навязчивая и сознающая себя обязательною самоувѣренность, и какъ, при извѣстномъ градусѣ человѣческой терпимости, одинъ-другой лишній тычокъ не представляется даже основанія принимать въ разсчетъ, то, право, трудно опредѣлить, какому оттѣнку ограниченности отдать преимущество: тому ли, который спокойно и съ блаженной улыбкой непогрѣшимости расточаетъ направо и налѣво пошлѣйшіе азбучные афоризмы, или тому, который тѣ же афоризмы предлагаетъ въ руководству авторитетно и съ пѣной у рта.

Трагическая сторона значительнаго скопленія ограниченныхъ людей въ извѣстной мѣстности заключается не столько въ случайныхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ, которыя они отъ времени до времени, и притомъ безъ малѣйшаго признака системы, допускаютъ, въ видахъ успѣшнаго уловленія прозелитовъ, сколько въ томъ, что отъ этихъ людей некуда уйти, такъ что выслу-

шиваніе азбучныхъ истинъ становится дѣйствительно обязательнымъ. Наплывъ личностей, считающихъ разсчетъ съ мелочной лавкой разрѣшеніемъ всѣхъ жизненныхъ задачъ, происходитъ не случайно, а означаетъ, что на людей такого закала является усиленный спросъ. Въ сущности, тутъ даже и наплыва, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, ибо число ограниченныхъ людей можетъ оставаться безъ измѣненія и даже уменьшиться, и все-таки будетъ казаться, что пошляки вылѣзаютъ изъ всѣхъ норъ какими-то небывалыми до тѣхъ поръ партіями. Это именно спросъ, это внезапно утвердившаяся въ большинствѣ увѣренность, что внѣ ограниченности не можетъ быть спасенія. Подобно тому, какъ въ странѣ, переходящей изъ низшаго фазиса общественности въ высшій, бываетъ спросъ на людей талантливыхъ, убѣжденныхъ, и энергическихъ, которые обыкновенно и являются на призывъ, — такъ точно и въ странѣ, мечтающей о блаженствѣ неподвижности, бываетъ спросъ на людей ограниченныхъ, которые также не упускаютъ откликнуться безъ замедленія. А какъ скоро есть спросъ, то значитъ есть нужда въ такихъ людяхъ, нужда же въ свою очередь приноситъ за собой силу, авторитетность, почетъ. Еще наканунѣ, ограниченные люди шныряли, собирая справки и снося ихъ въ одну кучу, — ныньче они ужь раскормлены, румяны и мнятъ себя носителями руководящей мысли. Они расхаживаютъ по стогнамъ и ни мало не краснѣя возвѣщаютъ азбучныя истины. Проповѣдуютъ они, что «по рогожкѣ слѣдуетъ протягивать ножки», что «всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ», что «поспѣшишь — людей насмѣшишь», и при этомъ такъ блаженно улыбаются, что издали можно подумать: вотъ счастливцы, разрѣшившіе себѣ задачу душевнаго равновѣсія! Бѣгите отъ этихъ людей, а если бѣжать нѐкуда, то рѣшайтесь быть къ нимъ предупредительными, ибо это не просто разводители канители, но герои дня, выразители требованій минуты. Ихъ приходится выслушивать съ терпѣніемъ не потому одному, что невыслушиваніе можетъ повести за собой злостныя для невыслушивающихъ послѣдствія (это само по себѣ, это придатокъ), но и потому, что весь воздухъ этой мѣстности, всякій камень, каждая песчинка пропитаны азбучностью. Самодовольная и увѣренная въ своей силѣ, она брызжетъ отовсюду; она втягиваетъ, покоряетъ, искажаетъ нравственный образъ человѣка. Чтобъ избавиться отъ ея дающаго вліянія, нужно изолировать себя отъ злобы дня, нужно между нею и своей личностью провести непроницаемую стѣну. Только тогда получается возможность подвести дѣйствительные итоги испытаннымъ впечатлѣніямъ и съ полною сознательностью

убѣдиться, какая нестерпимая неурядица царитъ въ этомъ обществѣ, гдѣ лишь съ помощью азбучныхъ истинъ можно встать твердою ногою на жизненной стезѣ, гдѣ цѣнится только низменность мысли, а высшая мудрость усматривается въ прилежномъ разработываньи навозныхъ кучъ.

Въ чемъ же собственно заключается тайна этого втягивающаго свойства самодовольной ограниченности? вслѣдствіе какихъ причинъ, ограниченные люди изъ скромныхъ собирателей справокъ и наполнителей графленой бумаги, вдругъ превращаются ежели не въ дѣйствительныхъ руководителей общества (эта роль остается для нихъ навсегда недоступною), то во всякомъ случаѣ въ его систематическихъ отуманивателей? откуда идетъ этотъ внезапный спросъ на ограниченность, который окружаетъ ее ореоломъ силы, авторитетности и почета?

Существуетъ мнѣніе, что между фактомъ господства ограниченныхъ людей и эпохами такъ-называемой общественной реакціи имѣется тѣсная органическая связь. Указываютъ, напримѣръ, на времена дерикторіи и первой имперіи, а въ особенности на времена владычества Наполеона III во Франціи, когда въ обществѣ дѣйствительно какъ бы потухли стремленія къ высшимъ идеаламъ, и когда ограниченность, сознающая себя мудростью, не только приносила своему обладателю деньги, силу и почетъ, но даже проницательныхъ людей вводила въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго своего значенія. И дѣйствительно, что такое «реакція» въ общественномъ смыслѣ этого слова? Это эпоха величайшаго умственнаго утомленія, эпоха прекращенія частной и общественной иниціативы, эпоха торжества силъ, имѣющихъ значеніе не столько сдерживающее и регулирующее (это только казовый конецъ реакціи), сколько уничтожающее и мертвящее. Таково, по крайней мѣрѣ, общераспространенное представленіе о реакціи—представленіе, которое едва-ли можно назвать преувеличеннымъ. И ежели мы вспомнимъ, что всякой реакціи всегда предшествуютъ особенно энергическія усилія общества, направленныя къ пересозданію самыхъ существенныхъ его основъ, ежели при томъ примемъ во вниманіе, какими сравнительно слабыми успѣхами увѣнчиваются подобныя усилія, то характеръ слѣдующей за тѣмъ реакціи несомненно утратитъ въ нашихъ глазахъ свою загадочность. Въ самомъ дѣлѣ, результаты реформаторскихъ усилій такъ рѣдко даютъ себя чувствовать ясно и непосредственно, что для людей средняго умственнаго уровня представляются почти неуловимыми. Причинъ этой неясности много, но двѣ изъ нихъ настолько важны, что невольно обращаютъ на себя вниманіе. Вопервыхъ,

реформаторскія движенія почти всегда первоначально прорываются урывками, и потому даже тогда, когда уже дѣлаются достаточно сильными, чтобы развиться въ правильную организацію, достигаютъ этого не иначе, какъ допуская совмѣстное дѣйствіе элементовъ не только не однородныхъ, но даже взаимно другъ друга исключающихъ. Отсюда, изумленія, раскаянія и раздоры — эти печальныя, но вполнѣ естественныя послѣдствія дѣятельности, лишенной возможности развиваться спокойно и съ полнымъ знаніемъ находящихся въ ея обладаніи средствъ. Вовторыхъ, благодаря разнородности побужденій, дающихъ начало реформаторскому движенію, въ основаніи этого послѣдняго всегда находится извѣстный компромиссъ, вслѣдствіе котораго старый строй далеко не все уступаетъ новому строю, а только то, о чемъ въ просторѣчіи говорится: и то слава Богу! Компромиссъ этотъ, однажды проскользнувъ въ общую систему реформаторскихъ намѣреній, гложетъ ее неустанно, гложетъ до тѣхъ поръ, пока отъ системы не останется одинъ тощій остовъ. Благодаря этому разъѣдающему началу, самая плодотворная, по своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ, реформа, производитъ замѣшательство и запутанность въ отношеніяхъ, равно ощутительныя какъ для приверженцевъ движенія, такъ и для враговъ его. Думали, напримѣръ, достигнуть результата вполнѣ яснаго и опредѣленнаго, но по дорогѣ задались мыслью, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы — и вышло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Понятно, что человѣкъ средняго умственнаго уровня имѣетъ полное право изумиться этому результату, и даже впасть по поводу его въ уныніе. А такъ-какъ общественное большинство состоитъ именно изъ людей этого уровня, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ обществѣ, какъ непосредственное послѣдствіе реформаторскихъ неудачъ, на первый планъ выступаютъ вопросы: изъ-за чего хлопотали, усиливались, обольщали себя надеждами? Совершивъ энергическое усиліе, и выигравъ очень мало, а иногда и ровно ничего, общество проникается робостью и умолкаетъ. Быть можетъ, надежды на лучшее будущее не вполнѣ перестаютъ обольщать его, но это уже надежды иного сорта, иного содержанія. Не смѣлые подвиги прогресса, пріобрѣтаемаго цѣною усилій, улыбаются ему, а то сказочное, спокойное преуспѣяніе, которое будто бы совершается само собой. А отъ надеждъ на сказочный прогрессъ до полной и неумолимой реакціи разстояніе уже совсѣмъ не такъ велико, какъ это можетъ показаться на поверхностный взглядъ.

Такого рода колебанія между реформаторскими усиліями и

реакціей всего яснѣе выразились въ названныя выше эпохи французской исторіи. Но они возможны не только въ обществахъ, стоящихъ на относительно высокой степени развитія, но даже и тамъ, гдѣ главный тонъ жизни составляютъ гладь да божья благодать. Вглядитесь пристальнѣе въ эту, повидимому, ничѣмъ невозмущаемую жизнь, и вы замѣтите, что и здѣсь повременамъ пробиваются признаки реформаторскаго движенія, свидѣтельствующіе о смутномъ поползновеніи измѣнить низшую форму общественности на высшую, и что слѣдомъ за подобными поползновеніями всегда является самая безпощадная реакція. Только здѣсь реакція получаетъ характеръ еще болѣе подавляющій, потому что нельзя съ достаточною ясностью указать ни на причины отпора, ни на явленія, противъ которыхъ направляются удары его.

Вотъ въ эти-то минуты унынія и упадка общественной энергіи и происходитъ та перестановка, въ силу которой, на мѣсто убѣжденныхъ, самоотверженныхъ и страстныхъ людей, роль руководителей принимаютъ на себя проповѣдники азбучныхъ истинъ, приправленныхъ молчалинскою аккуратностью.

«Смотрите!» вѣщаютъ эти новые узорѣшители: «вы хотѣли насъ переспорить — и въ результатѣ получили шишъ! Попробуйте-ка пожить помаленьку да полегоньку, ладкомъ да миркомъ—не выйдетъ ли что-нибудь получше шиша!» И общество внимаетъ этимъ рѣчамъ тѣмъ охотнѣе, что оно дѣйствительно работало и изнуряло себя изъ-за шиша. Оно не вникаетъ, что шишъ въ этомъ случаѣ есть лишь естественное послѣдствіе тѣхъ деморализующихъ компромиссовъ, которые подрывали его недавнія усилія; оно помнитъ только свой неуспѣхъ, и отъ него умозаключаетъ, что таковъ фаталистическій исходъ всѣхъ усилій вообще и во всякомъ случаѣ. А такъ-какъ спокойное существованіе всегда прельщаетъ больше, нежели существованіе, обставленное всевозможными и притомъ неприносящими непосредственнаго результата треволненіями, то, проповѣдь ограниченности, ставъ на эту почву, пріобрѣтаетъ себѣ уже не одиночныхъ прозелитовъ, а безчисленные легіоны ихъ.

Въ такія историческія минуты, всякая пошлость именуется мудростью, лишь бы она не выводила человѣка изъ состоянія неподвижности, всякое обобщеніе дѣлается законнымъ, всякая подтасовка—дозволительною. Обличить эту наглую ложь, доказать, что счастье человѣка, успѣшно совершившаго то или другое органическое отправленіе, не имѣетъ права именовать себя идеаломъ счастья общечеловѣческаго — конечно, не богъ-знаетъ какая мудрость; но тутъ дѣло не въ мудрости, а въ

практической возможности подобнаго подвига. Усталое большинство не только не довѣряетъ доказательствамъ, имѣющимъ отвлеченный характеръ, но положительно отрицаетъ даже умѣстность ихъ. «Видали мы этихъ идіологовъ!» вопитъ оно на всѣ тоны: «довольно съ насъ! не отвлеченныхъ доказательствъ намъ нужно, а фактовъ!» И эти факты представляетъ ему самодовольная ограниченность, гласящая: «смотрите, какъ я румяна, сыта и довольна!» И они сохранятъ для него свою убѣдительность до тѣхъ поръ, покуда жизнь не вызоветъ на свѣтъ новыхъ фактовъ, которые своею дѣйствительною конкретностью не разобьютъ въ прахъ мнимую конкретность старыхъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, во-первыхъ, что вся сила самодовольной ограниченности зиждется на мнимой способности ея опорныхъ точекъ къ обобщеніямъ, и вовторыхъ, что успѣхъ ея проповѣди главнымъ образомъ обусловливается упадкомъ общественнаго духа и ослабленіемъ того жизненнаго импульса, который заставлялъ общество искать духовнаго уровня нѣсколько высшаго, нежели тотъ, который предлагается рутинными афоризмами азбукъ и прописей. Этихъ двухъ признаковъ, конечно, было бы достаточно, чтобы подорвать претензіи ограниченности и дать имъ вполнѣ правильную оцѣнку, но, дабы сдѣлать нашу мысль болѣе ясною, возьмемъ вопросъ съ практической точки зрѣнія и посмотримъ, къ чему можетъ придти общество, видящее въ ограниченности стремленій и надеждъ осуществленіе всѣхъ своихъ жизненныхъ идеаловъ.

Ограниченность торжествуетъ, и непосредственный результатъ этого торжества прежде всего выражается въ общей тишинѣ. Казалось бы, что лучше этого результата не надо и желать. Гдѣ человѣку благоденствовать и прогрессировать, какъ не на лонѣ мира и тишины? гдѣ процвѣтать наукамъ и искусствамъ, развиваться гражданственности, упрощаться общественнымъ отношеніямъ и проч., какъ не при тѣхъ же условіяхъ тишины? И дѣйствительно, ограниченность всегда съ особенною силою напираетъ на тѣ условія тишины, которыя обѣщаютъ извѣстныя выгоды въ смыслѣ преуспѣянія. Тишина, по ея словамъ,— это палладіумъ всяческаго процвѣтанія; она одна, безъ помощи постороннихъ условій, дастъ все: и счастіе, и успокоеніе отъ тревогъ, и исцѣленіе недуговъ, и удовлетвореніе законныхъ интересовъ...

Между тѣмъ на практикѣ оказывается нѣчто совершенно несоотвѣтствующее этимъ хвастливымъ обѣщаніямъ; нѣчто такое,

что доказываетъ, что представленіе о тишинѣ далеко не свободно отъ нѣкоторыхъ неясностей, которыя могутъ подать поводъ къ самымъ вопіющимъ недоразумѣніямъ.

Призывая, вслѣдъ за пропагандистами ограниченности, многожеланную тишину, мы, при всей скромности нашихъ требованій, конечно, имѣемъ въ виду не тишину для тишины, а достиженіе извѣстныхъ благъ, которыя ею охраняются. Но къ удивленію, этихъ-то именно благъ мы и не получаемъ, благодаря той практической обстановкѣ, которая, въ видѣ неизбѣжнаго придатка, пристегивается къ слову «тишина» поборниками мѣщанскаго счастія. И не только не получаемъ никакихъ прямыхъ благъ, но дѣлаемся свидѣтелями внезапнаго исчезновенія общественности, то-есть того условія, отсутствіе котораго дѣлаетъ немыслимыми и процвѣтаніе, и благоденствіе, и прогрессъ.

Ужели же въ этой тишинѣ есть органическій порокъ? Ужели это не та «возлюбленная тишина, градовъ и весей отрада», о которой вздыхаютъ поэты, а какая-то другая, скорѣе заслуживающая названія мертвенности, нежели тишины?

Да; это, къ сожалѣнію, только мертвенность, и такое заключеніе нимало не покажется преувеличеннымъ, ежели мы вспомнимъ, что тишина, пропагандируемая ограниченными людьми, прежде всего устраняетъ тотъ элементъ, который больше всего благопріятствуетъ общественности, и напротивъ того даетъ жизнь и просторъ другому элементу, вполнѣ для нея враждебному.

Первое условіе всякой общественности — это возможность свободнаго обмѣна мыслей, возможность спора, возраженій и даже заблужденій (да, и заблужденій, потому что и они имѣютъ свое значеніе въ общей экономіи жизненнаго прогресса). Наличность этихъ условій важна не только потому, что она сообщаетъ жизни характеръ постояннаго совершенствованія, но и потому, что вноситъ въ общественныя отношенія элементъ пріятности. Однообразіе воззрѣній, особливо ежели оно имѣетъ оттѣнокъ вынужденности, производитъ одноформенность потребностей и стремленій, а затѣмъ угрюмость и одичалость; напротивъ того, разногласіе въ мнѣніяхъ, приводя за собой необходимость во взаимной провѣркѣ ихъ, служитъ надежнѣйшимъ пементомъ для скрѣпленія людскихъ отношеній. Вотъ этого-то послѣдняго условія общественности именно и не допускаетъ самодовольная ограниченность, ибо она даже самое слово «тишина» опредѣляетъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было споровъ и несогласій. Опираясь на неуспѣхъ недавней «борьбы съ не-

бомъ», она съ свойственной всякой азбучности манерой цѣпляться за одни внѣшніе признаки факта, прямо приписываетъ его спорамъ и несогласіямъ, присущимъ всякой борьбѣ. Какъ можно меньше сомнѣній, препирательствъ и экскурсій въ области неизвѣстнаго, а какъ можно больше сосредоточенности и аккуратности въ разсчетахъ по ежедневнымъ затратамъ — вотъ девизъ торжествующей ограниченности. Въ согласность этому девизу выработывается цѣлый кодексъ низменнаго свойства аксіомъ, происхожденіе которыхъ невозможно съ полною ясностью опредѣлить, но которыя тѣмъ не менѣе никто не считаетъ себя въ правѣ обойти. Ихъ нельзя обойти подъ опасеніемъ разбросаться въ ширь и въ высь и тѣмъ повредить процессу спокойнаго прогресса. Ихъ нельзя обойти подъ угрозой ввергнуться въ бездну, на днѣ которой лежитъ та классическая гидра, которой никто никогда не видалъ, но которая съ незапамятныхъ временъ служитъ отличнѣйшимъ пугаломъ для того, чтобъ отводить глаза у простодушныхъ людей. Однимъ словомъ, ни спорить, ни прекословить не допускается, потому что, въ противномъ случаѣ, или въ бездну попадешь, или помѣшаешь прогрессу. Одного добиваться слѣдуетъ—это безусловнаго прекращенія разногласій и сомнѣній, и, что̀ важнѣе всего, устраненія какой бы то ни было погони за неизвѣстностью. А отсюда единственный практическій выходъ — молчаливое и единомысленное вытаскиваніе бирюлекъ. Тотъ мудрѣйшій изъ мудрѣйшихъ, кто вытянетъ бирюлекъ больше другихъ, и притомъ даже не задумается и не спроситъ себя, къ какимъ результатамъ можетъ привести эта изнурительная работа. Не задумывайтесь! ибо задумываться значитъ сомнѣваться, значитъ пытаться что-нибудь провидѣть, значитъ допускать возможность критическихъ отношеній. А для попытокъ этого рода есть отличное слово «мечтательность», въ которомъ, какъ въ пучинѣ, утопаетъ всякій порывъ самостоятельности и самодѣятельности. «Мечтательность» — это одно изъ тѣхъ непомнящихъ родства словъ, которыхъ значенія никто ясно не понимаетъ, но которыя всякій охотно употребляетъ, предполагая, что въ немъ есть нѣчто такое, чѣмъ можно заклеймить. Мечтательность—это вещь, которой слѣдуетъ остерегаться подъ опасеніемъ лишенія огня и воды. Мечтательность—это проказа, это явленіе, которое даже ограниченнаго человѣка можетъ вывести изъ состоянія самодовольнаго оцѣпѣненія. Оставьте, милостивые государи! Оставьте мечтательность, и займитесь дѣломъ, то-есть вытаскиваніемъ бирюлекъ и наставкою заплатъ. И не заглядывайте впередъ, ибо всякое

любопытное заглядываніе подрываетъ тишину. Тишина! вотъ ultima ratio пропагандистовъ азбучныхъ истинъ. Спрашивается, однакожь: сопровождаемая оговорками, подобными изложеннымъ выше, въ какой мѣрѣ совмѣстна тишина съ общественностью—съ тою общественностью, которая осуществляетъ собой движеніе, и самое упоминовеніе о которой неизбѣжно влечетъ за собой представленіе о свободѣ изслѣдованія, о возможности противорѣчить, не соглашаться и возражать?

Но вычеркнувъ изъ наличности наиболѣе жизненный элементъ общественности, ограниченность идетъ еще далѣе, то-есть вводитъ другой элементъ, положительно ей враждебный. Этотъ другой элементъ — испугъ. Съ перваго взгляда, можно подумать, что самодовольство и испугъ—два понятія, другъ друга заключающія; но въ дѣйствительности это несовмѣстимость лишь кажущаяся. При извѣстномъ настроеніи общества, когда со всѣхъ сторонъ раздаются фразы, лишенныя содержанія, и въ нихъ однѣхъ видится спасеніе отъ всѣхъ недуговъ, испугъ перестаетъ представлять что-либо реальное, а дѣлается простымъ предостереженіемъ противъ всякой попытки нарушить тишину,—предостереженіемъ столь же безсодержательнымъ, какъ и азбучныя истины, господствующія надъ обществомъ, но въ то же время и столь же гнетущимъ и сковывающимъ.

Люди пугаютъ другъ друга не ради того, что надъ ними виситъ дамокловъ мечъ, а ради того, чтобы оградить тишину для тишины и укрѣпить себя и другихъ въ намѣреніи не заниматься ничѣмъ, кромѣ вытаскиванія бирюлекъ. «А помните, какъ вы съ небомъ-то спорить хотѣли?»—Это вопросъ въ сущности пустой и глупый, однакожь, при извѣстной настроенности общества, его одного достаточно, чтобы заставить всѣхъ и каждаго какъ можно плотнѣе пригнуться къ землѣ. Въ виду этой безсмысленной угрозы, всякій реакціонный бредъ считается умѣстнымъ и дозволительнымъ. Ограниченные люди, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказываютъ анекдоты о глумленіяхъ, попраніяхъ и тому подобныхъ «безчинствахъ». Объ «авторитетѣ» упоминается, какъ о чемъ-то поруганномъ, посрамленномъ, погубленномъ. Мудрецы вздыхаютъ, соболѣзнуютъ, устрашаютъ другъ друга, и—странное дѣло! —несмотря на пуганья, только добрѣютъ, да нагуливаютъ себѣ жиру въ борьбѣ съ попраніями и глумленіями. Ясно, что испугъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не существенъ, что это только пробный камень, на которомъ можно не безъ выгоды испытывать личную способность закаляться въ азбучной мудрости. Но ежели занятіе такого рода и можетъ для той или другой личности

представлять своекорыстный интересъ, то все-таки спрашивается: возможна ли общественность подъ гнетомъ неумолкающихъ устрашеній?

Отвѣтъ на оба, поставленные выше вопроса не можетъ быть сомнителенъ: нѣтъ, общество, изгнавшее изъ своей среды склонность къ занятію высшими умственными интересами, общество, съ презрѣніемъ и насмѣшкою относящееся къ такъ-называемымъ широкимъ вопросамъ жизни, общество, подчинившееся молчанію и испугу, не имѣетъ права считать себя обладающимъ благами общественности. Это общество одичалое, живущее наудачу и даже немогущее уяснить себѣ тѣ послѣдствія, къ которымъ неминуемо должна привести его одичалость. А между тѣмъ, послѣдствія эти на столько важны, что здѣсь нелишнее будетъ указать на нихъ.

Первое послѣдствіе умственной одичалости—это скука. Скука, какъ обязательный законъ человѣческаго существованія, какъ общій давящій покровъ, отъ гнета котораго не освобождаются даже тѣ проповѣдники ограниченности, которые наиболѣе заинтересованы въ достиженіи тишины во что бы то ни стало.

Что̀ такое скука?—Это отсутствіе высшихъ умственныхъ интересовъ, это—запертая дверь въ тотъ безграничный міръ умственной спекуляціи, въ которомъ каждый новый шагъ даетъ новое открытіе или новую комбинацію, въ которомъ даже простое припоминаніе фактовъ, уже добытыхъ и извѣстныхъ, представляетъ наслажденіе, благодаря разнообразію этихъ фактовъ и ихъ способности соединяться въ группы и давать поводъ для безконечнаго множества выводовъ. Внѣ этого міра, нѣтъ прочнаго и продолжительнаго наслажденія, а слѣдовательно, нѣтъ и дѣйствительнаго обезпеченія отъ наплыва скуки. Всѣ другіе виды органической дѣятельности человѣка, прежде всего, отличаются сравнительною малосложностью своихъ составныхъ стихій, которая исключаетъ всякую мысль о возможности безконечно-разнообразныхъ комбинацій. А въ этомъ-то разнообразіи комбинацій и заключается то условіе, которое обезпечиваетъ прочность наслажденія. И ежели за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше низшихъ видовъ дѣятельности все-таки достигаютъ значительной степени разнообразія и утонченности, то этотъ фактъ свидѣтельствуетъ не о богатомъ содержаніи самаго явленія, а только о вторженіи въ его сферу чуждаго ему элемента умственности. Благодаря этому вторженію, наслажденіе даже невысокаго достоинства получаетъ нѣкоторое освѣженіе, но освѣженіе только временное, потому что продолжи-

тельное смѣшеніе двухъ разнородныхъ стихій никогда не остается безнаказаннымъ и въ концѣ концовъ приводитъ не къ освѣженію, а къ взаимному искаженію. И слѣдовательно, какія бы ни придумывались ухищренія къ усложненію низшихъ видовъ наслажденія, съ цѣлью замѣнить ими наслажденія высшей категоріи, въ результатѣ ничего больше не получится, кромѣ временнаго возбужденія, которое не замедлитъ уступить мѣсто пресыщенію и скукѣ.

Но чего же другого добивается ограниченная азбучность, какъ не упраздненія умственной дѣятельности, какъ не поставленія ей такихъ предѣловъ, въ которыхъ она неминуемо должна утратить всякую самостоятельность? Представляя со стороны внѣшнихъ пріемовъ и формъ нѣкоторое сходство съ пріемами и формами умственной работы, она, въ сущности, только запутываетъ этимъ сходствомъ простодушныхъ людей. Она не допускаетъ свободы мышленія, и стало быть, подрываетъ сразу первое условіе умственнаго наслажденія. Она требуетъ признанія непогрѣшимости аксіомъ, происхожденіе которыхъ неясно для нея самой, и стало быть, навсегда приковываетъ человѣка къ сферѣ безсознательныхъ отношеній къ жизни и ея явленіямъ. Таковы отправные пункты ея пропаганды, отъ которыхъ она не можетъ отказаться подъ опасеніемъ обличить саму себя въ непослѣдовательности. Что̀ есть въ нихъ общаго съ дѣятельностью ума, дѣятельностью по преимуществу протестующей противъ всякихъ произвольныхъ ограниченій, а тѣмъ болѣе, противъ безсознательности? Самое большее, что̀ самодовольная ограниченность допускаетъ—это остановку на нѣкоторыхъ обыденныхъ подробностяхъ жизни, безъ которыхъ человѣку уже просто дышать невозможно; но какъ ни разнообразьте эти подробности, какъ ни растягивайте ихъ значеніе до объема городовъ, уѣздовъ и даже цѣлыхъ губерній, все-таки вы не дадите имъ содержанія больше того, какое онѣ вмѣстить могутъ. На этомъ содержаніи, конечно, можно на одну минуту остановиться, но только на одну минуту, за предѣлами которой стоитъ уже скука и съ нею неизбѣжный вопросъ: ужели и дальше предстоятъ подробности, все подробности, ничего, кромѣ подробностей?

Второе послѣдствіе умственной одичалости — общественное безсиліе. Страна, которая всецѣло посвятила себя обоготворенію мѣщанскаго счастія, которая отказалась отъ заблужденій и все вниманіе устремила на правильность разсчетовъ по ежедневнымъ затратамъ, можетъ считать свое назначеніе выполненнымъ. Это страна мудрыхъ. Ей некуда идти дальше, ибо

передъ ней возвышается глухая стѣна, на которой начертано: не твое дѣло. Отъ нея нечего ждать, ибо она всѣ жизненныя задачи считаетъ окончательно исчерпанными изреченіемъ: не твое дѣло. Ей предстоитъ только выполненіе тѣхъ требованій обыденности, которыя равно обязательны и для человѣка, и для всякаго другого организма. Поэтому, когда ей приходится расплачиваться за свою самоувѣренную мудрость, то расплата всегда застаетъ ее врасплохъ. Всѣ обыватели мудры, но никто ни къ чему не приготовленъ, никто ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не любитъ. Повидимому, человѣкъ всю свою жизнь и все вниманіе исключительно устремлялъ на подробности, отдавался имъ до самозабвенія, а на повѣрку выходитъ, что онъ только заблудился въ нихъ, яснаго же представленія даже о мелочахъ не получилъ. Подробности перепутались, а общей руководящей мысли, которая помогла бы опознаться въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи, нѣтъ и въ поминѣ. Въ результатѣ—пустое мѣсто, или, лучше сказать, полнѣйшее безсиліе и какой-то своеобразный космополитизмъ, неосмысленный, почти животненный.

Третье послѣдствіе—неурядица не только внутренняя, но и внѣшняя. Тѣ глубоко заблуждаются, которые отожествляютъ тишину съ порядкомъ и видятъ въ первой обезпеченіе послѣдняго. Та тишина, которую проповѣдуетъ самодовольная ограниченность, есть тишина насильственная, чаще всего прикрывающая раздоры самаго вреднаго свойства. Ограниченные люди точно также способны раскалываться и препираться другъ съ другомъ, какъ и люди развитые, съ тою лишь разницей, что препирательства азбучныхъ мудрецовъ не идутъ дальше вопросовъ о выѣденномъ яйцѣ. Но низменность содержанія не только не смягчаетъ раздраженія, но даже усиливаетъ его назойливость. Нигдѣ не встрѣчается такого ожесточенія, столько зависти, интригъ, какъ въ средѣ ограниченныхъ людей, для которыхъ все сводится къ личнымъ цѣлямъ, для которыхъ до такой степени не существуетъ высшихъ интересовъ, что имъ нечему жертвовать, хотя бы они и имѣли случайную наклонность къ пожертвованіямъ. Поэтому, въ обществѣ, живущемъ подъ игомъ тишины для тишины, даже подробности жизни всегда разрѣшаются согласно съ такими случайными настроеніями, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать нельзя, а это, въ свою очередь, кладетъ на всю жизненную обстановку печать необезпеченности и неувѣренности. Кажется, что̀ можетъ быть общераспространеннѣе правила «всякій сверчокъ знай свой шестокъ», а между тѣмъ, попробуйте пожить, имѣя въ запасѣ только одинъ этотъ

руководящій афоризмъ, и вы убѣдитесь, что каждая минута представитъ вамъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ ловушекъ. Вопервыхъ, нѣтъ точнаго опредѣленія, въ чемъ заключаются права и обязанности человѣка-сверчка, а потому всякій мнитъ себя сверчкомъ особеннымъ, а иной даже и сверчкомъ-орломъ. Вовторыхъ, такою же неопредѣленностью страдаетъ и понятіе о «шесткѣ», такъ что всегда есть опасность впасть въ ошибку и неумышленно занять шестокъ рангомъ повыше. А отсюда—вѣчное и безобразное препирательство, возникающее каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ обращеніи сверчка къ его натуральному шестку.

Наконецъ, четвертое послѣдствіе—распущенность нравовъ, этотъ достойный плодъ скуки и стремленія уразнообразить жизнь, лишенную дѣйствительныхъ элементовъ разнообразія. Зрѣлища, возбуждающія чувственность, литература, проповѣдующая низменность и пошлость, искусство, чуждающееся мысли и преслѣдующее ее презрѣніемъ и насмѣшкою — вотъ пища, которою удовлетворяется общество, примирившееся съ идеалами мѣщанскаго счастія. И напрасны будутъ усилія моралистовъ, предостерегающихъ подобное общество отъ увлеченій чувственности и пошлости, ибо увлеченія эти суть органическій придатокъ всего жизненнаго строя, и общество, отдавшее свои интересы подъ охрану азбучной ограниченности, не въ состояніи имѣть иныхъ наслажденій, кромѣ наслажденій самаго низменнаго свойства.

Таковы результаты господства самодовольной ограниченности. Быть можетъ, здѣсь далеко не все исчерпано, что̀ можно было бы сказать объ этомъ предметѣ, но и того, что̀ сказано, совершенно достаточно, чтобы уразумѣть, что вліяніе ограниченности не заключаетъ въ себѣ ничего плодотворнаго.

М. М.

НАБЛЮДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ЛѢНТЯЯ.

II. Воспоминанія по случаю странной встрѣчи.

I.

Послѣ обѣда, часа въ три или четыре дня, слободскія улицы почти совершенно пустынны, особливо лѣтомъ. Слобожане спятъ, забившись куда-нибудь въ холодокъ, въ чуланъ, на погребицу, ругаясь съ просонка на мухъ или храпя, подобно тѣмъ конямъ рущукской баталіи, которые изображены на платкѣ, прикрывающемъ разгорѣвшееся лицо спящаго. А проснувшіеся и усѣвшіеся за самоваръ, долгое время не могутъ придти въ себя, привести въ порядокъ размякшіе члены, и тоже не показываются на улицѣ. Кое-гдѣ пищитъ ребенокъ, оретъ пѣтухъ. Въ такую-то безлюдную пору, по пустыннымъ улицамъ нашей слободы, однажды шатался захожій мужикъ, повидимому, розыскивая что-то или кого-то. Полушубокъ, надѣтый на немъ, несмотря на жару, былъ разстегнутъ; въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу и постоянно вытаскивалъ изъ нея полотенце и вытиралъ имъ мокрое лицо. Потѣлъ онъ, повидимому, и отъ жары, и отъ незнакомой стороны, и даже какъ будто отъ неопредѣленности своихъ желаній. Вотъ подошелъ онъ къ дому купца Косолапова, остановился, тряхнулъ бѣлыми волосами, взялся за кольцо калитки, громыхнулъ, и пошелъ прочь, потомъ опять воротился и принялся грохать кольцомъ безостановочно, разозливъ въ короткое время косолаповскую собаку до невозможности. Купецъ Косолаповъ, по всей вѣроятности, въ просонкахъ спрашивалъ себя: «кто такой это долбитъ тамъ?». По всей вѣроятности, съ тѣми же вопросами обращались сами къ себѣ кучера и кухарки, лежавшіе недвижимо въ жаркихъ кухняхъ и прохлад-

ныхъ сѣнникахъ; но такъ-какъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ было желаніе перелечь на другой бокъ, то захожій малый, несмотря на свое усердіе въ разозлѣніи собаки, принужденъ былъ выпустить изъ рукъ кольцо купеческой калитки и, выйдя на средину улицы, взывать въ пространство.

— Почтенные!.. а почтенные? Какъ бы тутъ къ примѣру...

Всю эту исторію я съ большимъ сожалѣніемъ наблюдалъ изъ окна нашего домика. Я, матушка, слесарь Лукьянъ и еще одинъ благородный гость, — всѣ мы сидѣли и пили чай. Лукьянъ въ это время былъ постояннымъ моимъ посѣтителемъ. Какъ попалъ ко мнѣ гость благородный, почему онъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, розыскалъ меня въ моей трущобѣ, я скажу впослѣдствіи подробно. Теперь же сообщу, что это былъ молодой мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, до краевъ наполненный цвѣтущими желаніями того времени (время тогда было новое, второй или третій годъ послѣ освобожденія крестьянъ), и крайне удивлявшійся, или, вѣрнѣе, вполнѣ непонимавшій и какъ будто въ то же время слегка интересовавшійся моими съ Лукьяномъ разговорами, въ которыхъ ужь ровно ничего не было относительно новаго времени. Было нѣчто захолустное, облѣнившееся и вздорное...

— У кого пѣтуха-то купилъ? спрашивалъ Лукьянъ, дохлебнувъ чай и подавая пустую чашку матушкѣ.

— У офицера, отирая потъ со лба и придвигая къ себѣ новую дымящуюся чашку, отвѣчалъ я.

Разговоръ у насъ былъ отрывочный, потому что мы были заняты дѣломъ чаепитія основательно. Дѣлали это дѣло мы съ удовольствіемъ, торопясь не потерять понапрасну времени, котораго намъ вовсе некуда было дѣвать. Мы опорожнивали чашки, наполняли ихъ вновь, отирали лбы и откусывали куски сахару, столь же быстро и непрерывно, какъ будто нами управляла какая-то невидимая машина. Такъ мы привыкли.

— Имя? спрашивалъ Лукьянъ, словно бы собираясь куда бѣжать.

— Чье имя?

— Чье? Пѣтухово имя спрашиваю! Чудакъ!

— Какъ звать, что ли? помогаетъ матушка, неотстающая отъ насъ въ спѣшной работѣ и накинувшая на плечи цѣлое полотенце, вмѣсто того, чтобы вытирать потъ рукавомъ, какъ Лукьянъ, или полой халата, какъ я.

— Извѣстно имя! Чудаки вы, ей-богу. Имя пѣтухово какъ? Есть, чай, имя-то?

— Нѣту еще, говорю я.

— Какъ же такъ нѣту? Это почему?

— Такъ и нѣту... Не придумалъ.

— Нѣту еще! помогаетъ мнѣ матушка.—Надо какъ-нибудь собраться.

— Извѣстно, надо. При охотѣ нельзя безъ этого... Золъ?

— И-и, говоритъ матушка. — Чисто изуитъ.

— Ну, мышьякъ! Вотъ ему—ежели золъ.

— Злой!

— Злой?

— Пѣтухъ — Боже мой!

— Ну, мышьякъ... У меня былъ, я тебѣ скажу, пѣтухъ, имя было ему подъ названіемъ «Ядъ», и ужь точно—отрава!.. Ужь братъ,—оборони Богъ! Сохрани царица небесная,—до мозгу! въ восторгѣ вскрикивалъ Лукьянъ: — дò мозгу съ одного бацу праш-шибалъ!..

И онъ съ волненіемъ ставитъ пустую чашку.

Благородный гость, на губахъ котораго виднѣлась улыбка, внимательными и недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на насъ, иногда принимаясь хохотать, иногда спрашивая: «Ну, чтò же съ пѣтухомъ... Пожалуйста!», иногда восклицая: «Чортъ знаетъ!..». Онъ думалъ, что теперь «все новое», а тутъ какіе-то восторги изъ-за пѣтуховъ, прошибающихъ дò мозгу... Лукьянъ, на поприщѣ куриныхъ вопросовъ, могъ быть положительно неистощимъ. Я, знакомый съ этими вопросами лично, могъ, слушая Лукьяна, въ то же время наблюдать и за мужикомъ, шатавшимся изъ угла въ уголъ по улицѣ. Когда положеніе его достигло до полной беззащитности, и когда онъ остановился посреди улицы, молча держа руку надъ затылкомъ, я увидѣлъ, что въ немъ надо принять какое-нибудь участіе и позвалъ его.

Это былъ парень лѣтъ тридцати, съ маленькой бѣлой бородкой, кустившейся по концамъ подбородка, съ волосами, подстриженными въ кружокъ и круто вившимися на лбу, напоминая бараньи рога. Глаза у него были блѣдно-сѣрые, какъ будто безъ зрачковъ, и производили впечатлѣніе человѣка, помѣшаннаго на какой-то мысли, которая угнетаетъ мозгъ, какъ камень.

— Ты кого ищешь? спросилъ я его, когда онъ подошелъ къ окну и поклонился какъ-то лбомъ.

— Человѣчка бы... къ примѣру... задумчиво проговорилъ онъ и сталъ переминаться.—Такое дѣло... прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

Я думалъ, что ему неловко разговаривать на улицѣ и ска-

залъ, чтобы онъ шелъ въ комнату. Онъ согласился молча; понуривъ голову, прошелъ дворъ и вошелъ въ комнату. Тутъ онъ помолился, поклонился и сталъ посреди дверей въ той же задумчивости. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, перебирая поля шляпы, такъ что я долженъ былъ опять спросить его:

— Ты кто же такой?

— Купріяновскіе...

— По дѣлу ты сюда?

— По дѣлу...

Здѣсь онъ вздохнулъ и, слегка оживившись, прибавилъ:

— То-то, другъ, по дѣлу... Отъ всего міру иду.

— Ходокъ, что ли, ты?

— Ходокъ.

— Какое же дѣло у васъ?

— То-то дѣло-то наше... Человѣчка бы надо... Чтобы въ случаѣ онъ... Дѣло-то хитро наше, братецъ ты мой...

— Да въ чемъ?

— На счетъ земли? спросилъ гость, сильно заинтересованный мужикомъ.

— Оно, точно, насчетъ земли... Земля-то оно земля, потряхивая головой и какъ-бы что̀ соображая, тянулъ ходокъ.—Земля — это есть; а и окромя земли въ нашемъ дѣлѣ тоже есть много всего... Вотъ я тебѣ что̀ скажу...

— Вы говорите! Вы не бойтесь! сказалъ гость.

— Ты говори, прибавилъ я:—можетъ быть, мы тебѣ чѣмъ-нибудь поможемъ....

Все время, какъ-бы сонный, ходокъ вдругъ встряхнулся и произнесъ:

— Я бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ, вотъ какъ, — эстолькаго вотъ не утаилъ бы, — да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что̀ я скажу! будто какъ по мыслямъ-то и выходитъ, а съ языка-то не слѣзаетъ. То-то и горе-то наше дурацкое!

Мы попросили его сѣсть.

— Объ чемъ же бьемси-то? Объ эфтемъ, другъ, присѣвъ на стулъ, продолжалъ онъ; голосъ его дрожалъ отъ искренняго, глубокаго сожалѣнія о невозможности овладѣть, и въ полной ясности представить себѣ гнетущія голову мысли.—Другъ ты мой! Суди самъ! Миръ далъ деньги на походъ; надежду на меня имѣетъ, а что я? То-то Богъ-то насъ убилъ!... Мнѣ, другъ ты мой, копейку теперь мірскую проѣсть, и то я ее тронуть боюсь,—я третій день, можетъ, не ѣлъ, не пилъ, только что хлѣба вѣсовова покушалъ сполфунта... Какъ ее тронуть!...

Ходокъ говорилъ все это съ глубокой грустью. Положеніе его дѣйствительно было ужасное: по искреннему, задушевному голосу его можно было видѣть, что помимо мірского желанія, онъ самъ былъ глубоко пораженъ какими-то мыслями; съ желѣзною энергіей готовъ былъ стоять за нихъ, но голова не умѣетъ мыслить такъ, какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ.

— Да нѣтъ, нѣту. Ничего не подѣлаешь! сказалъ онъ безсильно.

— Какъ ничего? придвигаясь со стуломъ къ ходоку, и желая помочь ему выбраться на дорогу, сказалъ гость.—Ты вѣдь говорилъ, изъ-за земли у васъ дѣло?

Желаніе моего гостя было имъ понято; онъ нѣсколько оживился и сталъ отвѣчать, прилежно прислушиваясь къ вопросу.

— Ну, изъ земли.

— Плохой надѣлъ, что-ли?

— Нѣтъ, ничего... Надѣлъ,—то часть особая. А изъ чего взялось-то это—ты вотъ что̀ скажи.

— Что̀ такое взялось?

— Недовольствіе.

— Гдѣ же, у кого?

— Въ нашихъ мѣстахъ... тамъ... Почему? Земля—такъ; одно дѣло. А почему?

— Да что же? Въ чемъ дѣло?... что̀ почему?

Ходокъ помолчалъ и проговорилъ тихо.

— А душа? какъ ты объ этомъ?

— Ну? спросили мы оба, я и гость.

— Ну? Больше ничего. Мы замолчали. — Есть у человѣка душа? Ее оставить нельзя... Эхъ! Ивану бы Митричу самому бы въ ходоки-то идтить... Что я?

— Кто этотъ Иванъ Дмитричъ?

— Старичокъ нашъ... Вотъ ему такъ дано отъ Бога! Что только у него ума, и-и... Ужь онъ — такъ ужь разсказалъ бы... д-да!

Признаюсь, мы ничего не понимали и сидѣли молча, потому что ходокъ тоже молчалъ.

— Гов-ворилъ онъ этта... какъ бы смутно что-то припоминая и пристально приглядываясь къ чему-то, съ разстановкой началъ ходокъ: — говорилъ онъ этта: «Что есть человѣкъ?»

— Какъ, что̀?

— Да! Что такое?

Мы не могли отвѣчать.

— Прахъ! Больше ничего. Такъ, что ли?

— Ну, прахъ, отвѣтили мы.—Ну?

— Ну, вотъ. Мнѣ бы съ головой-то разобраться. Я тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло попорядку. Стало быть, прахъ; разъ...

Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ.

— Разъ, повторилъ онъ.—Ладно. А земля? По твоему земля, что будетъ?

Мы не могли отвѣтить.

— Опять же прахъ! радостно сказалъ ходокъ.—Видѣлъ? И земля, стало быть, тоже прахъ,—два! Теперь гляди.

Ходокъ остановился.

— Гляди теперь. Ежели я, къ примѣру, пойду я въ землю, потому я изъ земли вышелъ,—изъ земли. Ежели я пойду въ землю, напримѣръ, обратно, какимъ же, стало быть, родомъ можно съ меня брать выкупные за землю?

— А-а! радостно произнесли мы.

— Погоди! Тутъ надо еще бы слово. Видите, господа, какъ надо-то.

Ходокъ поднялся и сталъ посреди комнаты, приготовляясь отложить на рукѣ еще одинъ палецъ.

— Тутъ самаго настоящаго-то нисколько не сказано. А вотъ какъ надо: почему, напримѣръ... но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ:—душу кто тебѣ далъ?

— Богъ.

— Вѣрно! Разъ. Хорошо. Теперь гляди сюда...

Мы было-приготовились глядѣть, но ходокъ снова запнулся, потерялъ энергію, и ударивъ руками о бедра, почти въ отчаяніи воскликнулъ:

— Нѣту! Ничего не сдѣлаешь? Все не туды... Ахъ, Боже мой! Да тутъ, я тебѣ скажу, нѣшто столько! Тутъ надо говорить вона откедова. Тутъ о душѣ-то надо эво сколько... Нѣтъ, нѣту!

— Припомни пожалуйста. Ты просто, покойно, припомни.

— Да нѣтъ, нѣту... Ивану бы Митричу надо это. Говорилъ я старичку: потрудись, пойди за міръ постой... Н-ну!... да и старъ, да и надобенъ... Нѣтъ, тутъ нѣшто такъ надо-то... Э-эхъ, господа!

Ходокъ намѣревался уходить.

— Куда-жь ты? сказалъ я, но ходокъ не слыхалъ, и поворачиваясь медленно къ двери, говорилъ:

— За эдакое дѣло — не одинъ человѣкъ сталъ!... Глянь! куда хошь,—не отступимъ. Д-да!...

— Куда-жь ты уходишь?

— Д-да! За это дѣло помереть, и то ничего... Намъ дана

душа,—тоже и объ этомъ надо подумать... Вотъ что... Прощенія просимъ!

Говорилъ онъ это какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, и не слушая насъ, направлялся къ двери и ушелъ.

— Куда же ты пойдешь? спросилъ я, высунувшись въ окно.

Ходокъ остановился.

— Къ угоднику теперича я пойду. Помолюсь... Чтобы далъ мнѣ Богъ понятіе... Батюшка! Отецъ небесный!

Въ голосѣ его звучали слезы.

— Прощайте! сказалъ онъ тихо, и пошелъ.

Такъ ничего мы и не добились.

— Зацѣпка въ умѣ, сказалъ Лукьянъ, все время молчавшій, и таращившій на мужика глаза.—Должно быть, и ему до мозгу голову-то прошибли, прибавилъ онъ въ видѣ остроты.

Но мы не могли отвѣтить на нее.

Гость въ задумчивости торопливо ходилъ изъ угла въ уголъ и торопливо курилъ. Я смотрѣлъ въ окно вслѣдъ ходоку и тоже думалъ.

Изъ купеческихъ воротъ вышелъ кучеръ, и почесывая бокъ, поглядѣлъ лѣниво по сторонамъ.

— Кто это тутъ даве булдыхалъ? вопросилъ онъ просыпавшуюся пустыню.

— Мужикъ! откликнулся откуда-то неизвѣстный голосъ.—Онъ тутъ часа два слонялся... Я видѣлъ...

— Мужикъ? повторилъ кучеръ, весьма равнодушнымъ тономъ; опять поглядѣлъ по сторонамъ, опять почесался, и, должно быть для округленія фразы, прибавилъ:

— Нѣтъ, надо дубину хорошую, къ примѣру... По мордѣ, чтобы въ случаѣ... да.

Тутъ изъ воротъ выкатилась жирная кухарка съ голыми руками, которыя она держала на желудкѣ, подъ легонькимъ фартучкомъ. Кучеръ обратился къ ней.

— Послушай, Вася! остановившись на ходу, съ живостію обратился ко мнѣ гость.—Знаешь что? Пойдемъ съ тобой шататься по деревнямъ. Неужели ты думаешь постоянно возиться съ пѣтухами? Ты видишь, направляя руку въ сторону, очевидно, по направленію къ мужику: — хотятъ побольше твоихъ пѣтуховъ... Что за свинство!

Я молчалъ, ибо я объ этомъ именно и думалъ.

II.

Въ то, такъ-называемое, новое время не разъ приходилось мнѣ робѣть за свою покойную философію. Вдругъ откуда нибудь выплыветъ обыватель и предъявитъ что нибудь такое, что̀ и самъ объяснить не въ состояніи, какъ, напримѣръ, мужикъ-ходокъ. Не мнѣ было подъ силу вдумываться въ запутанную мужичью рѣчь; мнѣ довольно было знать, что человѣкъ стоптъ за что-то, хочетъ чего-то такого, чего я не знаю, чтобы взволноваться, представитъ себѣ, что начинается что-то новое, въ чемъ не могу принять участія, что мнѣ, съ моими куриными вопросами, придется лечь въ гробъ... «Что̀ такое тамъ у нихъ есть? Я помню, было время, когда все это мертвое ожило; но тогда была въ обществѣ идея, крѣпко воспитанная исторіей,—ненависть къ бусурману, къ турку, посягающему на гробъ Христовъ... Теперь это прошло. Что̀ же тамъ еще?... Я положительно недоумѣвалъ. Какъ кончились эти недоумѣнія, я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Происходили-же они еще не отъ полной увѣренности въ томъ, что время идетъ къ отсутствію всякихъ, даже запутанныхъ мыслей въ головѣ общества, меня окружавшаго. Къ такому взгляду привела меня окружающая жизнь. Муринъ-ходокъ заставляетъ меня вспомнить кое-что изъ этой жизни и возвратиться къ продолженію воспоминаній моего дѣтства.

Послѣ отца, который, какъ уже извѣстно читателю, первый развилъ во мнѣ убѣжденіе въ томъ, что общество живетъ безъ мысли, безъ идеи, которая развилась-бы въ немъ исторически, и освѣщала-бы его душу, каждый его шагъ,—я продолжалъ мои наблюденія лично, самъ. И какое было множество явленій, которыя убѣждали меня, что даже привязанность къ гусю, къ пѣтуху, къ какому-нибудь мелкому вздору, что даже такія ничтожности,—и тѣ составляли въ то время достояніе натуръ исключительныхъ, талантливыхъ. Сколько шло народу ко мнѣ, тогда еще современному мальчишкѣ, чтобы около меня, имѣвшаго что-то свое, отвести душу!

Сынъ того купца, который ругался съ моимъ отцомъ, — бывало, помню, жалобнымъ голосомъ умоляетъ меня взять его съ собой. «Куда ты?» что̀ несетъ онъ, выйдя за ворота, въ то время, какъ родители его почиваютъ, и когда во всемъ домѣ слышенъ одинъ только маятникъ. «Возьми меня съ собой... Вася!..» Я могъ взять его съ собой

и не взять, оставить его дома, чтобы онъ слушалъ отъ своего богатаго отца разсказъ о томъ, какъ его родитель разъ тонулъ, какъ ненарокомъ убилъ человѣка, какъ женился на матери, при чемъ ни одного изъ этихъ событій онъ объяснить рѣшительно не можетъ. Какъ онъ убилъ человѣка? Совершенно непостижимо. Поѣхалъ онъ по помѣщикамъ скупать хлѣбъ и «обнаковенно» (ему такъ кажется) взялъ съ собой дубину... И «обнаковенно» ѣдетъ на встрѣчу тройка, на тройкѣ помѣщикъ съ пріятелемъ подъ хмѣлькомъ. И «обнаковенно» помѣщикъ кричитъ: «стой!» И «обнаковенно» взялъ онъ дубину, и помѣщикъ тоже выхватилъ пистолетъ. Произошла драка, послѣ которой помѣщикъ (ѣхавшій, между прочимъ, продать хлѣбъ этому самому купцу) черезъ два дня померъ. Какъ это такъ? «Богъ знаетъ»... «И страсть только». Эта ли жизнь, въ которой нѣтъ смысла, питательна для дѣтской души? А женился онъ какъ? Сидитъ онъ на базарѣ въ халатѣ (въ тѣ поры въ халатахъ и хаживали) и продавалъ пряники! Они пряниками торговали, были бѣдны, и надо бы имъ по настоящему и вѣкъ свой свѣковать, а вышло вотъ какъ. Сидитъ онъ на базарѣ въ халатѣ, — и вдругъ подходитъ купецъ Орясиновъ, богачъ, и говоритъ: «поди вотъ, я тебя на дочери женю, только я тебя показать ей не могу, потому ты нищій, а ты гляди ее съ улицы въ окно, когда будетъ сговоръ...»— «А я и не видала, какой-такой женихъ, прибавляетъ супруга:— я въ тѣ пору думала—гдѣ это наша курица пѣструха, не укралъ-ли кто?»—«Да я, признаться, поглядѣть-то побоялся, потому вы ужь очень въ ту пору богаты были»... А потомъ, послѣ этой женитьбы, — какимъ родомъ «открылось» какое-то дѣло, и пришлось три года просидѣть въ острогѣ. Конечно, этого толкомъ объяснить рѣшительно невозможно. Весь этотъ зависящій богъ-знаетъ отъ чего жизненный опытъ приводитъ только къ одному: спать на сундукѣ, въ которомъ деньги, ѣсть рѣдьку, икать, бояться страшнаго суда... или поиграть, въ ожиданіи смерти, въ карты, «въ дураки», «въ пьяницы», «въ свиньи»—названія, которыя дѣйствительно можно объяснить и понять...

И вотъ, воспитываемый столь объяснимыми и столь способными наполнить сердце семейными преданіями,—бѣдный малый ходитъ какъ опоенный и вопитъ къ прохожимъ: ты куда?.. Возьми меня съ собой... И какая скука въ этихъ осоловѣлыхъ, тоскующихъ глазахъ, какая жалость смотрѣть на этого рыхлаго, добраго мальчонку, незнающаго что̀ съ собой дѣлать, куда дѣться.

— Пойдемъ! говорилъ я обыкновенно, и бралъ его съ собою морозить ледяну или ловить чижей. Какъ онъ былъ радъ, какъ услуживалъ мнѣ, и какъ я имъ командовалъ!

Потребность умолять о томъ, чтобы взяли съ собой, осталась у мальчонка навсегда. Когда же, по смерти отца, онъ остался почти хозяиномъ отцовскихъ лабазовъ и постоялыхъ дворовъ, при чемъ денегъ у него было довольно много,—явилось множество людей, желавшихъ брать его съ собой и занять его опустошенную душу. Въ бурныя, шумныя компаніи кутилъ и драчуновъ, — его не тянуло; это была натура мягкая, робкая, ему нужно было занятіе поскромнѣй пьянства, и по робости онъ попадалъ на занятія весьма смѣшныя. Самымъ любимымъ изъ нихъ сдѣлалось пѣніе и чтеніе въ церкви: какъ онъ былъ смѣшонъ, выходя читать апостолъ, или пѣть на клиросѣ «Господи, помилуй!», при чемъ лицо его наливалось кровью, ибо шея крѣпко была затянута атласнымъ платкомъ. И чего стоило ему добиться чести хлопнуть крышками среди церкви или проникнуть на клиросъ на спѣвку—предварительно онъ долженъ былъ весь хоръ недѣли двѣ поить въ трактирахъ чаемъ и водкой... Замѣтивъ его беззащитность душевную, опекатели дѣлали съ нимъ что̀ хотѣли. Разсказываютъ, что однажды регентъ предложилъ ему слѣдующій ультиматумъ: такъ-какъ теноровъ у насъ довольно и онъ, поющій теноромъ, только мѣшаетъ, то если хочетъ оставаться въ хорѣ,—пусть поетъ басомъ, или убирается вонъ. Беззащитный купеческій малый принужденъ былъ согласиться, и чтобъ получить басъ, въ одинъ холодный осенній день засѣлъ голый въ воду, подъ мельничную плотину, чтобы вода была ему прямо въ шею,—онъ желалъ охрипнуть.

— Здорово, Ванюша! говоришь ему при встрѣчѣ.—Какъ дѣла?

— Теперича въ воздвиженскомъ хорѣ... третью недѣлю, весело отвѣчаетъ онъ (теноромъ). Басомъ приходится пѣть. (Это ужь говоритъ басомъ и потомъ прибавляетъ): черти! Ничего не сдѣлаешь съ ними... Я уйду отсюда. У Покрова, тоже хоръ хорошій, и публика чистая,—тамъ меня за дишканта принимаютъ. Я уйду.

Впрочемъ, въ настоящее время, ему сдѣлалось самому интереснымъ пѣть именно басомъ; говоритъ онъ поэтому всегда, выгнувъ шею, и ходитъ лбомъ въ землю.

А мѣщанинъ Ѳедотовъ?

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати слишкомъ, высокій, костлявый, съ подстриженною въ щотку бородой, въ легкомъ длинномъ сертучишкѣ, который онъ нашивалъ и лѣто и зиму. Онъ

слылъ за силача, и дѣйствительно былъ силачъ, но въ то время онъ не имѣлъ уже ходу, прошло время—и ему пришлось имѣть компаньономъ меня.

— Разважное было время, говаривалъ онъ. — Вотъ что я скажу... Бывало, братецъ ты мой, за сто верстъ Ѳедотова-то возили... Только выди... да! У меня трехъ реберъ нѣту, а и то было хорошо. На, пощупай...

Я щупалъ.

— Я ни одного живого мѣста въ себѣ не имѣю,—ничего! Душа только радовалась... А теперь что?.. въ солдаты что-ли?.. Я зналъ, кого билъ... Бывало, радъ душой за своихъ постоять... «Выручай, Гаврюша!..» У меня сердце-то вотъ какъ вотъ отъ этого, ровно молотомъ стучитъ... Своихъ да не выручить?... Чтобы дать деревенскимъ мужикамъ—ходу!.. Извините... Вотъ какъ, бывало,—что праху не оставалось отъ всей ихъ мужицкой стаи... Тутъ тебя несутъ въ городъ-то на рукахъ... да-а... А теперь что? Картошки съ женой печь? Мнѣ теперича и въ семью незачѣмъ показываться... Эхъ-ма!.. Порядку больно много стало.

Дѣйствительно, въ подгородномъ селѣ, съ которымъ Ѳедотовъ когда-то дирался, съ которымъ у города были какіе-то счеты, одушевлявшіе драку и дававшіе ей извѣстнаго рода мысль, теперь царствовала только бѣдность: въ пору было выпутаться изъ какого-то межеваго дѣла, которое выпивало всѣ деревенскія деньжонки и уже давно уничтожало возможность досуга и посторонней мысли.

Ѳедотовъ не имѣлъ любезнаго ему дѣла и тосковалъ. Иногда онъ въ скукѣ приходилъ ко мнѣ.

— Ты что это тутъ? спрашивалъ онъ.

— Хочу скворца повѣсить.

— Скворца? Ты-бы мнѣ сказалъ, я бъ тебѣ шестъ принесъ... Ей-богу.

— Принеси.

— Ей-богу принесу. Мы вотъ какъ пойдемъ-ко съ тобой въ осиновую рощу, да хорошую орясину вытянемъ оттуда. Ладно, что-ли?

— Ладно.

— Ну, такъ живѣе надо... Нѣтъ-ли шапки тамъ гдѣ отцовской,—домой бѣжать далече... Поищи поживѣй...

И полсутокъ хлопочетъ, устраивая шестъ около крыши, и вѣшая скворца.

Но такія смирныя занятія были не по его натурѣ. Ему надо

было бушевать, побѣждать, сокрушать врага. Ничего этого теперь не было, и онъ безобразничалъ.

— Эй вы!.. Мясники! кричитъ онъ зычнымъ голосомъ, въ темный зимній вечеръ, когда наши ребята катаются вдоль улицъ на салазкахъ и на ледянкахъ.

— Э-эй! Живо! Кто, выходите?

Никто не выходитъ.

— Такъ-то по вашему! Эхъ вы! Н-ну, выходите, что ли!

Иногда онъ, замѣтивъ въ числѣ играющихъ меня, тащилъ съ собой. Бывали въ моей тогдашней жизни минуты неопредѣленной скуки, когда я вдругъ становился какъ-то равнодушенъ къ своимъ скворцамъ и чижамъ, въ душѣ дѣлалось сухо, непріятно, холодно. Хотѣлось чего-то, по всей вѣроятности жизни, но взять ее негдѣ было и я не зналъ, что̀ съ собою дѣлать. Спишь-спишь, встанешь, возьмешь дубину, начнешь колотить объ заборъ, самъ не зная зачѣмъ, и сердишься. Даже къ матери я придирался въ это время, зачѣмъ у меня рваная шапка? Зачѣмъ меня не учатъ? «Не на что̀ тебѣ шапки купить», говорила матушка. Но я подкапывался подъ ея доводы, доказывалъ, что есть на что̀, что купили же скатерть, когда ихъ двѣ. «Та для гостей». «Для гостей! Для гостей можно пеструю.» Иногда я положительно выводилъ матушку этими придирками изъ всякаго терпѣнія, и въ то же время самъ хотѣлъ плакать.

Въ такія минуты я съ удовольствіемъ принималъ предложеніе Ѳедотова путешествовать съ нимъ.

Нельзя сказать, чтобы ему не было компаніи въ этихъ путешествіяхъ. Къ нему всегда присоединялось два-три человѣка, жаждавшіе тоже раззудить плечо, а навстрѣчу этой, такъ сказать, «нашей» компаніи, глядишь, валитъ другая.

— Что за люди? кричитъ въ темнотѣ Ѳедотовъ.

— Ты что за человѣкъ? вопрошаетъ компанія.

— Стой! категорически говоритъ Ѳедотовъ. — Я Ѳедотовъ. Слышалъ это слово?

— Былъ Ѳедотъ, да теперь не тотъ.

— Не тотъ? Али тебѣ показать? Становись-ко.

— Ты лучше приставай къ нашей компаніи, вотъ что, братъ Ѳедотовъ! Эхъ ты...

— Ежели ты мнѣ угощеніе дашь, я къ твоей компаніи пристану.

— Это за что же? Угощали тебя, будетъ.

— Будетъ вамъ! раздается сострадательный голосъ. — Пой-

демъ, угощу. Потомъ вмѣстѣ тронемъ. Андрюшка! Гармонія здѣсь?

— При себѣ.

— Дѣлай...

И что̀ же дѣлаетъ эта ватага силачей цѣлую почти ночь?

Вытаскивала она изъ земли тротуарныя тумбы, неизвѣстно зачѣмъ. Неизвѣстно зачѣмъ валяла на землю фонарные столбы, поворачивала крыши на гнилыхъ нищенскихъ избенкахъ, мазала дегтемъ ворота, даже тамъ, гдѣ вовсе этого не слѣдовало дѣлать, принимая во вниманіе скандалёзный смыслъ этого поступка. Разворотить заборъ и разметать по сторонамъ доски, «вломиться» туда, куда не пускаютъ,—вотъ что̀ дѣлала эта несчастная ватага силачей, незнавшая куда дѣть свою силу.

Пошатавшись съ этой ватагой, я снова чувствовалъ удовольствіе уйти въ свой уголъ и просилъ у матушки прощенія.

Не могу не вспомнить еще объ одномъ существѣ, хотя воспоминанія эти и не въ пользу моего честолюбія. Это былъ больной, нервный мальчикъ, тоже изъ купеческаго сословія, жившій въ варварской семьѣ. Въ немъ было много потребностей, много задатковъ; познакомившись со мной и узнавъ всѣ мои развлеченія и дѣла, онъ отнесся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ. «Эко!» говорилъ онъ съ какою-то гордостью, словно бы онъ можетъ что-то сдѣлать въ тысячу разъ лучше и интереснѣй, нежели я. И дѣйствительно, не могу забыть, какъ онъ однажды наизусть читалъ «Конька-горбунка». Онъ ходилъ въ это время вдоль забора, какъ тѣнь, не обращая на слушателей никакого вниманія, и съ такой вѣрою и задушевностію передавалъ фантастическіе эпизоды полетовъ конька по воздуху, что даже я не могъ не глядѣть въ это время на небо и на мѣсяцъ, и ждалъ, что вотъ-вотъ онъ пронесется съ Иванушкой, разсыпая изъ ноздрей искры.

Разговаривать онъ не любилъ, все молчалъ и думалъ, а глаза у него были какъ у помѣшаннаго.

— Убѣжать! вотъ что̀ хотѣлъ онъ.

«Конекъ-горбунокъ» произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и я «самъ» сталъ заглядывать къ нему въ домъ. Но проклинавшая его, какъ «дурака», семья стала объявлять мнѣ, разумѣется, тоже съ проклятіями, что «пострѣлъ» куда-то пропадаетъ и что пора пришла отвязаться отъ него, отдать въ солдаты. «По крайности царю», говорилъ отецъ. Били его за эти отлучки и увѣчили, но онъ молчалъ и пропадалъ. Уходилъ иногда темной ночью и приходилъ на другой день вечеромъ.

Я долго его не видалъ.

Вдругъ однажды, когда мы съ маменькой возились на огородѣ, какъ бѣшеный перескочилъ черезъ плетень Андрюша и бросился бѣжать по грядамъ, повидимому, куда глаза глядятъ. Онъ казался совершенно помѣшаннымъ.

— Куда ты? закричалъ я, догоняя его.

— Къ царю! задыхаясь, крикнулъ онъ мнѣ голосомъ, въ которомъ, повидимому, напряглись послѣднія усилія измученнаго тѣла.

Тутъ только, когда пришлось ему перелѣзать черезъ другой плетень, я увидѣлъ, что подъ мышкой у него былъ мѣшокъ, изъ котораго торчала страшная звѣриная морда, и толстая лапа царапала плохо прикрытое балахономъ бедро Андрюши. Это былъ необыкновенной величины дикій котъ.

— Уйду! Погоди! прохрипѣлъ онъ, перескочивъ плетень и обхвативъ кота оцарапанными въ кровь, сухими, какъ кости, руками и скрылся.

Оказалось, что по ночамъ онъ караулилъ этого кота, который жилъ въ норѣ подъ хлѣбнымъ амбаромъ и выходилъ только повременамъ. Андрюша вздумалъ поймать его, принесть прямо во дворецъ къ царю и получить отъ него то, что̀ въ сказкахъ сказывается.

Его долго искали, не нашли.

Черезъ годъ онъ пришелъ съ этапомъ. Гдѣ былъ его котъ, и что̀ съ нимъ случилось—неизвѣстно.

— Гдѣ ты, мошенникъ, пропадалъ? а?

Андрюша молчалъ.

— Отвѣчай, стервецъ этакой!

Но ни битье, ни угрозы не выколотили ни одного слова.

Онъ былъ нѣмъ.

— Андрюша, гдѣ ты былъ? спросилъ я его при свиданіи.

— Молчи! Послѣ разскажу, прошепталъ нѣмой. — Меня къ угоднику повезутъ... Я исцѣлюсь. Молчи!

Я молчалъ. Андрюша прослылъ за нѣмого и даже со мной не говорилъ ни слова. Идея — быть нѣмымъ была для него удовольствіемъ, задачей, которую онъ выполнялъ съ полною любовью.

Дѣйствительно, уставъ колотить и ругаться, родители повезли его къ угоднику. Прежде, нежели они воротились оттуда, по нашей сторонѣ пронеслась слѣдующая легенда: по пріѣздѣ въ монастырь, Андрюша, кромѣ нѣмоты, сдѣлался недвижимъ. Цѣлую недѣлю онъ лежалъ, не шевеля ни однимъ членомъ. Отецъ и мать молились на его глазахъ и рыдали, служили мо-

лебны, клали вклады, и впали въ уныніе. Вдругъ ночью, совершенно неожиданно, при первомъ ударѣ колокола къ заутрени, онъ вскочилъ, всталъ на ноги и произнесъ: «Господи, помилуй!».

Господь его помиловалъ. Чудо было явное и Андрюша теперь на вершинѣ свободы, возможной для святаго человѣка.

Онъ ходитъ въ рясѣ и ужь самъ думаетъ, что онъ святой. Сколько выдумываетъ онъ пророчествъ и какъ работаетъ его голова! Давала ли и дастъ ли такую работу мысли, придумывающей небылицы,—обыденная жизнь?

III.

При столкновеніяхъ моихъ съ такъ-называемыми «благородными», подобныхъ ударовъ моему самолюбію я почти не испытывалъ никогда. Въ слободу, засѣвшую въ грязи и глуши, надзоръ и порядокъ еще не успѣлъ проникнуть въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ коихъ онъ проникъ впослѣдствіи, доказавъ, что кромѣ его, «т.-е. порядка», ничего не надо никому. За права освѣтить мыслью свою темную жизнь—тутъ еще безсознательно билось много народу, и ежели не было никакой возможности сдѣлать этого, ибо всѣ мысли давно были подрублены въ самый корень, то были натуры, неустававшія биться за эти права, погибавшія мастерски, сгоравшія, напримѣръ, отъ водки, точно такъ, какъ сгораетъ полѣно. Были вообще натуры, желавшія плевать на мое спокойное существованіе изо дня въ день съ крошечными и пустяшными привязанностями. Въ обществѣ благородныхъ было гораздо ужь больше порядку, дума была опустошена гораздо тщательнѣе. И тутъ я чувствовалъ себѣ хорошо!

Съ благороднымъ обществомъ я познакомился посредствомъ школы. Наука вообще ровно ничего и никогда не значила въ моей жизни, въ образованіи моихъ взглядовъ, поэтому-то я до сихъ поръ не говорилъ о ней ровно ни одного слова, хотя я учился. Сначала матушка отдавала меня къ разнымъ доморощеннымъ учителямъ: старушкамъ, которыя сами не знали ни аза въ глаза, но были очень добры; къ дьячкамъ, «набившимъ руку» въ ученьи мальчугановъ за цѣлковый въ годъ. Ученья тутъ не было никакого, а было усмиреніе бунтовавшихъ мальчугановъ, дранье и возможность прокормиться. Такимъ образомъ, въ первые годы моего дѣтства, воза, нагруженные рѣдькой, капустой, свеклой, аккуратно доставлялись матушкой къ

тѣмъ или другимъ наставникамъ. Лучше всѣхъ изъ числа этихъ учителей былъ вдовый дьяконъ. Во хмѣлю онъ былъ тихъ (а хмѣленъ былъ онъ часто), и въ это время плакалъ, рыдалъ объ умершей женѣ, сочинялъ грустные, слезные стихи въ память ея и читалъ намъ. Во время этихъ рыданій была полная свобода, а главное, почти всѣ мы любили этого дьякона. Случай заставилъ его прекратить школу. Напротивъ его дома съ старухой матерью, жилъ какой-то отставной гимназистъ лѣтъ двадцати, проводя время какъ Богъ пошлетъ и пробавляясь кое-какъ. Онъ однажды, въ припадкѣ той неопредѣленной и мучительной тоски, которая знакома только обывателямъ нашей стороны, когда не знаетъ куда дѣться, въ воду или въ петлю, въ такую-то минуту онъ однажды зарядилъ хорошимъ дробовымъ зарядомъ пистолетъ и выпалилъ имъ прямо въ школу. Нѣсколько книгъ было изодрано дробью, пробита аспидная доска, которую держалъ какой-то мальчуганъ, размозжены стекла въ рамахъ и всѣ перепуганы. Никто послѣ этого не хотѣлъ отдавать сюда своихъ дѣтей, и школа закрылась. Я нѣкоторое время ни о какихъ наукахъ не думалъ, но потомъ, матушка, вѣрная завѣту моего отца вывести меня на настоящую дорогу, задумала продолжать ученье, и направила воза съ овощью къ начальству уѣзднаго училища, но одумавшись и разочтя, что овощь равно необходима и начальству среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ и начальству низшихъ, направила воза въ гимназію, куда я и поступилъ, выдержалъ экзаменъ, въ которомъ я видѣлъ одно, что овощи получены экзаменаторами въ исправности и въ почтенномъ количествѣ.

Уличный авторитетъ мой былъ въ то время настолько великъ, что идя съ матушкой въ гимназію, я чувствовалъ, что дѣлаю и ей и этому каменному желтому зданію большое одолженіе и снисхожденіе. Я лишаю себя нѣсколькихъ часовъ въ день общества своихъ друзей, чтобъ изъ деликатности, изъ доброты моей, проскучать у васъ, тамъ въ каменномъ домѣ, на задней лавкѣ часовъ пять-шесть. Задняя скамейка, или такъ-называемая камчатка, была отведена мнѣ съ первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ науки. Учителя меня не безпокоили. Это самое лучшее, что̀ они для меня могли сдѣлать, иначе бы они воспитали во мнѣ чувство злобы, какой я до сихъ поръ не зналъ. Они, должно быть, видѣли, что лучше меня не трогать и не расшевеливать, ибо я былъ не ученикъ, а человѣкъ.

Какъ бы ни были пусты и ничтожны мои интересы, которыми я жилъ въ слободкѣ, но это были интересы человѣческіе, въ

которыхъ играли роль любовь, совѣсть и честь. Если я сходился съ кѣмъ, я зналъ почему. Если ненавидѣлъ кого, тоже потому, что имѣлъ какія-нибудь этому основанія. Въ школѣ тогдашняго времени я не замѣтилъ человѣческихъ отношеній. Лучшій пріятель, не задумываясь, дралъ, по приказанію начальства, своего пріятеля за ухо. По волѣ начальства товарищъ, назначенный «старшимъ», обязанъ былъ выдавать своихъ товарищей на закланіе. Лучшая награда была за наушничество: «это вотъ онъ сдѣлалъ»—могъ воскликнуть безъ просьбъ, или приказанія начальства не одинъ изъ моихъ тогдашнихъ соучениковъ. Были исключенія, но я беру черту общую, существенную, желательную. Эта компанія была мнѣ не подъ пару. Человѣкъ, совершенно мнѣ незнакомый, къ каковымъ человѣкамъ принадлежало безчисленное начальство, могъ прійти, взять меня за ухо, за волосы, поставить въ уголъ—я возненавидѣлъ этихъ людей. Товарищество, большею частію, тоже было мнѣ не подъ стать. Вотъ два мальчугана спорятъ о томъ, что у моего отца есть и шляпа, и шпага—а у твоего нѣтъ. Пересчитывая всѣ отцовскія отличія, они доходятъ до слезъ и идутъ жаловаться надзирателю, рѣшеніе котораго совершенно ихъ успокоиваетъ. Тотъ, кто по этому рѣшенію правъ—дѣлается на вѣки неразубѣдимымъ; тотъ, кто неправъ, пріучается на вѣкъ знать, что съ начальствомъ ничего не подѣлаешь. Съ этой мелюзгой, незнающей, что у человѣка есть на плечахъ голова, мнѣ нечего было дѣлать. Я могъ бы только бить ихъ, еслибы умѣлъ быть злымъ, и гнать отъ себя прочь. Но я этого не дѣлалъ. Я не лѣзъ самъ почти ни къ кому, но ко мнѣ, напротивъ, лѣзли многіе. Отъ иныхъ я сторонился, иныхъ любилъ и большинству покровительствовалъ.

Это большинство, у котораго по малой мѣрѣ семь колѣнъ родословнаго древа, не знали никакой другой цѣли въ жизни, кромѣ повиновенія, были однакоже не совсѣмъ умершія, изсушенныя дѣти. У нихъ было сердце, которое билось, которое хотѣло что нибудь чувствовать—и рядомъ со мной имъ было хорошо. Не прійти въ классъ, вслѣдствіе большой рыбной ловли, или охоты, что̀ часто дѣлывалъ я—было многимъ и многимъ здѣсь въ высшей степени интересно. Уйдти отъ повиновенія за утками,—да это что-то необыкновенное! Посидѣть со мной на лавкѣ, послушать что̀ я говорю—для многихъ было истинное удовольствіе.

О тѣхъ, кого я самъ любилъ, я говорить теперь не буду, а изъ покровительствуемыхъ мною скажу нѣсколько словъ объ одномъ мальчикѣ, который, впослѣдствіи, въ качествѣ петер-

бургскаго гостя, присутствовалъ у меня въ обществѣ Лукьяна и деревенскаго ходока.

Я познакомился съ нимъ въ гимназіи. Звали его Павлуша Хлѣбниковъ. Это былъ слабенькій, блѣдненькій мальчикъ, одѣтый всегда съ иголочки, снабженный всеми принадлежностями науки: перьями, карандашами и т. д., въ количествѣ болѣе нежели полномъ. Изъ-за этихъ карандашей и резинокъ къ нему лѣзло много народу, но, повидимому, онъ не могъ похвалиться любовью товарищей, потому что, какъ только у него изсякали письменные матеріалы, на него дѣйствительно мало обращали вниманія, и даже иной изъ товарищей, кто понаглѣй, безъ церемоніи бросалъ ему въ глаза ябедника или труса. Слезами этотъ мальчикъ обливался почти постоянно, особливо когда не могъ дѣлать подарковъ. На меня онъ давно поглядывалъ съ своей первой скамейки, но какъ будто боялся.

Наконецъ, однажды я увидѣлъ, что онъ робко перебирается ко мнѣ съ парты на парту.

— Хотите, я вамъ подарю чернильницу? робко говоритъ онъ, подойдя на порядочное разстояніе и держа въ рукѣ зелененькую складную чернильницу.

— Нѣтъ, сказалъ я.—Не надо.

— Возьмите!

Мальчикъ произнесъ это съ дрожаніемъ въ голосѣ и готовъ былъ зарыдать.

— У меня дома есть своя, сказалъ я.

Мальчикъ не рѣшился сказать ничего, но слезы были въ его глазахъ, а чернильницу онъ такъ и держалъ въ рукѣ,— ему было крайне обидно взять ее назадъ.

— Давай мнѣ! сказалъ одинъ изъ начинавшихъ ловкачей и ловкихъ людей—Козловъ.

— На! радостно сказалъ мальчикъ, и потянулся за Козловымъ, но тотъ ужь былъ далеко и знать ничего не хотѣлъ.

Прошло пять минутъ — слышу, тотъ же мальчуганъ опять что-то кому-то даритъ, и плачетъ, и потомъ скучный сидитъ одинъ.

Не знаю, почему-то я почувствовалъ къ нему большую жалость, и какъ-то разъ самъ позвалъ его къ себѣ «въ камчатку», а потомъ познакомился съ его семьей. Семья эта была образцомъ семей, въ которыхъ нѣтъ ничего «настоящаго», «подлиннаго». Тутъ все, съ седьмого колѣна, шло противъ личныхъ чувствъ, противъ личныхъ желаній, убѣжденій, и покорялось какой-то тягостнѣйшей необходимости. Отецъ Павлуши Хлѣбникова былъ чиновникъ, занимавшій хорошую должность. Про-

исходилъ онъ изъ духовнаго званія, гдѣ, по крайней мѣрѣ, пять поколѣній назадъ (точно такихъ, какъ и въ другихъ сословіяхъ), люди женились не любя, занимались дѣлами, иногда несоотвѣтствовавшими способностямъ, и были связаны съ мѣстомъ жизни, съ женой, съ людьми, каковы: прихожане, родственники и проч., только тѣмъ, что развязавшись съ ними, должны были умереть *съ голоду*. Голодъ—вотъ была идея, связующая все это, готовое разбѣжаться въ рознь. Сколько тутъ было лжи, взаимной ненависти, притворства, низкопоклонства, соединеннаго съ полнымъ презрѣніемъ!.. Человѣческимъ свободнымъ отношеніямъ здѣсь мѣста не было. Отецъ Павлуши былъ человѣкъ неглупый, талантливый, а въ молодости былъ мечтатель: такъ, будучи въ семинаріи, онъ думалъ идти непремѣнно въ священники; у него было призваніе къ этому дѣлу, онъ обдумалъ его во всѣхъ подробностяхъ, начиная отъ проповѣди, которую онъ думалъ сказать не такъ, какъ говорятъ наши «балалайки», а по совѣсти, съ толкомъ,—до послѣдняго гвоздя въ своемъ домѣ, до послѣдняго часа въ дневной работѣ. Но личному чувству, личнымъ симпатіямъ здѣсь нѣтъ ходу: на плечахъ его лежали цѣлыя поколѣнія бѣдствующей родни, которая бы должна была умереть съ голоду, еслибы позволилъ онъ себѣ жить такъ, какъ хочется,—и онъ пошелъ въ чиновники, чтобы помогать тѣмъ, кого не имѣлъ причины любить, и женился на той, которую не любилъ; ему, вступившему на путь необходимости, надо было уже покоряться всему, — жениться, поэтому, былъ полный разсчетъ на дочери начальника, чтобы скорѣй добиться того, зачѣмъ пошелъ, то-есть денегъ. Дочь начальника тоже, быть можетъ, имѣла свои планы. Она была женщина умная и скромная, и точто также, подобно мужу, принуждена была обстоятельствами дѣлать что-то такое, чего ей не хочется. Влюбись-ка она по собственному желанію вотъ въ того молодаго красавца, мѣщанина... Развѣ она не знаетъ, что въ красавцѣ воспитано побужденіе иногда вооружиться противъ своей возлюбленной полѣномъ, и поучить? Изъ одного стойла не было возможности переходить въ другое. И вотъ образовалась семья, въ которой ничего нѣтъ сдѣланнаго «по душѣ». Они помогаютъ роднѣ, которую терпѣть не могутъ. Родня низкопоклонничаетъ и въ душѣ называетъ разбойникомъ. Отецъ думаетъ о томъ, какъ бы онъ былъ священникомъ; иногда онъ даже, раздумавшись, видитъ себя говорящимъ проповѣдь; видитъ жену, стоящую въ церкви, жену, которая совершенно не походитъ на теперешнюю, та совсѣмъ другая, волоса, глаза,—все другое у

той, а на клиросѣ видится ему маленькій мальчикъ, поющій отличнѣйшимъ дискантомъ—это сынъ; у него есть сынъ, который учится въ гимназіи, но тотъ «настоящій», который на клиросѣ нисколько не походитъ на гимназиста. Въ такой школѣ рѣшительно не было возможности узнать, что̀ такое человѣкъ, что права надъ нимъ даны любви, совѣсти.—«Развѣ бы я пошла за твоего отца, ежели бы не нужда?» сказала бы мать сыну, рѣшившись быть искренной. «Нѣшто я бы изсохъ такъ, кабы не связали меня вы всѣ?» сказалъ бы отецъ, еслибы тоже намѣренъ былъ поступить искренно. Вотъ корень семейной войны, и той легкости, съ которой сынъ можетъ совершенно забыть свою семью, разлучившись съ ней на мѣсяцъ, а на другой мѣсяцъ начинаетъ ее ненавидѣть. Въ семьѣ Павлуши никто не давалъ себѣ воли; отецъ и мать сознавали, что̀ дѣлали, и молчали. Въ домѣ вставали, ложились, пили чай, принимали гостей и т. д., исполняли все, какъ слѣдуетъ, и главнымъ образомъ, молчали. Не освѣщала ли какая-нибудь свѣтлая, широкая идея этого угла? Повторяю, что не было идей, ни у кого, никакихъ. Религіозны они были по формѣ, потому что принадлежали къ приходу; что̀ такое «политика», они не знали, что̀ такое общество, жизнь общественная—тоже. Была здѣсь глубоко затаенная тоска и молчаніе. И вотъ въ этой-то обстановкѣ жилъ мальчикъ. Ему просто недоставало ощущеній.

И вотъ онъ лѣзетъ дарить мнѣ чернильницу съ тѣмъ, чтобы испытать чувство благодарности. Онъ ждетъ, что я ему скажу: «Спасибо, Паша. Какой ты добрый».

И будетъ нѣкоторое время чувствовать себя хорошо.

Но вотъ входитъ инспекторъ и приказываетъ этому Пашѣ выдрать мнѣ ухо.

И Паша выдеретъ его, потому что онъ поглощенъ новымъ удовольствіемъ—быть предпочтеннымъ передъ другими. Онъ лучше другихъ, а другой, кому онъ деретъ ухо, хуже его! Ощущенія, какія бы то ни было, до того новы, что совершенно поглощаютъ его—и опомнившись онъ плачетъ.

— Свинья ты этакая! говоритъ ему будущій ловкачъ и адвокатъ Козловъ:—сталъ драть за ухо товарища, подлецъ!

Паша плачетъ и говоритъ:

— На̀ тебѣ чернильницу. Я не буду никогда.

— Не будешь ты, свинья этакая, говоритъ Козловъ, пряча чернильницу къ себѣ.—Дрянь!

— Возьми еще христоматію. Я не буду!

— Давай, свинья этакая.

Козловъ обираетъ мальчика отлично. И наконецъ, Козловъ гладитъ его по головѣ, и они разстаются друзьями. Павлуша возвращается домой, къ отцу. Отецъ въ знакъ любви приготовилъ сыну подарокъ (потому, что ни изъ чего другого семейныя привязанности здѣсь не дѣлаются).

— А гдѣ твоя чернильница?

— Козловъ взялъ.

— Какъ взялъ?

— Просто, говоритъ: отдай!

— Какая шельма!

Павлуша вретъ, но вретъ именно потому, что пріятно чувствовать, какъ «заступается отецъ», давно желающій на какой-нибудь манеръ показать любовь къ сыну. Павлуша не желаетъ терять благопріятной минуты ни для себя, ни для отца. Да и «чувствовать себя несчастнымъ», въ виду такой непоколебимой защиты, какъ отецъ—тоже пріятно.

И вретъ. Козловъ представленъ чистымъ разбойникомъ.

— Я его, каналью! говоритъ отецъ.

На другой день, по жалобѣ отца, Козлова сѣкутъ.

— Свинья ты, подлая! говоритъ Козловъ, но потомъ мирится на подаркахъ.

Я взялъ этого обездушеннаго мальчика подъ свое покровительство, но изъ этого не вышло ничего. Бросался онъ на все, повидимому, съ азартомъ, но это только повидимому.

Впослѣдствіи изъ него явно стала выходить фигурка, которой бы нужно было что-нибудь поновѣй, да по возможности пріятно, да чтобы и ненадолго.

IV.

Я бы никогда не кончилъ, еслибы сталъ обстоятельно перечислять сотни видѣнныхъ мною людей, тщетно бившихся изъ желанія жить хоть мало-мальски повеселѣй, попокойнѣй, жаждавшихъ освѣтить горестное существованіе какою-нибудь мыслью. Исполняя виды высшей воли, они чахли въ собственной пустотѣ, почти не зная, что они люди. Единственный разъ въ моей жизни я видѣлъ, какъ зашевелилась общественная душа, и когда почти до краевъ было полно существованіе каждаго изъ бившихся объ ледъ. Это было война. Въ общественной душѣ еще уцѣлѣлъ какимъ-то образомъ какой-то турокъ, съ неумытымъ рыломъ, градъ Христовъ, Христовы страданія. Всѣ эти вещи были воспитаны крѣпко и почему-то не были

тронуты порядкомъ. Какъ онѣ, пробудившись, оживили всѣхъ и все!

Чиновникъ, который вчера въ пьяномъ видѣ еще не зналъ, за что подраться на свадьбѣ у пріятеля, и выдумывалъ предлогомъ для драки обстоятельство, которое самъ считалъ пустяками, напримѣръ, начиналъ придираться къ хозяевамъ съ крикомъ: «а обѣщали подать малиновое мороженое! гдѣ оно?»,—чиновникъ этотъ въ настоящую пору требуетъ къ суду Викторію, кричитъ: «подайте мнѣ ее!» и искрененъ въ этомъ крикѣ, хотя и глупъ. Мѣщанинъ, который, вчера еще, ободравъ падаль и продавъ шкуру, не зналъ за что приняться, воротившись домой,—колотить ли семью, пойдти ругаться къ сосѣду, лечь ли спать или ударить полѣномъ свинью,—зналъ теперь, что̀ ему дѣлать: сколько онъ женѣ принесъ секретныхъ извѣстій; и у жены тоже они есть; да и ребенокъ, который прежде не могъ разсчитывать ни на что кромѣ подзатыльника, теперь несъ съ улицы какое-либо новѣйшее извѣстіе и внимательно выслушивался, да и самъ зналъ во что̀ играть: вчера онъ просто лѣзъ головой въ заборную щель и кричалъ отъ боли на всю улицу, а теперь онъ играетъ въ войну. Богачъ купецъ, который ѣздилъ къ Аксюшкѣ, и сорилъ деньгами передъ всей ея солдатской родней, съ просьбою успокоить его; который, не будучи успокоенъ, напивался до чортиковъ въ своихъ обширныхъ палатахъ, и лѣзъ, къ стыду своему, на крышу гонять голубей,—и тотъ вспомнилъ турка и Бога, и тому пришло на память, что кромѣ медалей есть еще душа, и вотъ онъ вмѣсто Аксюшки—на площади передъ воинами говоритъ рѣчь:

— Воины! говоритъ онъ и плачетъ. — Не непуститя ево, къ примѣру... турка... пытаму... (онъ рыдаетъ)... пытаму што.. (Онъ рыдаетъ еще болѣе)... от-течиство... (Рыданія заставляютъ его безмолвствовать минутъ пять). По полуштофа на брата!.. Ур-ра!

— Ур-ра!..

— Ловко! гремятъ зрители, видящіе хоть какое-нибудь дѣяніе, которое и они тоже понимать могутъ.—Мѣщанамъ бы тоже ты, Иванъ Естафичъ, поднесъ по... отечеству... Дли вѣр-ры... по случаю... по престолу...

— По косушкѣ жер-ртвую! поднявъ руку кверху, вопіетъ Евстафичъ и падаетъ на колѣни.

На площади идетъ молебствіе, и протодьяконъ, раздирая горло въ многолѣтіи воинству, знаетъ на этотъ разъ, что деретъ горломъ за дѣло, которое ему извѣстно, а не просто по приглашенію соскучившагося купца, котораго онъ въ душѣ

называлъ разбойникомъ и гремѣлъ ему многолѣтіе единственно изъ-за желанія получить красную и купить ногу баранины. Онъ знаетъ, что на него смотритъ вся толпа, понимающая причину его воодушевленія. А старушки, которыя въ былое время не знали, какую бы еще придумать сплетню, чтобы попить, благодаря ей, чайку въ хорошемъ домѣ,—и у тѣхъ теперь полны карманы новостей, и онѣ тоже теперь чувствуютъ потребность потолкаться въ толпѣ, потолковать съ ней на площади.

— А анпираторъ и говоритъ... шепчетъ одна другой.

— Полегче вы, старенькія! тоже шепчетъ имъ древній старецъ, которому теперь только представился случай объяснить, почему у него не ходитъ правая нога, еще во времена герцога Бирона отдавленная въ застѣнкѣ колодкой. — Полегче объ эфтомъ...

— Мы худова не говоримъ, батюшка.

— То-то, потише бы... У меня до сихъ поръ нога-то не ходитъ. Такъ-то... Ну, что̀ такое инператоръ сказалъ?

— А сказалъ, говоритъ,—не давать имъ овса...

— Кому?

— Не знаю я, другъ ты мой.

— А говоришь! Изъ портовъ не велѣно отпущать овса,— кому, знаешь ли?

— То-то не знаю...

— А мелешь. Попадешь вотъ въ хорошее мѣсто, пропотѣешь полгодика, узнаешь... Кому овса не велѣно?.. Австріаку! Тараторки... Овса, овса... Ты лучше бы Богу молилась.

— Ты-то дюже строгъ, ноне. Полегче бы маленько...

— Нѣтъ, вотъ какъ засадятъ въ ямку, въ темненькую...

— Урррр-а!... Бушуетъ на площади, заглушая шушуканья толпы и объ овсѣ, и о птицѣ, сидящей на московской колокольнѣ, и о свѣчѣ у Иверской, которую турки начинили порохомъ и поставили передъ иконою ночью. Хорошо, что митрополиту приснился сонъ и онъ успѣлъ выхватить свѣчу, которую разорвало тутъ же на улицѣ, и т. д. Всѣ эти толки заглушены крикомъ: «урра».

Молодцы Ивана Евстафича, запрягшись въ телеги вмѣсто коней, вытащили на площадь не одинъ десятокъ сороковыхъ бочекъ. Выѣхавъ на средину площади, молодцы становятся каждый на колесо свой бочки, имѣя въ рукахъ по черпаку; черпакомъ этимъ предполагается вливать водку въ манерки солдатъ и прямо въ рты обыкновенныхъ обывателей, ежели они не могутъ представить посуды.

— Православные! возглашаютъ молодцы съ черпаками.

Масса шевелится и скоро закипаетъ драка. Дерутся какіе-то «Ефремовцы» съ «Андроньевскими», «Васильковскіе» съ «Котельниковскими», словомъ, выступаютъ какія-то партіи, оттѣненныя неизвѣстными или ненужными до настоящаго времени названіями, скрывающими какую-то мысль. Это не простое разворачиваніе забора, какъ еще недавно производили Ѳедотовъ съ компаніею.

Словомъ, все одушевлено мыслью. Турокъ, завѣщанный въ сказкахъ, дѣлалъ жизнь сколько-нибудь понятною! Нельзя сказать, чтобы все это было черезчуръ умно, но факты оживленія отрицать нельзя.

Вотъ въ это-то время одинъ обыватель, торопившійся ночью къ пріятелю сообщить газетную новость, наткнулся впопыхахъ на камень и сломалъ ногу,—изъ этого обстоятельства возникъ вопросъ объ освѣщеніи, явилась статья въ газетахъ. Невозможность достать газетки, и неумѣнье ее выписать, чтобы знать, что̀ такое дѣлается, — были причиною появленія другой статейки—о библіотекѣ и т. д. Словомъ, турокъ такъ толконулъ общество, что индивидуумы, составлявшіе его, подобно билліарднымъ шарамъ, отъ удара кіемъ зашевелились, задвигались.

— Почему же это я все пьянствую? влетаетъ въ голову талантливому чиновнику Змѣеву, давно чувствовавшему, что ему нужно что-то...

До этого оживленнаго времени, Змѣевъ дѣйствительно занимался только пьянствомъ, рисуя портреты съ трактирныхъ случайныхъ знакомыхъ. Онъ отлично рисовалъ каррикатуры и типы изъ русской жизни. По натурѣ это былъ большой художникъ, но отецъ изъ статскихъ генераловъ не далъ ему никакого образованія, художество называлъ чуть не преступленіемъ и держалъ человѣка на какой-то должности съ пятирублевымъ жалованьемъ. У Змѣева была уже лысина на головѣ, а онъ все еще уходилъ изъ дому тайкомъ, послѣ того какъ отецъ заснетъ, иначе ему могла быть гонка. Ропотъ противъ отца—вотъ что̀ держало его на свѣтѣ, подобно другимъ, такимъ же субъектамъ, трактирнымъ компаньонамъ, жившимъ—кто ненавистью къ женѣ, кто ропотомъ на несправедливость начальства. Тысячу разъ Змѣевъ хотѣлъ бросить родительскій домъ, уйти. Иногда казалось, что онъ вполнѣ готовъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, мечтая поѣхать въ Петербургъ, показать тамъ свой талантъ... Но ничего этого никогда не дѣлалъ. За предѣлами страданій въ отцовскомъ домѣ—не было ничего... Были какія-то темныя улицы и душные кабаки, и среди этой

тьмы терялась всякая вѣра въ себя, въ свой талантъ. Но въ новое оживленное время, когда носилось въ воздухѣ такъ много славы, храбрости, и другихъ вещей, которыя доставались какому-нибудь Ѳедотову ни почемъ,—Змѣевъ увидалъ слишкомъ ясно свое ужасное положеніе. Ропотъ на отца, который довелъ сына до лысины, не сдѣлавъ ничего для того, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ.

И вотъ онъ пьетъ и ругается.

— Вѣдь я человѣкъ, сволочь ты этакая! кричалъ онъ въ трактирѣ собесѣднику,

— Ты не ругайся однако!

— Что не ругайся? Ну, чего не ругайся? Какъ васъ не бить-то! Вотъ я чему удивляюсь! Нѣтъ, молодцы эти англичане, ей Богу! Перестрѣлять васъ надо всѣхъ... до едд-динова!..

— Когда ты перестанешь пьянствовать? говоритъ ему отецъ.— Когда ты перестанешь по ночамъ шататься? а? Вѣдь я тебя въ солдаты, каналью, отдамъ.

— А ты зачѣмъ мнѣ жизнь загубилъ?

— Ка-акъ!

— Зачѣмъ жизнь-то загубилъ! Ка акъ!..

— Это мнѣ ты смѣешь говорить—«ты»?

Разъ сорвавшись на словѣ, съ наболѣвшей душой Змѣевъ не удержался.

— Я! тебѣ! Погубилъ ты меня!

— Вонъ! Вонъ!

— Погубилъ! Злодѣй! Ты злодѣй!... Я человѣкъ! пойми! А что̀ ты сдѣлалъ?

Старый генералъ падаетъ въ обморокъ, а разозленный сынъ не унимается.

— Уйду! Чортъ съ вами, разбойники!

На этотъ разъ Змѣевъ дѣйствительно переѣхалъ изъ отцовскаго дома въ какую-то трущобу.

Подобныхъ этому случаевъ было на моихъ глазахъ великое множество, и я ужь не смѣлъ драть носа передъ окружавшимъ меня обществомъ.

Оно необыкновенно посвѣжѣло и ободрилось. Мои почитатели, какъ силачъ Ѳедотовъ, чудотворецъ Алеша, и т. д., уже не нуждались во мнѣ и нашли свое дѣло. Одинъ дрался со славою, другой имѣлъ готовую тэму фантазировать и предсказывать. Моимъ компаньономъ остался почти одинъ только Павлуша Хлѣбниковъ, который очень часто сопровождалъ меня въ моихъ скитаніяхъ по оживившемуся городу. Я въ это время

цѣлые дни проводилъ на улицѣ — встрѣчалъ и провожалъ войска, толкался на площадяхъ, гдѣ по грязнымъ заборамъ были развѣшены безчисленныя картинки о побѣдахъ, и слушалъ толки. Разнообразія было очень много.

Однажды я и Павлуша Хлѣбниковъ присутствовали при пріемѣ рекрутъ. Дѣло было въ пасмурный зимній день. У крыльца присутственнаго мѣста и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, прилегавшимъ къ этому зданію, было великое множество деревенскихъ саней, наполненныхъ плачущими бабами съ дѣтьми; множество зрителей и участниковъ въ пріемѣ толпилось тутъ же. Раздирающій плачъ женщинъ, гармонія вольника, который, расталкивая толпу и гордо заломивъ на головѣ шляпу, перевязанную лентой, направлялся въ кабакъ, окруженный караулившей и ухаживавшей за нимъ семьей его покупателя; вообще всѣ картины набора, драматизмъ которыхъ увеличивался тѣмъ, что это былъ наборъ ужь не первый, и народъ былъ истощенъ, — все это производило довольно тяжелое впечатлѣніе.

Зрители не испускали воинственныхъ воплей и не вели оживленныхъ бесѣдъ, и когда одинъ изъ нашихъ гимназистовъ, окончательно вышедшій изъ гимназіи и ужь почти принятый въ юнкера, завелъ разговоръ о храбрости, — то нѣсколько голосовъ осадило его весьма безцеремонно.

— Сволочь какая! ревутъ какъ коровы! произнесъ-было гимназистъ.—За отечество идутъ и ревутъ! Какія жь могутъ быть побѣды?..

— Ужь ходили, ходили за...

— Полегче, полегче, ребятки, останавливалъ народъ древній старецъ... За это знаешь, что̀?...

— Ходили, ходили, а все толку нѣтъ...

— Ежели мы будемъ ревѣть на войнѣ, сказалъ-было гимназистъ... но ему не дали докончить.

— Что̀ мелишь? закричалъ на него мясникъ, въ бѣломъ фартукѣ... Поди-ка самъ подъ пулю-то.

— Я и иду! ты не ори.

— Идешь? Вы мастера только разговоры разговаривать...

— Нѣтъ, иду: ну...

— Ну, и съ Богомъ. Хоть бы поменьше было вашего брата... Мужика совсѣмъ вывели,—и васъ бы пора.

— Осторожнѣй, кумъ! шепталъ старецъ... За эти словечки знаешь куда.

— Ну васъ къ шуту! съ сердцемъ сказалъ мясникъ.

— Да кто ты такой? Какъ ты смѣешь такъ говорить? вдругъ

наступилъ на него будущій воинъ.—А хочешь къ губернатору? ты противъ кого говоришь?

Мясникъ скрылся.

— Ахъ каналья этакая! въ искреннемъ гнѣвѣ сказалъ будущій воинъ.—Непремѣнно узнаю, кто это.

— Кто этотъ юноша? спросилъ кто-то сзади меня.

Я обернулся: сзади меня стоялъ молодой человѣкъ, въ клеенчатой фуражкѣ и въ поношеномъ драповомъ пальто.

— Это нашъ гимназистъ.

— Вотъ защитникъ-то отечества, проговорилъ онъ, не улыбаясь, но довольно мягко...

— Все бы ему драться, прибавилъ кто-то изъ толпы:—онъ тутъ давно шумѣлъ...

— Гм... сдержанно сказалъ молодой человѣкъ и обратился къ намъ:—вы, господа, здѣшней гимназіи?

— Да.

— Я вашъ новый учитель исторіи.

Мы было-оробѣли.

— Вы тоже патріоты? прибавилъ онъ, улыбнувшись.

— Н..нѣтъ... отвѣчали мы.

— Такъ я бы совѣтовалъ уходить вонъ отсюда... Нечего тутъ смотрѣть и стоять сложа руки... Право Пойдемте ко мнѣ; кстати, вы меня познакомите съ городомъ.

Мы послѣдовали за учителемъ и не могли порядкомъ надивиться ему. Говорилъ онъ съ нами какъ съ людьми, ибо нѣсколько разъ спросилъ: «какъ вы думаете?» «Не правда ли?...» Этого никогда мы прежде не слыхивали. Потомъ завелъ насъ къ себѣ въ нумеръ и предложилъ намъ, какъ настоящимъ людямъ—вино.—«Не хотите ли мадеры?»—«Извините, я раздѣнусь...». Все это было ново и учитель оставилъ въ насъ наипріятнѣйшее впечатлѣніе. Сколько сообщилъ онъ намъ о войнѣ, о злодѣйствахъ, о злоупотребленіяхъ!—нечто мы не были посвящены въ эти тайны, но и насъ пробралъ его разговоръ.

Съ этого времени и въ гимназіи и вообще въ жизни произошелъ переломъ. Новый учитель тотчасъ началъ борьбу съ начальствомъ и тотчасъ нажилъ тьмы враговъ, начиная съ гимназическаго эконома до директора включительно. Ученики стали выписывать журналы и читать; собирались на квартирѣ нового учителя потолковать, посовѣтоваться, образовали особую партію, къ которой примкнулъ и Павлуша Хлѣбниковъ. На моихъ глазахъ онъ столь же мило и легко дѣлался либераломъ, какъ прежде дѣлался ябедникомъ (тоже очень милымъ), или ис-

полнялъ волю начальства, повелѣвавшаго выдрать товарища за ухо.

Я бывалъ въ этомъ обществѣ, но я ужь значительно облѣнился, и жилъ жизнью толпы болѣе, нежели можно было думать; я даже оставилъ въ это время гимназію, потому что, въ качествѣ одного изъ субъектовъ толпы, почувствовалъ большую тоску... Война кончилась. Турку снова нужно было запереть въ душу на неопредѣленное время, и все стало по старому. Силачу Ѳедотову опять нечего дѣлать. Алешѣ не о чемъ пророчествовать. Улица, гдѣ сломалъ ногу обыватель, бѣжавшій съ газетными извѣстіями, освящена, но зачѣмъ теперь ходить по ней? Фонарь стоитъ въ ней одинъ-одинешенекъ. Почитать газетку? да что въ ней интереснаго? Освобожденіе крестьянъ? Почему же мнѣ это интересно? Развѣ былъ я когда нибудь связанъ и чѣмъ нибудь съ ихъ страданіями? По совѣсти мнѣ это не особенно интересно... У толпы опять не осталось ничего, и мѣщанинъ, вчера еще разсуждавшій съ женой о политикѣ, теперь снова говоритъ ей свирѣпымъ голосомъ: «Что стала? Не знаешь своего дѣла? Загони свинью-то! Давно я за васъ не принимался...». Мѣщанскій ребенокъ рѣшительно не можетъ выдумать игры «въ освобожденіе крестьянъ», и попрежнему лѣзетъ головой въ заборную дыру и оретъ.

Послѣ турка у толпы ничего не осталось своего...

Зашелъ я къ Змѣеву. Онъ жилъ въ отдѣльной комнаткѣ у чиновника-сотоварища, и хотя не имѣлъ съ отцомъ никакого дѣла, но я замѣтилъ, что онъ уже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно возможности распорядиться своей свободой.

— Ты что же въ Петербургъ-то? сказалъ я ему и замѣтилъ, что онъ пьянъ.

— Погоди... Будетъ все...

Храбрости въ его голосѣ, однако, не было.

— Надо послать за водкой! торопился онъ прервать рѣчь о Петербургѣ.

Принесли водку. Змѣевъ выпилъ и охмѣлѣлъ.

— Я человѣкъ! Понимаешь ты это? сталъ-было онъ кричать попрежнему, но на крикъ явилась хозяйка и сказала:

— Вы, пожалуйста, не шумите.

— Какъ? Я не имѣю права дѣлать что хочу?

— Домъ мой!

— Я плачу деньги.

— Все-таки вы не смѣете...

— Не смѣю?

— Не смѣете.

— Я не смѣю?.. Вотъ же вамъ!

И онъ поставилъ на столъ нѣкоторую посуду.

— Побойтесь Бога, — на столѣ стоитъ божій даръ — хлѣбъ, а вы...

— А-а... вопилъ Змѣевъ: — я не смѣю!... Погодите, я вамъ покажу... Вотъ же вамъ...

Хозяйка выбѣжала вонъ, а за ней и я.

Змѣевъ бушевалъ и дебоширничалъ еще недѣли двѣ. Всѣ безобразія, находившіяся въ его рукахъ, онъ пустилъ въ ходъ для доказательства, что онъ человѣкъ; но такъ-какъ этими безобразіями онъ ничего не доказалъ, и отрезвившись, сообразилъ, что далеко ему до человѣка, то вскорѣ засѣлъ онъ за письмо къ отцу.

Въ письмѣ просилъ онъ прощенія, кланялся въ ноги и умолялъ позволить ему вернуться.

Отецъ отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ, съ текстами изъ священнаго писанія,—и позволеніе вернуться далъ.

И вотъ Змѣевъ опять не смѣетъ выдти вечеромъ изъ дому до тѣхъ поръ, пока не улягутся.

Все въ толпѣ стало по старому.

А я все плотнѣй забивался въ уголъ; лѣнь овладѣвала мною все болѣе и болѣе, и кругомъ было столь же много тоски, скуки, которая мнѣ давала возможность быть покойнымъ.

V.

Такъ, за самоварчикомъ, просидѣлъ я долгое время. Не зналъ я, какъ мои гимназическіе товарищи кончили курсы и разлетѣлись по чужимъ краямъ; не зналъ, въ какихъ они были университетахъ и что̀ тамъ дѣлали.

На дворѣ у меня кудахтали куры, ходилъ пѣтухъ «мышьякъ», пронзительный до мозгу,—все было тихо и покойно.

И вдругъ, является Павлуша Хлѣбниковъ, съ безконечными разсказами объ университетской жизни.

«А, думалъ я не безъ злости:—ишь тебя тамъ какъ налили-то новыми мыслями! Помогать народу!... И какъ это ты будешь помогать ему? Найдешь ли ты въ немъ такую струну, такую душевную привязанность, ради которой онъ бы сталъ тебя слушать? И къ чему такому нашелъ ты у него жажду, чтобы ему было мало лаптей и неусыпнаго труда?».

А тутъ вылѣзаетъ какой-то полоумный ходокъ и объявляетъ

про какое-то дѣло, за которое всѣ стоятъ, и это дѣло не просто изъ-за надѣла, а изъ-за души.

— Да что же? Неужели еще что-нибудь осталось въ этой душѣ? Турка болѣе нѣтъ... Что же тамъ? Религія? Семья?...

Я рѣшительно ничего не понималъ.

Но все это было весьма ново и я рѣшился предпринять путешествіе съ петербургскимъ гостемъ.

Мы намѣрены были пройтись «недалеко», ибо даже и при началѣ путешествія (нельзя утаить) чувствовали тайно, что тамъ, въ народѣ, намъ пожалуй что дѣлать нечего.

Глѣбъ Успенскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДАРВИНИЗМЪ И ОПЕРЕТКИ ОФФЕНБАХА.

Читая и перечитывая произведенія Дарвина, проникаешься все бо́льшимъ уваженіемъ къ этому необыкновенному человѣку, и не знаешь чему удивляться: полнотѣ и всесторонности фактическихъ знаній, или силѣ философскаго пониманія, нравственному мужеству убѣжденій, или скромности, съ которою они высказываются, наблюдательности въ частностяхъ или величію и мощи всего міросозерцанія.

Гэккель.

И публика смѣялась много,
Смотря на эту ерунду.

Орфей въ аду.

I.

Нѣкоторый Фельетонистъ пытался поглумиться надъ моей статьей о Луи Бланѣ, преимущественно впрочемъ надъ одной, именно слѣдующей фразой: «Мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ рѣзкихъ случаевъ историческаго атавизма, т.-е. внезапнаго и на первый взглядъ безпричиннаго и необъяснимаго возрожденія отжившихъ или отживающихъ факторовъ исторіи». Я люблю, когда такіе фельетонисты пѣтаются глумиться. Это занятно. Это напоминаетъ мнѣ годы моего дѣтства. Бывало, подкрадешься сзади къ какому-нибудь степенному человѣку, дернешь его за фалду, да и драло, а то пояснишь, что у васъ, молъ, фалды запачканы, такъ я почистить хотѣлъ. И бывало мнѣ весело. И бывалъ я увѣренъ въ безнаказанности, потому что степенный человѣкъ много-много что пальцемъ погрозитъ, да и пойдетъ себѣ своей дорогой. Выросъ я. Стали меня сама за фалды дергать, и вижу я, что если въ большомъ количествѣ это, должно быть, и надоѣдаетъ, то, поскольку я до сихъ поръ такому подергиванію подвергался, — это даже занятно. И идешь себѣ своей дорогой, т.-е. въ данномъ случаѣ, отмахнувшись отъ мухи, продолжаешь:

И такъ мы присутствуемъ при одномъ изъ самыхъ рѣзкихъ случаевъ историческаго атавизма. Дѣйствительно, я въ этомъ вполнѣ увѣренъ. Я увѣренъ, что 1870-71 годъ есть годъ исклю-

чительный, что элементы, окрасившіе его собой, просто напросто ворвались, благодаря стеченію особенныхъ условій, на сцену, собственно говоря, имъ давно уже не принадлежащую. Конечно, они могутъ на ней фигурировать еще довольно долго, быть можетъ даже слишкомъ долго для терпѣнія цивилизаціи, которая, впрочемъ, до сихъ поръ оказывается достаточно терпѣливою. Но все-таки это только гости, и гости бездомные,— ихъ собственный домъ проданъ съ аукціоннаго торга. И рано или поздно купившіе его, настоящіе хозяева попросятъ ихъ очистить историческую сцену совсѣмъ. Они уже теперь просятъ, но трусливо, въ слишкомъ мягкихъ формахъ, совершенно не дѣйствующихъ на нахальныхъ гостей. Эта скромность приглашеній очистить квартиру обусловливается отчасти уваженіемъ къ бывшимъ домовладѣльцамъ, отчасти надобностью въ ихъ опытности по дворницкой части, отчасти трусостью, отчасти глупостью. Но, разумѣется, приглашенія будутъ съ теченіемъ времени становиться все настоятельнѣе и настоятельнѣе. Шевалье де-Роганъ отдулъ Вольтера палками и его же упряталъ по этому поводу въ Бастилію. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вольтеръ царствовалъ въ Европѣ и разные де-Роганы смотрѣли на него снизу вверхъ. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Бастилія пала, де-Роганы бѣжали куда глаза глядѣли, а прахъ Вольтера былъ помѣщенъ въ Пантеонѣ. Sic transit gloria mundi!

Кто же настоящіе хозяева исторической сцены? Я думаю, что читатель это и самъ знаетъ. Когда я говорилъ, что мы переживаемъ моментъ историческаго атавизма, я не говорилъ ничего особенно оригинальнаго. Въ основаніи моего замѣчанія лежала мысль, давнымъ-давно находящаяся въ обращеніи. И, какъ это ни кажется съ перваго взгляда страннымъ, мысль эта получила особенное распространеніе именно теперь, во время и послѣ франко-прусской войны. Не говоря о Контѣ, Боклѣ, Прудонѣ, ни даже о Бенжаменѣ-Констанѣ, ее можно усмотрѣть, при нѣкоторомъ вниманіи, и въ многочисленныхъ брошюркахъ, книгахъ, статейкахъ, статьяхъ и рѣчахъ по поводу современныхъ событій: и у г. Стронина, который, впрочемъ, нѣсколько перевралъ дѣло; и у г. Вырубова, который, впрочемъ, увѣренъ, что онъ говоритъ то, чего до него никто не говорилъ; и у императора Вильгельма, который объяснялъ, что война ему была нужна для упроченія мира; и въ газетныхъ передовыхъ статьяхъ, и въ фельетонахъ, и у Jean qui pleure, и у Jean qui rit. Читатель, конечно, знаетъ, что промышленность и торговля, съ каждымъ днемъ все развивающіяся, въ принципѣ исключаютъ войну и всѣ связанныя съ нею силы; что Европа стремится установить у себя такой порядокъ вещей, при которомъ вопросъ о casus belli представлялся бы на разрѣшеніе имущихъ и просвѣщенныхъ представителей націи, т.-е: людей естественно нерасположенныхъ къ войнѣ; что Европа достигла уже въ этомъ направленіи кое-какихъ результатовъ, ибо имущіе и просвѣщен-

ные представители націй получаютъ, по мѣрѣ сосредоточенія въ ихъ рукахъ имуществъ и просвѣщенія, все бо́льшую и бо́льшую силу, и т. д., и т. д. Все это вещи давно всѣмъ извѣстныя, такъ что я отнюдь не посмѣю утруждать ими вниманіе читателя. Онъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо понимаетъ, что настоящіе хозяева исторической сцены въ западной Европѣ, хотя и не вездѣ и не окончательно введенные во владѣніе, суть имущіе и просвѣщенные представители націй. Развивать эту мысль я не стану. Я хочу только представить читателю небольшую и, смѣю думать, интересную параллель между двумя силами, ничего, повидимому, между собою общаго неимѣющими, но дружно работающими въ интересѣ настоящихъ хозяевъ современной исторіи. Я хочу показать, какъ новые хозяева съ противоположныхъ сторонъ выпроваживаютъ старыхъ домовладѣльцевъ и какіе порядки они съ собой приносятъ.

Эти и ничего, повидимому, между собою общаго неимѣющія, но дружно работающія силы, суть: дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.

О, русская критика, еслибы я не зналъ, что твои громы подобны картоннымъ громамъ Юпитера въ оффенбаховскомъ «Орфеѣ», я бы сильно струсилъ, ставя эти имена рядомъ и особенно помѣщая между ними соединительный союзъ *и*. Я разумѣю критику, имѣющую претензію и патентъ на либерализмъ, потому что съ другой стороны громовъ и не жду. Г. Страховъ меня, можетъ быть, даже по головкѣ погладитъ, если удостоитъ своимъ вниманіемъ, а—чего добраго—и московская пресса снизойдетъ до одобренія во вниманіе къ пикантности предмета.

Разница въ отношеніяхъ либеральной критики къ Дарвину и Оффенбаху дѣйствительно громадная. Одного всѣ — я продолжаю разумѣть либеральную критику, и письменную и устную — одного всѣ уважаютъ, хотя весьма мало читаютъ и еще меньше понимаютъ; другого всѣ презираютъ, хотя всѣ смотрятъ, слушаютъ, напѣваютъ, насвистываютъ, но тоже не понимаютъ. Въ одномъ видятъ гордость нашего вѣка, въ другомъ — позорное пятно на современной цивилизаціи. Одного съ азартомъ охраняютъ отъ нападковъ мракобѣсія, другого готовы во всякое время выдать головой прокурорскому надзору. И, несмотря на все это, я осмѣливаюсь думать, что еслибы русскую либеральную интеллигенцію оставить при одномъ Дарвинѣ, даже при десяти Дарвинахъ, но безъ всякаго Оффенбаха, она сильно соскучилась бы.

Въ прошломъ году во Франкфуртѣ происходилъ съѣздъ нѣмецкихъ журналистовъ. Бесѣдовали о разныхъ потребностяхъ литературы, о необходимости полной свободы печати и т. п. И конечно, еслибъ въ Германіи могло подлежать вопросу свободное обращеніе въ публикѣ сочиненій Дарвина, нѣмецкіе журналисты горячо ухватились бы за свободу. Но вотъ въ

одномъ изъ засѣданій съѣзда одинъ изъ членовъ предложилъ слѣдующій вопросъ: не вліяютъ ли оперетки Оффенбаха развращающимъ образомъ на общество, не унижаютъ ли онѣ собою драматическое искусство и потому не будетъ ли признано благопотребнымъ по мѣрѣ силъ и возможности препятствовать постановкѣ означенныхъ оперетокъ? Вопросъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т.-е.: развращающимъ образомъ вліяютъ, драматическое искусство унижаютъ, препятствовать благопотребно. Послѣ засѣданія члены отправились въ театръ, послушать и посмотрѣть—кого? Оффенбаха. Не знаю, разсмѣялись ли, подобно древнимъ авгурамъ, почтенные представители нѣмецкой журналистики, взглянувъ другъ на друга въ театрѣ. Неизвѣстно мнѣ также, принялся ли кто-нибудь изъ членовъ съѣзда читать послѣ засѣданія произведенія Дарвина. Знаю только, что если въ театрѣ давали не Оффенбаха, а вицъ-Оффенбаха — Эрве, и именно «Маленькаго Фауста», то Маргарита пѣла:

Demandez à monsieur Prud'homme
Ce qu'il pense de mes talents,
Il va vous répondre qu'en somme
Ma danse est un signe du temps...

Почтенные представители нѣмецкой журналистики нѣкоторымъ образомъ разыграли начало послѣдней сцены изъ «Елены Прекрасной». Переодѣтый жрецомъ-пустынникомъ Парисъ производитъ импонирующее впечатлѣніе на ожидающихъ его веселыхъ царей, жрецовъ, дѣвъ. Всѣ ждутъ отъ него проповѣди строгой и карающей. Больше всѣхъ труситъ пройдоха-попъ Калхасъ. Но вотъ пріѣзжій жрецъ говоритъ, что его богиня не любитъ пасмурныхъ лицъ.

Надо быть веселѣй,
Чтобъ понравиться ей,

напѣваетъ онъ, слегка покачивая туловище направо и налѣво.

Надо быть веселѣй,

подхватываетъ обрадованный хоръ, у котораго свалилась гора съ плечъ. Начинается неистовый канканъ...

Съ Оффенбахомъ подобные казусы случаются довольно часто, случаются, разумѣется, между прочимъ, и въ ущербъ и на счетъ Дарвина. Въ Германіи, конечно, достаточно людей, читающихъ Дарвина и не слушающихъ Оффенбаха, каковая непослѣдовательность—потому что въ извѣстномъ отношеніи это дѣйствительно непослѣдовательно—можетъ быть вѣроятно въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснена просто черствостью и оторванностью отъ жизни. Есть, разумѣется, такіе люди и у насъ, хоть ихъ и гораздо поменьше, чѣмъ въ Германіи. Но я имѣю въ виду не ученыхъ спеціалистовъ, а обыкновенныхъ смертныхъ, вкусившихъ плодовъ древа познанія добра и зла съ гораздо большею умѣренностью, чѣмъ плодовъ древа жизни, живущихъ немножко мыслью, читающихъ книжки, пописывающихъ

въ журналахъ и газетахъ, бывающихъ въ театрахъ, въ засѣданіяхъ окружнаго суда и различныхъ благотворительныхъ и не благотворительныхъ обществъ. Я имѣю въ виду письменную и устную либеральную критику, за разоблаченіе тайнъ которой надо мной, я знаю, разразятся громы, увы!—это я тоже знаю—картонные...

Но мнѣ нужно поговорить еще съ нашей музыкальной критикой, въ средѣ которой тоже есть, какъ я слышалъ, либералы и ретрограды, реалисты и классики, западники и славянофилы. Впрочемъ, я долженъ признаться, что обо всѣхъ этихъ фракціяхъ представленіе имѣю смутное. Когда мнѣ попадаются на глаза статьи нашихъ почтенныхъ музыкальныхъ критиковъ, я наталкиваюсь въ нихъ на «сентимы» и «доминантъ-акорды», на «сочность», «вкусность», «красивость» того или другого музыкальнаго произведенія, и—грѣшный человѣкъ—почти ничего не понимаю. Я охотно сознаюсь, что главное дѣло тутъ въ моемъ полнѣйшемъ музыкальномъ невѣжествѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я осмѣливаюсь думать, что сама музыкальная критика находится на невысокомъ уровнѣ развитія. Я думаю, что современное ея положеніе соотвѣтствуетъ положенію литературной критики въ моментъ борьбы классицизма съ романтизмомъ, когда все вниманіе критики сосредоточивалось на спеціально эстетической сторонѣ поэтическихъ произведеній; когда рѣшались вопросы о томъ, можно или нельзя отступать отъ классическихъ образцовъ, отъ трехъ единствъ, отъ возвышеннаго стиля; когда одни наслаждались капризными полетами фантазіи, а другіе желали взнуздать ее по формѣ; когда критикъ отсталый пригонялъ къ произведеніямъ классическую мѣрку и затѣмъ кричалъ: лобъ! или: затылокъ! а критикъ передовой, сказавъ: это красиво, это не сочно, — болѣе уже ничего не имѣлъ сказать. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Можетъ быть также и то, что сама музыка, по существу своему, способна выдержать только эстетическія требованія. Вы видите, что я не страшусь громовъ и музыкальной критики, но по другомъ причинамъ. Я знаю, что наши музыкальные критики—народъ въ своемъ дѣлѣ сильный—хоть меня нѣсколько и смущаютъ ихъ вопіющія разногласія — и, какъ люди, чувствующіе свою силу, будутъ ко мнѣ снисходительны. Понадобилось же мнѣ это вступленіе единственно ради того, чтобы заявить, что относительно музыки Оффенбаха мнѣ не на что опереться. Наши музыкальные критики не занимаются этимъ веселымъ маэстро, такъ что я не знаю, что̀ думаютъ авторитеты даже о степени сочности и вкусности его музыки. Я чуствую, что музыка Оффенбаха весела, задорна, комична, но какова «мораль» этой *музыки*—я не знаю. Не знаю даже, возможна ли вообще мораль музыки. Что же касается до морали *оперетокъ* Оффенбаха, т.-е. совокупности либретто, музыки и исполненія, то она для меня совершенно ясна. Поэтому, когда я буду ниже говорить объ

Оффенбахѣ, то буду имѣть въ виду совокупность впечатлѣній, получаемыхъ зрителемъ, и меньше всего въ состояніи буду говорить о сторонѣ музыкальной. Точно также подъ общимъ именемъ Оффенбаха я буду разумѣть и всѣхъ вицъ-Оффенбаховъ.

II.

Дарвинъ и Оффенбахъ суть оба въ равной мѣрѣ продолжатели «просвѣтителей» XVIII вѣка. Я знаю, какія возраженія вы готовы выставить и противъ этого сопоставленія Дарвина съ Оффенбахомъ и противъ приравниванія ихъ обоихъ революціонно-философскому движенію прошлаго столѣтія. Больше всего васъ смущаетъ здѣсь легкомысліе, безнравственность, распущенность веселаго маэстро. Вы знаете, что «литература просвѣщенія» подготовила въ извѣстной степени революцію, что она состояла изъ крупныхъ талантовъ, что она составляла силу, въ которой заискивали короли и которой поклонялись народы. Наконецъ она отошла уже въ вѣчность и вспоминается вамъ не иначе, какъ окруженная ореоломъ славы и величія. Вы ее уважаете. О Дарвинѣ и говорить нечего. При взглядѣ на его портретъ, на этотъ крутой, нахмуренный лобъ, нависшія брови и проницательные глаза, вы торопитесь застегнуть на всѣ пуговицы сюртукъ своей души,—да простится мнѣ это фигуральное выраженіе въ восточномъ вкусѣ. Вы знаете, что этотъ человѣкъ совершилъ переворотъ въ наукѣ, что это человѣкъ и глубокомысленный и остроумный, и талантливый и трудолюбивый. Вы его глубоко уважаете... И вдругъ—Оффенбахъ! А что̀ такое Оффенбахъ? Вопервыхъ, забубенный маэстро, которому все трынъ-трава, даже, говорятъ, права артистической собственности. Вовторыхъ, гг. Галеви и Мельякъ и другіе, менѣе извѣстные либреттисты, за которыми вы готовы признать извѣстную долю остроумія, но которые суть все-таки не болѣе какъ господа Мельякъ и Галеви, поставщики болѣе или менѣе скабрезныхъ либретто. Втретьихъ, актеры, изъ которыхъ каждый наровитъ выкинуть какое нибудь «колѣнцо». И актеры эти не пѣвцы какіе-нибудь десятитысячные, не крупные драматическіе таланты. Нѣтъ, для Оффенбаха совершенно достаточно безголосыхъ господъ Монаховыхъ и Сазоновыхъ и полу-пѣвицъ, полу-танцовщицъ—госпожъ Лелевыхъ и Лядовыхъ. Если передъ Дарвиномъ вы стремитесь застегнуть сюртукъ вашей души на всѣ пуговицы, то передъ этимъ народомъ вы считаете себя вправѣ разгуливать въ халатѣ и даже въ одномъ бѣльѣ. Вы, можетъ быть, даже сочувствовали тому фельетонисту, который употребилъ слово «деверіи» для обозначенія едва-ли не публичныхъ женщинъ. Конечно, разрѣзъ

на туникѣ Прекрасной Елены и пикантныя «пирриченскія пляски» имѣютъ для васъ кое-какое значеніе и, между нами говоря, даже очень важное значеніе, по эту-то часть души своей вы и прикрываете, когда застегиваетесь на всѣ пуговицы. И не то чтобы вы при этомъ сильно лицемѣрили. Нѣтъ, пустивъ въ дѣло «холодный разсудокъ», вы передъ самимъ собой скажете, что удовольствіе, получаемое вами при созерцаніи «Герцогини Герольштейнской» или «Фауста на изнанку», несравненно ниже тѣхъ умственныхъ наслажденій, которымъ вы впрочемъ предаетесь съ должною умѣренностью. Пушкинъ о комъ-то, можетъ быть о самомъ себѣ, сказалъ, что онъ

Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ.

Но, конечно, огромное большинство читающихъ Апулея и не читающихъ Цицерона въ душѣ признаетъ превосходство Цицерона надъ Апулеемъ. Правда, что въ той же душѣ, только чуть чуть поглубже, дѣло имѣетъ по всей вѣроятности другой видъ. Но, во всякомъ случаѣ, «Происхожденіе видовъ»—и

Дзынь-ля-ля, дзынь-ля-ля...

Дарвинъ — и

Pif! paf! pan!
En avant!
Le pied leste,
Et du geste!
Pif! paf! pan!
En avant!

Монтескьё — и

Ah! que j'aime les militaires...

Даламберъ — и

Вотъ, напримѣръ,
Съ моей мама-а-а-а-шей...

Вольтеръ — и

Aux maris ré —
Aux maris cal —
Au maris ci—
Aux maris trants—
Aux maris récalcitrants...

Однако, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Мы такъ спеціализировали свои жизненныя цѣли и задачи, свой трудъ и свои наслажденія, что, натолкнувшись или будучи кѣмъ нибудь или чѣмъ нибудь натолкнуты на извѣстную сторону явленія, склонны оставлять безъ вниманія его другія стороны. Мы привыкли допускать для каждаго явленія только одинъ родъ дѣйствія. Это обрекаетъ насъ на сужденія грубыя, топорныя, огульныя, одностороннія. Успѣшный анализъ, т.-е. разложеніе явленія на его составные элементы, и успѣшный синтезъ, т.-е. усмотрѣніе чертъ, общихъ двумъ или нѣсколькимъ явленіямъ—для насъ одинаково затруднительны. Мы привыкли видѣть въ наукѣ только знаніе, въ художественномъ произведеніи—только эстетическое наслажденіе, хоть многое уже

было сдѣлано для низведенія науки и искусства съ ихъ фантастическихъ пьедесталовъ въ общій водоворотъ жизни. Впрочемъ, взгляды на этотъ вопросъ претерпѣваютъ многочисленныя измѣненія. Въ наше время одни склонны придавать значеніе фактическому знанію, какъ знанію, an und für sich, не требуя его оплодотворенія ни философскою мыслью, ни практическими цѣлями. Другіе, напротивъ, уважаютъ только такое знаніе, которое можетъ быть немедленно прилажено къ практической жизни, напримѣръ, можетъ научить убивать въ наименьшій срокъ наибольшее число людей, или что нибудь въ этомъ родѣ. И точно также въ области искусства. Давно уже затихли требованія искусства для искусства, и самые ярые его поборники не прочь настрочить романъ, драму, повѣсть съ совершенно практическою цѣлью—ошельмовать ту или другую единичную, неправящуюся автору личность. Реализмъ, утилитаризмъ и многіе другіе измы давно уже захвачены колесомъ либеральной рутины, увлекающимъ своимъ ровнымъ движеніемъ и своихъ былыхъ противниковъ. C'est la fatalité, какъ говоритъ Калхасъ. Весьма немногіе способны оградить интересы науки и искусства, какъ отъ мелкаго служенія мелкимъ интересамъ мелкаго времени, такъ и отъ педантической и эстетической замкнутости. И даже эти немногіе все-таки рѣдко вполнѣ сохраняютъ балансъ между Сциллой и Харибдой. Даже головы посвѣтлѣе, давно уже признавшія относительность цѣнности фактическаго знанія, часто съ большимъ трудомъ перевариваютъ вопросъ объ общественномъ значеніи того или другаго явленія изъ области чистой науки. Когда здѣсь въ Петербургѣ устраивалась недавно художественно-литературная «Бесѣда», то дѣло не выгорѣло, говорятъ, между прочимъ потому, что оказалось крайне-затруднительнымъ опредѣлить границы профессій членовъ. Основаніе «Бесѣдѣ» было положено беллетристомъ г. Тургеневымъ и піанистомъ г. Рубинштейномъ. Сообразно этому, первоначально рѣшено было допускать въ члены исключительно представителей различныхъ отраслей искусства. Но остановиться на этомъ оказалось невозможнымъ и пришлось расширить предѣлы общества допущеніемъ въ него представителей литературной критики, а затѣмъ и публицистовъ. Отсюда оставался уже одинъ шагъ до ученыхъ и профессоровъ, но этому, говорятъ, воспротивились нѣкоторые вліятельные художники. И это враждебное столкновеніе логики вещей со взглядами нѣкоторыхъ художниковъ совершенно понятно и естественно, потому что логика, собственно говоря, при основаніи Бесѣды не присутствовала вовсе. Господа художники и ученые, представители искусства и представители науки должны, конечно, въ большинствѣ случаевъ чувствовать себя нѣсколько неловко рядомъ. Что̀ между ними общаго? Что̀ общаго между, напримѣръ, историкомъ-публицистомъ г. Костомаровымъ и піанистомъ г. Ру-

бинштейномъ? Или между переводчикомъ Дарвина г. Рачинскимъ и исполнителемъ Оффенбаха, г. Монаховымъ? Тутъ мы встрѣтимъ, вопервыхъ, цѣлый рядъ совершенно несоизмѣримыхъ величинъ, въ родѣ аршиновъ и пудовъ, величинъ до такой степени чуждыхъ другъ другу, что невозможно даже придумать такую мѣрку, которая могла бы измѣрить ихъ различіе. Затѣмъ мы встрѣтимъ въ средѣ нашей интеллигенціи цѣлый рядъ лицъ, чуждающихся другъ друга единственно по недоразумѣнію, но все-таки чуждающихся. Лежащее въ основаніи этой отчужденности недоразумѣніе есть результатъ профессіональной спеціализаціи и оторванности отъ жизни. Оно невозможно въ тѣхъ профессіяхъ, которыя по существу своему стоятъ ближе къ жизни. Недавно были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» маленькіе очерки «Личностей смутнаго времени» г. Костомарова. Тутъ были Скопинъ-Шуйскій, Мининъ, Пожарскій и еще кто-то. Въ фактическомъ отношеніи эти очерки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ другими трудами нашихъ историковъ, со включеніемъ самаго г. Костомарова. Ученому автору приходится на каждомъ шагу указывать на неполноту фактическаго матеріала, взятаго имъ въ основаніе очерковъ. Такъ что для записнаго спеціалиста-эрудита эти крошечные этюды не имѣютъ вѣроятно никакой цѣны. И больше всего онъ, можетъ быть, приметъ къ сердцу разоблаченіе г. Костомаровымъ чьей-то чисто фактической ошибки, именно смѣшенія князя Пожарскаго, который стоитъ вмѣстѣ съ Мининымъ въ Москвѣ на Красной площади, съ какимъ-то Лопатой-Пожарскимъ, который ровно ничѣмъ не прославился. Но эти очерки имѣютъ весьма важное общественное значеніе, какъ критическая оцѣнка дѣятелей нашей исторіи, стоящихъ на пьедесталѣ, построенномъ на вѣру и въ силу голаго квасного патріотизма. Разъ представитель какой бы то ни было ученой или артистической профессіи сознательно сталъ на эту почву жизни, онъ уже имѣетъ интересы, общіе и другимъ профессіямъ. Онъ уже не будетъ ни кичиться своимъ положеніемъ въ іерархіи профессій, за которую толпа держится по преданію, ни предаваться по этому поводу излишнему смиренію. Если онъ окажется человѣкомъ чужимъ представителю другой профессіи, то отнюдь не потому, что онъ стоитъ, по мѣркѣ толпы, выше или ниже на лѣстницѣ, а по той же причинѣ, по какой онъ можетъ оказаться чужимъ и товарищу по профессіи, — по причинѣ разногласія въ оцѣнкѣ явленій жизни. Это послѣднее разногласіе для насъ въ настоящую минуту не интересно, такъ-какъ мы заняты явленіемъ, въ логическомъ порядкѣ ему предшествующимъ. Прежде, чѣмъ разногласіе въ оцѣнкѣ явленій жизни можетъ обнаружиться, надо, чтобы представители различныхъ отраслей умственной дѣятельности встали на эту общую почву жизни. А пока этого нѣтъ, разрозненность и взаимная отчужденность представителей умственнаго труда, дѣятельности уче-

ной и артистической, будетъ имѣть характеръ совершенно безсознательный, такъ-сказать, стихійный. Мнѣ хотѣлось бы пояснить дѣло примѣромъ, а между тѣмъ не хочется тревожить чьи бы то ни было имена. Но положимъ актеръ x, фигурирующій въ опереткахъ Оффенбаха, сталкивается съ ученымъ y, пропагандирующимъ и даже самостоятельно развивающимъ воззрѣнія Дарвина. Какъ они отнесутся другъ къ другу? Конечно, какъ люди совершенно чужіе, неимѣющіе между собой ничего общаго. Они чужіе по складу жизни и привычкамъ, которые, разумѣется, у актера x не таковы, какъ у ученаго y. Толпа испоконъ вѣка рѣшила, что цѣль жизни актера есть развлеченіе публики, а ученаго—поученіе, и актеръ и ученый и сами этому повѣрили. Актеръ x привыкъ къ покровительственному амикошонству, связанному съ извѣстной дозой презрѣнія или по крайней-мѣрѣ неуваженія. Ученый y пріученъ, напротивъ, къ тому, чтобы къ нему относились съ почтительнымъ трепетомъ. Одинъ—гаеръ, другой—педантъ. Съ однимъ кутятъ, другому даютъ торжественные обѣды. Одинъ распущенъ, другой строгъ. Одинъ привыкъ подлаживаться ко всѣмъ изгибамъ прихоти публики, другой смотритъ сверху внизъ на «чернь непросвѣщенну». Одинъ махнулъ рукой на себя, на свою личность, другой преисполненъ чувства собственнаго достоинства. Понятное дѣло, что актеръ x будетъ чувствовать себя неловко въ присутствіи ученаго y, и обратно ученый y будетъ шокироваться присутствіемъ актера x. А между тѣмъ эта неловкость навѣрно исчезла бы, еслибы исполнитель Оффенбаха и пропагандистъ Дарвина выглянули изъ узкихъ оконъ своего гаерства и педантизма на вольный просторъ жизни. Покойная Лядова, говорятъ, искренно и горячо молилась передъ тѣмъ, какъ ей выдти въ роли Прекрасной Елены на сцену. Человѣкъ вѣрующій, но грубый назоветъ, пожалуй, эту молитву кощунствомъ. Я назову ее просто наивностью. Это такая же sancta simplicitas, какую замѣтилъ мученикъ Гусъ въ старухѣ, подкладывавшей полѣно къ костру, который готовъ былъ его сжечь. Бѣдная старуха просто не вѣдала что̀ она творила. Такъ точно не вѣдала что̀ творила и Лядова. Еслибы она занималась не гаерствомъ, т.-е. не подлаживаніемъ подъ всѣ тонкости вкуса публики, не чистымъ, пожалуй, искусствомъ, а понимала бы что̀ такое Оффенбахъ, она безъ сомнѣнія выбрала бы что-нибудь одно. Но эта sancta simplicitas не имѣла за душой ничего, кромѣ желанія угодить, доставить наслажденіе. Какъ же ей не чуждаться, не бояться представителей науки, столь гордыхъ, столь уважаемыхъ? Но повторяю, что еслибы пропагандисты Дарвина и исполнители Оффенбаха выглянули изъ-за своего педантизма и гаерства на вольный просторъ жизни, они увидѣли бы, что̀ нити, исходящія отъ нихъ въ общественное сознаніе, на извѣстномъ пунктѣ совершенно сходятся, сматываются въ одинъ клубокъ. Они поняли

бы, что въ извѣстномъ отношеніи они кровные братья по духу, по конечнымъ результатамъ своей дѣятельности. Быть можетъ, существуютъ исполнители Оффенбаха и пропагандисты дарвинизма, непохожіе на моихъ актера x и ученаго y. Таковые будутъ, безъ сомнѣнія, со мной согласны, потому что мои доводы и выводы до такой степени просты и незамысловаты, что мнѣ даже нѣсколько совѣстно такого длиннаго вступленія. Если эти выводы не были сдѣланы раньше, то навѣрное только по недостатку вниманія и вслѣдствіе рутиннаго отношенія къ іерархіи профессій.

III.

Сопоставленіе Оффенбаха съ «литературой просвѣщенія» прошлаго столѣтія очевидно вовсе не такъ дерзко, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Съ точки зрѣнія морали XVIII вѣкъ видалъ вещи не вприміръ почище Оффенбаха. Не говоря уже о такихъ явленіяхъ, какъ напримѣръ поразительный spectacle des sauvages, который имѣлъ мѣсто на одномъ изъ парижскихъ театровъ около 1770 года и возможности котораго многіе даже отказываются вѣрить, мы въ средѣ самыхъ «просвѣтителей» найдемъ не мало подходящихъ чертъ. Читатель согласится по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что, напримѣръ, Вольтеръ написалъ весьма достаточное количество скабрезныхъ разсказовъ и стиховъ, и что этотъ веселый грѣхъ и вообще водился за просвѣтителями. Но на грѣхи въ этомъ отношеніи хоть бы Вольтера можно смотрѣть различно. Если смотрѣть, напримѣръ, на Pucelle d'Orleans съ спеціально-моральной точки зрѣнія, то вы найдете здѣсь бездну такихъ вещей, передъ которыми самъ Оффенбахъ покраснѣлъ бы въ качествѣ «мальчишки и щенка». Но въ Pucelle можно усмотрѣть и другую сторону. Обратите вниманіе на то, что̀ здѣсь подвергалось осмѣянію, что̀ скандализировалось, на кого валились всѣ сальности и двусмысленныя остроты. Заушенію и оплеванію предавалась здѣсь католическая святая—я не знаю была ли канонизирована Іоанна д'Аркъ, но это все равно, такъ-какъ въ сознаніи народа она жила во всякомъ случаѣ святою—и божественное право французскихъ королей, династію которыхъ спасла орлеанская дѣвственница. Эта сторона Pucelle совершенно совпадаетъ съ основнымъ, такъ сказать миссіонерскимъ тономъ литературы просвѣщенія. Вы можете видѣть въ цинизмѣ Pucelle только обертку, въ которую Вольтеръ, сообразно своимъ собственнымъ вкусамъ и вкусамъ современнаго ему свѣтскаго общества, завернулъ революціонныя стрѣлы; можете наоборотъ признать, что Вольтеръ ни о чемъ кромѣ сальностей не думалъ, когда писалъ свою Дѣв-

ственницу. По отношенію къ результатамъ, осѣвшимъ въ общественномъ сознаніи подъ вліяніемъ Дѣвственницы и другихъ подобныхъ произведеній, это вопросъ не важный. Сомнительно конечно, чтобы Вольтеръ не понималъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Но во всякомъ случаѣ вы должны согласиться, что воспитательное значеніе подобныхъ произведеній Вольтера было двоякое: съ одной стороны они дѣйствовали нравственно-разлагающимъ образомъ, а съ другой впадали въ общую струю XVIII вѣка, подмывшую старый порядокъ, дѣлали въ нее извѣстный вкладъ. Конечно, этотъ вкладъ въ общую кассу критической работы прошлого столѣтія былъ, сравнительно съ размѣрами другихъ вкладовъ, но только сравнительно съ ними, невеликъ. Но это все-таки не была лепта вдовицы. Если переплетенная циническими выходками и грязными картинами борьба противъ стараго порядка сама по себѣ, въ одиночку была бы ничтожна, то нужно помнить, что она въ одиночку не являлась и не могла явиться. Это былъ не только вкладъ на будущее время, а и симптомъ настоящаго. А настоящее это состояло въ томъ, что средневѣковый феодально-католическій колоссъ, расшатанный и надтреснувшій, терпѣлъ нападенія со всѣхъ возможныхъ сторонъ и на всѣ возможныя манеры. Одни, какъ кроты, рылись подъ его ногами въ сферѣ практическихъ интересовъ; другіе рѣзали его тѣло холоднымъ ножомъ анализа, спокойно смотря на болѣзненное трепетаніе заживо анатомируемаго колосса; третьи пѣли у него подъ носомъ гимны новымъ богамъ—свободѣ и разуму; четвертые съ циническимъ хохотомъ швыряли грязью въ его когда-то грозное и величавое лицо. Эти силы, дружно съ различныхъ сторонъ развѣнчивавшія, сравнившія, топтавшія колосса, не всегда дѣйствовали вполнѣ сознательно и далеко не всегда подозрѣвали свою солидарность. Но это все-таки были крупные таланты, многосторонніе умы, изъ которыхъ почти каждый держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити борьбы. А для насъ, захваченныхъ дальнѣйшей спеціализаціей жизненныхъ задачъ, трудно уловить общій характеръ явленій, формальнымъ образомъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Однако это еще не значитъ, чтобы пропускаемыя нами стороны явленія не производили на насъ своего дѣйствія. Помимо нашего сознанія всасываемъ мы ихъ въ себя, продолжая думать, что данное явленіе производитъ только одинъ рядъ дѣйствія. Общество прошлаго столѣтія зачитывалось «Орленской Дѣвственницей», зачитывалось большею частью, разумѣется, ради ея циническихъ подробностей. Но революціонный духъ ея оно все-таки вбирало въ себя. Какъ бы то ни было, а Орлеанская дѣва, посланная свыше спасительница французскихъ королей, и всѣ связанныя съ нею идеи и воспоминанія были закиданы ягрзью.

Чтобы достойно оцѣнить значеніе литературы просвѣщенія

во всѣхъ ея формахъ, надо припомнить состояніе различныхъ слоевъ общества въ ту пору. Конечно, мы должны ограничиться самыми бѣглыми штрихами.

Говорятъ, когда удавъ хочетъ проглотить какое-нибудь мелкое животное или птицу, онъ разѣваетъ ротъ и смотритъ на свою жертву. Повинуясь какому-то таинственному, магнетическому вліянію глазъ змѣи, жертва сама собой валится ей въ пасть. Въ такомъ именно положеніи одуренной, почти самовольной жертвы находилась въ прошломъ столѣтіи вѣками скованная католическо-феодальная организація. Это было нѣчто фатальное. C'était la fatalité. Что касается до высшаго общества, то въ примѣненіи къ нему смѣшно было бы говорить о развращающемъ вліяніи Pucelle и тому подобныхъ произведеній. Высшіе слои общества были въ этомъ отношеніи можно сказать неуязвимы, развратить ихъ было невозможно. Во Франціи они видали, какъ регентъ въ своей ложѣ, въ театрѣ, раздѣвалъ до нага танцовщицъ; какъ знатнымъ дамамъ доставляло своеобразное удовольствіе принимать ночную рубашку изъ рукъ лакея. Прусскія знатныя дамы, не желая отставать отъ жительницъ менѣе суровыхъ климатовъ въ обнаженіи своего тѣла, принуждены были надѣвать трико. Въ Австріи разоблаченіе это приняло такіе размѣры, что одинъ горячій вѣнскій проповѣдникъ публично призывалъ орла св. Іоанна, «дабы онъ нагадилъ на эти безстыдно открытыя груди». Его заставили извиниться, онъ отказался. Замѣнившій его проповѣдникъ извинился за него, но при этомъ пожелалъ, чтобы телецъ св. Луки замѣнилъ орла св. Іоанна. Во всей Европѣ, въ высшихъ классахъ, царила такая виртуозность разврата, что Pucelle тутъ никакъ даже пришпилить нельзя. Государи и государики западной Европы и высшее дворянство тонули въ омутѣ самаго утонченнаго и изнѣживающаго разврата, передавая своимъ потомкамъ испорченную кровь и ослабшій духъ и все болѣе удаляясь отъ полудикихъ средневѣковыхъ богатырей. Только прусскіе короли составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе и мы, можетъ быть, переживаемъ теперь отчасти результаты этой относительной воздержности. Конечно, весь этотъ народъ долженъ былъ съ жадностью читать вещи въ родѣ Pucelle и даже оставаться недовольнымъ ея элементарностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ люди эти втягивали въ себя и ея революціонную закваску; они постепенно расшатывали въ себѣ свою внутреннюю опору, свою вѣру въ то, что во всякое время и на всякомъ мѣстѣ дѣла могутъ принять, съ божіей помощью, благопріятный для нихъ оборотъ. Одурѣніе могло доходить до того, что коронованныя главы болтали о республикѣ и братались съ своими злѣйшими врагами, какъ весьма скоро обнаружилось.

Развращающее вліяніе скабрезной стороны литературы просвѣщенія на буржуазію имѣло, конечно, другой характеръ.

Но вещь немыслимая развратить то, за чѣмъ стоитъ исторія, хотя можно развратить отдѣльныя личности. Тотъ или другой изъ имущихъ и просвѣщенныхъ представителей націи могъ свихнуться, читая циническія и грязныя картины, и глядя на развратъ высшихъ классовъ; но буржуазія, въ цѣломъ, должна была совершить свою историческую миссію. И даже въ отдѣльныхъ личностяхъ распущенность могла вязаться съ благороднѣйшими побужденіями и чистѣйшими идеями. Авторъ Фоблаза, этого благодушнаго, хотя и циническаго оправданія легкаго поведенія по части клубнички, былъ жирондистъ, честнѣйшій республиканецъ, своею кровью засвидѣтельствовавшій вѣрность своимъ убѣжденіямъ вовсе не клубничнаго свойства. Такъ что можно, пожалуй, согласиться, что циническая сторона „Pucelle“ давала пищу безнравственнымъ элементамъ общественной жизни, но она, навѣрное, не вносила въ нее ничего новаго, тогда какъ ея сатирическая сторона вводила въ общество идеи и чувства, несомнѣнно новыя. Это сочетаніе цинизма съ сатирой имѣло даже свои, чрезвычайно выгодныя стороны. Конечно, можно бы было написать объ «Орлеанской дѣвѣ» ученый трактатъ и доказать въ немъ, съ логикой и историческими документами въ рукахъ, что никогда Богъ не посылалъ ее для спасенія французскихъ королей, что и вообще короли эти не пользовались и не могли пользоваться никакимъ особеннымъ сверхъестественнымъ покровительствомъ и т. д., и т. д. Подобные трактаты и писались въ XVIII столѣтіи, но, дѣйствуя преимущественно на разумъ, они имѣли, вѣроятно, болѣе глубокое, но менѣе распространенное вліяніе. А миссія XVIII вѣка состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно дальше распространить извѣстныя идеи и чувства. И дерзкое, циническое оплеваніе предметовъ, дотолѣ священныхъ, было чрезвычайно важнымъ и сильнымъ ферментомъ.

Наконецъ, надо замѣтить еще слѣдующее. Литература просвѣщенія была по преимуществу литературой критики и разрушенія:

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
Леталъ надъ грѣшною землей.

Въ подобные историческіе моменты—это общій соціологическій законъ, который можно бы было прослѣдить на множествѣ примѣровъ—расходившаяся критика мало думаетъ о предѣлахъ своей дѣятельности. Литература просвѣщенія, отрицая чувства и идеи, которыми держался старый порядокъ, готова была нетолько отрицать средневѣковыя формы морали, но и къ самой морали относиться со скептическимъ недовѣріемъ. Таковъ законъ всякой сильной реакціи въ какую бы то ни было сторону. И тамъ, гдѣ замѣшивается смѣхъ, и особенно такой неудержимый, ядовитый, какъ смѣхъ Вольтера, это «черезъ край» выступаетъ съ особенною яркостью. Но проходитъ вре-

мя, и разлившаяся рѣка вступаетъ въ свои естественные берега.

Итакъ, цинизму и сальностей въ литературѣ просвѣщенія было слишкомъ достаточно для того, чтобы поставить съ ней въ этомъ отношеніи рядомъ Оффенбаха. Но ихъ можно и должно ставить рядомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Смѣхъ Оффенбаха есть отголосокъ хохота Вольтера, отголосокъ, достойный большаго вниманія по своей общедоступности. Оффенбахъ — это легіонъ, и легіонъ, котораго всѣ слушаютъ и смотрятъ, несмотря на свой кажущійся ригоризмъ и презрительное отношеніе къ опереткамъ. Кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Оффенбахомъ, почти тотъ же, что кругъ явленій, осмѣиваемыхъ Вольтеромъ. Пріемы смѣха опять-таки весьма часто совершенно совпадаютъ. Желая осмѣять, напримѣръ, нетерпимость или какія нибудь вѣрованія, Вольтеръ беретъ иногда совершенно фантастическую канву, вводитъ на сцену разныхъ индійскихъ и египетскихъ боговъ, жрецовъ и проч., и на этой канвѣ начинаетъ вышивать свои сатирическіе узоры въ полной и совершенно резонной увѣренности, что узоры эти дойдутъ по настоящему адресу. И они дѣйствительно доходили. Совершенно такой же эффектъ производятъ и фантастическіе образы Оффенбаха. Надо обладать очень малою аналитическою способностью, чтобы не отличить во всѣхъ этихъ канканирующихъ богахъ, сластолюбивыхъ жрецахъ, «мѣднолобыхъ, то бишь мѣднолатыхъ» Аяксахъ, похотливыхъ герцогиняхъ Герольштейнскихъ, глупыхъ карабинерахъ и проч., и проч., элементъ клубничный, развращающій отъ элемента сатирическаго и, смѣю сказать, революціоннаго. Да, милостивые государи, революціоннаго, и я сердечно радъ, что могу сказать это, т.-е. сдѣлать открыто доносъ, который навѣрное останется безъ послѣдствій. А останется онъ безъ послѣдствій потому, что Оффенбахъ—c'est la fatalité; потому что это одинъ изъ настоящихъ хозяевъ исторической сцены, съ головы котораго не падетъ ни одинъ волосъ, даже въ угоду московскимъ громовержцамъ; потому что онъ нуженъ всѣмъ, даже тѣмъ, подъ кѣмъ онъ роется. C'est la fatalité.

По степени таланта Вольтера съ Оффенбахомъ нельзя, разумѣется, сравнивать уже по одному тому, что Оффенбахъ есть личность собирательная, а не физическая и духовная единица. Конечно, смѣяться послѣ Вольтера можно съ меньшею затратою силы, чѣмъ какая нужна была Вольтеру. Но не въ этомъ дѣло. Весьма часто случается, что люди высоко талантливые имѣютъ мало вліянія, а люди совершенно безталанные имѣютъ вліяніе сильное. Оффенбахъ есть собирательная личность, несомнѣнно очень талантливая, но онъ, помимо того, почерпаетъ силу въ своей собирательности. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу средствъ, какихъ у Вольтера подъ руками не было. Вольтеръ, правда, писалъ драмы и трагедіи, кото-

рыя, несмотря на свою ходульность, имѣли важное воспитательное значеніе. Но свой смѣхъ онъ не облекалъ никогда въ драматическую форму. Оффенбахъ же имѣетъ за себя эту форму, да еще, кромѣ свободы фантастическаго сюжета, разныя другія вольности, своего рода хартіи. Вольтеръ могъ вдосталь наглумиться надъ орлеанской дѣвственницей; но онъ не могъ заставить ее канканировать, какъ канканируетъ у Оффенбаха гётевская Маргарита, какъ канканируетъ у него цѣлый Олимпъ. Обличить бездѣятельность полиціи можетъ каждый писака, точно также, какъ каждый писака можетъ написать такіе стихи:

Nous sommes les carabiniers,
La sécurité des foyers,
Mais, par un malheureux hasard,
Au secours des particuliers
Nous arrivons toujours trop tard.

Но Оффенбахъ силенъ именно своею коллективностью. Тамъ, гдѣ не хватаетъ либреттистовъ, являются актеры, гримировка, костюмы, музыка. И никакія, самыя дѣльныя и краснорѣчивыя нападки на полицію не унизятъ ее такъ, какъ эти комическія фигуры карабинеровъ. Никакими словами не наложишь на извѣстный сортъ людей такого клейма, какъ образомъ «ца-р-р-я Ахилла, гер-р-ро-я». Обличайте сколько хотите, лицемѣріе, пьянство и развратъ католическихъ поповъ, но вы никогда не произведете на массу такого впечатлѣнія, какъ фигура Калхаса, отплясывающаго, подобравъ полы своей хламиды, «пиррическій танецъ». Много ходитъ разсказовъ о различныхъ похотливыхъ и всесильныхъ герцогиняхъ. Но посмотрите на герцогиню Герольштейнскую, какъ она производитъ приглянувшагося ей здоровеннаго солдата въ генералиссимусы, какъ она затѣмъ велитъ своимъ прихвостнямъ убить его ночью, но отмѣняетъ внезапно приказъ и доводьствуется разжалованіемъ его опять въ солдаты; какъ она тутъ же заглядывается на одного изъ убійцъ, и какъ, наконецъ, выходитъ замужъ за тупоумнаго принца Павла...

Я отнюдь не говорю, чтобы масса выносила изъ Оффенбаха какія-либо опредѣленныя идеи и чувства. Но она далеко не всегда выносила ихъ и изъ смѣха Вольтера. Выносится и залегаетъ въ душѣ, у большинства безсознательно, извѣстный тонъ, разработываемый уже самою жизнью. Если сила Оффенбаха, между прочимъ, заключается въ его собирательности, то этою же собирательностью обусловливается и его слабость въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Надо помнить, что Оффенбахъ есть не только стимулъ, а и симптомъ извѣстнаго положенія вещей, и слѣдовательно, онъ сильнѣе тамъ, гдѣ это положеніе вещей обозначилось ярче. Оффенбахъ есть дѣтище Франціи и всѣ нѣмецкіе вицъ-Оффенбахи по необходимости плохи.

Что касается до распущенности Оффенбаха, то я еще къ ней вернусь ниже, а теперь обратимся къ Дарвину.

V.

Всякое, болѣе или менѣе крупное обобщеніе служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ, чисто научныхъ, спеціальныхъ изысканій. Но этимъ не ограничивается его роль. Оно немедленно, не будучи даже во всѣхъ своихъ частяхъ достаточно провѣрено, пускается въ оборотъ, переваривается, худо ли хорошо ли, не одними спеціалистами, а и всею массою просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націй. И въ этой сферѣ обобщеніе производитъ часто совершенно неожиданныя послѣдствія. Такъ, первые шаги мысли по направленію отъ древней, геоцентрической системы мірозданія къ болѣе совершенной — геліоцентрической, составляли съ одной стороны вкладъ въ сокровищницу чистой науки; и астрономы работали надъ улучшеніемъ и уясненіемъ новой системы, большею частью не выходя изъ предѣловъ своей спеціальности. Съ другой стороны, геліоцентрическая теорія распространялась и въ кругу людей, весьма мало интересующихся астрономическими вопросами. Эти люди не имѣли никакого резона ждать окончательной выработки новой системы міра. Они немедленно прилагали ея суть къ вопросамъ вовсе не астрономическимъ, ставили ее во главу угла новой теологіи, новой философіи, новой морали, новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, и глядь — Джіордано Бруно ужь корчится въ предсмертныхъ судорогахъ на кострѣ инквизиціи. Въ древнія времена, благодаря ограниченности числа, непрочности положенія и неважности значенія просвѣщенныхъ и имущихъ представителей человѣческой породы, побочные результаты извѣстнаго, чисто-научнаго положенія не могли быть особенно важными. Но съ дальнѣйшимъ поступательнымъ движеніемъ исторіи, дѣло получаетъ другой видъ.

Исторія той или другой науки, быть можетъ, и должна довольствоваться изложеніемъ преемственнаго развитія чисто-научныхъ, спеціальныхъ положеній. Но исторія вообще и даже исторія мысли вообще обязана прослѣдить всѣ побочные результаты, произведенные извѣстнымъ научнымъ открытіемъ, наблюденіемъ, обобщеніемъ, тѣмъ болѣе, что эти побочные результаты могутъ быть иногда несравненно важнѣе результатовъ прямыхъ, чисто-научныхъ. Иногда «труба, зовущая на бой», какъ называлъ себя Бэконъ, бываетъ значительнѣе бойцовъ, особенно если послѣдніе замыкаются въ слишкомъ узкую сферу. Напримѣръ, остроумно выполненная Дарвиномъ реставрація нашего отдаленнаго предка—животнаго, покрытаго шерстью, съ бородами у обоихъ половъ, съ острыми, подвижными ушами и

т. д., съ научной точки зрѣнія имѣетъ весьма малую цѣнность. Этотъ гипотетическій звѣрь ни на шагъ не подвигаетъ науку впередъ. Онъ можетъ даже оказаться, при ближайшемъ разсмотрѣніи, звѣремъ совершенно фантастическимъ, небывалымъ. Да еслибы эта частная гипотеза Дарвина и оказалась во всѣхъ частяхъ вѣрною, это все-таки будетъ не особенно цѣнный вкладъ въ науку. Это только одна изъ иллюстрацій къ теоріи Дарвина, и притомъ не такая иллюстрація, которая поддерживала и уясняла бы теорію, а напротивъ, такая, которая сама требуетъ ея поддержки. Но побочные результаты этой гипотезы навѣрное весьма важны. Ученые еще долго могутъ препираться на счетъ относительной цѣнности пріемовъ, съ которыми Дарвинъ приступилъ къ реставраціи образа нашего предка, и положеннаго въ основаніе ея фактическаго матеріала. Но въ массу просвѣщенныхъ и имущихъ классовъ брошена искусно написанная и производящая впечатлѣніе картина, которая сдѣлаетъ свое дѣло. Вышеупомянутый маленькій фельетонистъ пытался также поглумиться надъ моимъ сопоставленіемъ современныхъ побѣдоносцевъ съ гипотетическимъ звѣремъ Дарвина. Но ихъ сопоставляетъ сама жизнь, и наблюдателю остается только сказать: ce-ci tuera cela, не одно ce-ci конечно, потому что побѣдоносцамъ приходится считаться и съ другими факторами исторіи, между прочимъ, и съ

Мы шли,
Пришли,
Величаво шли...

У массы просвѣщенныхъ и имущихъ классовъ, занятыхъ жизненною практикой и срываніемъ цвѣтовъ наслажденія, нѣтъ ни времени, ни охоты, да нѣтъ и надобности, ждать конца ученыхъ препирательствъ о разныхъ тонкостяхъ и подробностяхъ. Она просто всасываетъ въ себя всѣ подходящіе яркіе элементы, ассимилируетъ ихъ и, вспоенная и вскормленная ими, является на аренѣ исторіи.

Общественное значеніе побочныхъ результатовъ каждаго крупнаго шага въ наукѣ состоитъ въ уясненіи двухъ пунктовъ: 1) положенія человѣка въ природѣ, 2) отношенія человѣка къ человѣку или положенія человѣка въ обществѣ. Ближайшимъ образомъ важенъ собственно говоря только второй пунктъ, но онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ первымъ, который Гёксли не безъ основанія называетъ поэтому вопросомъ всѣхъ вопросовъ для человѣка, проблемою, лежащею въ основаніи всѣхъ другихъ. Что касается до этого перваго пункта, то позиція дарвинизма не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ. Подобно геліоцентрической системѣ мірозданія и всякой другой научной теоріи, дарвинизмъ вдвигаетъ человѣка въ ряды остальныхъ индивидуализированныхъ дѣятелей природы. Достигается такое вдвиганіе и общими положеніями дарвинизма и частными, прямыми указаніями на мѣсто человѣка въ природѣ. Послѣднимъ

вопросомъ спеціально заняты извѣстныя, чисто научныя изслѣдованія Гёксли, Фогта и другихъ, а также множество популярныхъ сочиненій Бюхнера, Ролле, Ройе и проч.; наконецъ послѣдняя книга самаго Дарвина. Здѣсь мы находимъ указанія на то, что человѣческій организмъ построенъ по тому же плану, по какому построены и всѣ остальныя млекопитающія; на то, что человѣкъ способенъ принимать отъ низшихъ животныхъ и сообщать имъ нѣкоторыя болѣзни, каковы водобоязнь, оспа, сапъ и т. д., а это свидѣтельствуетъ о сродствѣ тканей и крови по частичному строенію и составу; на то, что обезьяны подвержены нѣкоторымъ незаразительнымъ болѣзнямъ, совершенно тождественнымъ съ нашими; что обезьяны курятъ съ удовольствіемъ табакъ, пьютъ вино и водку, послѣ чего у нихъ болятъ головы и онѣ жадно прохлаждаются лимоннымъ сокомъ, а это, въ связи со всѣмъ остальнымъ, свидѣтельствуетъ о сходствѣ вкусовыхъ нервовъ и аналогичности ощущеній у человѣка и обезьяны; что различныя стадіи эмбріологическаго развитія человѣка представляютъ поразительное сходство съ низшими формами животной жизни, и т. д., и т. д. Дарвинъ слѣдитъ далѣе за умственными, нравственными, даже религіозными элементами человѣка сравнительно съ низшими животными, и на каждомъ шагу приходитъ къ тому заключенію, что во всѣхъ отношеніяхъ разница между человѣкомъ и другими индивидуализированными дѣятелями природы чисто-количественная, а не качественная. «Только нашъ собственный предразсудокъ—говоритъ Дарвинъ—и высокомѣріе нашихъ предковъ, воображавшихъ, что они происходятъ отъ полубоговъ, заставляютъ насъ медлить такимъ выводомъ». Снисходя къ предразсудкамъ толпы, дарвинисты спрашиваютъ, что̀ лестнѣе для человѣческаго достоинства: быть разжалованными изъ полубоговъ, или возведенными въ санъ человѣка изъ низшихъ ступеней естественно-исторической табели о рангахъ?

Общія положенія дарвинизма подрываютъ тѣ же самые предразсудки, но только въ болѣе общей формѣ. Одно отрицаніе принципа отдѣльности акта творчества каждаго изъ животныхъ, даже не будучи приложено къ человѣку, враждебно сталкивается съ цѣлою массою закоренѣлыхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Если мы захотимъ прослѣдить исторію положеній Дарвина спеціально по отношенію къ вопросу о происхожденіи видовъ, то въ качествѣ его предшественниковъ, не считая мелкихъ явленій, получимъ Жоффруа Сентъ-Илера, Ламарка, Бюффона, Демальe (замѣчательно, что все это французы). Такъ смотритъ на дѣло самъ Дарвинъ въ предисловіи къ своему первому труду; такъ смотритъ и, напримѣръ, Катрфажъ въ своемъ очеркѣ предшественниковъ дарвинизма. Но если смотрѣть на дѣло съ болѣе широкой точки зрѣнія, именно если попытаться обнять всѣ побочные результаты ученія Дарвина, то его генеа-

логія получитъ совсѣмъ другой видъ. Дарвинъ окажется прямымъ преемникомъ энциклопедистовъ и просвѣтителей прошлаго столѣтія. Нужды нѣтъ, что одинъ изъ прямыхъ спеціальныхъ предковъ Дарвина — Демалье былъ обруганъ и осмѣянъ Вольтеромъ. Это частность, какихъ можно бы было, пожалуй, найти очень много. Но дѣло не въ нихъ, а въ общемъ тонѣ дарвинизма и общемъ тонѣ критической работы XVIII вѣка, которые совершенно совпадаютъ. Едва-ли это нужно доказывать. Къ устраненію вмѣшательства супранатуральныхъ силъ и къ заваливанію теоретической пропасти между человѣкомъ и животными, т.-е. къ установленію мѣста человѣка въ природѣ въ духѣ дарвинизма, вели и психологическія, и этическія, и философскія, и историческія воззрѣнія XVIII вѣка, словомъ— вся его суть. Если для историка біологіи Дарвинъ есть преемникъ Ламарка, то въ глазахъ исторіи мысли онъ продолжаетъ борьбу просвѣтителей съ феодально-католическимъ колоссомъ. Ведетъ онъ эту борьбу безъ лихорадочной страстности и задора просвѣтителей, а съ спокойствіемъ человѣка, имѣющаго подъ ногами твердую почву, съ спокойствіемъ настоящаго хозяина исторической сцены. Его святѣйшество, Пій XI можетъ сколько угодно предавать въ своихъ энцикликахъ анаѳемѣ «натурализмъ», онъ можетъ сколько угодно заносить сочиненія Дарвина въ свои индексы, но въ западной Европѣ Дарвинъ есть одинъ изъ хозяевъ. Даже тяжелая рука прусскихъ побѣдоносцевъ не въ состояніи придавить его, да еслибы и осмѣлилась временно придавить, то настоящіе хозяева исторической сцены знаютъ пути и лазейки, непроходимые для массивныхъ тѣлесъ побѣдоносцевъ. Дарвинизмъ — c'est la fatalité.

Отъ вопроса о положеніи человѣка въ природѣ идутъ во всѣ стороны, подобно радіусамъ изъ центра, лучи, освѣщающіе и вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Понятное дѣло, что если мы убѣдились, что

Es leuchtet die Sonne
Ueber Bös und Gute;
Und dem Verbrecher
Glänzen, wie dem Besten,
Der Mond und die Sterne, —

то старая этика уже не годится и требуется новая. Понятное дѣло, что если супранатуральныя силы изгнаны изъ обихода природы, то и всѣ держащіяся за нихъ явленія общественной жизни должны рухнуть. До какой степени и здѣсь дарвинизмъ близокъ къ критической работѣ XVIII вѣка, видно будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія.

До просвѣтителей исторія представляла складъ всевозможныхъ фантазій и небылицъ, тѣшившихъ ребяческую гордость различныхъ народовъ. Французскіе историки утверждали, что Юпитеръ, Плутонъ и Нептунъ были французскими королями, что

основатель Галліи—Галлъ былъ самъ Ной и т. п. Историческія воззрѣнія Боссюэта слишкомъ извѣстны. Нѣкій богословъ разсчиталъ, что Богъ велѣлъ Ною собрать животныхъ въ ковчегъ въ воскресенье 12-го октября, а всемірный потопъ начался ровно черезъ недѣлю, т.-е. въ воскресенье, 19-го октября. Одинъ историкъ доказывалъ, на основаніи священнаго писанія, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать французская монархія, міръ можетъ спать спокойно: антихристъ не явится. Просвѣтители дружно принялись выметать эти авгіевы конюшни метлами всевозможныхъ размѣровъ и устройствъ. Собственно вся ихъ дѣятельность во всѣхъ подробностяхъ развѣвала всю эту ерунду. Но они прилагали къ дѣлу и спеціально историческую критику, ниспровергая этимъ орудіемъ вѣрованія въ происхожденіе народовъ отъ боговъ и полу-боговъ, т.-е производя въ частной области ту же ампутацію, какую дарвинизмъ производитъ въ широкихъ размѣрахъ. Но такъ-какъ исторія въ тѣ времена была исторіей исключительно королей, то около нихъ-то и фигурировали супранатуральныя силы, возвышая ихъ значеніе. Для теологовъ всѣ люди были извѣстнымъ образомъ созданы Богомъ. Но историки упускали изъ виду это обстоятельство. Для нихъ короли либо прямо происходили отъ боговъ или полубоговъ, либо были особо поставлены богами, а народы выростали неизвѣстно откуда, въ родѣ грибовъ. Ничтожной причины достаточно для того, чтобы недоразумѣніе на этотъ счетъ разомъ распоролось отъ верхняго края до нижняго. Въ числѣ могущихъ пригодиться на это дѣло причинъ значатся и избранные мною для параллели дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.

Я нѣкоторымъ образомъ пророчествую, а никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ. Но я утѣшаю себя, вопервыхъ, тѣмъ, что пророчествую не для своей земли. Вовторыхъ, когда существовала и дѣйствовала литература просвѣщенія, никто вѣдь навѣрное не повѣрилъ бы тому, кто указалъ бы на смѣхъ Вольтера, на доктрины Гурнэ и проч., какъ на предтечи событій, которыхъ въ дѣйствительности они были предтечами. Навѣрное никто не повѣрилъ бы. Иначе старый порядокъ не лѣзъ бы такъ наивно охотно въ заготовленную для него исторіей петлю. И когда Галіани говорилъ: novum rerum mihi nascitur ordo, — какая нибудь букашка, можетъ быть, отработала его за оптимизмъ. Я, впрочемъ, обвиненію въ оптимизмѣ никакимъ образомъ не подлежу, какъ, смѣю надѣяться, будетъ видно изъ слѣдующей главы.

Очевидно, что дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха могутъ быть сведены, въ своемъ отрицательномъ значеніи, къ одному знаменателю. Очень вѣроятно, что и дарвинисты и Оффенбахъ не видятъ всѣхъ нитей, связывающихъ ихъ между собою, даже вообще не видятъ всѣхъ производимыхъ ими результатовъ. Но дѣлаютъ они во всякомъ случаѣ одно и то же дѣло: одни

съ приличною представителямъ науки важностью и спокойствіемъ, другой журча какъ веселый ручеекъ, къ каскаднымъ всплескамъ котораго прислушиваются и тѣ, подъ кѣмъ онъ тихо и постепенно подмываетъ берега.

V.

Какіе порядки несутъ съ собой настоящіе хозяева исторической сцены?

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Дарвинъ пытается приложить свое біологическое обобщеніе къ міру явленій нравственно-политическихъ. Попытка эта, къ сожалѣнію и сверхъ всякаго ожиданія, крайне слаба, расплывчата, робка и неоригинальна. Онъ говоритъ собственно то же самое, что до него было высказано нѣкоторыми популяризаторами дарвинизма, но безъ смѣлости, послѣдовательности, и если можно такъ выразиться, безпощадности послѣднихъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ приложеній дарвинизма къ соціологіи читатели «Отечественныхъ Записокъ» уже знакомы.

Феодально-католическая этика санкціонировала милостыню, благотворительность, посильную помощь Христа-ради отдѣльнымъ слабымъ, бѣднымъ, немощнымъ лицамъ. Настоящіе хозяева исторической сцены, имущіе и просвѣщенные представители націй, отрицаютъ, вмѣстѣ съ остальными основами феодально-католическаго строя, и принципъ помощи немощнымъ и покровительства слабымъ. Отрицанію этому, какъ и всѣмъ доктринамъ настоящихъ хозяевъ исторической сцены, начало положено XVIII вѣкомъ, и именно такъ-называемыми экономистами. Замѣтимъ мимоходомъ, что экономисты, реагируя противъ средневѣковыхъ порядковъ, ратовали противъ двухъ принциповъ, совершенно различныхъ, именно противъ частной, личной благотворительности и противъ вмѣшательства общества въ дѣла частныхъ лицъ. Какъ бы то ни было, и тотъ и другой принципъ, имѣя въ виду помощь немощнымъ, были одинаково противны просвѣщеннымъ и имущимъ классамъ. Одинъ изъ экономистовъ, Мальтусъ, далъ біологическую основу доктрины, каковая основа и развивается дарвинистами. Для дарвинистовъ прогрессъ, какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, осуществляется путемъ неустанной борьбы, вымиранія слабыхъ борцовъ и подбора единицъ сильныхъ. Естественно, что дарвинисты должны видѣть препятствіе прогрессу въ такихъ явленіяхъ общественной жизни, которыя подаютъ руку помощи слабымъ борцамъ. Эти слабыя единицы, вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ погибаютъ онѣ въ природѣ, въ обществѣ, благодаря благотворительности, сохраняются, передаютъ свою слабость потомкамъ и стремятся понизить уровень человѣческой

породы. И Дарвинъ и всѣ дарвинисты согласны относительно этого факта. Но въ то время, какъ болѣе смѣлыя и послѣдовательныя духовныя чада доктрины прямо предлагаютъ прекращеніе какой бы то ни было помощи безпомощнымъ и покровительства слабымъ, въ самомъ Дарвинѣ добрыя чувства борятся съ логикой. «Нельзя не пожалѣть—хотя, быть можетъ, это не совсѣмъ разумно—о быстротѣ, съ какою размножается человѣчество». «Мы должны безропотно примириться съ несомнѣнно пагубными послѣдствіями сохраненія жизни и размноженія слабыхъ людей». Такъ говоритъ Дарвинъ. Читатель, можетъ быть, помнитъ, что г-жа Ройе гораздо тверже и неукоснительнѣе проводитъ идею дарвинизма. Но нравственно-политическая часть послѣдняго труда Дарвина такъ слаба, что ее, при опредѣленіи общественнаго значенія дарвинизма, совершенно не стоитъ принимать въ соображеніе. Это просто на живую нитку сшитые клочки изъ мальтузіанства, «Теоріи нравственныхъ чувствъ» Адама Смита и утилитаризма. Дѣло въ томъ, что дарвинисты переносятъ свою доктрину въ область соціологическихъ вопросовъ цѣликомъ, только одни дѣлаютъ это съ кое-какими оговорками, а другіе безъ всякихъ оговорокъ. Какъ біологическое обобщеніе, теорія Дарвина въ своихъ главныхъ и основныхъ чертахъ несомнѣнно составитъ такое же вѣчное достояніе науки, какъ нѣкоторыя вѣковыя истины низшихъ наукъ. Я твердо увѣренъ и въ томъ, что теорія Дарвина обязательна, подъ извѣстными условіями, и для соціологіи. Но въ этой области изъ нея можно сдѣлать весьма различныя употребленія, и здѣсь для насъ важно только то ея приложеніе къ сферѣ вопросовъ нравственно-политическихъ, какое дѣлается настоящими хозяевами исторической сцены.

Еслибы я вѣрилъ въ то, что мать природа есть намъ дѣйствительно мать, что она блюдетъ за каждымъ нашимъ шагомъ и предупреждаетъ, наказываетъ и милуетъ насъ, я бы обратилъ вниманіе читателя на то любопытное обстоятельство, что такіе люди, какъ Платонъ и Аристотель, Руссо и Вольтеръ, Шиллеръ и Гёте являются въ исторіи всегда попарно, какъ бы пополняя другъ друга. Я бы написалъ по этому поводу цѣлый трактатъ, гдѣ говорилось бы и о премудрости природы и о ея благости; и о томъ, что она односторонности боится не меньше, чѣмъ пустоты; и о томъ—что̀ произошло бы, еслибы на свѣтѣ жили только Аристотели, Вольтеры и Гёте и не существовало бы Платоновъ, Руссо и Шиллеровъ, и обратно какія послѣдствія могло бы имѣть существованіе Платоновъ, Руссо и Шиллеровъ при отсутствіи Аристотелей, Вольтеровъ и Гёте; и о томъ, что природа стремится установить въ головахъ людей извѣстное равновѣсіе, прибѣгая для этого къ системѣ контрфорсовъ, и т. д. Трактата этого я однако не напишу, потому что ясно вижу, что равновѣсія въ людскихъ головахъ нѣтъ, что контрфорсы тутъ нисколько не помогаютъ,

а пожалуй еще большую путаницу производятъ. И будь я самъ Ѳома невѣрный, я долженъ бы былъ въ этомъ убѣдиться, потому что язвы гвоздиныя подъ рукой,—хоть бы, напримѣръ, въ недавней перепалкѣ изъ-за классицизма и реализма. На этотъ счетъ въ нашемъ журналѣ были высказаны еретическія мнѣнія, за что ему и досталось. И подѣломъ. Но еретическія мнѣнія не унимаются, и еще недавно одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ ехидно замѣтилъ, что изъ реальныхъ училищъ выходятъ прусскіе уланы, а изъ классическихъ—Камиллы Демулены, и что еслибы у него, нашего почтеннаго сотрудника, былъ сынъ, такъ онъ знаетъ, какой изъ этихъ образцовъ онъ бы для него выбралъ. Ехидство нашего почтеннаго сотрудника очевидно, такъ-какъ тонъ его не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ своего сына прусскимъ уланомъ отнюдь не желалъ бы видѣть. Я предупреждаю «Отечественныя Записки», что если онѣ будутъ продолжать печатать у себя такія вещи, онѣ весьма быстро утратятъ лестную репутацію «либеральнаго», «прогрессивнаго» журнала. Г. Безобразовъ, г. Александръ Кевскій e tutti quanti ополчатся, докажутъ какъ дважды два четыре, что «наши прогрессисты» недалеко уѣхали отъ «нашихъ охранителей», а иные, свободные отъ постоя рецензенты и совсѣмъ растеряются. Хорошаго тутъ мало. Но дѣло не въ этой печальной перспективѣ, а въ томъ, что вопросъ объ *измахъ* очевидно подлежитъ пересмотру. Идеализмъ, матеріализмъ, спиритуализмъ, нигилизмъ, классицизмъ, реализмъ,—все это перепуталось, перемѣшалось, во всемъ этомъ, съ позволенія сказать, самъ чортъ ногу сломаетъ, а мы грѣшные и подавно. Одни говорятъ, что классицизмъ плодитъ благонамѣреннѣйшихъ людей, а реализмъ — безбожниковъ и революціонеровъ; другіе утверждаютъ напротивъ, что реализмъ даетъ храбрыхъ, но весьма благонамѣренныхъ прусскихъ улановъ, а классицизмъ — Камилловъ Демуленовъ; третьи доказываютъ, что классицизмъ производитъ просто тупоголовыхъ людей, тогда какъ реализмъ просвѣщаетъ нравственныя очи. И я осмѣливаюсь думать, что даже участіе представителей университетской науки, гг. Грота, Стасюлевича, Бекетова, Менделѣева и проч. весьма мало подвинуло этотъ любопытный вопросъ къ разрѣшенію. Осмѣливаюсь думать, что господа ученые диспутанты и публики не просвѣтили и сами уѣхали ровнехонько съ тѣмъ самымъ багажемъ, съ которымъ прибыли на интеллектуальный турниръ: кто съ собой прусскаго улана привезъ, тотъ съ нимъ и уѣхалъ, кто захватилъ тупоголоваго или ночного грабителя—опять-таки съ ними и вернулся. И такъ по всѣмъ *измамъ*. Дебатируемъ мы, дебатируемъ и приходимъ наконецъ къ результатамъ совершенно неожиданнымъ и, можно сказать, поразительнымъ, а главное и не замѣчаемъ этой поразительности. Увѣряютъ насъ, напримѣръ, что нигилизмъ есть ученіе, крайне опасное, подрывающее всевозможныя основы и т. д. И тутъ же

рядомъ изображаютъ что-нибудь въ родѣ такого діалога между двумя представителями страшной доктрины:

X. Сигары слѣдуетъ курить дрянныя и дешевыя, потому что таковыя курилъ Базаровъ.

У. Нѣтъ, сигары слѣдуетъ курить хорошія и дорогія, потому что таковыя курилъ Рахметовъ.

Великодушно даря идею этого діалога гг. Клюшникову, Лѣскову-Стебницкому и Крестовскому, прошу ихъ взамѣнъ объяснить мнѣ, что̀ такое нигилизмъ. Очевидно, что вся система *измовъ* требуетъ тщательнаго пересмотра. Желаніе дать посильный матеріалъ для такого пересмотра побуждаетъ меня измѣнить своему намѣренію не трактовать о томъ, что̀ произошло бы, еслибы существовали только одни Аристотели или только одни Платоны. Впрочемъ, трактатъ будетъ всего въ нѣсколько строкъ.

Еслибы судьба посылала въ міръ только Аристотелей, Вольтеровъ и Гёте, мы имѣли бы весьма ясныя понятія о природѣ и о мѣстѣ въ ней человѣка, но мы были бы никуда негодными гражданами и жалкими эгоистами. Еслибы, наоборотъ, Аристотелей, Вольтеровъ и Гёте не было, а были бы одни Платоны, Руссо и Шиллеры, мы были бы благородными мечтателями, пламенными борцами за правду и справедливость, но имѣли бы самыя фантастическія представленія о законахъ природы. Къ счастію, судьба посылаетъ въ міръ великихъ идеалистовъ и реалистовъ въ перемежку. Но къ несчастію, судьба даетъ міру весьма мало такихъ экземпляровъ, въ которыхъ научный реализмъ находился бы въ надлежащей пропорціи къ гражданскому идеализму, что̀ наводитъ весьма многихъ людей на мысль о несовмѣстимости этихъ началъ въ принципѣ.

Современные дарвинисты продолжаютъ традицію Аристотеля, Вольтера и Гёте. Они реалисты и въ наукѣ о природѣ, и въ психологіи, и въ практическихъ вопросахъ нравственно-политическаго характера. И такими именно они и должны быть въ качествѣ настоящихъ хозяевъ исторической сцены. Когда такимъ хозяиномъ былъ феодально-католическій колоссъ, онъ закрѣпощалъ за собой историческую сцену во всѣхъ ея подробностяхъ, опираясь на супранатуральныя силы. Современные хозяева исторической сцены, въ качествѣ людей просвѣщенныхъ, изгнали эту супранатуральную идеализацію фактовъ естественныхъ и общественныхъ; а въ качествѣ людей имущихъ они закрѣпощаютъ за собой историческую сцену своимъ реализмомъ, который сводится къ новаго рода идеализаціи факта. «Хотя это намъ и трудно, — говоритъ Дарвинъ, — но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними; ибо это несомнѣнно полезно обществу». Вы спросите: съ какой стати стану я восхищаться тѣмъ, что̀ полезно такому обществу, организація котораго допускаетъ всякія варварства? Дарвинъ отвѣтитъ вамъ:

съ такой стати, что это общество существуетъ. Конечно, такъ разсуждать могутъ только хозяева исторической сцены.

Такъ-какъ дарвинисты переносятъ свою доктрину цѣликомъ въ область соціолическихъ фактовъ, то намъ достаточно припомнить здѣсь самыя общія черты дарвинизма.

Всѣ индивидуализированныя единицы природы ведутъ между собой неустанную и самую жестокую борьбу за обладаніе пространствомъ, за пищу, за половое удовлетвореніе. Примѣняя ко всѣмъ дѣятелямъ природы языкъ человѣческихъ отношеній, мы могли бы сказать, что природа полна всевозможныхъ преступленій: насилій, воровства, грабежа, разврата, убійствъ. Но не смущайтесь этимъ, ибо именно эта жесточайшая свалка обусловливаетъ собой развитіе высшихъ формъ жизни. Не будь ея, слабые индивиды увѣковѣчивали бы въ потомствѣ путемъ наслѣдственной передачи свои недостатки, а сильные, за недостаткомъ упражненія, постепенно ослабѣли бы. «Такъ изъ вѣчной борьбы, — говоритъ Дарвинъ, — изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни». Перенесите теперь это соображеніе въ область нравственно-политическую, и вы увидите, что такова именно должна быть доктрина просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націй. Они достаточно просвѣщенны, чтобы понимать законы природы, и достаточно имущи, чтобы условія развитія — голодъ и смерть — выпали не на ихъ долю. Любопытно видѣть, какъ суровая г-жа Ройе приглашаетъ, во имя разума, прекратить всякую помощь безпомощнымъ, а мягкосердечный Дарвинъ утѣшаетъ, что и безъ того дѣла идутъ не дурно. «Преступниковъ — говоритъ онъ — казнятъ или подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества. Меланхоликовъ и сумасшедшихъ запираютъ или они кончаютъ самоубійствомъ. Люди запальчивые и задорные часто погибаютъ насильственною смертью» и проч., такъ что въ концѣ-концовъ все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ.

Я обращаю вниманіе читателя на утѣшительный конецъ, никогда впрочемъ не наступающій, борьбы за существованіе. Процессъ, которымъ вырабатываются высшія формы жизни, ужасенъ и глубоко-возмутителенъ. Это цѣпь насилій, голодныхъ смертей, медленныхъ и внезапныхъ самоубійствъ. Но кончается все прекрасно...

Дзынь-ля-ля...

Читатель, это просится на сцену Оффенбахъ. Онъ желаетъ проканканировать. Пусть его. Онъ имѣетъ резоны.

Елена Прекрасная ставитъ рога своему глупому мужу, надъ нимъ смѣются. Елену и Париса благословляетъ развратный мошенникъ, жрецъ Калхасъ. Пьяные цари шулерничаютъ и подвладываютъ Калхасу вмѣсто пятіалтыннаго пуговицу. Развратъ,

пьянство, наглость, глупость, лицемѣріе, — вотъ что̀ фигурируетъ на сценѣ. Но не смущайтесь. Конецъ прекрасенъ. Побѣдитель на всѣхъ состязаніяхъ — Парисъ похищаетъ Елену, они передадутъ потомству свой умъ и красоту...

Grisons nous tous
Comme des fous!
Et chacun ayant sa chacune,
Amusons-nous au clair de lune...

Шайка разбойниковъ. Грабежъ, воровство, развратъ, растрата казеннаго имущества и проч. Но не бойтесь. Это только начало и продолженіе. А въ концѣ-концовъ добрый принцъ Мантуанскій даруетъ разбойникамъ амнистію, и страшный атаманъ Фальсакаппа обѣщаетъ вступить на путь истины...

Pif! paf! pan!
En avant!
Le pied leste,
Et du geste!...

Фаустъ и Маргарита. Это не Гётевская пара. Это кокодесъ и кокотка. Убійство, развратъ. Самъ сатана говоритъ, что дьяволамъ скоро нечего будетъ дѣлать на землѣ. И наконецъ наказаніе: за всѣ свои грѣхи Фаустъ и Маргарита обязаны, по приговору сатаны, танцовать до скончанія вѣка...

C'est imprévu, mais c'est moral!
Ainsi finit la comédie...

Это поетъ развратная герцогиня Герольштейнская, рѣшаясь наконецъ осчастливить своей прекрасной особой тупоумнаго принца Павла. Несмотря на разныя несчастія, случающіяся съ дѣйствующими лицами въ теченіе пьесы, все кончается прекрасно. Разжалованный Фрицъ соединяется съ своей возлюбленной и съ радостью возвращается въ свою хижину, генералъ Бумъ становится генералиссимусомъ, Павелъ женится...

Hop là! hop là!

Перикола, La princesse de Trébizonde, Vert-vert, Le château à Toto,—вездѣ вы увидите одно и то же: рядъ мерзостей и затѣмъ блистательный конецъ: либо половой подборъ соединяетъ любящія сердца, либо всѣ обращаются на стезю добродѣтели, либо другое какое торжество происходитъ. Что̀ же остается дѣлать?

Надо быть веселѣй...

VI.

Если не считать двухъ кошмаровъ, съ одной стороны — побѣдоносцевъ, а съ другой — неимущихъ и непросвѣщенныхъ представителей націй,—душевный покой настоящихъ хозяевъ исторической сцены невозмутимъ. Это тихое, безоблачное небо

безъ сучка и задоринки, это роза безъ шиповъ. Просвѣщеніе и имущество эмансипировали настоящихъ хозяевъ исторической сцены отъ всякихъ страховъ. Старыя вѣрованія разбиты, новыя уже складываются, но хозяева ихъ не знаютъ, не хотятъ и не могутъ знать. Ни внѣ себя, ни въ самой себѣ личность не знаетъ никакихъ преградъ своимъ похотямъ и тонетъ въ омутѣ наслажденій. Въ отношеніи необузданности, едва-ли не замѣчательнѣе всего оперетка вицъ-Оффенбаха Эрве,—Le petit Faust. И это достойно особеннаго вниманія, ибо Эрве соединяетъ, кажется, въ себѣ одномъ всю коллективность Оффенбаха. Если не ошибаюсь, онъ не только композиторъ, а и либреттистъ и актеръ.

Въ старые годы благородные дюки и виконты прокалывали другъ друга шпагами по всѣмъ правиламъ такъ-называемой чести. Нынѣ Фаустъ даетъ Валентину мефистофелевскій coup de tabatière и стяжаетъ одобреніе присутствующихъ...

Въ старые годы со страхомъ и уваженіемъ относились къ блѣдному образу смерти. Mors была atrociter даже для забубенныхъ подгулявшихъ буршей. Нынѣ *трупъ* предательски-убитаго Валентина *канканируетъ*... Трупъ канканируетъ! Неужели это не признакъ времени?

Въ старые годы боялись ада. Нынѣ души великихъ грѣшниковъ канканируютъ...

Въ старые годы женщинъ соблазняли любезностью, ухаживаніями, похищали, насиловали. Нынѣ ихъ просто покупаютъ, и сама Маргарита есть не болѣе, какъ кокотка. Каждый ея жестъ оцѣненъ: за улыбку англичане платятъ шесть пенсовъ...

Можетъ ли этотъ безконечный канканъ имѣть развращающее вліяніе? Странный вопросъ. Конечно, не менѣе Pucelle. Но я уже неоднократно обращалъ ваше вниманіе на то обстоятельство, что Оффенбахъ, какъ и всякое другое широко распространенное соціальное явленіе, есть не только дѣятель, а и симптомъ. Съ этой точки зрѣнія это не болѣе, какъ наружная сыпь, свидѣтельствующая о неправильности внутреннихъ отправленій организма. И усилія мировыхъ судей, карающихъ г-жъ Филиппо и Гандонъ, могутъ только вогнать болѣзнь внутрь. Я знаю, что говорю банальную истину, которая заставитъ только улыбнуться мудрыхъ практиковъ. Но что же дѣлать, истины по большей части банальны, а мудрымъ практикамъ подобаетъ улыбаться.

Со времени Pucelle утекло много воды. Съ тѣхъ поръ настоящіе хозяева исторической сцены уже въ значительной степени выжили старыхъ домовладѣльцевъ. Недавнія событія показали впрочемъ, что послѣдніе еще сидятъ кое-гдѣ достаточно крѣпко. Однако и въ недавнихъ событіяхъ можно усмотрѣть нѣчто, хотя бы въ мелочахъ, свидѣтельствующее о надорванности принциповъ старыхъ домовладѣльцевъ. Относительно Франціи это очевидно, но и въ Германіи исторія дѣлаетъ свое

дѣло. Я укажу только на одно мелкое, но характерное явленіе,—на позорную исторію съ румынскими желѣзно-дорожными облигаціями, въ которой прусская знать участвовала въ подмѣнѣ румынскихъ пятіалтынныхъ прусскими пуговицами. Участіе это показываетъ, что прусская знать, представляющая вмѣстѣ съ англійскимъ дворянствомъ единственную настоящую знать въ Европѣ, готова стать въ ряды ажіотирующихъ и спекулирующихъ просвѣщенныхъ и имущихъ представителей націи. Въ другихъ мѣстахъ это раствореніе аристократіи въ буржуазіи произошло уже давнымъ давно, и древніе гербы и прадѣдовскія доблестныя шпаги снесены на биржу. Сенъ-Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что одинъ острякъ сказалъ дюку де-Бурбону, хваставшему портфелемъ, набитымъ акціями: «милостивый государь, у вашего прадѣда было ихъ (игра словъ: action—акція и дѣло, дѣяніе) всего пять-шесть, но они были дороже вашихъ». Теперь это «фи!» было бы вопіющимъ анахронизмомъ: C'est la fatalité. На одномъ торжественномъ обѣдѣ, происходившемъ вскорѣ послѣ окончанія франко-прусской войны, одинъ доблестный русскій воинъ провозгласилъ, кидая камешекъ въ прусскій огородъ: «Мы не дѣлаемъ изъ своихъ побѣдъ пятимильярдной спекуляціи!» Это замѣчаніе глубоко-вѣрное; уста младенцевъ вѣщаютъ истину. Надъ нашимъ богоспасаемымъ отечествомъ еще вѣетъ старое и почти цѣльное знамя. Когда намъ случается побѣждать, мы дѣйствительно не спекулируемъ, а просто пожинаемъ лавры. Европа же уже давно кладетъ лавровые листья въ супъ. И даже тѣ лавровые вѣнки, которые украшаютъ головы нынѣшнихъ побѣдителей, сильно отдаютъ бульономъ.

Индѣ практически, индѣ принципіально тучныя коровы старыхъ домовладѣльцевъ поглощены тощими коровами настоящихъ хозяевъ исторической сцены. И развратъ, какъ одинъ изъ факторовъ исторіи, не имѣетъ уже дѣла съ обособленными феодально-католическими элементами, которые скинуты со счетовъ. Ихъ замѣнили элементы буржуазно-либеральные, которые, какъ въ XVIII вѣкѣ дворянство, не подлежатъ никакому развращенію. Для нихъ Оффенбахъ просто игрушка и многомного что зеркало, на которое не только не приходится пенять, но въ которое смотрѣться пріятно. Маргарита совершенно права, утверждая, что ея танецъ есть признакъ времени. Пусть же мертвые хоронятъ мертвыхъ, а опять-таки тѣхъ, за кѣмъ стоитъ исторія, развратить нельзя.

Что же касается до спеціально-клубничной стороны разлагающаго вліянія Оффенбаха, то надо замѣтить слѣдующее. Какой вѣкъ не былъ развратенъ? Не тотъ ли, когда папы жили въ кровосмѣсительной связи съ своими матерями и сестрами и содержали публичные дома? Не тотъ ли, когда римскіе цезари публично бракосочетались съ мужчинами? Всегда были въ обществѣ элементы отживающіе и всегда они развратничали. Развратъ есть

одинъ изъ молотовъ исторіи. Если сравнительно очень скромный Оффенбахъ распространенъ въ цѣлыхъ слояхъ общества и единовременно во всѣхъ концахъ Европы, то это потому, что ампутація предстоитъ большая.

Novum rerum mihi nascitur ordo.

Простите, читатель, ежели чего не дописалъ или что переписалъ.

Н. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Замѣтки въ поѣздку во Францію, С. Италію, Бельгію и Голландію. Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ. *Спб. 1871.*

Какія ощущенія долженъ испытывать русскій человѣкъ за границею? зачѣмъ онъ туда ѣдетъ? съ какимъ образовательнымъ запасомъ ѣдетъ?—вотъ вопросы, которые невольно рождаются въ умѣ читателя при видѣ книги, трактующей о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ заграничнаго путешествія. И законность этихъ вопросовъ сдѣлается вполнѣ понятною, если мы припомнимъ, что слова «за границей» до сихъ поръ не утратили для насъ нѣсколько особеннаго, почти обаятельнаго значенія.

Мы, русскіе, еще далеко не освободились отъ привычки отдѣлять *свое* отъ *заграничнаго*, и притомъ отдѣлять довольно рѣзкою чертой. У *насъ* свои порядки, свой жизненный строй; *тамъ* — свои порядки, свой жизненный строй. Предположивъ даже, что въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ, это различеніе своего отъ заграничнаго есть наслѣдіе прошлаго, все-таки надо будетъ сознаться, что корень этого явленія на столько глубокъ, что даже успѣхи настоящаго не могутъ вполнѣ уничтожить его. Стало быть, дѣйствительно въ заграничной жизни было нѣчто иное, и притомъ не только въ смыслѣ племенномъ или климатическомъ, но и въ смыслѣ общественномъ. И надо думать, что это иное свидѣтельствовало не во вредъ заграничной жизни, ибо русскій человѣкъ стремился за границу совсѣмъ не для того только, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, а прежде всего для того, чтобы вкусить иныхъ порядковъ, ощутить себя въ иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Припомнимъ замѣтки и письма путешественниковъ сороковыхъ годовъ (напримѣръ, автора «Писемъ изъ Avenue Marigny»), и мы убѣдимся, что ощущеніе, испытываемое русскимъ человѣкомъ за границей, было преимущественно ощущеніемъ человѣка, сознающаго себя свободнымъ отъ школьной ферулы. Онъ чувствовалъ себя развязнѣе, онъ сознавалъ себя вправѣ свободно мыслить и гово-

рить, и весьма натурально, старался воспользоваться этимъ правомъ возможно широкой рукою, даже подъ опасеніемъ сдѣлаться не въ мѣру болтливымъ. Дома ему не было предоставлено ничего, кромѣ права быть мудрымъ, и потому за границей, онъ прежде всего стремился воспользоваться правомъ поступать такимъ образомъ, какъ бы кодексъ домашней мудрости былъ совершенно для него необязателенъ. Это была своего рода рекреація, которою человѣкъ сороковыхъ годовъ пользовался, быть можетъ, не всегда основательно, но впродолженіе которой онъ несомнѣнно чувствовалъ себя благополучнымъ. Даже письма г. Погодина не вполнѣ свободны отъ этого проказливаго чувства, хотя мысль о московскихъ кулебякахъ, повидимому, ни на минуту не покидала почтеннаго автора. Пожить хоть годъ иною жизнью, а послѣ, пожалуй, и опять сдѣлаться мудрымъ до новой рекреаціи — вотъ чувство, которое говоритъ во всѣхъ сочиненіяхъ сороковыхъ годовъ о заграничной жизни, и надо сказать правду, что чувство это производитъ на читателя впечатлѣніе не столько поучительнаго свойства, сколько дразнящаго и вызывающаго.

Таково преданіе прошлаго. Разумно ли оно, или неразумно— это вопросъ иной, но оно утвердилось такъ прочно, что даже съ учрежденіемъ въ Россіи новыхъ порядковъ, подверглось лишь весьма ничтожному измѣненію. Реформы слѣдуютъ за реформами, а русскій человѣкъ попрежнему съ ликующимъ чувствомъ устремляется заграницу и попрежнему продолжаетъ дразнить себя усладами тамошнихъ порядковъ и жизни. Всѣмъ памятны появившіяся въ началѣ сороковыхъ годовъ статьи о Брокахъ и Брукахъ, о китайскихъ ассигнаціяхъ и проч.,—статьи, неотличавшіяся особеннымъ глубокомысліемъ, и неимѣвшія никакой другой цѣли, кромѣ дразненія. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, одинъ русскій путешественникъ-публицистъ не нашелъ лучшаго способа выразить впечатлѣніе, произведенное на него заграничными порядками, какъ взойти на президентскую каѳедру прусскаго парламента и съ ея высоты произнести рѣчь, сказанную Сквозникомъ-Дмухановскимъ чиновникамъ уѣзднаго города, посѣщеннаго Хлестаковымъ. И это было очень метко. Даже растлѣнная Франція Наполеона III—и та казалась чѣмъ-то въ родѣ эдема, и не только со стороны свободы разврата, но и со стороны свободы мысли и дѣйствій. Стало быть, причина, заставляющая смотрѣть на заграничный бытъ исключительно съ дразнящей точки зрѣнія, еще не упразднилась; стало быть, и до сихъ поръ не утратился поводъ оттѣнять *свое* отъ *заграничнаго*, и притомъ оттѣнять такимъ образомъ, что *свое* отъ этого ни мало не выигрываетъ. А изъ этого можно заключить, что исполинскіе шаги, дѣлаемые нами на пути преуспѣянія, не лишены возможности сдѣлаться еще болѣе исполинскими.

Зачѣмъ ѣздилъ и продолжаетъ ѣздить русскій человѣкъ заграницу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, опредѣляется

личными наклонностями путешественника, но, во всякомъ случаѣ, можно сказать безъ ошибки, что каждый изъ нихъ, каковы бы ни были его наклонности, льстилъ и льститъ себя надеждой найти имъ больше простора заграницей, нежели у себя дома. Нѣтъ спора, что существуютъ наклонности весьма неполезныя, и надо сознаться, что при извѣстныхъ условіяхъ общественности, таковыя составляютъ большинство. Какъ ни разнообразны домашнія средства мудраго препровожденія времени (умываться, одѣваться, чистить ногти, дѣлать визиты, завтракать, обѣдать, играть въ карты, спать), но человѣку, постоянно обязанному быть мудрымъ, самая мудрость скоро надоѣдаетъ. Отсюда праздность, отвращеніе отъ труда, а затѣмъ и цѣлая вереница низменнаго свойства наклонностей, въ основаніи которыхъ лежитъ исключительное стремленіе насладиться легко достающимися благами жизни. Человѣкъ, удивлявшій дома степенностью своего поведенія, пріѣзжая въ Парижъ, бѣжитъ въ Мабиль и знакомится съ ресторанами и домами терпимости. Пріѣзжая въ Италію, онъ дѣлаетъ на всю жизнь запасъ скоромныхъ картинъ и статуетокъ. Несомнѣнно, что такого рода любознательность не заслуживаетъ особенныхъ похвалъ, но если взглянуть ближе на ея результаты, то даже и здѣсь можно найти стороны, до извѣстной степени примиряющія. Вопервыхъ, гадливое чувство, возбуждаемое дѣяніями праздныхъ людей заграницей, въ значительной степени умѣряется тѣмъ соображеніемъ, что кругъ, въ которомъ эти дѣянія происходятъ, ограниченъ и безвѣстенъ. Одни умныя дѣла громки и вліятельны; глупыя дѣла не идутъ дальше police correctionelle. Вовторыхъ, какова бы ни была пустота гулящаго шалопая, даже и онъ, при всей беззавѣтности своего легкомыслія, не можетъ оставаться вполнѣ недоступнымъ для нѣкоторыхъ общихъ впечатлѣній. И на этотъ разъ, общее впечатлѣніе, всего вѣроятнѣе, будетъ такого рода: что порядки, не слишкомъ стѣснительные для человѣческой личности, совсѣмъ не такъ неудобны, какъ о томъ повѣствуется въ странѣ «мудрыхъ». Быть можетъ, этотъ общій выводъ, въ данномъ случаѣ, прикрываетъ собой цѣлый рядъ дѣлъ несомнѣнно пошлаго свойства, но самъ по себѣ онъ все-таки вѣренъ и можетъ дать поводъ для достиженія цѣлей далеко не пошлыхъ. А слѣдовательно, какъ бы ни велика была низменность мотивовъ, заставляющихъ мудраго человѣка стремиться заграницу (хотя бы для того только, чтобы наѣсться свѣжихъ устрицъ), результатъ этихъ стремленій, даже помимо его воли, будетъ скорѣе въ пользу плюса, нежели въ пользу минуса.

Съ какимъ образовательнымъ запасомъ ѣздилъ и ѣздитъ русскій человѣкъ заграницу?—на это обыкновенно отвѣчаютъ: съ весьма малымъ. И дѣйствительно, если мы сдѣлаемъ оговорку въ пользу очень немногихъ исключеній, то должны будемъ согласиться, что отвѣтъ этотъ справедливъ. Одинъ за-

пасъ несомнѣнно великъ — это запасъ скуки, но съ нимъ однимъ едва-ли можно къ чему-нибудь подступиться. Поэтому, большинство мудрыхъ людей наслаждается заграницей лишь непосредственными, животненными благами, и только наслажденія этой категоріи способно сознательно цѣнить. Бо̀льшая доступность матеріальныхъ удобствъ, отсутствіе стѣсняющихъ формальностей, возможность безвозбранно говорить вздоръ (хотя бы и вольнодумный) — вотъ блага, которыя вполнѣ по плечу людямъ, закоренѣлымъ въ мудрости. Утверждаютъ, что недостатокъ образовательнаго запаса кладетъ на человѣка неизгладимую печать, что онъ лишаетъ его чувства собственнаго достоинства, заставляетъ принижаться, увертываться, принимать на слово самыя вздорныя увѣренія и вообще играть очень жалкую роль. Съ этимъ, конечно, трудно не согласиться. Мы видимъ на каждомъ шагу, что человѣкъ, который у себя, среди мудрыхъ, вольной рукой разбивалъ цѣлыя арміи ямщиковъ, переѣхавши за Вержболово, дѣлается ниже травы, тише воды и въ каждомъ оберъ-кондукторѣ готовъ видѣть высшій организмъ. Что̀ же, однако, изъ этого слѣдуетъ? То ли, что человѣкъ, неимѣющій основательнаго запаса знаній, долженъ быть осужденъ навсегда оставаться до̀ма? Нѣтъ, такое заключеніе было бы и опрометчиво и жестоко, ибо оно осуждало бы человѣка на вѣчную мудрость, что̀ и для неразвитаго человѣка невыгодно и нестерпимо. Теперь онъ, по крайней мѣрѣ, пойметъ выгоду шнельцуговъ и ретурбилетовъ; тогда онъ и этого блага лишенъ. А потому, пусть всякій: и имѣющій запасъ, и неимѣющій его—пусть всѣ пользуются свободой передвиженія, несмотря даже на то, что человѣкъ, обязанный, по случаю неимѣнія запаса, на каждомъ шагу разѣвать ротъ, долженъ ощущать адскую неловкость. Самая унизительность этой обязанности должна непремѣнно навести на мысль о его ненормальности. А это ужь результатъ весьма немаловажный, ибо какъ только человѣкъ убѣдился въ ненормальности какого-нибудь явленія, то онъ уже непремѣнно что-нибудь да предприметъ въ смыслѣ его устраненія.

Такимъ образомъ, оказывается, что съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на существующее въ нашемъ обществѣ стремленіе пользоваться *чужими* порядками, оно не можетъ привести ни къ какимъ другимъ послѣдствіямъ, кромѣ добрыхъ.

И даже въ такомъ случаѣ, когда результатомъ этого стремленія будетъ книга, подобная изданной г. Тарасенко-Отрѣшковымъ.

Говоря по правдѣ, сдѣланныя нами выше замѣчанія, объ отношеніяхъ русскихъ людей къ заграничнымъ порядкамъ, относятся къ сочиненію г. Тарасенко-Отрѣшкова лишь весьма отдаленнымъ образомъ. Сочиненіе это только внѣшнимъ образомъ даетъ поводъ къ размышленіямъ, само же по себѣ ничего не доказываетъ и ни о чемъ яснаго понятія не даетъ. Это про-

стой сборникъ замѣчаній чисто-личнаго свойства, по прочтеніи которыхъ читатель остается совершенно съ тѣмъ же запасомъ свѣдѣній, съ которымъ онъ былъ и до прочтенія. Съ какою цѣлью ѣздилъ авторъ заграницу — не видно; знакомъ ли онъ съ исторіей посѣщенныхъ имъ странъ, или, по крайней мѣрѣ, съ современнымъ ихъ положеніемъ — тоже тайна. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній даже носятъ на себѣ характеръ несомнѣнной странности. Таковы, напримѣръ, вопросъ автора: «развѣ ваше (французское) правительство не требуетъ, чтобы народъ исповѣдывался и причащался» (стр. 217), или нелѣпыя сужденія какого-то кіевлянина о безнравственности домашнихъ спектаклей, или, наконецъ, раздѣленіе Парижа, по степени нравственности, на четыре территоріи, съ указаніемъ, въ какихъ кварталахъ нравственность процвѣтаетъ, и въ какихъ оказывается въ упадкѣ. Подобныхъ странностей въ книгѣ очень много, но, спрашивается, нужны ли онѣ для кого-нибудь?

Окончательное заключеніе, къ которому, впрочемъ, безъ особенно строгой послѣдовательности, приходитъ авторъ, состоитъ въ томъ, что на долю Франціи и Англіи выпала нелегкая задача улучшенія быта рабочихъ, и что намъ предстоитъ въ близкомъ будущемъ быть свидѣтелями процесса приведенія этой задачи въ исполненіе. Выводъ этотъ самъ по себѣ былъ бы довольно баналенъ, еслибъ авторъ не прибавилъ къ нему слѣдующее: «намъ, русскимъ, предстоитъ видѣть это, какъ свидѣтелямъ, къ которымъ прикосновеніе (таковъ *русскій* языкъ, которымъ написана книга) отклонено благотворными, нынѣ совершающимися или совершившимися у насъ преобразованіями государственнаго строя». Съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться, ибо хотя и увѣряютъ нѣкоторые легкомысленные люди, что тѣ преобразованія, которыя нынѣ совершаются въ Россіи, на Западѣ Европы давно ужь совершились, но очень можетъ быть, что фраза «къ которымъ прикосновеніе» и т. д. окажется истиною.

Эмма, *романъ* Швейцера, *переводъ съ нѣмецкаго. Спб. Изданіе* Байдаковской. *1871.*

Романъ Швейцера — не есть романъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, т.-е. вы не найдете въ немъ возведенныхъ, какъ въ старину выражались, въ перлъ созданія типовъ положительныхъ и отрицательныхъ, идеальныхъ и пошлыхъ, не найдете глубокомысленнаго психическаго анализа, изображенія красотъ природы и тому подобныхъ принадлежностей, безъ которыхъ немыслимъ романъ въ глазахъ записныхъ эстетиковъ. Въ романѣ этомъ есть, если хотите, любовная интрижка, но это самая слабая сторона романа и даже, если хотите, совершенно излишняя: интрижка эта до такой степени мелка и наивно написана, что еслибы ея не было, романъ нисколько не проигралъ бы, а скорѣе выигралъ. Но между тѣмъ вы не впол

нѣ точно опредѣлили бы произведеніе Швейцера, еслибы назвали его политическимъ памфлетомъ въ формѣ романа. Памфлетъ имѣетъ постоянно дѣло съ тѣми или другими частными явленіями жизни, съ историческими личностями и фактами; иногда онъ объясняетъ эти факты на основаніи общихъ принциповъ, иногда онъ ихъ искажаетъ въ духѣ той или или другой партіи, но всегда онъ держится почвы частной дѣйствительности, съ которой воюетъ. У Швейцера же вы видите чисто-художественный пріемъ: массу частныхъ фактовъ онъ возвелъ къ общему: онъ измыслилъ революцію, но такую, въ какой, какъ въ фокусѣ, представляются вамъ всѣ современныя европейскія революціи, начиная съ первыхъ ея симптомовъ, до полнаго развитія въ видѣ побѣды народа надъ войскомъ и учрежденія временнаго правительства. Это не французская революція 1848 года, не прусская, не австрійская, но вы найдете въ революціи Швейцера характеристическія черты всѣхъ этихъ революцій.

Такимъ образомъ главная основа романа Швейцера — злая, ѣдкая сатира, представляющая вамъ траги-комедію всѣхъ современныхъ европейскихъ революцій. Съ одной стороны передъ вами колоссальная сила народа, который стремится къ низверженію съ себя ига промышленной эксплуатаціи, и въ революціи видитъ осуществленіе всѣхъ своихъ надеждъ; рядомъ съ этимъ вы видите буржуазію, которая, напротивъ того, въ этой же самой революціи полагаетъ достиженіе неограниченной свободы эксплуатировать массы. Народъ не обладаетъ никакими силами цивилизаціи, ни умственными, ни матеріальными, — это не дисциплинированная, не организованная масса, сильная только своею численностью и мускулами; — это сила слѣпая, наивная въ своемъ невѣжествѣ, которая можетъ только заявить свои справедливыя требованія и затѣмъ отстаивать ихъ грудью, не щадя живота. Рядомъ съ этимъ простодушнымъ Голіаѳомъ стоитъ ничтожный повидимому пигмей, но въ то же время всесильный своими капиталами, образованностью; въ рукахъ его и ораторы, блестящіе очаровательнымъ краснорѣчіемъ, и профессоры, исполненные обширныхъ знаній, журналистика, суды, подчасъ и правительство съ войскомъ. Въ минуты взрыва ярости Голіаѳъ страшенъ и можетъ раздавить ничтожнаго пигмея, но въ рукахъ у пигмея всѣ средства, чтобы усыпить Голіаѳа, а подчасъ и прибрать его къ рукамъ. Матеріальная сила пасуетъ передъ силою ума, вооруженнаго хитрою софистическою діалектикой. Гдѣ не беретъ діалектика, тамъ дѣйствуютъ деньги; гдѣ не дѣйствуютъ деньги, тамъ дѣйствуютъ газетныя клеветы и инсинуаціи. Если Голіаѳъ дѣлается страшенъ, противъ него можно выставить реакцію съ неумолимыми штыками; если реакція дѣлается невыносимою, противъ нея можно воздвигнуть Голіаѳа, внушивши ему предварительно, что источникъ всѣхъ его бѣдствій заключается в

одной реакціи, мѣшающей правильному развитію промышленности; при этомъ, конечно, слѣдуетъ засыпать Голіаѳа самыми обольстительными обѣщаніями. И вотъ выходитъ Голіаѳъ на бой. Народъ оказывается побѣдителемъ; разбитыя войска оставляютъ городъ. Но что̀ дѣлать нестройнымъ толпамъ со своею побѣдою? Онѣ бродятъ по улицамъ, распѣвая гимны, зажигая повсюду иллюминаціи, срывая прежніе гербы. А между тѣмъ въ залѣ ратуши собираются ихъ же враги, банкиры, фабриканты, газетчики, профессоры, смѣшиваются тамъ съ остатками реакціи, нахально учреждаютъ временное правительство и начинаютъ обсуждать вопросъ о возстановленіи порядка и о приготовленіи къ дѣлу войска, въ случаѣ если народъ вспомнитъ о данныхъ ему обѣщаніяхъ. Войско озлоблено на народъ позоромъ своего пораженія, народъ утомленъ пролитою кровью и послѣдствія не трудно предвидѣть.

Вотъ картина, открывающаяся передъ вами въ романѣ Швейцера во всей ея подавляющей ироніи. Авторъ не жалѣетъ подробностей; онъ посвящаетъ васъ во всѣ пружины, во всѣ перипетіи борьбы. Со сходки рабочихъ, на которой приверженцы Лассаля борятся съ друзьями Шульце-Делича, онъ ведетъ васъ въ кабинетъ реакціоннаго министра и тамъ вы знакомитесь съ его образомъ мыслей и программой дѣйствій; изъ кабинета банкира, стоящаго во главѣ партіи буржуазныхъ либераловъ, вы являетесь на шумное собраніе этой партіи и слушаете ораторовъ, прославляющихъ величіе и силу прогрессивной партіи. Такимъ образомъ передъ вами раскрывается все соціальное движеніе, которое совершается въ Германіи съ 1848 года. Не ограничиваясь однѣми художественными рамками, Швейцеръ заставилъ свои дѣйствующія лица говорить цѣлыми тирадами изъ Прудона, Лассаля, Шульце-Делича и Маколея. Такимъ образомъ вы видите передъ собою развитіе и столкновеніе соціальныхъ идей не только въ одномъ политическомъ мірѣ, но и въ сферѣ науки. Въ этомъ отношеніи романъ Швейцера представляется прекрасною популяризаціею политико-экономическихъ истинъ съ точки зрѣнія приверженца Лассаля. Кромѣ вышеупомянутой любовной интриги, въ романѣ вы встрѣчаете еще другой недостатокъ. Изливая свою жолчь на партію прогрессистовъ, Швейцеръ слишкомъ окарикатуриваетъ своихъ враговъ, представляя ихъ заурядъ такими идіотами и трусами, какихъ свѣтъ не производилъ. Не имѣя ни тѣни художественнаго юмора, ни хотя бы легкой французской соли, Швейцеръ между тѣмъ стремится изображать прогрессистовъ какъ только можно покомичнѣе, и не можетъ изобрѣсти ничего кромѣ тяжеловѣсныхъ балаганныхъ фарсовъ совершенно въ духѣ нѣмецкаго остроумія — въ родѣ измятія шляпы, облитія манишки краснымъ виномъ и высыпки за ту злосчастную манишку цѣлой солонки соли и т. п. Но всѣ вышеупомянутыя достоинства книги заставляютъ васъ забывать объ этихъ недостаткахъ.

Представители власти въ Россіи послѣ Петра I-го. В. Андреева, *изданіе 2-ое, дополненное. С.-Петербургъ. 1871.*

Книга эта представляется не чѣмъ инымъ, какъ лавочною спекуляціею, напоминающею добрыя старыя времена, тридцатые годы, когда особенно были въ модѣ подобнаго рода изданія, когда не проходило года, чтобы не выходило какихъ-нибудь исторій Наполеона, Петра I-го, Суворова, собраній историческихъ анекдотовъ и т. п. Все, начиная съ заманчиваго заглавія до послѣдней страницы дышетъ въ книгѣ г. Андреева самымъ беззастѣнчивымъ разсчетомъ на покупателей-простофиль, любителей придворныхъ сплетень, скандальныхъ хроникъ и общественныхъ анекдотиковъ, ходящихъ въ народѣ о временахъ Бирона, Елизаветы, Екатерины, Павла и пр. Составленіе подобнаго рода характеристикъ представляетъ самую незамысловатую стряпню. Возьмите нѣсколько мемуаровъ, записокъ скандальныхъ хроникъ, изслѣдованій — и затѣмъ можете изъ всего изъ этого устроить винигретъ, какой вамъ вздумается. Что за дѣло, что рядомъ съ достовѣрными источниками вы будете пользоваться богъ-вѣсть какими,—простофили-читатели прочтутъ и въ заключеніе останутся довольны, потому что, чѣмъ болѣе у васъ будетъ въ книгѣ всякаго рода небывальщины, тѣмъ книга будетъ занимательнѣе для любителей этого рода чтенія. Въ книгѣ г. Андреева не достаетъ только одного, чтобы вполнѣ уподобиться спекулятивнымъ историческимъ изданіямъ тридцатыхъ годовъ — лубочныхъ политипажей, изображающихъ историческихъ героевъ, въ видѣ высокихъ, статныхъ кавалеровъ въ напудренныхъ парикахъ и съ шпагами, торчащими подлѣ бока, и полногрудыхъ дюжихъ героинь въ робронахъ, фижмахъ и съ лицами, запачканными печатною краскою. Но этотъ недостатокъ вполнѣ выручаютъ три предисловіи: предисловіе къ первому изданію, ко второму и кромѣ того еще третье предисловіе само по себѣ, сверхъ комплекта. Послѣднее предисловіе особенно замѣчательно и составляетъ роскошный цвѣтокъ, украшающій всю книгу. Авторъ говоритъ въ немъ о такомъ новомъ, изобрѣтенномъ имъ самимъ историческомъ методѣ, который, безъ сомнѣнія, и не снился ни западнымъ историкамъ, ни даже нашимъ. Авторъ говоритъ въ этомъ предисловіи о необходимости умолчанія о нѣкоторыхъ фактахъ, относящихся къ историческимъ личностямъ, характеристика которыхъ составляетъ содержаніе книги. При этомъ онъ заявляетъ слѣдующее: «Какъ согласить это умолчаніе съ безпристрастіемъ? Способъ, избранный нами, состоитъ въ томъ, что какъ скоро мы должны были опускать одну изъ темныхъ сторонъ характеризуемаго лица, то для сохраненія равновѣсія на вѣсахъ исторіи мы опускали и одну изъ свѣтлыхъ. Чѣмъ осторожнѣе мы должны были говорить объ одной сторонѣ историческаго дѣятеля, тѣмъ меньше старались на-

саться другой. Пусть отъ этого историческій образъ кажется неявственнѣе, туманнѣе, но онъ вѣренъ. Придетъ время, онъ прояснится; краски и черты его выступятъ рельефнѣе, и забота историческаго писателя должна состоять въ томъ, чтобы тогда этотъ образъ не показался чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ его видѣли прежде въ туманномъ отдаленіи».

Какъ вамъ нравится подобный способъ сохраненія равновѣсія вѣсовъ историческаго безпристрастія? Хорошія и дурныя стороны историческихъ дѣятелей въ глазахъ г. Андреева обращаются буквально въ гири; онъ, повидимому, обладаетъ сверхъестественнымъ чутьемъ точнаго опредѣленія—сколько фунтовъ дурнаго снято имъ съ историческаго дѣятеля, чтобы сообразно съ этимъ снять съ него ровно столько же фунтовъ и хорошаго. Но курьёзнѣе всего, что г. Андреевъ при этомъ предполагаетъ, что историческій образъ при такомъ выкраиваньи и урѣзываньи, будетъ хотя и туманенъ, но все-таки вѣренъ! Одни эти слова, выписанныя нами изъ сверхкомплектнаго предисловія, достаточно могутъ характеризовать все достоинство книги г. Андреева.

Общеобразовательный очеркъ русской исторіи. В. Андреева, *Спб. 1871 г.*

Отчего у насъ, при массѣ всякаго рода учебниковъ, пособій, руководствъ, учителя, выбирая какое-либо руководство, сами обыкновенно сознаютъ, что изъ нѣсколькихъ золъ, они выбираютъ меньшее, а для учениковъ съ первой же страницы учебникъ дѣлается хуже рвотнаго? Причина очень простая и понятная. Наша учебная литература почти исключительно заключается въ сферѣ самой беззастѣнчивой спекуляціи. — Успѣхъ всякой другой литературной отрасли зависитъ прежде всего отъ талантливости автора, отъ эрудиціи, усидчиваго труда и пр. При составленіи же учебниковъ никто объ этомъ и не думаетъ. Помилуйте, неужели нужны особенный талантъ, ученость, трудъ, чтобъ составить какой-нибудь учебничекъ? И вотъ почти каждый гимназическій учитель, едва прослужитъ три, четыре года, сейчасъ же начинаетъ помышлять, какъ бы нажить деньгу, издать какую-нибудь хрестоматейку, грамматику, исторію. — Придумано, сдѣлано. — Не проходитъ и года со дня перваго соблазнительнаго помышленія, учебникъ уже готовъ. Журналы и газеты не ставятъ его выше макулатуры; но что̀ значатъ журнальные отзывы для педагогическаго сочиненія. — Автору стоитъ заручиться одобреніемъ учебнаго комитета, употребить двѣ, три лазейки, кой-кому разослать экземпляры, — глядишь, учебникъ принятъ въ десяти, двадцати заведеніяхъ, выдерживаетъ нѣсколько изданій, бѣдные мальчики и дѣвочки долбятъ его, мучаются надъ нимъ, учителя задаютъ по немъ уроки, пожимая плечами и иронически посмѣиваясь надъ его вопіющими недостатками, и дѣло идетъ какъ по маслу,

педагогика процвѣтаетъ; экзамены сдаются за экзаменами, отчеты за отчетами, въ концѣ-концовъ не разберешь, для чего издается ежегодно масса руководствъ, учебниковъ, пособій, глобусовъ и ландкартъ, — для образованія юношества, или для разживы двухъ-трехъ книжныхъ магазиновъ и горсти спекулянтовъ, производящихъ все это?

А между тѣмъ, въ сущности гораздо легче написать занимательный романъ, даже докторскую диссертацію, чѣмъ составить учебникъ. — Никто не хочетъ подумать, какая бездна таланта, учености, педагогическаго такта и опыта нужно для того, чтобы составить мало-мальски порядочный учебникъ. Такой учебникъ не можетъ быть написанъ въ кабинетѣ по разнымъ ученымъ источникамъ и изслѣдованіямъ; онъ долженъ быть составленъ такъ-сказать на практикѣ, въ классѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія, и тогда только выпущенъ въ свѣтъ, когда учитель сознаетъ, что ученики легко и быстро усвоиваютъ въ стройной системѣ преподаваніе учителя. Каждый мало-мальски добросовѣстный, живой, не заскорузлый и не дошедшій до мертвой машинности учитель непремѣнно въ концѣ каждаго года замѣчаетъ тѣ или другіе недостатки, пробѣлы въ своемъ преподаваніи; если онъ обладаетъ мало-мальски хорошею наблюдательностью и сметкою, онъ можетъ эти свои промахи подмѣтить на успѣхахъ своихъ же учениковъ. Неужели же онъ не приметъ къ свѣдѣнію эти свои недостатки, не поставитъ долгомъ исправить ихъ, измѣнить ту или другую часть общей системы своего преподаванія?... Сообразно этому, конечно, долженъ измѣняться и планъ его учебника. Издавая учебникъ въ свѣтъ, преподаватель прямо заявляетъ претензію на нѣчто уже опредѣленное, зрѣлое, рекомендуемое имъ въ руководство другимъ, менѣе опытнымъ преподавателямъ. Очевидно, что истинно добросовѣстный педагогъ не скоро рѣшится издать руководство по своему предмету. Всякій же кабинетный способъ составленія учебниковъ, хотя бы онъ стоилъ автору огромныхъ трудовъ, — есть или шарлатанство, или претензія, ни на чемъ не основанная.

Книга г. Андреева представляетъ одинъ изъ печальныхъ образцовъ нашихъ историческихъ учебниковъ.—Нельзя сказать, чтобы это была скороспѣлая стряпня шарлатанства. Видно, что автору стоила книга большихъ кабинетныхъ трудовъ: онъ не мало порылся въ всевозможныхъ источникахъ и изслѣдованіяхъ по русской исторіи, но ученикамъ отъ этого будетъ не легче, и лучше было бы, еслибы г. Андреевъ употребилъ свою ученость на что-нибудь другое, хоть бы, напримѣръ, на уравновѣшеніе на вѣсахъ исторической справедливости хорошихъ и дурныхъ качествъ историческихъ личностей. Это по его части, составленіе же учебниковъ совсѣмъ не его дѣло.

Вы подумайте только, какъ искусственно вымышленно содержаніе руководства: всѣ старинные учебники исторіи отличались,

какъ извѣстно, обиліемъ сухихъ политическихъ фактовъ, перечнемъ войнъ, походовъ и династій.—Г. Андреевъ вознамѣрился избѣгнуть этой крайности; у него совсѣмъ почти нѣтъ политической исторіи, но за то изъ одной крайности онъ впалъ въ другую, не менѣе нелѣпую. Почти вся книжка его набита перечнемъ нравовъ, обычаевъ, повѣрій, длинными описаніями построекъ, одеждъ, утвари и тому подобныхъ археологическихъ свѣдѣній. Чѣмъ же лучше вся эта археологія, изложенная безъ системы, безъ малѣйшей картинности, сухихъ перечней политическихъ событій? Ученики по учебнику г. Андреева будутъ знать, что̀ носили женщины на головахъ до татарскаго ига, и въ то же время у нихъ не составится ни малѣйшаго яснаго представленія о той драмѣ, какая разыгрывалась, напримѣръ, на Руси во время Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, междуцарствія...

Но лучше всего намъ понравилась система изложенія въ руководствѣ г. Андреева. Всякому извѣстно, что система въ учебникѣ самое главное условіе легкости усвоенія предмета воспитанниками. Полюбуйтесь же системою г. Андреева. Откроемъ для пробы 69-ю страницу. Вы видите заглавіе отдѣла крупными буквами: Московское государство, домъ Рюрика; затѣмъ заглавіе первой главы этого отдѣла: великіе князья и цари.—Подъ этимъ заглавіемъ вы читаете исполненный одуряющей сухости, краткій перечень княженій и царствованій отъ Іоанна III до Василія Шуйскаго. — Значитъ, вы дошли до междуцарствія? Нѣтъ, погодите: слѣдуетъ вторая глава, называемая: Обзоръ политическихъ событій; и послѣ Дмитрія Самозванца и Василія Шуйскаго, къ вашему удивленію, вы читаете о паденіи Новгорода, завоеваніи Казани, Сибири, Юрьевѣ днѣ и пр. Сначала вы въ недоумѣніи думаете, что перепутаны страницы, хватаетесь за ихъ нумерацію — нѣтъ, страницы въ порядкѣ. Наконецъ вы догадываетесь, что это система г. Андреева: сначала, вотъ видите, онъ знакомитъ васъ съ царями и одними только царями, а потомъ, возвращаясь назадъ, повѣствуетъ, что̀ эти цари дѣлали.—Что за путаница выходитъ изъ этого, самъ Кайдановъ не разобралъ бы, еслибы всталъ изъ гроба. Иной несообразительный воспитанникъ, если ему придется учиться по учебнику г. Андреева, пожалуй, не дослушавши преподавателя, такъ и останется при томъ мнѣніи, что послѣ Василія Шуйскаго снова воцарился Іоаннъ III и покорилъ Новгородъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

III.

Тьеръ и бордосское соглашеніе.

Очень жаль, что Тьеръ, которому теперь за 70 лѣтъ, совершенно ничего не понималъ въ соціальномъ вопросѣ и что онъ не жилъ въ Парижѣ во время осады.

Еслибы онъ не былъ обманутъ относительно истиннаго политическаго, нравственнаго, экономическаго, и даже физическаго состоянія парижанъ послѣ осады, веденной и оконченной вопреки ихъ единодушнымъ желаніямъ и стремленіямъ, онъ бы почувствовалъ къ нимъ глубочайшее благоговѣніе и живѣйшую жалость и, оцѣнивъ по достоинству ихъ страданія, ихъ патріотизмъ и даже бѣшенство ихъ отчаянія, онъ навѣрно бы употребилъ всѣ, зависящія отъ него средства для того, чтобы предупредить взрывъ; а еслибы этотъ взрывъ и произошелъ, онъ навѣрное постарался бы устроить примиреніе, посредствомъ котораго Франція избавилась бы отъ братоубійственной войны, отъ новаго несчастія, столь же значительнаго, какъ и первое, и отъ раскаянія въ томъ, что она, къ величайшей радости нѣмцевъ, наказала Парижъ за его упорное сопротивленіе и за его мечты о побѣдѣ.

Тьеръ не понялъ, да и не могъ понять ни начала, ни развитія революціи 18-го марта. Онъ вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ горстью сумасбродовъ и злодѣевъ, отъ которыхъ легко очистить городъ просто военной демонстраціей, какую демонстрацію поддержатъ всѣ порядочные люди, остающіеся еще въ городѣ.

Эберисты коммуны, объявивъ самаго Тьера стоящимъ внѣ закона и разрушивъ его маленькій отель, еще больше утвердили его въ этомъ роковомъ заблужденіи.

Якобинскія преданія, которыми постоянно, начиная съ изданія перваго тома его Исторіи революціи, написаннаго во время правленія Людовика XVIII, и до нынѣшняго правленія Тьера, объясняются его всѣ политическіе теоріи и поступки, и безъ того очень мало располагали его въ пользу обновленія Франціи федераціею въ родѣ швейцарской или американской; сумасброды

же коммуны еще болѣе отвратили его тѣмъ, что дѣйствія ихъ находились въ постоянномъ противорѣчіи съ ихъ программою, и тѣмъ, что они замѣнили мирный идеалъ всегда прогрессивной республики французскихъ свободно организованныхъ и свободно соединенныхъ общинъ, черезчуръ грубыми подражаніями республикѣ 93-го года.

Вотъ почему Тьеръ не хотѣлъ и слышать о примиреніи, о которомъ ходатайствовали передъ нимъ впродолженіе шести недѣль лига единенія правъ Парижа, товарищество синдикатовъ и другіе; вотъ почему онъ приложилъ особенное стараніе къ подавленію движенія, появившагося-было въ Ліонѣ, Марсели, Сентъ-Этьенѣ, Тулузѣ, Нарбоннѣ, Бордо; вотъ почему онъ строго запретилъ всѣ попытки устроить конгрессъ муниципальныхъ совѣтовъ, по большей части выбранныхъ 8-го апрѣля, хотя этотъ конгрессъ и долженъ былъ имѣть единственною цѣлью споспѣшествованіе заключенію гражданскаго мира между Парижемъ и Версалью; вотъ, наконецъ, причина того, что онъ не принялъ бо̀льшую часть депутацій отъ муниципалитетовъ, явившихся къ нему съ тою же цѣлью, а если и принялъ главнѣйшія изъ нихъ, то только для того, чтобы помѣшать имъ принять дѣятельное участіе въ совершающемся, убѣдивъ ихъ, что дѣло идетъ о подавленіи анти-общественнаго возмущенія, и что, пока власть будетъ находиться въ его рукахъ, никакая опасность не будетъ угрожать республикѣ, и что, напротивъ того ,онъ, какъ онъ это выразилъ нантской и монтобанской депутаціямъ, желаетъ посвятить остатокъ своей жизни утвержденію и упроченію республики во Франціи.

Изолировавъ такимъ образомъ возстаніе, онъ устремилъ противъ него всѣ свои военныя силы, опять-таки заранѣе не давъ себѣ отчета относительно того, какъ долго продолжится и чего будетъ стоить подавленіе этого возмущенія.

Во всемъ, начиная съ тѣсной блокады Парижа, совершенной при помощи нѣмцевъ, отрѣзавшихъ отступленіе инсургентамъ, и до бомбардировки окрестныхъ селъ, пробитія бреши, приступа фортовъ, взятія подкопомъ городскихъ воротъ, до семидневной битвы въ улицахъ города при заревѣ пожара, уничтожающаго лучшія зданія Европы, разстрѣливанія людей тысячами въ то время, какъ нѣмцы уничтожали ихъ только сотнями, — вездѣ и во всемъ мы видѣли дѣйствіе одной силы, силы вполнѣ логичной, то-есть вполнѣ неумолимой.

Для того, чтобы помѣшать дѣламъ дойти до такого отчаяннаго положенія, для того, чтобы заставить самихъ парижанъ освободиться отъ террора коммуны, сначала достаточно было бы, чтобы національное собраніе окончательно утвердило республику и признало за столицею полную муниципальную свободу.

Я уже объяснилъ, почему Тьеръ не былъ склоненъ признать муниципальную автономію; теперь я постараюсь объяснить, по-

чему онъ не могъ, да и не хотѣлъ, допустить утвержденіе de jure республики, признанной имъ de facto.

Національное собраніе, дарованное намъ перемиріемъ 28-го января и февральскими выборами, именно вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его слишкомъ поспѣшное учрежденіе, не могло быть истиннымъ представителемъ дѣйствительныхъ интересовъ и потребностей различныхъ классовъ населенія и различныхъ частей нашей страны. Оно, собственно говоря, представляетъ безсодержательную амальгаму страстей и интригъ всѣхъ, слѣдовавшихъ у насъ одно за другимъ, впродолженіе цѣлаго столѣтія, правленій, — амальгаму, составившуюся еще во времена имперіи и годную для разрѣшенія только одного вопроса, — вопроса войны или мира.

По этому вопросу еще могло составиться большинство, высказавшееся противъ войны; но ни для какого другого вопроса, кромѣ развѣ вопросовъ приготовленія, утвержденія и исполненія условій мирнаго договора съ Пруссіей, да еще, пожалуй, подавленія парижскаго возстанія, — ни для какого другого вопроса, говорю я, не можетъ составиться въ этомъ собраніи опредѣленнаго большинства.

«Палата, — какъ совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ ея самыхъ молодыхъ членовъ, умѣренный республиканецъ Ланфре, въ своемъ, недавно напечатанномъ, письмѣ, — пожалуй и склонна къ монархіи, но еще сама не опредѣлила, къ какой именно монархіи. Вся она состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ, соединившихся съ условіемъ никогда не опредѣлять точнѣе предмета своихъ туманныхъ, неясныхъ стремленій... Раздѣленное на безчисленное количество отдѣльныхъ группъ, взаимно другъ друга уравновѣшивающихъ, національное собраніе не въ состояніи дать толчокъ дѣятельности правительства, ожидая, напротивъ того, этого толчка отъ него и, не предоставляя ему, въ замѣнъ, необходимой для него безопасности. Мы носимся по вѣтру, безъ опредѣленнаго направленія, безъ опредѣленной будущности, сами не зная, что̀ мы будемъ дѣлать завтра».

Славный своими лѣтами, своимъ громкимъ именемъ, своимъ несогласіемъ на объявленіе войны, своею дипломатическою дѣятельностію послѣ 4-го сентября, своею оппозиціею диктатурѣ Гамбетты, хотѣвшаго для продолженія войны помѣшать созванію національнаго собранія, и своимъ избраніемъ въ 26 или 28 департаментахъ, — Тьеръ былъ избранъ представителемъ Франціи при переговорахъ о мирѣ.

Такъ-какъ эти переговоры могли вестись только вполнѣ сложившимся правительствомъ, то неспособность монархическихъ партій сгруппироваться вокругъ одного центра и политическая невозможность рискнуть на междоусобную войну до заключенія мирнаго трактата съ Пруссіей и привела, волей-неволей, къ сохраненію существующаго временнаго положенія дѣлъ и къ

назначенію Тьера «президентомъ совѣта министровъ и главою исполнительной власти французской республики».

Извѣстно, что не безъ отвращенія согласились бѣлые и синіе роялисты признать республику, и признали-то они ее съ явнымъ намѣреніемъ, уже нѣсколько разъ обнаруженнымъ крайнею правою стороною, сохранять ее только столько времени, сколько это нужно будетъ для того, чтобы прикрыть передъ глазами черни ея именемъ самый позорный миръ, когда-либо перенесенный Франціей, и тяжелые налоги, неизбѣжныя послѣдствія національнаго пораженія. Кромѣ того, они надѣялись,— и кровавая развязка парижскаго возстанія осуществила ихъ надежды — на то, что сама республика, скомпрометированная нетерпѣливостью ея черезчуръ пылкихъ приверженцевъ, постарается, какъ и въ 1848 году, ослабить свои силы.

Но принявъ власть, Тьеръ не захотѣлъ принять отвѣтственности ни за будущіе подвиги реакціи, ни за прошедшія дѣйствія имперіи и правительства народной обороны, ни даже за миръ и матеріальное истощеніе страны.

«Вы представляете народъ во всей полнотѣ его самодержавія», говорилъ онъ безпрестанно собранію въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ въ Бордо и Версали: «я же только орудіе, которое исполняетъ то, что̀ вы думаете».

Но такъ-какъ собраніе ровно ничего не думало, или не было въ состояніи формулировать свою мысль, онъ сдѣлалъ то, что̀ самъ думалъ — заставилъ собраніе утвердить единогласно, за исключеніемъ двадцати, тридцати голосовъ принятыми рѣшеніями свою мысль.

Пригрозивъ своею отставкою, которая, какъ онъ отлично зналъ, ни въ какомъ случаѣ не будетъ принята, такъ-какъ не было въ то время человѣка, болѣе необходимаго собранію, чѣмъ онъ, Тьеръ добился того примиренія партій, которое пріобрѣло историческое названіе *бордосскаго соглашенія*.

Только одна партія была отвергнута и осуждена всѣми прочими — бонапартисты, при чемъ было объявлено въ извѣстномъ постановленіи собранія, что именно на нее падаетъ отвѣтственность за всѣ несчастія Франціи.

Что же касается до остальныхъ, то орлеанисты и легитимисты пріобрѣли право надѣяться на возстановленіе королевской власти, а республиканцы получили возможность воспользоваться преимуществомъ въ сравненіи съ ихъ соперниками, предоставленнымъ имъ новымъ опытомъ учрежденія республики.

Какъ бы для окончательнаго утвержденія бордосскаго соглашенія и какъ бы для того, чтобы самому подать примѣръ примиренія всѣхъ партій, Тьеръ предложилъ собранію и добился неопредѣленнаго назначенія повѣрки полномочій, данныхъ департаментомъ Уазы герцогу Омальскому и департаментами Марны и Ла-Маншъ принцу Жуанвильскому.

Посредствомъ всего этого, и кромѣ того еще тѣмъ, что онъ

оставилъ министрами трехъ членовъ правительства народной обороны, гг. Жюля Фавра, Эрнеста Пикара и Жюля Симона, Тьеръ пріобрѣлъ полнѣйшее довѣріе всей лѣвой стороны, то-есть всѣхъ республиканскихъ членовъ собранія, кромѣ человѣкъ двадцати радикаловъ, принадлежащихъ къ крайней лѣвой сторонѣ.

Такимъ образомъ при помощи еще лѣваго, почти республиканскаго, и праваго, преданнаго всякому правительству, центровъ и всѣхъ наиболѣе благоразумныхъ роялистовъ правой стороны, онъ составилъ себѣ большинство, поддерживавшее его вплоть до настоящаго времени.

Жаль только, что онъ не воспользовался этимъ большинствомъ для перенесенія собранія прямо въ Парижъ.

Тогда бы, вѣроятно, не было и возстанія 18-го марта, и во всякомъ случаѣ это возстаніе не было бы такъ значительно.

Но онъ ужь и то много сдѣлалъ, что добился переселенія его въ Версаль и такимъ образомъ своимъ краснорѣчіемъ предупредилъ перенесеніе самой столицы изъ Парижа, которое уже было совсѣмъ подготовлено.

Бордосское соглашеніе, конечно, свято исполнялось во все время второй осады, такъ-какъ правая сторона видѣла прямую свою выгоду въ томъ, чтобы не нарушать его.

До тѣхъ поръ, пока можно было опасаться того, чтобы коммуна, найдя поддержку со стороны провинцій и пользуясь малочисленностію «войскъ порядка», не пересилила, большинство вело себя чрезвычайно тихо.

Но вотъ, несмотря на то, что всякое движеніе въ провинціяхъ подавлено, парижское возстаніе продолжается; армія, благодаря любезности г. Бисмарка, вопреки предварительнымъ условіямъ, возрасла до 150,000 человѣкъ...

Чего же ждетъ еще глава исполнительной власти?

Отчего онъ не начинаетъ приступа?

Неужто онъ послушается примирителей?

Неужто такимъ образомъ будетъ уничтоженъ постыднымъ примиреніемъ, позорною амнистіею удобный случай утопить республику въ крови коммуны?

И вотъ въ первыя же майскія засѣданія подается куча заявленій со стороны орлеанистовъ и легитимистовъ, обвиняющихъ сначала министра внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и Тьера въ слабости. На одно изъ такихъ обвиненій со стороны своего стараго друга, Мортимера-Терно, глава исполнительной власти весьма рѣзко отвѣтилъ:

«Довольно разрушеній! Потерпите недѣлю! Иначе я подаю въ отставку!»

Послѣ этого двойной лагерь роялистовъ смирился, но съ тѣмъ, чтобы снова поднять голову, когда будетъ подписанъ окончательный миръ съ Пруссіей и Парижъ будетъ взятъ версальскими войсками.

Но разъ, какъ то и другое совершилось, роялисты не теряютъ ни минуты. Ихъ подкопы и интриги разражаются, да же не дожидаясь того, чтобы были потушены парижскіе пожары. Легитимисты открыто становятся подъ знамя манифеста графа Шамбора и требуютъ немедленнаго уничтоженія закона 10-го апрѣля 1832 года, запрещающаго «дитяти чуда» въѣздъ на французскую территорію. Орлеанисты также потребовали отмѣны закона 26-го мая 1848 года, которымъ изгонялась изъ Франціи младшая линія Бурбоновъ. Но никто не подумалъ о томъ, чтобы кстати уничтожить и законъ 12-го января 1816 года, изгоняющій Бонапартовъ. Только одинъ депутатъ лѣвой стороны Жанъ Брюне рѣшился потребовать вообще отмѣны, въ принципѣ и на дѣлѣ, законовъ изгнанія, къ кому бы они ни относились, къ частнымъ лицамъ или къ принцамъ. Коммисія, назначенная нарочно для того, чтобы не принимать въ разсчетъ этого послѣдняго предложенія, предложила просто отмѣну законовъ изгнанія Бурбоновъ. Бюро же къ этому прибавило и то, чтобы, наконецъ, было предложено собранію утвержденіе выборовъ герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго.

Но Тьеръ еще не хотѣлъ такой крутой постановки монархическаго вопроса. Его ближайшіе друзья, Л. де-Малевиль и Бартелеми Сентъ-Илеръ проводятъ сначала въ разговорахъ, а затѣмъ и въ печати мысль остановить порывы слишкомъ пылкихъ роялистовъ назначеніемъ самого Тьера главою исполнительной власти *на два года*. Мысль эта привилась и была одобрена на весьма многочисленномъ собраніи обоихъ центровъ, собравшихся подъ предсѣдательствомъ г. Ферэ. Но такъ-какъ это предложеніе еще болѣе разгорячило страсти роялистовъ, Тьеръ для перваго раза воздержался отъ оффиціальнаго обсужденія его, и этотъ вопросъ былъ отложенъ до перваго удобнаго случая. Но не отложила правая сторона обсужденія вопроса объ изгнаніи и выборахъ бурбонскихъ принцевъ. Докладъ объ этомъ уже давно былъ составленъ, отпечатанъ и розданъ въ собраніи, вопреки желаніямъ правительства. Самое обсужденіе этого вопроса было назначено на 5-е іюня. Но Тьеръ, указавъ собранію на чрезвычайную усталость, причиненную ему возстановленіемъ порядка, и на то, что ему будетъ трудно произнести длинную рѣчь, просилъ дать ему еще нѣсколько дней отдыха, необходимыхъ ему и для того, чтобы согласить распоряженія правительства съ постановленіями бюро. Пренія были еще отложены на четвергъ, 8-го іюня.

Въ этотъ день были, наконецъ, торжественно прочитаны гг. Бабіе, Бартелеми Сентъ-Илеромъ и Баро три доклада, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, по ихъ словамъ, окончательно устранялась политическая и обсуждалась только юридическая, касающаяся гражданскаго и избирательнаго права, сторона вопроса. Затѣмъ, г. Билльи, отъ имени 19-ти депутатовъ департаментовъ, еще занятыхъ пруссаками, сталъ развивать предложеніе

объ отсрочкѣ обсужденія всякихъ вопросовъ, которые могутъ взволновать умы, посѣять раздоры и остановить очищеніе страны непріятелемъ. Собраніе отвѣчало смѣхомъ и ропотомъ. Г. Поль Жозонъ представилъ послѣ того, отъ имени 27-ми депутатовъ департаментовъ, ждущихъ только уплаты контрибуціи для того, чтобы быть окончательно очищенными отъ непріятеля, еще просьбу такого же содержанія. Палата отвергла отсрочку и дала слово парижскому генералъ-прокурору, полуреспубликанцу, полуорлеанисту Леблону.

Несмотря на то, что слова Леблона были очень умѣренны, ему стоило очень много труда заставить себя выслушать собраніемъ. Главнымъ образомъ не понравились его слова относительно того, что междоусобная война еще скрыто существуетъ въ странѣ и готова вспыхнуть каждую минуту въ различныхъ провинціяхъ.

— Говорить такимъ образомъ, значитъ поддерживать войну! кричали ему.

— Остерегитесь, продолжаетъ онъ: — нарушить наше бордосское соглашеніе, установленное исключительно въ видахъ возстановленія спокойствія и согласія, и ослабить силы главы государства, позволивъ вновь появиться разнымъ претендентамъ!

— Дѣло вовсе не въ томъ, отвѣчаетъ ему Бабіе: — просто нужно разрѣшить чисто-юридическій вопросъ, поставленный уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; если мы все будемъ его откладывать, да откладывать, то можно будетъ сказать, что мы не то, «что слѣдуемъ совѣтамъ благоразумія», а просто трусимъ. Наконецъ, въ наши планы такъ мало входитъ намѣренія смущать умы, поселять раздоры и ослаблять власть главы государства, что я ему самому уступаю слово, дабы онъ самъ показалъ, имѣетъ ли это предложеніе угрожающій характеръ и не должны ли мы быть съ этой стороны совершенно спокойны.

Послѣ этого на трибуну взошелъ Тьеръ и долго устанавливался на ней покойнѣе. Во всей залѣ наступило торжественное молчаніе. Всѣ лорнетки устремились на маленькаго человѣчка, который съ своимъ обыкновеннымъ добродушнымъ видомъ, особенно усиливающимъ впечатлѣніе его краснорѣчія на посредственные умы,—а такіе всегда составляютъ большинство—началъ излагать, что онъ находится въ нерѣшительности и почему онъ, бывши прежде совершеннымъ противникомъ предложенія, стоящаго теперь на очереди, теперь сталъ отчасти въ ряды его защитниковъ. Онъ никогда не думалъ, чтобы это предложеніе было сдѣлано съ цѣлью ослабить его власть, которая есть вмѣстѣ и власть народа, власть страны; но напрасно станутъ говорить, что этотъ проектъ въ данную минуту политиченъ. Вотъ почему онъ и находится въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи.

Съ большою скромностью онъ приписалъ единодушію собранія и храбрости арміи заслугу подавленія величайшей изъ междоусобныхъ войнъ, которыя когда-либо удручали какую-нибудь страну, и заслугу «громадной побѣды, величайшей побѣды, которую когда-либо одержали порядокъ и цивилизація». При этихъ словахъ почти все собраніе преисполнилось энтузіазмомъ. Искусный ораторъ еще болѣе его взволновалъ, прибавивъ: «Вся Европа насъ поздравляетъ и насъ благодаритъ, потому что мы побѣдили на благо всѣмъ народамъ».

Послѣ того, какъ онъ такимъ образомъ польстилъ собранію, Тьеръ совершенно такъ же, какъ и Леблонъ, объявилъ, что обезоружить страсти еще не значитъ ихъ погасить, и что надо всѣми силами устранить препятствія къ успокоенію умовъ и къ всемогущему раздѣленію труда. При этомъ раздались аплодисменты только части депутатовъ правой стороны. Ораторъ сейчасъ же оборотился къ нимъ и, очень лукаво смотря въ то же время налѣво, продолжалъ:

«Но, мм. гг., не нужно себя обманывать. Чѣмъ пользовались злодѣи, съ которыми намъ пришлось бороться, для того, чтобы вовлечь въ обманъ несчастныхъ, которые за ними слѣпо слѣдовали? Они говорили имъ, что «республика въ опасности»! Это ложь! Я это отвергаю и за себя, и за васъ, и не вижу ни малѣйшаго повода подозрѣвать что нибудь подобное».

Нѣсколько умѣренныхъ членовъ лѣвой стороны высказали удовольствіе, что̀ заставило замолчать правую сторону, скромно потребовавшую возстановленія тишины. Тьеръ выразительно посмотрѣлъ на оба центра, и постановилъ вопросъ о трудѣ, могущемъ возстановиться и процвѣтать въ странѣ только при существованіи полнѣйшаго довѣрія.

«Только трудъ и порождаемый имъ кредитъ—сказалъ онъ—могутъ положить конецъ унизительному занятію страны непріятелемъ. Для того, чтобы содержать на своей территоріи 500,000 непріятелей, чтобы быть въ состояніи уплатою хотя части контрибуціи уменьшить это число, и въ то же время покрыть дефицитъ въ 400 милліоновъ, нуженъ громадный кредитъ, нужно довѣріе всей Европы, которое мы можемъ пріобрѣсть только тогда, когда никто не будетъ сомнѣваться въ существованіи во Франціи порядка и спокойствія».

Далѣе онъ продолжалъ со всевозможными ораторскими предосторожностями:

«Вотъ въ чемъ, господа, заключается гарантія того порядка, представителемъ котораго я являюсь, который не позволяетъ мнѣ ни минуты колебаться въ принесеніи въ жертву согласію моего колебанія, согласію, и теперь царствующему между нами, и который мѣшаетъ мнѣ удалиться и бросить страну въ водоворотъ безпорядковъ, которые неминуемо произведетъ всякая перемѣна въ личномъ составѣ правительства».

Центры и часть лѣвой стороны выражаютъ живѣйшую бла-

годарность главѣ исполнительной власти. Но на обѣихъ оконечностяхъ залы господствуетъ глубочайшее молчаніе.

Но и справа раздались громкіе аплодисменты, когда Тьеръ восклицаетъ:

«Никто, больше меня, не уважаетъ фамилію Бурбоновъ, имя которой я произношу здѣсь безъ малѣйшаго страха, потому что бояться произнести это имя, значитъ бояться произнести имя Франціи! Но — поспѣшилъ онъ добавить, пока еще не умолкъ гулъ аплодисментовъ—я долженъ вамъ сказать, что всегда считалъ эти законы изгнанія законами предосторожности» (Очень хорошо! слѣва). «Реставрація преслѣдовала Бонапартовъ... Я самъ одобрилъ ту же мѣру въ 1830 г., когда іюльская монархія приложила ее къ старшей линіи Бурбоновъ и къ Бонапартамъ... Республика 1848 года отмѣнила законы, которыми изгонялись Бонапарты... Я тогда же сказалъ республиканцамъ: вы сдѣлали важную ошибку! Бонапарты будутъ вашими повелителями! Напрасно вы говорите, что республика нуждается въ средствахъ монархіи!»

Правда! правда!раздалось изъ лѣваго центра; но большинство оставалось холоднымъ. Тьеръ началъ описывать свое тогдашнее свиданіе съ «принцемъ, котораго называли Наполеономъ III», тогда еще только возвращавшимся на французскую территорію, и припомнилъ слова, которыя онъ ему тогда сказалъ: «безумцы, призвавшіе васъ, сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ: вы будете ихъ повелителемъ, но не моимъ!». При этихъ словахъ антибонапартистскій духъ собранія тотчасъ выразился въ продолжительномъ перерывѣ и многократномъ браво.

«Я ничего не скрылъ отъ васъ! — воскликнулъ Тьеръ съ самоотверженіемъ, вызвавшимъ слезинки на глазахъ наивныхъ членовъ собранія и улыбку на устахъ политиковъ, привыкшихъ и не къ такимъ штукамъ.—Еслибы я не разсказалъ вамъ всего этого, вы бы не поняли того, какъ я долго колебался, прежде чѣмъ пришелъ къ опредѣленному заключенію, относительно обсуждаемаго вопроса. Я, принявъ въ соображеніе положеніе государства, разсмотрѣвъ мои личныя убѣжденія, которыя попрежнему говорятъ мнѣ, *что два правительства не могутъ въ одно время существовать въ одномъ государствѣ,* предложилъ себѣ вопросъ, исполню ли я по совѣсти свой долгъ, если, исполняя желаніе многихъ моихъ друзей, подамъ голосъ въ пользу отмѣны законовъ изгнанія?!!..»

Лѣвая сторона навострила уши. Центръ съ недоумѣніемъ поглядываетъ и на оратора, и на обѣ стороны, и на публику. Направо переговариваются вполголоса и знаками. Видно, что многихъ интересуетъ вопросъ: «неужели Тьеръ хочетъ возстановить собраніе противъ предложенія, на которое онъ самъ было-согласился при разсмотрѣніи его въ бюро?»

Глава исполнительной власти началъ между тѣмъ описывать свою любовь къ орлеанскимъ принцамъ, съ которыми онъ нѣ-

когда раздѣлялъ и радости, и печали! «Но—воскликнулъ онъ—у меня есть еще другъ, другъ, который для меня дороже принцевъ, дороже всего, — мое отечество!» Онъ спрашивалъ себя, не нужно ли послѣ одержанія побѣды физической, но когда нравственная побѣда можетъ быть одержана «только посредствомъ единодушія и благоразумія собранія», обратить особое вниманіе на все то, что̀ можетъ подорвать основанія бордосскаго соглашенія. Смыслъ же этого соглашенія онъ понимаетъ совершенно такъ же, какъ понималъ три мѣсяца тому назадъ. Затѣмъ онъ сталъ защищать правительство 4-го сентября, нѣкоторыхъ членовъ котораго онъ оставилъ у себя министрами, и которые, какъ онъ колко замѣтилъ прежнимъ офиціальнымъ кандидатамъ, личнымъ врагамъ Пикара и Ж. Симона, оказали уже ту важную, по достоинству оцѣненную нами услугу, что избавили насъ отъ имперіи (при этихъ словахъ, какъ справа, такъ и слѣва раздались громкіе аплодисменты). Онъ раздѣлилъ это правительство на двѣ категоріи, изъ которыхъ похвалилъ первую, т.-е. парижскую, которая, на сколько могла, съумѣла защищать городъ, и объявилъ турскую и бордосскую делегацію, «которая, безразсудно продолжая защиту, и пользуясь самыми невозможными средствами, нигдѣ ни когда неупотреблявшимися, вовлекла своею бѣшеною политикою Францію въ величайшую опасность; которая, ради продолженія этой защиты, возымѣла анти-національную, нелѣпую, дикую, дерзкую мысль помѣшать созванію національнаго собранія и тѣмъ помѣшать самой Франціи обсудить средства къ своему спасенію!». Всѣ эти обвиненія, особенно тѣ, которыя были направлены противъ Гамбетты, большинство встрѣчало громкимъ: «очень хорошо!». «Наконецъ—продолжалъ Тьеръ—національное собраніе образовалось, образовалось такъ свободно, какъ никогда до этого времени; оно отняло власть у деспотовъ, которые думали удержать Францію въ своихъ рукахъ; но думало ли оно уничтожить республику? — Нѣтъ, оно просто взяло ее изъ рукъ дурныхъ гражданъ». Съ особенною торжественностью, которая видимо смущала большинство ультра-роялистовъ, Тьеръ напомнилъ собранію, при какихъ условіяхъ онъ принялъ власть: «Мы получили—сказалъ онъ—*изъ вашихъ рукъ правительство, которое de facto было республикою.* Мы обязались заключить миръ, спасти и сохранить порядокъ, передать администрацію въ руки достойнѣйшихъ, создать армію, возстановить кредитъ и *сохранить существующую форму правленія*... Я признаюсь передъ вами, что не вышелъ и не выйду изъ границъ, начертанныхъ нашимъ взаимнымъ договоромъ... Вы сами не захотѣли, перемѣнивъ личный составъ правительства, перемѣнить и самую форму правленія. Вы признали республику *de facto*, только *de facto*; вы себѣ сохранили свободу дѣйствія въ будущемъ, и поступили совершенно разумно. Уважать самый фактъ существованія республики, и со-

хранять свободу дѣйствія въ будущемъ—вотъ въ чемъ заключается смыслъ и даже самая форма нашего договора».

Прежде, чѣмъ продолжать, глава исполнительной власти обвелъ глазами палату, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвели его слова. Съ правой и лѣвой стороны одинаково выражали недовѣріе. Вдругъ онъ рѣзко вскричалъ:

«Вотъ какой я республиканецъ! Я всю жизнь думалъ о формѣ правленія, которая бы болѣе другихъ удовлетворяла нуждамъ нашей страны, и я, впродолженіе 40 лѣтъ, безуспѣшно работалъ надъ учрежденіемъ въ ней англійской конституціонной монархіи». (На трибунахъ раздается смѣхъ, собраніе остается спокойнымъ). «Да—продолжаетъ онъ—я убѣжденъ, что въ Вашингтонѣ господствуетъ полная, благородная, величественная свобода, но убѣжденъ также, что и въ Лондонѣ народъ также свободенъ, даже еще, пожалуй, болѣе свободенъ, чѣмъ въ Вашингтонѣ... Уже 40 лѣтъ назадъ я писалъ: «Если не захотятъ переступить съ нами Ла-Маншъ, то будутъ принуждены современемъ перешагнуть весь Атлантическій океанъ». Всѣмъ извѣстно мое выраженіе, которое я произнесъ еще въ молодости, и которому я и теперь еще остался вѣренъ: «Нужна республика, то-есть управленіе страны самою же страною, съ президентомъ во главѣ, власть котораго переходитъ по наслѣдству». Справа и въ центрахъ раздаются аплодисменты.

Ораторъ пользуется ими и переходитъ отъ павшихъ династій опять къ бордосскому соглашенію. «Всѣ мы—говоритъ онъ—согласились соединиться для того, чтобы исполнить великое дѣло реорганизаціи страны, мы согласились отложить раздѣляющіе насъ вопросы, касающіеся преимущественно формы правленія... Это соглашеніе дало хорошіе результаты, потому что мы ни разу не нарушили его; я надѣюсь, что и теперь мы ему не измѣнимъ».

Послѣ этихъ словъ послѣдовало, впрочемъ, довольно неопредѣленное движеніе.

Тьеръ захотѣлъ опредѣлить его пояснѣе. Но его заявленіе о томъ, что онъ извиняется передъ частью собранія въ томъ, что онъ былъ вынужденъ обстоятельствами дать нѣкоторое предпочтеніе республикѣ, и обращенныя имъ къ другой части палаты, слова: «мы свободны въ будущемъ, и я, рискуя служить республикѣ, тѣмъ не менѣе, буду стараться управлять, насколько я могу, лучше», возбудили только смѣхъ въ палатѣ.

Палата осталась невозмутимою, когда ораторъ повторилъ возбуждавшія три мѣсяца тому назадъ въ Бордо такіе аплодисменты фразы о томъ, что всякія убѣжденія должны быть уважаемы, что одинаково позволительно вѣрить въ республику, какъ и въ монархію, *что онъ не измѣнитъ республикѣ*, хотя и не сдѣлаетъ ничего противъ будущности монархіи и проч. Онъ возбудилъ аплодисменты только тогда, когда снова сталъ объ-

яснять свой идеалъ временной республики, управляемой людьми всѣхъ партій, *республики безъ республиканцевъ*, и когда онъ разсказалъ, какъ именно республиканская форма правленія доставила ему услуги «великихъ военныхъ людей, великихъ гражданъ», которые бы ни за что не согласились примкнуть къ правительству той или другой династіи, и которые съ готовностью предложили свои услуги всей странѣ, представителемъ которой является скромный гражданинъ, неизмѣнный другъ арміи, который любитъ солдата, какъ свое родное дитя.

Потомъ, затрогивая еще болѣе деликатный предметъ — способъ, которымъ онъ отклонилъ вмѣшательство провинцій въ дѣло парижскаго возстанія, глава исполнительной власти сдѣлалъ слѣдующее признаніе: «Всѣ большіе города, въ томъ числѣ и самый Парижъ, прислали ко мнѣ депутаціи съ заявленіемъ, что въ національномъ собраніи господствуетъ желаніе свергнуть республику. Я имъ отвѣчалъ, что это неправда, и объяснилъ, что сами монархисты согласились и соглашаются на то, чтобы я назывался «главою исполнительной власти французской республики»; когда мнѣ возразили на это, что я не буду имѣть того же вліянія на собраніе, когда Парижъ будетъ взятъ, я отвѣчалъ, что я убѣжденъ, что собраніе не лишитъ меня своего довѣрія, и что, во всякомъ случаѣ, я добросовѣстно буду исполнять свою обязанность, и если замѣчу, что хотятъ измѣнить форму правленія, я прямо скажу объ этомъ собранію и попрошу его снять съ меня бремя общественныхъ дѣлъ».

Хотя Тьеръ и призналъ, такимъ образомъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, увѣривъ депутаціи большихъ городовъ, въ особенности же нантскую и монтобанскую, въ томъ, что республика будетъ сохранена, собраніе хранило глубокое молчаніе, которое начало его безпокоить. «Меня, можетъ быть, будутъ порицать за это!» вскричалъ онъ. Тогда только нѣсколько голосовъ сказали: «Нѣтъ! нѣтъ!». И многіе депутаты привѣтливо ему улыбнулись, особенно когда онъ прибавилъ: «Господа, если я невѣрно понялъ ваши желанія, то только одинъ я и останусь въ накладѣ!».

Затѣмъ, глава исполнительной власти еще разъ повторилъ: «Я не измѣню ни настоящему, ни будущему; когда я увижу, что тому или другому угрожаетъ опасность, я отдѣлюсь отъ тѣхъ, которые ее подготовляютъ. Что же касается собственно меня, то я убѣжденъ, что если вы станете, не думая, произносить рѣшенія, то этимъ самымъ немедленно ввергнете Францію въ новую междоусобную войну, — войну страшную, небывалую!».

Вся лѣвая сторона, при этихъ словахъ, вскричала: «правда! правда!».

«Недавно — продолжалъ Тьеръ — мы пришли ко всеобщему соглашенію всѣхъ партій; мой долгъ, по возможности, про-

длить это соглашеніе... Неужели вамъ будетъ непріятно, если такой миръ продолжится на вѣки?».

При этомъ послѣдовалъ продолжительный перерывъ справа. Какой-то маркизъ вполголоса замѣтилъ: «Мы вовсе не хотимъ, чтобы временная республика продолжилась на вѣки!».

«Я же, съ своей стороны, сдѣлаю все, что̀ могу, для того, чтобы это соглашеніе, этотъ миръ, по возможности, продолжился. Повѣрьте мнѣ, что если во Франціи когда-нибудь вновь возстановится монархія, у нея будетъ способъ заставить замолчать республиканцевъ; эта монархія скажетъ имъ: «Республику уважали, пока она существовала. Опытъ былъ произведенъ добросовѣстно... Республика невозможна!».

Вся правая сторона расхохоталась. Наконецъ-то она поняла, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые же члены лѣвой грустно опустили головы, видя, что рушатся ихъ самыя дорогія, самыя задушевныя надежды. По всей его рѣчи, продолжавшейся уже болѣе часа, можно было думать, что онъ потребуетъ новой отсрочки преній по этому вопросу. Только подъ самый конецъ ея онъ коснулся вопроса о выборахъ орлеанскихъ принцевъ, которые собственно и составляли предметъ преній. Онъ сказалъ, что, помня, чѣмъ сталъ Бонапартъ, немедленно введенный въ учредительное собраніе 1848 г., онъ очень хорошо понималъ опасность, которой подвергнулась бы республика, еслибы ввела какого-нибудь принца прямо въ свое сердце. Онъ задалъ себѣ вопросъ: что̀ онъ станетъ дѣлать, если другой какой-нибудь принцъ, не изъ Бурбонскаго дома, будетъ выбранъ избирателями? «Чтобы предупредить эту двойную опасность—говоритъ онъ—я предложилъ сначала въ очень рѣзкихъ, а затѣмъ и въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ общій законъ, принимающій противъ всѣхъ вообще династій нѣкоторыя предосторожности. Но коммисія отвѣчала мнѣ отказомъ, и я отступилъ передъ опасностью, которая неминуемо бы угрожала общественному спокойствію въ случаѣ перемѣны правительства».

«Я не представляю особаго правительства—продолжалъ Тьеръ—я просто временной администраторъ, выбранный во время несчастій страны; но и перемѣна такого временного администратора была бы несчастіе при настоящемъ положеніи дѣлъ... Патріотизмъ самихъ принцевъ помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ... Они передали мнѣ, *что они не появятся въ національномъ собраніи, и что они никогда не оправдаютъ опасеній, возбужденныхъ по этому поводу*».

При этихъ словахъ поднялся глухой ропотъ и на крайней правой сторонѣ, гдѣ говорили, что принцы совершенно напрасно сдѣлали подобное обѣщаніе, и на крайней лѣвой, въ которой удивлялись наивности Тьера, вѣрящаго подобнымъ обѣщаніямъ.

Республиканцы не успокоились, а роялисты пришли еще въ бо̀льшее смущеніе, когда глава исполнительной власти объ-

явилъ, что онъ, на обязанности котораго лежитъ возстановленіе порядка, рѣшился «*сохранить за собою право дѣйствія*, въ случаѣ, если, по его мнѣнію, Франціи или ея основнымъ учрежденіямъ будетъ угрожать какая-нибудь опасность въ настоящемъ или будущемъ; сохранить свободу дѣйствія, въ смыслѣ нѣсколько-часовой иниціативы, съ обязанностью немедленно сообщить о своихъ дѣйствіяхъ національному собранію».

На скамьѣ, гдѣ возсѣдаютъ Конти и пять бонапартистовъ, готовые немедленно уступить мѣста свои принцамъ, выражается сильнѣйшій гнѣвъ при этихъ послѣднихъ словахъ Тьера, который въ первые мѣсяцы своего правленія велѣлъ арестовать Руэра, вернувшагося-было во Францію, и который, судя по его словамъ, въ состояніи поступить такъ же и съ каждымъ изъ Бонапартовъ. Легитимисты, правда, не раздѣляютъ этого безпокойства; но ихъ коробитъ уже отъ одной мысли, что самъ *помазанникъ божій* Генрихъ, хотя бы только *de jure*, а не *de facto*, можетъ находиться подъ надзоромъ тайной полиціи. Орлеанская же группа, простые либералы и нѣкоторые республиканцы начали съ шумомъ аплодировать заключительной добродушной тирадѣ главы исполнительной власти: «Справедливо убѣжденный, что я исполняю великую обязанность, умоляя васъ не отнимать у меня своего довѣрія, я еще разъ вамъ повторяю: *Нѣтъ, я не обману никого!*».

Ни одинъ изъ знаменитыхъ республиканцевъ не взялся отвѣчать Тьеру. Только очень умѣренный и очень мало извѣстный республиканскій депутатъ Дюкаръ (изъ Ліона) почелъ за обязанность объяснить, почему онъ и нѣсколько его друзей на этотъ разъ несогласны съ главою исполнительной власти и подадутъ голосъ противъ отмѣны законовъ изгнанія, несмотря на то, что эта отмѣна въ теоріи нисколько не противорѣчитъ ихъ принципамъ. Но напрасно требовалъ онъ отсрочки преній по этому вопросу, указывая, вопервыхъ, на опасность бонапартистскихъ выходокъ, и вовторыхъ, на невозможность заключить необходимый для Франціи заемъ въ 2 милліарда, если хоть малѣйшій безпорядокъ подорветъ въ Европѣ французскій кредитъ; напрасно также депутатъ Жанъ Брюне, предложившій сначала отмѣну всѣхъ вообще законовъ изгнанія, какъ принцевъ, такъ и частныхъ лицъ, старался опять перенести обсужденіе этого вопроса на теоретическую почву, — собраніе заключило пренія. Точно также были отвергнуты двѣ поправки: первая, предложенная Марселемъ Бартомъ и генераломъ Билльо, по которой возвращеніе членовъ различныхъ фамилій, правившихъ Франціею, отсрочивалось до составленія новой конституціи; и вторая, предложенная депутатомъ Штейнгелемъ, по которой уничтоженіе законовъ изгнанія откладывалось до созванія новаго *учредительнаго* собранія. Въ своей рѣчи Бартъ старался доказать, что, какъ бы собраніе ни объясняло націи свое рѣшеніе, для народа оно всегда будетъ ка-

заться первымъ шагомъ къ монархіи; рѣчь эта безпрестанно была прерываема, что̀, однако, не помѣшало ему ее докончить, опредѣлить божественное право по манифесту графа Шамбора, и объявить, что палата сама себя ослабляетъ, возбуждая безъ всякой нужды страсти, вмѣсто того, чтобы возстановить порядокъ, тишину и примиреніе. Штейнгель, вошедшій въ первый разъ на трибуну, очень прямо поставилъ собранію вопросъ, признаетъ-ли оно за собою право перемѣнить форму правленія, и вообще считаетъ ли оно себя достаточно уполномоченнымъ для того, чтобы переименоваться, если оно этого захочетъ, въ учредительное собраніе. Собраніе отказалось дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ; но крики и протесты правой стороны ясно показывали, какимъ образомъ большинство по произведенію дополнительныхъ выборовъ думаетъ поддерживать бордосское соглашеніе: оно будетъ поддерживать это соглашеніе до тѣхъ поръ, пока будетъ предстоять возможность свалить на республику, существующую впрочемъ только по имени, отвѣтственность за всѣ подвиги реакціи; но какъ только революція будетъ окончательно подавлена казнями и ссылкою революціонеровъ, тотчасъ же будетъ возстановлена монархія.

Можно было бы предположить, судя по тому, что̀ сказалъ г. Брюне, отъ имени крайней лѣвой стороны, и гг. Штейнгель и Бартъ отъ имени лѣвой—умѣренной, что вообще вся лѣвая подастъ голосъ *противъ* отмѣны законовъ изгнанія. Но вдругъ являются гг. Беранже (депутатъ департамента Дромы) и графъ де-Рампонъ, которые, отъ имени части той же лѣвой стороны и нѣкоторыхъ членовъ лѣваго центра, объявляютъ, что они подадутъ голосъ *за* уничтоженіе этихъ законовъ, «руководствуясь при этомъ увѣреніями президента совѣта, утверждающаго бордосское соглашеніе, и дабы выразить этимъ свое довѣріе къ его энергіи и патріотизму». Такимъ-то образомъ еще сотня членовъ, безъ всякаго убѣжденія съ своей стороны, изъ одной только преданности Тьеру, подала голосъ вмѣстѣ съ большинствомъ. Истинный и дальновидный республиканецъ Леперъ не попался на эту удочку. Вошедши на трибуну, и не обращая вниманія на шиканіе легитимистовъ, онъ потребовалъ, чтобы правая сторона *высказала свою мысль*.

— Если вы имѣете право говорить, мы имѣемъ полное право молчать, прервалъ его съ замѣчательною неловкостью графъ де-Кастелланъ.

— Г. докладчикъ сказалъ намъ, продолжалъ Леперъ: — что вопросъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ политикѣ; глава же исполнительной власти, напротивъ того, объявилъ, что все дѣло тѣсно связано съ политикою. Вы еще не высказались по этому поводу... Нужно же, чтобы страна знала, что̀ на самомъ дѣлѣ лежитъ въ основаніи всего этого.

При этихъ словахъ шумъ достигаетъ крайней степени. Раздаются крики: «заключить пренія! заключить пренія!»

— Мнѣ остается сказать еще только одно: очень жаль, что собраніе приступаетъ какъ разъ послѣ того, какъ оно одержало во имя республики побѣду надъ величайшимъ возмущеніемъ, когда-либо бывшимъ въ этой странѣ, къ баллотировкѣ вопроса, который, чего я очень боюсь, можетъ показаться странѣ попыткою уничтожить республику.

Всевозможные крики, раздающіеся справа и слѣва, сливаются во всеобщій шумъ, который предсѣдатель прекращаетъ только предложеніемъ приступить къ баллотировкѣ.

Отмѣна законовъ изгнанія Бурбоновъ принята большинствомъ 472 голосовъ противъ 97. Выборы герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго утверждены большинствомъ 448 голосовъ противъ 113. Засѣданіе закрыто посреди величайшаго волненія.

Въ коридорахъ слышались возгласы:

— Реставрація совершилась!

— А можетъ быть имперія?

— Вѣдь Тюильри сожженъ!

— Да здравствуетъ король!

— Да здравствуетъ также и междоусобная война!

IV.

Версальское перемиріе и заемъ двухъ милліардовъ.

Въ первый разъ съ того времени, какъ онъ принялъ власть, Тьеръ нашелся вынужденнымъ уступить. Какъ бы онъ ни говорилъ, что «все идетъ, какъ нельзя лучше, что бордосское соглашеніе свято исполняется, и что мы его возобновляемъ съ общаго согласія», правая сторона думала именно то, что очень откровенно высказалъ въ одномъ своемъ, напечатанномъ въ газетѣ «France», письмѣ г. Дагирель, одинъ язъ депутатовъ правой стороны. «Мы, большинство палаты — пишетъ онъ — желаемъ возстановить монархію; зачѣмъ же г. Тьеръ хочетъ, *во что бы то ни стало*, сохранить республику, послѣ того, какъ онъ торжественно объявилъ въ Версали и Бордо, что онъ займетъ середину между двумя великими сторонами, оспоривающими другъ у друга будущее... Не большинство, а самъ г. Тьеръ нарушилъ бордосское соглашеніе... Теперь уже это соглашеніе болѣе не существуетъ... г. Тьеръ предложилъ намъ перемиріе, мы его не отвергли, приняли. Но когда же будетъ конецъ этому перемирію? которая изъ двухъ договаривающихся сторонъ вправѣ опредѣлить срокъ его? Тьеръ объявилъ, что онъ будетъ *организовывать*; но организовывать, ничего не учредивши — непозволительная химера!... Но плетясь, какъ вы плететесь, мы ничего не будемъ въ состояніи организовать и въ два года—срокъ,

который вы сами назначаете для продолженія вашей власти. Какъ бы ни была палата терпѣлива, она никогда не согласится на это только для того, чтобы поддержать бордосское соглашеніе. Страна этого не потерпитъ!»

И дѣйствительно, 15-го мая, г. Дагирель представилъ палатѣ отъ своего собственнаго имени предложеніе такого рода:

«Національное собраніе немедленно объявитъ себя учредительнымъ собраніемъ; 22-го іюня оно назначитъ въ публичномъ засѣданіи коммисію изъ 15 членовъ для представленія ему къ 9-му іюля проекта конституціи».

Въ этомъ же засѣданіи, 15-го мая, бывшій квесторъ законодательнаго корпуса, знаменитый своею оппозиціею государственному перевороту 1851 года, г. Базъ, принадлежащій теперь къ орлеанистской партіи, не вполнѣ довѣряющей г. Тьеру, предложилъ постановить, что національное собраніе не разойдется, прежде чѣмъ не издастъ законы относительно реорганизаціи арміи, магистратуры и администраціи, финансовой и гражданской, и законовъ о выборахъ, прежде чѣмъ не приведетъ въ исполненіе трактатъ 10-го мая, не обезпечитъ уплату военной контрибуціи и не очиститъ территоріи отъ иностраннаго занятія; что оно продолжитъ на два года срокъ своихъ полномочій и на все это время оставитъ Тьеру власть, предложенную ему 17-го февраля. Разница между предложеніемъ г. База и проектомъ Маллевиль-Фере, взятомъ лѣвою стороною обратно, по просьбѣ самого Тьера, та, что по проекту Маллевиль-Фере Тьеръ назначался президентомъ республики и имѣлъ право распустить собраніе, тогда какъ по предложенію База онъ оставался только президентомъ совѣта министровъ и вполнѣ зависѣлъ отъ собранія.

Тьеръ, отлично понявъ перемѣну, происшедшую, какъ въ общемъ положеніи дѣлъ, такъ и въ его собственномъ положеніи, и одинаково боясь, какъ слишкомъ большаго усердія своихъ друзей, такъ и вліянія своихъ враговъ на нетвердое и раздѣленное на части большинство, поспѣшилъ, въ угоду правой сторонѣ, все еще точившей зубы на людей 4-го сентября, дать отставку министру внутреннихъ дѣлъ, Эрнесту Пикару, и продолжить хоть на три недѣли *версальское перемиріе* немедленнымъ созваніемъ избирательныхъ коллегій, которыя не созывались уже мѣсяца три. Вся перемѣна въ министерствѣ ограничилась назначеніемъ на мѣсто республиканца Пикара министра торговли, орлеаниста Ламбрехта, республиканца Виктора Лефранка на мѣсто Ламбрехта и одного изъ самыхъ блестящихъ побѣдителей парижскаго возстанія, легитимиста Сиссей (Cissey), на мѣсто стараго республиканца Лефло. Однако, эти перемѣны не произвели ожидаемаго успокоенія умовъ: правая сторона хотѣла, чтобы ей немедленно пожертвовали Жюль Фавромъ и Жюль Симономъ, и чтобы тѣмъ яснѣе обозначился окончательный разрывъ между временнымъ правительствомъ Бордо и вре-

меннымъ правительствомъ Парижа, то-есть, чтобы такимъ образомъ формально высказалось отрицаніе республики главою исполнительной власти той же республики. Нападенія на правительство 4-го сентября стали все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, правая сторона представила запросъ, подобный тому, который незадолго передъ этимъ былъ взятъ назадъ лѣвою стороною, по которому акты и законодательные декреты правительства народной обороны, равно какъ и провинціальныхъ делегацій этого правительства, должны быть пересмотрѣны и обревизованы. Половина всѣхъ засѣданій первыхъ трехъ недѣль іюня мѣсяца была употреблена на оправданіе Трошю, объясненія, очень дурно принятыя палатою, Жюля Фавра и нападки, подъ всевозможными предлогами, на республику, приверженцевъ которой безпрестанно честили то прозваніемъ *ловкихъ*, несъумѣвшихъ употребить ее на заключеніе почетнаго мира, то прозваніемъ *сумасбродовъ*, компрометировавшихъ ее междоусобной войною, начатою ими тотчасъ послѣ войны съ внѣшнимъ врагомъ и еще въ присутствіи непріятеля. Декретъ 9-го іюня, представляющій собою парламентскій coup d'état, пріостановилъ на время осуществленіе *конституціонныхъ* проектовъ различныхъ партій. Этимъ декретомъ избиратели 48 департаментовъ приглашаются ко 2-му будущаго іюля замѣстить 114 депутатскихъ мѣстъ, оставшихся вакантными вслѣдствіе двойнаго выбора, недѣйствительности выборовъ и отставки нѣкоторыхъ депутатовъ. Смотря по результату этихъ выборовъ, которые могутъ измѣнить большинство и перемѣнить, какъ численное, такъ и политическое значеніе нѣкоторыхъ партій, предположенные планы сразу сдѣлаются исполнимыми или неисполнимыми и, такъ или иначе, судьба Франціи будетъ рѣшена.

11-го числа, избирательный періодъ былъ открытъ адресомъ къ парижскимъ избирателямъ, подписаннымъ именемъ одного Эдгара Кине. Не обращая вниманія на всѣ разъясненія «правительства интригъ», и довѣряя одной истинѣ, знаменитый историкъ прямо нападаетъ на извѣстную аксіому Тьера: *Республика безъ республиканцевъ!* Съ ясностью и спокойствіемъ онъ пунктъ за пунктомъ указываетъ на нелѣпость системы, состоящей въ томъ, чтобы устранить всѣхъ приверженцевъ республики для того, чтобы чрезъ то основать республику, и на полнѣйшую невозможность сдержать слово не измѣнять республикѣ, ничего не дѣлая противъ монархіи. «Какъ-будто есть возможность служить одной, не измѣняя другой, и укрѣплять первую, не ослабляя второй! Какъ-будто можно въ одно время говорить и *да*, и *нѣтъ*, быть и *за*, и *противъ*, дѣйствовать въ настоящемъ, не вліяя на будущее!»

Знаменитый авторъ «Философіи французской исторіи», «Революціи 1789 года» и «Итальянскихъ революцій» приходитъ въ ужасъ отъ этихъ утонченностей, въ которыхъ погибаетъ

все, даже разумъ, и отъ этихъ ложныхъ идей, которыя своею ложью доведутъ насъ до ничтожества. «Въ то время, какъ все у насъ рушится—восклицаетъ онъ—намъ остается только одно убѣжище — истина! Мы потеряли наши арміи, наши двѣ провинціи, ограду Франціи, наше будущее, наше прошедшее. Не станемъ же терять за одинъ разъ и нашу интеллигенцію, нашъ здравый смыслъ, нашу совѣсть... Если вы хотите республику, выбирайте же друзей, а не враговъ республики!... Если мы во главѣ республики поставимъ монархію, мы станемъ посмѣшищемъ самыхъ нашихъ противниковъ. Послѣ всѣхъ нашихъ бѣдствій постараемся же избѣжать, по крайней мѣрѣ, послѣдняго: не станемъ посмѣшищемъ всего свѣта!»

Очень грустно признаться, что въ нашей прессѣ много смѣялись надъ *недостаткомъ политическаго такта* этого старика, знанія и геній котораго заслуживаютъ всеобщаго удивленія. Онъ даже не могъ собрать подписи 21-го депутата, составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ крайне-лѣвую сторону, которые издали коллективный манифестъ, совершенно не касающійся ни Тьера, ни его политики. Манифестъ этотъ чрезвычайно вялъ и туманенъ. Въ немъ нападаютъ на монархію, «которая приведетъ насъ непремѣнно къ цезаризму, а цезаризмъ къ полному, неизлечимому разложенію»; въ немъ подтверждаютъ, что одна республика въ состояніи залечить наши раны «и возвратить нашей Франціи ея вѣчную молодость»; но ровно ничего не говорится такого, что̀ бы могло возбудить усердіе избирателей, склонить ихъ на сторону однѣхъ кандидатуръ, и отвлечь отъ другихъ.

Болѣе политичнымъ, въ дурномъ смыслѣ этого слова, но за то и болѣе практичнымъ былъ манифестъ лѣвой умѣренной стороны, редактированный Генрихомъ Мартеномъ, и подписанный всѣмъ собраніемъ Jeu de paume, въ составъ котораго входятъ, по крайней мѣрѣ, сто депутатовъ. Въ немъ очень сильно нападаютъ на «анархію коммуны», и на саму коммуну, погибшую посреди крови и пламени; объявляютъ себя приверженцами бордосскаго соглашенія, и обвиняютъ монархистовъ въ томъ, что они не поддерживаютъ этого соглашенія, какъ республиканцы; указываютъ на бонапартистскую агитацію, возрождающуюся изъ-за агитацій бурбонистскихъ и клерикальныхъ: «Существуютъ три соперницы монархіи и одна только республики!» Теперь для Франціи, по словамъ этого манифеста, нуженъ порядокъ, трудъ, безопасность, кредитъ, «слѣдовательно нужно новое перемиріе политическихъ страстей, нужно утвержденіе современнаго временнаго правительства, во главѣ котораго долженъ попрежнему стоять Тьеръ, превосходный государственный человѣкъ, въ патріотизмѣ котораго никто не сомнѣвается, и который обѣщалъ сохранить республику неприкосновенною». Тьеръ президентъ de facto, если и не конституціонный король — вотъ завѣтная мечта большинства респуб-

ликанской партіи. И неужели, въ самомъ дѣлѣ, нужно желать, чтобы эта мечта осуществилась? Неужели нужно желать, чтобы основателемъ нашей третьей республики сталъ, несмотря на его лѣта, на его искони монархическія привычки и наклонности, несмотря на то, что онъ не мало помогъ низверженію республики 48 года,—75-тилѣтній либералъ, которому чужды всѣ республиканскія рѣшенія соціальнаго и религіознаго вопроса, который никогда не согласится на равенство труда и капитала, на отдѣленіе церкви отъ государства? Неужели это возможно? Я вѣрилъ этому въ Бордо, не замѣчая ни въ одной изъ непримиримыхъ партій, изъ которыхъ Тьеръ умѣлъ составлять большинство и даже единогласіе, ни одного человѣка, который бы былъ въ состояніи произвесть, а тѣмъ болѣе возобновить подобное чудо, и убѣждаясь, что возрастъ, недопускающій никакого слишкомъ большого честолюбія, и его патріотизмъ, дѣлающій всякое честолюбіе, съ его стороны, законнымъ, доставляютъ главѣ исполнительной власти то совершенное безпристрастіе, которое я въ своихъ мечтахъ считалъ необходимымъ для французскаго Вашингтона.

Во все время второй осады Парижа, не имѣя никого другого, на комъ бы могло остановиться мое національное и республиканское отчаяніе, я продолжалъ мечтать о Тьерѣ - Вашингтонѣ. Мои иллюзіи прекратились въ одно время съ окончаніемъ пожара Тюильри и городской ратуши. Я пересталъ вѣрить въ безпристрастіе Тьера, пересталъ вѣрить во всемогущую честность, необходимую Вашингтону нашей страны для того, чтобы преобразовать настоящее и создать изъ хаоса будущее, когда увидѣлъ, что онъ неспособенъ устроить послѣ бордосскаго соглашенія *перемиріе съ Парижемъ*, и что онъ, вмѣсто того, чтобы постараться примирить партію соціалистовъ съ прочими партіями, довелъ ее до сумасшествія поджоговъ, до ярости возмущенія и, затѣмъ, сталъ ее разстрѣливать, даже не дожидаясь того, чтобы военные суды произнесли приговоръ надъ законно-открытыми и законно-уличенными главными виновниками, а смѣшанныя коммисіи распорядились насчетъ ссылки участниковъ.

И, дѣйствительно, не на уничтоженіи 100,000 парижскихъ республиканцевъ-соціалистовъ (число взято изъ Journal des Débats) и не на торжественныхъ пріемахъ орлеанскихъ принцевъ въ отелѣ президента можетъ утвердиться французская республика! Мнѣ показалась дьявольскою улыбка Тьера, когда онъ представлялъ республикѣ 4-го сентября, олицетворенной Жюль Фавромъ, дядей графа Парижскаго, и радовался своей республикѣ, окруженной монархистами!

Оба высочества, выбранные въ депутаты, строго хранили условія, предложенныя имъ благоразумнымъ министромъ ихъ отца. Они не подали, какъ ошибочно сначала предполагали, своей отставки; напротивъ того, герцогъ Жуанвильскій, выбран-

ный въ департаментѣ Ла-Маншъ и Верхней Марны, принялъ полномочія отъ послѣдняго департамента, вѣроятно, предоставляя кандидатуру перваго г. Гизо. Но они не вступили въ собраніе, а удовольствовались тѣмъ, что помѣстились въ Версалѣ, въ маленькомъ домикѣ, въ улицѣ Сатори, нанятомъ ими для ихъ частнаго повѣреннаго, г. Бошеръ, и учредили вокругъ себя настоящій дворъ, не обращая никакого вниманія на республиканскую полицію. Да, впрочемъ, они и не составляютъ никакихъ заговоровъ, а просто поддерживаютъ связи въ обществѣ, и если и говорятъ о политикѣ, то ничего не позволяютъ печатать объ этомъ отъ своего имени въ газетахъ. Ждали, что они, прежде, чѣмъ вступятъ на французскую территорію, тоже, по примѣру графа Шамбора, издадутъ какой-нибудь манифестъ. Они этого не сдѣлали по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что это было безполезно, а вовторыхъ, потому, что это было даже опасно. Самое ихъ присутствіе и ихъ слова были лучше всякаго манифеста. У нихъ, впрочемъ, и нѣтъ опредѣленнаго плана дѣйствій, потому что они не чувствуютъ за собою партіи, достаточно сильной для того, чтобы противостать въ одно время республиканцамъ всѣхъ оттѣнковъ, легитимистамъ и имперіалистамъ. Тактика ихъ послѣ возвращенія осталась такою же, какою она была и во время изгнанія: предоставить обстоятельства самимъ себѣ, не предупреждая ихъ. Они терпѣливо стали ждать конца временнаго положенія дѣлъ, продолженнаго еще на два года; они бы съ не меньшимъ удовольствіемъ признали бы власть главы дома Бурбоновъ, еслибы только Генрихъ V имѣлъ серьёзные шансы вступить на престолъ своихъ предковъ. Сліяніе обѣихъ линій, которое уже столько разъ возвѣщалось различными газетами, въ то время, какъ я пишу это письмо, еще не состоялось. Но, вопреки наиболѣе распространенному мнѣнію, «Gazette de France» утверждаетъ, что это сліяніе непремѣнно произойдетъ; я, съ своей стороны, не считаю этого невозможнымъ, потому что обѣ партіи весьма легко могутъ сойтись въ виду того, что наслѣдованіе престола послѣ Генриха V будетъ принадлежать Орлеанамъ, такъ-какъ самъ Генрихъ V не имѣетъ дѣтей и не можетъ ихъ имѣть. Но весь вопросъ въ томъ, перейдутъ ли въ лагерь республиканцевъ орлеанисты-скептики и буржуа, въ виду того, что сліяніе опирается на божественное право? Это-то опасеніе и мѣшаетъ принцамъ слишкомъ торопиться дѣлать визитъ графу Шамбору, который, въ свою очередь, не особенно спѣшитъ возвращаться во Францію. Его Туренскій замокъ ремонтируется за-ново, но его величество остается и до сихъ поръ въ Женевѣ... вѣроятно, до конца выборовъ 2-го іюля.

При будущихъ выборахъ, вѣроятно, католическое духовенство будетъ имѣть совершенно такое же вліяніе, какое оно имѣло во время выборовъ имперіи. Приготовленія къ этому сдѣланы уже давно, а казнь парижскаго архіепископа и прочихъ

заложниковъ изъ духовенства, совершенная полоумными приверженцами коммуны, давая имъ удобный случай представить этихъ несчастныхъ мучениками, доставитъ имъ еще бо̀льшую возможность влiять на мягкосердiе женщинъ и страхъ крестьянъ; этотъ страхъ тѣмъ легче можно будетъ возбудить, что вообще всѣхъ мучителей святыхъ очень легко представить коммунистами, и что крестьяне еще болѣе привязаны къ своей землѣ, чѣмъ крестьяни къ своему пастору.

Юбилей Пiя IX пришелся какъ разъ кстати, принеся съ собою массу праздниковъ и церемонiй, какъ разъ совпадающихъ со временемъ конфирмованiя дѣтей и разныхъ большихъ процессiй, такъ что сами дѣти стали безчисленными агентами великой политико-клерикальной пропаганды. Черезъ руки дѣтей, главнымъ образомъ, проходили адресы къ святому отцу и петицiи въ нацiональное собранiе о томъ, чтобы Генриху V немедленно былъ возвращенъ тронъ его предковъ, а папѣ его свѣтская власть, хотя бы даже для этого нужно было вступить въ войну съ Италiею. Просто не повѣрилъ бы этой колоссальной глупости, предлагаемой тогда, когда всякiй французъ долженъ сознавать окончательную невозможность для Францiи вести войну съ кѣмъ бы то ни было, а въ особенности съ Викторомъ-Эммануиломъ, которому покровительствуетъ императоръ Вильгельмъ, еслибы это требованiе не было весьма торжественно высказано, по инициативѣ архiепископа Руанскаго и нормандскихъ викарiевъ, въ клерикальныхъ парижскихъ газетахъ «Monde» и «Univers».

Слишкомъ большое усердiе высшаго духовенства можетъ повредить легитимистской пропагандѣ и, напротивъ того, помочь пропагандѣ бонапартистской, поддерживаемой низшимъ духовенствомъ. Крестьяне, знающiе по опыту, во что обходится имъ война, ни за что не согласятся снова вести ее съ кѣмъ бы то ни было и за кого бы то ни было, все равно, за папу ли или за чорта. Сельскiе священники, никогда небывавшiе въ Римѣ, безъ особаго усердiя посылаютъ туда свои покровы и, въ качествѣ клерикальнаго пролетарiата, смотрятъ не безъ злобы и зависти на разжирѣвшихъ епископовъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ земля раздѣлена на очень мелкiе участки, гдѣ нѣтъ слишкомъ большихъ имѣнiй богатыхъ вельможъ, у которыхъ они могли бы быть нахлѣбниками и слугами, сельскiе священники на столько же легитимисты, на сколько всѣ вѣрующiе ихъ приходовъ; они стоятъ вообще за всякое сильное правительство, которое въ состоянiи подавить анархiю и нечестiе, и которое возвышаетъ цѣну на земляные продукты, потому что это доставляетъ милостыни для бѣдныхъ и много различныхъ благъ для нихъ самихъ. Въ прежнее время они крѣпко стояли за плебисциты, за которые они, по всѣмъ вѣроятiямъ, съ большимъ удовольствiемъ будутъ стоять и теперь.

Плебисцитъ! Это логичное по виду, но безсмысленное въ

дѣйствительности, приложеніе принципа самодержавія народа, въ особенности въ такой странѣ, какъ наша, въ которой большинство населенія погрязаетъ въ страшномъ невѣжествѣ, составляетъ завѣтную мечту бонапартистовъ! Спасеніе, какъ торжественно объявляетъ принцъ Наполеонъ, «не заключается въ интригахъ претендентовъ, но въ волѣ самого народа... Все должно стушеваться передъ волею народа, свободно и непосредственно выраженною... Единственное основаніе, на которомъ можетъ еще правительство во Франціи утверждать свои принципы, единственный источникъ, изъ котораго оно можетъ почерпнуть законность и силу, есть обращеніе къ народу, котораго мы и требуемъ, и котораго должна добиваться вся Франція».

Это письмо Жерома Бонапарта, которому г. Жюль Фавръ, по всегдашней своей ловкости, придалъ особое значеніе своими возраженіями съ трибуны, представляетъ обвинительный актъ, направленный противъ правительства народной обороны, и надо признаться, обвиненія его по бо̀льшей части справедливы. Да, люди 4-го сентября виновны въ томъ, что условія мира 10-го мая болѣе суровы, чѣмъ они бы могли быть, еслибы правительство народной обороны пораньше вступило въ переговоры, и на нихъ падаетъ бо̀льшая часть отвѣтственности за парижскіе пожары, такъ-какъ они, какъ ихъ справедливо упрекаетъ кузенъ Наполеона III, не съумѣли «употребить въ пользу ужасные, но могущественные элементы, которые впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были въ состояніи сопротивляться солдатамъ всей Франціи», сопротивляться съ тѣми ружьями, пушками, фортами и баррикадами, которые остались безполезными въ рукахъ слабыхъ и немощныхъ, и которые легко могли бы принести существенную пользу противъ непріятеля. Кромѣ того, я не думаю, чтобы зять Виктора-Эммануила ошибался, ставя министру иностранныхъ дѣлъ въ упрекъ его «ферьерскія слезы» и его слишкомъ извѣстную клятву: *ни пяди нашей территоріи, ни камня нашихъ крѣпостей!* которая, однако, нисколько не помѣшала ему подписать мирный трактатъ, и обвиняя его въ томъ, что, когда непріятель предложилъ ему выборъ между обезоруженіемъ арміи или обезоруженіемъ національной гвардіи, Жюль Фавръ выбралъ обезоруженіе первой потому, что «боялся бонапартистскихъ элементовъ арміи», тогда какъ не обратилъ никакого вниманія на «элементы безпорядка и раздоровъ, неминуемо существовавшіе въ озлобленной и раздраженной странѣ». Самый фактъ выбора справедливъ, но если г. Жюль Фавръ боялся бонапартистскаго элемента, то онъ еще болѣе опасался народнаго элемента, который бы не позволилъ себя обезоружить, и возсталъ бы противъ пруссаковъ такъ же, какъ возсталъ впослѣдствіи противъ версальцевъ. По мнѣнію г. Жерома Наполеона, Жюль Фавръ только потому согласился на миръ, что Бисмаркъ намекнулъ ему на возможность созванія прежняго законодательнаго корпуса; точно такъ же онъ бы

не согласился во Франкфуртѣ на усиленіе предварительныхъ условій, еслибы Бисмаркъ не высказалъ ему свое намѣреніе, въ случаѣ его не согласія, прямо обратиться къ французскому народу. И въ этомъ есть правда, но эта правда на этотъ разъ говоритъ только въ пользу республиканца Жюля Фавра, который былъ серьёзно убѣжденъ, что Франція меньше теряетъ отъ уступки Эльзаса и Лотарингіи, чѣмъ отъ реставраціи Бонапартовъ. Но не въ этомъ заключается ошибка, преступленіе министра иностранныхъ дѣлъ республики, а въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, онъ не съумѣлъ заключить миръ тотчасъ же послѣ 4-го сентября, а въ случаѣ невозможности заключить хоть нѣсколько подходящій миръ, не повелъ войны народной, революціонной, которая должна бы была продолжаться до окончательнаго изгнанія непріятеля. «До паденія имперіи мы подвергались большимъ, но поправимымъ, неудачамъ; напротивъ того, начиная съ 4-го сентября, это ужь не неудачи, а ужасныя, непоправимыя, безпримѣрныя въ исторіи, несчастія... Исторія припомнитъ, что, обѣщавъ спасти Францію, вы ее погубили». Но развѣ легко объяснить, почему императоръ самъ не заключилъ мира въ Седанѣ? Отчего императрица-регентша не попробовала вступить въ переговоры вмѣсто своего мужа, взятаго въ плѣнъ? Почему она молчала, когда Ренье, вызвавшій Бурбаки изъ Метца и остававшійся уже болѣе двухъ мѣсяцевъ въ плѣну въ Версали, умолялъ ее дѣйствовать и дѣйствовать передъ Бисмаркомъ, и почему она своимъ молчаніемъ прекратила, уже почти совсѣмъ удавшіеся, переговоры? Бонапартистская партія, которая является главною виновницею всѣхъ нашихъ несчастій, основываетъ свои надежды на возрожденіе не на какой-нибудь услугѣ, оказанной Франціи, и доселѣ не вознагражденной, а исключительно на нашемъ полнѣйшемъ несчастіи, принятомъ и утвержденномъ ея противниками; а ея полнѣйшая неподвижность во все время національнаго кризиса, навѣрно, не имѣла другой цѣли, кромѣ той, чтобы сдѣлать въ будущемъ наши развалины недоступными для ея враговъ и, за ихъ ошибками, заставить забыть о своихъ преступленіяхъ.

На запросъ, представленный 16-го іюня г. де-Валлономъ, которому онъ сообщилъ въ одномъ изъ бюро бордосскаго собранія, что въ сентябрѣ Бисмаркъ согласился бы на миръ съ уступкою одного Страсбурга и его окрестностей, Жюль Фавръ въ длинной и, надо сказать, довольно туманной рѣчи, не отрицая справедливости своего тогдашняго заявленія, отказался объяснить тогдашнюю чрезвычайно странную политику правительства народной обороны. При этомъ онъ воспользовался случаемъ отвѣтить слѣдующими, весьма жесткими словами на оскорбительныя инсинуаціи принца Наполеона: «Я никогда не унижу себя на столько, чтобы рѣшиться спорить съ тѣми, которые имѣли печальную дерзость вызывать объявленіе войны, и въ числѣ

которыхъ находится генералъ, или, по крайней мѣрѣ, лицо, носящее генеральскій мундиръ, *который первый убѣжалъ отъ пруссаковъ!*»

На это интимный другъ принца Наполеона, бывшій статсъ-секретарь, Жери поспѣшилъ отвѣтить: «Вы оклеветали моего друга, г. Жюль Фавръ. Принцъ былъ въ сѣверныхъ моряхъ въ то время, когда совершались событія, вызвавшія объявленіе войны. Тотчасъ же пріѣхавъ во Францію, онъ просилъ разрѣшенія принять участіе въ экспедиціи, снаряжавшейся подъ начальствомъ адмирала Ларонсьера и генерала Трошю въ Балтійское море. Если онъ изъ Шалона и уѣхалъ въ Италію, то только для того, чтобы исполнить особенно важное дипломатическое порученіе, съ которымъ послалъ его императоръ къ королю Виктору-Эммануилу. Онъ долго колебался принять это порученіе, и уступилъ только въ виду приказанія своего главнаго военнаго начальника, *этого великаго, но скромнаго человѣка, слово котораго есть сама честь—маршала Макъ-Магона!*» Въ этихъ словахъ Жери я, главнымъ образомъ, обращаю ваше вниманіе не на объясненіе поведенія принца Наполеона, а на похвалу, высказанную маршалу Макъ-Магону, еще совершенно невысказавшемуся побѣдителю парижскаго возстанія, который, впрочемъ, ни разу не позволилъ напечатать во главѣ своихъ прокламацій «къ освобожденному населенію» словъ—*Французская республика.* Почти въ то же время въ легитимистскихъ газетахъ появилась статья, подписанная просто: Генрихъ, въ которой тотъ же Макъ-Магонъ былъ названъ «человѣкомъ, вполнѣ олицетворяющимъ во Франціи военную честь». А нѣсколько недѣль тому назадъ, Тьеръ назвалъ его въ одной изъ своихъ рѣчей «рыцаремъ безъ страха и упрека». Кому же принадлежитъ шпага этого, столь восхваляемаго генерала, которую оспариваютъ другъ у друга три различныя партіи? Навѣрно не республикѣ, и я боюсь, что именно эта шпага, переломившаяся и сданная врагу при Седанѣ, снова закаленная подъ парижскимъ огнемъ и орошенная кровью коммунистовъ, и разсѣчетъ въ пользу одной какой-нибудь стороны гордіевъ узелъ всѣхъ монархическихъ интригъ.

Между тѣмъ, какъ сверху, въ парижской прессѣ, такъ и снизу, въ селахъ и мастерскихъ, создается и распространяется новая *наполеоновская легенда.*

По словамъ г. Жери, «исторія укажетъ на истинныхъ виновниковъ этой роковой войны 1870 года; на нихъ падетъ за нее и отвѣтственность; исторія сдѣлаетъ различіе между благороднымъ увлеченіемъ и разсчитанною подлостью; она отличитъ тѣхъ, которые только подчинились взрыву возбужденной силы народа, отъ тѣхъ, которые вызвали этотъ взрывъ, и будетъ особенно строга къ тѣмъ, *которые, безпрестанно раздражая самолюбіе народа, затрогивая его патріотизмъ, доказывая, что именно мы составляемъ разбитую при Садовѣ сторону,* вы-

звали своими рѣчами эту несчастную войну и вовсе не думали воспрепятствовать своею вотировкою ея объявленію».

Въ полустатьѣ, полуманифестѣ, обсужденномъ, какъ говорятъ, въ присутствіи самого эксъ-императора, и помѣщенномъ въ лондонской газетѣ «International» за подписью вѣрнаго сотрудника его величества, эксъ-министра торговли Клемана-Дювернуа, разсуждается на ту же тему. Тьеръ и лѣвая сторона бывшаго законодательнаго корпуса *вызвали,* правительство народной обороны *усилило,* а Тьеръ и роялисты нынѣ *эксплуатируютъ* современныя несчастія Франціи! Относительно же настоящаго и будущаго Франціи, Клеманъ Дювернуа ставитъ вопросъ такого рода: «Что̀ же слѣдуетъ дѣлать? Ясно—учредить стойкое правительство и пересоздать Францію!» Прежде всего надо учредить правительство, потому что временное правительство, по самой своей сущности, не въ состояніи устранить всѣ представляющіяся затрудненія, не имѣя для этого двухъ существенныхъ элементовъ: *финансоваго кредита* внутри государства, и *внѣшняго политическаго вліянія.* Г. Дювернуа не говоритъ уже о «необходимости величія», какъ въ то время, когда онъ возбуждалъ народъ къ этой ужасной борьбѣ; дѣло уже заключается не въ отмщеніи, а въ уничтоженіи элементовъ безпорядка и слабости. «При помощи хорошихъ финансовъ, распространенія образованія, благоразумной децентрализаціи и мудраго преобразованія нашей арміи», однимъ словомъ, дѣлая какъ разъ противное тому, что̀ дѣлалось у насъ съ 1851 года до 1870 года, «мы болѣе будемъ въ состояніи поправить наши несчастія, чѣмъ еслибы мы стали пересматривать весь ходъ войны и показывать кулакъ тѣмъ, которые насъ разбили». Но кромѣ того, нужно «благоразумно и искусно добиться скораго очищенія нашей территоріи отъ непріязненнаго занятія»; «нужно заключить союзы съ другими народами съ единственною цѣлью упрочить миръ». А это все можетъ быть произведено только посредствомъ учрежденія постояннаго правительства; а какъ же учредить такое правительство, не обратившись къ самодержавію народа? Народъ же можетъ выразить свою волю двумя способами: посредствомъ избранія учредительнаго собранія, или непосредственно. Конечно, непосредственное выраженіе народной воли, или *плебисцитъ* есть наиболѣе удовлетворительное, и даже единственно возможное средство. «Развѣ есть какая-нибудь возможность — восклицаетъ г. Дювернуа — учредить другимъ путемъ какое-нибудь правительство посреди настоящихъ затрудненій, когда, съ одной стороны, Наполеонъ, съ другой — кто-нибудь изъ Бурбоновъ, и множество другихъ, призываютъ народъ подъ свое знамя? Для того, чтобы народъ не сталъ подъ знамя одной партіи, нужно, чтобы это знамя было знаменемъ всей Франціи!... Все, что̀ будетъ сдѣлано помимо плебисцита, будетъ не только окончательно незаконно, но и совершенно недѣйствительно».

Это разсужденіе чрезвычайно обманчиво и очень легко можетъ имѣть вліяніе на невѣжественные, непросвѣщенные умы, если національное собраніе, послѣ выборовъ 2-го іюля, вопреки полномочіямъ, полученнымъ въ февралѣ, объявитъ себя учредительнымъ. Бонапартисты, попавшіе въ палату, особенно если они такъ же ловки, какъ Клеманъ Дюверну́а, Мань, Руэръ и проч., конечно, не упустятъ случая протестовать противъ такого явнаго нарушенія права. Республиканцы, которые ставятъ республику выше всенароднаго голосованія, и еще выше случайнаго большинства, превысившаго свои полномочія, тоже не преминутъ напасть на это учредительное собраніе, что̀ еще болѣе поможетъ дѣлу плебисцита. Эта опасность могла бы быть окончательно устранена только распущеніемъ палаты и созваніемъ учредительнаго собранія.

Въ настоящее время будущій плебисцитъ уже подготовляется открытымъ обращеніемъ въ деревняхъ массы брошюръ и агентовъ—духовныхъ, сельскихъ стражей, прежнихъ меровъ, и проч. — которые распространяютъ въ народѣ *легенду* такого рода:

— Истинными виновниками войны были члены прежней оппозиціи, во главѣ которыхъ стоялъ тогда, какъ и теперь, г. Тьеръ, который заранѣе предсказалъ пораженіе, и который, слѣдовательно, одинъ хорошо зналъ дѣйствительныя силы непріятеля. Наполеону измѣнили, его продали, предали Пруссіи. Если добрые крестьяне его возстановятъ на престолѣ, онъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, устроитъ дѣла съ королемъ прусскимъ, который нѣкогда былъ его другомъ, возвратитъ то, что̀ Франція потеряла на сѣверо-востокѣ, уменьшитъ налоги, чего, какъ видно, не въ состояніи сдѣлать Тьеръ, который до сихъ поръ еще не доставилъ странѣ хорошаго сбыта земляныхъ продуктовъ, обезпеченнаго во все время имперіи.

Другіе агенты и другія брошюрки обращаются къ рабочимъ, жалѣютъ о коммунѣ, напоминаютъ, что при имперіи ассоціаціи рабочихъ были разрѣшены, доказываютъ, что нынѣшняя республика гораздо суровѣе по отношенію къ нимъ, чѣмъ правительство 2-го декабря, что Луи-Наполеонъ, всегда бывшій въ душѣ соціалистомъ, и теперь имъ остался, а что только одинъ онъ способенъ остановить реакцію, подготовляемую роялистами и собственниками, реакцію, столько же неумолимую по отношенію къ рабочимъ, сколько жадную къ привиллегіямъ.

Изъ того, что̀ я успѣлъ здѣсь сказать, можно замѣтить, что бонапартистская пропаганда направляется самымъ подлымъ образомъ на наши общественныя раны, уже и безъ того отравленныя ошибками правительства и роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Можно навѣрно сказать, что эта пропаганда

удастся, если будущность Франціи будетъ пущена на голоса, и это всенародное голосованіе, столь неразумно установленное республиканцами-теоретиками 1848-го года раньше всеобщаго дароваго и обязательнаго образованія, будетъ нашимъ вѣчнымъ позоромъ и нашимъ окончательнымъ разореніемъ!

Къ счастію, какъ по опыту своего зрѣлаго возраста, такъ и по своимъ политическимъ и соціальнымъ убѣжденіямъ, Тьеръ одушевленъ святою ненавистью къ бонапартизму и столь же прозорливъ относительно бонапартистскихъ происковъ, сколько слѣпо-жестокъ относительно революціонеровъ коммуны.

Начальникъ особенной полиціи эксъ-императора, *оберъ-мушаръ* Лагранжъ, пріобрѣвшій себѣ громкую извѣстность блуасскимъ процессомъ, пріѣхалъ-было во Францію для того, чтобы придать необходимое единство бонапартистской интригѣ. Онъ прямо предложилъ префекту полиціи Валентену, находившемуся тогда въ Версалѣ, свои услуги, предлагая ему переловить всѣхъ начальниковъ коммуны; глава исполнительной власти тотчасъ же приказалъ его арестовать! Точно такъ же парижское военное начальство уже совсѣмъ было-разрѣшило изданіе, основанной Клеманомъ Дювернуа на суммы собственной казны эксъ-императора, газеты «Peuple Français», которая, подъ редакторствомъ г. Витю, должна была сдѣлаться бонапартистскимъ офиціальнымъ органомъ, но Тьеръ особою телеграфическою депешею воспретилъ Макъ-Магону быть въ этомъ случаѣ либеральнымъ!

Ни въ одной изъ своихъ большихъ рѣчей, произнесенныхъ, какъ въ Бордо, такъ и въ Версали, Тьеръ не упустилъ ни разу случая напомнить собранію, съ какимъ единодушіемъ оно въ первыя же свои засѣданія заклеймило Наполеона III и его династію. 20-го іюня, занимая трибуну впродолженіе трехъ часовъ для того, чтобы добиться утвержденія займа въ 2 милліарда, онъ воспользовался торжественнымъ случаемъ произнести окончательный приговоръ надъ имперіей.

Нигдѣ не была такъ ясно представлена небрежность императорскаго правительства, допустившаго Садову, въ то время, какъ «Пруссія никогда бы не рѣшилась идти на Вѣну, зная, что изъ Парижа могутъ пойти на Берлинъ». Никто, лучше Тьера, не обрисовалъ легкомыслія, съ которымъ, по волѣ одного Наполеона III, и изъ чисто-династическихъ интересовъ, была объявлена война изъ-за Гогенцоллерна, «когда ровно ничего не было готово», ни армія, ни союзы, ни финансы. Я никогда не забуду, съ какою силою и посреди какихъ рукоплесканій Тьеръ напомнилъ, что передъ объявленіемъ войны онъ публично предупредилъ страну, и секретно самого императора о невозможности вести войну! «Надежда поправить свою ошибку 1866 года, воскликнулъ онъ, увлекла всѣхъ,

министровъ, правительство и принцевъ, и мы были ввергнуты въ ту бездну несчастій, которыя теперь исчисляются милліардами, и тѣмъ длиннымъ рядомъ униженій, противъ которыхъ теперь протестуетъ прошедшая слава Франціи, а въ будущемъ, еще пока неизвѣстномъ, будетъ протестовать ея безсмертное величіе!»

На этомъ собственно Тьеръ и долженъ бы былъ окончить свои объясненія причинъ, ужасныя слѣдствія которыхъ намъ приходится теперь исправлять, для того, чтобы эти объясненія остались нерушимыми и сохранили все свое значеніе. Но желая быть справедливымъ даже къ имперіи, Тьеръ сталъ глубоко несправедливымъ къ республикѣ, на которую онъ взвалилъ отвѣтственность за половину 8 милліардовъ, въ которые, круглымъ числомъ, обошлись намъ наши несчастія. Онъ совершенно напрасно, отстраняя всякую отвѣтственность своего любимаго министра Ж. Фавра и Трошю, нападалъ на Гамбетту, единственнаго человѣка изъ членовъ правительства 4-го сентября, который вѣрилъ въ отечество и дѣйствовалъ съ геройскою надеждою на побѣду. Такимъ образомъ онъ самъ доставилъ аргументъ противъ республики, которую онъ обѣщался сохранить,—аргументъ, которымъ легко могутъ быть эксплуатированы поддонки глупаго, довѣрчиваго народа, доставилъ не роялизму, котораго онъ обѣщался не ослаблять, а бонапартизму—этой страшной опасности, одинаково угрожающей, какъ, сохраняемой имъ, республикѣ, такъ и, подготовляемому имъ, роялизму!

Онъ доставилъ другой аргументъ партіи соціалистовъ тѣмъ гнѣвомъ, съ которымъ онъ напалъ на проектъ установленія подоходнаго налога, «налога, сѣющаго раздоры, орудія въ рукахъ враждующихъ партій». Нѣтъ, нѣтъ! восклицаетъ онъ, «знайте, приверженцы порядка, что я никогда не стану льстить народнымъ страстямъ!.. Никогда я не присоединю еще повода къ раздорамъ къ тѣмъ элементамъ безпорядковъ, которые заставляютъ меня опасаться за будущность моего отечества!.. Я бы считалъ себя подлецомъ, еслибы не объявилъ здѣсь, публично, что никогда не соглашусь на этотъ налогъ!».. Никогда! Никогда! Никогда! совершенно то же повторялъ намъ и г. Руэръ.

Непріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ абсолютнымъ отрицаніемъ всякаго финансоваго прогресса, Тьеръ еще болѣе усилилъ въ спокойныхъ мѣстахъ своей рѣчи 20-го іюня, въ которыхъ онъ доказывалъ необходимость увеличить налоги на потребленіе, падающіе, какъ извѣстно, гораздо болѣе на бѣдныхъ, чѣмъ на богатыхъ, и невозможность, даже посредствомъ сокращенія числа чиновниковъ, получающихъ большое жалованье, уменьшить хотя часть народныхъ издержекъ, что̀ было обѣщано во всякое время оппозиціею всѣхъ оттѣнковъ. Съ

ироніею, достойной лучшаго приложенія, опровергалъ онъ иллюзіи тѣхъ, которые думаютъ, что можно дѣлать ежегодную экономію въ 300.000,000 франковъ, и представилъ разсчеты, по которымъ, за увеличеніемъ налоговъ на предметы роскоши, за исключеніемъ изъ бюджета расходовъ на содержаніе двора и сената, можно будетъ получить экономію не болѣе, какъ въ 120 милліоновъ; и при этомъ онъ еще прибавилъ съ *веселостью*, — тщательно переданною въ стенографическомъ отчетѣ: — «*Да, 120 милліоновъ, и это можетъ быть еще много*»!

Конечно, это много, если хотятъ сохранить, кромѣ, болѣе чѣмъ когда-либо многочисленной, постоянной арміи, еще и всѣ учрежденія, необходимыя для монархіи, но совершенно безполезныя и даже вредныя для республики. Но за то, благодаря буржуазной откровенности Тьера, бонапартистская пропаганда не потеряла весьма существеннаго средства дѣйствовать на массы — обѣщанія доставить *правительство, недорого обходящееся странѣ*.—Вся лѣвая сторона чрезвычайно энергично и съ большимъ политическимъ тактомъ протестовала противъ финансовыхъ теорій главы исполнительной власти, и помѣшала ему въ конецъ компрометировать республику, которая одна должна и можетъ быть *дешевымъ правительствомъ*.

Не станемъ обращать, однако, слишкомъ большаго вниманія на недостатки рѣчи въ защиту займа, потому что, иначе, намъ не будетъ понятно, какимъ образомъ Тьеръ добился единогласнаго рѣшенія этого вопроса, согласно, представленнаго имъ, проекта. Если разсматривать Тьера съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, то ложныя идеи этого стараго государственнаго человѣка могутъ заставить усомниться въ силѣ его интеллекта и въ чистотѣ его намѣреній. Но чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно смотрѣть на него съ точки зрѣнія чистаго и простаго патріотизма, и принять, кромѣ того, въ соображеніе крайне-узкій путь, по которому принуждена двигаться его политика. Съ этой точки зрѣнія, ничто не можетъ быть трогательнѣе его вѣры въ будущее возрожденіе Франціи; ничто не можетъ быть лучше того искусства и той ясности, съ которыми онъ составилъ роспись государственныхъ расходовъ для того, чтобы показать Франціи, что ей нечего отчаяваться, а Европѣ — что ея прямой разсчетъ занять намъ деньги.

Очень понятно, что онъ убѣдилъ выслушавшее его собраніе и прочитавшую его рѣчь публику въ томъ, что страна въ состояніи перенести всѣ трудности ея современнаго положенія, и что народъ на столько мужественъ и трудолюбивъ, что можетъ, начиная съ этого же времени, обезпечить свое будущее величіе; нѣтъ сомнѣнія, что онъ доказалъ Европѣ, что «побѣжденный, но великій народъ въ состоя-

ніи перенести бремя, возложенное на него силою обстоятельствъ».

Но онъ одержалъ свой блистательный успѣхъ не одною ясностью своихъ разсчетовъ и торжественныхъ обращеній къ подписчикамъ; онъ окончательно привлекъ всю Францію на сторону сущности и формы своего проекта займа въ 2 милліарда и своею фамиліарною веселостью, съ которою онъ произнесъ въ концѣ своей рѣчи: «Никогда еще не было, чтобы французская рента платила 6%; еслибы это когда-нибудь случилось, весь свѣтъ поспѣшилъ бы расхватать ее изъ нашихъ рукъ!.. Когда она давала 5%, всѣ ее брали на расхватъ; когда же она станетъ довать 6%, надѣюсь станутъ дорожить ею еще болѣе. Но я надѣюсь еще, что, если мы станемъ хорошо себя держать, я осуществлю слова моего учителя, барона Луи: «если вы будете хорошо себя держать, я вамъ дамъ больше денегъ, чѣмъ вы будете въ состояніи издержать!».. Скоро мы, мало по малу, дойдемъ до 5½%, а потомъ до 5¼%, а потомъ, можетъ быть, и до 5%; но для того, чтобы дойти до этого, нужно, *чтобы мы были умниками, не дѣлали бы лишнихъ расходовъ, совершенно бы забыли о томъ, что мы будемъ въ состояніи дѣлать впослѣдствіи, а теперь думали бы только о томъ, что мы можемъ* законно сдѣлать изъ того, на что мы уже согласились...»

Вся лѣвая сторона засмѣялась и начала аплодировать, тогда какъ правая очень дурно приняла этотъ урокъ, сдѣланный отеческимъ тономъ, относительно соблюденія версальскаго перемирія. Все это оттого, что изъ его рѣчи видно, что Тьеръ серьёзно смотритъ на возобновленіе бордоскаго соглашенія, что можно предположить, что онъ съ удовольствіемъ приметъ въ іюлѣ предложеніе, отъ котораго онъ отказался въ маѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ его разсчеты и соображенія о займѣ въ 2 милліарда, главнымъ образомъ, и основаны на *двухъ годахъ* власти, и что онъ самъ разъ пять или шесть повторяетъ: заручившись займомъ и бюджетомъ въ 2 милліарда 450 милліоновъ, вы приведете въ равновѣсіе расходы съ доходами, будете аккуратно выплачивать въ срокъ военную контрибуцію, и будете совершенно спокойны въ теченіе 1871 и 1872 годовъ!

Все это не мало побуждаетъ, уже было-отчаявшихся, республиканцевъ и полагающихся на молодость графа Парижскаго, орлеанистовъ поддерживать на выборахъ, противъ бонапартистовъ и легитимистовъ, кандидатовъ, которые, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, пишутъ на своихъ прокламаціяхъ: *Политика г. Тьера.* Еслибы человѣкъ сто депутатовъ этого оттѣнка вошло послѣ дополнительныхъ выборовъ въ палату, продолженіе временного правительства на два года было бы немедленно предложено и вотировано.

Грустно становится человѣку, помнящему еще идеалъ, до котораго поднялась-было французская революція, при видѣ

того, что «великая нація» упала такъ низко, что единственнымъ средствомъ для возрожденія у нея остается только *республика безъ республиканцевъ*, устроенная г. Тьеромъ по образцу *монархической республики* маршала Прима!

V.

Гамбетта, Тьеръ и сохраненіе республики.

Утромъ 2-го іюля на стѣнахъ появилось такого рода объявленіе:

«Прибавьте ко всѣмъ бюллетенямъ имя
Гамбетты,
который не солидаренъ ни съ какимъ спискомъ кандидатовъ.

Республику можно упрочить только примиреніемъ; правительственное равновѣсіе можетъ быть установлено только тогда, когда республика будетъ имѣть двѣ главы: одного изъ партіи виговъ, а другого—изъ партіи тори:
Гамбетту и Тьера.

Съ этого времени конецъ всѣмъ монархическимъ притязаніямъ!».

Г. Гамбетта, перепечатывая это объявленіе, говорили различныя газеты «порядка», «для того, чтобы провести свою кандидатуру, прибѣгаетъ къ уловкамъ шарлатановъ». А между тѣмъ, дѣйствительно, ничто лучше не могло обрисовать положенія, которое хочетъ занять и навѣрно займетъ турскій и бордосскій эксъ-диктаторъ, къ величайшему удивленію своихъ враговъ и друзей, и даже къ удовольствію и при одобреніи со стороны того, который незадолго до этого назвалъ его съ трибуны «бѣшенымъ сумасшедшимъ». Удививъ свѣтъ своею смѣлостью, къ несчастію, нѣсколько опрометчивою, Гамбетта удивитъ его своею ловкостью! Этотъ народный трибунъ всегда послѣдовательно держался одной политики, и Феликсъ Пія не безъ основанія назвалъ его въ своемъ «Vengeur» «хитрымъ генуэзцемъ». Бывши адвокатомъ, онъ считался скорѣе либераломъ, чѣмъ революціонеромъ, и подготовилъ себѣ избраніе въ законодательный корпусъ скорѣе своимъ орлеанизмомъ, нежели своимъ якобинизмомъ. Вошелъ же собственно онъ въ палату послѣ своей великолѣпной защиты Делеклюза и побѣжденныхъ 2-го декабря, въ дѣлѣ о подпискѣ на памятникъ Бодену, и послѣ того, какъ польстилъ даже соціалистическимъ страстямъ бельвильскихъ избирателей. Разъ вступивши въ палату, онъ явился передъ тогдашнимъ имперіалистическимъ большинствомъ ея въ качествѣ политика-теоретика, ожидающаго отъ времени и всеобщаго голосованія тор-

жества республиканскихъ идей, и въ качествѣ государственнаго человѣка, стремящагося подготовить, а не создать историческіе перевороты. Такъ что это большинство, вмѣсто шиканій, съ которыми оно встрѣчало Рошфора, наслѣдника его популярности, явившагося послѣ него представителемъ предмѣстій, напротивъ того, слушало его съ удовольствіемъ и даже иногда ему аплодировало. Во все продолженіе бурнаго періода, предшествовавшаго объявленію войны, и лихорадочнаго, наступившаго послѣ этого объявленія, всѣ каждую минуту ждали, что этотъ смирный членъ законодательнаго корпуса вновь обратится въ грознаго народнаго трибуна и потребуетъ низверженія имперіи. Но онъ молчалъ, не слушая различныхъ побужденій сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, и 4-е сентября застигло его еще колеблющимся потребовать учрежденія республики и даже удерживающимъ народныя массы, собравшіяся на Pont-Royal, отъ «подобной неосторожности»! Сдѣланный членомъ правительства народной обороны и министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ до самаго октября мѣсяца оставался послушнѣйшимъ слугою черезчуръ миролюбивой политики своего друга Жюля Фавра, и даже съ большею хитростью и энергіею, чѣмъ Эрн. Пикаръ, противился всякому взрыву народнаго негодованія или энтузіазма. Онъ учтиво отказывался отъ исполненія требованій революціонеровъ, которые просили его, какъ непосредственно, такъ и посредствомъ публичныхъ демонстрацій, отправить въ провинціи, вмѣсто миролюбивыхъ префектовъ, революціонныхъ комиссаровъ, которые проповѣдывая въ департаментахъ крестовый походъ противъ непріятеля, возбудили бы противъ него всѣ, какъ хорошія, такъ и дурныя страсти народа и организовали бы «возстаніе всею массою».

Но вдругъ черезъ мѣсяцъ, вылетѣвъ изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, онъ отправился въ Туръ, и назначенный въ одно время военнымъ министромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ чрезвычайною энергіею взялся руководить войною противъ пруссаковъ. Съ самаго вступленія своего въ эти должности и до капитуляціи Парижа, военное поведеніе его, какъ къ общемъ, такъ и въ частностяхъ, было совершенно послѣдовательно самому себѣ; но за то сначала политическое его поведеніе было двусмысленно, и только уже подъ конецъ оно стало совершенно республиканскимъ. Онъ подавалъ нѣкоторыя надежды легитимистамъ для того, чтобы обратить въ пользу ихъ храбрость, необходимую въ луарской арміи, и въ то же время высылалъ изъ Франціи орлеанскихъ принцевъ, пріютившихся было около Шанзи; возбуждая революціонныя страсти на сѣверѣ Франціи, онъ въ то же время мѣшалъ учрежденію коммунъ въ Марсели, Ліонѣ, Тулузѣ и проч. Только уже тогда, когда декабрьскія и январьскія военныя несчастія заставили его потерять хладнокровіе, онъ подиктаторски вступилъ въ ожесточенную борьбу съ генеральными совѣтами, реакціонер-

ными муниципалитетами и монархическими интригами, употреблявшими въ свою пользу всеобщее истощеніе и желаніе мира во что бы то ни стало,—борьбу, доведшую его до открытаго неповиновенія парижскому правительству и чуть не до арестованія самого Тьера.

Еслибы онъ дѣйствительно былъ «бѣшенымъ сумасшедшимъ», какъ его назвалъ Тьеръ, онъ бы не укротился такъ легко по простому совѣту своего товарища Ж. Симона. Ему бы немного труда стоило поднять народныя массы противъ учреждаемаго, по изволенію г. Бисмарка, миролюбиваго національнаго собранія. Выбранный депутатомъ отъ Парижа, Эльзаса и Алжиріи, онъ, еслибы былъ «бѣшенымъ сумасшедшимъ», явился бы въ собраніе только для того, чтобы безпрестанно говорить членамъ народной обороны: «Вы измѣнники!» и призывать народъ къ оружію. Но онъ сидѣлъ тихо на своей скамьѣ въ самомъ темномъ углу Бордоскаго большого театра, отвѣчая только презрительнымъ жестомъ на всѣ оскорбленія крайне-правой стороны, и даже удерживая, какъ мнѣ удалось это самому два раза видѣть, сидѣвшихъ около него парижскихъ депутатовъ отъ обнаруженія ихъ негодованія и презрѣнія, возбуждаемаго въ нихъ выходками роялистовъ. Въ засѣданіи, назначенномъ для обсужденія мирныхъ условій, привезенныхъ изъ Версали, такому оратору, какъ онъ, безъ сомнѣнія, представлялся случай произнесть великолѣпную рѣчь, но онъ остался нѣмъ, подалъ голосъ противъ мира и объявилъ, что принимаетъ полномочія отъ Эльзаса. Хотя онъ и принималъ участіе въ составленіи эльзасскаго протеста противъ мира, но самъ онъ не взялся произнесть его въ собраніи и предоставилъ сдѣлать это Келлеру. Когда департаменты, представителемъ которыхъ онъ являлся, были уступлены Пруссіи, онъ, какъ и другіе депутаты этихъ департаментовъ, письменно заявилъ, что выходитъ въ отставку, и уѣхалъ въ Испанію въ Сенъ-Себастіанъ.

Еслибы онъ остался депутатомъ, или, вышедши въ отставку, не уѣхалъ изъ Франціи, онъ бы непремѣнно былъ замѣшанъ или въ революціи 18-го марта, или, въ вызванныхъ имъ же самимъ, движеніяхъ въ Ліонѣ, Марсели, Тулузѣ, Бордо и пр., или, наконецъ, въ неудавшихся попыткахъ къ примиренію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ его ожесточенные враги, которыхъ онъ себѣ нажилъ во время двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ своего военнаго диктаторства, непремѣнно бы воспользовались этими обстоятельствами для того, чтобы засадить его въ тюрьму, судить и вообще немедленно погубить его политическую карьеру, еслибы онъ самъ, посреди всего этого, не нашелъ преждевременной и безполезной смерти, впереди которой въ этотъ разъ шелъ его старый кліентъ и другъ Делеклюзъ. Не по собственной воли вышелъ онъ изъ своего тихаго убѣжища. Его вызвали оттуда бордоскіе республиканцы-радикалы, предложившіе ему кандидатуру, отъ которой онъ отказался; но и другіе

города, напримѣръ, Парижъ, Тулонъ, Марсель и др., предложили ему кандидатуры; онъ имѣлъ больше шансовъ быть выбраннымъ тамъ, чѣмъ въ департаментѣ Жиронды, показавшемъ себя столь реакціоннымъ во время послѣднихъ февральскихъ выборовъ; бордоскій комитетъ, предложившій ему кандидатуру, офиціально справился: не имѣетъ ли чего-нибудь правительство противъ свободнаго проживанія во Франціи бывшаго министра. Отрицательный офиціальный отвѣтъ префекта Жиронды послужилъ Гамбеттѣ, такъ-сказать, паспортомъ, которымъ онъ не замедлилъ воспользоваться.

29-го іюня, въ частномъ собраніи бордоскихъ демократическихъ комитетовъ, онъ ознаменовалъ свое возвращеніе къ дѣятельной политикѣ длинною рѣчью, сдѣлавшеюся его profession de foi для Парижа и департаментовъ устьевъ Роны и Варскаго, и дававшею ему голоса республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ.

Въ этой рѣчи онъ прежде всего радуется единодушію бордоской демократіи, примѣру которой должна послѣдовать демократія всей Франціи. Одною фразою онъ отстраняетъ красный призракъ коммуны, ея распутство, преступленія, сопровождавшія ея паденіе, и всѣ клеветы, взведенныя изъ-за нея на всѣхъ республиканцевъ. Республикѣ же онъ приписываетъ спасеніе тѣхъ, которые «взваливаютъ на нее всѣ преступленія послѣднихъ мѣсяцевъ; ей должны они быть благодарны за то, что не были раздавлены, и не погибли». Далѣе онъ хвалитъ страну за то, что она не потеряла хладнокровія въ разгарѣ междоусобной войны и не впала въ реакцію. Онъ говоритъ, что «если республиканцы захотятъ, они могутъ возродить страну и основать въ ней свободное правительство, стоящее выше всякихъ случайностей». «Пусть же, восклицаетъ онъ: — республиканцы станутъ партіею благоустроенною, твердою въ своихъ принципахъ, трудолюбивою, бодрою и рѣшившеюся показать Франціи свои великія правительственныя способности...». И далѣе, не боясь употребить любимое выраженіе Тьера, а напротивъ того, произнося его съ особеннымъ удареніемъ, онъ прибавляетъ: «Да, нужно быть умными!.. Покажемъ, что республика достойна управлять дѣлами Франціи, опираясь на интеллигенцію, разумъ, науку, безпристрастіе, справедливость, порядокъ,—условія, безъ которыхъ правительство есть не болѣе, какъ афера въ рукахъ нѣсколькихъ ловкихъ интригантовъ.

«Наконецъ, прибавляетъ онъ, республика *существуетъ*, если отъ ея имени издаютъ законы, заключаютъ миръ, занимаютъ милліарды, творятъ судъ и расправу и подавляютъ возмущеніе, которое было бы достаточно для того, чтобы раздавить десять монархій! Республика законно установлена и должна быть уважаема, всякій оскорбляющій ее—преступникъ!» — Отсюда слѣдуетъ, что непримиримая революціонная оппозиція, существовавшая во время имперіи, теперь должна измѣнить свой ха-

рактеръ! «Задача ея теперь состоитъ не въ томъ, чтобы разрушать, а въ томъ, чтобы контролировать».

«Да, говоритъ Гамбетта, — не называя Тьера, но обращаясь прямо къ нему, — мы будемъ уважать вашу власть, вашу легальность, ваши приказанія... Мы предоставимъ народу выборъ между тѣми, которые насъ презираютъ, и тѣми, которые имѣютъ терпѣніе и твердость бороться за республику и свободу... Мы должны теперь, когда дѣло идетъ о приложеніи къ дѣлу нашихъ принциповъ, быть столь же разсчетливыми, терпѣливыми, умѣренными, на сколько мы были сильными, рѣшительными и восторженными, когда мы должны были сокрушать преступленія и подлости имперіи!»

Не станемъ слѣдить за чрезвычайно длиннымъ развитіемъ главнаго пункта представляемой ораторомъ, «ясной, точной, враждебной всякимъ утопіямъ и химерамъ» программы, на которой новая оппозиція должна основать свои дѣйствія: *всеобщаго образованія*, необходимаго намъ для того, чтобы избавиться отъ воспоминанія прошлаго и передѣлать Францію,—образованія интеллектуальнаго и военнаго, которымъ слѣдуетъ заняться немедленно и которому необходимо, не жалѣя, посвятить, если потребуется, десять, двадцать лѣтъ постоянныхъ усилій.

«Я бы хотѣлъ — такъ заканчиваетъ онъ свою рѣчь, — чтобы наша оппозиція была *оппозиціею правительства*; я бы хотѣлъ, чтобы ея единственною задачею было дѣлать добро, и заставлять другихъ его дѣлать; я считаю, что управлять страною такъ же полезно, какъ и твердо, благоразумно и справедливо наблюдать за этимъ управленіемъ, и просто проводя идеи общества, заставлять другихъ производить самыя блистательныя реформы. Что же касается до меня, то я весь предамся этой задачѣ, при правительствѣ, которое будетъ смотрѣть на республику, какъ на de facto, и de jure существующую форму правленія... Если республика есть самая справедливая форма правленія, неужели всѣ партіи не могутъ помириться на ней? Развѣ это не есть единственная форма правленія, при которой доступъ въ правительство открытъ всѣмъ, съумѣвшимъ выказать обществу свои способности? Пусть всѣ, высказавшіеся противъ республики, признаютъ ее, и мы охотно допустимъ ихъ къ управленію, потому-что намъ не равно, монархисты ли или республиканцы проводятъ республиканскія идеи, осуществляютъ республиканскія реформы».

Выводите сами, читатель, заключенія изъ всего этого. Неправда ли большое разстояніе между тѣмъ, что̀ проповѣдуетъ Гамбетта въ своей рѣчи, и тою ужасною гидрою якобинизма, представленіе о которой, вотъ уже шесть мѣсяцевъ, всѣ реакціонныя газеты соединяютъ нераздѣльно съ его именемъ? Какъ ясно, что «бѣшеный сумасшедшій» легко можетъ помириться съ честнымъ правительствомъ, которое согласится признавать республику и de jure, и de facto!

Какъ только Гамбетта былъ сразу выбранъ въ трехъ департаментахъ (Сенскомъ, Устьевъ-Роны и Варскомъ), что̀ придало ему важное значеніе среди его товарищей, газеты стали уже говорить, что онъ имѣлъ свиданіе съ Тьеромъ. Онъ не мѣшалъ распространяться этому слуху впродолженіе цѣлой недѣли; но нѣсколько газетъ для того, чтобы показать, что Гамбетта довѣряетъ имъ свои тайны, вздумали опровергать этотъ слухъ, и какъ разъ тогда, когда свиданіе это дѣйствительно состоялась. Ревизія знаменитаго декрета 13-го октября 1870 года, которымъ турская делегація отмѣнила на время законы о производствѣ, для того чтобы быть въ состояніи образовать кадры для формируемыхъ армій, вызвала сильную оппозицію въ бюро, и грозила породить въ палатѣ цѣлую бурю, легко могущую унести и военнаго министра Сиссей, защитника правъ старой арміи. Нужно было необходимо избѣжать, чтобы Гамбетта и Федербъ, выбиравшіе и производившіе не по правиламъ офицеровъ для организованныхъ ими армій, не начали формальнаго процесса противъ прежней арміи и начальниковъ ея, нынѣшнихъ командировъ нашей, вновь образованной арміи, какъ противъ главныхъ виновниковъ всѣхъ нашихъ несчастій, и не подорвали бы такимъ образомъ уваженія, съ такимъ трудомъ собранныхъ противъ Парижа, солдатъ къ ихъ начальникамъ. Въ виду этого Тьеръ и поспѣшилъ попросить Гамбетту и Федерба представить лично ему свои соображенія относительно этого крайне-деликатнаго вопроса, вслѣдствіе чего между этими тремя государственными людьми и произошла весьма продолжительная конференція въ отелѣ главы исполнительной власти. Предметомъ разсужденій во время этого свиданія были, конечно, только чисто-военные вопросы, но уже было достаточно того, что между ними не произошло окончательнаго политическаго разрыва. Напротивъ того, измѣненія, которыя согласился сдѣлать Тьеръ въ проектѣ закона, представленномъ военнымъ министромъ, произвели даже нѣкоторое сближеніе между ними, ближайшимъ результатомъ котораго является то, что Гамбетта и Федербъ, имѣющіе довольно сильное вліяніе на лѣвую сторону, отказались образовать партію, прямо враждебную нынѣшнему временному правительству. Такимъ образомъ не будетъ особенно удивительно, если черезъ нѣсколько времени генералъ Федербъ, тотчасъ же послѣ своего избранія въ 3-хъ департаментахъ повышенный въ чинъ и получившій орденъ почетнаго легіона, станетъ военнымъ министромъ, а Гамбетта, недавно сильно польщенный съ трибуны, явится кандидатомъ въ первые министры, въ случаѣ если г. Тьеръ станетъ президентомъ республики.

Оба центра, которые все болѣе и болѣе сближаются теперь между собою, составляя уже теперь одну группу, вмѣсто прежнихъ двухъ, стали, вслѣдствіе неожиданныхъ результатовъ выборовъ 2-го іюля, теперь сближаться и съ лѣвой республикан-

ской стороной. У образовавшейся, такимъ образомъ, весьма сильной партіи существуетъ одна, дорогая для нея мысль: *прямо объявить Тьера президентомъ республики на два года*, вмѣсто, существовавшаго прежде, проекта просто продолжить на этотъ срокъ его полномочія, какъ главы исполнительной власти и президента совѣта министровъ. Большинство республиканскихъ членовъ, въ особенности изъ новоизбранныхъ, относятся чрезвычайно благосклонно къ этому проекту, вопервыхъ, потому, что утвержденіемъ его окончательно будетъ признана республика de jure, какъ и de facto, а вовторыхъ потому, что подобный проектъ устранитъ возможность для монархистовъ всѣхъ оттѣнковъ сложиться въ слишкомъ сильное меньшинство, а республиканцамъ— въ большинство слишкомъ слабое для того, чтобы категорически возвѣстить учрежденіе республики, или распустить палату для выбора новаго учредительнаго собранія.

Въ особенномъ собраніи депутатовъ, избранныхъ 2-го іюля въ одной изъ залъ версальской мэріи, было сдѣлано предложеніе, очень вѣрное въ принципѣ, указать палатѣ на полнѣйшую противоположность между послѣдними выборами и выборами 8-го февраля; доказать ей, что того, чего тогда хотѣла Франція, она уже теперь не хочетъ, и что, слѣдовательно, нынѣшнее національное собраніе, полномочія котораго прекратились со времени заключенія мира, обязано уступить свое мѣсто другому *учредительному* собранію. Но изъ 16 присутствовавшихъ въ этомъ собраніи депутатовъ только шестеро согласились на предложеніе доктора Наке. Бо́льшая часть республиканскихъ депутатовъ, за исключеніемъ развѣ человѣкъ 12-ти, рѣшительно противятся всякому, болѣе или менѣе, смѣлому и рѣшительному шагу. Они всѣ повторяютъ то, что сказалъ въ своей рѣчи, произнесенной въ Бордо, и въ своемъ письмѣ къ комитетамъ департамента Жиронды, тотъ, который называетъ себя вождемъ республиканской партіи: «*Франція на хорошей дорогѣ*... Это налагаетъ на насъ, республиканцевъ, великія обязанности... Будемъ работать всѣ *разумно*, *твердо, умѣренно и искусно* надъ тѣмъ, чтобы *республика, въ которую уже теперь вѣритъ всякій честный, порядочный человѣкъ*, стала для нашего несчастнаго отечества убѣжищемъ, въ которомъ оно могло бы отдохнуть посреди благоденствія и спокойствія отъ всѣхъ перенесенныхъ имъ бурь и треволненій... И такъ еще разъ, откинемъ все чрезвѣрное, будемъ единодушны, тверды, бодры, умѣренны и *въ особенности терпѣливы*, и въ будущемъ наши принципы восторжествуютъ!»

Ясно, что Тьеръ могъ, не противорѣча самому себѣ, быть *терпѣливымъ*. Въ своихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Бордо 19-го февраля и 10-го марта, онъ объяснялъ, что предстоитъ рѣшить одну чрезвычайно важную, капитальную задачу — реорганизацію страны, но, прибавлялъ онъ: «это пересозданіе страны, если намъ удастся его произвесть, будетъ во всякомъ

случаѣ сдѣлано въ республиканскомъ духѣ... Республиканцы, республика въ вашихъ рукахъ! Она будетъ наградою вашей мудрости!» Въ Версали, во время только что вспыхнувшаго парижскаго возмущенія, онъ 27-го марта произнесъ: «Враги наши говорятъ, что мы хотимъ свергнуть республику. Я это формально отрицаю... Знаете ли вы, кто въ концѣ концовъ останется въ выигрышѣ? — *Тотъ, кто умнѣе всѣхъ себя держалъ!*» Въ апрѣлѣ, отвѣчая на предложенія посредничества къ примиренію, сдѣланныя ему нѣкоторыми парижскими политическими обществами, старавшимися себя держать на одинаковомъ разстояніи какъ отъ коммуны, такъ и отъ національнаго собранія, и депутаціями отъ провинцій, онъ даже сказалъ слѣдующее: «*Республика,* въ томъ положеніи, которые создано для насъ 80-ю послѣдними годами нашей исторіи,—*единственно возможная форма правленія.* Всякій, кто хоть немного обладаетъ политическимъ чутьемъ, прійдетъ къ тому же заключенію; я уже нѣсколько разъ говорилъ, и теперь повторяю, *что внѣ республики мы безсильны; что же касается до меня, то я твердо рѣшился посвятить весь остатокъ моихъ силъ и моей энергіи на то, чтобы честно и открыто произвесть опытъ республики*».

Хорошее впечатлѣніе, производимое этими словами, нѣсколько сглаживается тою ироніею, съ которою онъ, въ недавно разобранной мною рѣчи 8-го іюня, проводитъ параллель между своею прежнею склонностью къ конституціонной монархіи, или, какъ онъ ее называетъ, *республики съ королемъ*, и своею теперешнею привязанностью къ *республикѣ безъ республиканцевъ*, и тѣмъ серьёзнымъ планомъ, съ которымъ онъ, возобновляя въ Версали бордоское соглашеніе, сказалъ: «Иногда говорятъ, что я управляю скорѣе въ духѣ республики, чѣмъ монархіи. Но, господа, я уважаю убѣжденія всякаго; нужно, чтобы и вы дѣлали то же самое! *Очень достойна уваженія вѣра въ монархію и желаніе ея установленія, но столько же можно уважать и тѣхъ, которые вѣрятъ въ республику и стремятся къ ней одной*».

Судя по этимъ послѣднимъ словамъ, и по хотя офиціальному, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно дружественному пріему орлеанскихъ принцевъ, а также видя, что глава исполнительной власти республики наканунѣ выборовъ 2-го іюля даетъ торжественный обѣдъ семейству короля Луи-Филиппа, можно бы было предположить, что Тьеръ смотритъ на республику не болѣе, какъ на переходную ступень между имперіею и реставраціею Бурбоновъ.

Но выборы 2-го іюля заставили г. Тьера, какъ политическаго дѣятеля, склониться на сторону, противоположную той, къ которой онъ склонялся самъ, какъ частный человѣкъ. Онъ принужденъ подчиниться столь ясно выраженной волѣ Франціи. Онъ самъ заранѣе обязался поступать такимъ образомъ, да ему это и выгодно, такъ-какъ по выборамъ 2-го іюля въ па-

лату вступило 100 депутатовъ съ прямою цѣлью добиться продолженія его власти и поддержать его программу, которая считается большинствомъ за *благоразумно-республиканскую* и одобряется даже самыми радикальными республиканцами, и даже самимъ Гамбеттою.

Если у него и оставалась въ глубинѣ души нѣкоторая надежда на то, что ему удастся разъединеніемъ партіи республиканской и, напротивъ того, сліяніемъ партій монархическихъ возстановить въ будущемъ монархію, то и эта надежда должна теперь уничтожиться послѣ появленія 5-го іюля манифеста Генриха V. Разсказываютъ, что Тьеръ, прочитавъ его, совершенно справедливо замѣтилъ: «графъ Шамборъ окончательно упрочилъ республику!»

VI.

Департаментскій законъ, международное общество и сепаратизмъ.

Министерскій кризисъ, который производилъ столько волненій въ прессѣ, разрѣшился удаленіемъ одного Жюля Фавра.

Этотъ дипломатъ - адвокатъ, какъ пренебрежительно обозвалъ его его сіятельство графъ Бисмаркъ послѣ свиданія въ Ферръерѣ, претерпѣлъ, не выпуская изъ рукъ министерскаго портфеля, всѣ неудачи и весь позоръ, какіе обыкновенно бываютъ удѣломъ неосновательной, безцѣльной, плаксивой и трусливой политики.

Онъ съ замѣчательною наглостью относился къ своей, вполнѣ заслуженной непопулярности, и какъ только попалъ въ число властей, сейчасъ же отрекся отъ принциповъ, какіе защищалъ принадлежа къ оппозиціи, чѣмъ заслужилъ презрѣніе палаты; онъ велѣлъ по ошибкѣ разстрѣлять своего личнаго врага Миллъери и арестовалъ своего стариннаго и близкаго знакомаго стряпчаго Лялюйе, который, говорятъ, нѣсколько безцеремонно раскрывалъ кое-какія тайныя финансовыя и прочія дѣлишки великаго человѣка; чтобы разомъ прекратить нападки прессы, онъ началъ преслѣдовать за дифамацію двѣ газеты, въ которыхъ были изложены непохвальные для него факты.

Г. Тьеръ вовсе не отличается дикой и суровой добродѣтелью *мизантропа*. Онъ употреблялъ всѣ свои старанія, онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы удержать во что бы то ни стало г. Фавра.

Г. Тьеру это было очень выгодно, потому что эксъ-вице-президентъ правительства 4-го сентября отлично къ нему прилаживался и, занимая важное мѣсто, сильно поддерживалъ его кабинетъ.

Но всѣ старанія и хлопоты не помогли и волей-неволей при-

шлось уволить г. Фавра «по его собственному прошенію», какъ увѣряетъ газета «Officiel».

Г. Фавръ увольняется и г. Тьеръ ужь не можетъ подъискать себѣ во всемъ собраніи такого сподручнаго и удобнаго товарища.

Г. Тьеръ, впрочемъ, не плошаетъ. Онъ ввѣряетъ иностранныя дѣла товарищу своей юности, академику Шарлю де-Ремюза, своему, такъ-сказать, двойнику.

Г. Шарль Ремюза такъ незначителенъ, что никого не затмитъ, но при этомъ онъ порядочный краснобай, такъ что можетъ всякому понравиться.

Кромѣ того, г. Шарль Ремюза семидесятилѣтній старецъ, значитъ, не угрожаетъ утвердиться на вѣки вѣчные на своемъ мѣстѣ.

Дня два-три поропгали противъ этого назначенія, но потомъ съ нимъ помирились, — и не только помирились, а даже и поздравили себя: правые радовались, что глава исполнительной власти выбралъ министра не краснаго, а лѣвые радовались, что онъ выбралъ не бѣлаго.

Къ тому же какъ разъ въ это самое время собраніе было очень занято разсматриваніемъ департаментскаго закона.

Всѣ думали, что этотъ законъ произведетъ самую серьёзную стычку между децентрализаторами, легитимистами и упрямымъ якобинствомъ историка революціи и имперіи.

Всѣ увѣряли, что «необходимый человѣкъ» непремѣнно вмѣшается въ дебаты и объявитъ, что онъ скорѣй откажется отъ всякой власти, чѣмъ позволитъ уничтожить, — не только униничтожить, даже уменьшить — префекторальный авторитетъ, безъ котораго правленіе страной ему немыслимо.

Съ 31-го іюля по 10-е августа на каждомъ засѣданіи ожидали ораторской борьбы.

Но борьбы ораторской не воспослѣдовало.

Г. Тьеръ очень дружелюбно только попросилъ, чтобы департаментскія коммисіи не назначали себѣ политическихъ президентовъ, соперниковъ префектамъ, и чтобъ вопросъ объ опекѣ былъ временно предоставленъ префектамъ, до тѣхъ поръ, пока законъ о муниципальной организаціи разрѣшитъ окончательно этотъ важный пунктъ.

Новая департаментская организація свершилась такимъ образомъ безъ всякихъ помѣхъ. Она была принята 509 голосами противъ 126.

Департаментскій законъ хотя имѣетъ своимъ источникомъ тѣ работы, которыя произведены были коммисіей Оливье, въ началѣ прошлаго года, хотя повліяли на него и Бордо и Версаль, и всѣ послѣднія бѣдствія Франціи, хотя составляло его продажное большинство, вовсе не такъ плохъ, какъ полагаютъ иные радикалы, которые его и отвергли.

Правые же полагаютъ, что законъ этотъ положитъ какой-ни-

будь предѣлъ революціямъ въ Парижѣ и въ большихъ городахъ.

Но онъ можетъ произвести совсѣмъ другое: онъ можетъ придать новыя силы республикѣ и упрочить ее, если въ совѣтахъ и во временныхъ коммисіяхъ будутъ республиканцы.

Чтобы помѣшать этому и исправить уклоненія, съ которыми связана всеобщая подача голосовъ со времени муниципальныхъ выборовъ 25-го апрѣля и законодательныхъ выборовъ 2-го іюля, большинство очень энергично отвергло предложеніе о вознагражденіи членамъ совѣта или коммисіи.

Ораторы такъ и сыпали краснорѣчіемъ. Они такъ громили чиновниковъ на жалованьи, что ихъ противники, боясь чтобы ихъ не заподозрили въ корыстности, не осмѣлились много спорить.

Одинъ только республиканскій представитель, неизвѣстный человѣкъ, работникъ изъ Тулона Дома (изъ Вара), догадался представить слѣдующую поправку въ законѣ:

«Члены департаментской коммисіи получаютъ содержаніе, цифра котораго опредѣляется въ каждомъ департаментѣ совѣтомъ».

Дома въ первый разъ въ жизни взошелъ на трибуну и кромѣ того робѣлъ еще потому, что никто изъ его политическихъ друзей его не поддерживалъ.

Онъ прочелъ краткую записку, которую передаемъ здѣсь еще кратче:

«Вы изгоняете громадное большинство гражданъ, могущихъ быть избранными, вы изгоняете всѣхъ тѣхъ, кто не пользуется рентами и свободнымъ досугомъ. Налагать даровую службу во временныхъ должностяхъ, это значитъ прямо посягать на политическое равенство—самую первую и дорогую побѣду, какую только сдѣлала революція. Вы, баловни фортуны, хотите сдѣлать доступными эти должности только богачамъ. Вы нарушаете демократическій порядокъ.

«Вы хотите создать классы правителей, и порабощенныхъ; вы бросаете опасный вызовъ общественному мнѣнію; для того, чтобы политическое равенство не было химерою, нужно, чтобы вы объявили, что всякая должность, отвлекающая гражданина отъ его занятій, была бы оплачиваема; жалованье за общественныя должности есть существенный принципъ всякой демократіи... Неужели вы думаете, что только тотъ можетъ быть справедливъ, разуменъ, способенъ и усерденъ, кто съ самой колыбели пользовался роскошью и всѣми удобствами жизни? Развѣ это не значитъ поднимать мрачный вопросъ соперничества между сословіями? Да, я считаю личнымъ оскорбленіемъ вашу статью закона... Это — узурпація власти богатыми классами! Ваше постановленіе о безплатной службѣ будетъ имѣть послѣдствіемъ солидарность рабочихъ, которые съумѣютъ эманципироваться отъ вашихъ законодательныхъ предосторожностей. Поспѣшите же, во имя согласія, устранить изъ закона это оскорбительное недовѣріе къ большей части вашихъ избирателей...

Не возбуждайте безполезныхъ и постыдныхъ столкновеній между сословіями... Не идите наперекоръ духу вашего времени! Кто изъ васъ могъ думать о томъ, чтобы лишить представителей народа жалованья, которое даетъ возможность каждому засѣдать здѣсь?

«Конечно, никто! И вы отказываете въ этомъ департаментскимъ коммисіямъ!... Но въ такомъ случаѣ бѣдные люди, какъ напримѣръ я, не имѣли бы средствъ засѣдать въ нихъ, одни богатые бы засѣдали! Подумали ли вы о томъ, сколько во всемъ этомъ несправедливаго, угрожающаго, возмущающаго и важнаго?... Вы боитесь революцій... Чтобы избѣгнуть ихъ, будьте же современны... Успокойте общественное мнѣніе, которое, сказать правду, съ нетерпѣніемъ ждетъ дня, когда это собраніе будетъ распущено и будутъ назначены выборы въ новое учредительное собраніе!»

Никогда ни одна рѣчь не возбуждала такого шума и не была такъ часто прерываема! Герцоги, графы, бароны кричали: «это пахнетъ поджогами! Къ порядку! къ порядку!» Ударяя своими деревянными ножиками по столикамъ, чуть не разламывая паркетъ ногами, они безпрестанно повторяли: «Не слышно! Никто не хочетъ слышать! Не нужно, чтобы офиціальный журналъ печаталъ то, чего палата не слышала!»

Впродолженіе цѣлаго полу-часа обсуждался вопросъ, можетъ ли быть напечатано то, что̀ произнесъ г. Дома. Президентъ не допустилъ собраніе до того, чтобы оно унизилось до законодательнаго корпуса временъ имперіи. Замѣчательно, однако, что рѣчь г. Дома,—одна изъ самыхъ разумныхъ и самыхъ ясныхъ, которыя только были произнесены съ версальской трибуны—была приведена въ отчетѣ объ этомъ засѣданіи въ значительно сокращенномъ видѣ, и только одна изъ большихъ парижскихъ газетъ привела ее in extenso.

А между тѣмъ эта рѣчь очень-таки стоила быть приведенною цѣликомъ; въ ней въ первый разъ публично было указано на аристократическія тенденціи будто бы либеральныхъ монархистовъ-децентрализаторовъ и выражено, въ чрезвычайно-ясныхъ, опредѣленныхъ положеніяхъ то, чего еще ни одинъ демократъ не рѣшился высказать съ трибуны, именно, что дворянское и буржуазное большинство лелѣетъ чрезвычайно опасную, хотя и неосуществимую мечту сдѣлать невозможнымъ для народа, въ особенности же для рабочихъ, всякое непосредственное политическое вліяніе, всякую дѣйствительную защиту ихъ собственныхъ интересовъ.

Въ настоящее время въ бюро выработался проектъ, по которому уничтожается знаменитый законъ объ ассоціаціяхъ, которымъ Эмиль Оливье ознаменовалъ въ 1864 г. перемѣну въ своихъ убѣжденіяхъ. Этотъ законъ былъ, какъ справедливо опредѣлилъ Толенъ, не болѣе, какъ уловка, по которой, смотря по интересамъ императора, можно было покровительствовать

то труду, то капиталу, то возбуждать народныя демонстраціи, то являться спасителемъ общества; вслѣдствіе этого, нѣтъ сомнѣнія, что этотъ законъ долженъ быть уничтоженъ, но національное собраніе вовсе не думаетъ ввести полную свободу ассоціацій; напротивъ того, оно хочетъ возвратиться къ прежнему порядку вещей, къ прежнимъ статьямъ наполеоновскаго кодекса, которыми, какъ извѣстно, утверждается полнѣйшее неравенство даже передъ закономъ между рабочими и хозяевами.

7-го августа, когда начался передъ военнымъ версальскимъ судомъ знаменитый процессъ коммуны, министръ юстиціи Дюфоръ предложилъ въ бюро собранія проектъ такого мстительнаго и инквизиторскаго закона, какого не изобрѣтала еще и сама имперія:

«Всякій французскій подданный, который вступитъ или останется членомъ международной ассоціаціи рабочихъ или всякой другой международной ассоціаціи, явной или тайной, придерживающейся того же ученія и имѣющей такую же цѣль, подвергнется...»

Спрашивается, какимъ образомъ можно юридически доказать, что человѣкъ вышелъ изъ членовъ подобнаго общества, какія ученія непозволительны, какія цѣли незаконны? По этому закону, отъ каждаго полицейскаго агента будетъ зависѣть опредѣлить по политическимъ убѣжденіямъ и предшествующей жизни обвиняемаго, законны или нѣтъ цѣль и ученія международной ассоціаціи, въ которой онъ состоитъ членомъ, или изъ членовъ которой онъ офиціально не вышелъ. Развѣ *международная* лига мира и свободы, пятый конгрессъ которой будетъ 25-го будущаго сентября въ Лозаннѣ, не можетъ быть подведена подъ этотъ законъ Дюфора, несмотря на то, что она не болѣе, какъ собраніе философовъ всѣхъ странъ, желающихъ съобща обсудить чрезвычайно важные вопросы о свободѣ мысли, отдѣленіи церкви отъ государства, обязательномъ и даровомъ образованіи и пр. Развѣ страшная эластичность этого закона не есть угроза всѣмъ важнѣйшимъ интересамъ современнаго общества, интересамъ, стоящимъ выше даже интересовъ отечества именно потому, что они общечеловѣческіе?

И чѣмъ же угрожаетъ этотъ законъ тѣмъ, которые осмѣлятся его нарушить? — Тюремнымъ заключеніемъ на время отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ, и штрафомъ отъ 50 до 1,000 франковъ; кромѣ того, лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и семейственныхъ правъ — какъ будто бы за злостное банкротство, воровство на большихъ дорогахъ и изнасилованіе дѣтей! И кромѣ того, отдачею подъ надзоръ тайной полиціи на 5 лѣтъ, — какъ освобожденныхъ каторжниковъ! Законодательство доходитъ посредствомъ своей неумолимой логики до постановленія, по которому всякій членъ международной ассоціаціи можетъ считаться участникомъ во всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ во имя этой ассоціаціи, и какъ таковой, можетъ

подвергнуться самымъ строгимъ наказаніямъ. Было бы гораздо проще прямо сказать: всякому французу, *подъ страхомъ смертной казни*, воспрещается вступать въ какіе бы то ни было союзы съ иностранцами!

Исторія показываетъ намъ, что чѣмъ болѣе законы насильственны и несправедливы, тѣмъ менѣе они дѣйствительны. Только что приведенный законъ вмѣсто того, чтобы уничтожить во Франціи международное общество рабочихъ, только бы удвоилъ его силы. Онъ обратилъ бы рабочихъ въ постоянныхъ заговорщиковъ, получающихъ средства изъ-за границы, и непримиримыхъ съ обществомъ, всегда вооруженнымъ противъ нихъ; въ виду этого наши лучшіе рабочіе, боясь потерять во Франціи свои гражданскія права, поспѣшили бы эмигрировать, и Франція, населенная только дворянами да буржуа, стала бы жить, или вѣрнѣе, умерла бы посреди своихъ доходовъ!...

2-я статья проекта Дюфора подвергаетъ тѣмъ же наказаніямъ всякаго, кто будетъ «побуждать жителей какой-либо части французской территоріи къ отдѣленію отъ Франціи, посредствомъ ли присоединенія къ другому государству, или посредствомъ образованія изъ себя государства самостоятельнаго». Эти статьи имѣли въ виду, вопервыхъ, жителей Савойи и Ниццы, которые могли бы захотѣть присоединиться къ Италіи, или войти въ Швейцарскій союзъ, въ случаѣ еслибы Франція уменьшила ихъ политическія и соціальныя права; вовторыхъ, всякій городъ, который, находясь въ такомъ же положеніи, какъ Парижъ, осажденный версальскими войсками, вздумалъ бы учредить у себя независимую общину, и наконецъ, всякій департаментъ, который осмѣлился бы объявить себя независимымъ въ случаѣ, еслибы большинство національнаго собранія возстановило бы какую-нибудь монархію. Кромѣ того, этотъ законъ угрожалъ бы всякому публицисту, который бы рѣшился усомниться въ цѣлесообразности французскаго единства, и предложить вмѣсто нашихъ 86 префектуръ свободную федерацію департаментовъ, по образцу, напримѣръ, существующей въ Швейцаріи или Сѣверной Америкѣ.

1-я статья этого закона стремится нанести ударъ коммунизму и атеизму, 2-ая — федерализму. Но между этою тройною цѣлью и крупповскими пушками законодателя лежитъ вопросъ соціальный и политическій... Нельзя декретировать уничтоженіе подобныхъ вопросовъ; нужно дать имъ время разрѣшиться самимъ собою, мирно и свободно.

VII.

Круговая порука департаментовъ и очищеніе нѣкоторыхъ департаментовъ отъ непріятельскаго занятія.

Еслибы, нападая, съ одной стороны, на космополитизмъ, одну изъ самыхъ блестящихъ сторонъ французскаго генія, а съ другой, на сепаратизмъ и федерализмъ, будущую основу европейской свободы, наше правительство съумѣло бы, по крайней-мѣрѣ, въ виду немедленнаго отомщенія врагу и перерожденія страны, возбудить такое же чувство патріотизма, со всѣмъ его эгоизмомъ, со всею его безграничною преданностью отечеству, какое одушевляло нѣкогда древнія государства, для которыхъ слова *чужеземецъ* и *врагъ* были синонимы!... Такъ вовсе нѣтъ! Для того, чтобы замѣтить, что тѣ же самыя личности, которыя желаютъ парализовать наши космополитическія наклонности, вовсе не умѣютъ возбудить національное самосознаніе, достаточно прослѣдить ходъ преній, которыя возбудили г. Клодъ (департ. Мерты) и его товарищи, предложивъ, чтобы вся нація покрыла убытки, понесенные во время непріятельскаго нашествія департаментами, представителями которыхъ они являются.

Докладчикъ по этому вопросу Альберъ Греви и другіе либеральные ораторы, какъ Пасси, Бюффе и пр., соглашаясь съ обсуждаемымъ предложеніемъ, признавали въ принципѣ, что вся нація должна быть солидарна со всѣми своими частями, потерпѣвшими отъ нашествія, — 35 департаментами на 86,—и что для провинцій, избѣжавшихъ непріятельскаго нашествія, вознаграждать на сколько возможно потерпѣвшіе отъ него департаменты, есть дѣло чести и достоинства. Но глава правительства сначала въ бюро, а затѣмъ и съ трибуны три раза принимался съ чрезвычайною энергіею доказывать, что тутъ не можетъ быть никакого вопроса, никакого принципа, что страна вовсе не обязана давать вознагражденія тѣмъ, которые потерпѣли отъ войны, и что состояніе казны не позволяетъ предаваться ложному великодушію, примѣра котораго никогда въ исторіи не было, кромѣ развѣ одного декрета конвента, который и доселѣ остается исполненнымъ. Для того, чтобы установить хоть какое-нибудь соглашеніе между правительствомъ и коммисіею и для того, чтобы провести законъ при второмъ чтеніи, пришлось въ текстѣ постановленія замѣнить слово *вознагражденіе* словомъ *пособіе*, причемъ было постановлено, что государство даетъ 100 мильйоновъ на покрытіе важнѣйшихъ убытковъ, понесенныхъ пострадавшими отъ войны департаментами, но что не будетъ дано никакой гарантіи относительно подобнаго вознагражденія на будущее время.

Съ чисто-экономической, буржуазной точки зрѣнія, чрезвычайно прозаическая теорія Тьера—давать бѣдняку, на сколько возможно, меньше, становится совершенно понятною. Конечно, совершенно справедливо, чтобы государство не раздавало вспомоществованій свыше своихъ средствъ, и чтобы были приняты, посредствомъ тщательнаго разслѣдованія на мѣстѣ и посредствомъ строгаго парламентскаго обсужденія, всѣ возможныя мѣры противъ того, чтобы тѣ, которые, имѣвъ случай потерять свое состояніе, остались послѣ всеобщаго несчастія богатыми, не стали бы высасывать фонда, который правительство должно предоставить исключительно въ распоряженіе тѣхъ, которые, бывши и до несчастія бѣдными, потеряли во время него и свою хижину, и свой послѣдній кусокъ хлѣба.

Разслѣдованія начались. Я самъ лично убѣдился, что многіе изъ жителей деревень, въ окрестностяхъ Парижа, люди совершенно достаточные, нарочно преувеличиваютъ свои потери для того, чтобы выпросить вспомоществованіе. Обогащеніе во что бы то ни стало, которое безпрестано проповѣдывалось и осуществлялось имперіею, подорвало основы, какъ частной, такъ и общественной нравственности и честности. Скряжничество правительства, къ несчастію, становится совершенно понятнымъ при видѣ того, какъ люди, совершенно ни въ чемъ не нуждающіеся, просятъ теперь милостыни, только за то, что имъ пришлось жить недалеко отъ Парижа въ прошедшемъ году, и какъ множество эксплуататоровъ общественныхъ несчастій требуютъ вознагражденіе за то, чего они не теряли.

Но развѣ бы правительство болѣе стало подвергаться несправедливымъ требованіямъ, еслибы оно признало принципъ круговой поруки всѣхъ частей Франціи? Гораздо болѣе было бы цѣлесообразно, еслибы оно признало *право* бѣдныхъ, что̀ было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ помѣшать богатымъ злоупотреблять общественными несчастіями. Нѣтъ ничего легче согласовать законъ о наказаніяхъ за мошенничество, жертвою котораго могла бы стать государственная казна, съ признаніемъ *долга* тѣхъ, которые избавились отъ непріятельскаго нашествія, по отношенію къ тѣмъ, которые подвергнулись всѣмъ его ужасамъ. Ужь если разъ отвергать международность и сепаратизмъ, то вотъ самый удобный случай доказать и осуществить національное единство!

Очищеніе пруссаками Нормандіи подало надежду жителямъ сѣверной части департамента Сены, и департаментовъ Сены и Уазы, Сены и Марны, Уазы, Эны и Обы, что пруссаки въ скоромъ времени избавятъ и ихъ отъ своего присутствія. Жители всей этой части Франціи чрезвычайно обрадовались, узнавъ изъ Journal des Débats, что съ 18-го августа, благодаря уплатѣ третьяго полу-милліарда, нѣмцы должны отступить въ Шампань и Лотарингію. Но вдругъ нѣмецкія газеты объявляютъ намъ, что объ этомъ еще не заключено никакой опредѣленной

конвенціи между Пуйе-Куртье и генераломъ Мантейфелемъ, и что нѣмцы рѣшились продолжать занятіе до срока, установленнаго въ мирномъ трактатѣ, подъ предлогомъ того, что жители занимаемыхъ департаментовъ приняли относительно нѣмцевъ угрожающее положеніе, которое поддерживается французскою прессою, непропускающею ни одного случая описать въ мрачныхъ краскахъ каждое столкновеніе между французскими гражданами и нѣмецкими солдатами.

Пока будетъ продолжаться занятіе, успокоить это совершенно естественное раздраженіе невозможно, и мнѣ кажется, что прямая выгода самихъ нѣмцевъ—какъ можно скорѣе положить конецъ этимъ натянутымъ отношеніямъ. Видя, что вся восточная Франція находится въ крайне напряженномъ состояніи, въ Эльзасѣ упрочивается все болѣе и болѣе любовь къ Франціи, такъ что всѣ попытки укрѣпить за германскою имперіею ея новыя завоеванія, или, по крайней мѣрѣ, развить въ департаментахъ Верхняго Рейна, Нижняго Рейна и Мозеля сепаратистическія и автономическія наклонности, остаются пока недѣйствительными. Муниципальные выборы, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, или совершенно не могутъ быть произведены вслѣдствіе того, что множество избирателей воздерживаются отъ подачи голосовъ (въ Торнѣ, напримѣръ, на 1,800 избирателей оказалось 17 желающихъ подать голосъ, а въ Лаутербахѣ ни одного), или же производятся въ духѣ совершенно оппозиціонномъ новому правительству, какъ напримѣръ въ Страсбургѣ, Мюльгаузенѣ и проч. большихъ городахъ, что̀ служитъ блистательнымъ отрицаніемъ всякаго торжества г. Бисмарка. Упорство, съ которымъ жители этихъ провинцій продолжаютъ писать и говорить пофранцузски, и громадная эмиграція, совершающаяся массами отъ 10 до 20 тысячъ человѣкъ въ Метцѣ, Страсбургѣ и проч., доказываютъ, что, если императору Вильгельму и удастся удержать за собою завоеванныя земли, то ему никогда не удастся ихъ онѣмечить.

Видя все, что̀ происходитъ въ Эльзасѣ, Лотарингіи и занятыхъ департаментахъ, прежніе партизаны продолженія войны начинаютъ жалѣть, что нѣмцы, вмѣсто того, чтобы быть остановленными въ своемъ нашествіи постыднымъ миромъ, не дошли до Бордо и Марсели. Можетъ быть, судьба и перемѣнилась бы, думаютъ они, но даже еслибы мы были побѣждены окончательно, ни одна за то часть страны, ни одинъ сынъ Франціи не остался бы равнодушнымъ къ страданіямъ отечества. Національное чувство скоро бы пробудилось съ необыкновенною силою, и завоеватель погибъ бы посреди своихъ завоеваній. Кромѣ того, порывъ національной борьбы очистилъ бы всѣ даже дурныя страсти массы, обративъ ихъ на пользу, и Франція возстала бы отъ своего паденія очищенною отъ всякихъ монархическихъ наростовъ и столь же величественною и великодушною, какъ въ безсмерт-

ные дни 1789 и 92 года, спасая вмѣстѣ съ своею свободою и свободу всего свѣта.

Вмѣсто этой мечты «бѣшенныхъ и сумасшедшихъ», мы въ настоящее время обязаны людямъ благоразумнымъ, принявшимъ и утвердившимъ наши несчастія, дѣйствительностью, способною окончательно убить даже всѣ наши надежды на будущее. Эти благоразумные люди не съумѣли ничего сдѣлать для того, чтобы помѣшать намъ разочароваться въ нашихъ патріотическихъ мечтахъ, и возбудить демагогическій взрывъ, и ничего не умѣютъ сдѣлать для того, чтобы поддержать въ націи святую ненависть къ иностранцу, который, справедливо побѣдивъ деспота, употребилъ во зло свою побѣду. Занимаясь исключительно военною организаціею, они укрѣпляютъ въ непріятелѣ, въ то время какъ всѣ старанія должны быть обращены на то, чтобы какъ можно скорѣе отъ него освободиться, желаніе остаться въ странѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что мы видимо готовимся къ немедленному отомщенію. Ужь лучше было бы окончательно разоружить нашу армію, употребить всѣ наши финансовыя средства на немедленную и быструю уплату военной контрибуціи, и въ ожиданіи того, что Европа сама возстанетъ противъ прусскаго цезаризма, заняться интеллектуальнымъ и моральнымъ перерожденіемъ «великой націи» посредствомъ обязательнаго и даровaго образованія и добросовѣстнаго осуществленія республиканскихъ учрежденій.

VIII.

Парламентскій хаосъ.

Съ того времени, какъ выборы 2-го іюля внесли въ національное собраніе новый чисто-республиканскій элементъ, опредѣленнаго большинства, на которое правительство могло бы навѣрно и методически опираться, въ палатѣ не существуетъ. Какъ только затрогивается вопросъ, имѣющій хоть какое-нибудь отношеніе къ монархическому или демократическому принципу, вся палата раздѣляется на двѣ почти равныя части; нельзя опереться на которую-нибудь изъ нихъ, не рискуя быть свергнутымъ другою. Равновѣсіе, установленное бордоскимъ соглашеніемъ, сдѣлалось неустойчивымъ. Нельзя жить, не двигаясь впередъ, а такъ-какъ временное правительство ни впередъ, ни назадъ двигаться не можетъ, то оно и стало совершенно безсильно. Невозможно, чтобы сразу выйти изъ этого положенія, при которомъ Франція не въ состояніи поправить свое

прошлое, и подготовить себѣ хорошую будущность; лѣвый центръ рѣшился представить въ собраніе, подъ именемъ проекта Риве, предложеніе, формулированное уже 2 мѣсяца тому назадъ Фере. Предложеніе это, обсуждавшееся съ самаго начала августа въ полу-республиканскихъ и республиканскихъ собраніяхъ, было, наконецъ, подано въ засѣданіи 12-го августа.

Нужно, «для того, чтобы исполнить желанія страны и удовлетворить самымъ важнымъ интересамъ труда и кредита, продолжить власть установленнаго правительства». Въ виду этого, Тьеръ получаетъ титулъ *президента республики* и полномочія его продолжаются на 3 года, если только собраніе не рѣшится разойтись до истеченія этого срока; въ послѣднемъ случаѣ, Тьеръ сохранитъ свою власть только на столько времени, сколько будетъ нужно для того, чтобы созвать новое собраніе, которое сдѣлаетъ постановленіе относительно исполнительной власти. Президентъ, предсѣдательствуя въ совѣтѣ министровъ, имѣетъ право назначать и смѣнять ихъ; онъ долженъ назначить одного изъ членовъ совѣта министровъ вице-президентомъ, который бы занималъ его мѣсто въ случаѣ его отсутствія; всѣ акты исполнительной власти должны быть скрѣплены подписью министра, а министры отвѣтственны передъ національнымъ собраніемъ.

Составители этого проекта, условившись съ Тьеромъ, и заранѣе заручившись поддержкою со стороны всей лѣвой умѣренной и даже лѣвой радикальной стороны, разсчитывали, что онъ будетъ принятъ громаднымъ большинствомъ въ 400 или 450 голосовъ, и что роялистическое меньшинство не осмѣлится высказать своей злобы противъ главы исполнительной власти, котораго оно само признало «необходимымъ человѣкомъ», а тѣмъ болѣе не рѣшится высказать равнодушной или отвращенной отъ монархіи странѣ свои надежды на реставрацію Бурбоновъ.

Но, къ крайнему удивленію гг. Тьера, Риве и комп., тотчасъ же послѣ того, какъ сошелъ съ трибуны г. Риве, на нее входитъ не менѣе извѣстный г. Адне и представляетъ палатѣ такого рода предложеніе: «Національное собраніе, довѣряя патріотизму и благоразумію г. Тьера, утверждаетъ за нимъ и продолжаетъ ему полномочія, данныя ему въ Бордо». Это предложеніе, какъ нетрудно замѣтить, есть сухой и темный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, цѣль котораго та, чтобы помѣшать утвержденію республики и оставить главу исполнительной власти въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ находился до сихъ поръ, въ полной зависимости отъ воли и капризовъ національнаго собранія.

Присутствуя при засѣданіи, Тьеръ не хотѣлъ допустить, чтобы оба предложенія были бы разобраны безъ вмѣшательства лица, до котораго они прямо относились. Онъ поспѣ-

шилъ объявить, что оба предложенія даютъ ему лестное доказательство того довѣрія, съ которымъ относятся къ нему всѣ партіи, и потребовалъ, чтобъ оба предложенія были признаны безотлагательными, при чемъ заранѣе объявилъ себя за предложеніе г. Риве.

Правая сторона начинаетъ подозрѣвать ловушку. Она требуетъ нѣсколькихъ минутъ на обсужденіе. Самъ Тьеръ настаиваетъ на томъ, чтобы засѣданіе было прервано на нѣсколько минутъ. Засѣданіе прерывается на 20 минутъ. По возобновленіи засѣданія оба предложенія объявлены требующими безотлагательнаго разсмотрѣнія; назначена одна коммисія для разсмотрѣнія обоихъ проектовъ. Но тутъ же было представлено требованіе, чтобы и два другія предложенія База и Белькастеля: первое—такого же рода, какъ предложеніе Риве, а второе—требующее, чтобы собраніе объявило, что оно не разойдется, прежде чѣмъ не опредѣлитъ окончательной формы правленія,—были тоже признаны безотлагательными. Это требованіе отвергнуто весьма сомнительною баллотировкою, во время которой бюро подвергается перерывамъ и оскорбительнымъ выходкамъ со стороны монархистовъ. Выборы въ коммисію, назначаемую для разсмотрѣнія предложенныхъ вопросовъ, послѣ долгихъ совѣщаній, дали слѣдующіе результаты: выбрано въ коммисію 9 членовъ, стоящихъ *противъ* предложенія Риве, и 6—*за*.

Цѣлую недѣлю толковали о разрывѣ, могущемъ произойти между палатою и Тьеромъ. Кромѣ бонапартистовъ, уль, трамонтановъ и легитимистовъ, которые только и мечтаютъ-что о подобномъ разрывѣ, не было ни одного человѣка, интересующагося политикою, который бы не разсчитывалъ, посредствомъ какой комбинаціи можно было бы и сохранить «необходимаго человѣка», и упрочить положеніе дѣлъ. Къ довершенію этого хаоса, правая сторона, при открытіи одного засѣданія, когда скамьи центра и лѣвой стороны еще оставались незанятыми, приказала представить себѣ докладъ о предложеніи Равинеля, о которомъ уже совершенно забыли, и передала его на разсмотрѣніе той же коммисіи, которой уже было поручено разсмотрѣніе предложеній Риве и Адне. Всѣ были увѣрены, что былъ поставленъ учредительный вопросъ, и что надо выбирать между республикою и какою либо изъ династій, между «необходимымъ» и неизвѣстнымъ. Безпокойство распространилось даже на биржу, которая понизила свои фонды, и на пруссаковъ, которые пріостановили очищеніе занятыхъ провинцій.

Сначала группы депутатовъ расположились такимъ образомъ, что шансы предложеній Риве и Адне, даже несмотря на выборы членовъ коммисіи, были одинаковы. Въ то время, какъ правый центръ, во главѣ котораго находился г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, еще колебался, вся лѣвая сторона, въ томъ числѣ

и лѣвая радикальная, открыто стала на сторону предложенія Риве. Но нѣсколько легкомысленныхъ членовъ правой стороны вздумали воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы заставить собраніе объявить себя учредительнымъ, и такимъ образомъ подготовить тронъ одному изъ членовъ старшей или младшей линіи Бурбоновъ. Многіе спрашивали себя, не лучшее ли, при настоящихъ обстоятельствахъ, средство для того, чтобы сдѣлать современемъ монархію возможною, назначить президентомъ республики какого-нибудь принца, напримѣръ, принца Омальскаго, и тѣмъ, какъ въ 1848 г., подготовить новое 2-е декабря. Большинство роялистовъ съ удовольствіемъ ухватились за эту мысль, зная, что можно будетъ сохранить сколько времени будетъ нужно и «необходимаго человѣка» Тьера, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить ему *чисто-республиканскаго* преемника, назначивъ его такъ, какъ былъ назначенъ Греви, т.-е. просто постановленіемъ національнаго собранія, а не посредствомъ всенароднаго голосованія, какъ Луи Наполеонъ Бонапартъ. Многіе серьёзные люди, какъ изъ правой, такъ и изъ лѣвой стороны, видѣли въ этой полу-республиканской реставраціи случай окончательно раздѣлаться съ имперіей, положить конецъ бонапартистскимъ интригамъ и заговорамъ и вообще отнять у бонапартистовъ возможность, пользуясь нравственною анархіею, въ которую была погружена страна, произвести какой-нибудь новый государственный переворотъ.

Въ то время, какъ коммисія, отлично понимая важность обсуждаемаго ею вопроса, хранила глубочайшее молчаніе, которое давало поводъ подозрѣвать Богъ-знаетъ что, лѣвая радикальная сторона мало по малу отстала отъ предложенія Риве. Ей было представлено въ одно время два проекта: одинъ обыкновенными составителями проектовъ этой стороны Луи-Бланомъ и другими, другой—Гамбеттою. Оба они клонились къ одной цѣли: распущенію настоящаго національнаго собранія, которое не можетъ перемѣнить временное правительство, не выйдя изъ предѣловъ данныхъ ему полномочій, которыя относились только до рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, и которое тѣмъ болѣе не въ состояніи рѣшить какой бы то ни было другой вопросъ, что оно рѣшилось на двѣ, другъ-друга парализующія части, республиканскую и монархическую. Впрочемъ, иниціатива этихъ двухъ проектовъ принадлежала не однимъ ихъ составителямъ: было подано нѣсколько петицій изъ провинцій, число которыхъ могло каждую минуту увеличиться и заставить палату, волей-неволей, разойтись и уступить мѣсто новому учредительному собранію.

Наконецъ, люди, мѣняющіе чуть не каждый день свои убѣжденія, какъ, напримѣръ, Эмиль Жирарденъ и др., предложили для разрѣшенія всѣхъ столкновеній и интригъ слѣдующую комбинацію: продолжить на неопредѣленное время полномочія главы исполнительной власти и собранія, треть котораго будетъ возобнов-

ляться по жребію каждыя пять лѣтъ, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.

Между тѣмъ, коммисія не приходила ни къ какому опредѣленному заключенію и откладывала со дня на день назначеніе докладчика. Цѣлую недѣлю употребили они на то, чтобы выбрать докладчикомъ друга Тьера—Вите и сойтись на слѣдующемъ компромиссѣ:

1) Г. Тьеръ, во все продолженіе засѣданій собранія, сохранитъ, съ титуломъ президента республики, полномочія, данныя ему 17-го февраля, которыя за нимъ вновь утверждаются;

2) Г. Тьеръ—президентъ и членъ комитета министровъ, отвѣтственныхъ передъ національнымъ собраніемъ;

3) Президентъ республики имѣетъ право говорить въ палатѣ, когда ему будетъ угодно, не предувѣдомляя объ этомъ президента собранія.

Между тѣмъ, былъ поставленъ новый вопросъ, который могъ привести къ разрыву и безъ того очень натянутыя отношенія между палатою и Тьеромъ. Коммисія, назначенная для разсмотрѣнія предложенія 150 депутатовъ, требовавшихъ немедленнаго распущенія національной гвардіи, высказалась, несмотря на протестъ Тьера, за это предложеніе. Въ засѣданіи 19-го числа были прочтены два доклада: одинъ—генерала Шанзи, другой—г. Шасселу-Лоба (отъ имени коммисіи, составлявшей проектъ реорганизаціи арміи). По послѣднему докладу всѣ французы, отъ 20 до 40 лѣтъ, будутъ нести военную повинность, причемъ національная гвардія *будетъ распущена;* по первому—она *распускается немедленно*. Напрасно лѣвая сторона, въ лицѣ одного изъ своихъ самыхъ молодыхъ членовъ Генриха Бриссона, требовала, чтобы былъ разсмотрѣнъ законъ, содержащій въ себѣ принципъ этого вопроса, прежде чѣмъ этотъ принципъ будетъ приложенъ къ дѣлу; напрасно нѣкоторые отдѣльные члены собранія, какъ, напримѣръ, Альфонсъ Жанъ и др. объявляли, что необдуманное разоруженіе національной гвардіи есть или, по крайней мѣрѣ, можетъ показаться подготовленіемъ къ государственному перевороту и во всякомъ случаѣ можетъ имѣть послѣдствіемъ новую междоусобную войну. Большинство признало безотлагательность преній по докладу Шанзи и отказало въ этомъ признаніи докладу Шасселу-Лоба.

Городъ, національная гвардія котораго наиболѣе опасна для реакціонеровъ, есть городъ Ліонъ. Тамъ она составляетъ федерацію съ гвардіею всѣхъ департаментовъ Роны, сама выбираетъ себѣ генерала, который подчиняется исключительно муниципальному совѣту, состоящему изъ умѣренныхъ, но весьма твердыхъ республиканцевъ. Ліонская община устроила 13-го августа школьный праздникъ, на которомъ одинъ изъ помощниковъ мэра осмѣлился похвалить, въ присутствіи дѣтей и ихъ родителей, даровое, обязательное и свѣтское образованіе и республиканскія учрежденія, основаніемъ котораго оно является.

Нѣкто г. Монне, который, вѣроятно, станетъ извѣстнымъ потомству, взошелъ 21-го августа на трибуну и протестовалъ противъ этой рѣчи, какъ посягающей на свободу совѣсти, порядокъ и цивилизацію, основаніе которой есть христіанство. Министръ народнаго просвѣщенія, бывшій вольнодумецъ Жюль Симонъ, отвѣтилъ на это въ такомъ духѣ: «У меня нѣтъ оффиціальныхъ данныхъ... можетъ быть... но для того, чтобы быть увѣреннымъ... Наконецъ, если и былъ въ Ліонѣ школьный праздникъ, разрѣшенный г. префектомъ, несмотря на протестъ со стороны ректора академіи, то мой товарищъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гораздо болѣе отвѣтственъ, чѣмъ я... но онъ теперь боленъ... Слѣдовательно» и пр. Баронъ Шоранъ, и зять покойнаго Монталамбера, одинъ изъ орловъ ультрамонтанизма, виконтъ де-Мо возразили, что ліонскій школьный праздникъ былъ просто дѣтскою оргіею, и что муниципальный совѣтъ втораго города Франціи поступилъ беззаконно, уничтоживъ въ школахъ преподаваніе закона Божія, предписанное закономъ. Я нахожу законъ, отвѣчаетъ министръ народнаго просвѣщенія, несовершеннымъ; послѣ вакацій я предложу другой, лучшій законъ; но онъ существуетъ и я клянусь, что заставлю его уважать во всѣхъ общинахъ Франціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ламбрехтъ, неприсутствовавшій сначала, какъ говорили, по болѣзни, въ концѣ-концовъ появился на трибунѣ и объявилъ, что обстоятельство это слишкомъ преувеличиваютъ, но что во всякомъ случаѣ ліонскій школьный праздникъ есть явленіе крайне прискорбное, и что онъ, какъ и его товарищъ, заставятъ уважать существующій законъ. Депутаты департаментовъ Роны, Милланъ и Феронили попробовали-было объяснить факты и похвалить ліонскій муниципальный совѣтъ за высказанное имъ уваженіе къ свободѣ совѣсти, на которую посягаетъ исключительно католическая религія, любовь къ республиканскимъ учрежденіямъ, въ основаніе которыхъ онъ старается положить либеральное и свободное образованіе народа. Было наконецъ рѣшено постановить слѣдующій обоюдоострый переходъ къ очереднымъ дѣламъ, предложенный г. де-Брогли, которымъ поддерживались оба министра, сохранялся основный принципъ католицизма, и вообще удовлетворялъ всѣхъ, кромѣ, разумѣется, ліонцевъ: «Собраніе, довѣряя высказанной министромъ мысли о томъ, что законъ о первоначальномъ образованіи будетъ въ точности исполненъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Вовсе не стоило возбуждать только что происшедшихъ скандальныхъ преній, клонящихся прямо къ междоусобной войнѣ! воскликнулъ одинъ изъ членовъ лѣвой стороны.

Выдумавъ, что на этомъ праздникѣ мальчики и дѣвочки, напившись пьяными, ночевали въ повалку въ паркѣ и были отвезены къ ихъ родителямъ больными, реакціонерная пресса начала сообщать, какъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ отдѣлѣ извѣстій, различные невѣроятные слухи о томъ,

что ліонскій муниципальный совѣтъ и вся его вооруженная сволочь, завладѣвъ фортомъ, заставляетъ префекта Валентена—одного изъ героевъ Страсбурга—объявить себя экстраординарнымъ «коммисаромъ республики», смѣется надъ центральною властью, пренебрегаетъ декретами національнаго собранія, и вообще явно подготовляетъ новое 18-е марта.

24-го августа, въ годовщину варѳоломеевской ночи, были назначены пренія о распущеніи національной гвардіи. Одинъ старый генералъ, который и въ коммисіи подавалъ голосъ противъ большинства, началъ защищать и въ палатѣ національную гвардію вообще, а парижскую и ліонскую въ особенности, противъ недостойныхъ обвиненій со стороны тѣхъ, которые забыли заслуги, оказанныя этимъ войскомъ отечеству, и ихъ храбрость, оставшуюся безполезною, вслѣдствіе неспособности и измѣны ихъ начальниковъ. Съ логичностью, къ несчастью чрезвычайно рѣдко встрѣчаемою, онъ доказывалъ, что неблагоразумно и нелѣпо обезоруживать тѣхъ, которые, въ случаѣ необходимости, могутъ защищать страну, пока новая военная организація, неодобренная даже еще въ теоріи, не дастъ положительныхъ результатовъ. Въ отвѣтъ на это, виконтъ де-Мо, при громкихъ аплодисментахъ правой стороны, началъ развивать тотъ крайне-банальный тезисъ, что всеобщее голосованіе исключаетъ вооруженіе гражданъ, которые не нуждаются въ оружіи, имѣя въ рукахъ вотированіе, и что національная гвардія умѣла производить только возмущенія.

Глава исполнительной власти, противъ воли котораго было назначено разсмотрѣніе доклада генерала Шанзи, рѣзко поставилъ собраніе въ необходимость выбирать между тѣмъ, что̀ г. де-Мо *хочетъ*, то-есть немедленнаго распущенія національной гвардіи, и тѣмъ, что̀ правительство *можетъ*. «Оба положенія постановлены, сказалъ онъ: — національному собранію остается выбрать!».

— Повѣрьте, что оно выберетъ! крикнулъ одинъ изъ членовъ правой стороны, вообразившій, что палата, недавно вотировавшая за переходъ къ очереднымъ дѣламъ, предложенный Брогли, скорѣе поссорится съ Тьеромъ, нежели отвергнетъ заключеніе коммисіи относительно предложенія Шанзи.

Тьеръ соглашается съ тѣмъ, что настоящая организація національной гвардіи неудовлетворительна, но онъ настаиваетъ на томъ, что французская революція вовсе не сдѣлала ошибки, учредивъ ее. Одобряя принципы 89 года, онъ признаетъ, что «народъ самъ долженъ себя защищать. Дѣло въ томъ, что ненужно оставлять оружіе въ опасныхъ рукахъ. Есть часть національной гвардіи, которую нужно обезоружить, какъ можно скорѣе, но за то есть и другія части, которыя были бы, въ случаѣ нужды, чрезвычайно полезны для защиты порядка». (*Сильный перерывъ справа*). Затѣмъ, глава исполнительной власти, какъ человѣкъ практическій, сталъ доказывать, на сколько

вредно для дисциплины и здоровья солдатъ постоянное пребываніе ихъ въ городахъ, и что, изъ чисто-финансовыхъ разсчетовъ невозможно устроить вездѣ спеціальную стражу, по образцу парижской муниципальной гвардіи. При этихъ словахъ справа послышался ропотъ; правая сторона вообще не хотѣла признавать за правительствомъ права вооружать и разоружать гражданъ по своему усмотрѣнію.

Тьеръ наконецъ разсердился: «Это всегдашняя система враговъ Франціи и современнаго порядка вещей—вскричалъ онъ—запугивать страну... Они останавливаютъ трудъ, лишаютъ насъ кредита, который теперь наша единственная опора... Они доставляютъ иностранцамъ предлогъ занимать нашу территорію. Я утверждаю, что Франціи не угрожаетъ никакая опасность! (*перерывъ справа*). Да, я утверждаю это. За это поручатся не тѣ, которые прерываютъ меня, я самъ ручаюсь за это своею головою, своею честью, ручаюсь передъ страною, передъ исторіею! Нѣтъ, никакой опасности не предстоитъ!».

И затѣмъ глава исполнительной власти началъ стыдить собраніе, что оно труситъ, имѣя 120,000 штыковъ между Версалью и Парижемъ, 30,000 вокругъ Ліона, стотысячную армію на Луарѣ, которые тотчасъ же раздавятъ всякій безпорядокъ, гдѣ бы онъ ни проявился.

«Мы вовсе не трусимъ!» наивно вскрикиваетъ правая сторона, а г. Френо докторальнымъ тономъ прибавилъ: «Вы еще не знаете всей возвышенности нашего мужества!»

«Но—продолжалъ Тьеръ—у насъ нравственный безпорядокъ, и причина того—наше разногласіе, которому нѣтъ примѣра ни у одного народа, наши страсти... Мой трудъ, моя политика съ утра до вечера направлена на то, чтобы на сколько возможно помѣшать окончательному столкновенію партій. Неумолимый ко всякаго рода безпорядкамъ, безпрестанно слѣдя за ними, и готовый всегда ихъ подавить, я одного только не понимаю, и не могу исполнить — дѣйствовать въ одно время во всѣхъ частяхъ территоріи» (*перерывъ справа*). Послѣ этого новаго перерыва, Тьеръ, немогущій перенести, чтобы послѣ всего, что онъ сказалъ, еще кто-нибудь оставался неубѣжденнымъ, съ отчаяніемъ, трудно узнать поддѣльнымъ или дѣйствительнымъ, воскликнулъ: «Ахъ, я слишкомъ хорошо знаю людей для того, чтобы надѣяться разъубѣдить ихъ, когда они что-нибудь заберутъ себѣ въ голову... Говорятъ, что во многихъ вопросахъ я расхожусь въ мнѣніяхъ съ палатою».

— Правда! Правда! раздалось голосовъ 30.

— Ну, такъ, господа, вы всемогущи; вы даете и отнимаете власть. По числу голосовъ, поднимающихся противъ меня, я заключаю, что довѣріе, въ которомъ я нуждаюсь, сильно поколебалось.

— Вовсе нѣтъ! закричали слѣва, но правая сторона молчала.

— Мнѣ остается только прибавить, что я знаю обязанность,

налагаемую на меня сценою, при которой я присутствую. Мнѣ нечего больше говорить собранію!

Послѣ этого Тьеръ быстро сошелъ съ трибуны и оставилъ залу. Всѣ депутаты вскочили съ мѣста подъ силою произведеннаго впечатлѣнія. Министры, члены коммисій и просто депутаты начали ходить въ чрезвычайномъ волненіи по партеру королевскаго театра, за кулисами котораго исчезъ «необходимый человѣкъ».

«Подалъ онъ отставку?»—«Да!» отвѣчали одни.—«Комедія!» кричали другіе. Крайне-правая сторона прошла тѣмъ временемъ въ одно изъ бюро и начала совѣщаться о преемникѣ, котораго можно было бы назначить Тьеру; въ случаѣ крайности, она рѣшилась предложить стараго, безсильнаго Шангарнье, послѣ котораго уже очень легко могъ бы сдѣлаться президентомъ, напримѣръ, хоть герцогъ Омальскій.

Но, между тѣмъ, черезъ 25 минутъ засѣданіе возобновляется. Необходимо было согласить двѣ стороны къ уступкѣ: главу государства, рѣшившагося подать въ отставку, и большинство, принявшее предложеніе, съ которымъ онъ не согласенъ. Конечно, никто другой, какъ генералъ *мертвый или побѣдитель*, безсмертный Дюкро появляется на трибунѣ, возвѣщая намъ спасеніе.

— Изъ всей рѣчи главы исполнительной власти я припоминаю только одно слово, именно, что онъ согласенъ съ нами въ принципѣ; онъ также признаетъ, что національная гвардія должна быть *обезоружена!* сказалъ онъ.

— Вовсе нѣтъ! закричали слѣва; а генералъ Пелиссье съ особеннымъ удареніемъ повторилъ слово—*преобразована!*

— Согласившись съ главою исполнительной власти, продолжалъ Дюкро, какъ бы не разслышавъ:—мы пришли къ заключенію, которое, вѣроятно, удовлетворитъ собраніе:

«Національная гвардія *будетъ* распущена *по мѣрѣ того*, какъ обстоятельства и успѣхъ...»

— Вовсе нѣтъ! Мы вовсе не этого хотимъ! кричитъ крайне правая сторона.

— Дайте же докончить! возражаютъ депутаты.

«*По мѣрѣ того*, какъ этого позволятъ обстоятельства и успѣхъ преобразованія арміи. Это распущеніе и обезоруженіе будетъ произведено въ возможно скоромъ времени правительствомъ, отвѣтственнымъ за свои дѣйствія».

Генералы Билло и Шаретонъ, принадлежащіе къ меньшинству коммисіи, присоединяются къ этому предложенію. Посреди сильнѣйшихъ криковъ, впрочемъ, болѣе шумныхъ, чѣмъ многочисленныхъ, со стороны ревностныхъ подготовителей президентства Шангарнье и герцога Омальскаго, докладчикъ, генералъ Шанзи, старается поддержать заключеніе коммисіи, доказывая, что никогда никто и не хотѣлъ обезоруженія всей національной гвардіи съ одного разу, что, конечно, необходимо

дать время для исполненія этого постановленія, что одна исполнительная власть можетъ судить о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для такого исполненія, и проч., что̀ не совсѣмъ вяжется со всѣмъ тѣмъ, что̀ сказалъ въ своей рѣчи г. виконтъ де-Мо. Напрасно бывшій другъ Гамбетты ударялъ себя въ грудь и кричалъ: «Будемъ откровенны, а не политичны!» Лѣвая республиканская сторона и полуреспубликанскій центръ склонились на сторону проекта Дюкро. Генералъ Шобанъ-Лотеръ и г. Вуазенъ, отъ имени многихъ другихъ, также присоединились къ нимъ. Но за то нѣкоторые другіе, какъ, напримѣръ, г. Керголе, говорили въ совершенно противоположномъ смыслѣ, а г. Вандіе и Трошю, которые собственно первые и предложили законъ, начали его защищать и объяснять его настоящій смыслъ. Въ собраніи, между тѣмъ, стали говорить, что, если споры будутъ продолжаться, то «необходимый человѣкъ» Тьеръ, снова занявшій свое мѣсто, опять можетъ уйти за занавѣсъ и написать уже разъ разорванную просьбу объ отставкѣ. Лѣвая сторона производила адскій шумъ до тѣхъ поръ, пока хранитель печати занялъ на трибунѣ мѣсто г. Вандіе. Г. Дюфоръ объявилъ то, что̀, еслибы было сказано двумя часами раньше, навѣрное бы предупредило всю бурю. «Сегодня утромъ—сказалъ онъ — въ совѣтѣ министровъ мы рѣшили, что національная гвардія будетъ распущена, что это будетъ произведено, по возможности, скоро, но все-таки въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, необходимаго для приведенія этого закона въ исполненіе». Напрасно маркизъ де-Мерне попробовалъ-было предложить новую поправку, сводившуюся опять на то, что національная гвардія будетъ немедленно распущена, и что обезоруженіе ея произойдетъ подъ отвѣтственностью правительства въ возможно скорое время. Поправка Дюкро была принята большинствомъ 488 голосовъ противъ 149. Полная ли эта побѣда для республики, лѣвой стороны, національной гвардіи и Тьера? Окончательное ли это пораженіе для различныхъ реакціонеровъ? Нѣтъ. Никто не былъ обманутъ комедіею отставки. Дюкро самъ говоритъ, что каждую недѣлю онъ будетъ требовать у правительства распущенія національной гвардіи одного или двухъ городовъ. Лѣвая сторона уже не такъ сильно, какъ прежде, стоитъ за предложеніе г. Риве. Коммисія, выбравшая-было г. Вите докладчикомъ, не рѣшилась представить своего доклада и начала составлять новый. Одна изъ группъ праваго центра составила проектъ о передачѣ Тьеру президенства пожизненно, конечно, въ той надеждѣ, что онъ скоро умретъ, и что пока, сдѣлавшись подъ именемъ президента республики, собственно конституціоннымъ королемъ, и имѣя возможность сноситься съ собраніемъ только посредствомъ своихъ министровъ, онъ перестанетъ надоѣдать попеременно то легитимистамъ, то орлеанистамъ. Въ одномъ изъ салоновъ версальскаго Hôtel de France образуется нѣчто въ родѣ *центральнаго*

анти-республиканскаго комитета изъ делегатовъ отъ всѣхъ собраній правой стороны, которые стараются составить большинство твердое, единодушное, способное на все для того, чтобы только свергнуть временное правительство и провести проектъ о назначеніи герцога Омальскаго президентомъ республики. А въ подленькихъ газеткахъ „Figaro", „Gaulois", „Paris Journal" и др. появляются намеки на то, что многіе опасаются государственнаго переворота со стороны г. Тьера, и что это-то и есть причина, почему его прежніе друзья дѣйствуютъ теперь противъ него!

XI.

Вопросъ о президенствѣ.

Въ понедѣльникъ, 28-го числа, въ 4 часа пополудни, г. Вите произнесъ докладъ коммисіи относительно предложеній Риве, Адне и Белькастеля. Съ литературной, академической точки зрѣнія докладъ этотъ еще можетъ понравиться; но съ точки зрѣнія политической, онъ имѣетъ свойство неправиться ни одной партіи, но, впрочемъ, онъ все-таки больше приходится по нраву правой сторонѣ, чѣмъ лѣвой и правительству. Состоится ли примиреніе, котораго добиваются посредствомъ столькихъ интригъ? Съ перваго раза трудно этому повѣрить; Тьеръ, сидѣвшій во время доклада на своемъ мѣстѣ, тотчасъ же исчезъ, какъ только г. Вите сошелъ съ трибуны. Хранитель печати, г. Дюфоръ, попросилъ слово и замѣтилъ, что въ разъясненіяхъ новаго проекта сдѣлано весьма прискорбное опущеніе, которое нужно немедленно исправить. «Недостаетъ—сказалъ онъ—одного слова, именно выраженія довѣрія лицу, которому вы вручаете власть. (*Ропотъ справа, аплодисменты слѣва*). Отъ имени министерства я требую вставки слѣдующаго параграфа: «Кромѣ того, принимая во вниманіе заслуги, оказанныя Тьеромъ, и *данныя имъ гарантіи...*» (*Ропотъ справа*). Засѣданіе прекращено безъ того, чтобы пришли къ какому-нибудь опредѣленному заключенію по этому пункту.

Въ первомъ параграфѣ considerants своего проекта, коммисія утверждаетъ какъ разъ то, что̀ отрицаетъ лѣвая сторона, поддерживаемая все болѣе и болѣе многочисленными петиціями, требующими распущенія настоящаго собранія: «Національное собраніе имѣетъ учредительную власть, какъ существенный атрибутъ, врученныхъ ему, полномочій»; только по высшимъ соображеніямъ оно до сихъ поръ не пользовалось своимъ правомъ.

Во второмъ параграфѣ признаютъ необходимость заняться «возстановленіемъ согласія и успокоеніемъ партій», что нужно

упрочить временныя учрежденія, но сдѣлать это такъ, чтобы это ни въ какомъ случаѣ не могло быть гарантіею утвержденія тѣхъ или другихъ окончательныхъ учрежденій страны на будущее время; *собственно сущности настоящаго положенія дѣлъ никто измѣнять не хочетъ*, а хотятъ, только подъ другимъ именемъ, такъ-какъ масса будетъ считать положеніе болѣе нормальнымъ, когда во главѣ будетъ стоять *президентъ* вмѣсто временнаго правительства, *продолжить честный опытъ, начатый въ Бордо.*

Что же касается до полномочій и правъ главы исполнительной власти, продолжающихся только на время продолженія засѣданій собранія, то они всѣ будутъ переданы президенту, что̀ нисколько не уменьшитъ самодержавія національнаго собранія, которое есть все-таки высшая инстанція, и которому принадлежитъ право окончательнаго рѣшенія во всѣхъ спорныхъ вопросахъ.

Мотивированный такимъ образомъ проектъ закона предлагаетъ передачу главѣ исполнительной власти, титула главы французской республики, съ тѣмъ, чтобы «онъ, подчиняясь національному собранію, во все продолженіе его засѣданій, исполнялъ обязанности, возложенныя на него декретомъ 17-го февраля 1871 года». По второму параграфу президентъ имѣетъ право говорить въ собраніи, когда захочетъ, предувѣдомивъ, впрочемъ, о своемъ намѣреніи президента собранія. Его совѣтъ и его министры отвѣтственны передъ національнымъ собраніемъ, и каждый его актъ долженъ быть скрѣпленъ подписью министра. По третьему параграфу, самъ президентъ отвѣтственъ передъ національнымъ собраніемъ.

За полчаса передъ этимъ коммисія соглашалась-было на то, чтобы президентъ сносился съ собраніемъ только чрезъ министровъ и, совершенно какъ конституціонный король, не былъ бы отвѣтственъ передъ національнымъ собраніемъ. Тьеръ добился вышесказанныхъ измѣненій, только объявивъ, что, если онъ не будетъ отвѣтственъ самъ, и если онъ не будетъ имѣть права всходить на трибуну, когда только ему будетъ угодно, онъ подастъ въ отставку даже до прочтенія доклада.

Правая сторона, незнавшая ничего о послѣднемъ рѣшеніи коммисіи, апплодировала, какъ проекту закона, такъ и докладу г. Вите до неожиданныхъ поправокъ и измѣненій 2-й и 3-й статьи. Но она встрѣтила конецъ доклада съ такимъ-же равнодушіемъ, съ какимъ энтузіазмомъ она слушала начало его. Отвѣтственность Тьера и его право говорить ей въ лицо, когда ему захочется, разныя жесткія истины, а также и требованіе Дюфора о выраженіи абсолютнаго довѣрія Тьеру настолько-же ею раздражили, насколько лѣвая сторона была раздражена притязаніями собранія на учредительную власть и тѣмъ, что палата не принимаетъ на себя de jure никакихъ обязательствъ относительно республики, существующей de facto.

Во вторникъ вечеромъ, казалось, что несообразности доклада Вите отклонили отъ него даже лѣвый центръ, и что проектъ, предложенный вмѣсто проекта Риве, не нравится даже крайне правой сторонѣ, потому-то, полагая, съ одной стороны, президента республики, а съ другой учредительную власть собранія, этотъ проектъ давалъ возможность *республиканизировать* всемогущество палаты. Видя все это, г. Тьеръ импровизируетъ новый проектъ, способный соединить лѣвую сторону, такъ-какъ имъ уничтоженъ вопросъ учредительный; отвѣтственнымъ составителемъ его является г. де-Шуазель, и всѣ знаютъ, что этотъ проектъ наиболѣе нравился главѣ исполнительной власти. Правая сторона начинаетъ опасаться и вся, откинувъ разныя поправки, на которыя она соглашалась отдѣльными группами, соединяется вокругъ проекта Вите.

Засѣданіе 30-го августа открывается при всеобщей надеждѣ на лѣвой сторонѣ и въ центрахъ, что столкновенія не произойдетъ, благодаря поправкѣ Шуазеля и тому, что самъ Тьеръ взойдетъ на трибуну и скажетъ: Примите это—или я удаляюсь!

Но, къ удивленію всѣхъ, на трибуну всходитъ г. Ліонсъ де-Лавернь и отъ имени ультра-бѣлаго меньшинства коммисіи, разсматривавшей предложенія Риве, Равинеля и Адне, произноситъ длинный докладъ противъ большинства ея и противъ самого главы исполнительной власти. Тьеръ, между тѣмъ, совершенно хладнокровно сидитъ на своей скамьѣ. «Вѣроятно онъ разсердился и взойдетъ самъ на трибуну», говорили въ залѣ впродолженіе по крайней мѣрѣ, получаса; но г. де-Лавернь окончилъ свою рѣчь, и Тьеръ не двинулся съ мѣста.

Между тѣмъ человѣкъ двѣнадцать взяли назадъ свои поправки, при чемъ произносили или нѣтъ разныя красивыя фразы, смотря по вкусу. Г. Вите объявляетъ, что коммисія принимаетъ поправку Дюфора, несмотря на всю ея безполезность. На что г. Дюфоръ поспѣшилъ отвѣтить, что послѣ этого министерство принимаетъ цѣликомъ проектъ коммисіи.

Лѣвая сторона удивлена до крайности. Но на трибунѣ появляется г. Шуазель. «Я, говоритъ онъ, хотѣлъ предложить средство къ примиренію (Очень хорошо! Очень хорошо! слѣва); но послѣ заявленія министерства я беру назадъ свое предложеніе!»—Лучше и выдумать было нельзя! восклицаетъ правая сторона, покатываясь со смѣха. «Но, продолжаетъ Шуазель, я не сойду съ этой трибуны, громко не протестовавъ противъ considerants и самыхъ выраженій доклада коммисіи»! Лѣвая сторона удовлетворяется и только апплодируетъ.

Разсказываютъ другъ другу на ухо, что Тьеръ потому не позволилъ представить свою привилегированную поправку, что съ нимъ не соглашалось министерство, связанное принятіемъ поправки Дюфора. «Ахъ, чортъ возьми! вѣрно!» повторяютъ торжествующіе идіоты центровъ.

Одинъ изъ искуснѣйшихъ ораторовъ лѣвой умѣренной сто-

роны Паскаль Дюпра произноситъ посреди всеобщаго невниманія прекрасную рѣчь на тему: не нужно, чтобы собраніе разошлось слишкомъ скоро, какъ этого нѣкоторые добиваются, но и не нужно захватывать учредительной власти. Ропотъ и перерывы роялистовъ, наконецъ, вывели его изъ терпѣнія, и онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Если вы хотите посягнуть на самодержавіе народа,—вы узурпаторы!»

Знаменитый генералъ, *мертвый или побѣдитель* Дюкро напоминаетъ лѣвой сторонѣ фразу изъ прокламаціи къ войску и народу 21-го марта, вотированной единогласно — за исключеніемъ Мильери,—въ которой было сказано, что національное собраніе есть представитель самодержавія народа, и что ему поручено «спасти, организовать систему и *учредить въ ней правительство*». Послѣ этого Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, по обыкновенію вообще всѣхъ нерѣшительныхъ, начинаетъ доказывать, что, если собраніе разъ получило полномочія, то оно можетъ по праву пользоваться ими: «Такъ-какъ, говорилъ онъ, насъ заставили написать главу, то мы имѣемъ право написать и всю книгу; но намъ незачѣмъ торопиться!»—«Но страна не можетъ ждать», чрезвычайно логично возражаетъ г. Лами: «нужно рѣшить, чему быть: монархіи или республикѣ; но такъ-какъ мы не въ состояніи, по причинѣ нашего раздѣленія, составить большинство, то удовольствуемся-же тѣмъ, что мы избавили територію отъ враговъ»—къ несчастію, еще нѣтъ!—«и подавили возмущеніе»—но какою цѣною мы это сдѣлали!—«и будемъ-же на столько благоразумны, что разойдемся!» Г. Ланглуа вспоминаетъ вдругъ, что онъ родился ученикомъ Прудона и республиканцемъ, и начинаетъ доказывать, что самодержавіе народа ненарушимо, и что необходимо разойтись, если народъ этого пожелаетъ. Луи Бланъ напоминаетъ принципъ революціи. «Самодержавный властитель есть страна, назначающая своихъ уполномоченныхъ, а не уполномоченные, назначаемые страною». Такимъ образомъ пренія, казалось, перешли на почву принциповъ, но правая сторона снова возвращаетъ ихъ въ грязь современныхъ страстей, указывая на сентябрскіе и февральскіе выборы, и нападая на 4-е сентября.

«4-е сентября!» восклицаетъ одинъ старый твердый республиканецъ, бывшій префектъ сѣвернаго департамента, другъ Делеклюза и protégé Тьера и Бартелеми-сентъ-Илера, которымъ онъ обязанъ своимъ избраніемъ, докторъ Тестеленъ. «Безъ 4-го сентября, вы-бы и теперь еще лизали сапоги императора!»

Все собраніе вскочило съ мѣстъ. Всѣ бывшіе члены законодательнаго корпуса почли это за личное оскорбленіе; какой-то депутатъ даже схватилъ г. Тестелена за горло. Президентъ собранія тотчасъ же призвалъ его къ порядку. Онъ всходитъ на трибуну и признается, что онъ сдѣлалъ важную ошибку, послѣ чего призывъ къ порядку взятъ назадъ. Исторія, однако, запомнитъ выраженіе Тестелена, потому что, если оно не под-

ходитъ къ тѣмъ депутатамъ, которые не входили въ составъ императорскаго собранія, то оно совершенно вѣрно для членовъ праваго центра, за весьма немногими исключеніями.

Послѣ того, какъ была отвергнута поправка Паскаля Дюпра, Гамбетта началъ пренія противъ перваго параграфа проекта Вите, который онъ считаетъ безполезнымъ посягательствомъ на самодержавіе народа, могущимъ снова породить гражданскую войну. Съ хитростью, въ которой его справедливо упрекалъ Феликсъ Піа, онъ заставилъ собраніе себя выслушать, разсыпаясь въ похвалахъ передъ версальскимъ перемиріемъ и бордоскимъ соглашеніемъ и иронически поздравляя собраніе съ тѣмъ, что оно воздержалось отъ учрежденія постояннаго правительства, за невозможностью составить опредѣленное большинство. Не онъ и не его друзья, а вся страна требуетъ, чтобы собраніе воздержалось отъ установленія чего-нибудь окончательнаго. Онъ даже заставилъ правую сторону закричать: правда! правда! сказавъ, что «завтра мы будемъ въ томъ же положеніи, какъ и вчера», съ раздѣленною на части палатою и борьбою непримиримыхъ партій. А отчего? Оттого, что мы выбраны съ заранѣе опредѣленною, единственною цѣлью—какъ можно скорѣе избавиться отъ непріятеля.

Съ большимъ хладнокровіемъ Гамбетта не отвѣчаетъ на перерывы правой стороны; онъ даже благодаритъ своихъ товарищей-легитимистовъ за то, что они отказались отъ своихъ монархическихъ утопій послѣ серьёзнаго, точнаго и непреложнаго выраженія народной воли, высказанной самымъ положительнымъ и торжественнымъ образомъ. Но напрасно произноситъ эксъ-диктаторъ очень красивую фразу о томъ, что «есть воля, предъ которой все должно преклоняться,—воля народа!»—«Мы народъ!» отвѣчаютъ ему маркизы де-Жюинье и де-Франліе. Чѣмъ болѣе распространяется объ уваженіи правъ народа, тѣмъ болѣе раздаются, обращенные къ нему возгласы, что онъ самъ былъ диктаторъ, узурпаторъ и революціонеръ противъ самодержавія народа.

Затѣмъ онъ снова старается возвратиться къ нити своихъ разсужденій, доказывая, что, еслибы собраніе было учредительнымъ, то оно состояло изъ 900 членовъ, а не изъ 750. И что апрѣльскіе муниципальные выборы и іюльскіе дополнительные прямо отрицаютъ право роялистскаго большинства палаты объявить собраніе учредительнымъ. На это самъ хранитель печати Дюфоръ возражаетъ: Вовсе нѣтъ!

Видимо отчаявшись заставить собраніе подчиниться голосу благоразумія, молодой ораторъ произноситъ нѣсколько блестящихъ фразъ противъ нападающихъ на 4-е сентября, которое низвергло имперію и спасло Францію отъ анархіи; но у подножія трибуны ему грозятъ кулакомъ, а вѣроятно, какой-нибудь Белькастель сказалъ ему: «Вы не испугаете насъ, господинъ Гамбетта!»

Тогда онъ принимаетъ видъ нѣсколько простоватый и говоритъ: «Господа, нужно быть серьёзными!» Это принято за оскорбленіе, и онъ, за свое желаніе быть умнымъ, принужденъ не докончить рѣчи и сойти съ трибуны, произнося слѣдующую угрозу: «есть нѣкто, который за вами наблюдаетъ, это—страна! Вы не хотите разойтись сами, добровольно, такъ она васъ заставитъ это сдѣлать; приговоръ надъ всѣми вашими притязаніями и узурпаціями уже произнесенъ!»

— Это вызовъ! кричитъ правая сторона:—хорошо. И г. Бенуа д'Азн произноситъ длинную рѣчь о томъ, что нужно, чтобы собраніе объявило себя учредительнымъ именно потому, что крайне-лѣвая сторона этого не хочетъ. Это предложеніе принято большинствомъ 434 голосовъ противъ 225.

Тотчасъ же послѣ этого, Эдгаръ Кине, отъ имени 60-ти членовъ лѣвой стороны, представляетъ формальное требованіе о распущеніи собранія и о созваніи новаго къ 25-му января 1872 года. Неотлагательность обсужденія этого вопроса отвергнута безъ преній, и засѣданіе закрыто посреди величайшаго волненія.

На слѣдующій день вся эта комедія была закончена, безъ того, чтобы Тьеръ или кто-нибудь изъ его министровъ взяли бы слово. Г. Лефевръ-Понталисъ нѣсколько свысока далъ главѣ исполнительной власти слѣдующій урокъ: «Соединитесь съ партіею консерваторовъ, которая составляетъ большинство; не позволяйте вашимъ друзьямъ нападать въ журналахъ на собраніе, не произносите сами опасныхъ рѣчей, и вопросъ о взаимномъ довѣріи будетъ рѣшенъ». Затѣмъ явился на трибунѣ эксъ-министръ Эрнестъ Пикаръ; умничая, какъ во времена имперіи, и возбуждая, какъ справа, такъ и въ центрѣ нѣкоторый ропотъ, онъ сталъ проповѣдывать согласіе. Затѣмъ, г. Белькастель не упустилъ случая поддержать свое предложеніе, воспользовавшись при этомъ вчерашнимъ вотомъ: «Вы теперь учредительное собраніе—сказалъ онъ—составьте же, наконецъ, конституцію. Республика породила коммуну... Какъ и всякая демократія, республика будетъ всегда символомъ слабости и неустойчивости... Поспѣшите же возстановить монархію, наслѣдственную, конституціонную и христіанскую!» Однако, приверженцы Генриха V получили только весьма посредственный успѣхъ. Два considerants проекта Вите были приняты безъ преній. На прибавленіи Дюфора остановились только затѣмъ, чтобы блистательнѣе подтвердить довѣріе къ Тьеру. Оно было принято большинствомъ 524 голосовъ противъ 36. (Вся лѣвая радикальная сторона вотировала *за* предложеніе).

Затѣмъ взошелъ на трибуну президентъ собраній лѣвой республиканской стороны и объявилъ, что его друзья, оставшіеся вообще недовольными докладомъ коммисіи, и принявшіе только послѣдній изъ considerants, тѣмъ не менѣе, подадутъ голосъ за постановленіе, желая этимъ доказать свою вѣрность бор-

доскому соглашенію. Послѣ того, г. Бараньонъ объявилъ, что титулъ президента республики дается Тьеру только потому, что онъ имѣетъ ребячество настаивать на этомъ, но что правая сторона не соединяетъ съ этимъ титуломъ никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ. На что г. Тонвиль возразилъ, что монархія отжила свой вѣкъ, и что эта статья именно и принята потому, что она выражаетъ наклонность собранія къ республикѣ.

1-я статья закона была принята большинствомъ 533 голосовъ противъ 68 (лѣваго центра и легитимистовъ), а весь проектъ Вите былъ принятъ большинствомъ 491 голоса противъ 94. Многіе республиканцы воздержались отъ подачи голоса.

«Итакъ—восклицаетъ «Siècle» — основаніе республики положено!». «Journal des Débats» на 1-мъ и 3-мъ столбцахъ хвалитъ большинство за то, что оно напомнило о своемъ существованіи, а на второмъ столбцѣ—порицаетъ его за то, что оно ослабило себя въ чрезвычайно безплодныхъ преніяхъ по этому вопросу. Если пресса уже рѣшается произносить самыя противорѣчивыя сужденія для того, чтобы объяснить то, что̀ она не понимаетъ, то понятно, что публика отчасти взбѣшена, отчасти отвращена, а по большей же части относится совершенно равнодушно ко всему происходящему. Тьеръ, наконецъ, получилъ титулъ, котораго добивался, но что̀ въ этомъ толку? Если-бы ему была дана власть опредѣленная, онъ бы еще могъ управлять по своему, поочередно обманывая то правую, то лѣвую сторону. Пока все тихо на политическомъ горизонтѣ, онъ можетъ еще оставаться въ равновѣсіи, колеблясь между двумя безсильными партіями. Но въ случаѣ бури, онъ не имѣетъ никакой гарантіи противъ силы случая; онъ не въ силахъ воспрепятствовать собранію низвергнуть его при первомъ удобномъ случаѣ, и не можетъ, внѣ его, найти опору противъ него.

Общее положеніе страны, однако, еще не такъ отчаянно, какъ могло бы показаться съ перваго разу, при видѣ всѣхъ интригъ, разыгрывающихся въ Версалѣ. Будущіе выборы въ генеральные совѣты, если они тоже будутъ республиканскими, какъ и апрѣльскіе, и іюльскіе выборы, дадутъ новый толчокъ преобразованію страны ею же самою. Возростающее число петицій о распущеніи національнаго собранія можетъ, наконецъ, произвести кризисъ, который введетъ новые элементы и низвергнетъ невозможное временное правительство, при которомъ мельчаютъ и французскіе принципы, и французскій характеръ!

Можно жалѣть Францію, но нельзя предполагать, что она окончательно разлагается. Она имѣетъ еще въ своихъ народныхъ тайникахъ неизвѣстныя силы, которыя, если ихъ во̀ время приложить къ дѣлу, могутъ еще спасти ее, а вмѣстѣ съ нею и дряхлую Европу!

---

*

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Пересмотръ податной системы вообще, и пересмотръ на земскихъ собраніяхъ проекта коммисіи для пересмотра системы податей и сборовъ. — Усиленная дѣятельность земскихъ собраній, изъ которыхъ иныя, впрочемъ, не состоялись вовсе «за неприбытіемъ гласныхъ». — Сходство между предстоящей податной реформой и крестьянской: разрѣшеніе важнаго вопроса о землевладѣльческомъ благодушіи и великодушіи. — Слѣды крѣпостничества, замѣчаемые въ нашихъ новыхъ учрежденіяхъ.

«Вѣкъ живи — вѣкъ учись» — говоритъ пословица, которую, по отношенію къ нашимъ податнымъ сословіямъ, не мѣшало бы измѣнить такъ: «вѣкъ живи — вѣкъ плати», потому что школъ для народа у насъ, можно сказать, еще не существуетъ вовсе, слѣдовательно учиться негдѣ, а платить на все, не исключая и школъ, приводилось имъ безъ малаго уже два вѣка.

Подушная подать, которая въ первобытномъ своемъ состояніи собиралась въ размѣрѣ «восьми гривенъ съ персоны», представлялась тогда очень удобною «по простотѣ системы», да, наконецъ, и по умѣренности; но впослѣдствіи она все стала увеличиваться да увеличиваться, и къ ней начали прибавляться еще разные добавочные подати, налоги и повинности, такъ что въ наше время она успѣла уже утратить и послѣднее свое достоинство: простоту. Какъ ни проста была, сама по себѣ, система взиманія, но, впослѣдствіи, и въ ней оказались весьма важные недостатки, выразившіеся въ недоимкахъ, которыя понемножку, постепенно накопляясь, превысили наконецъ весь подушный сборъ: къ 1855 году, напримѣръ, недоимки въ податяхъ подушной и оброчной составляли около 57-ми милліоновъ рублей, тогда какъ весь окладъ этихъ податей ровнялся только 48-ми милліонамъ. Реформы послѣдняго десятилѣтія, какъ бы благотворны онѣ ни были по послѣдствіямъ въ будущемъ, вызвали въ ближайшемъ настоящемъ новыя издержки; а тутъ еще и Европа подмогла съ своей политикой, въ которую незамѣтно втянулась и Россія. Европа, разыгрывая роль сильнаго парохода, потянула за собою куда-то, противъ теченія, и нашу матушку Русь. Привелось всѣ чугунныя пушки бросить и надѣлать за границей стальныхъ (не очень прочныхъ, если судить по той круповской пушкѣ, которую въ

Кронштадтѣ разорвало съ перваго же выстрѣла!); привелось корабли обить тоже сталью и передѣлать негодныя ружья на удобныя для стрѣльбы. Приводится, наконецъ, пятую часть жидкаго населенія громадной Россіи превратить въ воиновъ, потому что во всей Европѣ такъ дѣлается.

Говорится: трудно противъ рожна прати, а я скажу: не только трудно, но даже и невозможно. Расходы все увеличиваются, да увеличиваются и, повидимому, нѣтъ предѣловъ ихъ увеличенію, а богатство народное все себѣ уменьшается, и уменьшенію этому тоже границъ не видно. Въ городахъ, изъ всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній только и останутся, кажется, одни кабаки; дворяне-землевладѣльцы богаты однѣми лишь недоимками, которыя не знаютъ какъ съ нихъ и взыскать, а крестьяне-земледѣльцы тоже, какъ видно, далеко не благоденствуютъ, по крайней мѣрѣ не вездѣ. Изъ оффиціальныхъ даже свѣдѣній, добытыхъ коммисіей для пересмотра системы податей и сборовъ, видно, что въ большей части уѣздовъ Псковской губерніи крестьяне рѣшительно не въ силахъ нести наложенныя на нихъ повинности. «Въ такомъ же положеніи, по оффиціальнымъ документамъ, находятся крестьяне въ Костромской, Нижегородской и Пензенской губерніяхъ и, притомъ, не вслѣдствіе неурожая или другихъ случайныхъ причинъ, *а по невозможности извлекать отъ земли и промысловъ достаточные для себя доходы*. Въ Новгородской губерніи *недоимки въ послѣдніе годы возрасли до неоплатныхъ размѣровъ*». Еслибы довольствоваться неоффиціальными извѣстіями, то подобныхъ губерній мы насчитали бы великое множество, но мы будемъ довольствоваться одними только оффиціальными, въ которыя вѣры больше. Изъ тѣхъ же источниковъ, добытыхъ коммисіею, видно, что «доходность земли въ бо̀льшей части губерній нечерноземныхъ и во всѣхъ степныхъ до такой степени низка, что крестьяне *уже и теперь уплачиваютъ подати не изъ доходовъ съ земли, а съ труда, съ отхожихъ промысловъ*». Откуда же взять, если окажутся новые расходы, которые, впрочемъ, безъ всякаго сомнѣнія, окажутся.

Такимъ именно, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важнымъ вопросомъ задалась наша петербургская «коммисія для пересмотра и проч.», и долголѣтними неутомимыми занятіями выработала наконецъ проектъ, который въ концѣ прошедшаго года былъ разосланъ по всѣмъ земскимъ управамъ, въ маѣ и іюнѣ нынѣшняго года раскритикованъ всѣми россійскими земскими собраніями, и почти всѣми ими признанъ неудобнымъ и къ дѣлу негоднымъ.

Такъ-какъ податной вопросъ, обсуждаемый всѣмъ русскимъ земствомъ, имѣетъ значеніе не меньшее (если только не важнѣе еще) того, какое имѣлъ въ свое время такъ-называемый крестьянскій вопросъ, обсуждаемый въ губернскихъ дворянскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммисіяхъ, то на этотъ разъ мы займемся

преимущественно имъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ журналѣ относительно этого вопроса говорено было немного, да и время-то теперь подошло самое удобное для хроникера. Мнѣнія относительно разосланнаго петербургскаго проекта теперь уже всѣ окончательно высказаны какими бы то ни было, но все-таки лучшими представителями нашего земства; всѣ эти мнѣнія, частію опубликованныя въ газетахъ, присланы изъ губерній въ Петербургъ, гдѣ изъ нихъ составился сводъ, вѣроятно въ нѣсколько томовъ, какъ и изъ мнѣній губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Что̀ именно станутъ дѣлать въ Петербургѣ съ этимъ «сводомъ», и скоро ли отъищется новый Скребицкій, который познакомитъ публику съ нашими провинціальными дѣятелями по податному вопросу, — это еще неизвѣстно. Извѣстно лишь, да и то по слухамъ, будто въ недоступныхъ намъ «высшихъ правительственныхъ сферахъ» предполагается передать этотъ «сводъ» на разсмотрѣніе особой коммисіи, составленной, будто бы, изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и главныхъ начальниковъ II и III отдѣленій собственной Его Величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря П. А. Валуева. По слухамъ, особая коммисія, такимъ образомъ составленная, займется не столько финансовою, сколько общею политическою стороною податнаго вопроса, и повергнетъ свои заключенія на высочайшее воззрѣніе.

Мы, само собою разумѣется, «въ высшихъ сферахъ» не вращаемся, какъ поступаютъ въ этихъ сферахъ съ провинціальными «сводами»—не знаемъ, а потому, до поры до времени, поневолѣ принуждены довольствоваться мнѣніями и сужденіями по этому предмету людей практически-опытныхъ, людей, напримѣръ, бывшихъ членами-депутатами по крестьянскому дѣлу. Такимъ именно опытнымъ человѣкомъ является г. Кошелевъ, который, въ послѣдней книжкѣ журнала «Бесѣда», говоритъ между прочимъ, слѣдующее:

«При нынѣшнемъ порядкѣ затребованія мнѣній отъ земскихъ собраній, выходитъ то, что доклады земскихъ коммисій, наскоро составленные, спѣшно разсмотрѣнные и до крайности разнообразные, поступаютъ въ министерскіе департаменты или коммисіи, гдѣ изъ нихъ составляются своды, которые печатаются, почти никѣмъ, кромѣ корректора, не читаются, ни въ какое соображеніе не принимаются и служатъ только баластомъ для представляемыхъ проектовъ.

«Не то бы было, если бы вмѣсто бумагъ явились люди, и вмѣсто тридцати-трехъ разнообразныхъ заключеній, представлено было бы одно съ нѣсколькими отдѣльными мнѣніями.

«Конечно, при такомъ порядкѣ, на первое время, бюрократическія коммисіи, быть можетъ, явились бы не въ авантажѣ; но за то дѣло много бы выиграло». и т. д.

Изъ сказаннаго выходитъ, что, при недоступности «высшихъ

сферъ», всего было-бы лучше нашему брату, любознательному хроникёру, попасть въ министерскую типографію въ корректоры, но, такъ-какъ и эти мѣста не такъ доступны, какъ съ перваго взгляда можетъ показаться, то мы постараемся изъ всего высказаннаго нашими земцами составить свой собственный крошечный «сводъ», и останемся очень довольны, если его прочтетъ не одинъ только нашъ корректоръ, на что я, впрочемъ, сильно разсчитываю.

Всѣ губернскія земскія собранія въ Россіи, за исключеніемъ одного только вятскаго, признали проектъ коммисіи «неудобопримѣнимымъ», да и вятское, вѣроятно, признало бы его такимъ же, еслибы въ этомъ отдаленномъ закоулкѣ нашего отечества не возникло особеннаго, чисто-мѣстнаго недоразумѣнія. Проектъ былъ разосланъ губернаторамъ съ приличнымъ разъясненіемъ, что «ни одно изъ началъ этого проекта не предрѣшено правительствомъ», но мѣстный начальникъ губерніи все-таки, какъ видно, предположилъ, что начала эти заранѣе «предрѣшены», а потому и предложилъ своему подначальному земству ничего самому не рѣшать, а оставить все такъ, какъ благоугодно было коммисіи, т.-е., въ нѣкоторомъ родѣ, начальству. Потому ли, что у вятскихъ гласныхъ у самихъ ничего не было «предрѣшено» на счетъ податей и налоговъ, или почему другому, но только они такъ и оставили предложенный имъ вопросъ безъ всякаго положительнаго отвѣта, такъ что въ будущемъ «сводѣ мнѣній и заключеній» относительно Вятской губерніи даже корректору прочитать ничего не удастся. Нѣсколько тоже странно, хотя и въ другомъ совсѣмъ родѣ, поступило харьковское губернское собраніе, которое на вопросы, выработанные коммисіей гласныхъ, отвѣчало слѣдующимъ образомъ: 1) одобряетъ ли собраніе проектъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ налогомъ и поземельною податью, составленный коммисіею при министерствѣ финансовъ? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ единогласно и отрицательно. 2) Необходимо ли сдѣлать измѣненіе въ существующей системѣ подушныхъ сборовъ? Рѣшенъ единогласно и утвердительно. 3) Находитъ ли собраніе полезнымъ и необходимымъ введеніе, взамѣнъ существующихъ системъ прямыхъ налоговъ, системы, основанной на началѣ равномѣрнаго привлеченія къ совокупному отбыванію налоговъ всѣхъ экономическихъ силъ государства? Большинствомъ 37 голосовъ противъ 3-хъ рѣшенъ утвердительно. 4) Если признается справедливымъ измѣненіе существующихъ системъ налоговъ въ смыслѣ, изложенномъ въ предъидущемъ вопросѣ, то слѣдуетъ ли измѣненіе это произвести немедленно, или же повременить приведеніемъ его въ исполненіе? Большинствомъ 20-ти голосовъ противъ 19-ти рѣшено повременить. Конечно, это отчасти даже хорошо: «тише ѣдешь—дальше будешь»—поговорка эта очень употребительна между служащими на мѣстной желѣзной дорогѣ;—но, что̀ же-бы, однако, стали дѣлать въ особой-то

коммисіи при разсмотрѣніи «свода», еслибы всѣ губернскія собранія попросили *повременить* исполненіемъ? На какой-же срокъ, наконецъ? Намъ кажется, ужь лучше было бы гг. харьковскимъ гласнымъ не отстранять готоваго проекта коммисіи, а принять его цѣликомъ покуда, въ видѣ, напримѣръ, опыта, а потомъ ужь и *повременить* маленько, пока сами не придумали бы какого-нибудь новенькаго: дай лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля-то въ небѣ сулить!

Не совсѣмъ-то ладно поступили съ податнымъ вопросомъ и рязанцы, если вѣрить корреспонденту «Современныхъ Извѣстій», который изображаетъ это происшествіе въ такомъ видѣ:

Собраніе было открыто при многочисленномъ стеченіи гласныхъ, какого ни разу не бывало въ послѣднее трехлѣтіе, но едва губернаторъ окончилъ рѣчь, которою открывалъ собраніе, какъ предсѣдатель объявилъ, что засѣданіе отсрочивается до 8 часовъ вечера, потому будто бы, что въ этотъ же день и часъ назначены выборы гласныхъ по Рязанскому уѣзду.

Съ этого печальнаго событія начинаются нестроенія въ рязанскомъ собраніи. При обсужденіи податнаго вопроса собраніе раздѣлилось на два противоположные лагеря: одни были за распространеніе податей на всѣ сословія, другіе стояли за проектъ податной коммисіи. Долго спорили о томъ, читать ли докладъ особой коммисіи, избранной собраніемъ для разсмотрѣнія упомянутаго проекта, или сперва обсудить докладъ управы. Наконецъ былъ прочитанъ докладъ особой коммисіи, и затѣмъ приступлено къ обсужденію доклада управы. Результатомъ этого обсужденія было то, что проектъ правительственной коммисіи признанъ несостоятельнымъ почти единогласно, и большинствомъ 33 голосовъ противъ 21 рѣшено изъявить мнѣніе о необходимости привлеченія всѣхъ имущественныхъ и личныхъ силъ губерніи къ платежу прямыхъ податей.

Постигнутые нечаяннымъ пораженіемъ, противники податной реформы пришли въ крайнее раздраженіе. Пущенъ былъ въ ходъ слухъ, что правительство не желаетъ распространенія податныхъ обязанностей на всѣ сословія, и что потому начальникъ губерніи вынужденъ будетъ закрыть собраніе. Очевидно было, что противники податной реформы, пораженные рѣшеніемъ собранія, желали закрытія собранія и для того даже вызывали своихъ противниковъ на какое либо дѣйствіе, непріятное правительству.

Собраніе, утомленное, измученное двухсуточнымъ перекладываніемъ изъ пустаго въ порожнее, готово было согласиться на все что̀ угодно, лишь бы отпустили его на свѣжій, деревенскій воздухъ. Въ исходѣ 1-го часа ночи на 1-е іюня предложено было заявить правительству, что собраніе не имѣетъ ни времени, ни средствъ для выработки подробнаго проекта по устройству новыхъ налоговъ, и что потому проситъ, на основаніи его постановленія отъ 29-го мая о распространеніи податныхъ

обязанностей на всѣ имущественныя и личныя силы (трудъ), установить налогъ, который велъ бы къ подоходной подати, къ чему переходною мѣрой, по мнѣнію собранія, должна бы быть поразрядная подать.

1-го іюня, едва въ первомъ часу дня, собралось въ залу собранія число гласныхъ, достаточное для открытія засѣданія. По выслушаніи журнала предшедшаго засѣданія, восемь членовъ изъ числа самыхъ ревностныхъ противниковъ податной реформы удалились изъ залы. Предсѣдатель, по причинѣ недостаточнаго числа присутствовавшихъ гласныхъ, закрылъ засѣданіе и назначилъ вечернее на 8 часовъ. Къ назначенному времени собралось гласныхъ еще менѣе, и въ 10 часу вечера прибылъ губернаторъ, по приглашенію предсѣдателя собранія, для окончательнаго его закрытія. Не лишено интереса и слѣдующее обстоятельство: губернское начальство не дозволило губернской управѣ напечатать журналы и доклады особой коммисіи, и вслѣдствіе этого гласные лишены были возможности предварительно обдумать, разсмотрѣть и оцѣнить труды коммисіи.

Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что отъявленный противникъ бюрократизма, г. Кошелевъ принадлежитъ какъ разъ къ землевладѣльцамъ и, разумѣется, вліятельнымъ землевладѣльцамъ и гласнымъ именно Рязанской губерніи. «Не то было бы— пишетъ онъ въ своей «Бесѣдѣ» — еслибы, вмѣсто бумагъ, явились (разумѣется, въ Петербургѣ) *люди*» (т.-е. представители земства, излюбленные земскіе люди). «Конечно— продолжаетъ г. Кошелевъ — бюрократическія коммисіи явились бы тогда не въ авантажѣ». А почему же, спросимъ мы, «не въ авантажѣ»—то, еслибы въ Питерѣ вдругъ появились эти самые рязанскіе «люди», которые, утомляясь понапрасну «перекладываніемъ изъ пустаго въ порожнее», на второй же день по пріѣздѣ въ Питеръ, начали бы проситься «на свѣжій деревенскій воздухъ»? Вотъ ужь эдакій-то *земскій соборъ* дѣйствительно бы «явился не въ авантажѣ», и навѣрное только бы испортилъ дѣло, а ужь никакъ не поправилъ!

Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобъ г. Кошелевъ присутствовалъ въ качествѣ члена на «не авантажномъ» рязанскомъ собраніи. Еслибы онъ тамъ былъ, то навѣрное сталъ бы говорить о своемъ любезномъ *попечномъ* налогѣ, о которомъ онъ писалъ уже въ той же «Бесѣдѣ», а объ этомъ что-то не слышно. Г. Кошелевъ въ началѣ нынѣшняго года печатно проповѣдывалъ, что налогъ нужно брать не съ души, а съ печи: душа-де—это нѣчто отвлеченное, а печь—не мечта, а настоящая вещь, и вещь очень даже важная въ холодную зиму. Изломайте, говоритъ, въ крутую зиму у мужика въ избѣ печь, — и онъ вамъ непремѣнно заплатитъ какой угодно налогъ. И дѣйствительно заплатитъ, но только не принялись ли бы тогда сами мужики просить у бюрократовъ-чиновниковъ,

чтобы «маленько *повременили*» вводить такой уморительный налогъ въ замѣнъ, хотя тяжелой, но все-таки сравнительно сносной подушной подати? По правдѣ сказать: г. Кошелевъ придумалъ для нашихъ земскихъ людей налогъ «не авантажный», и едва-ли не напрасно онъ такъ жестоко нападаетъ на бюрократовъ: просто, кажется, свой своего не распознаналъ!

Относительно рѣшенія податнаго вопроса, всѣ россійскія земскія собранія, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзко раздѣлились на два сорта: на собранія, болѣе или менѣе самостоятельныя, независимыя отъ произвола мѣстнаго начальства, и собранія робкія, чиновничьи, которыя постановляютъ свои рѣшенія съ единственной цѣлью, хоть что-нибудь да отвѣтить къ назначенному сроку: неловко, молъ, не отвѣтить, если начальство спрашиваетъ! Чистѣйшій типъ послѣдняго сорта представляетъ собою вятское собраніе, въ которомъ засѣдаютъ все только люди крупно-чиновные, или ужь люди совсѣмъ «маленькіе», которые и желали бы иной разъ что-нибудь сказать, но не смѣютъ; а почему не смѣютъ — объ этомъ было уже сказано въ предъидущей хроникѣ. Къ этому же сорту отчасти подходятъ харьковское и рязанское собранія, о которыхъ было уже говорено, да еще, кстати ужь, и херсонское. Въ этомъ послѣднемъ собраніи, по прочтеніи доклада управы, предсѣдатель прочелъ три вопроса, предложенные земству въ циркулярѣ министра финансовъ, комментируя ихъ въ томъ смыслѣ, что правительство ждетъ отъ земства мнѣнія, какія измѣненія необходимы въ проектѣ податной коммисіи по *мѣстнымъ условіямъ*, то-есть какая часть подушнаго сбора должна упасть на дворы и какая на землю. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ предсѣдатель предложилъ избрать коммисію. Нѣкоторые изъ гласныхъ возражали, что коммисіи рѣшительно нечего дѣлать, и что можно покончить съ вопросомъ о подушной подати безъ всякой коммисіи, но заявленіе предсѣдателя о необходимости коммисіи одержало верхъ, и коммисія была избрана. Докладъ этой коммисіи уже представленъ собранію. Никакихъ работъ, вычисленій или чего-либо подобнаго коммисія не производила, и указанія ея на частныя несообразности проекта, выработаннаго коммисіей при министерствѣ финансовъ, въ виду измѣненія главнаго основанія этого проекта, *не имѣютъ, по сознанію самой земской коммисіи, никакого значенія*.

Очень непріятно засѣдать въ такой коммисіи, въ которой сами же члены сознаютъ, что отъ ихъ трудовъ «толку никакого не будетъ», но, что же дѣлать-то? Предсѣдатель приказалъ—такъ сиди, мучайся сознаніемъ, что сидишь понапрасну! Не напоминаетъ-ли все это наши старинные земскіе соборы, на которыхъ почтенные земцы сидѣли, «брады уставя»? Наконецъ въ одной губерніи (въ Полтавской) собраніе вовсе не состоялось, потому что гг. гласнымъ не угодно было пріѣхать. Предсѣдатель разсылалъ нарочныхъ съ приглашеніями,

но все напрасно: не поѣдемъ, да и баста! Такъ и принуждены были закрыть собраніе, которое, впрочемъ, и не открывалось. «Что взяли? шишъ!» вѣроятно говорили послѣ гг. полтавскіе гласные, съ хитрой улыбкой!

Подробные отчеты «съ рѣчами» мы имѣемъ только лишь изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могутъ существовать стенографы, а такъ-какъ стенографы покуда у насъ кое-какъ терпимы въ однѣхъ столицахъ, гдѣ тоже ихъ не вездѣ пускаютъ, то поневолѣ намъ приходится довольствоваться однѣми столицами, да еще очень немногими губернскими городами, въ которыхъ отчеты записаны нѣсколько подробнѣе, чѣмъ обычное, формальное: «слушали» и «приказали». Впрочемъ, въ большинствѣ губернскихъ собраній важный податной вопросъ рѣшался по военному, въ 24 часа, да и того меньше, если вычесть завтраки, обѣды, чаи, послѣобѣденные сны, и т. п. Въ бо̀льшей части случаевъ руководствовались тѣми же столичными газетными отчетами, такъ что столица и въ этомъ общемъ земскомъ дѣлѣ такъ и осталась столицей, въ которой сосредоточены всѣ отдѣльныя управленія; впрочемъ, главную роль въ данномъ случаѣ разыгралъ не Петербургъ, а Москва, чего и слѣдовало ожидать заранѣе.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Петербургъ съѣзжались со всѣхъ концовъ обширной Россіи дворянскіе депутаты—толковали о весьма важномъ, всѣхъ занимавшемъ тогда, крестьянскомъ дѣлѣ, которое въ общихъ чертахъ было уже рѣшено редакціонными коммисіями. Въ Петербургѣ составился тогда въ нѣкоторомъ родѣ земско-дворянскій соборъ, о которомъ и теперь мечтаетъ г. Кошелевъ и, вмѣсто 33-хъ отдѣльныхъ мнѣній, составлено было одно мнѣніе, съ такимъ, впрочемъ, множествомъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, что его легко было принять тоже не за одно, а за 33-хъ отдѣльныхъ мнѣнія. Съѣздъ дворянскихъ депутатовъ въ Петербургъ надѣлалъ тогда много шуму. Изъ губерній явились великіе ораторы, въ родѣ знаменитаго Мирабо, которые громили со своихъ каѳедръ чиновниковъ редакціонныхъ коммисій, будто бы «безъ мѣры увлекшихся вредными ученіями Прудона, отвергнутыми всей просвѣщенной Европой».

Вся грамотная дворянская Россіи, отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, напряженно слѣдила тогда, что̀ скажутъ въ Петербургѣ командированные отъ губерній Мирабо, и какой толкъ изъ всего этого выйдетъ. Дѣло предстояло слишкомъ важное, слишкомъ сильно бившее по карману, да, притомъ, депутатамъ и на предварительную подготовку дано было времени больше, чѣмъ дано нынче земскимъ собраніямъ. Депутаты по полугоду и больше подготовляли свои рѣчи въ мѣстныхъ своихъ губернскихъ комитетахъ, которые дѣйствовали дружнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ нынѣшнія земскія управы по податному вопросу, хотя и тогда тоже кое-гдѣ бывали случаи

удивительнаго бездѣйствія. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи министра къ начальникамъ губерній отъ 30-го декабрк 1858 года говорится, что «какой-то № губернскій комитетъ со времени его открытія, слѣдовательно за половину назначеннаго срока, не только еще не приступилъ къ составленію проекта положенія, но еще не собралъ предварительныхъ свѣдѣній». Какъ бы то ни было, но это только отдѣльные, рѣдкіе случаи; въ общемъ—губернскіе комитеты работали бодро, неутомимо, и прислали съ своими депутатами цѣлые вороха самыхъ разнообразныхъ статистическихъ свѣдѣній, хотя, какъ послѣ оказалось, свѣдѣнія эти никуда не были годны.

Въ послѣднее десятилѣтіе мы какъ-то привыкли уже ко всѣмъ, самымъ великимъ реформамъ, являющимся у насъ чуть не каждый годъ, и ничего уже не видимъ въ нихъ особеннаго; потому-то вотъ и податная реформа не надѣлала такого переполоху, какъ крестьянская, хотя она, по послѣдствіямъ, въ случаѣ удачнаго разрѣшенія, не только ничѣмъ не уступаетъ, но превосходитъ даже крестьянскую, потому, что она задѣваетъ больше интересовъ. Въ крестьянской реформѣ одни только помѣщики поставлены были въ необходимость поплатиться частью своихъ земель и угодій, а въ послѣднее время рѣчь идетъ не объ однихъ уже только помѣщикахъ. Если сравнить тогдашнія рѣчи представителей такъ-называемой консервативной партіи съ рѣчами нынѣшнихъ консерваторовъ, то мы замѣтимъ между ними сходство поразительное: въ двѣнадцать лѣтъ много воды утекло, но охранители наши сохранились во всей своей свѣжести, какъ провѣсная рыба на хорошемъ погребѣ. Большую только разницу мы замѣчаемъ между тогдашними и нынѣшними либералами - прогрессистами. Тогда самый первый сортъ либерализма состоялъ лишь въ томъ, чтобы поддерживать мнѣнія редакціонныхъ коммисій, а нынче—наоборотъ. Проектъ податной коммисіи составленъ нынче такимъ образомъ, что отстаивать его могутъ лишь отъявленные консерваторы и никто, рѣшительно ужь никто не можетъ упрекнуть членовъ коммисіи въ особенномъ пристрастіи къ «вреднымъ ученіямъ Прудона».

Чтобы понять, въ чемъ именно заключается это сходство, о которомъ я упоминаю, необходимо вступить въ нѣкоторыя подробности. Предо мною лежитъ извѣстная книга Скребицкаго «Крестьянское дѣло» и отчеты московскаго земскаго собранія по податному вопросу: этихъ двухъ источниковъ, мнѣ кажется, вполнѣ достаточно.

Такъ-какъ проектъ податной коммисіи болѣе или менѣе извѣстенъ читателямъ, то я скажу о немъ лишь нѣсколько словъ, чтобы болѣе уже къ нему не возвращаться. Коммисія, признавши подушную подать негодною, главнѣйшимъ образомъ по несостоятельности разоренныхъ крестьянъ, проектировала, вмѣсто одной «подушной», обложить крестьянъ двумя

налогами: подворнымъ и поземельнымъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы сумма обоихъ налоговъ равнялась одной подушной. Вопросъ, въ сущности, поставленъ былъ такъ: крестьянинъ не въ силахъ платить такую-то сумму, напримѣръ, 25 рублей; слѣдовательно нужно раздѣлить эти 25 рублей на два налога, и по одному налогу взыскать съ него 10, а по другому 15 рублей или нѣсколько больше, но никакъ не меньше. По мнѣнію коммисіи, послѣ такой бумажной операціи, разоренный крестьянинъ очень ужь свободно, безъ всякаго обремененія, внесетъ всѣ 25, которыхъ платить прежде не могъ.

Натолкнувшись на такой, трудно объяснимый фокусъ, всѣ земскія собранія, за исключеніемъ полтавскаго и еще нѣкоторыхъ, вразъ порѣшили, что проектъ коммисіи ровно ни къ чему не ведетъ. «Если мужикъ не въ силахъ заплатить 25-ти рублей—заговорили гласные—то, пожалуй, придумывай хоть пять налоговъ по пяти рублей каждый,—онъ все равно не заплатитъ. Необходимо привлечь къ налогу всѣ наличные капиталы, взять съ нихъ рублей 15, чтобы на мужикѣ осталось 10,—тогда дѣло иное».

Сказано — сдѣлано. Кое-какъ, на скорую руку, собрали свѣдѣнія о земляхъ, домахъ и другихъ капиталахъ, приблизительно смекнули, сколько съ кого придется, и единогласно порѣшили, что проектъ къ дѣлу непримѣнимъ и неудобенъ. Но вотъ когда зашла рѣчь о подробностяхъ, о томъ, съ чего именно брать недостоющее: съ доходовъ ли, съ личнаго ли труда, поразрядный ли налогъ на манеръ прусскаго, то голоса сейчасъ раздѣлились и на сцену выступила старая консервативная партія, которую оптимисты наши почему-то считали давно уже умершею, тогда какъ она только лишь спала, какъ муха въ зимнее время между двумя рамами.

Самымъ ярымъ противникомъ подоходнаго налога на московскомъ земскомъ собраніи явился извѣстный нашъ экономистъ В. П. Безобразовъ. Подоходная подать, по мнѣнію этого экономиста, во всѣхъ европейскихъ государствахъ — самая *непопулярная*, возбуждающая наиболѣе жалобъ; даже въ Англіи, гдѣ она существуетъ наиболѣе продолжительное время, не перестаютъ раздаваться со всѣхъ сторонъ жалобы. Нѣтъ ни одной подати, которая была бы въ Западной Европѣ такъ нелюбима, какъ подоходная, и къ ней прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ. Но замѣчательно, что, если подоходная подать и въ Западной Европѣ находитъ защитниковъ и нѣкоторое сочувствіе, то въ кругахъ, совершенно противоположныхъ нашимъ; тамъ эта подать есть предметъ сочувствія въ самыхъ крайнихъ ультра-демократическихъ и даже демагогическихъ кружкахъ. У насъ наоборотъ: самые консервативные и благонадежные политическіе элементы выражаютъ свое сочувствіе къ подоходной подати. Говоря это, я имѣю въ виду не

собственно нашу земскую среду, а вообще русское общество, Я думаю, что указанный мною фактъ, какъ онъ ни страненъ. однакоже не случайный: онъ происходитъ, вопервыхъ, отчасти *отъ благодушія, великодушія и самоотверженія въ нашихъ высшихъ классахъ* и достаточныхъ кругахъ, какого мы не видимъ въ тѣхъ же классахъ Западной Европы».

Другой московскій гласный, тоже Безобразовъ, но не В. П., а М. А. Безобразовъ, прибавилъ къ этому мнѣнію московскаго экономиста еще кое-что и отъ себя, такъ сказать, для сугубаго усиленія впечатлѣнія. «Если мы признали возможнымъ—произнесъ онъ—*выказать великодушіе на чужой счетъ, то зачѣмъ же ограничиваться въ тѣсныхъ размѣрахъ? Чѣмъ шире великодушіе, тѣмъ лучше!*» Чтобы завершить рѣчь о *великодушіи* и *благодушіи* русскаго дворянства, В. П. Безобразовъ въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи изрекъ нижеслѣдующее:

«Что касается до слова «великодушіе», то я также не могу обойти его молчаніемъ. Конечно, великодушіе, благодушіе есть весьма важное условіе успѣшности государственныхъ реформъ, но это только подмога, *такъ сказать, масло, которое помогаетъ государственной машинѣ идти безъ скрипа.* Въ настоящемъ случаѣ, не одно великодушіе, но также и разумное сознаніе собственной пользы, сознаніе справедливости заставляетъ желать, чтобы рабочіе классы не были слишкомъ отягощены, чтобъ они могли быть болѣе производительными агентами въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства. Съ обѣдненіемъ однихъ классовъ и другіе не могутъ долго благоденствовать».

Этимъ великолѣпнымъ сравненіемъ дворянскаго великодушія съ коноплянымъ масломъ, вопросъ о великодушіи и благодушіи былъ исчерпанъ до конца. Посмотримъ же теперь, не было ли чего подобнаго сказано и дворянскими депутатами въ 1859 году, когда рѣчь тоже вертѣлась на словахъ «великодушіе» и «благодушіе», которыя и тогда были нужны какъ постное масло для скрипучей машины?

Развернувши книгу Скребицкаго, мы сейчасъ же убѣждаемся, что объ этомъ маслообразномъ предметѣ, т.-е. о помѣщичьемъ благодушіи, и тогда было говорено не мало. Вотъ вамъ примѣры.

Принимая въ соображеніе холодную нашу зиму, недопускающую обходиться безъ топлива, редакціонныя коммисіи предположили обязательный отпускъ дровъ помѣщиками крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, пока не устроились. Рѣчь, слѣдовательно, тоже шла о нѣкоторомъ привлеченіи лѣсовладѣльцевъ-помѣщиковъ къ маленькому налогу, такъ-какъ иначе освобожденные поселяне въ первую же зиму по освобожденіи легко могли замерзнуть. Вотъ что̀ по этому поводу говорилъ владимірскій депутатъ, г. Парначевъ: «многіе изъ помѣщиковъ, заботясь о сбереженіи своихъ лѣсовъ, сами покупали дрова и для себя, и для крестьянъ на сторонѣ. Поче-

му же всѣ эти разсчетливые и *благодушные* помѣщики должны подвергаться налогу, за то только, что они были болѣе экономны и заботливы?». «Невозможно требовать всего, увлекаясь ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою!»... «Помѣщики не въ умозрѣніяхъ искали разрѣшенія экономическихъ вопросовъ — ораторствовалъ другой, воронежскій депутатъ:—а въ точномъ знаніи нуждъ и способовъ народа, ввѣреннаго ихъ попеченію; въ правильной оцѣнкѣ послѣдствій каждаго своего постановленія, и, наконецъ, *въ предѣлахъ, до которыхъ могутъ быть доведены пожертвованія помѣщиковъ*»... «Извѣстно, что многіе помѣщики покупали къ имѣнію лѣсныя дачи — говорили не безъ ироніи 34 члена второго приглашенія:—и дозволяли крестьянамъ пользоваться въ нихъ топливомъ: *почему же не обязать* помѣщиковъ и на будущее время *прикупать рощи* для обезпеченія крестьянъ?». Ну, развѣ не тотъ же смыслъ и въ словахъ г-на Безобразова, произнесенныхъ чрезъ 12 лѣтъ на московскомъ собраніи, при разрѣшеніи совсѣмъ уже другого вопроса: «если мы признали возможнымъ выказать великодушіе *на чужой счетъ, то зачѣмъ же ограничиваться въ тѣсныхъ размѣрахъ и т. д.?*». Правда, что при разрѣшеніи жгучаго лѣснаго вопроса, нѣкоторые изъ депутатовъ залѣзали въ трущобу еще дальше, чѣмъ теперь. Одинъ депутатъ, помнится, отъ души завидовалъ тѣмъ неблагодушнымъ помѣщикамъ, которые заблаговременно *всѣ свои лѣса на срубъ продали, а деньги прожили*; теперь же, на московскомъ собраніи, никто не выказывалъ особенной зависти къ тѣмъ капиталистамъ, которые заблаговременно успѣли спустить свои капиталы; но кто же знаетъ, что чего-нибудь подобнаго не было высказано гдѣ-нибудь въ Калугѣ, Рязани, въ Пензѣ, или въ Казани?

Замѣчательно, что и всѣ другіе доводы консервативныхъ ораторовъ противъ подоходнаго налога оказались тѣми же самыми, какіе были высказаны 12 лѣтъ тому назадъ, въ другомъ мѣстѣ, при иныхъ условіяхъ. Когда ссылка на помѣщичье благодушіе и великодушіе не удалась, то ораторы принялись за другія струнки, которыя тоже оказались старыми, успѣвшими уже въ 12 лѣтъ нѣсколько заржавѣть и поистрепаться. «Подоходная подать въ Англіи—говоритъ непримиримый врагъ ея, г. Безобразовъ—какъ совершенно нормальная или постоянная подать, есть позднѣйшая форма налога, и это совершенно справедливо: подоходная подать существуетъ тамъ въ постоянномъ видѣ, если не ошибаюсь, только съ сороковыхъ годовъ, а до этого времени если она и появлялась, то, какъ и вездѣ, въ случаяхъ крайнихъ народныхъ бѣдствій, для покрытія экстраординарныхъ расходовъ. Можно почти сказать, *что исторія подоходной подати въ Европѣ есть исторія народныхъ бѣдствій*, и уже это самое отчасти доказываетъ, насколько затруднительно ея осуществленіе.

А вотъ что̀ говорилъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ извѣстный своимъ краснорѣчіемъ воронежскій депутатъ, когда въ коммисіяхъ зашла рѣчь объ отчужденіи нѣкоторыхъ помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ: «если допустить, что какое бы то ни было учрежденіе имѣетъ право устраивать благосостояніе общественное, самыя коренныя основы гражданъ, то неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ постоянно тревожное положеніе всѣхъ классовъ народа, ненависть одного сословія къ другому и безпрерывное волненіе». Или вотъ что̀ говорили тогда депутаты, отстаивавшіе неприкосновенность помѣщичьихъ лѣсовъ: «по поводу однихъ лишь слуховъ объ участіи владѣльцевъ въ снабженіи крестьянъ топливомъ, страна уже лишилась огромныхъ капиталовъ, собиравшихся вѣковыми трудами и заботами. И все это произведено проектомъ узаконенія, нарушающаго неприкосновенность собственности. Это дѣло уже сдѣлано и несправимо. Да послужитъ оно намъ въ пользу, какъ предостереженіе на будущее время, *и да спасетъ оно наше общество отъ всѣхъ коммунистическихъ увлеченій!*».

Г. Безобразову, разъ вступившему на надежный путь запугиванія, слѣдовало бы держаться на немъ крѣпче. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда въ Москвѣ обсуждался проектъ, Парижемъ еще заправляла коммуна, слѣдовательно, слова его имѣли бы особенное значеніе, но онъ, должно быть, слишкомъ увлекся обиліемъ другихъ доводовъ и потому легко былъ сбитъ съ этого пути гласнымъ Голохвастовымъ, защитникомъ подоходнаго налога. «Что касается до популярности или непопулярности подоходнаго налога — возразилъ этотъ почтенный гласный — то примѣръ Англіи въ этомъ отношеніи въ сущности ничего не доказываетъ. Въ Англіи, до парламентской реформы, парламентъ состоялъ преимущественно изъ высшихъ классовъ, а потому очень естественно, что такого рода либеральная, до нѣкоторой степени демократическая мысль, какъ мысль о подоходномъ налогѣ, находила въ немъ сопротивленіе, но въ настоящее время подоходная подать установлена какъ постоянная и не вызываетъ того ропота, какой она вызывала въ концѣ прошлаго столѣтія. Я укажу на другой примѣръ: въ Англіи еще больше сопротивлялись отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ; тѣмъ не менѣе, эти законы отмѣнены и въ настоящее время высшіе классы, которые сопротивлялись этой реформѣ, убѣдились, что отъ нея выиграли не только низшіе классы, но и вся страна. Съ самаго начала, г. Безобразовъ сказалъ, что подоходная подать всегда и вездѣ вызывала самыя сильныя сопротивленія; что она никогда не вводилась въ дѣйствіе иначе, какъ вслѣдствіе крайнихъ народныхъ несчастій; это невѣрно: въ Пруссіи подоходная подать введена въ 1851 году, когда никакого несчастія тамъ не было».

Такимъ образомъ, ни «народныя несчастія», ни помѣщичье маслоподобное благодушіе не вывезли г. Безобразова, который

былъ окончательно сбитъ съ позиціи. Нужно было придумать какой-нибудь новый, поразительный доводъ, и г. Безобразовъ, честь ему и слава, не упалъ духомъ: придумалъ! «У насъ хотятъ ввести подоходную подать—поправился г. Безобразовъ—преимущественно для обложенія крупныхъ доходовъ, относительно которыхъ классная подать будетъ недостаточно уравнительна, но именно въ этихъ доходахъ проявляется съ особенною яркостію одна характеристическая черта нашего народнаго хозяйства, сравнительно съ Западной Европою, препятствующая введенію подоходной подати. Нѣтъ страны, въ которой доходы были бы до такой степени шатки, какъ въ Россіи, нигдѣ предпріимчивость не сопряжена съ такимъ огромнымъ вознагражденіемъ, но и съ такими рисками, какъ у насъ. Въ Россіи не видятъ ничего чудовищнаго, если на затраченный капиталъ получаютъ 25, 50 и даже 100% прибыли; у насъ не считаютъ страннымъ, когда разсуждаютъ о необходимости имѣть непремѣнно 25% на затраченный капиталъ, но за то и нигдѣ банкротства не бываютъ такъ часты, какъ въ нашемъ отечествѣ. Изъ доходовъ у насъ господствуютъ заработки и промышленныя прибыли, а эти доходы вообще, у насъ же въ особенности, гораздо болѣе шатки, чѣмъ всѣ остальные. Самые постоянные доходы,—доходы поземельные,—даже и они у насъ шатки. У насъ всѣ доходы, и въ особенности крупные, не могутъ быть подвергнуты точному исчисленію не только постороннимъ третьимъ лицомъ, напримѣръ, правительственнымъ агентомъ, но даже тѣмъ самымъ лицомъ, которое получаетъ эти доходы».

И такъ, самая слабая сторона, повидимому, найдена. Дѣйствительно, у насъ чего ни спроси — на все отвѣтъ готовый: статистическихъ свѣдѣній, молъ, никакихъ не собрано, а потому, молъ, и само лицо, получающее доходы и исправно ихъ проживающее, положительно не знаетъ, сколько именно доходовъ оно получаетъ, а, слѣдовательно, и добиваться нечего! На этой надежной стрункѣ вдоволь въ свое время поиграли и гг. дворянскіе депутаты въ спорахъ съ редакціонными коммисіями, преимущественно по вопросу о снабженіи крестьянъ лѣсомъ и другими угодьями, безъ которыхъ освобожденнымъ крестьянамъ невозможно было существовать. «Развѣ есть какая-нибудь возможность достигнуть правильности при снабженіи крестьянъ топливомъ?—съ изумленіемъ спрашивалъ костромской депутатъ. — Крестьяне у насъ владѣютъ *вездѣ:* или вмѣстѣ съ помѣщикомъ или съ крестьянами другихъ владѣльцевъ, если дача не размежевана, а дачъ во многихъ помѣстьяхъ очень много. *Чаще всего крестьяне, а иногда и самъ владѣлецъ, не знаютъ* числа десятинъ своихъ дачъ, а еще менѣе мѣру угодій, пашни, луговъ, и т. п.». «При опредѣленіи количества топлива—говорили члены второго приглашенія—можетъ возникнуть споръ о томъ: производился ли дѣйствительно отпускъ крестьянамъ

дровъ, съ вѣдома ли помѣщика, въ какомъ размѣрѣ, и проч. *Никакое слѣдствіе не будетъ въ состоянія разрѣшить этотъ споръ* и т. д.»... «Легче провести линіи между цвѣтами радуги, нежели удовлетворительныя границы между лѣсными и безлѣсными полосами нашего отечества»—вставили отъ себя фигурно выражавшіеся рязанскіе депутаты. А одинъ изъ депутатовъ прямо, наотрѣзъ, заявилъ, что «отпуска крестьянамъ лѣсовъ для топлива *нигдѣ не было* а крестьяне сами рубили, гдѣ хотѣли и сколько хотѣли, слѣдовательно этотъ *отпускъ* слѣдуетъ считать не обычаемъ, а просто безпорядкомъ и распущенностью...».

И въ самомъ дѣлѣ, если внимательно просмотрѣть тѣ статистическія данныя, которыя привезли съ собою изъ губерній депутаты, то можно согласиться съ г. Безобразовымъ въ томъ, что наши капиталисты-землевладѣльцы не знаютъ, сколько они получаютъ; но, тѣмъ не менѣе, и эти основательные доводы были въ конецъ разрушены тѣмъ же г. Голохвастовымъ, возраженія котораго нельзя здѣсь не привести, хотя въ сокращенномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что и постановленіе собранія состоялось именно въ смыслѣ этого возраженія. «Я думаю, господа,— сказалъ г. Голохвастовъ — что, помимо всякаго великодушія, помимо всякаго желанія чѣмъ-нибудь жертвовать, простой финансовый разсчетъ долженъ былъ бы заставить имущіе классы болѣе всего хлопотать о томъ, чтобы бѣднѣйшее населеніе государства платило какъ можно менѣе податей. Въ самомъ дѣлѣ, отчего у насъ сельское хозяйство не приноситъ никакого дохода, хотя у насъ есть и земля, и рабочія силы, и капиталъ, если и дорогой, то все-таки гораздо болѣе дешевый, чѣмъ, напримѣръ, въ Америкѣ? Оттого, что наша промышленность не можетъ конкуррировать съ заграничною, а внутри нѣтъ сбыта, нѣтъ потому, что громадная масса населенія до такой степени истощена государственными податями, что не можетъ пріобрѣтать ничего выходящаго изъ круга самыхъ естественныхъ первыхъ потребностей жизни. Вслѣдствіе этого сельско-хозяйственный производитель, имѣя значительный основный капиталъ, т.-е. землю, все-таки бѣденъ, ибо не можетъ ничего продать, а слѣдовательно и производить. То же самое можно сказать о купцѣ и фабрикантѣ, изъ коихъ каждый производитъ чрезвычайно мало потому, что нѣтъ сбыта; онъ долженъ брать огромные барыши на то, что̀ производитъ или продаетъ, потому что иначе нѣтъ разсчета производить и торговать, но для того, чтобы брать огромные барыши нуженъ усиленный тарифъ на заграничные товары, другими словами, налогъ на всѣхъ въ пользу фабрикантовъ. Словомъ, вслѣдствіе того, что бѣднѣйшіе классы до сихъ поръ исключительно несли всю массу прямыхъ и косвенныхъ податей, у насъ вся страна была бѣдна. Слѣдовательно изъ прямаго разсчета мы должны заботиться о томъ, чтобы принять на себя не только половину, а можетъ

быть, современемъ, и бо̀льшую часть по крайней мѣрѣ прямыхъ государственныхъ податей».

Но читателю, мало знакомому съ дѣломъ, небезъинтересно будетъ узнать: на какую именно сумму, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, могло простираться облегченіе крестьянина и на сколько рублей рисковали пожертвовать интеллигентные народные представители, такъ много толковавшіе о своемъ благодушіи и великодушіи на свой и на чужой даже счетъ?

Сумма эта, читатель, очень и очень таки не велика. Всѣхъ платежей съ крестьянина (напримѣръ, Москов. губерніи) сходитъ до 13-ти рублей съ души, а подушныя, о которыхъ только собственно и шла рѣчь, всего 3 рубля. Слѣдовательно, если великодушно-благодушные капиталисты добровольно возьмутъ на себя уплату 50% (это ужь очень великодушно), то крестьянинъ получитъ облегченія ровно на полтора рубля, т.-е., вмѣсто 13-ти, станетъ уплачивать одинадцать съ полтиной, если не будетъ къ тому времени какой-нибудь незначительной прибавки. Чтобы яснѣе увидать ту громадную разницу въ платежахъ, какая существуетъ между крестьянской и помѣщичьей землей, приведемъ здѣсь небольшую выписку изъ одной корреспонденціи, доставленной въ редакцію изъ Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Корреспондентъ беретъ небогатую крестьянскую семью съ тремя душевыми надѣлами, т.-е. съ 12-ю десятинами. Эта семья уплачиваетъ въ годъ:

Подушной подати по 1 р. 96 к. съ души . .	5 р.	88 к.
Государственной повинности по 93 к. . .	2 »	79 »
Оброкъ по 9 р. съ души.	27 »	— »
Земскаго сбора губ. и уѣзд. по 12 к. съ дес.	1 »	44 »
Волостнаго сбора: на жалованье старшинѣ, писарю и т. п.—по 60 к. съ души . . .	1 »	80 »
Сельскіе расходы: старостѣ, сотскому, церковному старостѣ, сторожу, осненнику и т. п. по 45 к.	1 »	35 »
Всего . . .	40 р.	26 к.

«И это—замѣчаетъ корреспондентъ — заплатитъ одно семейство съ 12-ю десятинами земли! Считая же, что одно поле гуляетъ подъ паромъ, да часть земли подъ выгономъ, доходъ дадутъ только 8 десятинъ, и съ каждой изъ нихъ придется заплатить по 5-ти рублей.

А крестьянинъ, кромѣ того, и съ этой же земли долженъ прокормиться и самъ съ семействомъ, и прокормить скотину, ремонтировать хозяйственныя орудія, поправлять избу и т. д. и т. д., *такъ, что надо только удивляться, какъ онъ все это дѣлаетъ!*—совершенно справедливо замѣчаетъ почтенный корреспондентъ, статью котораго мы, къ сожалѣнію, не можемъ въ настоящее время помѣстить вполнѣ.

*

Помѣщичье же хозяйство въ той же мѣстности уплачиваетъ:

Земскихъ сборовъ по 10 коп. съ десятины и частнаго сбора на дворянскія потребности по $2^1/_2$ коп. съ десятины.

Всего, значитъ, *по двадцати съ половиною коп.* съ десятины, *вмѣсто пяти* рублей, которые обязанъ уплачивать крестьянинъ съ той же десятины! Нечего сказать: *равномѣрно!* Теперь читателю понятнѣе стало, насколько умѣстны были рѣчи о великодушіи и благодушіи, когда все дѣло-то идетъ о полутора рубляхъ убавки изъ 14-ти, или 13-ти рублей.

Но, предположимъ, что взять на себя добровольно даже полтора рубля—представляетъ невиданный и неслыханный примѣръ благодушія и великодушія, такъ-какъ правительство и этой жертвы даже не требуетъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ запрещаютъ даже и разсуждать. На дѣлѣ мы однако же не замѣчаемъ ни малѣйшихъ признаковъ благодушія, потому что почти на всѣхъ земскихъ собраніяхъ мы видимъ усиленное желаніе отъ владѣльческихъ земель по возможности налогъ отстранить, а привлечь кое-что другое. На московскомъ собраніи, напримѣръ, особенное вниманіе обращено на акціонерныя компаніи и по этому поводу г. Голохвастовъ, котораго заподозрили-было въ маленькомъ къ нимъ пристрастіи, принужденъ былъ сказать:

«Я ничуть не желаю выгораживать изъ обложенія и компаніи съ капиталомъ, напримѣръ, въ 200,000 и потому предлагаю компаніи съ капиталомъ до милліона относить къ 9-му разряду, а свыше милліона—къ 10-му».

Противникомъ обложенія акіонерныхъ компаній выступилъ-было опять тотъ же В. П. Безобразовъ, но попытка ему опять-таки не удалась: компаніи предположили обложить; но вотъ, когда рѣчь зашла объ обложеніи владѣльческой земли, то въ средѣ собранія образовалась сильная компанія противниковъ. Заговорили о малодоходности и даже совершенной бездоходности земель въ Московской губерніи, и объ опасности предполагаемаго обложенія десятины десятью копѣйками; а одинъ изъ гласныхъ, г. Климовъ, заговорилъ даже нижеслѣдующее:

«Я съ своей стороны вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію кн. Мещерскаго. Въ виду малодоходности земель въ Московской губерніи, значительный налогъ на землю можетъ послужить къ отвлеченію крестьянъ отъ земледѣлія; они и безъ того уже иногда оставляютъ запашки».

Но на это ему г. Самаринъ весьма основательно замѣтилъ:

«Въ настоящее время крестьяне въ Московской губеніи выплачиваютъ государственныхъ податей и сборовъ отъ 3 р. 10 к. до 3 р. 15 к. Если эта цифра уменьшится на половину, то крестьянинъ, сосчитавъ что онъ въ общей сложности всѣхъ государственныхъ податей (поземельной, подворной и пораз-

рядной) платитъ вмѣсто 3 р. только 1½, *едва ли* вслѣдствіе этого охладѣетъ къ землѣ, перестанетъ смотрѣть на нее какъ на свою кормилицу и оставитъ деревню».

Дѣйствительно, *едва-ли*, въ особенности, если предположить, что крестьянину во всякомъ случаѣ будетъ тогда легче!

Подобныя сомнѣнія, вытекающія тоже изъ чрезмѣрнаго благодушія и великодушія, опять-таки напоминаютъ мнѣ времена давнопрошедшія, времена господствующихъ тогда, вѣчно во всемъ недоумѣвающихъ, губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, къ которымъ тогда еще неопытные мировые посредники каждый день обращались за разрѣшеніемъ ихъ безчисленныхъ недоразумѣній. Въ одномъ изъ такихъ присутствій возникъ вопросъ: можно ли требовать барщины отъ бобылей и подростковъ, не пользующихся землею? Либеральные члены порѣшили, что нельзя, но дворянскій предводитель съ членомъ отъ дворянства думали иначе. «Если отмѣнить барщину бобылей и полутяглыхъ подростковъ—излагали эти господа въ отдѣльномъ своемъ мнѣніи,—то какими средствами помѣщикъ отберетъ отъ нихъ излишнюю землю? Здѣсь все зависѣло отъ произвола помѣщика, отъ увѣковѣченнаго обычнаго порядка и отъ привычки крестьянъ: слѣдуетъ ли для какихъ-нибудь двухъ лѣтъ *нарушать этотъ порядокъ и чрезъ то возбуждать крестьянъ къ неудовольствію и волненію*»?

Однако же, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаяхъ, перевѣсъ остался за безстрашными либералами. Къ приведенному нами отвѣту присоединилъ свой голосъ и г. Голохвастовъ, который въ заключеніе сказалъ: «У насъ вошло въ обычай толковать о малодоходности земель въ Московской губерніи, но изъ свѣдѣній, приложенныхъ къ докладу коммисіи, видно, что управленіе государственныхъ имуществъ получаетъ среднимъ числомъ отъ 2 до 3 р. съ десятины; удѣльное вѣдомство получаетъ еще болѣе. Мнѣ кажется, что такое сложное и дорогое управленіе какъ казенное, которое завѣдуетъ одновременно весьма значительными участками, раскиданными по всей губерніи, едва-ли можетъ извлекать такой доходъ изъ земель, какъ частные собственники, имѣющіе одно имѣніе подъ личнымъ своимъ присмотромъ».

Вообще, съ удовольствіемъ нужно замѣтить, что, при обсужденіи податнаго вопроса, партія отсталыхъ людей, напирающихъ преимущественно на помѣщичье благодушіе и великодушіе, безъ которыхъ, будто бы, неосуществима у насъ никакая реформа, какъ бы она ни была необходима—потерпѣла на всѣхъ собраніяхъ окончательное пораженіе. Были вездѣ отдѣльные случаи, доказывающіе, что люди стараго, крѣпостническаго закала кое-гдѣ живутъ еще и бодрствуютъ, выжидая благопріятнаго случая, но въ общемъ они оказались такими же безсильными, какъ дряхлый римскій папа, несмотря на торжественно заявленную имъ непогрѣшимость, возбудив-

шую лишь хохотъ. Во многихъ мѣстностяхъ отличились губернскія управы: онѣ оказались стоящими на низшемъ уровнѣ развитія, чѣмъ все собраніе гласныхъ, а потому и проекты ихъ оказались никуда негодными. Особенно въ этомъ отношеніи отличилась петербургская земская управа, которая, послѣ продолжительнаго думанья, додумалась наконецъ до необходимости «ограничиться налогомъ на личный трудъ, съ привлеченіемъ къ нему всѣхъ сословій». По ея проекту, ни одинъ бы злосчастный домашній учитель, ни одинъ фельетонистъ—даже «Сына Отечества», получающій по копейкѣ за строчку — не избѣгъ бы налога, но за то избѣжали бы его всѣ ростовщики, всѣ землевладѣльцы, всѣ содержатели гласныхъ кассъ ссудъ и заведеній для продажи и покупки разныхъ вещей. Судя по размѣрамъ дѣятельности большинства земскихъ управъ,—вѣроятно и члены ихъ тоже бы избѣгли обложенія, еслибы, какъ предполагалось, обложенъ былъ единственно *личный трудъ*. При такой оригинальной системѣ обложенія, каждый бы что есть силы старался доказать, что онъ ничего не дѣлаетъ, хотя жалованье и получаетъ; а фактически доказать это— у насъ вовсе не трудно! Нѣкоторыя земскія собранія, напримѣръ, рязанское, ухитрились высказать мнѣнія нѣсколько странныя, такъ что не вразъ поймешь, на чемъ именно они настаиваютъ: на подушной ли подати, на личномъ трудѣ, или подоходномъ налогѣ? Мнѣнія рязанцевъ склонялись *«въ пользу распространенія подушной подати на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи»*. Что̀ же это такое значитъ? Чего же, наконецъ, хочется гг. рязанцамъ? Повидимому, имъ подушная подать до такой степени пришлась по вкусу, что они желали бы ее собирать и съ земли и съ денежныхъ капиталовъ и съ фабрикъ; но какимъ, однакоже, образомъ станешь брать *подушныя*, напримѣръ, съ мыловареннаго, свѣчно-сальнаго завода, или съ гласной кассы ссудъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, души христіанской нѣтъ и въ поминѣ? Рѣчь объ обложеніи налогомъ личнаго труда шла и на московскомъ собраніи, гдѣ преимущественно занималъ гг. гласныхъ вопросъ: должны ли привлекаться къ налогу, какъ рабочая сила, тѣ изъ *«домочадцевъ»*, которые не совсѣмъ здоровы, напримѣръ, калѣки, сумасшедшіе и, вообще, неспособные ни къ какому труду? Нѣкоторые полагали, что сумасшедшаго или калѣку-домочадца не мѣшало бы и освободить, но не такъ думалъ гласный г. Самаринъ, который возразилъ, что «домочадцы обложены въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, который не составитъ ни малѣйшаго обремененія для высшихъ классовъ. Если дѣло идетъ о работѣ физической, то очевидно, что человѣкъ безъ рукъ и безъ глазъ неспособенъ къ работѣ, но въ высшихъ разрядахъ, гдѣ преобладаетъ умственный трудъ, хромой или безрукій можетъ заработывать себѣ хлѣбъ; здѣсь

если и можно изъять отъ обложенія, то только весьма немногихъ лицъ, каковы глухонѣмые, умалишенные».

Слава Богу еще, что онъ прибавилъ послѣднія слова, а то бы, пожалуй, вышло такъ, что домочадцу высшихъ классовъ общества, живущему умственнымъ трудомъ, не бѣда быть и сумасшедшимъ!

Наконецъ, на томъ же московскомъ земскомъ собраніи, пользуясь удобнымъ, экстреннымъ случаемъ, не забыли потолковать и объ розгахъ, безъ разсужденій о которыхъ не обходится у насъ рѣшительно ни одна реформа. Извѣстно, что при крестьянской реформѣ не мало было толковъ о попечительствѣ помѣщиковъ, соединенномъ съ правами драть всѣхъ, кто живетъ по близости. Извѣстно, что при открытіи земскихъ учрежденій, тоже возбудился важный вопросъ: можно ли драть предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ, если ихъ выберутъ изъ мужиковъ? Какъ же было обойти этотъ важный вопросъ и при толкахъ о подушной подати, которая такъ всегда тѣсно было соединена съ розгами и палками?

Сторонникомъ розогъ на московскомъ собраніи выступилъ крестьянскій гласный Волковъ, по мнѣнію котораго—розги необходимы, потому, что «нашъ братъ мужикъ дуракъ». Удивляться со стороны Волкова такой приверженности къ розгамъ, мнѣ кажется, нечего: еще гоголевскій Петрушка разъ высказался: «отчего-де нашего брата не посѣчь?» — Но вотъ, что̀ странно: на сторонѣ розогъ оказались гг. Самаринъ и извѣстный нашъ экономистъ В. П. Безобразовъ, которыхъ, можно предполагать, прежде никто и не дралъ особенно-то сильно. Г. Безобразовъ, въ своей прекрасной рѣчи за розги, доказалъ, что наказаніе это нужно сохранить и на будущее время, «*изъ уваженія къ народнымъ обычаямъ*»... Что̀ станешь дѣлать? Москва-бѣлокаменная, видно, ужь городъ такой: рядомъ съ громаднымъ каменнымъ домомъ со статуями, колоннами и каріатидами—стоитъ покачнувшійся на улицу заборъ, сквозь заборъ видѣнъ загаженный пустырь, на пустырѣ навозныя кучи, а изъ кучъ распространяются вонь и смрадъ далеко по окрестности.

Изъ уваженія «къ народнымъ обычаямъ» отнесемся и мы къ этимъ маленькимъ недостаткамъ нашихъ «юныхъ» земскихъ учрежденій снисходительно. Станемъ больше вниманія обращать на хорошія ихъ стороны, которыя, при томъ же, и виднѣе, потому что «благодушные» гласные, отстаивающіе розги, вездѣ потерпѣли полное пораженіе.

Но, что̀ же, однако, станется съ податной реформой? Съ однихъ ли опять мужиковъ станутъ собирать, по старому, прежнюю невыносимую сумму налога, раздѣливши его на два налога, съ личнаго ли труда затребуютъ, съ доходовъ ли, или, наконецъ, по желанію рязанцевъ, обложатъ фабрики, заводы и капиталы *подушной* податью? Господь знаетъ: ничего этого

намъ неизвѣстно! Извѣстно только, что, напримѣръ, московское собраніе изъявило правительству полную готовность принять участіе и въ дальнѣйшей разработкѣ податной реформы, буде то признано будетъ полезнымъ, въ той формѣ и въ тѣхъ границахъ, какія угодно будетъ опредѣлить правительству.

Владимірская управа тоже заключила свой докладъ предложеніемъ ходатайствовать предъ правительствомъ о созваніи гласныхъ со всей Россія для подробнѣйшаго обсужденія податной системы, подобно тому, какъ это было сдѣлано при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Собраніе большинствомъ $^2/_3$ приняло это заключеніе.

Нижегородцы, постоянно памятуя о своемъ первенствѣ, доставленномъ имъ нѣкогда великими ихъ гражданами Мининымъ и Пожарскимъ, выразили ту же мысль въ формѣ болѣе ясной и вразумительной. Они находятъ необходимымъ, чтобы вопросъ о подоходной подати, въ случаѣ одобренія ея правительствомъ, былъ подробно разработанъ при участіи экспертовъ отъ всѣхъ губерній и областей имперіи. Необходимость участія ихъ въ столь серьёзномъ вопросѣ сознана и правительственною податною коммисіей, столь давно трудившеюся надъ преобразованіемъ системы податей и проектъ которой, плодъ свыше десятилѣтнихъ работъ, по всей вѣроятности, будетъ найденъ неудобнымъ если не всѣми, то большинствомъ всѣхъ губернскихъ земскихъ собраній. Разрозненное же обсужденіе этого вопроса не можетъ принести столько пользы, сколько принесло бы обсужденіе онаго составомъ представителей отъ всѣхъ губерній, гдѣ всѣ особенныя условія каждой мѣстности были бы взвѣшены и соображены съ общимъ направленіемъ и духомъ реформъ.

И такъ, читатель видитъ, что податной вопросъ въ сущности только что подымается, несмотря на то, что всѣ земскія собранія въ Россіи успѣли уже высказать относительно его свои положительные взгляды и мнѣнія. Конечно, опредѣленные взгляды и мнѣнія — вещь хорошая и полезная, но, въ данномъ случаѣ, они имѣютъ точно такое же значеніе, не больше, какъ передовыя статьи въ какой-нибудь большой газетѣ, напримѣръ въ «Голосѣ», или въ «Петерб. Вѣдомостяхъ». Могутъ, конечно, обратить на нихъ вниманіе, но могутъ и не обратить. Могутъ цѣликомъ взять въ руководство, но могутъ поступить съ ними и такъ, какъ предсказываетъ г. Кошелевъ, т.-е., что никто ихъ и читать не станетъ *«кромѣ корректора»*. Вотъ, напримѣръ, и въ другомъ, современномъ намъ, тоже податномъ вопросѣ, о всеобщей военной повинности — литература тоже допущена къ нѣкоторому участію, но, какой же, однако, толкъ изъ этого нѣкотораго участія? Полагаю, что почти никакого. Литература наша единогласно настаиваетъ на короткихъ срокахъ службы, а что же коммисія, которая дѣйствуетъ сама по себѣ, справляясь или не справляясь, съ

такъ-называемымъ, общественнымъ мнѣніемъ? Большинство коммисіи разсуждаетъ, что, такъ-какъ мы еще не имѣемъ положительныхъ указаній опыта, какой срокъ окажется удовлетворительнѣе, то лучше сначала назначить бо̀льшій срокъ, такъ-какъ легче перейдти отъ бо̀льшаго срока къ меньшему, чѣмъ отъ меньшаго къ бо̀льшему. На этомъ основаніи коммисіи рѣшили, что лучше всего установить 15-тилѣтній общій срокъ, въ который входятъ 6 лѣтъ дѣйствительной службы, причемъ однако разсчетъ ежегоднаго контингента дѣлался бы только по 5-тилѣтнему сроку.

Конечно, противъ такихъ разсужденій можно многое сказать, да многое уже и сказано нашими большими политико-литературными газетами, но нельзя однако же и съ тѣмъ не сознаться, что подобное мнѣніе коммисіи опирается опять-таки на народные обычаи, выражающіеся во множествѣ различныхъ народныхъ поговорокъ и пословицъ. «Не поторгуешься до ссоры съ покупателямъ, не продашь» — говорятъ наши апраксинцы, которые до такой степени усердно торгуются, что, иной разъ, даже продать ничего не успѣваютъ. «Хлещи воды на каменку больше—если жарко будетъ, можно дверь растворить, или въ въ снѣгъ броситься» — говорятъ страстные любители париться до изнеможенія и даже, нерѣдко, до апоплексическаго удара. Почему же этого-же самаго взгляда, выработаннаго народными обычаями, не придерживаться и нашимъ коммисіямъ? Чѣмъ длиннѣе срокъ службы—тѣмъ лучше. Чѣмъ больше податей—тѣмъ лучше. Если слишкомъ много окажется, послѣ можно сбавить; а изъ малаго большого не сдѣлаешь! Совершенно основательно.

Подождемъ, да посмотримъ: что-то изъ всего этого выйдетъ?

Въ заключеніе своей хроники, позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о предметѣ, повидимому совершенно постороннемъ, но въ сущности имѣющемъ тѣсную связь со всѣмъ высказаннымъ.

Всѣ реформы послѣдняго десятилѣтія очень тѣсно связаны одна съ другою и каждая изъ послѣдующихъ является какъ бы результатомъ предъидущей. Первая, самая главная реформа, крестьянская, уничтожила крѣпостное право, а всѣ послѣдующія имѣютъ въ виду по возможности сгладить даже тѣ глубокіе слѣды, которые оставлены крѣпостнымъ правомъ. Къ несчастію, слѣды эти такъ глубоко врѣзались въ нашу почву, что даже новыя учрежденія, основанныя совсѣмъ на иныхъ началахъ, вдругъ начинаютъ на практикѣ, какъ бы сами собою, преображаться и, наконецъ, принимаютъ совсѣмъ старый помѣщичій видъ: ни дать ни взять старыхъ временъ помѣщикъ въ халатѣ изъ термаламы, съ длиннымъ чубукомъ въ одной рукѣ и съ кнутомъ въ другой.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

«Архивъ судебной медицины и общественной гигіены». — Наши и иностранные уголовные законы о психически-больныхъ по отношенію къ вмѣненію. — Несостоятельность теоріи вмѣненія вообще. — Теорія опасности и дѣйствіе ея въ настоящее время подъ фирмою теоріи вмѣненія. — Судебные процессы противъ редактора-издателя «Искры» и издателя книги Лекки. — Необходимость изъятія изъ вѣденія духовной цензуры научныхъ изслѣдованій, соприкасающихся съ областію вѣры. — Литературное кумовство. — Одинъ изъ литературныхъ Макаровъ, преслѣдуемый въ Павловскѣ.

Изъ всѣхъ спеціальныхъ журналовъ, издаваемыхъ разными казенными вѣдомствами, «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены» едва-ли не ближе всѣхъ подходитъ къ журналамъ общаго литературно-политическаго содержанія, назначаемымъ для чтенія всей образованной публики. Судебная медицина и общественная гигіена такъ тѣсно связаны съ различными сторонами общественной жизни, что вопросы, ими выставляемые, воззрѣнія, ими проводимыя, не могутъ не отражаться тѣмъ или другимъ вліяніемъ какъ въ законодательствѣ, такъ и вообще въ развитіи общественной мысли. Уже одного такого содержанія достаточно, чтобы органъ судебной медицины и общественной гигіены былъ болѣе или менѣе интереснымъ для всякаго образованнаго читателя. Само собою разумѣется, что степень этого интереса весьма много должна зависѣть отъ характера лицъ, руководящихъ изданіемъ. Ибо помимо научной стороны дѣла здѣсь весьма важно, насколько эти лица знакомы съ ходомъ общественнаго движенія, насколько ясно понимаютъ текущую струю его, и насколько близко лежатъ къ ихъ сердцу интересы общественнаго развитія. По послѣднимъ пунктамъ «Архивъ судебной медицины» находится, повидимому, въ хорошихъ рукахъ. По крайней мѣрѣ, никакъ нельзя отказать ему ни въ чуткости ко всему, что происходитъ въ сферѣ общественной мысли, ни въ желаніи привнести сюда и своего меду каплю на пользу общую. Зарождается ли какая-нибудь мысль въ обществѣ, которой медицина можетъ служить своими свѣдѣніями, вынашивается ли она, или близка къ рожденію,

«Архивъ» немедленно вездѣ является на помощь. Изъ всѣхъ силъ бьется онъ — здѣсь, чтобы сохранить зародышъ и дать правильное направленіе его развитію, тутъ—чтобы благополучно довести его до полной зрѣлости, тамъ—чтобы облегчить муки рожденію. Хорошій журналъ—«Архивъ судебной медицины»! Жаль, что онъ мало извѣстенъ публикѣ и имѣетъ менѣе читателей, чѣмъ заслуживалъ бы по своему направленію и своимъ трудамъ.

Въ лежащихъ передъ нами двухъ книжкахъ «Архива судебной медицины» за іюньскую и сентябрьскую треть помѣщено много полезныхъ статей и замѣтокъ самаго разнообразнаго общественнаго интереса. Но такъ-какъ цѣль нашихъ замѣтокъ состоитъ не въ томъ, чтобы оцѣнивать литературное и ученое достоинство статей, давая отзывы объ одной—bene, о другой male, какъ это дѣлается на гимназическихъ упражненіяхъ и какъ, вѣроятно, отсюда перенято это современной газетной критикой, ради легкости пріема, а въ томъ, чтобы по литературнымъ явленіямъ слѣдить за движеніемъ общественной мысли въ различныхъ ея сферахъ, а также за болѣе рѣзко выдающимися частными уклоненіями отъ него,—то мы предоставляемъ самимъ читателямъ знакомиться съ литературнымъ и ученымъ достоинствомъ статей «Архива судебной медицины»; мы же остановимся на одной только изъ его статей, въ данный моментъ намъ нужной для нашей цѣли.

Въ прошедшій разъ, говоря въ нашихъ замѣткахъ о нечаевскомъ дѣлѣ, мы сказали нѣсколько словъ о психическомъ болѣзненномъ разстройствѣ одного изъ осужденныхъ по этому дѣлу, Прыжова. Мы сдѣлали наше замѣчаніе не на основаніи только актовъ самаго процесса, но и на наблюденія присутствовавшихъ на процессѣ и видѣвшихъ Прыжова: такое впечатлѣніе произвелъ онъ, сколько намъ извѣстно, на всѣхъ, имѣвшихъ случай видѣть его въ то время, когда онъ давалъ на судѣ свои показанія. Болѣзненное состояніе Прыжова тѣмъ болѣе не могло скрыться отъ лицъ, составлявшихъ присутствіе суда, а также прокуратуры и адвокатуры. Мы полагали тогда, что, вслѣдствіе непонятнаго только опущенія со стороны всѣхъ этихъ лицъ, Прыжовъ не былъ подвергнутъ медицинскому испытанію. Мы не сомнѣвались, однакожь, что опущеніе это можно еще поправить, что Прыжовъ можетъ быть подвергнутъ медицинскому испытанію даже и послѣ произнесенія надъ нимъ приговора.

Оказывается, что все это не такъ. Не только послѣ произнесеннаго приговора Прыжовъ не можетъ быть по закону подвергнутъ медицинскому испытанію, но и во время самаго процесса судъ не могъ допустить его къ такому испытанію. Ибо законъ нашъ признаетъ только слѣдующія формы душевнаго разстройства, исключающія вмѣняемость: безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совер-

шенное безпамятство,—признавая при этомъ *безумными* тѣхъ, которые не имѣютъ здраваго разсудка съ самаго младенчества, а *сумасшедшими* тѣхъ, которыхъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ. Но даже присутствіе въ извѣстномъ субъектѣ которой-нибудь изъ этихъ формъ не всегда можетъ освободить его отъ уголовной отвѣтственности. Ибо законъ говоритъ: «преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ или сумасшедшимъ, не вмѣняются ему въ вину, *когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему, въ то время не могъ имѣть понятія о противозаконности и самомъ свойствѣ своего дѣянія*». Слѣдовательно предполагается, что и безумные, и сумасшедшіе могутъ имѣть понятіе о противозаконности своего дѣянія и могутъ иногда быть подвергаемы уголовной отвѣтственности, какъ люди совершенно здоровые. Понятно, что за силою такого закона не только та форма душевнаго разстройства, какая предполагается въ Прыжовѣ, но даже формы гораздо болѣе рѣзкія и очевидныя не могутъ имѣть никакого значенія передъ судомъ. Изъ этого для насъ дѣлается яснымъ тотъ неутѣшительный фактъ, что богиня Ѳемида въ нашъ просвѣщенный вѣкъ сдѣлалась едва-ли много мудрѣе и справедливѣе, чѣмъ была въ самыя грубыя времена варварства. Несмотря на свои мягкіе пріемы и формы, она такъ же спокойно и беззаботно, какъ и прежде, пожираетъ всѣхъ, попавшихся въ ея руки, считая несомнѣнно доказанный фактъ преступленія eo ipso и приговоромъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ справокъ о личности. Мы можемъ утѣшаться въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что нашъ уголовный законъ ничуть не лучше и не хуже другихъ, что то же гласитъ уголовный законъ Австріи, — законъ прусскій почти буквальное повтореніе нашего закона.

Но громадная разница между нами и нашими сосѣдями въ томъ, что тамъ давно уже и психіатры и криминалисты выяснили всю несостоятельность подобнаго закона, и онъ доживаетъ послѣдніе дни. Въ Пруссіи еще въ 1863 году, по приглашенію правительства, выработанъ въ берлинскомъ обществѣ психіатровъ проектъ уголовнаго закона относительно психическихъ больныхъ на основаніи требованій современной науки. Психіатры говорятъ, что старый законъ ставитъ призываемаго для экспертизы въ судъ врача въ совершенную невозможность давать отвѣты на предлагаемые ему вопросы. Когда прусскій судья предлагаетъ врачу первый вопросъ, точно опредѣлить форму душевнаго разстройства обвиненнаго, то-есть сказать: безумный ли онъ или слабоумный и т. п., то врачъ уже этимъ вопросомъ ставится въ затрудненіе, ибо существуютъ различныя воззрѣнія на частныя формы умопомѣшательства. Но когда при этомъ австрійскій судья требуетъ еще, чтобы врачъ сказалъ: совершенно ли обвиненный лишенъ разума, — ибо по закону только полное отсутствіе разума устраняетъ вмѣняемость,—то врачъ становится уже въ совершенный тупикъ; ибо изъ 100

человѣкъ умалишенныхъ едва-ли найдется одинъ, который былъ бы *совершенно* лишенъ разума; чрезвычайно мало между помѣшанными встрѣчается такихъ, у которыхъ *совершенно* уничтожена умственная дѣятельность. Между тѣмъ врачъ очень хорошо знаетъ, что скажи онъ судьѣ, что обвиненный не совершенно лишенъ разума, судья, согласно буквѣ закона, признаетъ его способнымъ къ вмѣненію. Когда, наконецъ, судья спрашиваетъ у врача: сознавалъ ли безумный или сумасшедшій противозаконность дѣянія во время совершенія послѣдняго, врачъ снова ставится въ такое же недоумѣніе относительно своего отвѣта. Ибо психіатры говорятъ, «что не только у одержанныхъ частнымъ помѣшательствомъ, но и у страдающихъ другими формами умственнаго разстройства могутъ сохраняться прекрасная память, соображеніе, порядокъ и связь мыслей, хитрость, остроуміе; есть помѣшанные, которые очень искусно притворяются, и т. д.; что положеніе, «*гдѣ есть участіе ума, тамъ есть и вмѣняемость*», рѣшительно опровергается тѣмъ, что у многихъ помѣшанныхъ, особенно у тѣхъ, у которыхъ страдаетъ душевный строй (Gemüth), сохраненъ самый утонченный умъ, что не только способность, которая считалась, впрочемъ, критеріемъ свободы, именно способность *отличать законное, правое отъ незаконнаго, неправаго*, можетъ быть угнетена только во время совершенія дѣянія, впослѣдствіи же можетъ вполнѣ возстановляться, но что даже бо̀льшая часть помѣшанныхъ имѣетъ правильное понятіе о правомъ и неправомъ поступкѣ». Само собою разумѣется, что, на основаніи всего этого, врачъ не можетъ признавать безумныхъ или сумасшедшихъ психически здоровыми потому только, что у нихъ «сохранена умственная дѣятельность или есть свѣтлые промежутки, какъ нельзя считать совершенно здоровымъ лихорадочнаго больнаго въ періодѣ, когда у него нѣтъ озноба; ибо временное пріостановленіе припадковъ не одно и то же, что прекращеніе болѣзни», и такимъ образомъ вопросъ судьи о томъ, сознавалъ ли преступникъ во время совершенія своего дѣянія противозаконность его—долженъ представляться для него вопросомъ невѣжества, въ сущности ничего неразрѣшающимъ относительно вмѣненія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ психіатры требуютъ, чтобы отъ врача-эксперта требовали на судѣ то, чего отъ него можно требовать, какъ отъ врача, то-есть свѣдѣнія *о болѣзни*, именно о существованіи или отсутствіи умственнаго разстройства или *болѣзненнаго разстройства душевныхъ отправленій*, не задавая вопросовъ ни объ отдѣльныхъ формахъ этого разстройства, ни о существованіи этого разстройства въ тѣ или другіе моменты дѣятельности больнаго. Ибо само собою понятно, что какъ скоро признано умственное разстройство или болѣзненное разстройство душевныхъ отправленій вообще, то ни о какой вмѣняемости не можетъ быть и рѣчи. Психіатры идутъ гораздо даже далѣе; они склоняются къ тому, чтобы не

вмѣняемость была распространена на всѣ вообще состоянія, парализирующія нормальную душевную дѣятельность. «Не подлежитъ — говорятъ они — никакому сомнѣнію, что есть состоянія, которыя, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не могутъ быть названы ни *умственнымъ разстройствомъ*, ни *болѣзненнымъ разстройствомъ душевныхъ отправленій*, но при которыхъ нормальное душевное отправленіе бываетъ *ограничено*, стѣснено (beschränkt). Эти состоянія встрѣчаются иногда при нормальномъ (передъ тѣмъ) состояніи субъекта; сюда относятся, напримѣръ, состоянія, встрѣчающіяся у людей, у которыхъ можно открыть различные патологическіе моменты: наслѣдственность, эпилепсію, алкоголизмъ и т. д. Наука не нашла еще точныхъ, опредѣленныхъ признаковъ, помощью которыхъ можно было бы съ одной стороны строго отдѣлить состоянія, обусловливаемыя приведенными моментами, отъ собственно болѣзненнаго умственнаго разстройства, съ другой—отъ тѣхъ нарушеній душевныхъ отправленій, которыя наступаютъ при нормальныхъ состояніяхъ субъекта».

Всѣ высказанныя выше мысли мы заимствуемъ изъ помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Архива» статьи доктора Штейнберга, подъ названіемъ: *Способность къ вмѣненію*. Содержаніе этой статьи въ основѣ своей принадлежитъ, впрочемъ, не доктору Штейнбергу; послѣдній передаетъ только воззрѣнія и мысли Руфа, автора недавно вышедшаго сочиненія: «Die Criminaljustiz, ihre Wiedersprüche und die Zukunft der Strafrechtspflege», von S. Ruf 1870 г., пополняя ихъ по мѣстамъ собственными замѣчаніями и наблюденіями.

Руфъ признаетъ несостоятельность нынѣшней уголовной системы не только относительно психически-больныхъ, но и вообще. Онъ говоритъ, что юстиція принимаетъ на себя задачу совершенно неисполнимую, когда берется рѣшать вопросъ о виновности преступника,—она не имѣетъ для этого никакой почвы,—она можетъ опредѣлять только *опасность* преступника для общества, но никакъ не его внутреннюю виновность. Поэтому юстиціи слѣдовало бы теорію преступности совершенно оставить и замѣнить ее теоріей опасности.

Нынѣшняя уголовная система родилась въ то время, когда въ наукѣ вполнѣ господствовало метафизическое созерцаніе. Въ основѣ ея лежитъ мысль, что воля человѣческая абсолютно свободна и самостоятельна и что каждое преступленіе есть продуктъ единственно злой воли. Исходя изъ этой мысли, криминалистика обращала все свое вниманіе на внѣшнюю сторону преступленія, и никакого—на внутреннюю его сторону. Вся задача ея состояла въ томъ, чтобы не воздать за преступленіе меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Это было весьма послѣдовательно. Ибо если источникъ преступленія есть злая воля, то чѣмъ сильнѣе покорается она, тѣмъ будетъ справедливѣе и лучше. Отсюда жестокость отношеній къ преступнику, отсюда лютость каз-

ней. Простой смерти считали недостаточною для преступника: старались придумать мучительнѣйшіе способы смерти, дабы преступникъ sentiat se mori, то-есть чувствовалъ смерть. Преслѣдованіе его не останавливалось даже смертію, ибо и послѣ смерти считали нужнымъ самый трупъ его подвергать поруганію.

Новое гуманное время не могло вынести жестокостей относительно преступника; оно смягчило манеру отношенія къ нему; уничтожило въ значительной степени разнообразіе и разновидность казней; при разсмотрѣніи виновности преступника стало принимать во вниманіе различныя смягчающія обстоятельства. Но этимъ отрицались только совершенно логическіе выводы прежней системы, а прежнее начало, изъ котораго были сдѣланы эти выводы, злая воля, оставалась во всей своей силѣ. Такимъ образомъ новая криминалистика находится въ очевидномъ противорѣчіи сама съ собою, и тѣмъ ясно доказываетъ свою несостоятельность. «Явленіе смягчающихъ вину обстоятельствъ — справедливо замѣчаетъ Руфъ — показываетъ, что теорія судей несогласна съ практикой, что послѣдняя противорѣчитъ ихъ теоріи; ихъ теорія беретъ начало изъ древнихъ временъ вѣры, а практика составляетъ результатъ новѣйшей науки; въ теоріи преступленіе является преступленіемъ, на практикѣ же, напротивъ, порокомъ—слабостью; въ теоріи судьи разсуждаютъ по историческимъ, криминалистическимъ преданіямъ, на практикѣ же поступаютъ раціонально, филантропически; такимъ образомъ ихъ мысли не согласуются съ ихъ дѣйствіями. Вѣдь если разобрать хорошенько любой уголовный случай, то окажется, что нѣтъ ни одного преступленія, для котораго искусный защитникъ не могъ бы найти смягчающихъ обстоятельствъ, и потому съ этой точки зрѣнія едва-ли возможно, чтобы передъ судомъ представился хотя одинъ *вполнѣ* вмѣняемый случай, то-есть случай *полнаго* преступленія. Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что гораздо разумнѣе было бы *вообще смягчить требованія закона*, чѣмъ пріискивать смягчающія обстоятельства и обходить законъ?»

Но чтобы уничтожить противорѣчіе въ существующей системѣ, криминалистика необходимо должна, прежде всего, уничтожить ту основу, на которой она стоитъ. Въ современной наукѣ ученію о самостоятельной свободной волѣ нѣтъ никакой почвы.

Всѣ дѣйствія наши суть результатъ мышечныхъ сокращеній, которыя можно раздѣлить на три главныя категоріи. Къ первой изъ нихъ относятся сокращенія, которымъ не предшествуетъ представленіе объ ихъ значеніи и цѣли; это—нецѣлесообразныя, такъ-называемыя непроизвольныя мышечныя сокращенія. Сюда относятся, напримѣръ, сокращенія сердца, кровеносныхъ сосудовъ, всего пищеварительнаго аппарата и т. д. Но и эти сокращенія, которыми приводятся въ движеніе различные части и приборы нашего организма, все-таки могутъ измѣняться въ извѣстной степени и у каждаго индивида съ различной силой подъ вліяніемъ представленій. Для этого нужны особенныя упражненія, обученіе, навыкъ, привычка, то-есть необходимъ извѣстный

рядъ представленій. Есть люди, которые могутъ измѣнять свой пульсъ, величину радужной оболочки, по произволу вызывать сокращенія желудочно-кишечнаго канала; конечно, все это дѣлается подъ вліяніемъ представленій. Ко второй категоріи мышечныхъ сокращеній относятся тѣ, которымъ предшествуютъ пріятныя или непріятныя ощущенія субъекта. Такъ, напримѣръ, глаза (вѣки) закрываются при сильномъ свѣтѣ, лицо сморщивается, весь человѣкъ вздрагиваетъ при внезапномъ и сильномъ звукѣ, трескѣ; человѣкъ вскрикиваетъ, стонетъ отъ сильной боли; потягивается, зѣваетъ при извѣстныхъ ощущеніяхъ въ мышцахъ; сюда относятся и движенія при половомъ актѣ и т. п. Всѣ эти движенія могутъ быть регулируемы и даже совершенно задерживаемы при извѣстной силѣ вниманія, сосредоточиваемаго на этихъ движеніяхъ. Человѣкъ можетъ развить въ себѣ это вниманіе и умѣніе владѣть такими движеніями посредствомъ обученія, упражненія и навыка; слѣдовательно и въ этихъ случаяхъ человѣкъ можетъ ограничивать свои движенія лишь въ томъ случаѣ, если имъ предшествуютъ представленія; послѣдняго онъ достигаетъ только *воспитаніемъ*. Образованный человѣкъ, говоритъ Бокль, иначе поворачивается и во снѣ. Тутъ уже, конечно, общая привычка управлять своими движеніями дѣйствуетъ на частное явленіе, въ которомъ, въ данномъ случаѣ, и не участвуетъ актъ представленія.

Наконецъ къ третьей категоріи относятся мышечныя сокращенія, которымъ обыкновенно, предшествуютъ представленія объ ихъ значеніи, цѣли; они поэтому и называются цѣлесообразными, *произвольными*. Изъ всего сказаннаго о различныхъ категоріяхъ мышечныхъ сокращеній выходитъ, что движенія человѣка должны отличаться тѣмъ большею цѣлесообразностью и произвольностью, чѣмъ больше въ немъ возможность образованія представленій. Возможность же эта, caeteris paribus, увеличивается только правильнымъ воспитаніемъ.

Итакъ, мы видимъ, что только навыкъ, обученіе, воспитаніе могутъ вести къ тому, чтобы движенія, слѣдовательно и всѣ наши дѣянія, контролировались, управлялись, ограничивались человѣкомъ, словомъ — были бы цѣлесообразны. Воля и состоитъ въ томъ актѣ представленій, изъ сочетанія которыхъ получается то или другое конечное представленіе о значеніи тѣхъ или другихъ движеній, о надобности или ненадобности ихъ. Представленіе о надобности разрѣшается сокращеніемъ одной или нѣсколькихъ группъ мышцъ, представленіе о ненадобности — сокращеніемъ другой группы. Мы видимъ изъ этого опредѣленія, что воля есть одно изъ представленій, проистекающихъ изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ представленій; слѣдовательно, и она въ свою очередь есть необходимое послѣдствіе того, что *уже было*, она рождается изъ матеріала, которымъ человѣкъ обогатилъ себя при помощи воспитанія, и, говоря фигурально, воля рѣшается на то или другое дѣяніе, произноситъ свой положительный или отрицательный вердиктъ, по отношенію къ предстоящему дѣйствію, смотря по образу и качеству того воспитанія, которое она получила сама.

Итакъ вопросъ о волѣ сводится къ вопросу о воспитаніи, за которое уже никакъ человѣкъ отвѣтствовать не можетъ. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ никакой точки опоры для вмѣненія. Этимъ совершенно разрушается нынѣшняя уголовная система, имѣющая свое основаніе единственно въ преступности человѣка.

Но человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ въ обществѣ. Каждое его преступленіе есть насиліе надъ себѣ подобными. Это насиліе общество имѣетъ полное право отражать насиліемъ же, совершенно дозволительнымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ ка-

жихъ это нужно для безопасности общественной. Вотъ чѣмъ устанавливается право и степень права общества надъ тѣмъ, что въ нынѣшней уголовной системѣ принято называть преступникомъ, и вотъ начало, на которомъ твердо можетъ быть построена уголовная система. Не вопросъ о вмѣненіи преступленія и виновности преступника неразрѣшимый и абсурдный, но вопросъ объ опасности и степени его опасности для общества долженъ составлять существо уголовнаго процесса.

На первый взглядъ между теоріей вмѣненія и теоріей опасности не представляется никакого существеннаго различія. Ибо все равно и разрѣшая вопросъ объ опасности преступника, судья долженъ будетъ изслѣдовать виновность преступника, то-есть разсматривать: преднамѣренно ли онъ совершилъ извѣстное дѣяніе или не преднамѣренно, было ли оно актомъ воли, или составляетъ нѣчто случайное. Но судья будетъ дѣлать это изслѣдованіе не съ тѣмъ, чтобы открыть виновность обвиняемаго, а уяснить вопросъ о степени его опасности — и отъ различія цѣлей изслѣдованія результаты получатся безконечно различные.

Г. Никитинъ въ своей книгѣ «Жизнь заключенныхъ» разсказываетъ очень много возмутительныхъ по своей жестокости для гуманнаго чувства приговоровъ, состоявшихся въ здѣшнихъ мировыхъ судахъ относительно преступленій самыхъ ничтожныхъ. Такъ одинъ мѣщанинъ за кражу курицы просидѣлъ въ тюрьмѣ *шесть* мѣсяцевъ; другой мѣщанинъ, за кражу изъ кабака полштофа водки, высидѣлъ въ тюрьмѣ *восемь* мѣсяцевъ; 14-тилѣтній мальчикъ, жившій въ услуженіи у колбасника и съѣвшій безъ позволенія хозяина полфунта отрѣзанной послѣднимъ колбасы, былъ, по жалобѣ колбасника, обвиненъ въ кражѣ и приговоренъ къ тюрьмѣ на 3½ мѣсяца. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что судьи, постановлявшіе эти приговоры, по самой природѣ своей были недалеки разумомъ; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что господствующая теорія уголовнаго вмѣненія много способствовала еще къ большему ихъ омраченію. Будь у нихъ въ рукахъ вмѣсто закона вмѣненія, требующаго наказанія виновности преступника, законъ опасности, предписывающій признавать преступленіемъ только такое дѣяніе, которое угрожаетъ опасностію обществу, и размѣръ кары его соображать съ размѣромъ этой опасности, — всякій судья, какъ бы онъ ограниченъ ни былъ, нашелъ бы нелѣпымъ за похищеніе полфунта колбасы наказывать 14-тилѣтняго мальчика 3½ мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, или за кражу курицы и полштофа водки выдерживать людей въ тюрьмѣ по шести и восьми мѣсяцевъ.

Руфъ говоритъ, что теорія опасности удовлетворила бы и преступника, и общество, и государство; ибо сдѣлавъ перваго прежде всего безвреднымъ, она старается исправить его и сдѣлать полезнымъ обществу (*Руфъ* не ограничиваетъ теорію опас-

ности одною только отрицательною задачею — лишать преступника свободы въ видахъ безопасности общества: онъ требуетъ, напротивъ, чтобы время этого лишенія употреблялось на исправленіе преступника, чтобы каждое исправительное заведеніе представляло въ то же время и воспитательный домъ, въ которомъ исправлялось бы въ человѣкѣ то, что́ было испорчено дурнымъ, небрежнымъ воспитаніемъ, словомъ, чтобы въ немъ лечились физическіе и психическіе недуги); обществу она даетъ безопасное положеніе; государству сохраняетъ всѣ его верховныя права надъ преступникомъ.

Кромѣ того теорія опасности поставила бы въ правильное положеніе и судью, и врачей-экспертовъ, и судъ присяжныхъ. Судья не мучился бы напрасно надъ опредѣленіемъ неопредѣлимаго, то-есть виновности преступника; онъ имѣлъ бы задачу удобоисполнимую, такъ-какъ опредѣленіе опасности того или другаго преступленія для общества не представило бы особыхъ затрудненій. Врачи-эксперты легко могли бы отвѣчать на вопросъ объ опасности того или другаго психическаго больнаго; наконецъ, «судъ присяжныхъ совершенно соотвѣтствовалъ бы своей цѣли, потому что никто такъ хорошо не пойметъ и не оцѣнитъ опасности со стороны обвиненнаго, какъ люди изъ народа, между тѣмъ, какъ при оцѣнкѣ вопроса о виновности они оказываются несостоятельными, а иногда даже опасными для дѣла правды». Руфъ даже полагаетъ, что присяжные часто произносятъ суровый приговоръ именно потому, что они подъ вопросомъ о виновности понимаютъ собственно вопросъ объ опасности, то-есть отвѣчая: «да, виновенъ», они въ то же время собственно думаютъ: «да, опасенъ». Точно также, прибавимъ мы, и наоборотъ: оправдывая иногда убійцъ, слѣдовательно, по теоріи вмѣняемости, людей несомнѣнно виновныхъ, они думаютъ: «нѣтъ, неопасенъ».

Наконецъ, введеніе въ уголовную систему принципа опасности устранило бы множество процессовъ, которые теперь напрасно обременяютъ суды и власть обвинительную. Къ числу такихъ процессовъ относится бо́льшая часть тѣхъ, въ которыхъ и теперь дѣйствуетъ принципъ опасности, хотя и скрыто, подъ принятою формою теоріи вмѣненія. Таковы процессы о нравственности. Частная нравственность не подлежитъ, какъ извѣстно, контролю положительнаго закона. Всякій можетъ мыслить о нравственности и вести жизнь какую ему угодно, никѣмъ не стѣсняемый въ своемъ міросозерцаніи и дѣятельности. Но когда человѣкъ, не ограничиваясь частною жизнью, начинаетъ тѣмъ или другимъ способомъ подрывать основы нравственности общественной, онъ подвергается преслѣдованію закона. Положимъ, я издаю въ свѣтъ какое-нибудь направленное противъ принятой общественной нравственности сочиненіе,—меня предаютъ суду. По теоріи вмѣненія, главнымъ образомъ я, моя личность, моя злая воля должны бы были подвергнуться

разсмотрѣнію суда и, независимо отъ того, много ли, мало ли мое сочиненіе опасно для общественной нравственности, я долженъ бы былъ понести всю тяжесть кары за злонамѣренность или безнравственность дѣянія. Въ дѣйствительности это бываетъ не такъ. Я могу быть безнравственъ, какъ мнѣ угодно, и имѣть мысли самыя разрушительныя для общественной нравственности, но меня оставятъ въ покоѣ, если найдутъ, что мое сочиненіе ничтожно, ничему и никому повредить не можетъ. И напротивъ, будь я чистъ, какъ ангелъ, но если мое сочиненіе можетъ дѣйствительно поколебать общественную нравственность, надо мной обрушится вся тяжесть закона, охраняющаго общественную нравственность. Ясно, что вопросъ идетъ здѣсь исключительно объ общественной безопасности. Будь уголовный законъ основанъ на принципѣ опасности, тогда обвинительная власть привлекала бы къ суду такія только дѣянія, которыя дѣйствительно угрожаютъ общественной нравственности; теперь же, дѣйствуя по теоріи вмѣненія, она поставлена въ необходимость подвергать судебному разсмотрѣнію всякое направленное противъ общественной нравственности или даже только противное ей дѣяніе, и судъ, очень хорошо сознавая, что въ сущности разсмотрѣнію его должно подлежать здѣсь вовсе не вмѣненіе, а опасность, поставленъ бываетъ въ необходимость употреблять всѣ извороты, чтобы обойти теорію вмѣненія и оправдать сочиненіе, непредставляющее никакой опасности.

Во всемъ этомъ читатель легко можетъ удостовѣриться изъ недавняго процесса, производившагося въ здѣшнемъ окружномъ судѣ и судебной палатѣ противъ редактора «Искры» по обвиненію въ оскорбленіи общественной благопристойности и нравственности. Въ 29 № «Искры» за 1870 годъ была помѣщена статья подъ названіемъ: «Обратите вниманіе» (извлеченіе изъ записки одного ученаго помѣщика), въ которой въ юмористической формѣ излагались опыты искусственнаго производства людей, посредствомъ смѣшенія спермы и икры различныхъ субъектовъ, предпринятые однимъ помѣщикомъ съ тою цѣлью, чтобы пріобрѣсти себѣ крѣпостныхъ. Обвинительная власть нашла въ этой статьѣ нарушеніе благопристойности и нравственности, и возбудила процессъ. Но окружной судъ оправдалъ статью на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что цѣль этой статьи не безнравственная и заключаетъ въ себѣ сатиру на лицъ, желающихъ возстановленія крѣпостного права, и что, слѣдовательно, въ статьѣ нѣтъ существенныхъ признаковъ проступка, а именно, безнравственной цѣли. Повидимому, по теоріи вмѣненія мотивъ приговора былъ вполнѣ основательный. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ идти рѣчь о вмѣненіи, когда въ поступкѣ нѣтъ злаго умысла, перваго признака злой воли? Но обвинительная власть осталась недовольна приговоромъ суда и перенесла дѣло въ судебную па-

лату. Здѣсь, возражая противъ приговора, состоявшагося въ судѣ, обвинительная власть заявляла, что неблагопристойность и безнравственность статьи осязательна вполнѣ для непосредственнаго, нравственнаго чутья; а если такъ, то нельзя и оправдывать ее нравственною цѣлію, ибо, вопервыхъ, цѣль никогда не оправдываетъ средствъ; а вовторыхъ, въ уголовномъ преступленіи цѣль не составляетъ существеннаго признака: если кто-нибудь украдетъ даже для того, чтобы помочь ближнему, все-таки его дѣйствіе признано будетъ кражей и проч. Послѣдняго замѣчанія нельзя не признать весьма вѣскимъ. Вѣдь еслибы, въ самомъ дѣлѣ, суду пришлось разбирать указываемое обвинительною властью дѣяніе, т.-е. кражу съ доброю цѣлью, судъ не посмотрѣлъ бы на цѣль; онъ непремѣнно, по всѣмъ правиламъ теоріи вмѣненія, разыскалъ бы виновность субъекта и подвергъ бы его наказанію. Здѣсь же и судъ, и потомъ судебная палата дали оправдательный приговоръ. Почему? Да просто потому, что, рѣшая дѣло, они открыто держались теоріи вмѣненія, а на самомъ дѣлѣ, tacito modo, руководились принципомъ опасности, и такъ-какъ статья «Искры» никакой опасности для общественной нравственности въ себѣ не содержала, то и осужденіе ея представлялось имъ совершенно ненужнымъ.

То же самое, что̀ мы сказали о процессахъ относительно нравственности, должно сказать и о процессахъ относительно религіи. Законъ не беретъ на себя контроля надъ отношеніемъ частныхъ лицъ къ религіознымъ вѣрованіямъ и къ обрядамъ, предписываемымъ религіею Свободѣ и совѣсти всякаго предоставлено пониманіе ученія вѣры и исполненіе требованій и обрядовъ, ею предписываемыхъ. Но когда кто-нибудь такъ или иначе начинаетъ подрывать основы религіи, закономъ покровительствуемой, законъ подвергаетъ его преслѣдованію. Предположимъ, я издалъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ подвергаются критикѣ и сомнѣнію нѣкоторые догматы и обряды православной церкви,—меня предаютъ суду. Но какъ предаютъ? Въ прежнее время, если кто издавалъ сочиненіе, несогласное съ ученіемъ церкви, иначе сказать, еретическое, то его, какъ еретика, немедленно сажали въ тюрьму и на немъ, главнымъ образомъ, сосредоточивался процессъ дѣла, — сочиненіе было дѣломъ второстепеннымъ. Такъ оно и должно быть по теоріи вмѣненія. Ибо вѣдь онъ виновникъ еретическаго сочиненія; въ немъ сидитъ злая воля, приготовившая этотъ ядъ. Теперь это дѣлается совершенно иначе. Виновникъ сочиненія остается почти совершенно въ сторонѣ. Не подвергается разсмотрѣнію его образъ мыслей, не изслѣдуются его намѣренія и цѣли въ изданіи книги. Онъ судится не по существу дѣла, а только формально, какъ нарушитель формальныхъ правилъ устава о печати Вмѣсто виновника сочиненія, на первый планъ выступаетъ самое сочиненіе. Ясно, что вопросъ идетъ вовсе не о вмѣненіи,

но объ опасности. Но здѣсь является новое осложненіе, вслѣдствіе котораго, въ концѣ-концовъ, теряется и принципъ опасности. Дѣло въ томъ, что въ христіанской церкви, съ того времени, какъ въ ней образовалась іерархія, право публичнаго учительства въ истинахъ вѣры и наблюденіе надъ нимъ предоставлено было іерархіи. Этотъ порядокъ впослѣдствіи перешелъ и въ отдѣльныя церкви разныхъ народовъ, въ томъ числѣ и русскую. Право учительства истинамъ вѣры и наблюденіе надъ нимъ принадлежало здѣсь іерархіи съ древнѣйшихъ временъ. Институтомъ для охраненія этого права была духовная цензура, которую сначала представляли патріархи, митрополиты, а потомъ, съ умноженіемъ числа выходящихъ книгъ, она преобразовалось въ особое учрежденіе. Очевидно, что церковное учительство и научное изслѣдованіе, хотя бы они касались и однихъ и тѣхъ же предметовъ,—двѣ вещи совершенно разныя. Первое передаетъ истины несомнѣнныя, основанныя на божественномъ авторитетѣ; второе высказываетъ догадки и предположенія изслѣдующаго разума, подлежащія развитію, новой переработкѣ, перемѣнамъ и т. д. Ясно, что между той и другой областью нѣтъ ничего общаго, — и та, и другая не только могутъ, но и должны существовать совершенно самостоятельно. Уже въ сочиненіяхъ самихъ церковныхъ учителей первыхъ христіанскихъ вѣковъ являются раціоналистическія изслѣдованія, совершенно несогласныя съ христіанскимъ ученіемъ. Таково, напримѣръ, мнѣніе Оригена о невѣчности мученій грѣшниковъ въ будущей жизни. Тѣмъ не менѣе, у насъ право публичнаго учительства въ истинахъ вѣры, принадлежащее несомнѣнно церкви, не отдѣлено отъ права научнаго изслѣдованія предметовъ, соприкасающихся съ истинами вѣры, и принадлежащаго всѣмъ, и по древней традиціи передано все это наблюденію церкви или ея органу, духовной цензурѣ. Обыкновенный свѣтскій судъ признанъ некомпетентнымъ разсуждать о томъ: опасно ли извѣстное изслѣдованіе о предметахъ, соприкасающихся съ истинами вѣры или нѣтъ? Вся его функція, какъ скоро подобное изслѣдованіе представляется на его разсмотрѣніе, состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить въ данномъ изслѣдованіи мѣста, гдѣ онъ усматриваетъ это соприкосновеніе, и отослать ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры, которая одна компетентна разсмотрѣть ихъ по существу. Но духовная цензура стоитъ совершенно на другой точкой зрѣнія по отношенію къ поступающимъ въ ея распоряженіе сочиненіямъ, чѣмъ судъ свѣтскій. Она вовсе не задается вопросомъ о томъ: опасно ли извѣстное изслѣдованіе для церкви, въ какой мѣрѣ опасно, или вовсе не опасно? Она просто на просто считаетъ себя обязанною воспрещать все, что̀ несогласно съ ученіемъ православной церкви. Такимъ воззрѣніемъ, очевидно, исключается возможность всякаго самостоятельнаго изслѣдованія, и наука дѣлается немыслимою. Ибо не забудемъ, что въ суще-

ствѣ своемъ христіанская религія, какъ и всякая другая религія, есть полная, закругленная система міросозерцанія, дающая, на подобіе философскихъ системъ, въ общихъ началахъ болѣе или менѣе обстоятельныя опредѣленія относительно всѣхъ предметовъ міра видимаго и невидимаго. Стало быть, нельзя представить себѣ почти ни одной науки, которая, разработывая принадлежащую ей область, не коснулась бы какихъ-нибудь предметовъ, о которыхъ говоритъ и откровеніе. При чисто-ортодоксальной точкѣ зрѣнія духовной цензуры, невозможны были бы ни астрономія, ни геологія, ни палеонтологія, ни антропологія и т. д. Еслибы строго держаться закона, предписывающаго всѣ изслѣдованія о предметахъ, соприкасающихся съ ученіемъ откровенія, отдавать на разрѣшеніе духовной цензуры, то ничего болѣе не оставалось бы дѣлать, какъ воспретить всѣ самостоятельныя научныя изслѣдованія въ Россіи, и кругъ наукъ, въ ней дозволенныхъ, съузить до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ онѣ находились въ московской славяно-греко-латинской академіи. Неправильность такого положенія дѣла не можетъ не сознаваться, не чувствоваться всѣми образованными людьми, въ томъ числѣ, конечно, и обвинительною властью и членами судовъ. Никто, конечно, не усомнится ни въ православномъ образѣ мыслей членовъ обвинительной власти и суда, ни въ ихъ привязанности къ православной церкви, но какъ люди образованные, какъ патріоты, не могутъ они равнодушно и безучастно смотрѣть, чтобы ихъ отечество было закрыто для всякаго истинно-научнаго движенія только въ силу анти-ортодоксальности послѣдняго. И вотъ они, поставленные затѣмъ, чтобы блюсти законъ, ставятся въ необходимость всячески обходить его, чтобы спасти хоть какую-нибудь самостоятельность научныхъ изслѣдованій. Недавно вышло въ свѣтъ сочиненіе Дарвина о происхожденіи человѣка—блестящая гипотеза, но вполнѣ анти-ортодоксальная. Еслибы это сочиненіе попалось въ духовную цензуру, она не оставила бы въ немъ камня на камнѣ. Ибо духовная цензура никакъ не согласилась бы признать происхожденія Адама отъ того предка, котораго такъ краснорѣчиво описываетъ «Нива» въ своей рекламѣ. Но не въ этомъ еще суть. Такимъ происхожденіемъ человѣка отрицается идея его паденія, а съ идеею паденія неразрывно связана идея искупленія. Обвинительная власть не рѣшилась однакожь возразить противъ появившагося въ русскомъ переводѣ сочиненія Дарвина. И какъ же могло бы быть иначе? Какимъ срамомъ покрыли бы мы себя передъ Европою, передъ нашимъ ближайшимъ потомствомъ, еслибы заградили входъ въ Россію epochemachende творенію одного изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего времени? Честь и хвала и нашей обвинительной власти, и нашимъ судамъ, что они рѣшаются скорѣе отступить передъ традиціоннымъ закономъ, доживающимъ, впрочемъ, послѣдніе дни, нежели явиться обскурантами.

Но если положеніе обвинительной власти и суда въ подобныхъ процессахъ не лишено нѣкотораго героизма и самопожертвованія, то положеніе адвокатовъ является по истинѣ достойнымъ всякаго сожалѣнія и исполненнымъ комизма. Обвинительная власть начинаетъ преслѣдованіе противъ сочиненія съ религіознымъ содержаніемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно очевидно и несомнѣнно сталкивается съ ученіемъ церкви. Между тѣмъ, книга тогда только и можетъ быть спасена отъ духовной цензуры или, что̀ то же, отъ разсмотрѣнія научныхъ изслѣдованій съ православной точки зрѣнія, когда будетъ доказано, что въ ней нѣтъ ничего противорѣчащаго ученію православной церкви. И вотъ здѣсь-то начинаются тѣ безпримѣрные въ судебной практикѣ другихъ государствъ, отчаянные salto-mortale, которые вынужденъ дѣлать адвокатъ, чтобы доказать то, чего доказать никоимъ образомъ невозможно.

Недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ происходилъ процессъ по случаю изданія въ свѣтъ дворяниномъ Поляковымъ сочиненія Гартполя Лекки: «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ». Издателя защищалъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ адвокатовъ г. Спасовичъ. Г. Спасовичъ владѣетъ обширною эрудиціею и казуистъ самый опытный. Но не въ этомъ его сила. Есть много генераловъ, которые знаютъ тактику, но немногихъ генераловъ знаетъ тактика во время сраженія. Г. Спасовичъ принадлежитъ именно къ боевымъ генераламъ въ адвокатурѣ. Вѣрность взгляда, мѣткость удара— несомнѣнныя его достоинства. Онъ умѣетъ быстро оріентироваться въ каждомъ новомъ положеніи, въ одно мгновеніе сообразить свои силы и силы врага, понять его слабыя стороны, и затѣмъ повести тотъ или другой бой, употребить то или другое оружіе. Рѣчи его по пріему не страдаютъ казеннымъ однообразіемъ, какъ другіе рѣчи, не представляютъ собою мертвеннаго, шагъ за шагомъ влачащагося опроверженія по пунктамъ рѣчи прокурора; онѣ всегда приспособлены къ обстоятельствамъ, разнообразны по расположенію, и бьютъ своего противника не столько мелкой полемикой, сколько идейнымъ освѣщеніемъ цѣлаго предмета.

Но что̀ можетъ сдѣлать самый даровитый адвокатъ, когда закономъ исключается всякая возможность защиты? По закону всѣ сочиненія, касающіяся догматовъ христіанской религіи, должны, какъ мы уже сказали, подлежать духовной цензурѣ. Книга Лекки, раскрывая исторію возникновленія и вліянія раціонализма въ Европѣ, во многихъ мѣстахъ касается не только вообще догматовъ христіанской вѣры, ихъ значенія и вліянія на умственную и нравственную жизнь людей, но излагая борьбу раціонализма съ догматическимъ ученіемъ христіанства, выдѣляетъ нѣкоторые частные догматы и подробно касается, напримѣръ, ученія о бытіи злыхъ духовъ и ихъ вліяніи на человѣка, о чудесахъ, о почитаніи святыхъ мощей, иконъ и другихъ священныхъ пред-

метовъ, о первородномъ грѣхѣ, крещеніи, о церкви (о XI членѣ символа вѣры), о будущей жизни (о XII членѣ, и проч.) Такъ отозвался о книгѣ Лекки комитетъ духовной цензуры въ то время, когда свѣтскій цензурный комитетъ, усмотрѣвъ въ книгѣ предметы религіознаго содержанія, нашелъ нужнымъ предварительно узнать объ этомъ мнѣніе духовной цензуры и препроводилъ книгу на его разсмотрѣніе. Мы не знаемъ, закономъ ли предписаны эти предварительныя сношенія комитетовъ свѣтской и духовной цензуры, или они установились обычаемъ, — во всякомъ случаѣ, намъ кажется, они находятся въ противорѣчіи съ духомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, ибо они предваряютъ самостоятельное мнѣніе о предметѣ обвинительной власти, предрѣшаютъ приговоръ суда, и тѣмъ отнимаютъ послѣдніе шансы успѣха у защиты. Въ существенной части своей защиты, относящейся къ разсужденіямъ Лекки о различныхъ отдѣльныхъ догматахъ, г. Спасовичъ старался доказать, что разсужденія Лекки или не противорѣчатъ христіанскому ученію, или не касаются ученія православной церкви. Доказать и этого даже никоимъ образомъ было нельзя. Ибо антихристіанность и антиортодоксальность книги Лекки очевидна и несомнѣнна съ перваго взгляда. Г. Спасовичъ былъ поставленъ въ необходимость измышлять и хитрить, хитрить и измышлять, чтобы утвердить свои невозможные для утвержденія тезисы. При такомъ непріятномъ и утомительномъ балансированіи онъ запутался до того, что забылъ, что иконопочитаніе составляетъ догматъ православной церкви, и выслушалъ отъ предсѣдателя суда урокъ изъ православнаго катихизиса. Въ концѣ концовъ вся эта трудная механика, предпринятая г. Спасовичемъ для спасенія книги Лекки, не послужила, какъ оно и ожидать надлежало, ни къ чему. На всѣ его рѣчи обвинительная власть, держась строго буквы закона, весьма резонно замѣтила, что «большинство доводовъ защиты не можетъ имѣть къ настоящему дѣлу примѣненія, такъ-какъ рѣчь идетъ не объ относительной или безусловной истинѣ высказанныхъ въ книгѣ Лекки мыслей, а о самомъ фактѣ изслѣдованія въ книгѣ Лекки предметовъ, подлежащихъ по цензурному уставу духовной цензурѣ, независимо отъ ихъ внутренняго содержанія». Такимъ образомъ книгу Лекки въ полномъ ея составѣ судъ приговорилъ передать на разсмотрѣніе духовной цензуры.

Нѣтъ сомнѣнія, что книга Лекки не явится въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, или, по исправленіи духовною цензурою, явится въ такомъ видѣ, что никто изъ знакомыхъ съ подлинникомъ не узнаетъ сочиненія Лекки. Фактъ подобнаго отношенія къ книгѣ, въ сущности совершенно невинной и ничему не опасной, изумитъ Европу. Но мы смѣемъ утверждать, что фактъ этотъ будетъ состоять въ полномъ противорѣчіи съ тою свободою, которая у насъ дозволена относительно подобнаго рода

сочиненій и будетъ насъ компрометировать въ глазахъ иностранцевъ совершенно неправильно. Развѣ различныя геологическія, палеонтологическія, физіологическія, антропологическія книги, свободно допускаемыя у насъ къ появленію въ свѣтъ на русскомъ языкѣ, менѣе несогласны съ основными догматами христіанства и православія, чѣмъ книга Лекки? Вся разница въ томъ, что здѣсь нѣкоторые догматы перечисляются и подвергаются разсмотрѣнію. Но развѣ каждый образованный человѣкъ изъ извѣстныхъ общихъ началъ той или другой науки, несогласныхъ съ основными воззрѣніями христіанства и православія, не въ состояніи сдѣлать тѣхъ же самыхъ выводовъ? Или это очень трудно?—Намъ кажется, что относительно книгъ религіознаго содержанія существуетъ у насъ пока такое же недоразумѣніе, какое существовало вообще относительно всей печати до изданія закона 6-го апрѣля о свободѣ печати. Пока не существовало этого закона, на каждой книгѣ цензоръ писалъ: «*печатать дозволяется*». Этимъ дозволеніемъ утверждалось содержаніе книги, какъ законное, и отвѣтственность въ немъ, еслибы оно оказалось, сверхъ всякаго чаянія, въ чемъ нибудь незаконнымъ, падала косвеннымъ образомъ на правительство. Такъ дѣйствительно и смотрѣли на книги, отмѣченныя лаконическимъ: «*печатать дозволяется*». Теперь позволено выпускать книги въ свѣтъ безъ этого штемпеля, и никому въ голову не придетъ искать въ этихъ книгахъ мыслей правительства. Такъ же, мы думаемъ, нужно сдѣлать и относительно книгъ религіознаго содержанія: раздѣлить эти книги на *учительныя* относительно догматовъ вѣры, правилъ нравственности, и на *научныя изслѣдованія* о тѣхъ же предметахъ. Первыя предоставить исключительно вѣденію духовной цензуры, которой онѣ подлежали изъ древнихъ временъ; научныя же изслѣдованія передать въ вѣденіе свѣтской цензуры, на общемъ основаніи съ остальною печатью. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда никто, ни образованный, ни необразованный не пойдетъ учиться православію или христіанству у Лекки, и не поколеблется въ истинахъ христіанства или православія на основаніи тѣхъ доводовъ, которые выставляетъ онъ. Или, если такое предположеніе представляется почему нибудь неосуществимымъ, то для обсужденія книгъ подобнаго содержанія учредить, на подобіе древнихъ нашихъ духовно-свѣтскихъ, такъ-называемыхъ, *смѣсныхъ* судовъ, — судъ смѣсный: для этого въ судъ свѣтскій при такихъ процессахъ приглашать двухъ или трехъ духовныхъ лицъ для обсужденія возможной или предполагаемой опасности отъ выпуска книги въ свѣтъ. Но *непремѣнно опасности*; на основаніи этого принципа по отношенію къ православной церкви должны обсуждать книгу и засѣдающія въ смѣсномъ судѣ духовныя особы, а никакъ не на основаніи принципа полнаго согласія съ ученіемъ православія; ибо при строгомъ проведеніи послѣдняго принципа пришлось бы закрыть лавочки боль-

шей части современныхъ наукъ и воспретить всякое научное самостоятельное изслѣдованіе.

Вѣроятно, читатель находится давно уже въ немаломъ удивленіи, что я, обѣщавшій писать не болѣе, какъ скромныя замѣтки о литературныхъ явленіяхъ, ударился въ публицистику и безжалостно морю его уже нѣсколько часовъ на судебныхъ проектахъ. Да, читатель, соблазнительна эта дорожка. Пріятно какъ-то устраивать судьбы царствъ и народовъ, и, вѣроятно, еще много разъ придется вамъ терпѣть отъ моей политической мудрости. Но я васъ не обманывалъ, читатель; я впередъ сказалъ вамъ, какой литературой я буду заниматься, и вы не можете упрекнуть меня, чтобы я собиралъ свои соты не съ тѣхъ цвѣтовъ, съ которыхъ обѣщалъ.

Обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ частнымъ литературнымъ явленіямъ.

Многимъ читателямъ, конечно, памятна статья, напечатанная тому назадъ лѣтъ десять въ «Современникѣ», подъ названіемъ «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами». Статья эта написана была Добролюбовымъ по поводу введенія розогъ въ гимназіяхъ кіевскаго учебнаго округа. А такъ-какъ попечителемъ округа здѣсь былъ въ то время Пироговъ, съ согласія и благословенія котораго розга, дотолѣ гонимая, получила снова должный почетъ, то статья и была направлена главнымъ образомъ противъ г. Пирогова. Это случайное обстоятельство было причиною, что статья произвела большое волненіе и раздѣленіе въ обществѣ. Будь попечителемъ учебнаго округа и вводителемъ розги не Пироговъ, а другой кто-нибудь, нѣтъ сомнѣнія, что статья противъ розогъ въ то прогрессивное время была бы встрѣчена съ общимъ восторгомъ. Но имя Пирогова смущало всѣхъ. Вопервыхъ, имя это было вообще слишкомъ извѣстное, а вовторыхъ, Пироговъ былъ нѣкоторымъ образомъ зарею и предтечей русскаго прогресса. Всѣмъ были извѣстны и памятны его «Вопросы жизни», которые появились еще во время крымской войны и произвели сильную сенсацію въ образованномъ обществѣ. Казалось всѣмъ, что несправедливо и жестоко подвергать публичному порицанію и насмѣшкѣ человѣка, который оказалъ столько услугъ русскому обществу и который и въ данный моментъ стоялъ, во всякомъ случаѣ, во главѣ прогрессивнаго движенія. Это мнѣніе раздѣлялось нѣкоторыми и изъ лицъ, участвовавшихъ въ самомъ «Современникѣ». Они думали, что подобною рѣзкостью и, такъ сказать, неразборчивостью нападеній «Современникъ» компрометируетъ себя. Поэтому рѣшились высказанное Добролюбовымъ мнѣніе нѣсколько смягчить, интрепретируя рѣзкость его случайными обстоятельствами, что̀ дѣйствительно и исполнили, когда Добролюбовъ уѣхалъ заграницу. Но Добролюбовъ не оставилъ этого безъ вниманія. По возвращеніи изъ-заграницы, онъ исправленное привелъ въ прежній видъ и возстановилъ свою первую мысль во всей ея

силѣ. Такъ велико было ехидство этого человѣка! Чего онъ хотѣлъ? Чего добивался? Что за сладость чувствовалъ онъ, когда кусалъ другихъ? Но ехидство его не ограничивалось прогрессивными знаменитостями. Конечно, въ наше время и это большое геройство. Ибо ни одинъ пишущій филистеръ, которыхъ нынѣ расплодилось паче песку морскаго и которые всѣ падки укусить ретроградную знаменитость, чтобы стяжать такимъ легкимъ способомъ вѣнокъ прогрессивности, не рѣшится на прикосновеніе къ знаменитости не только въ родѣ Пирогова, но къ знаменитости десятаго гомеопатическаго разведенія въ сравненіи съ нимъ. Добролюбову это было ни почемъ: онъ дерзалъ на гораздо большее и ужаснѣйшее. Онъ не зналъ ни узъ крови, ни узъ свойства, ни узъ дружбы, ни, наконецъ, летературной солидарности. Принципъ, одинъ принципъ для него составлялъ все; остальное было трынъ-трава. Изъ-за него, ни мало не задумываясь, онъ могъ разстаться на вѣкъ съ братомъ, съ кумомъ, съ наилучшимъ другомъ, съ человѣкомъ, съ которымъ былъ вполнѣ солидаренъ. И это онъ могъ сдѣлать по самому ничтожному поводу, напримѣръ, за какую-нибудь случайную дворянскую выходку, за тупоумное чиновничье воззрѣніе и т. п. Это былъ ужасный человѣкъ. Я не знаю, бывали ли, кромѣ него, между россіянами подобные чистокровные принципистъ; а если и бывали, то очень немного. Ибо, согласитесь сами: кто же изъ россіянъ — людей добродушныхъ, любящихъ, снисходительныхъ, а таковы всѣ коренные россіяне, — изъ какой-нибудь мужицкой спины или изъ-за умѣреннаго употребленія розги въ школѣ, что̀ одобряется притомъ многими солидными педагогами, и тому подобныхъ пустяковъ рѣшиться разорвать всякія связи съ своимъ братомъ, кумомъ, другомъ и, наконецъ, человѣкомъ, вполнѣ съ нимъ солидарнымъ? Конечно, въ литературѣ вооружаться противъ порки мужиковъ, противъ порки дѣтей и т. п., не только прилично, но даже похвально, позволительно даже горячиться не подобнымъ вопросамъ и словесно не щадить противника, но разрывать изъ-за подобныхъ вещей священныя связи— кровныя, кумовскія, дружескія и т. п. какому россіянину не показалось бы это безуміемъ? А Добролюбовъ точно гордился такимъ безуміемъ, и замѣчательно, что своимъ вліяніемъ онъ успѣлъ, если не окончательно, попортить добрые нравы нашего общества, то временно смутить въ немъ малодушныхъ и на время поставить всѣхъ въ какое-то конфузное положеніе. Сила таланта, рѣчь, полная воодушевленія, настойчивость, насмѣшка, самая даже эксцентричность производила свое дѣйствіе. Общество невольно покорялось человѣку, который говорилъ, какъ власть имѣяй. Остальная литература поневолѣ должна была подражать ему и играть роль строгой блюстительницы принциповъ. Настало какое-то неестественное положеніе. Люди публично ис-

повѣдывали и проповѣдывали то, съ чѣмъ внутренно были вовсе не согласны.

Признаюсь, съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ отрады и самодовольнаго наслажденія переносишься изъ этого безпокойнаго времени, когда за принципъ могъ поссориться на вѣкъ другъ съ другомъ, братъ съ братомъ и т. д., въ наше, чуждое всякихъ принциповъ, время. Правда, наше время есть время скуки, апатіи, общаго филистерскаго отупѣнія; оно чуждо идеаловъ, надеждъ, стремленій, оно представляетъ собой нѣкоторымъ образомъ вонючую лужу, подернутую плѣсенью; но въ лужѣ этой мягко, тепло, спокойно. Какъ пріятно каждому филистеру валяться въ ней, обнимаясь съ своимъ другомъ или кумомъ и говорить: другъ мой! ты великій человѣкъ, и въ свою очередь слышать отъ него: да, но и ты, мой другъ, не менѣе великій человѣкъ!

Наша литература уже давно представляетъ собою литературу буржуазно-филистерскую; даже вопросы стараго времени, поднимаемые ею, она понимаетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимались они назадъ тому десять лѣтъ, напримѣръ, вопросъ о реальномъ образованіи. Нѣтъ сомнѣнія, что либерально-буржуазное общество у насъ нарождается и современная либерально-буржуазная литература есть полнѣйшій его выразитель. Не должно обманываться, когда по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ литература показываетъ анти-буржуазное направленіе; напримѣръ, заявляетъ свое сочувствіе къ коммунѣ, горячится за положеніе рабочаго класса и т. п., все это не что иное, какъ непослѣдовательность, недоразумѣніе, а иногда нѣчто и гораздо худшее этого. Надо смотрѣть на нее въ цѣломъ; всѣ ея стремленія и требованія и въ политикѣ и въ экономіи представляютъ собой полное воплощеніе политическаго и экономическаго буржуазнаго либерализма.

Говорили прежде многіе, что тѣ болѣзненныя прижиганія, которыя считалъ нужнымъ дѣлать Добролюбовъ изъ-за принциповъ даже надъ самыми близкими себѣ, вносили рознь въ литературу, производили въ ней враждебныя партіи, порождали между ними ожесточенную ненависть другъ къ другу и такимъ образомъ разъединяли немногочисленныя литературныя силы и дѣлали ихъ незначущими. Но въ нынѣшней мирной, безпринципной, едино-либеральной литературѣ вражда существуетъ гораздо сильнѣйшая, только тупая и безсмысленная. Литература представляетъ собою родъ средневѣковаго цѣха, раздѣленнаго на многочисленные кружки или мастерскія, гдѣ въ каждой мастерской сидитъ хозяинъ съ своими помощниками и производитъ извѣстное количество въ мѣсяцъ листовъ запроданной работы. Каждый изъ этихъ кружковъ замкнутъ самъ въ себѣ и пропитанъ добродушною, но тѣмъ не менѣе несомнѣнною враждою къ каждому другому кружку. Онъ враждуетъ безпричинно, без-

цѣльно, однимъ словомъ безсмысленно, такъ точно, какъ враждуютъ ни за что ни про что столяры съ лудильщиками, или съ слесарями, вообще со всѣми другими кружками мастеровыхъ, припѣвая:

Расканальи слесаря,
Воры лавочники,
Черти каменьщики.
Наши братья столяры
Удалые молодцы и пр.

На этой враждѣ лежитъ нѣчто совершенно первобытное, родовое. «Тотъ не со мной живетъ и не со мной работаетъ, — слѣдовательно онъ мнѣ *чужой*, а этотъ со мной живетъ и со мной работаетъ, слѣдовательно свой. Того я могу бранить и даже не могу не бранить, какъ бы онъ хорошъ ни былъ — ибо онъ чужой, а этого не только не могу бранить, а долженъ хвалить, какъ бы онъ дуренъ ни былъ, ибо онъ *свой*». На семъ самомъ началѣ, которое попросту можно назвать кумовствомъ, единственно и зиждутся литературныя соединенія и раздѣленія нашего времени.

Мы говоримъ все это вовсе не съ тѣмъ, чтобы унизить наше время въ сравненіи съ прежнимъ; мы только констатируемъ факты. Мы думаемъ, что прежнее время, т.-е. дѣятели его были идеалисты, мечтатели, мало знакомы были съ дѣйствительностью, оттого своими требованіями и стремленіями породили множество иллюзій и самообольщеній. Возбужденные ихъ голосомъ россіяне и кумовья, что̀, впрочемъ, почти одно и то же, вообразили себя, въ самомъ дѣлѣ, общественными дѣятелями, водрузили на своемъ знамени разные возвышенные принципы, а въ сущности, безсознательно оставались такими же милыми россіянами и кумовьями, какими были всегда. Теперь нѣтъ ни иллюзій, ни самообольщеній; литература стала въ уровень обществу, недоразумѣнія и ходули исчезли, и никому не дико, что кумъ обожаетъ или хвалитъ кума. Ибо какъ же оно и могло бы быть иначе?

При такомъ невозвышенномъ, но за то ненатянутомъ, вполнѣ откровенномъ и реальномъ положеніи можно жить не только очень безпечально, но, нѣкоторымъ образомъ, даже съ пріятностію. Ибо не нужно быть въ напряженномъ положеніи, не нужно всматриваться и разглядывать того или другого: что̀ такое онъ, и какъ, и почему?—не нужно ни запираться дома, ни шмыгать въ переулки на улицахъ отъ ходящихъ стаями неофитовъ прогресса, настойчиво требующихъ разрѣшенія разныхъ прогрессивныхъ сомнѣній и недоумѣній. Все стало просто и непринужденно, ни у кого никакихъ опасеній, чтобы не преступить какихъ-нибудь предписаній, обрядовъ, формъ наипослѣдняго прогресса, всѣ ведутъ себя, какъ подобаетъ истиннымъ россіянамъ и кумовьямъ. Однимъ словомъ, жить стало очень недурно. Вообразите же наше изумленіе и ужасъ, когда

«Бесѣда» почти по такому же случаю, по которому написаны были Добролюбовымъ *Всероссійскія иллюзіи*, подняла такой же шумъ—и противъ кого же? можно сказать, противъ своихъ кровныхъ, противъ Ю. Ѳ. Самарина и В. П. Безобразова. Мы думали, не возвращается ли уже къ намъ—чего Боже сохрани! —добролюбовское время? Опять изъ-за какихъ-то принциповъ братъ будетъ возставать на брата, кумъ на кума, другъ на друга? Опять кумовья понашиваютъ на себя разные возвышенные принципы? Опять отъ неофитовъ прогресса не будетъ отбою. Опять... Но вотъ что̀ писала «Бесѣда»: «Въ послѣднемъ засѣданіи (19-го іюня) московскаго земскаго собранія шелъ вопросъ о *волостныхъ судахъ*. Докладъ коммисіи о волостныхъ судахъ полагалъ уничтожить въ нихъ тѣлесное наказаніе, какъ *средство грубое* и *недостигающее цѣли*. Казалось бы, не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что это предложеніе будетъ принято въ такомъ собраніи, какъ московское (?!). Но нѣтъ, оно возбудило пренія, которыя показали намъ, что еще живутъ въ средѣ даже развитой части нашего общества крѣпостническія традиціи; что и въ этой средѣ встрѣчаются такіе люди, которые не находятъ ничего ненормальнаго съ новыми порядками вещей класть мужика подъ розги; что имъ желательно при уравненіи въ гражданскихъ правахъ всѣхъ членовъ *русской семьи* оставить одну изъ самыхъ гнусныхъ развалинъ умершаго порядка вещей—розги, которыя раздѣлятъ Россію на двѣ половины: Россію, свободную отъ порки, и Россію, несвободную отъ порки. Разскажемъ въ немногихъ словахъ суть преній по поводу розогъ. Гласный изъ крестьянъ, г. Волковъ, высказалъ мнѣніе, что онъ считаетъ въ настоящее время невозможнымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе для крестьянъ по причинѣ ихъ дикости и необразованности. Розга, по его мнѣнію, будетъ удерживать крестьянъ, какъ неразумныхъ животныхъ, отъ различнаго рода проступковъ, напримѣръ, пьянства, драки. Совершенно извительно такое мнѣніе простому человѣку, быть можетъ и грамотному, но человѣку, какъ видно, не совсѣмъ развитому. За него ухватились, однако, какъ за важнѣйшій документъ, адвокаты розогъ, изъ которыхъ выдавались Ю. Ѳ. Самаринъ и В. П. Безобразовъ. Первый въ своей защитѣ порки крестьянъ выходитъ изъ того, что не чѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе въ сельскомъ классѣ населенія. Второй дошелъ до того, что если собраніе, по его словамъ, оставитъ волостнымъ судамъ право сѣчь имъ подчиненныхъ крестьянъ, то тѣмъ покажетъ свое *уваженіе къ народнымъ обычаямъ*. Мы, конечно, не станемъ разбирать мнѣнія гг. Самарина и Безобразова изъ уваженія къ логикѣ нашихъ читателей. Надобно отдать полнѣйшую благодарность гг. Голохвастову, Мусину-Пушкину, графу Уварову и Н. А. Васильчикову за ихъ горячую защиту оскорбленія человѣческаго достоинства крестьянъ; они отстояли своею оппозиціею противъ розогъ, если такъ можно выразиться, честь со-

бранія. Пренія по поводу этого несчастнаго вопроса заключились тѣмъ, что собраніе положило предоставить рѣшеніе его законодательному порядку».

Не правда ли, читатель, встревожиться было чѣмъ? Какъ!? Не пощадить даже извѣстнаго земскаго дѣятеля Ю. Ѳ. Самарина, ни даже почтеннаго академика В. П. Безобразова, который, какъ подобаетъ мужу ученому, глубокомысленно узрѣлъ въ розгѣ не остатокъ народнаго отупѣнія подъ опекою монголо-византійской опеки, а нѣкоторымъ образомъ памятникъ народнаго развитія, священный обычай, долженствующій переходить изъ рода въ родъ. Но если такіе мужи тронуты «Бесѣдою», то кого же, думали мы, она не тронетъ? Если кровные не пощажены, чего ждать *чужимъ?* Въ тяжеломъ раздумьѣ сидѣли мы надъ VII книжкою «Бесѣды» и думали: прощай покой и миръ литературы! Прощай прекрасная, мягкая, теплая лужа, въ которой покоились почти всѣ съ такимъ самодовольствомъ! Прощай пріятное взаимное возвеличиванье кумовьевъ другъ другомъ! Опять принципы... опять борьба... Опять...

Но вотъ вышла VIII книжка «Бесѣды», и снова все прояснилось. Все напечатанное относительно гг. Самарина и Безобразова въ VII № оказалось только недоразумѣніемъ, недосмотромъ. Вотъ что̀ пишетъ по этому поводу г. редакторъ «Бесѣды» въ концѣ VIII №:

Искренно сожалѣемъ, что во время отсутствія нашего, вынужденнаго домашними дѣлами, было помѣщено во «Внутреннемъ обозрѣніи», въ № VII «Бесѣды», на стр. 100 и 101, несправедливое, по нашему убѣжденію, обвиненіе гг. В. П. Безобразова и Ю. Ѳ. Самарина, которое мы вполнѣ отрицаемъ.

Въ редакціи полагали, что статья эта была нами разсмотрѣна и одобрена: но на дѣлѣ оказалось, что этой статьи мы вовсе не видали, и она была прочтена нами тогда уже, когда была напечатана.

Дѣятельность Ю. Ѳ. Самарина по крестьянскому вопросу такъ хорошо извѣстна, что всякое обвиненіе въ крѣпостничествѣ падаетъ само собою, и мы знаемъ, съ какимъ сочувствіемъ гг. Самаринъ и Безобразовъ печатно и на дѣлѣ относились къ уничтоженію крѣпостнаго права и крѣпостничества во всѣхъ его видахъ и какое горячее участіе они принимали и принимаютъ во всемъ относящемся къ нравственному и матеріальному благосостоянію крестьянъ, а потому мы не только не рѣшились бы заподозрить эти почтенныя личности въ «сохраненіи крѣпостническихъ традицій», но готовы всегда протестовать противъ подобныхъ нападеній на нихъ. Насчетъ удержанія, или отмѣны розогъ въ крестьянствѣ *по собственнымъ его приговорамъ* можно быть рознаго мнѣнія; мы думаемъ, что такая отмѣна необходима и возможна въ настоящее время, а гг. Самаринъ и Безобразовъ могутъ не соглашаться съ этимъ; но выводить отсюда какія нибудь заключенія насчетъ ихъ крѣпостническаго образа мыслей, по меньшей мѣрѣ, несправедливо и невозможно. И тѣмъ болѣе невозможно это, что, даже не зная ихъ дѣятельности по крестьянскому вопросу и ограничиваясь однѣми только рѣчами, произнесенными ими 19-го іюня въ вечернемъ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія, нельзя прійти къ такому выводу относительно ихъ образа мыслей, а тѣмъ болѣе называть ихъ «адвокатами розогъ».

Глубоко сожалѣемъ также о сказанномъ насчетъ статьи князя Черкасскаго,

помѣщенной въ «Сельскомъ благоустройствѣ» 1859-го года. Читатели этого журнала знаютъ, такъ же, какъ и мы, какимъ духомъ онъ былъ проникнутъ и какую пользу онъ принесъ крестьянскому дѣлу; извѣстна также и почтенная дѣятельностъ князя В. А. Черкасскаго по крестьянскому вопросу, а потому не могло прійти намъ и на мысль бросать грязью ни въ это изданіе, ни въ почтенныхъ его сотрудниковъ.

Дѣлая такое заявленіе, мы удовлетворяемъ требованіямъ нашей совѣсти, какъ бы ни было оно истолковано, и просимъ нашихъ читателей сказаннаго на стр. 100 и 101 «Внутреннаго обозрѣнія» № VII «Бесѣды» отнюдь не относить къ мнѣніямъ ея редакціи, которая глубоко скорбитъ о томъ, что на ея страницахъ могли найти мѣсто такія нападки противъ лицъ, заслужившихъ общее уваженіе своею дѣятельностію по крестьянскому вопросу, и тѣмъ болѣе, что редакція поставила себѣ за правило спорить о мнѣніяхъ совершенно устраняя все то, что̀ можетъ быть оскорбительнаго для противника.

Превосходно! Мы думаемъ, трудно правдивѣе и искреннѣе изобразить гнилое нутро современной литературы, чѣмъ оно изображено въ этихъ немногихъ строкахъ почтеннымъ редакторомъ «Бесѣды».

Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Все себя грязнимъ.

Здѣсь мы могли бы поставить точку и заключить на нынѣшній мѣсяцъ наши замѣтки. Но злосчастіе одного изъ тѣхъ бѣдныхъ Макаровъ, на которыхъ всѣ нападаютъ, и которыхъ никто не защищаетъ, хотя они и трудятся для блага общаго, заставляетъ насъ продолжить нашу рѣчь еще на нѣсколько минутъ. Въ прошедшихъ нашихъ замѣткахъ мы сказали, что со времени открытія новыхъ судебныхъ учрежденій уже около десятка литераторовъ сидѣли на гауптвахтѣ или въ тюрьмѣ. Эта сумма угрожаетъ теперь увеличиться.

Извѣстно, что въ Россіи писателямъ дозволяется свободно проживать, и притомъ въ какомъ угодно количествѣ, только въ обѣихъ столицахъ. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ они хотя и допускаются, но въ количествѣ очень умѣренномъ, такъ что остаются вслѣдствіе этого удобоисчислимы для начальства и публики и, натурально, не безъ нѣкотораго наблюденія со стороны того и другой. Въ небольшихъ губернскихъ городахъ, тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ городахъ, писатели рѣшительно не могутъ быть терпимы ни одной минуты. Поэтому появленіе здѣсь какого-нибудь мѣстнаго Корытникова производитъ такой же переполохъ, какой производитъ появленіе въ городѣ бѣшенаго волка, вырвавшейся изъ клѣтки гіены и т. п. Весь городъ приходитъ въ волненіе, поднимается на ноги, начинаются разслѣдованія, розыски, разузнанія подъ рукою, и когда, по тщательномъ собраніи всѣхъ свѣдѣній, Корытниковъ, наконецъ, открывается, начинается дружное выживаніе его цѣлымъ городомъ. Повидимому, въ этомъ отношеніи не подлежатъ исключенію

даже города, ближайшіе къ столицамъ, даже такой городъ, какъ, напримѣръ, Павловскъ, который въ лѣтнее время почти сливается съ Петербургомъ и въ которомъ, казалось бы, трудно было ожидать такой дикости, какую встрѣтишь въ Усть-Сысольскѣ или Пелыми. Но оказывается, что русская натура остается къ нѣкоторымъ новшествамъ равно тверда и неподатлива, на какихъ бы разстояніяхъ отъ центровъ просвѣщенія вы ее ни водворили.

Недавно въ Павловскѣ какой-то коллежскій секретарь Макаровъ вздумалъ написать статью о недостаткахъ павловской полиціи. Что̀ это была за статья, гдѣ онъ ее помѣстилъ, мы не знаемъ, но надобно полагать, что въ статьѣ не было ничего ни противозаконнаго, ни лично оскорбительнаго, ибо по напечатаніи иску противъ нея ни съ чьей стороны не послѣдовало. Но оскорбленіемъ для Павловска было уже то, что явилась статья о павловской полиціи. Начались неизбѣжныя развѣдыванія подъ рукою о томъ, кто писалъ статью,—виновникъ сдѣлался извѣстенъ, а затѣмъ послѣдствія обыкновенныя: надобно какъ-набудь выкурить его изъ города. Идетъ Макаровъ по улицѣ, на которой стоятъ и разговариваютъ три павловскіе гражданина: капитанъ 1-го ранга Эсауловъ и его друзья или знакомые, господа Дровецкій и Ширковъ. Едва г. Макаровъ съ ними поровнялся, какъ капитанъ 1-го ранга громогласно провозглашаетъ: «Господа! Слышали ли вы, что у насъ здѣсь, въ Павловскѣ, есть писатель? Очень желалъ бы я знать», прибавилъ онъ (такъ по показанію г. Макарова): «кто осмѣлился писать про павловскую полицію?» (Въ напечатанномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» процессѣ не сказано — кто такой г. Эсауловъ? Не чинъ ли это павловской полиціи?). Конечно, будь г. Макаровъ похладнокровнѣе, онъ прошелъ бы мимо, не обращая никакого вниманія на выходку капитана 1-го ранга; будь онъ понаходчивѣе, онъ могъ бы дать такой пикантный отвѣтъ на возгласъ капитана 1-го ранга, что того бросало бы каждый разъ въ краску при одномъ воспоминаніи о своей выходкѣ. Въ г. Макаровѣ не оказалось ни того, ни другого качества, и онъ вступилъ въ слѣдующее собесѣдованіе съ г. Эсауловымъ: «М. г., вы желаете знать, кто писалъ замѣчанія о павловской полиціи? Честь имѣю рекомендоваться; это я писалъ, и, въ случаѣ необходимости, впередъ буду писать». На это капитанъ 1-го ранга «грознымъ тономъ отвѣчалъ, что полиція давно старается узнать, кто осмѣливается писать противъ нея статьи, теперь же она узнаетъ и Макаровъ попадется ей въ руки». Такъ показываетъ г. Макаровъ, и есть всякая вѣроятность думать, что отвѣтъ былъ именно таковъ. Ибо когда г. Макаровъ на судѣ обратился за подтвержденіемъ этихъ словъ къ свидѣтелю г. Эсаулова, г. Ширкову, то Ширковъ, твердо помнившій все, что̀ говорилъ Эсауловъ, не отвергъ прямо и положительно этихъ словъ, а отозвался обще-

употребительнымъ при слѣдствіяхъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ словцомъ: — *не помню.*

Здѣсь оканчивается первый актъ дѣла. Предоставляемъ читателю самому разсудить: оскорбилъ ли здѣсь кто кого, и если оскорбилъ, то кто кого оскорбилъ—Макаровъ ли Эсаулова, или Эсауловъ Макарова?

Второй актъ дѣла происходитъ въ павловскомъ вокзалѣ. Г. Макаровъ подходитъ къ г. Эсаулову и говоритъ ему: «М. г., я васъ покорнѣйше прошу не приставать ко мнѣ на улицѣ». Такъ показываетъ г. Макаровъ; г. же Эсауловъ говоритъ, что г. Макаровъ говорилъ ему это самое весьма громко съ угрозою и грозилъ на него пальцемъ. Въ томъ же вокзалѣ г. Макаровъ подходилъ три раза къ инженеръ-технику Баумгартену и требовалъ, чтобы Баумгартенъ сказалъ полиціи, чтобы она къ нему не приставала за статьи о полиціи. Причемъ кричалъ и грозилъ пальцемъ. Это показываетъ или, точнѣе сказать, прописываетъ въ жалобѣ г. Баумгартенъ, ибо онъ, какъ и г. Эсауловъ, также подалъ жалобу объ оскорбленіи его г. Макаровымъ. Что̀ сказалъ г. Макаровъ противъ жалобы г. Баумгартена и вообще спрошенъ ли былъ по этой жалобѣ—неизвѣстно, ибо въ напечатанномъ процессѣ ничего объ этомъ не сказано.

Итакъ сами гг. Эсауловъ и Баумгартенъ показываютъ, что г. Макаровъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ одного просилъ— не приставать къ нему на улицѣ, а другого — сказать полиціи, чтобы къ нему не приставали за статью. Тутъ никакого оскорбленія еще нѣтъ. Вся суть обвиненія сводится, слѣдовательно, къ тому, что, по словамъ г. Эсаулова, г. Макаровъ громко говорилъ и грозилъ пальцемъ, а по словамъ г. Баумгартена,— кричалъ и грозилъ пальцемъ. Но мы ниже увидимъ, что у г. Макарова обычная манера говорить съ жестами; очевидно, что въ этомъ случаѣ гг. Эсауловъ и Баумгартенъ употребили въ жалобѣ неточное выраженіе; надобно было написать: не грозилъ пальцемъ, а дѣлалъ жесты пальцемъ. Остается только, слѣдовательно, одна вина за г. Макаровымъ, по словамъ Эсаулова, что онъ громко говорилъ, а по словамъ Баумгартена—что онъ кричалъ. Что касается до громкаго разговора, то, признаться сказать, мы даже не понимаемъ, какъ г. Эсауловъ такое обстоятельство могъ вписать въ свою жалобу въ видѣ обвиненія. Сколько намъ извѣстно, нѣтъ закономъ предписанныхъ нотъ, по которымъ долженъ бы былъ происходить разговоръ между людьми, равно какъ нѣтъ указаній и тѣхъ крайнихъ нотъ, выше которыхъ поднимать голосъ въ разговорѣ было бы преступленіемъ. Если г. Эсауловъ думаетъ, что такія ноты подразумѣваются въ законѣ по отношенію къ капитанамъ 1-го ранга, то онъ сильно ошибается. Всякій свободный человѣкъ можетъ разговаривать съ другимъ свободнымъ въ какомъ угодно тонѣ, повышать и понижать голосъ, какъ угодно: никакого тутъ преступленія нѣтъ. Вотъ крикъ — другое дѣло. Кричать

среди публики во всякомъ случаѣ неприлично, а иногда съ крикомъ можетъ быть соединено и оскорбленіе. Но кричалъ ли дѣйствительно г. Макаровъ на г. Баумгартена? Слово *кричалъ* не употребляетъ ли г. Баумгартенъ опять неточно вмѣсто *громко говорилъ?* Въ самомъ дѣлѣ, по какому уваженію г. Макаровъ сталъ бы *кричать* съ г. Баумгартеномъ, непринимавшимъ личнаго участія въ случившейся съ г. Макаровымъ исторіи, когда послѣдній даже съ главнымъ виновникомъ этой исторіи, г. Эсауловымъ, только *громко говорилъ?* Вѣроятно ли даже, чтобы г. Макаровъ, искавшій у г. Баумгартена, какъ третьяго лица, посредничества между имъ и полиціей, сталъ на него кричать? Одинъ изъ спрошенныхъ по дѣлу свидѣтелей показалъ, что г. Макаровъ не сказалъ г. Баумгартену ничего оскорбительнаго.

Такимъ образомъ, послѣ самаго тщательнаго разбора дѣла, мы видимъ, что во второмъ актѣ дѣла г. Макаровъ дѣйствовалъ, можетъ быть, безтактно, неприлично, глупо, но ни мало не преступно.

Перейдемъ же теперь къ третьему и послѣднему акту дѣла, происходящему въ камерѣ мироваго судьи.

Съ самаго начала разбирательства мировой судья, неизвѣстно почему, устанавливаетъ разницу въ обращеніи съ истцами и свидѣтелями съ одной стороны и съ отвѣтчикомъ съ другой. Съ первыми ведетъ свою рѣчь въ обыкновенномъ тонѣ, а съ г. Макаровымъ говоритъ не иначе, какъ *сурово*. Это замѣчаемъ не мы, а замѣчаетъ записывавшій процессъ для печати. Впрочемъ, еслибы онъ и не замѣтилъ этого, то это было бы для всякаго очевидно изъ самаго содержанія процесса. Такъ защищаясь противъ обвиненія г. Эсаулова, г. Макаровъ объявляетъ судьѣ, что онъ имѣетъ манеру говорить съ жестами, и что во время разговора съ г. Эсауловымъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ движеніе рукою; объясняя это, г. Макаровъ въ это же самое время по привычкѣ дѣлаетъ движеніе рукою. Судья замѣчаетъ ему: «можете говорить безъ жестовъ». Далѣе Макаровъ показываетъ, что послѣ того, какъ онъ объявилъ г. Эсаулову, что статья написана имъ, Макаровымъ, Эсауловъ отвѣчалъ ему, что «полиція давно старалась узнать, кто осмѣливается писать про нее статьи; теперь она узнаетъ и онъ, Макаровъ, попадется къ ней въ руки». Сдѣлавъ это показаніе, г. Макаровъ обращается къ свидѣтелю Ширкову съ вопросомъ: «не правду ли я говорю и не точно ли такъ говорилъ мнѣ г. Эсауловъ?» *Ширковъ*. Не помню. — *Макаровъ*. А, не помните? — *Судья*. Я васъ прикажу вывести (!!??).—*Макаровъ*. Позвольте мнѣ говорить.—*Судья*. Можете, но нельзя ли безъ жестовъ.

Какъ мы ни напрягали нашу мысль, мы никакъ не могли постигнуть, что̀ могло такъ сильно возмутить судью въ словахъ г. Макарова и заставить его произнести жестокую и грубую угрозу о выведеніи изъ камеры. Мы понимаемъ, что судья

вправѣ остановить человѣка, начинающаго говорить что-нибудь непристойное, сдѣлать ему внушеніе, составить протоколъ, наложить штрафъ, но угрожать выведеніемъ онъ можетъ развѣ только-что пьянымъ, дебоширящимъ, вообще окончательно останавливающимъ отправленіе правосудія. Признаемся, будь мы на мѣстѣ г. Макарова, мы сочли бы себя *принципіально* обязанными подать на судью жалобу объ оскорбленіи. Ибо вѣдь если одинъ судья считаетъ себя вправѣ угрожать обвиняемому, совершенно пристойно себя ведущему по отношенію къ суду, выведеніемъ изъ камеры, то другой судья, болѣе горячій, можетъ и побить обвиняемаго. Во что-жь тогда обратятся наши новые суды!?

Изъ всего доселѣ сказаннаго нами видно, что въ *первомъ актѣ* дѣла если и можно признать кого-нибудь виновнымъ, то развѣ г. Эсаулова, который первый позволилъ себѣ сдѣлать неприличную выходку. Во второмъ актѣ вина переходитъ на сторону г. Макарова, но г. Макаровъ можетъ быть обвиненъ развѣ только въ безтактности, неприличіи, а никакъ не въ оскорбленіи. Поэтому самое бо̀льшее, что̀ могъ сдѣлать судья, это, за взаимностью неприличныхъ дѣйствій, отказать г. Эсаулову въ искѣ противъ г. Макарова; за неприличіе же, относительно г. Баумгартена, сдѣлать г. Макарову внушеніе. Г. же судья, вѣроятно, подъ вліяніемъ того ужаса, которымъ объемлется всякій уѣздный городъ отъ присутствія въ немъ сочинителя, дозволилъ себѣ обращаться съ г. Макаровымъ неприлично, и, сверхъ того, приговорилъ г. Макарова — horribile est dictu — къ аресту на три недѣли при царскосельской тюрьмѣ (!!??).

Мы остановились долѣе, чѣмъ хотѣли, на дѣлѣ, повидимому, очень незначительномъ. Но въ самомъ дѣлѣ оно вовсе не такъ незначительно, какъ представляется съ перваго взгляда. Вопросъ идетъ здѣсь объ отношеніи новыхъ судовъ къ свободѣ прессы. Что администрація и полиція во многихъ мѣстахъ Россіи относятся къ свободѣ прессы дико,—это переносить еще можно. Но нельзя потерпѣть, когда на тотъ же путь выступаютъ новые суды. Интересы печати и новыхъ судовъ въ существѣ дѣла такъ солидарны между собою—и, къ счастью, это доселѣ сознается всѣми лучшими о̀рганами новыхъ судебныхъ учрежденій—что со стороны печати было бы преступленіемъ, еслибы она пропускала безъ вниманія тѣ уклоненія, которыя позволяютъ себѣ нѣкоторые мало-толковые о̀ргаиы суда.

шествовать. Вы знаете (тутъ она стала говорить поанглійски), у насъ невозможно препятствовать, если дѣвушка хочетъ выйти замужъ. Но я (тутъ она возвысила голосъ) сопровождаю ее не только какъ мать, но и для того, чтобы дать графу объясненія относительно неслыханной лжи, которая заключается въ его письмѣ.

Ея голосъ дрожалъ, она не могла продолжать.

— Какой лжи? спросилъ Эрвинъ, хотя не громче того, какъ говорилъ обыкновенно, но тонъ его показалъ мистриссъ Форстеръ, что ея слова произвели впечатлѣніе.

— Что будто бы мой покойный мужъ былъ возлюбленнымъ графини и отцомъ Артура. У меня есть въ рукахъ бумаги, которыя докажутъ ему и всему свѣту, что никогда честь человѣка не была оскорблена болѣе безчестнымъ образомъ.

— Этотъ незнакомецъ былъ вашъ покойный мужъ? спросилъ Эрвинъ.—И *не* отецъ *ему*! воскликнулъ онъ, глядя на мистриссъ Форстеръ съ невообразимымъ удивленіемъ. Въ эту самую минуту онъ сообразилъ, какое огромное вліяніе эта новость будетъ имѣть на Артура. — Но гдѣ найти Артура? Онъ только-что хотѣлъ сдѣлать этотъ вопросъ, когда вошелъ скульпторъ.

— И такъ будемъ ихъ ждать, сказала мистриссъ Форстеръ холодно, выслушавъ молодого человѣка.

— Подождите! воскликнулъ Эрвинъ, и увлекъ ее къ окну:— не говорите Артуру сегодня вечеромъ ни слова о его заблужденіи!

— Какъ приходитъ вамъ въ голову, возразила мистриссъ Форстеръ, отступая на шагъ и смѣривъ Эрвина сверкающимъ взглядомъ:—приказывать мнѣ въ дѣлѣ, касающемся чести моей и моего мужа?

Изъ бѣшеной запальчивости, съ которою былъ данъ этотъ отвѣтъ, Эрвинъ увидалъ, въ какомъ умственномъ настроеніи находилась мистриссъ Форстеръ. Но вѣдь это было самое худшее, что̀ можно было предполагать: потерять Эмми, которая будетъ принадлежать Артуру, и даже не возстановить чести своего мужа простымъ объясненіемъ съ глазу на глазъ. Она требовала немногаго, но отказъ въ этомъ имѣлъ для нея громадное значеніе.

Поэтому Эрвинъ весьма мягко отвѣчалъ на ея слова:

— Вы не поняли меня, это не приказанія, уважаемая мистриссъ Форстеръ.—какое право я имѣю на нихъ,—но просьба *сегодня вечеромъ* не говорить Артуру ни о чемъ, только что сообщенномъ мнѣ.

— Не пройдетъ получасу, воскликнула мистриссъ Форстеръ:— и графъ узнаетъ, кто онъ!

— Вы читали его письмо къ Эмми? спросилъ Эрвинъ съ холодною сдержанностью, которая была теперь совершенно кстати.

— Да, разумѣется.

— Вы согласны, чтобы Артуръ сдѣлался мужемъ вашей дочери?

— Я не могу этому помѣшать.

— Хорошо, такъ я вамъ говорю, что если вы сегодня вечеромъ безъ приготовленія сообщите Артуру тѣ новости, которыя тяготятъ вашу душу, то онъ, можетъ быть, спокойно выслушаетъ васъ, но, можетъ быть, также онѣ сдѣлаютъ на него такое впечатлѣніе, что вы будете считать себя на вѣкъ разрушительницею счастья вашей дочери. А теперь, прибавилъ онъ:—не считайте это ни просьбою, ни приказаніемъ, а откровеннымъ мнѣніемъ человѣка, который, какъ вамъ извѣстно, ничего не желаетъ *для себя* отъ васъ, вашей дочери и Артура.

Мистриссъ Форстеръ молчала.

— Вѣроятно, Эмми уже сказала ему это, проговорила она нѣсколько времени спустя.

Въ эту минуту они услышали за дверью голосъ Эмми.

— Уважаемая мистриссъ Форстеръ, сказалъ Эрвинъ:—теперь скажу вамъ послѣднее слово: вы можете дѣлать, что̀ хотите, такъ же, какъ и я. Если вы не обѣщаете мнѣ теперь не говорить Артуру ничего по крайней мѣрѣ сегодня вечеромъ, то я теперь же навсегда распрощусь съ вами.

Артуръ и Эмми вошли въ комнату.

— Я обѣщаю, сказала мистриссъ Форстеръ.—Все равно, сегодня или завтра, прибавила она и пошла на встрѣчу парѣ, приближавшейся къ ней подъ руку.

— Простили ли вы меня? сказалъ Артуръ, и оставивъ Эмми, старался обѣими руками взять руку ея матери.

— Я буду откровенна, сказала мистриссъ Форстеръ. — Если-бы я могла приказывать, то никогда не дала бы согласія на бракъ между вами и Эмми. Но такъ-какъ тутъ перевѣсъ на сторонѣ Эмми, то мнѣ не остается ничего больше, какъ пожелать вамъ всевозможнаго счастья, и это я дѣлаю отъ всей души.

Артуръ схватилъ ея руку и хотѣлъ поднести ее къ губамъ, но она внезапно вырвала руку и поцаловала Артура въ губы. Она сама удивилась этой нѣжности. До полуночи просидѣли

всѣ вмѣстѣ. Артуръ съ Эмми вдвоемъ, а мистриссъ Форстеръ въ сторонѣ съ Эрвиномъ, которому она разсказывала то, что̀ слышала Эмми на пароходѣ; скульптора, непремѣнно собиравшагося уходить, удержали, и при лампѣ, которую предоставили въ его распоряженіе, онъ чертилъ на листѣ различные узоры.

Когда мистриссъ Форстеръ осталась почти одна съ Эмми, она спросила:

— Ну, что̀ же сказалъ Артуръ, когда ты объявила ему объ его происхожденіи?

— Я хотѣла сказать ему объ этомъ, мама, возразила Эмми:— но мнѣ показалось, будто онъ догадался, что̀ я хочу сказать, и самъ сталъ разсказывать мнѣ о себѣ, такъ что мнѣ было невозможно коснуться этихъ вещей. Онъ говорилъ мнѣ, какъ эта увѣренность въ темномъ, мѣщанскомъ происхожденіи заставила его возродиться...

— Я это знаю, перебила ее мистриссъ Форстеръ.

Эмми тоже охотно замолчала. Ей хотѣлось среди мрака и тишины думать объ Артурѣ. Какое было ей дѣло до того, считаетъ ли онъ себя сыномъ короля или мужика? Но ея мать не спала; она представляла себѣ сцену, которая произойдетъ, когда скажетъ графу правду.

XL.

Когда на другое утро Эмми вошла въ гостиную, для него уже былъ приготовленъ сюрпризъ. Мистриссъ Форстеръ, при своемъ отъѣздѣ въ прошломъ году въ Америку, поручила своему банкиру продать принадлежавшія ей вещи, и Эрвинъ, не желая допустить, чтобы какой-нибудь изъ этихъ священныхъ предметовъ попалъ въ руки профановъ, купилъ все. Теперь снова появился рояль Эмми на прежнемъ мѣстѣ, картины на стѣнахъ, столъ для цвѣтовъ у окна — каждая вещь въ томъ видѣ, какъ она оставила ее въ то время, и какъ она сохранилась въ ея воспоминаніи. Она догадалась, какимъ образомъ это произошло, и должна была признать любезную внимательность Эрвина. Однакожь, въ этомъ было что-то такое, что̀, именно вслѣдствіе воспоминанія, огорчало бы ее, еслибы она теперь не была слишкомъ счастлива для того, чтобы предаваться подобнымъ мыслямъ.

Она поблагодарила Эрвина, который, по своему старому обыкновенію, явился къ ней въ довольно раннее время дня. Но на

этотъ разъ онъ съ намѣреніемъ пришелъ пораньше и одинъ; къ этому побудилъ его разговоръ, происходившій у него съ Артуромъ. Войдя къ Артуру, чтобы пожелать ему добраго утра, Эрвинъ засталъ его снова за пересмотромъ бумагъ, оставшихся послѣ отца.

— Неужели ты, спросилъ Эрвинъ: — не можешь оторваться отъ этихъ бумагъ, которыя для тебя теперь должны бы быть совершенно чуждыми?

— Я самъ себѣ задавалъ вопросъ, возразилъ Артуръ:—что̀ побуждаетъ меня заниматься этою работой. Меня рѣшительно что-то привлекаетъ къ ней.

— Какъ-будто эти вещи касаются тебя, несмотря на все? замѣтилъ Эрвинъ.

Артуръ держалъ въ рукѣ листокъ, который только-что прочелъ.

— Выслушай только это письмо, сказалъ онъ: — и я спрошу тебя: не благодѣяніе ли это Провидѣнія, такъ совершенно и вполнѣ чувствовать себя чуждымъ этой фамиліи? Повидимому, прибавилъ онъ съ ироніей: — что я потерялъ не только отца въ мужѣ моей несчастной матери, но что при этомъ случаѣ я потерялъ также и брата.

— Какимъ это образомъ? вскричалъ Эрвинъ и схватился за листокъ.

— Позволь мнѣ только прочесть, отвѣтилъ Артуръ, и началъ читать письмо, содержаніе котораго дѣйствительно было странно.

Какой-то молодой человѣкъ, воспитывавшійся насчетъ графа, благодарилъ его за оказанныя ему до сего времени благодѣянія, но потомъ, точно это было только формальнымъ введеніемъ, вдругъ переходилъ въ запальчивый тонъ, объявлялъ, что его отвергли, оскорбили, обманули и проч., что̀ только внушала ему страсть, и открыто заявлялъ притязаніе, чтобы его признали сыномъ графа. Судя по году, выставленному на письмѣ, онъ былъ пятью или шестью годами старше Артура, о которомъ онъ упоминалъ, называя его по имени, и съ которымъ онъ, повидимому, считалъ себя равноправнымъ. Не одно только это письмо было такого содержанія, но и многія другія, лежавшія тутъ же.

— У тебя есть по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, замѣтилъ Артуръ:—что ты не отобралъ у этого претендента никакого имущества, такъ что теперь это тебя уже рѣшительно не касается. Такимъ образомъ все имѣетъ свою хорошую сторону.

— И однако же мнѣ болью въ сердцѣ отзывается его без-

помощная запальчивость, сказалъ Артуръ: — и меня волнуетъ даже то, что я держу въ рукахъ это письмо. Кто знаетъ, можетъ быть, мы часто встрѣчались съ нимъ. По крайней мѣрѣ онъ встрѣчалъ меня, и, можетъ быть, тайкомъ часто смотрѣлъ на меня, тогда какъ я и не подозрѣвалъ этого.

— Мнѣ кажется, это все равно, замѣтилъ Эрвинъ. — Тебѣ нечего тревожиться судьбою человѣка, который въ сущности имѣетъ на твои чувства не больше правъ, какъ и всякій другой, вмѣстѣ съ милліономъ людей, которые, конечно, болѣе заслуживаютъ участія.

Говоря это, Эрвинъ теперь рѣшилъ про себя тотчасъ же отправиться къ мистриссъ Форстеръ и убѣдить ее всѣми возможными доводами, не дѣлать предположенныхъ ею открытій Артуру, пока этотъ послѣдній, согласно своему намѣренію, которое одобрялъ и Эрвинъ, не поселится окончательно въ Америкѣ, и не будетъ такимъ образомъ удаленъ отъ всѣхъ европейскихъ впечатлѣній.

Эрвинъ, разумѣется, ничего не сказалъ Эмми объ этомъ вновь открытомъ приращеніи ея будущей фамиліи. Онъ сообщилъ о немъ только одной мистриссъ Форстеръ. Она выслушала его совершенно въ другомъ настроеніи, чѣмъ наканунѣ. Личность Артура произвела на нее въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе. Она начала съ того, что выразила это. Онъ, повидимому, сдѣлался настоящимъ человѣкомъ и она надѣется, что можетъ поблагодарить промыслъ за его пути. О планахъ Артура относительно Америки она не высказала ничего, обѣщала только сказать то, что̀ касалось оправданія ея покойнаго мужа, такъ-какъ практически соображала возможность встрѣтиться съ неизвѣстнымъ братомъ Артура, и показывала во всемъ такъ много доброй воли, что Эрвину не оставалось ничего болѣе желать; и наконецъ, когда все оказалось въ порядкѣ, онъ нашелъ, что можетъ отложить въ сторону свои опасенія и предосторожности.

Онъ сидѣлъ въ гостиной, старыя времена проносились передъ нимъ и возставало будущее. Кто думалъ теперь о немъ? Никто не видѣлъ мыслей, съ которыми онъ смотрѣлъ на устроивающееся счастіе Артура и Эмми.

Эмми ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и перелистывала книги, которыя она нашла лежащими на старомъ мѣстѣ. Она подошла къ Эрвину.

— Я очень многимъ обязана вамъ, сказала она.

— Я еще разъ говорилъ съ вашею матерью относительно

той тайны, отвѣчалъ Эрвинъ.—И вы также не скажете ничего, покамѣсть не будете увѣрены въ своемъ дѣлѣ?

— Въ какомъ дѣлѣ? спросила она, улыбаясь.

— Въ томъ, что Артуръ совершенно сжился съ новыми обстоятельствами, что онъ совершенно безучастно относится къ прошлому и что онъ только думаетъ о будущемъ, отвѣчалъ Эрвинъ.

— Изо всего прошлаго мы будемъ помнить только васъ, нашего лучшаго друга, сказала Эмми.—Нѣтъ, и вы также не оставите насъ, продолжала она, оживившись. — Не отправитесь ли вы съ нами?

Какъ ни незначительна была эта фраза, но она подѣйствовала благодѣтельно на Эрвина.

— Что касается до меня, сказалъ онъ: — то черезъ три недѣли, такъ-какъ раньше нельзя справиться, я провожу васъ съ Артуромъ на желѣзную дорогу и вы отправитесь въ Швейцарію, можетъ быть въ Монтрё, гдѣ можно такъ отлично провести послѣдніе осенніе дни, прежде чѣмъ отправиться въ Италію, а потомъ вы въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ четверней, переѣдете черезъ Симплонъ, къ каштановымъ лѣсамъ Ломбардіи и дорогою вспомните, что обѣщали часто писать, и напишете хоть одинъ разъ коротенькое письмо изъ Генуи, въ которомъ скажете, что будете писать подробно изъ Флоренціи, а во Флоренціи вы будете слишкомъ много думать о Римѣ, въ Римѣ о Неаполѣ, а въ Неаполѣ о Моунтэнвилѣ, а черезъ годъ я, можетъ быть, снова получу письмо... и онъ замолчалъ. Эмми сидѣла, слушая его; каждое слово казалось ей сладостной музыкой и она глубоко задумалась. То, чего Эрвинъ касался слегка, представлялось ей очаровательнымъ сновидѣніемъ.

— Я слишкомъ счастлива, сказала она, когда онъ смолкъ.— Я иногда думаю, что это невозможно.

— Почему невозможно? возразилъ онъ.—Милліоны ожидали этого счастія и нашли его.

— Не такъ много счастія, какъ я, тихо проговорила она. Онъ ничего не отвѣчалъ. Вошелъ Артуръ. Эрвинъ распрощался: ему было очень много дѣла въ эти первые дни.

Артуръ не замѣтилъ, что гостиная приняла свой прежній видъ. Онъ все разсматривалъ по привычкѣ, но не подумалъ, что въ теченіе года здѣсь жили другіе люди. Онъ забылъ и о письмахъ, оставшихся дома, въ ту минуту, какъ увидалъ Эмми. Онъ ходилъ по комнатѣ точно въ тѣ дни, когда онъ впервые познакомился съ своею невѣстой, почти два года тому назадъ.

Онъ говорилъ, что надо отыскать священника, который сдѣлалъ бы оглашеніе, и т. д., но только вечеромъ замѣтилъ, что остался при однихъ намѣреніяхъ. Но какъ бы въ наказаніе за это, онъ нашелъ дома повѣстку, съ приказомъ—отправиться въ полкъ, впрочемъ уже находившійся вблизи города, и долженствовавшій черезъ двѣ недѣли принять участіе въ торжественномъ вступленіи войскъ въ городъ. Послѣ этой церемоніи Артуръ могъ надѣяться быть уволеннымъ. Онъ, хотя и принадлежалъ къ ландверу, но съ самаго начала, по собственному желанію и вслѣдствіе просьбъ старыхъ друзей семейства, былъ назначенъ въ дѣйствующую армію.

Непродолжительная разлука была тѣмъ чувствительнѣе, что оставалось сдѣлать многое со всѣхъ сторонъ. Мистриссъ Форстеръ въ особенности была довольна этой проволочкой. Она ничего не говорила о своихъ намѣреніяхъ, но они повидимому были обширны. У Эмми также было пропасть дѣла, хотя она и не собиралась заводиться хозяйствомъ, а только устроивала дорожный гардеробъ; она занималась всѣмъ этимъ съ большою любовью, зная что Артуръ внимательно слѣдитъ за каждою складочкою въ ея платьѣ и восхищается каждою ленточкою, которая ей къ лицу. Безъ него она почти не придавала бы этому значенія.

Такимъ образомъ прошли тѣ двѣ недѣли, и уже два раза публика въ церкви слышала съ каѳедры имена Артура и Эмми. и насталъ день, въ который побѣдоносныя войска торжественно вступили въ городъ,и Эмми, стоя съ матерью у окна, видѣла проходившаго мимо Артура. Блескъ зрѣлища, энтузіазмъ народа, ожиданіе собственнаго счастіи охватило ее, такъ что она сквозь слезы видѣла только неопредѣленныя свѣтлыя очертанія. Тутъ тоже въ первый разъ черты ея матери озарились гордою улыбкою. Артуръ, сражавшійся и раненый при Садовой, могъ стать рядомъ съ ея сыномъ, мужемъ и отцомъ. Одно только возмущало ее—что онъ, женясь на Эмми, не будетъ знать, кто онъ такой. Ей казалось, точно будутъ обвѣнчаны братъ съ сестрой. Это невозможно! Этого не должно быть! Но теперь никому не нужно знать, какимъ образомъ она воспрепятствуетъ этому.

А когда прошли войска и Артуръ могъ располагать собою, онъ явился немедленно. Какъ обыкновенно, онъ входилъ съ нѣкоторою застѣнчивостью, точно дитя, которое въ день рожденья, остановясь передъ отворенною дверью, не смѣетъ коснуться прекрасныхъ блестящихъ вещицъ, хотя навѣрное знаетъ, что онѣ назначены именно ему, а не кому другому. Въ немъ было замѣтно молчаливое смиреніе вмѣсто прежняго высокомѣрія,

нѣмая просьба все еще о прощеніи. Эмми никогда не могла равнодушно видѣть этого. Но ея мать ничего не замѣчала. Мистриссъ Форстеръ теперь не сказала бы ничего, еслибъ Артуръ держалъ себя гордо. Хотя она прежде и не терпѣла его потому—хотя, можетъ быть, и сама не сознавала этой причины антипатіи—что онъ въ своемъ неопредѣленномъ существованіи изображалъ Германію, которой ничто не удавалось, то теперешній громадный успѣхъ Пруссіи бросилъ свѣтъ и на него. И онъ являлся ей однимъ изъ представителей этой націи, сдѣлавшей такъ много. Мистриссъ Форстеръ въ послѣднее время была слишкомъ занята своими собственными мыслями, такъ что даже и во время пребыванія въ Богеміи не могла интересоваться происходившими передъ ея глазами историческими перипетіями. Мало по малу она освоилась съ сознаніемъ общаго положенія дѣлъ и въ эти дни торжества она въ первый разъ явственно поняла все. Рано утромъ она вышла изъ дому, чтобы вблизи посмотрѣть на парадъ, а передъ городскими воротами увидать головы первыхъ полковъ, которые стояли тамъ цѣлые часы въ ожиданіи, увѣнчанные и окруженные людьми, несшими цвѣты. Они слушали, говорили, ѣли, пили и были наполнены тѣмъ единственнымъ чувствомъ побѣды, которое по прошествіи пятидесяти лѣтъ въ Пруссіи было испытываемо въ первый разъ. Она не уставала смотрѣть и слушать, и ночью въ проливной дождь ей вздумалось ѣхать по улицамъ и любоваться иллюминаціей, во время которой потоки воды, лившіеся съ неба, не мѣшали ни огнямъ, ни людямъ.

Въ эти дни у Артура оставалось только урывками нѣсколько короткихъ мгновеній для Эмми. Теперь, наконецъ, удалось ему освободиться. Но онъ все еще носилъ военный мундиръ и хотѣлъ въ немъ вѣнчаться: онъ былъ слишкомъ гордъ и доволенъ въ этомъ видѣ для того чтобы не сохранить эту, столь много напоминающую ему, форму по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда онъ уѣдетъ изъ Германіи вмѣстѣ съ Эмми. Да и для мистриссъ Форстеръ было рѣшительно удовольствіемъ видѣть его въ военномъ нарядѣ. Былъ первый день изъ тѣхъ, когда онъ свободно могъ располагать своимъ временемъ. День свадьбы приближался. Черезъ двое сутокъ Эмми должна была превратиться изъ американской гражданки въ нѣмецкую графиню. Она и Артуръ только что хотѣли начать тѣмъ, чтобы наполнить добрую часть этого времени разговорами, для которыхъ она уже такъ долго напрасно ожидала удобной минуты, какъ вошла мистриссъ Форстеръ. Она объявила, что по случаю удивительно прекрасной погоды Эрвинъ прислалъ экипажъ, пред-

лагая обществу сдѣлать маленькую прогулку передъ обѣдомъ, и что, по ея мнѣнію, слѣдуетъ привести въ исполненіе эту превосходную мысль.

Ни Эмми, ни Артуръ хорошенько не знали, для чего Эрвинъ прислалъ экипажъ и почему мистриссъ Форстеръ почувствовала такое сильное желаніе ѣхать съ ними кататься, такъ-какъ легко было угадать, что имъ пріятнѣе было бы остаться наединѣ. Впрочемъ, вѣдь мистриссъ Форстеръ могло придти желаніе видѣть ихъ обоихъ при себѣ передъ столь продолжительной разлукой. Такимъ образомъ и Эмми и Артуръ объявили съ радостью, что они готовы, всѣ сѣли въ удобный большой экипажъ Эрвина, вновь купленный вмѣстѣ съ дорогими лошадьми, которыми Эрвинъ въ особенности былъ доволенъ. Мистриссъ Форстеръ рѣшила, куда именно ѣхать, и экипажъ покатился.

Въ этотъ день Артуръ не вспоминалъ о томъ, какъ онъ сидѣлъ такимъ же образомъ въ экипажѣ противъ графини и ея внучки. Эмми одна наполняла собою всѣ его мысли. Повременамъ онъ смотрѣлъ на широкія поля, на которыхъ бархатъ молодыхъ озимыхъ посѣвовъ раскидывался до опушки темныхъ сосновыхъ лѣсовъ, окутанныхъ синимъ осеннимъ туманомъ. Онъ думалъ о томъ, что за ними лежитъ югъ; Эмми предавалась той же мысли, они сообщили ее другъ другу взглядами и оба улыбнулись.

— Стой! вскричала вдругъ мистриссъ Форстеръ.

Артуръ очнулся отъ задумчивости и оглядѣлся вокругъ, такъ-какъ онъ не обращалъ вниманія на дорогу, по которой ѣхали.

— Поѣзжай направо! воскликнула мистриссъ Форстеръ.

— Эта дорога ведетъ къ нашему прежнему имѣнію, уже проданному, сказалъ Артуръ, указывая на проселочную дорогу съ глубокими колеями отъ колесъ, врѣзавшимися въ сырой песокъ.

— Поѣзжай туда, повторила мистриссъ Форстеръ кучеру.

— Мама, сказалъ Артуръ, взглянувъ на часы: — будетъ поздно.

— А почему поздно? туда доѣхать—не болѣе часу, а если мы опоздаемъ, то найдемъ тамъ что-нибудь поѣсть. Не правда ли, Эмми?

Артуръ значительно взглянулъ на Эмми. Но она не поняла его. Для нея всякая дорога казалась хороша, лишь бы Артуръ былъ съ нею.

— Я не знаю, сказалъ онъ:—мнѣ кажется, что мы не найдемъ тамъ ничего пріятнаго.

— Вы въ своемъ письмѣ такъ много писали о домѣ, сказала мистриссъ Форстеръ.—Мнѣ очень интересно видѣть его.

— Милая мама, возразилъ Артуръ, теперь уже болѣе рѣшительнымъ тономъ:—мнѣ было бы почти успокоеніемъ, еслибы мы не поѣхали по той дорогѣ.

Это былъ первый разъ, что онъ энергически противорѣчилъ мистриссъ Форстеръ. Но она, повидимому, не поняла его, такъ-какъ, точно получивъ его согласіе, приказала кучеру поворачивать на ту дорогу. Артура какъ будто рѣзануло что-то по сердцу, но онъ промолчалъ. Онъ вспомнилъ о снѣ, видѣнномъ имъ въ Берлинѣ, а потомъ подумалъ о письмѣ, судя по которому, вѣроятно, въ этомъ имѣніи родился бѣднякъ, который, увлекаясь заблужденіемъ, считалъ себя его братомъ. Но онъ не выказалъ ничего, и экипажъ покатился по сырому песку дороги.

Сперва тянулись обширныя поля, потомъ сосновые лѣса, которые сначала едва виднѣлись вдали. По мѣрѣ того, какъ ѣхали дальше, тягостное чувство, охватившее Артура, замѣнялось болѣе пріятными мыслями. Ему такъ хорошо была извѣстна дорога, и было пріятно снова увидѣть ее. Вотъ тамъ стояла одинокая и теперь сіяющая золотомъ липа, подъ которою онъ иногда отдыхалъ во время охоты. Потомъ онъ узналъ границу имѣнія: теперь онъ находился на той почвѣ, которая когда-то принадлежала ему. Озеро сверкало сквозь стволы сосенъ, потомъ начиналась широкая аллея изъ каштановъ, которыхъ корни, ложась поперегъ дороги, были причиною многихъ толчковъ для экипажа. Вонъ тамъ глубоко нависшія вѣтви, которыя, бывало, такъ часто задѣвали Артура по головѣ, когда онъ быстро проѣзжалъ верхомъ подъ ними; еще одинъ послѣдній поворотъ—и на берегу озера, открывшагося во всемъ блескѣ, показался домъ, прикрытый вѣтвями деревьевъ. Тяжесть легла на сердце Артура, когда онъ увидѣлъ его и вдохнулъ вѣявшій вокругъ лѣсной воздухъ, смѣшанный съ влажностью отъ воды. Окна дома были закрыты ставнями, по бо̀льшей части испорченными; густой слой листьевъ лежалъ на ступеняхъ крыльца; надъ дверью еще виднѣлся фамильный гербъ, вырубленный въ песочномъ камнѣ. Вотъ одичавшій садъ, котораго разросшіеся кусты высовывались сквозь черную желѣзную рѣшетку въ стилѣ рококо, точно забытые узники, которые хотятъ выйти на свободу; вотъ длинныя, гладкія стѣны хозяйственныхъ построекъ. По самому берегу озера дорога шла дальше, и, наконецъ, останавливалась передъ маленькимъ домомъ лѣсничаго, съ садомъ, подходившимъ къ водѣ. Раздался лай собаки, открылось окно,

показалась сѣдая голова, которая быстро исчезла, отворилась дверь, и старикъ, въ которомъ тотчасъ можно было признать охотника, поспѣшилъ къ экипажу, чтобы привѣтствовать Артура со всѣми знаками сердечнаго восторга.

— Нашъ дорогой, уважаемый, милостивый господинъ графъ, неоднократно начиналъ старикъ, повторяя все одно и то же, и притомъ бросая косвенные вопросительные взгляды на Эмми. Онъ едва могъ дождаться, когда господа выйдутъ изъ экипажа, чтобы распросить кучера и лакея, не молодая ли это графиня. Вошли въ комнату, немного пахнувшую табачнымъ дымомъ, но чистую, усѣлись на твердый диванъ, надъ которымъ висѣло литографическое изображеніе застрѣленнаго браконьера, и рядъ семейныхъ портретовъ, какъ въ силуэтахъ, такъ и въ дагеротипахъ. Спросили, чѣмъ угощать ихъ, прибавивъ, что есть великолѣпная дичь. Не останутся ли господа обѣдать? Артуръ и Эмми были не прочь, а мама рѣшительно желала этого. Жена лѣсничаго, между тѣмъ, окончила свой туалетъ, главнымъ образомъ состоявшій въ томъ, что она надѣла старый чепчикъ и новый передникъ. Снова начались увѣренія въ преданности и въ существованіи свѣжаго жаркого. Лѣсничій воспользовался этимъ временемъ, чтобы, наконецъ, выскочить изъ комнаты и узнать отъ кучера, что дамы страшно богаты, и что на дняхъ графъ женится на младшей изъ нихъ, что ихъ въ третій разъ будутъ оглашать завтра. Потомъ онъ убѣжалъ, чтобы назвать Эмми высокоуважаемою графинею, что̀ вызвало у послѣдней только улыбку, но не возраженіе. Затѣмъ въ кухнѣ начало что-то шипѣть и трещать, точно цѣлый быкъ былъ посаженъ на вертелъ, и мистриссъ Форстеръ присоединилась къ хозяйкѣ, хлопотавшей надъ приготовленіемъ обѣда; а между тѣмъ Артуръ съ Эмми вышли въ садикъ черезъ кухонную дверь, и пошли по дорогѣ къ водѣ, по которой Артуръ часто бѣгалъ ребенкомъ и которая, по мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, казалась ему все меньше и у́же.

У берега виднѣлась лодка на потертой желѣзной цѣпи и едва качалась, между тѣмъ какъ легкій вѣтеръ погонялъ мелкія волны на небольшіе береговые камни. Какъ часто Артуръ игралъ здѣсь, пуская на воду корабли съ парусами, или заставляя собакъ приносить куски дерева изъ воды; при каждомъ взглядѣ, брошенномъ вокругъ, передъ нимъ возставали прошлые дни.

Неподалеку отъ берега шла вокругъ озера тропинка, которая вела къ возвышенной косѣ, выдающейся противъ сада и покрытой густымъ лѣсомъ. Она прерывала часть перспективы,

но съ ея вершины представлялся великолѣпный видъ на озеро и все имѣніе. Артуръ и Эмми направились туда; дорога стала вскорѣ подниматься, такъ что съ каждымъ шагомъ видъ расширялся. Они поднимались все выше; черезъ хребетъ холма они видѣли, какъ сверкаетъ другая часть озера; вскорѣ между каштанами открылся замокъ и отразился длинными ломанными линіями въ водѣ. Въ лѣсу стали преобладать вязы, они стояли точно большіе, пестрые колокола; ихъ свѣтлые оттѣнки, сливаясь другъ съ другомъ, отражались въ озерѣ.

Артуръ и Эмми подошли къ скамейкѣ. Артуръ очень хорошо зналъ ее, такъ-какъ часто сиживалъ тутъ ребенкомъ. Теперь онъ съ невѣстой вполнѣ наслаждался миромъ, разлитымъ въ природѣ.

— Вонъ тамъ, началъ онъ, показывая рукою черезъ озеро:— два окна въ первомъ этажѣ — это комната, гдѣ я родился. Самыя давнія мои воспоминанія соединены съ нею. Я знаю, что тамъ мать носила меня на рукахъ, и что я радовался блеску воды. Я обвивался руками вокругъ бѣлой шеи матери и клалъ ей голову на плечо.

Первый разъ Эмми была совершенно одна съ Артуромъ; и теперь, когда онъ говорилъ о своей матери, и она должна была думать о своемъ отцѣ, въ первый разъ въ ней проснулось чувство, какъ невыносимо скрывать передъ нимъ тайну, которая до сихъ поръ такъ мало тяготила ее. Достаточно было совѣта Эрвина, чтобы принудить ее къ молчанію. Первый попавшійся незнакомый человѣкъ могъ заговорить съ ней и сказать: «не дѣлай этого, это повредитъ Артуру», и она послушалась бы. Съ матерью она никогда не говорила объ этомъ. Мистриссъ Форстеръ слишкомъ хорошо знала, что Эмми накинется, какъ львица, еслибы что-нибудь хоть отдаленнымъ образомъ клонилось ко вреду Артура. Но иногда самой Эмми представлялся вопросъ: неужели мы обвѣнчаемся—я съ этою тайною въ душѣ, а онъ съ этимъ заблужденіемъ? И теперь тотъ же вопросъ возставалъ въ ней, и сильнѣе прежняго. Ей казалось, что надъ ихъ союзомъ не будетъ благословенія, если она, стоя передъ алтаремъ, должна будетъ втайнѣ думать объ этихъ вещахъ.

Но Артура не слѣдовало изумлять неожиданностью. Эрвинъ сказалъ, что это могло бы быть для него ядомъ. Но теперь ей казалось, что въ этой предосторожности есть что-то унизительное. Могло ли бы что-нибудь потрясти ее самое, если она была увѣрена въ одномъ, а именно въ обладаніи Артуромъ? Эта скрытность представлялась ей сомнѣніемъ въ любви Артура. Развѣ нѣтъ

случаевъ, въ которыхъ можетъ рѣшать одно собственное сердце? Развѣ она сама не знала, что̀ ей дѣлать относительно Артура?

Она взглянула на него. Его взоры съ такимъ яснымъ выраженіемъ блуждали по озеру. Картины прошлаго проходили передъ нимъ, и онъ удивлялся благопріятному стеченію обстоятельствъ. Теперь только онъ замѣтилъ, что взоры Эмми покоились на немъ. Онъ обернулся къ ней съ вопросительнымъ видомъ.

— Не чувствуешь ли ты въ чемъ-нибудь недостатка для полнаго счастія? спросила она.

Онъ подумалъ.

— Я спрашиваю оттого, что ты придаешь такъ много значенія своему происхожденію отъ того неизвѣстнаго человѣка.

— Да, сказалъ онъ медленно, и пытливо взглянулъ на нее.

— Но вѣдь это только одно предположеніе, продолжала она.

— Развѣ Эрвинъ говорилъ тебѣ объ этомъ? воскликнулъ онъ, и по немъ пробѣжалъ точно какой-то дрожащій лучъ, который отразился и въ его словахъ.

Она не отвѣчала и потупила глаза въ землю. Неописанная грусть овладѣла ею. И онъ также сдѣлался почти мраченъ и молчалъ.

Она положила руку ему на плечо.

— Милый Артуръ, мягко сказала она:—неужели могутъ существовать мысли, которыя хоть на минуту такъ отдаляютъ тебя отъ меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Но ты говоришь правду. Я ничего не знаю объ этомъ незнакомцѣ. Но видишь ли, эта увѣренность снова подняла меня, сперва повергнувъ меня въ прахъ, и я не долженъ думать, что это ошибка.

— А еслибы это дѣйствительно было ошибкой? воскликнула она почти невольно, и казалось, будто она насильно порвала цѣпь, грозившую задушить ее.

— Эмми, милая Эмми, возразилъ онъ, и въ его голосѣ слышалось что-то умоляющее:—скажи мнѣ одно: можетъ быть, тебѣ совѣстно выходить замужъ за человѣка, запятнаннаго такимъ образомъ?

— Артуръ, сказала она:—я полюбила тебя не зная, кто ты такой, и съ первой минуты почувствовала, что это на вѣкъ.

— Ну, пусть будетъ такъ. Не отнимай у меня мысли, которой я обязанъ такъ много и которая не вредитъ никому. Пойдемъ. И онъ хотѣлъ идти дальше.

Она взглянула на него; весь ея разговоръ и мысли, которыя

онъ вызвалъ, былъ не болѣе, какъ легкое проходящее облако. Она уже болѣе не думала объ этомъ.—Останься еще на минуту, сказала она, и онъ снова сѣлъ около нея.

— Мнѣ, однако, пріятно, что я еще разъ побывалъ здѣсь, началъ онъ снова: — теперь я унесу съ собою въ Америку это послѣднее воспоминаніе.

— Почему послѣднее? спросила Эмми: — я охотно осталась бы здѣсь съ тобою.

— А помнишь ли, возразилъ Артуръ:—когда мы увидались въ первый разъ? Тогда я хвалилъ тебѣ здѣшнюю тишину, а ты едва могла понять меня. Ты всегда порывалась въ обширное пространство свѣта. Развѣ міръ не болѣе великъ и обширенъ тамъ за океаномъ?

— Чѣмъ дольше я живу въ Германіи, сказала Эмми:—тѣмъ невозможнѣе кажется мнѣ снова разстаться съ нею. Но я пойду съ тобою такъ далеко, какъ ты захочешь, прибавила она.—Но мнѣ кажется, что здѣсь меня удерживаютъ тѣни всѣхъ тѣхъ людей, которые сдѣлали такъ много великаго и прекраснаго.

— А мнѣ кажется, воскликнулъ Артуръ: — точно эти тѣни гонятъ меня прочь! Бываютъ времена, когда народами овладѣваетъ страсть къ странствованію. И во мнѣ это стремленіе дѣлается все сильнѣе. Говоря такимъ образомъ, онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и осмотрѣлся кругомъ.

Именно въ это время изъ тростника вспорхнула стая дикихъ утокъ, поднялась выше обыкновеннаго и прямо направилась въ ихъ сторону, чтобы тамъ снова опуститься. Когда онѣ приближались, то изъ кустовъ внизу раздался выстрѣлъ и двѣ птицы упали въ озеро. Артуръ также увидалъ, что какая-то собака поплыла къ тому мѣсту, гды всколыхалась вода.

— Кто это стрѣляетъ тамъ? спросилъ онъ.

— Можетъ быть лѣсникъ, отвѣчала Эмми.

— Мнѣ кажется, что теперь ему довольно дѣла дома, возразилъ Артуръ, оглядываясь.—Да это была и не его собака.

Въ то время, какъ они говорили такимъ образомъ, раздались шаги и изъ-за деревъ, образовавшихъ слѣва уголъ, появился человѣкъ съ двустволкой на плечѣ, державшій въ одной рукѣ трепетавшихъ утокъ. Собака, съ которой лилась вода, шла за нимъ.

Артуръ пристально взглянулъ на этого человѣка. Его платье было поношено, почти изорвано, но его гордая поступь совершенно сглаживала этотъ недостатокъ. Онъ чувствовалъ на себѣ взгляды Артура, но отвѣчалъ на нихъ нисколько не стѣсняясь и не измѣняя своей походки. Въ его глазахъ свер-

калъ особенный блескъ. Но, поровнявшись съ Артуромъ, онъ, однако, опустилъ ихъ и прошелъ мимо его, не поклонившись; собака остановилась, посмотрѣла на обоихъ, отряхнулась и также продолжала свой путь.

— Кто это такой? спросила Эмми.

— Должно быть, одинъ изъ надсмотрищиковъ новаго владѣльца, или что-нибудь въ этомъ родѣ, замѣтилъ Артуръ.

— Странно, сказала Эмми:—какъ я онѣмечилась. Въ Америкѣ никому не приходитъ въ голову кланяться незнакомымъ людямъ и никто также не ожидаетъ поклона. Я должна была бы привыкнуть къ этому. А теперь, когда этотъ человѣкъ прошелъ мимо и такъ странно взглянулъ на меня, не обращая, однако, на меня никакого вниманія, мнѣ показалось это оскорбительнымъ.

— Кто знаетъ, съ какими мизантропическими мыслями бѣднякъ расхаживаетъ здѣсь въ уединеніи, сказалъ Артуръ. — Пожелаемъ ему всего хорошаго и пусть онъ идетъ своей дорогой.

Этого не было надобности говорить Эмми, которая, подъ-руку съ Артуромъ, отправилась назадъ. Когда они приблизились къ домику лѣсничаго, въ ихъ чувствахъ господствовало совершенное спокойствіе.

Лѣсничій шелъ къ нимъ на встрѣчу объявить, что обѣдъ давно уже готовъ и мистриссъ Форстеръ ждетъ ихъ. Старикъ надѣлъ теперь праздничное платье — старый зеленый сюртукъ съ пуговицами, украшенными графскимъ гербомъ. При продажѣ имѣнія, онъ повѣсилъ его въ шкафъ, въ полной увѣренности, что это не болѣе, какъ временная перемѣна.

— Вотъ видишь ли, сказалъ онъ своей женѣ, чистя мѣломъ пуговицы:—вѣдь я зналъ, что господинъ графъ возвратится и что все это не болѣе, какъ безсовѣстная комедія.

Кучеръ и лакей вполнѣ соглашались съ этимъ, и первый сказалъ нѣсколько разъ про мать Эмми, что это дѣльная женщина, и что у ней недаромъ сидитъ голова на плечахъ. Мистриссъ Форстеръ ходила вездѣ и осматривала все взглядами, которые были замѣчены. Потомъ высказывались предположенія относительно свадьбы и бранили еврея, теперешняго владѣльца, который началъ свое хозяйство тѣмъ, что велѣлъ срубить нѣсколько сотъ лучшихъ дубовъ.

— Кстати, сказалъ Артуръ, обращаясь къ лѣсничему, при входѣ въ домъ: — что̀ это за человѣкъ, который стрѣляетъ утокъ здѣсь на озерѣ? Вы вѣдь, вѣроятно, слышали?

— Не знаю, господинъ графъ, отвѣтилъ лѣсничій.

Артуръ разсказалъ ему подробности. Другой, на мѣстѣ Артура, замѣтилъ бы, что лѣсничій находится въ затрудненіи.

— Вѣроятно, это кто-нибудь изъ служащихъ въ экономіи, сказалъ онъ наконецъ.

— И мнѣ показалось то же, возразилъ Артуръ.—Еслибы онъ не былъ такимъ оборваннымъ, то можно было принять его за самаго владѣльца имѣнія.

Обѣдъ всѣмъ очень понравился. Мистриссъ Форстеръ считала себя точно въ гостяхъ у своихъ дѣтей. Послѣ обѣда она отправилась къ хозяйственнымъ постройкамъ, велѣла позвать главнаго управляющаго, который, услыхавъ ея имя, съ величайшею вѣжливостью шелъ рядомъ съ нею, водилъ ее всюду, куда она приказывала, давалъ отвѣты на ея вопросы съ явнымъ стараніемъ показать себя человѣкомъ дѣльнымъ. Артуръ сидѣлъ въ садикѣ и смотрѣлъ на озеро. Эмми, подъ видомъ сопровожденія своей матери, ускользнула отъ него, и пошла внизъ по каштановой аллеѣ. Ее тянуло къ большому дому. Ей слишкомъ живо представлялись сцены, которыя нѣкогда разыгрывались тамъ. Ей хотѣлось побывать тамъ, гдѣ былъ ея отецъ. Но ей хотѣлось пойти туда безъ Артура. Его послѣдняя просьба вызвала въ ней твердую рѣшимость изгнать изъ своей души даже воспоминаніе объ этихъ вещахъ. Она въ послѣдній разъ хотѣла уступить имъ.

Она пошла около сада и смотрѣла на перепутанные кусты. Дорожки густо заросли высокою сорною травою. Дверь оставалась полуотворенною, но ничто не влекло Эмми въ эту пустыню. Наконецъ она подошла къ дому. Она сѣла на ступенькахъ крыльца и стала всматриваться въ широкую дорогу. Она готова была бы поспѣшно уйти, потому что на нее напала прежняя тоска. Призракъ отца возсталъ слишкомъ явственно передъ нею. Ей казалось, точно онъ подходитъ къ ней и спрашиваетъ: ты хочешь взять себѣ въ мужья сына женщины, которая сдѣлала мнѣ такъ много зла? При легкомъ порывѣ вѣтра, шевелившаго вѣтвями деревъ, ей показалось, что къ ней прикасаются духи. Она вскочила. Вѣдь это тотъ порогъ, черезъ который отецъ ея переступилъ въ эту ночь! И она еще желала остаться здѣсь! Нѣтъ, ей надо отправляться въ Америку съ Артуромъ. Здѣсь она не должна распоряжаться какъ хозяйка. Да и теперь не слѣдуетъ оставаться ни одной минуты долѣе на этомъ мѣстѣ. Ей казалось, что Артуръ зоветъ ее по имени и что ей нужно идти къ нему.

И несмотря на это, съ подобными мыслями въ душѣ, она взошла по немногимъ ступенямъ, взялась за ручку двери и,

нажавъ ее, почувствовала, что она отворяется. Сама не желая, она вошла въ темныя сѣни.

Эмми знала этотъ домъ не только изъ разсказа матери: Артуръ часто описывалъ его. Она поднялась по витой лѣстницѣ съ желѣзною рѣшоткою, вошла въ залу, выходившую окнами на другую сторону; свѣтъ обильно врывался въ широкія щели ставень и открывалъ обнаженныя стѣны съ невылинявшими мѣстами тамъ, гдѣ висѣли картины. Повсюду были отперты двери, вѣроятно потому, что въ домѣ не было рѣшительно ничего и входная дверь оставалась отворенною. Эмми проходила изъ одной комнаты въ другую, вмѣсто исчезнувшей мебели тамъ и сямъ стояли у стѣнъ корзины или доски. Только одна дверь была заперта. Эмми взглянула въ замочную скважину: груда пшеницы была высоко навалена въ комнатѣ со стѣнами, покрытыми вылинявшими обоями изъ краснаго атласа. Наконецъ она вошла въ угловую комнату съ двумя окнами, выходившими въ разныя стороны. Тутъ былъ видъ на озеро, а тамъ—въ садъ, а между окнами стоялъ мраморный каминъ, на которомъ виднѣлась полусломанная японская ваза съ засохшими цвѣтами. Маленькій диванъ, приставленный къ стѣнѣ, былъ покрытъ остатками шелковой матеріи, когда-то голубой. «Вотъ въ этой комнатѣ, сказала себѣ Эмми, отецъ въ послѣдній разъ говорилъ съ графинею».

«Вотъ та дверь, говорила она себѣ дальше, въ которую онъ вышелъ». Она вошла въ нее, и разсмотрѣвъ, нашла щели, въ которыя ея отецъ видѣлъ сверкавшій свѣтъ. «А здѣсь должна была стоять кровать, въ которой спала мать мистера Смита. Это непремѣнно такъ, полъ на этомъ мѣстѣ былъ не тронутъ». Эмми хотѣла уйти, и не могла. Ужасъ, который внушалъ ей видъ всего этого, приковывалъ ее. Она сѣла на маленькій диванчикъ, точно ожидая кого-нибудь.

И дѣйствительно, она услыхала приближавшіеся шаги. Они дѣлались все громче. Она при этомъ не думала ни о чемъ. Но вотъ она вдругъ увидѣла, что вошелъ тотъ человѣкъ, который стрѣлялъ утокъ въ лѣсу. Ясно было, что онъ не ждалъ никого, и хотѣлъ быстро пройти, и можетъ быть не увидалъ бы ее, такъ-какъ шелъ опустивъ голову. Однако же, онъ замѣтилъ ее, потому, что испугавшись Эмми сдѣлала движеніе. Онъ не останавливался, но замедливъ шаги, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаживъ голову, теперь опять гордо поднятую, и сопровождая все это движеніемъ руки, которымъ хотѣлъ сказать, что проситъ не стѣсняться въ его домѣ, онъ медленно прошелъ въ другую дверь, и его шаги постепенно замерли.

Эмми не знала, что̀ съ нею. Была ли она потрясена неожиданностью или вмѣстѣ съ тѣмъ и видомъ этого человѣка? Его лицо было у нея передъ глазами. Высокій лобъ, тонкая улыбка вокругъ губъ, какое-то натянутое величіе во всей фигурѣ. И при этомъ, что-то знакомое, какъ будто она давно видѣла его.

Она вышла изъ дому. «Никогда болѣе не переступлю черезъ этотъ порогъ!» сказала она, спускаясь по ступенямъ и возвращаясь къ домику лѣсничаго.

XLI.

По дорогѣ изъ за̀мка къ домику лѣсничаго Эмми встрѣтила главнаго управляющаго и лѣсничаго, которые, увидя ее, прервали свой разговоръ и съ почтительнымъ поклономъ отошли въ сторону.

— Мать — дѣльная женщина, сказалъ инспекторъ, глядя вслѣдъ Эмми, которая легко и увѣренно шла подъ высокими деревьями, то заслоняемая тѣнью широкихъ стволовъ, то озаряемая свѣтомъ заходившаго солнца, падавшимъ сбоку. — Эта барыня, продолжалъ онъ: — только мѐлькомъ взглянула на постройки, и сейчасъ же замѣтила, что хлѣвъ для овецъ долженъ быть снесенъ на будущій годъ. Наши плуги также не нравятся ей, и она описала мнѣ одинъ такой, который непремѣнно долженъ идти глубже.

— А теперь скажите, господинъ управляющій, началъ лѣсничій, и оглянулся: — что̀ будетъ съ тѣмъ человѣкомъ въ лѣсу? Сегодня утромъ онъ передъ самымъ носомъ графа выстрѣлилъ въ утокъ, а потомъ спокойно прошелъ съ двумя птицами въ рукахъ мимо его и не поклонился.

— Это разрѣшится весьма просто, отвѣтилъ управляющій.— Какъ только графъ водворится здѣсь, то это безобразіе будетъ прекращено полицейскими мѣрами.

— Да, да, сказалъ лѣсничій, почесывая за ухомъ, такъ что шляпа его сдвинулась съ мѣста.—Вотъ, на несчастье! воскликнулъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ понижая голосъ, такъ-какъ человѣкъ изъ лѣсу шелъ по дорогѣ позади ихъ, и идя быстро долженъ былъ скоро нагнать ихъ.

Невольно лѣсничій и управляющій и на этотъ разъ немного посторонились, хотя было достаточно мѣста, чтобы обойти вокругъ нихъ. Но затѣмъ, точно разсердившись на это ненужное почтеніе, управляющій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вслѣдъ

человѣку, который уже опередилъ ихъ и крикнулъ ему: «послушайте!»

Тотъ, къ кому обращались эти слова, остановился и ожидалъ, чтобы къ нему подошли.

— Я только хотѣлъ сообщить вамъ... сказалъ управляющій.

— Говоря со мною, снимаютъ шапку, сказалъ человѣкъ изъ лѣсу, и въ упоръ посмотрѣлъ на управляющаго.

Какъ ни странно это было, но управляющій исполнилъ приказаніе, слегка приподнявъ шапку, впрочемъ, тотчасъ же оправился.

— Я только хотѣлъ сообщить вамъ, что черезъ нѣсколько дней господинъ графъ снова вступитъ во владѣніе этимъ имѣніемъ, и что если тогда будетъ продолжаться охота за его утками, дѣло можетъ принять непріятный оборотъ.

— Развѣ господинъ графъ поручилъ вамъ сказать мнѣ это? спросилъ неизвѣстный, и его глаза заблестѣли страннымъ образомъ.

— Тогда графъ уже пришлетъ вамъ кого-нибудь, кто разъяснитъ вамъ все нужное, отвѣчалъ управляющій.

— Да о какомъ графѣ вы говорите? спросилъ человѣкъ изъ лѣсу тономъ, который соотвѣтствовалъ блеску глазъ.

Управляющій хотѣлъ отвѣчать, но лѣсничій такъ чувствительно толкнулъ его въ бокъ, что это возъимѣло свое дѣйствіе. Всѣ трое нѣкоторое время стояли молча; затѣмъ лѣсничій близко подошелъ къ человѣку изъ лѣсу и сказалъ тихимъ и мягкимъ голосомъ:

— Пожалуйста, уходите!

— Да и къ чему раздражаете вы бѣдняка? обратился лѣсничій къ управляющему, когда они снова остались одни. — Вы рискуете, что онъ при подобномъ случаѣ пуститъ вамъ пулю въ лобъ, не заботясь о послѣдствіяхъ.

— Все уладится, засмѣялся инспекторъ.—Графъ и его дамы не похожи на тѣхъ людей, которые потворствовали бы подобнымъ вещамъ.

— Графъ былъ всегда добрымъ господиномъ, возразилъ лѣсничій.

— Да, онъ теперь только что возвратился изъ Богеміи, гдѣ дюжинами вѣшали людей, бѣгавшихъ съ ружьями тамъ, гдѣ не слѣдовало. А если онъ еще узнаетъ глупости этого господина...

Лѣсничій ничего не возразилъ на это. Управляющій возвратился въ свою контору, а лѣсничій пошелъ къ себѣ въ домъ.

*

Едва онъ сдѣлалъ какихъ-нибудь десять шаговъ, какъ увидалъ, что графъ быстро направляется къ нему.

— Скажите пожалуйста, лѣсничій, что̀ это за человѣкъ?

— Какой человѣкъ, господинъ графъ? возразилъ лѣсничій, очень хорошо зная, о комъ идетъ рѣчь.

— Тотъ, который встрѣтился со мною сегодня въ лѣсу и теперь въ аллеѣ? Откуда онъ? что ему здѣсь нужно? Какъ его имя?

— Господинъ графъ, сказалъ лѣсничій:—этотъ человѣкъ — сынъ камердинера вашего покойнаго батюшки, Леонгарда; можетъ быть, вы помните?

Артуръ смутно помнилъ Леонгарда. По частямъ онъ выпыталъ отъ лѣсничаго слѣдующее. Леонгардъ никогда не могъ получить отъ покойнаго графа позволеніе жениться; Леонгардъ жилъ съ дѣвушкою изъ деревни—ихъ сынъ и есть тотъ человѣкъ, о которомъ спрашиваетъ Артуръ. Покойный графъ обѣщалъ Леонгарду позаботиться объ его сынѣ; затѣмъ послѣдній былъ отданъ куда-то въ школу. Все это случилось задолго до женитьбы господина графа. Когда мальчикъ появлялся тутъ въ деревнѣ, то всѣ уже тогда дивились его высокомѣрію. Его мать, о которой также заботился господинъ графъ, была столь же высокомѣрна. Въ деревнѣ поговаривали, что Леонгардъ не былъ отцомъ мальчика; да и теперь въ деревнѣ есть множество людей, которые не вѣрятъ этому. Нѣкотораго сходства съ покойнымъ господиномъ графомъ нельзя отрицать; это, вѣроятно, и было причиною того, что̀ вообразилъ себѣ молодой человѣкъ, также какъ и всѣхъ разговоровъ. Мать его также дѣлала иногда странные намеки; молодая графиня ничего не знала, это ему извѣстно навѣрное; она также не видала мальчика. Потомъ долгое время ничего не было слышно о немъ, пока онъ не явился вдругъ послѣ смерти господина графа; тогда онъ разсказывалъ всѣмъ, что онъ — сынъ господина графа и единственный настоящій хозяинъ здѣсь, такъ-какъ имѣніе продали не спросясь его; онъ увѣрялъ, что наступитъ день, когда онъ явится здѣсь господиномъ, лишь только устроятся дѣла. Но—прибавилъ лѣсничій—у него, кажется, не совсѣмъ благополучно въ головѣ: онъ поселился въ лѣсу въ маленькомъ охотничьемъ павильонѣ, который знаетъ Артуръ; у него тамъ много книгъ и онъ читаетъ, сидя въ лѣсу; люди всѣ кланяются ему и онъ милостиво разговариваетъ съ ними; ему часто приносятъ ѣсть, иногда онъ стрѣляетъ дичь, но всегда отдаетъ ему, лѣсничему, каждую штуку, говоря, что онъ не торговецъ дичью, а стрѣляетъ потому только, что дичь—его соб-

ственность и охота служитъ ему препровожденіемъ времени; онъ часто приходитъ сюда, сидитъ у лѣсничаго, разсказываетъ безсмысленныя вещи и приходитъ въ страшную ярость, если ему противорѣчатъ; но вообще онъ хорошій человѣкъ, всѣ дѣти любятъ его, и если кто-нибудь боленъ, то онъ лечитъ и просиживаетъ ночи. И все это онъ дѣлаетъ безвозмездно; но самое худшее то... Здѣсь лѣсничій остановился, и несмотря на настоятельные разспросы Артура, не хотѣлъ сказать ничего больше.

Артуръ довольно равнодушно выслушалъ отвѣты на рядъ сдѣланныхъ имъ вопросовъ. Его обязанностью было: констатировать, дѣйствительно ли этотъ человѣкъ сынъ его бывшаго отца, въ чемъ онъ не сомнѣвался. Если это окажется справедливымъ, то онъ намѣревался возвратить ему все наслѣдство, за исключеніемъ материнскаго. Артуръ думалъ получить вѣрныя свѣдѣнія отъ директора школы, фамилію котораго онъ узналъ изъ найденныхъ писемъ и къ которому хотѣлъ отправиться на слѣдующій день. Онъ рѣшилъ, что самъ онъ никогда не увидитъ этого имѣнія, а Германію также, вѣроятно, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ. Онъ думалъ поручить кому-нибудь наблюдать за этимъ бѣднякомъ. Имъ овладѣло глубокое состраданіе и онъ рѣшился сдѣлать все, что̀ отъ него зависитъ.

Таковы были его мысли, когда онъ подошелъ съ лѣсничимъ къ его дому, гдѣ дамы ожидали его уже сидя въ экипажѣ. Жители изъ деревни собрались тутъ и кланялись ему, иные застѣнчиво, другіе радушно, а иные стояли, заложивъ руки въ карманы и совсѣмъ не кланялись. Еще разъ передъ нимъ мелькнулъ за̀мокъ съ разломанными ставнями, между тѣмъ, какъ Эмми, съ другой стороны, вглядывалась въ деревья. И быстро помчались они домой черезъ темнѣющій лѣсъ, который, какъ думалъ Артуръ, цѣлые годы напрасно будетъ ждать его возвращенія.

Но иначе думала мистриссъ Форстеръ. На другое утро ея экипажъ направился по окраинѣ парка, раскинувшагося передъ городомъ, и остановился у одной изъ изящнѣйшихъ загородныхъ виллъ. Тамъ нынѣшній владѣлецъ имѣнія, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, построилъ семейную резиденцію, въ которой онъ жилъ съ недавняго времени.

Вслѣдствіе посланной карточки, слуга возвратился съ увѣреніемъ, что господинъ баронъ сочтетъ себя счастливымъ принять госпожу. По мраморнымъ ступенямъ, устланнымъ богатыми коврами, мистриссъ Форстеръ поднялись въ первый этажъ. По-

всюду были видны фамильные гербы, сдѣланные съ изящнымъ вкусомъ изъ бронзы на ручкахъ дверей и въ другихъ мѣстахъ. Ее встрѣтилъ баронъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Эти господа рекомендовались ей въ качествѣ отца и сына. Отсутствіе сходства между ними было поразительно.

Младшій баронъ съ бѣглымъ многословнымъ краснорѣчіемъ объяснялъ, до какой степени онъ счастливъ, что принялъ имѣніе, такъ сказать, въ свое управленіе на нѣсколько лѣтъ, чтобы за ту же самую цѣну, за которую пріобрѣлъ его, возвратить его прежнему владѣльцу. Старшій баронъ, молчавшій до этихъ поръ, услыхавъ послѣднія слова, началъ сильно кашлять и вышелъ изъ комнаты, но потомъ вдругъ появился снова у двери и велѣлъ своему сыну спросить мистриссъ Форстеръ, можетъ ли онъ на минуту оставить ее одну. Мистриссъ Форстеръ утвердительно кивнула головой.

— Но, мой милый мальчикъ, вскричалъ онъ, отведя своего сына въ третью комнату:—я, право, не знаю, зачѣмъ ты *этимъ* людямъ бросаешь деньги, такъ сказать, подъ ноги?

— Если я хочу бросать, такъ и могу, возразилъ его сынъ Гвидо съ величайшимъ хладнокровіемъ, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это вмѣшательство своего пріемнаго отца въ его собственное дѣло.

— Но развѣ ты не видишь, Барухъ, вскричалъ баронъ:—что эта госпожа заплатила бы вдвое, еслибы ты этого потребовалъ?

— Меня зовутъ не Барухомъ, отвѣчалъ сынъ не безъ нѣкотораго достоинства:—и я говорю вамъ, что это такія вещи, въ которыхъ вы ничего не понимаете.

Молодой баронъ въ послѣднюю войну дѣлалъ самыя щедрыя пожертвованія на лазареты, находился при арміи по провіантской части, и при этомъ случаѣ испыталъ даже личныя опасности, въ которыхъ, по общему признанію, онъ велъ себя хладнокровно и мужественно и чувствовалъ себя совершенно достойнымъ своего новаго титула.

— Какъ это — ничего не понимаю? вскричалъ баронъ съ сильнѣйшимъ раздраженіемъ.

— Слушайте, что̀ я вамъ скажу, отвѣчалъ молодой баронъ.— Такъ-какъ я теперь вашъ сынъ, за мои чистыя деньги, а вы— мой отецъ за мои чистыя деньги, и я относительно васъ, какъ и относительно всякаго другаго, всегда исполняю свои обязанности посредствомъ своихъ чистыхъ денегъ, и сверхъ того заплатилъ за васъ кое-какіе долги, единственно потому, что такъ мнѣ хотѣлось, и вы пользуетесь моимъ экипажемъ, что̀

не входило въ наши условія,—то точно также я могу *подарить* имѣніе графу, если захочу, да и дѣйствительно подарилъ бы, еслибы только онъ пожелалъ.

— Что? закаркалъ баронъ.

— Разумѣется, еслибы это доставило мнѣ удовольствіе. Я лучше знаю, что̀ прилично моему званію, за которое я заплатилъ довольно дорого. Я не куплю ничего, не зная какія обязанности налагаетъ на меня покупка. Для этого я слишкомъ реаленъ. И я говорю вамъ: неприлично такому барону, какъ я, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о старомъ графскомъ родовомъ имѣніи, брать даже полпроцента барыша, и еслибы я могъ получить 50 процентовъ, то я ихъ не взялъ бы. Обо мнѣ не должны говорить, что я торгую имѣніями. А теперь позвольте мнѣ покончить *мое* дѣло, *вы* не пострадаете отъ этого.

Между тѣмъ какъ старый баронъ, покраснѣвшій какъ ракъ, стоялъ, засунувъ обѣ руки въ карманы, изъ которыхъ въ одномъ находился ключъ отъ дома, а въ другомъ находилось нѣсколько золотыхъ монетъ, которыя только вчера далъ ему сынъ, Гвидо вернулся къ мистриссъ Форстеръ, извинился (говоря, что его задержали кое-какія семейныя дѣла), набросалъ на листкѣ англійской почтовой бумаги купчую, подписалъ, получилъ подпись мистриссъ Форстеръ и увѣрилъ, что самымъ большимъ для него удовольствіемъ будетъ—когда-нибудь отправиться въ имѣніе и лично убѣдиться, что все возвращено въ такомъ же хорошемъ состояніи, какъ было принято. (О пятистахъ стволахъ проданнаго дубоваго лѣса онъ не упомянулъ въ эту минуту).

Когда затѣмъ мистриссъ Форстеръ простилась, онъ свелъ ее подъ руку съ лѣстницы, при чемъ, проходя черезъ комнаты, дѣлалъ разныя замѣчанія: что вотъ эта вещь и та сдѣлана въ Парижѣ, что она изъ чистаго серебра, а объ одной картинѣ—что она куплена за 48,000 франковъ въ Бельгіи на аукціонѣ, посредствомъ надбавки противъ 47,500 франковъ, которые предлагалъ одинъ лондонскій домъ, и что одинъ извѣстный художникъ— у него часто бываютъ обѣды для художниковъ и ученыхъ—объявилъ, что эта картина—настоящій перлъ. Мистриссъ Форстеръ слушала это съ искуснымъ вѣжливымъ удивленіемъ, не бросивъ ни одного взгляда на картину. Она имѣла, наконецъ, бумагу въ карманѣ и думала только объ Артурѣ.

Такъ-какъ онъ получалъ теперь изъ ея рукъ документъ, посредствомъ котораго онъ вновь былъ объявленъ господиномъ своей прежней собственности, то онъ долженъ былъ тотчасъ же услыхать то, безъ сообщенія чего Эмми не могла сдѣлаться его женою. Для избѣжанія всякихъ споровъ относительно рѣ-

шенія, котораго, какъ чувствовала мистриссъ Форстеръ, положительно ничто не могло измѣнить, она до сихъ поръ нарочно не упоминала объ этомъ предметѣ, и даже дѣлала видъ, что она уже больше и не думаетъ о немъ. Наконецъ наступила минута, когда она могла доставить себѣ послѣднее удовольствіе въ жизни, которое она считала себя вправѣ *требовать*. Она думала, что человѣкъ, подобный Артуру, о которомъ она съ каждымъ днемъ составляла себѣ болѣе высокое мнѣніе, не можетъ смутиться извѣстіемъ, что онъ законный сынъ своего отца. Если онъ прежде придавалъ этому слишкомъ большое значеніе, то почему бы его гордости высокимъ происхожденіемъ не принять надлежащихъ размѣровъ? Все говорило въ пользу этого разумнаго предположенія. Мистриссъ Форстеръ не низко цѣнила преимущества благороднаго происхожденія. Она сама, принадлежа къ одной изъ лучшихъ фамилій Америки и выйдя замужъ за нѣмецкаго выходца, испытала въ свое время на себѣ послѣдствія неравнаго брака, который ей съ трудомъ простили въ ея семьѣ. Потребовались цѣлые годы для того, чтобы загладить это неравенство. Только благодаря энергическимъ усиліямъ ея ума и превосходнымъ качествамъ Форстера, имъ въ первое время удавалось отстоять свою позицію во всѣхъ мелочныхъ и незамѣтныхъ атакахъ, дѣлаемыхъ противъ нихъ невидимымъ врагомъ, о нападеніи на котораго нечего было и думать.

Теперь Эмми приготовлялась точно къ такому же шагу. По мнѣнію ея матери, должно было сдѣлать двѣ вещи: вопервыхъ, дать вѣсъ титулу Артура въ Нью-Йоркѣ; вовторыхъ,— относительно ея самой и Эмми, — занять въ Германіи такое положеніе, чтобы ихъ не считали только богатою партіей, и ничѣмъ больше. Мистриссъ Форстеръ имѣла слишкомъ много опытности для того, чтобы не знать, какъ мало значатъ весьма часто дворянское званіе и высокое положеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и того, какъ много они иногда значутъ. Она понимала намѣреніе, по которому Артуръ отказывался отъ своего титула. Но позволить Артуру явиться въ Америкѣ подъ именемъ мистера Артура, между тѣмъ, какъ нью-йоркское родство сейчасъ узнало бы, кто онъ такой, — это значило бы открыть путь самымъ страннымъ предположеніямъ и исторіямъ. Никто не счелъ бы благоразумнымъ, если Эмми, будучи полунѣмкою по своему происхожденію, вышла замужъ за нѣмца, который вмѣсто того, чтобы пользоваться въ своемъ отечествѣ приличными его званію преимуществами, сталъ бы жить въ Америкѣ, въ качествѣ частнаго лица, неимѣющаго занятій. Мистриссъ

Форстеръ хорошо видѣла, что Артуръ никогда не сдѣлается американцемъ, въ томъ смыслѣ, какъ былъ американцемъ ея покойный мужъ. Подумали бы, что какой-нибудь тайный скандалъ держитъ его вдали отъ отечества. Поэтому Артуръ долженъ былъ остаться тамъ, гдѣ онъ былъ, а Эмми, въ качествѣ его жены, должна была занять достойное ея положеніе. По этимъ соображеніямъ, мистриссъ Форстеръ начала съ того, что купила прежнее имѣніе Артура, для себя же торговала другое, а также домъ въ городѣ, который она устроитъ con amore въ теченіе слѣдующей зимы. Тогда Артуръ постарался бы, въ качествѣ знатнаго частнаго лица, составить себѣ положеніе. Ближайшее будущее представляло довольно случаевъ для вступленія на политическое поприще, и услыхать объ этомъ теперь и узнать въ то же время, что онъ законный сынъ своихъ родителей, должно быть, въ виду столь блистательной будущности, только пріятно энергическому молодому человѣку, сражавшемуся при Садовой. Таковы были соображенія, которыми были заняты мысли мистриссъ Форстеръ, на пути ея къ Артуру, котораго она просила ожидать ее въ этотъ день, въ опредѣленное время, у себя дома.

Когда Артуръ и Эмми сидѣли въ это утро вдвоемъ, обсуждая свой маршрутъ, то замокъ съ озеромъ и лѣсомъ, и человѣкъ съ утками были совершенно ими забыты. Передъ Артуромъ лежали карты и гиды, и дѣло шло о томъ: ѣхать ли черезъ Бреннеръ, или черезъ С.-Готардъ въ Миланъ. Принесли узелъ; въ немъ было завернуто дорожное платье Эмми, которое она должна была надѣть завтра послѣ вѣнца. По ея приказанію, его тотчасъ же унесли въ другую комнату: Артуръ не долженъ былъ его видѣть прежде времени. Эмми играла шнурками англійскихъ ботинокъ изъ свѣтло-желтой кожи, съ толстыми подошвами, подбитыми желѣзными гвоздями; этими ботинками она любовалась вчера, когда видѣла ихъ въ окнѣ магазина, а сегодня нашла ихъ у себя въ комнатѣ.

— Какія успокоительныя мысли возбуждаетъ такая прочная кожаная работа, сказала она.—Повидимому, ничто не можетъ разорваться или испортиться.

А потомъ, взглянувъ на подошву, она вспомнила о швейцарскихъ горахъ. Она съ Артуромъ хотѣла остаться дня на два въ Люцернѣ; это уже было рѣшено. Она мысленно видѣла себя тамъ съ Артуромъ ходящею по горамъ; ей казалось, что она дышетъ тамошнимъ свѣжимъ воздухомъ. Ей казалось, что она съ высоты, черезъ скалы и сосны, смотритъ на озеро внизу; по немъ издали приближается пароходъ, со стороны города,

котораго дома сверкаютъ какъ бѣлоснѣжныя точки въ прозрачномъ воздухѣ. Она слышала шумъ вѣтра между сосновыми вѣтвями; видѣла, какъ подплываютъ облака такъ близко, что ихъ можно осязать: все это она уже испытала, но одна, безъ Артура. Теперь она хотѣла во второй разъ насладиться всѣмъ этимъ, съ нимъ вмѣстѣ.

— Артуръ! воскликнула она, съ восторгомъ глядя на него:— о чемъ ты думаешь?

Ей казалось, что онъ долженъ былъ видѣть передъ собою то же самое, что̀ видѣла она.

— Самое лучшее было бы, сказалъ онъ: —еслибы мы оставили въ сторонѣ Швейцарію и Италію, и прямо отправились бы въ Моунтэнвиль. Что̀ можетъ быть лучше, какъ ѣхать съ тобой на кораблѣ, въ уединеніи моря? Что̀ можетъ быть лучше лѣса передъ домомъ Упльсона? Свѣтъ въ Европѣ кажется мнѣ обветшавшимъ и затасканнымъ, точно книжка съ картинками, которую перелистывали слишкомъ много рукъ.

— Какъ хочешь, сказала Эмми.—Оставимъ это до завтра, и тогда рѣшимъ. Тогда ты будешь господиномъ и будешь имѣть право приказывать.

Говоря это, она улыбнулась и покраснѣла.

Послѣ этого Артуръ замѣтилъ, что ему пора уходить, и позаботиться о разныхъ вещахъ. Ему нетерпѣливо хотѣлось отыскать директора школы. Они разстались. Эмми пошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежалъ узелъ съ ея платьемъ. Она открыла его и развернула платье: платье это было шелковое, коричневаго цвѣта. Она набросила его на себя, посмотрѣлась въ зеркало, надѣла дорожную шляпку, которая лежала уже тамъ въ готовности и, для дополненія иллюзіи, надѣла перчатки и взяла въ руки дорожникъ. Такъ она прошлась два раза по комнатѣ и вдругъ, сама не зная почему, залилась слезами, бросила книгу и сѣла, громко всхлипывая, и закрывъ глаза платкомъ. Она хотѣла снова сбросить съ себя платье: ей казалось, что, несмотря на всю невинность этого маскарада, она посредствомъ его впередъ наслаждалась счастіемъ, которое теперь недосягаемо для нея. И однако, какъ скоро пришла эта печаль, такъ же скоро явилось и утѣшеніе: она услыхала голосъ Артура, раздававшійся съ улицы черезъ отворенное окно. Она какъ молнія бросилась къ окну и увидала Артура съ Эрвиномъ, въ самомъ веселомъ разговорѣ, внизу у дверей гостиницы. Она видѣла, какъ люди проходили мимо ихъ и какъ дамы оглядывались на нихъ. Она такъ понимала это, и нашла

бы совершенно естественнымъ, еслибъ никто не пошелъ дальше, очарованный видомъ Артура.

Эрвинъ посмотрѣлъ наверхъ и поклонился первый, потомъ и Артуръ увидѣлъ ее, и взгляды тѣхъ людей, которые случайно глядѣли на него, также приняли это направленіе. Артуръ сговаривался съ Эрвиномъ, въ которомъ часу имъ сойтись въ отелѣ къ обѣду. Потомъ Эрвинъ уѣхалъ въ своемъ экипажѣ, между тѣмъ какъ Артуръ, еще разъ взглянувъ на Эмми, также пошелъ своей дорогой. Онъ открыто и весело смотрѣлъ людямъ въ глаза и соображалъ, какимъ образомъ онъ объявитъ о своей свадьбѣ. Не объявить ли ему о ней какъ о свадьбѣ просто мистера Артура, не ожидая въ Германіи, что̀ скажутъ объ этомъ?

«И если я когда-нибудь возвращусь подъ именемъ мистера Артура, то доставлю себѣ удовольствіе явиться къ старой графинѣ въ Силезію», думалъ онъ далѣе, какъ иногда бываетъ въ мысляхъ, которымъ мы иногда предаемся, зная, впрочемъ, навѣрное, что онѣ никогда не осуществятся. Но затѣмъ, чѣмъ ближе Артуръ подходилъ къ дому директора, котораго квартиру онъ отыскалъ, онъ началъ болѣе и болѣе думать о цѣли своего посѣщенія. Въ умѣ его явилась мысль: нельзя ли извѣстнаго человѣка переселить въ Америку, чтобы излечить его нравственно,—какъ меня? мысленно прибавилъ Артуръ. Затѣмъ имъ овладѣли другія мысли. Онъ проходилъ мимо дома, въ заднемъ флигелѣ котораго онъ такъ долго жилъ. Квартира оставалась еще за нимъ и старая кухарка снова жила теперь тамъ: вѣдь она могла остаться тамъ на всю жизнь, среди графскаго хлама. Не забѣжать ли ему туда на минуту? Онъ былъ уже въ воротахъ, какъ спертый, столь ему знакомый воздухъ двора, пахнулъ ему въ лицо и онъ пошелъ назадъ. По немъ пробѣжала дрожь. Старуха могла придти къ нему въ отель и тамъ проститься съ нимъ и съ графиней. Съ графиней! Какъ это странно! Сейчасъ еще онъ мечталъ о мистриссъ Артуръ, которую хотѣлъ представить старой аристократкѣ въ Силезіи; когда же дѣло зашло о кухаркѣ, то слово «графиня» само представлялось ему.

Артуръ былъ въ такомъ настроеніи, что ему не хотѣлось портить утра никакими непріятными мыслями; самый визитъ его къ директору показался ему ненужнымъ. Что̀ важнаго могъ ему сообщить директоръ школы? Ему было все равно, кто бы ни былъ жившій въ имѣніи человѣкъ; о немъ можно было позаботиться не собирая свѣдѣній о его прошломъ. Сегодня Артуру не хотѣлось слышать ничего грустнаго. Эти мысли

остановили руку, которую онъ поднялъ, чтобы взяться за ручку звонка у двери директора. Но онъ превозмогъ себя, и во всемъ, что онъ узналъ отъ старика, не было ничего возбуждающаго непріятныя мысли.

«Это былъ прекрасный, талантливый и добрый мальчикъ, — разсказывалъ директоръ, — его помѣстили въ качествѣ пансіонера къ одному изъ нашихъ учителей. Графъ ввелъ его подъ именемъ сына своего умершаго камердинера, о которомъ онъ обѣщалъ имѣть попеченіе. Я пожелалъ узнать, для какого поприща онъ назначаетъ его. «Къ поприщу образованнаго человѣка и слуги государства, отвѣчалъ вашъ отецъ. Пусть ничего не жалѣютъ для него; графъ намѣренъ ввести молодого человѣка въ лучшее общество. Хотя его отецъ и не составилъ себѣ никакого состоянія, но графъ принимаетъ на себя воспитаніе его и дальнѣйшую заботу о немъ въ самомъ обширномъ смыслѣ». Такимъ образомъ, благополучно прошли первые годы. Филиппъ учился отлично и въ его манерѣ было что-то непринужденное, такъ-сказать, аристократическое, даже гордое.

«Онъ былъ уже во второмъ классѣ,какъ однажды послѣ каникулъ, во время которыхъ онъ гостилъ въ имѣніи у графа,— что случалось весьма рѣдко, — онъ возвратился въ школу въ странномъ состояніи духа. Онъ казался совершенно измѣнившимся, — былъ мраченъ, задумчивъ, раздражителенъ. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался небрежнымъ въ работѣ и невнимательнымъ во время классовъ. Я не буду васъ утомлять описаніемъ усиленія подобнаго состоянія его, короче—дѣло дошло до сценъ, наказаній, разслѣдованій, которыя сначала повели только къ оговоркамъ и пустымъ обѣщаніямъ исправиться. Но однажды въ воскресенье, когда я отвелъ его въ сторону и сталъ допытываться, онъ, заливаясь слезами, съ величайшимъ довѣріемъ признался мнѣ, что изъ разсказовъ людей въ деревнѣ онъ навѣрное узналъ, что онъ сынъ не камердинера, а самаго графа. Послѣдній не позволялъ камердинеру жениться, прибавилъ директоръ, и Филиппъ былъ его незаконный сынъ. Родные его матери, которой тогда уже не было въ живыхъ, набили ему голову этими идеями.

«Мнѣ не удалось успокоить его. Его новый способъ держать себя сталъ, наконецъ, такъ невыносимъ, что я счелъ своею обязанностью поговорить съ графомъ. Вашъ батюшка пріѣхалъ ко мнѣ и мы говорили съ нимъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Я замѣтилъ ему, что моя обязанность требуетъ — сообщить ему объ этихъ вещахъ, чтобы, въ случаѣ нужды, при-

искать другое мѣсто для молодого человѣка, съ которымъ я не могу сладить.

«Вашъ батюшка взялъ съ меня слово, что я не употреблю во зло его довѣрія, разсказавъ мнѣ слѣдующее. Но такъ-какъ вы его сынъ и наслѣдникъ и совершеннолѣтній, то я могу вамъ передать эту тайну.

«Камердинеръ вашего батюшки былъ его братъ, мать этого камердинера была крестьянка въ деревнѣ; отсюда происходило необыкновенное довѣріе, которое вашъ батюшка имѣлъ къ этому человѣку, и заботливость объ его сынѣ. Одного только онъ не дозволялъ Леонарду, именно не позволялъ ему жениться, чтобы не было побочной линіи. Вашъ отецъ признался мнѣ, что теперь онъ отъ души сожалѣетъ объ этой жестокости, и поэтому тѣмъ болѣе чувствуетъ свою обязанность относительно молодого человѣка. Таково дѣйствительное положеніе дѣла, — сказалъ мнѣ графъ, въ заключеніе, — но Филиппъ не долженъ этого знать, а чтобъ онъ сдѣлался благоразумнѣе, объ этомъ я позабочусь. Затѣмъ вашъ отецъ заперся съ Филиппомъ и у нихъ произошелъ разговоръ. На первый разъ казалось, что этотъ разговоръ подѣйствовалъ; но такъ продолжалось недолго. Разъ запавшія въ голову мысли не выходили оттуда, и вслѣдствіе этого происходили жаркія столкновенія. Дошло до того, что графъ грозилъ совершенно отказаться отъ него, но не сдѣлалъ этого. Къ этому времени относится письмо, которое вы показали мнѣ. Я почувствовалъ себя точно освобожденнымъ, когда, наконецъ, по ходатайству вашего отца, Филиппъ вышелъ изъ школы годомъ раньше законнаго срока. Съ тѣхъ поръ я ничего не слыхалъ о немъ и долженъ признаться, что былъ этому радъ. Было больно видѣть, какъ эта богато-одаренная, откровенная, живая натура измѣнялась шагъ за шагомъ, подъ вліяніемъ пагубнаго заблужденія, требовавшаго удовлетворенія гордости и высокомѣрія, такъ что для этой натуры не предвидѣлось ничего кромѣ несчастія и погибели.

— Господинъ директоръ, скажите мнѣ откровенно, прервалъ Артуръ: — когда графъ разсказалъ вамъ о происхожденіи Филиппа, повѣрили ли вы ему?

Старикъ пожалъ плечами. Было слишкомъ естественно, что и ему давно уже приходили въ голову тѣ же самыя сомнѣнія, хотя графъ сказалъ совершенную правду. Собесѣдники пожали другъ другу руки и разошлись. Артуръ воротился домой, чтобы ждать мистриссъ Форстеръ: ему, Артуру, у котораго нѣтъ ни капли крови отъ этой фамиліи, это должно быть все равно. Но во

всякомъ случаѣ надо позаботиться объ этомъ человѣкѣ, котораго судьба поставила на его пути. Его средства будутъ такъ велики, что ему нечего затрудняться насчетъ способа устроить дѣло. Это былъ ясный разсчетъ, итогъ, который онъ уже подвелъ въ ту минуту, когда явился лакей и доложилъ, что пришелъ лѣсникъ изъ имѣнія и хочетъ лично переговорить съ господиномъ графомъ.

— Ну, что̀ вы скажете, лѣсникъ? встрѣтилъ его Артуръ. Ему было непріятно встрѣтиться съ человѣкомъ, съ которымъ онъ въ душѣ распрощался уже навсегда.

— Милостивый господинъ графъ, сказалъ лѣсничій: —вчера слѣдовало еще кое-что сказать.

— А что такое? нетерпѣливо спросилъ Артуръ.

— Вы, господинъ графъ, извините, это глупая безсмысленная болтовня, но все-таки лучше, если вы будете знать о ней. Это могло бы дойти до васъ другими путями, такъ я рѣшаюсь прямо сказать вамъ. Но я могу и промолчать, если вамъ не угодно выслушать.

— Сдѣлайте одолженіе, любезный лѣсничій, сказалъ Артуръ такимъ тономъ, какимъ привыкъ говорить со своими людьми, отчеканивая отчетливо каждое слово:—сообщите мнѣ безъ обиняковъ, въ чемъ дѣло.

— Съ вашего позволенія, тотъ человѣкъ въ имѣніи, который выдаетъ себя за сына покойнаго вашего батюшки, бѣгаетъ по всей деревнѣ и увѣряетъ, что вы, господинъ графъ, совсѣмъ не сынъ покойнаго графа, и что онъ хочетъ доказать это. Этакое мерзкое, подлое увѣреніе... И лѣсничій собирался доказать свое убѣжденіе въ противномъ цѣлымъ рядомъ такихъ сильныхъ выраженій, но внезапно замолчалъ, самъ не зная почему.

Артуръ поблѣднѣлъ.

— Онъ говорилъ многимъ, которыхъ вы можете позвать. — Онъ говорилъ это мельнику Шмидту, надсмотрщику Рюлигу.

— Не называйте именъ, прервалъ его Артуръ.—На это будетъ время послѣ. А покамѣсть позвольте васъ поблагодарить. Вѣдь это дѣло не спѣшное. Вотъ вамъ деньги, чтобы закусить въ Берлинѣ.

Артуръ положилъ ему въ руку пять талеровъ, и человѣкъ ушелъ. Онъ, можетъ быть, ожидалъ другого поведенія со стороны Артура. Это послѣдній увидалъ по его лицу. Но Артуру ничего не хотѣлось болѣе слушать объ этихъ вещахъ. «Мнѣ кажется, что давно пора убираться отсюда», съ горечью сказалъ онъ самому себѣ. «Если я не поспѣшу, то въ концѣ концовъ сдѣлаютъ запросъ изъ полка, требуя доказательствъ мо-

его дворянскаго происхожденія, или какой нибудь газетный корреспондентъ сжалится надъ бѣдною жертвою въ лѣсу и напишетъ о ней цѣлый рядъ чувствительныхъ статей, и нѣсколько тысячъ подписчиковъ придутъ въ волненіе». Съ немилосердною ясностью его воображеніе представляло ему сцену, какъ онъ, обрадовавшись нѣмецкой газетѣ во Флоренціи или Неаполѣ, возьметъ ее въ руки и найдетъ въ ней статью о себѣ, а за табль-д'отомъ услышитъ разговоры своихъ нѣмецкихъ соотечественниковъ, и какъ который нибудь изъ нихъ, заглянувши въ книгу для пріѣзжающихъ, вдругъ толкнетъ другого, значительно посмотрѣвъ на него, и водворяется всеобщее молчаніе.

А затѣмъ баронъ, усыновившій еврея Баруха... съ какимъ восторгомъ узнаетъ онъ объ этомъ несравненномъ скандалѣ! Если онъ продалъ свое дворянство, то продалъ покрайней мѣрѣ настоящее, неподдѣльное имущество! «Что̀ сталъ бы ты отвѣчать, спрашивалъ онъ самого себя:—еслибы передъ тобою явился баронъ? И что̀ помѣшаетъ тому человѣку, сегодня громко разглагольствующему въ деревнѣ, завтра придти сюда, ко мнѣ? А можетъ быть и сегодня? И я буду стоять передъ нимъ, какъ пойманный воръ, я долженъ сдѣлаться наглымъ и выгнать его, какъ лгуна, для того только, чтобы онъ не втопталъ меня въ грязь! Пора уѣзжать изъ Европы!»

Эти мысли дѣлались все тягостнѣе. Вѣдь объ этомъ могли завтра узнать всѣ. Въ церковь могъ пробраться этотъ человѣкъ и осрамить его во время вѣнчанія. Въ головѣ Артура мелькнуло что-то въ родѣ мысли о бѣгствѣ; вдругъ онъ услыхалъ шаги, направлявшіеся къ его двери, и онъ, будучи увѣренъ, что войдетъ человѣкъ изъ имѣнія, вскочилъ съ мѣста и уставился на дверь. Вошла мисстрисъ Форстеръ; она приблизилась къ нему, немного удивленная неподвижностью Артура и тѣмъ, что онъ такъ странно глядитъ на нее, съ минуту посмотрѣла на него и спросила:

— Что вы съ такимъ удивленіемъ глядите на меня, милый Артуръ?

— Дорогая мама, отвѣчалъ онъ, стараясь по возможности совладать съ собою: — я сегодня такъ разсѣянъ, что совершенно забылъ нашъ уговоръ, и когда вы вошли, то я вообразилъ, что случилось что-нибудь особенное.

— И такъ да будетъ это прощено вамъ, сказала мистриссъ Форстеръ и усѣлась къ столу, какъ садятся для игры въ карты или для обѣда. — Садитесь туда, милый Артуръ, сказала она. Онъ послушался и ожидалъ, что̀ будетъ. Тутъ онъ увидалъ, что мистриссъ Форстеръ вынимаетъ изъ кармана небольшую

пачку бумагъ, которыя развертываетъ, бѣгло просматриваетъ, потомъ, положивъ на нихъ руку, смотритъ на него съ такою довольною улыбкою, что Артуръ, который до послѣдней минуты не могъ освободиться отъ мысли о томъ человѣкѣ, посѣщенія котораго онъ ожидалъ, теперь успокоился на столько, что могъ предположить отсрочку предстоящей экзекуціи. Онъ видѣлъ, что у мистриссъ Форстеръ не было въ умѣ ничего имѣющаго къ этому отношеніе.

— Милый Артуръ, начала она, глядя ему прямо въ глаза съ материнскою нѣжностью:—посмотрите на эту бумагу, которая, можетъ быть, касается васъ.

— Меня? спросилъ Артуръ, взявъ изъ ея рукъ документъ, въ которомъ баронъ Гвидо и проч. объявлялъ, что принадлежащее графу Артуру имѣніе онъ продалъ ему.

— Прочитайте, сказала мистриссъ Форстеръ.

Артуръ прочелъ. Прочитавъ, онъ снова сложилъ купчую, положилъ бумагу на столъ между собою и мистриссъ Форстеръ, и сталъ смотрѣть передъ собою.

— Ну, что же? спросила она немного погодя.

Артуръ не отвѣчалъ. Онъ думалъ, что совершенно освободился отъ имѣнія и тяготился каждымъ часомъ, который безполезно проводилъ въ Германіи. Онъ хотѣлъ уѣхать. И вдругъ однимъ ударомъ эта тягость была снова навязана ему. Какое значеніе имѣло для него это имѣніе? Даже воспоминаніе о немъ было для него тягостно.

— Ну, что же? снова спросила мистриссъ Форстеръ.

— Милая мама, началъ Артуръ:—ни я, ни Эмми не думали вообще жить въ Германіи и Европѣ, а напротивъ мы хотѣли, по возможности, отрѣшиться отъ всего здѣшняго. Вы знаете, прибавилъ онъ нерѣшительно, такъ-какъ никогда ему не было невыносимѣе теперешняго касаться снова этихъ вещей:—что я не имѣю права носить то имя, которое ношу. Если я, покамѣсть, единственный самъ себѣ судья въ этомъ дѣлѣ, то оно не измѣняется нисколько этимъ обстоятельствомъ. Я не хочу основывать своего общественнаго положенія на томъ, что̀ мнѣ не принадлежитъ, тѣмъ болѣе, что я пріобрѣлъ совершенно другіе взгляды на дворянство и на все, что̀ имѣетъ съ нимъ связь.

— Дѣйствительно, другъ мой? спросила мистриссъ Форстеръ, протягивая ему руку.

— Вы сомнѣваетесь въ этомъ? спросилъ онъ, и съ улыбкой пожалъ ея руку, надѣясь, что мистриссъ Форстеръ наконецъ согласится съ его идеями и поступитъ по его желанію.

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчала она:—а чтобы вы видѣли, какъ твердо увѣрена въ этомъ, вы теперь услышите то, что̀ поразитъ васъ больше всего, что̀ вы когда либо слышали.

При этихъ словахъ легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Артура.

— Милый Артуръ, продолжала мистриссъ Форстеръ:—вамъ кажется, что вы ничего не знаете о своемъ происхожденіи? Вы считаете своимъ отцомъ неизвѣстнаго человѣка,—все это вы написали въ своемъ письмѣ. Но еслибы кто нибудь былъ въ состояніи вамъ сообщить совершенно неопровержимыя свѣдѣнія относительно этогозагадочнаго незнакомца, — свѣдѣнія, которыя могутъ быть подтверждены письмами вашей матери, находящимися у меня въ рукахъ,—такъ-что не останется никакого сомнѣнія?

Во время этого разговора они встали и медленно ходили по комнатѣ, и потомъ вышли на балконъ, на который вѣтеръ заносилъ послѣдніе опадающіе листья сосѣднихъ тополей. Услыхавъ слова мистриссъ Форстеръ, Артуръ обѣими руками схватился за балюстраду балкона. Ему казалось, что ему нужно имѣть въ рукахъ что нибудь твердое.

— Кто въ состояніи сообщить мнѣ эти свѣдѣнія? спросилъ онъ, когда мистриссъ Форстеръ перестала говорить.

Она только и ожидала этого вопроса.

— Я, милый Артуръ, отвѣчала она.—Этотъ незнакомецъ любилъ вашу мать и былъ ею любимъ, а затѣмъ она дурно обошлась съ нимъ, въ чемъ, разумѣется, горько раскаявалась. Но эта страсть относилась ко времени до ея замужества. И что этотъ человѣкъ не отецъ вамъ—это столько же вѣрно, какъ то, что Эмми вамъ не сестра. Имя его Форстеръ, и онъ былъ моимъ мужемъ, а Эмми—его дочь. Письма же, подтверждающія это, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ онъ самъ говорилъ мнѣ,—а ложь никогда не оскверняла его благородныхъ устъ,—вы прочтете завтра у меня въ отелѣ, и вы можете взять ихъ съ собой въ дорогу. Что же касается васъ самихъ, то вы настоящій наслѣдникъ своей фамиліи. Ничто не гонитъ васъ болѣе изъ Германіи и вамъ не нужно прибѣгать ни къ какимъ выработаннымъ теоріямъ, чтобъ быть счастливымъ. Ничто не можетъ быть здоровѣе правды; это былъ мой девизъ съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ.

И между тѣмъ какъ Артуръ, ничего не говоря, смотрѣлъ на нее, она начала разсказывать, въ общихъ чертахъ, то, что̀ происходило между Форстеромъ и матерью Артура.

Артуръ, повидимому, сожалѣлъ ее. Его глаза начали точно просвѣтляться отъ внутренняго свѣта. Удивительная улыбка освѣтила его лицо. Онъ глубоко вздохнулъ и выпрямился.

— Не правда ли, такъ лучше, чѣмъ играть попрежнему въ прятки? сказала мистриссъ Форстеръ, ища его руку чтобы пожать ее, что̀ Артуръ и позволилъ сдѣлать. Она начала чувствовать, что Артуръ хочетъ остаться одинъ, чтобы собраться съ мыслями. Поэтому она повторила еще разъ, касаясь пальцемъ бумаги:

— Вотъ тутъ купчая; въ 5 часовъ мы увидимся съ вами за обѣдомъ, если вы не придете раньше. Она кивнула ему головой и вышла изъ комнаты въ полномъ сознаніи, что поступила какъ слѣдовало.

Артуръ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ смотрятъ на муху, прогуливающуюся по столу; за нею вы слѣдите глазами, ничего о ней не думая. Онъ стоялъ скрестивши руки и прислонясь спиной къ столу, смотрѣлъ на полъ и тихо качалъ головой точно въ тактъ какой-то внутренней мелодіи. Онъ уже однажды стоялъ такъ въ ту минуту, которая имѣла для него большое значеніе. Теперь онъ снова прислушивался къ внутреннему голосу, принадлежавшему какой-то посторонней силѣ и нашептывавшему ему разныя мысли. Онъ думалъ объ ужасномъ позорѣ, подъ гнетомъ котораго онъ жилъ до сихъ поръ и который въ послѣднюю минуту чуть-чуть не изгналъ его какъ преступника. Каждый могъ остановить его и спросить: по какому праву онъ носитъ свою фамилію. Но теперь онъ снова могъ поднять голову,—и пусть придетъ тотъ, кто осмѣливается сомнѣваться въ его происхожденіи!—Собака! воскликнулъ онъ, думая о человѣкѣ, который осмѣлился разсказывать мужикамъ объ его, будто-бы незаконномъ рожденіи. Затѣмъ въ его памяти воскресло прощальное свиданіе съ графиней: какъ она стояла въ своемъ напыщенномъ высокомѣріи, ему слышалась перемѣна въ ея голосѣ, насмѣшливый тонъ, съ которымъ она называла его графомъ. И могла ли она найти лучшаго жениха Жозефинѣ изъ равныхъ ей по происхожденію? Онъ вспомнилъ и Жозефину, прекрасную, аристократичную, какъ она была на самомъ дѣлѣ. Его происхожденіе, говорила ему графиня, равняется милліонамъ ея внучки. Артуръ улыбнулся, подумавъ объ этомъ. Жозефина предстала передъ нимъ и смотрѣла на него, не потому что ея образъ расшевелилъ его сердце,—оно казалось совершенно мертвымъ,—но все-таки онъ видѣлъ себя равнымъ съ нею, хозяиномъ ея владѣній. Вообще въ немъ все замерло кромѣ непомѣрной гордости, которая теперь пробудилась въ

немъ. Онъ хотѣлъ занять положеніе въ странѣ—при дворѣ—передъ народомъ. Онъ хотѣлъ вновь воскресить блескъ своего стараго имени. Никто не долженъ былъ смѣть—отнестись непочтительно къ памяти его отца. Весь образъ дѣйствій этого человѣка внезапно измѣнился въ его глазахъ. Форстеръ представился ему искателемъ приключеній, котораго имѣли полное право выпроводить изъ дому, а любовь матери—мимолетнымъ дѣвическимъ увлеченіемъ! Эмми... да, Эмми! это имя наконецъ заставило его очнуться. Онъ оглянулся вокругъ. Вотъ на столѣ лежитъ купчая. Онъ присѣлъ къ этому столу. Что̀ же такое случилось? Развѣ нѣсколько часовъ тому назадъ онъ не собирался, подъ именемъ мистера Артура, отправиться въ Америку вмѣстѣ съ Эммой? а теперь онъ снова настоящій графъ и владѣлецъ стараго фамильнаго имѣнія и мечтаетъ о Жозефинѣ съ ея и своими шестнадцатью предками? Онъ ясно увидѣлъ, что̀ произошло у него въ душѣ. Онъ бросился къ двери и заперъ ее, такъ-какъ могла войти Эмми, ея мать или Эрвинъ, а ему хотѣлось спрятаться подальше отъ ихъ взглядовъ въ своемъ униженіи. Развѣ Эмми не увидитъ съ перваго взгляда, что онъ въ душѣ измѣнилъ ей? Будетъ ли онъ имѣть мужество отвергнуть это? Его измѣна не слишкомъ позорна для того, чтобы она съ перваго раза не прочла ея у него на лицѣ. И теперь ему представилась Эмми въ полномъ блескѣ, какою онъ только что видѣлъ ее; онъ представилъ себѣ ея красоту, ея вѣрность, ея вѣру въ него, — и все это могло исчезнуть изъ его памяти! Жозефина была его первою мыслію!

Онъ сидѣлъ, опершись подбородкомъ на руку, иногда качалъ головою и у него вырывались звуки смѣха. Съ иронической безпощадностью онъ анализировалъ себя самого.

А затѣмъ, сказалъ онъ самъ себѣ, достойное заключеніе. Эмми вѣдь ничего не знаетъ! Завтра свадьба. Зачѣмъ же мнѣ добровольно признаваться ей въ моей слабости? Вѣдь мы можемъ начать здѣсь графское хозяйство съ гербами и представленіями при дворѣ, можемъ послать наши карточки графинѣ въ Силезію и затѣмъ сдѣлать ей визитъ. А мой милый братецъ вмѣсто меня отправится въ Америку. И современемъ во мнѣ явятся всѣ прочія качества моего покойнаго, теперь снова родного отца и въ пятьдесятъ лѣтъ я сдѣлаюсь такимъ же высокомѣрнымъ, жестокосердымъ аристократомъ, и, кромѣ того, я еще унаслѣдую слабость характера моей матери. Онъ снова засмѣялся, но теперь иначе, нежели прежде. Представляя себѣ возможность этой будущности, онъ чувствовалъ, какъ душа его возмущается противъ нея съ такою силою, что онъ сказалъ самому себѣ:

*

«никогда этому не бывать!» И въ то же время, когда онъ понялъ это, вся его будущность, казалось ему, разрушилась: счастье и Эмми и все, что̀ было ему дорого, исчезло изъ его глазъ и имъ овладѣло отчаяніе, которое было тѣмъ сильнѣе, что теперь онъ былъ старше и опытнѣе двумя годами, чѣмъ прежде, и съ бо̀льшею ясностью сознавалъ дѣйствительное положеніе вещей.

XLII.

Мистриссъ Форстеръ мимоходомъ освѣдомилась объ Эрвинѣ. Это было какъ разъ то время, когда онъ поминутно заглядывалъ домой, чтобы позавтракать и освѣдомиться, спрашивали ли его.

— Ну, любезный докторъ, сказала мистриссъ Форстеръ, войдя въ комнату: — все въ порядкѣ.

Эрвинъ, считавшій это общимъ замѣчаніемъ, отвѣтилъ также какимъ-то общимъ мѣстомъ.

— Еслибы вы позволили мнѣ дѣйствовать сначала, то Артуръ уже давно бы зналъ то, что̀ знаетъ теперь, и всѣмъ намъ было бы лучше при этомъ.

— Что? что такое онъ знаетъ? спросилъ Эрвинъ, глядя изъ-за своей записной книжки, въ которую вносилъ кое-какія замѣтки.

— Что онъ настоящій сынъ своего отца и что имѣніе также принадлежитъ ему. Теперь со всѣмъ этимъ покончено.

Эрвинъ закрылъ свою книжку, положилъ ее къ себѣ въ шляпу и взялъ стулъ, на спинку котораго оперся.

— Извините, сказалъ онъ:—я не совсѣмъ внимательно слушалъ; Артуръ знаетъ все? Какимъ же образомъ?

— Отъ меня, отвѣчала мистриссъ Форстеръ.

— А съ которыхъ поръ?

— Я только что была у него.

— А какъ онъ принялъ это?

— Такъ, какъ я всегда ожидала. Знаете ли, любезный Эрвинъ, прибавила она:—что касается до обращенія съ мужчиной, то женщины, при всей своей обыкновенной недальновидности, иногда находятъ настоящую точку опоры.

— Ну, я даю свое благословеніе, сказалъ Эрвинъ, послѣ чего мистриссъ Форстеръ простилась съ нимъ.—Что же касается до Эмми, сказала она уходя:—то пусть Артуръ самъ сообщитъ ей эту новость. Вы знаете, она считаетъ его почти уже своею

собственностью и я на ея мѣстѣ, пожалуй, была бы недовольна на свою мать, еслибы она, не спросясь меня, позволила себѣ произвести въ моемъ мужѣ такой значительный умственный переворотъ. Ревность наслѣдственна. Она засмѣялась, и Эрвинъ, глядя на ея стройную и моложавую фигуру, долженъ былъ согласиться, что все, что̀ мѣсяцъ тому назадъ считалъ признакомъ наступающей старости и болѣзни, было только слѣдствіемъ нравственнаго напряженія, которое должно было считать оконченнымъ съ сегодняшняго дня.

Эрвинъ уѣхалъ. Чѣмъ чаще онъ вспоминалъ объ этомъ дѣлѣ въ короткіе промежутки между своими визитами къ больнымъ, тѣмъ меньше ему удавалось представить себѣ, какъ произошла сцена открытія между Артуромъ и матерью Эмми; ему казалось удивительнымъ, что все обошлось такъ гладко. Но вѣдь въ пять часовъ онъ встрѣтится у Форстеровъ съ Артуромъ, увидитъ его и поговоритъ съ нимъ. И однако онъ торопился со своими визитами, для того, чтобы по возможности еще раньше встрѣтиться съ нимъ, и такимъ образомъ онъ имѣлъ довольно времени въ экономіи.

Едва войдя на лѣстницу, онъ освѣдомился о графѣ. Ему сказали, что онъ вышелъ утромъ и еще не возвращался. Эрвинъ вошелъ въ комнату Артура. Ему бросилось въ глаза, что ящикъ въ письменномъ столѣ не запертъ и вполовину выдвинутъ и ключъ оставленъ въ замкѣ, а на маленькой цѣпочкѣ висѣли другіе ключи, которые Артуръ всегда имѣлъ при себѣ. На столѣ лежала купчая на имѣніе.

Эрвинъ испугался. Въ ту же самую минуту ему доложили о приходѣ старой кухарки Артура. Она объявила, что господинъ графъ явился нѣсколько часовъ тому назадъ въ свое старое жилище. Она думала, что онъ хочетъ привести кое-что въ порядокъ вслѣдствіе своего отъѣзда, но когда ничего не было слышно о немъ, то она взглянула въ щелку и увидѣла, что онъ сидитъ неподвижно у стола, и когда заглянула во второй разъ, то нашла его въ той же позѣ. Господинъ графъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь разстроенъ и хотѣлъ быть одинъ. Ей стало страшно, и она пришла сказать объ этомъ на тотъ случай, если не будутъ знать, гдѣ онъ.

Эрвинъ успокоилъ ее и просилъ идти назадъ, сказавъ, что дѣйствительно кое-что случилось, но что это ничего не значитъ.

— Слава Богу, сказала она.

— Я собирался ѣхать за графомъ, сказалъ Эрвинъ. — Идите домой и дайте мнѣ ключъ, такъ-какъ я буду тамъ прежде васъ.

Эрвинъ вошелъ въ комнату Артура, заперъ контрактъ и взялъ ключи. Ему такъ странно былъ взять эти ключи, которые Артуръ никогда не выпускалъ изъ рукъ, и взять ихъ себѣ, точно они никому не принадлежали. Уходя, онъ еще разъ оглядѣлся. Имъ еще сильнѣе овладѣла мысль, что Артуръ ушелъ въ разстроенномъ состояніи. Въ его комнатѣ царила какая-то мертвая тишина и пустота.

Эрвинъ пріѣхалъ на прежнюю квартиру Артура. Кухарка взяла извощика и поэтому сидѣла на верхней ступенки у запертой двери. Онъ самымъ серьёзнымъ образомъ запретилъ ей подслушивать, когда онъ будетъ въ комнатѣ Артура, вошелъ и увидѣлъ, что Артуръ сидитъ въ углу дивана, подперши голову рукою, а другою держа перчатку.

Артуръ не далъ сказать ничего Эрвину. Онъ показалъ ему перчатку.

— Она оставила ее здѣсь, вѣроятно въ тотъ вечеръ, сказалъ онъ.

Эрвинъ не обратилъ на это вниманія, усѣлся около него и взялъ его за пульсъ, который бился скорѣе слишкомъ медленно, чѣмъ слишкомъ быстро. Эрвину это не понравилось.

— Ну, что же, Артуръ? сказалъ онъ.

— Я вижу, что ты знаешь обо всемъ, отвѣтилъ тотъ.

— Разумѣется. Я зналъ объ этомъ въ первый день, когда встрѣтился здѣсь съ твоею будущею тещей, сказалъ онъ сколько возможно спокойно и равнодушно.

— А Эмми также знала?

— Знала. А если тебѣ ничего не говорили, то потому, что я настоятельно просилъ Эмми и ея мать сказать тебѣ объ этомъ не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ Америкѣ, когда ты, будучи окруженъ новою жизнью, отнесся бы равнодушнѣе къ этому прошлому. Но Богъ-знаетъ, почему мистриссъ Форстеръ прежде времени сообщила тебѣ все это, не сказавъ мнѣ ни слова и нарушивъ свое обѣщаніе.

— Пожалуй, случилось бы такъ, какъ ты говоришь, сказалъ Артуръ задумчиво.

— Да и будетъ такъ, возразилъ Эрвинъ, взглянувъ на часы.—Однако, пора намъ одѣваться, если мы хотимъ во-время попасть въ отель.

Артуръ также посмотрѣлъ на часы.

— Да, да, пора, сказалъ онъ, но не трогался съ мѣста.

— Итакъ, идемъ, сказалъ Эрвинъ, вставая и становясь передъ нимъ, какъ бы ожидая того же и отъ него.

Артуръ указалъ на портреты, висѣвшіе по стѣнамъ.

Я такъ долго оставлялъ этихъ господъ въ пренебреженіи, оскорблялъ ихъ и отказывался отъ нихъ, сказалъ онъ, вяло улыбаясь:—я не могу такъ легко уйти отсюда, какъ ты. Они могутъ разсердиться на это.

Эрвинъ сдержалъ себя.

— Развѣ ты совсѣмъ не хочешь обѣдать сегодня? спросилъ онъ совершенно естественнымъ тономъ.

— Я не могу сказать, чтобы былъ голоденъ, возразилъ Артуръ, совершенно подражая тону Эрвина. (Третье постороннее лицо подумало бы, что оба они находятся въ совершенно равнодушномъ настроеніи). — Вѣдь тебѣ легко будетъ извиниться за меня у Форстеровъ. Можно найти всегда тысячу отговорокъ.

Въ выраженіи «у Форстеровъ» было что-то странное. Эрвинъ посмотрѣлъ на Артура, котораго внутренняя безпомощность должна была просвѣчивать, какъ ни старался онъ ее скрыть.

Артуръ совершенно спокойно отвѣчалъ на его проницательные взгляды.

— Ты, вѣроятно, хотѣлъ удостовѣриться, въ порядкѣ ли мой мозгъ? спросилъ онъ глухо. — Покамѣсть—да. Скажи въ отелѣ, что у меня много дѣла и что я собираюсь перекусить гдѣ-нибудь по дорогѣ. Я пріѣду вечеромъ.

Эрвинъ сѣлъ снова и задумался.

— Ты помнишь тотъ день, продолжалъ Артуръ: — когда я прочиталъ тебѣ письмо къ Эмми и ты спорилъ со мною о громадномъ впечатлѣніи, которое произвела на меня вѣра въ того незнакомца, личность котораго теперь извѣстна? Ты тогда не понималъ, да и теперь, пожалуй, не понимаешь, что я чувствую себя отчасти несчастнымъ. Тебѣ кажется, что это что-то похожее на ревматизмъ, которое можетъ быть устранено сильнымъ движеніемъ. Но оно засѣло здѣсь!

Онъ показалъ на лобъ и грустно улыбнулся.

— Знаешь ли, что̀ было моею первою мыслью? продолжалъ онъ, когда Эрвинъ удовольствовался тѣмъ, что проницательно взглянулъ на него: — дѣтская гордость? Нѣтъ, тщеславіе! А потомъ — воспоминаніе о женщинѣ! Ты думаешь объ Эмми? Нѣтъ, о дѣвушкѣ, которую я едва знаю и совсѣмъ не люблю, изъ устъ которой я почти слышалъ, что она любитъ тебя: о Жозефинѣ, твоей кузинѣ въ Силезіи. Я вспомнилъ о ней, потому что у нея шестнадцать предковъ! Ты знаешь, какой день долженъ быть завтра; а сегодня я думаю о той, о другой, потому что ея бабушка сватала ее мнѣ, а я отказался отъ нея только потому, что не считалъ себя равнымъ ей по происхож-

денію. И теперь, узнавъ о своемъ дѣйствительномъ происхожденіи, я прежде всего подумалъ о *ней*. И это называется вѣрностью!

Эрвинъ очень хорошо помнилъ Жозефину. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ ее ребенкомъ, когда она, во время прогулки, опиралась на его руку, а потомъ онъ бѣгалъ съ ней между деревьями и, поймавъ ее, цаловалъ. Съ тѣхъ поръ онъ никогда не встрѣчался съ нею.

— Вѣдь я уже не тотъ прежній, неблагоразумный господинъ, продолжалъ Артуръ спокойно, почти медленно (Эрвинъ никогда не помнилъ, чтобы онъ говорилъ въ такомъ тонѣ).— Вѣдь я говорю себѣ, что мысли, мелькающія у насъ въ головѣ, не могутъ быть сочтены грѣхомъ. И чего только не приходитъ иногда въ голову? Напримѣръ, желаніе смерти родителямъ. Это сѣти дьявола, которыя дѣлаются пагубными только тогда, когда имъ подчиняешься и захочешь подчиниться. Я никогда этого не хотѣлъ и теперь вырвался изъ нихъ. А въ сущности, какая мнѣ до того нужда, чей я сынъ: того ли господина, — онъ указалъ на портретъ своего отца, — или другого? Это должно только радовать меня, какъ ради матери, такъ и ради отца. Жизнь сдѣлала меня человѣкомъ, и я могу жить своимъ умомъ, не выпрашивая, чтобы за меня подумали другіе; но если я понимаю, что мнѣ нужно немножко спокойствія, то и ты пойми это. Тебѣ, какъ доктору, случалось видѣть подобныя вещи, и ты поймешь это.

— Совершенно, сказалъ Эрвинъ, который съ усиліемъ старался сохранять спокойный тонъ.— Я теперь оставлю тебя одного, извиню тебя передъ Форстерами и потомъ опять явлюсь къ тебѣ. Вѣдь ты позволишь? Я спрашиваю для того, чтобы ты не думалъ уходить, во избѣжаніе встрѣчи со мною. Вѣдь тебѣ нужно спокойствіе, а я могу заѣхать и завтра. Я вполнѣ понимаю твое состояніе. Самое лучшее тебѣ не обѣдать до тѣхъ поръ, пока сильно не захочется ѣсть.

Онъ подалъ Артуру руку и ушелъ. Старой служанкѣ онъ сказалъ, что графъ занятъ, а что самъ онъ пріѣдетъ вечеромъ. Онъ ушелъ съ тягостью на сердцѣ. Надобно было выждать время и выдержать все.

Когда онъ вошелъ въ гостиную Форстеровъ, Эмми играла на фортепіано. Она любезнымъ кивкомъ головы указала ему на стулъ и продолжала играть.

Эрвину это было какъ разъ кстати. Онъ попытался проникнуться музыкой. Эмми играла почти только Бетховена. Это была соната, которая начинается почти какъ дуэтъ, точно ссо-

рятся и мирятся двое, не могущіе разстаться другъ съ другомъ. Эмми играла эту сонату такъ нѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою силою, что Эрвину никогда не случалось слыхать такой глубоко-прочувствованной игры. Легкое движеніе игры выказывало во всей прелести ея граціозную фигуру.

Наконецъ, она встала изъ-за фортепьяно.

— Извините, любезный другъ, сказала она:—но я давно не играла этой сонаты, а Артуръ вчера говорилъ о ней. Поэтому, я хотѣла прежде, чѣмъ сыграть ему, еще разъ повторить ее.

У Эмми на груди былъ опять цвѣтокъ; она сняла его, поставила въ рамку Артура на покрытый столъ. Наливъ на цвѣтокъ нѣсколько капель воды, она сказала:

— Мы съ Артуромъ главныя лица въ эти дни, поэтому слѣдуетъ придумывать особенныя украшенія.

— Артуръ явится послѣ обѣда, замѣтилъ Эрвинъ. — Ему надобно еще много убирать и писать, и онъ хочетъ поскорѣе покончить съ этимъ. Онъ пошлетъ за обѣдомъ въ ресторанъ.

Легкая тѣнь мелькнула на лицѣ Эмми, но только на одну минуту.

— Артуръ хорошо дѣлаетъ, устроивая все такъ, какъ ему удобнѣе, сказала она. — Разумѣется, мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы онъ убралъ куда-нибудь эти бумаги и успокоился бы на первыя десять лѣтъ. (Она позвонила и велѣла убрать приборъ Артура). Я не могла бы ничего съѣсть, видя передъ собою это пустое мѣсто, сказала она, взяла розу изъ стакана и снова пришпилила къ себѣ на грудь. Эрвиномъ овладѣло какое-то странное чувство, когда взяли прочь тарелку и стулъ Артура и раздвинули другіе, чтобы не оставалось пустаго мѣста. Невольно онъ принялъ это дѣйствіе за символъ. Такова жизнь. Кто нибудь не является, его приборъ снимаютъ и мѣста раздвигаютъ шире.

— А гдѣ Артуръ? спросила мистриссъ Форстеръ, и Эрвинъ повторилъ прежнюю ложь. За обѣдомъ сидѣли довольно монотонно. Мистриссъ Форстеръ говорила о различныхъ хлопотахъ, но, ради Эмми, не упоминала объ утреннемъ свиданіи съ Артуромъ.

Послѣ обѣда Эмми ушла изъ комнаты. Мистриссъ Форстеръ крѣпко заперла за нею дверь и, послушавъ нѣкоторое время, сѣла поближе къ Эрвину и тихо спросила его:

— Гдѣ Артуръ?

— Онъ чувствовалъ себя болѣе разстроеннымъ, нежели вы предполагали, сказалъ Эрвинъ.

— И больше ничего? Дѣйствительно, ничего? спросила мистриссъ Форстеръ.

— Чего вы опасаетесь? спросилъ Эрвинъ.

— Я скажу вамъ, начала мистриссъ Форстеръ: — такъ-какъ это уже случилось и я освободилась отъ тяготившаго меня бремени, то теперь мнѣ кажется, что лучше было бы отложить это объясненіе. Но, считая себя пожилою и опытною, часто позволяешь себѣ дѣйствовать опрометчиво.

Она посмотрѣла на Эрвина, какъ бы ожидая, чтобы онъ ее успокоилъ.

— Да, это было бы лучше, сказалъ Эрвинъ: — но будемъ надѣяться, что все пройдетъ хорошо.

— Что̀ это значитъ: хорошо? воскликнула мистриссъ Форстеръ, которой внутреннее волненіе стало выказываться сильнѣе. — Развѣ что нибудь нехорошо? Что̀ онъ сказалъ?

— Ничего, ничего, успокоилъ ее Эрвинъ, со страхомъ подумавъ о томъ, что ей можетъ вздуматься, вслѣдствіе излишней заботливости объ Артурѣ, лично успокоить его. Онъ всталъ.

— Сегодня вечеромъ буду у васъ вмѣстѣ съ Артуромъ, сказалъ онъ.

— Возвращайтесь поскорѣе, сказала ему мистриссъ Форстеръ, когда онъ сходилъ съ лѣстницы.

— Да, да, отвѣчалъ Эрвинъ и отправился посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ Артуръ.

Но онъ не засталъ его. «Господинъ графъ ушелъ уже давно», сказала старая кухарка, озабоченно глядя въ глаза Эрвину и ожидая что̀ онъ скажетъ. Онъ не сказалъ ничего и ушелъ. И у себя дома онъ также не нашелъ Артура; онъ и не являлся туда. Еще разъ Эрвинъ поѣхалъ въ отель, чтобы спросить, нѣтъ ли графа наверху. Нѣтъ, его нѣтъ здѣсь. Эрвинъ сказалъ, чтобы его увѣдомили, какъ только явится Артуръ; то же самое велѣлъ передать и старой кухаркѣ. Болѣе дѣлать было нечего. Вѣдь не могъ же онъ разъѣзжать по всѣмъ улицамъ города въ надеждѣ встрѣтить Артура.

XLIII.

Время быстро прошло для Эмми даже безъ Артура: она занималась послѣдними приготовленіями къ слѣдующему дню. Теперь все было готово. Она посмотрѣла на часы. Неужели такъ поздно? Артуръ давно уже долженъ былъ бы придти. Она открыла рояль и положила ноты, чтобы еще разъ проиграть со-

нату. Дверь отворилась и вошелъ Артуръ. Она бросилась ему на встрѣчу. Она подвела Артура къ свѣту.

— Что ты такой блѣдный?

— Дѣла и думы совсѣмъ разстроили меня, сказалъ онъ. Нѣсколько времени она сидѣла около него, держа его руку.

— Сыграть мнѣ тебѣ сонату? спросила она затѣмъ, такъ-какъ ей казалось, что онъ охотнѣе всего будетъ сидѣть молча и отдыхать.—Или это слишкомъ много для тебя сегодня? прибавила она.

Артуръ просилъ ее играть и она начала. Если когда-либо томленіе, счастіе и нѣжность выражались у Бетговена въ звукахъ, то это было въ этомъ произведеніи. Артуръ хорошо чувствовалъ это. Онъ вслушивался и старался свыкнуться съ мыслію, что все обстоитъ попрежнему и что завтра въ это время онъ будетъ одинъ съ Эмми и уже далеко; они, можетъ быть, будутъ мчаться среди ночи и глядѣть на искры, сверкающія въ дыму локомотива. Онъ дѣйствительно успокоился. Онъ чувствовалъ, что Эмми попрежнему близка его сердцу. Онъ всталъ, перегнулся къ ней черезъ рояль и сталъ глядѣть на нее.

— Я не могу играть, если ты будешь такъ смотрѣть на меня, сказала она, однако не останавливаясь.

— Уѣдемъ! сказалъ онъ, понизивъ голосъ, но явственно и при этомъ проницательно посмотрѣлъ на нее.

Она не поняла его, думая, что онъ говоритъ о завтрашнемъ днѣ.

— Да, да, уѣдемъ далеко отсюда, такъ далеко, какъ только ты захочешь.

— Теперь! сказалъ онъ: — я не могу ни на минуту оставаться безъ тебя.

Эмми не поняла. Что̀ онъ хочетъ сказать? спросила она сама себя. Завтра онъ долженъ разъяснить мнѣ это. Она снова начала играть. Артуръ еще разъ пристально посмотрѣлъ на нее и отошелъ къ своему мѣсту.

На маленькомъ столикѣ около него лежала книга. Это была Божественная Комедія Данте. Музыка уже не была въ состояніи унять страшное безпокойство, которое овладѣло имъ. Вслѣдствіе этого безпокойства онъ сегодня утромъ тихонько и съ испуганнымъ видомъ спустился по лѣстницѣ изъ квартиры Эрвина, для того чтобы гдѣ нибудь спрятаться. Сначала онъ шелъ быстро, точно спасаясь бѣгствомъ, потомъ повернулъ въ боковыя улицы, гдѣ было меньше народа, и почти не зная куда идетъ, очутился передъ своимъ старымъ жилищемъ и

вошелъ въ комнату, которой не видалъ съ того вечера, когда помчался въ дорогу вслѣдъ за Эмми.

Старая кухарка держала его комнату въ такой опрятности, точно каждую минуту ожидала своего господина. Письменный столъ былъ въ порядкѣ, всякая вещь на своемъ мѣстѣ, и даже стаканъ съ засохшими фіялками. Артуръ глядѣлъ на нихъ, медленно поворачивая стаканъ какъ въ то утро. «Я не знаю, давно ли я умеръ или умерла Эмми? сказалъ онъ себѣ. Но во всякомъ случаѣ который нибудь изъ насъ. Между нами лежитъ что-то непреодолимое, непроницаемое. Въ будущей жизни мы, можетъ быть, будемъ вращаться другъ вокругъ друга въ громадныхъ кругахъ, но будемъ только знать одинъ о другомъ, а болѣе ничего».

Онъ началъ читать старыя газеты, лежавшія тамъ. Потомъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть внизъ. Прошлые годы воскресли въ его памяти. Онъ начиналъ пересчитывать маленькія окошечки въ заднихъ стѣнахъ домовъ и даже черепицы, недостававшія на крышахъ, смотрѣлъ на старый шестъ, торчавшій изъ темнаго отверстія чердака, на линію кровель, прерываемую трубами. Вдали виднѣлась попрежнему колокольня, высившаяся изъ-за этой линіи, составлявшей когда-то горизонтъ Артура. Дѣвочка, которую онъ въ послѣдній разъ видѣлъ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ у окна, сидѣла на томъ же самомъ мѣстѣ и шила, но уже превратилась въ молодую дѣвушку. Зеленый горшокъ, въ который она тогда посадила отростокъ герани, былъ покрытъ огромнымъ кустомъ и стоялъ на доскѣ за окномъ. На все Артуръ смотрѣлъ точно узникъ, который долгое время долженъ оставаться тутъ взаперти.

Потомъ пришелъ Эрвинъ. Всякое слово, которое Артуръ слышалъ отъ него, рѣзало его по сердцу. Онъ старался быть спокойнымъ для того, чтобы заставить его поскорѣе уйти. Потомъ онъ заперъ за нимъ дверь. Но при наступленіи сумерокъ ему сдѣлалось страшно: ему казалось, что Эрвинъ снова ворвется къ нему, и ушелъ, ничего не отвѣтивъ кухаркѣ, спрашивавшей— что̀ ей сказать, когда придетъ господинъ докторъ. Онъ безъ цѣли ходилъ по улицамъ, и подобно тому какъ утромъ нечаянно зашелъ на свою квартиру, теперь почти безсознательно пришелъ къ Эмми; онъ тотчасъ же почувствовалъ себя безконечно спокойнымъ и счастливымъ съ нею. Долго стоялъ онъ въ коридорѣ, взявшись за ручку двери, слышалъ, какъ Эмми ходила взадъ и впередъ, и не рѣшался войти, содрогаясь при мысли, что и она начнетъ говорить о разъяснившейся тайнѣ и принудитъ его вспомнить о его забывчивости и невѣрности.

Онъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ, когда желаніе увидѣть Эмми снова потянуло его къ ней. И какъ благодаренъ былъ онъ ей за то, что она ни о чемъ не упоминала, и даже, кажется, не знала. А теперь имъ овладѣлъ страхъ при мысли о необходимости разстаться съ Эмми и снова подвергаться прежнимъ мученіямъ. Два раза онъ просилъ ее уйти съ нимъ. При этомъ у него не было ничего опредѣленнаго въ умѣ. Но зачѣмъ молчала она и не говорила ничего о томъ, что̀ должна была знать? Онъ повременамъ несмѣло взглядывалъ на нее сбоку и даже ея предположеніе играть на фортепіано вмѣсто того, чтобы разговаривать, заставляло его подозрѣвать, что она не хочетъ говорить.

Онъ открылъ книгу Данте и сталъ читать, но и чтеніе про себя не могло занять его. Онъ началъ читать громко, не обращая вниманія на Эмми, которая перестала играть и слушала, удивляясь, что Артуръ совершенно измѣнилъ свое обыкновенное обращеніе. Онъ никогда не мѣшалъ ей и не позволялъ чтобы кто-нибудь пошевельнулся когда она играла, выказывая при этомъ тиранію, которая ее конфузила и въ то же время трогала. А теперь онъ читалъ громко и точно для себя одного, такъ-какъ ни разу не поднялъ къ ней глазъ отъ книги.

Артуръ открылъ то мѣсто, гдѣ передъ Дантомъ и его проводникомъ Виргиліемъ проносится ужасный адскій ураганъ съ призраками тѣхъ, которыхъ любовь привела къ погибели, и какъ съ ними тамъ встрѣчается Франческа ди-Римини и ея возлюбленный.

— Пожалуйста, не читай дальше, сказала Эмми, подходя къ Артуру и положивъ руку на книгу.

— Это должно быть ужасно, сказалъ онъ, останавливаясь, но все смотря въ книгу:—вѣчно прижимать къ сердцу своего возлюбленнаго и вѣчно держать одну тѣнь.

— Артуръ, сказала Эмми: — ты чувствуешь себя усталымъ и утомленнымъ? Не такъ ли? Дѣла—не для тебя. Ты слишкомъ насиловалъ себя. Я вижу, что тебѣ нужно спокойствіе. Поэтому-то я просила тебя не читать дальше. И мнѣ не слѣдовало играть.

— Пойдемъ со мною, тихо проговорилъ онъ.

— Ахъ, я такъ охотно пошла бы съ тобою, сказала она, положивъ руки къ нему на плечо и глядя на него.

— Пойдемъ! воскликнулъ онъ: — прочь отсюда далеко-далеко!

— Да, далеко! повторила она.

Ея взглядъ сверкалъ; она не знала, чего она хочетъ, не зна-

ла, что̀ говоритъ сама; она отвѣчала точно соловей въ потьмахъ на голосъ, призывающій его.

— Да, пойдемъ! воскликнулъ онъ, обнялъ ее и привлекъ къ себѣ на колѣни. — Не правда ли, шепталъ онъ дальше: — ты останешься у меня? Ты не покинешь меня? Ты идешь? Чего же намъ нужно еще? Вѣдь ты принадлежишь мнѣ, ты моя?

Онъ прижалъ ее къ сердцу и поцаловалъ.

Эмми не знала, видитъ ли она это во снѣ или на яву, но ей казалось, что посторонняя воля управляетъ ею, какъ иногда бываетъ во снѣ. Ей нисколько не казалось страннымъ уйти теперь ночью, опираясь на руку Артура, не думая ни о комъ, кромѣ его.

— Знаешь ли ты, продолжалъ онъ совершенно тихо, приложивъ губы къ ея уху: — ты должна удерживать меня, должна охранять меня, ты одна можешь уничтожить мысли, которыя меня мучатъ.

— Мучатъ? спросила она.

— Да, мучатъ. Мнѣ кажется, что я мчусь съ тѣми осужденными, которыхъ описываетъ Данте. Ты точно ангелъ съ мечомъ, передъ которымъ они бѣгутъ. Ты охраняешь дверь рая!

— Я сдѣлаю все, что̀ ты хочешь, — все!

— И пойдешь теперь со мной? снова спросилъ Артуръ съ боязливымъ тономъ въ голосѣ. Ему казалось, что она можетъ спасти его и что какая-то сила хочетъ воспрепятствовать этому.—Если ты хочешь послѣдовать за мною, сказалъ онъ дальше:—то мы не пойдемъ ни къ Эрвину, ни ко мнѣ. Нѣтъ, мы возьмемъ лошадей и отправимся верхомъ. Мы отыщемъ мѣсто, гдѣ будемъ въ безопасности, гдѣ никто не будетъ ничего знать объ насъ, какъ тогда ночью, когда мы засѣли въ снѣгу. Туда хотѣлось бы мнѣ уйти съ тобою. Но только уѣдемъ сейчасъ; до завтра остается еще цѣлая вѣчность, а мы не должны разставаться до тѣхъ поръ.

Эмми до такой степени была проникнута тѣми же мыслями, какъ и онъ, что ей казалось, будто она мчится рядомъ съ нимъ въ темнотѣ. Она бы не удивилась, еслибы услыхала на дворѣ стукъ копытъ ожидавшихъ ихъ лошадей.

— Итакъ, пойдемъ, сказалъ Артуръ, вставая вмѣстѣ съ нею и прижимая ее къ сердцу.

Эмми не думала ни о чемъ, кромѣ того, что ей невозможно оставить Артура. Она была готова.

— Пойдемъ, сказала она, и такъ-какъ онъ еще не трогался съ мѣста, то она сдѣлала первый шагъ къ двери. — Ну, милый, повторила она, такъ-какъ онъ все еще не двигался.

Артуръ стоялъ, точно къ чему-то прислушиваясь. Онъ слышалъ шумъ въ сосѣдней комнатѣ. Имъ овладѣло какое-то оцѣпенѣніе.

— Ну, что̀ же? сказала Эмми, обнимая его.

— Кто тамъ? спросилъ Артуръ. — Твоя мать?

— Ахъ, оставь, отвѣчала она, улыбаясь: — пусть тамъ будетъ, кому угодно; пойдемъ и возьми меня съ собой. О, Артуръ, какія безсонныя ночи я проводила въ слезахъ о тебѣ! Какъ я была одинока! Я отдала бы свою жизнь за одну минуту свиданія съ тобою. И теперь не пойти за тобою? Покинуть тебя въ ту минуту, когда ты говоришь, чтобы я осталась съ тобою?

Она говорила такъ нѣжно и ласково, что Артуръ вполнѣ освободился отъ овладѣвшаго имъ чувства при мысли о матери Эмми.

— Да! вскричалъ онъ.—Идемъ! и пошелъ съ Эмми къ двери; но дверь отворилась и они увидѣли мистриссъ Форстеръ. Она подошла къ Артуру и протянула ему руку, которую онъ пожалъ и остановился въ смущеніи. Онъ чувствовалъ, что Эмми, стоявшая съ нимъ подъ руку, тихонько увлекала его, точно желая спросить: «почему ты не идешь?».

— Вы хотѣли уйти, не простившись со мною? ласково сказала мистриссъ Форстеръ.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Артуръ, и, точно желая собраться съ мыслями, сѣлъ на стулъ.

Всѣ трое молчали. Эмми стояла возлѣ самаго Артура, устремивъ на него глаза. Мало по малу, среди этой тишины, она поняла, что̀ значитъ уйти теперь съ Артуромъ безъ всякой опредѣленной цѣли. Самъ онъ сидѣлъ съ такимъ чувствомъ, точно его поймали въ какомъ-то дурномъ дѣлѣ. Сама мистриссъ Форстеръ чувствовала себя такъ тягостно, что не знала, что̀ сказать.

— Не лучше ли обоимъ вамъ отправиться спать? сказала она, наконецъ: — вѣдь завтра будетъ такъ много дѣла.

Артуръ почувствовалъ то же самое, что̀ чувствовалъ въ первый, проведенный имъ у Эмми, вечеръ, когда онъ услыхалъ бой часовъ.

— Да, сказалъ онъ, и всталъ съ мѣста.

Эмми молчала; она все еще ожидала, что онъ позоветъ ее съ собой; но онъ не сдѣлалъ этого. Мысли объ одиночествѣ, отъ которыхъ онъ только что освободился, снова овладѣли имъ. Онъ поцаловалъ руку мистриссъ Форстеръ и попрощался съ нею. Затѣмъ подошелъ къ Эмми. Она подала ему розу,

которая во время обѣда стояла въ его стаканѣ, а теперь была приколота у нея на груди. Артуръ, держа розу въ рукѣ, смотрѣлъ то туда, то сюда, какъ будто сравнивая ее съ Эмми. Потомъ онъ быстрымъ движеніемъ прижалъ Эмми къ сердцу и вышелъ. Эмми подошла къ окну и слышала, какъ замерли его шаги въ темнотѣ. Когда она не могла уже ничего слышать и настала глубокая тишина, то Эмми обернулась къ матери.

— Какъ же онъ говорилъ тебѣ объ этомъ? спросила мистриссъ Форстеръ.

— О чемъ, мама?

— О чемъ! О великой тайнѣ, которая, наконецъ, открылась.

— Какой тайнѣ? съ испугомъ спросила Эмми.

— Но, дитя мое! воскликнула мистриссъ Форстеръ нетерпѣливо и сконфуженно:—о томъ, что онъ знаетъ—кто онъ такой.

— Мама, вскричала Эмми, задрожавъ: — я должна идти къ нему!

— Что̀ съ тобой? что̀ такое случилось? спросила мистриссъ Форстеръ.

— Я должна сейчасъ же идти за нимъ; онъ боленъ, онъ не можетъ обойтись безъ меня; онъ сказалъ мнѣ это. Я не поняла его. Я пойду такъ, какъ есть! воскликнула она въ ужасномъ волненіи:—въ темнотѣ никто не увидитъ меня: улицы пусты. Я только наброшу платокъ на голову.

И соединяя слово съ дѣломъ, она накинула на голову шелковый платокъ, и прежде, чѣмъ ея мать могла уяснить себѣ, въ чемъ дѣло, Эмми сбѣжала съ лѣстницы и вышла изъ наружной двери, которую только что хотѣли запирать. Швейцаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но она уже исчезла въ темнотѣ.

Точно спасаясь бѣгствомъ, она скользила возлѣ домовъ; она не думала о страхѣ, да никто и не трогалъ ее. Подобно тому, какъ вѣтеръ мчится вдоль стѣнъ, она мчалась впередъ и, едва переводя духъ, остановилась у двери Эрвина, гдѣ ей скоро отперли. Прислуга очень удивилась ея появленію.

XLIV.

Еслибы Эмми не мчалась такъ быстро, то замѣтила бы, что она почти задѣла Артура, который посторонился, не подозрѣвая, какая тѣнь проскользнула мимо его. Онъ замѣтилъ,

СТРАН.

податной реформой и крестьянской: разрѣшеніе важнаго вопроса о землевладѣльческомъ благодушіи и великодушіи.—Слѣды крѣпостничества, замѣчаемые въ нашихъ новыхъ учрежденіяхъ. . . 332

XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. „Архивъ судебной медицины и общественной гигіены". — Наши и иностранные законы о психически больныхъ по отношенію къ вмѣненію.—Несостоятельность теоріи вмѣненія вообще.—Теорія опасности и дѣйствія ея въ настоящее время подъ фирмою теоріи вмѣненія. — Судебные процессы противъ редактора-издателя „Искры" и издателя книги Лекки.—Необходимость изъятія изъ вѣденія духовной цензуры научныхъ изслѣдованій, соприкасающихся съ областію вѣры.—Литературное кумовство. – Одинъ изъ литературныхъ Макаровъ, преслѣдуемый въ Павловскѣ. 353

Объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1872 г.
Объявленія: Отъ музыкальныхъ магазиновъ М. Бернарда и А. Битнера. — Отъ книжныхъ магазиновъ С. В. Звонарева и Е. Мелье.

ОЕК 263712/66-1213

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ будутъ выходить въ 1872 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р., *съ доставкою* 15 р. 50 к. сер.

съ пересылкою: 16 руб. 50 к. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

въ ОТДѢЛЕНІИ КОНТОРЫ:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ бульварѣ въ домѣ Алексѣева при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

Вышла и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА.

М. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА).

Цѣна 1 р. 50 к.

Поступила въ продажу новая четвертая часть стихотвореній Н. Некрасова:

САТИРЫ И ПѢСНИ.

(1864 — 1868).

250 стр., въ 8-ю д. л., на веленевой бумагѣ. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Эта четвертая часть отпечатана на такой же бумагѣ и въ томъ же форматѣ, какъ два послѣднія изданія первыхъ трехъ частей. Цѣна за первыя три части, содержащія въ себѣ 40 печатныхъ листовъ, 3 р. съ пересылкою. За всѣ 4 части 5 р. Подписчикамъ «Отечественныхъ Записокъ» дѣлается уступка 20%, если они пришлютъ свои требованія на *всѣ четыре* части стихотвореній въ главную контору «Отеч. Зап.» (Литейная, д. № 38) или въ книжный магазинъ С. В. Звонарева (Невскій пр., д. № 64), при которомъ находится отдѣленіе конторы «Отеч. Зап.». Эти 4 р. могутъ быть высылаемы въ главную контору въ одномъ пакетѣ съ подписною суммою на журналъ.

А. Краевскій.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963360